

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена
Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

На правах рукописи

Мицюк Наталья Александровна

**МАТЕРИНСТВО У ДВОРЯНОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
Пушкарёва Н.Л.,
доктор исторических наук,
профессор

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Методологические основы изучения истории материнства в современных научных исследованиях	75
1.1. Институционализация материнской темы в зарубежной историографии	75
1.1.1. Основные тенденции в изучении материнской заботы за рубежом.....	76
1.1.2. Англоязычная «русистика» у истоков исследования истории и антропологии материнства в России.....	96
1.2. Исследования материнства в российском научном дискурсе	122
ГЛАВА II. Социальное конструирование «идеальной матери»: общественные дискурсы и смена концептов во второй половине XIX – начале XX в.	149
2.1. Актуальные концепции материнства в общественно-политическом, медицинском и публицистическом дискурсах России во второй половине XIX – начале XX в.	152
2.1.1. Влияние научно-просветительского и публицистического дискурсов второй половины XIX в. на формирование концепции «сознательного материнства».....	153
2.1.2. Превращение материнства в контролируемый социальный институт: от материнского просвещения к идеологии «профессиональной матери» начала XX в....	165
2.1.3. Концепции «свободного» и «интенсивного» материнства как новые стратегии женской самоидентификации.....	180
2.1.4. Концепты «социально-интегрированного» и «расширенного» материнства.....	192
2.1.5. Зарождение социалистической концепции материнства.....	202
2.2. Культурантропология девичества: сексуальное воспитание дворянок и процесс материнской социализации во второй половине XIX – начале XX в.	210
2.2.1. Сложности подросткового возраста, пубертатный кризис, сексуальная инфантильность девочек второй половины XIX в.....	213
2.2.2. Практики «обожания» девочек-подростков.....	236
2.2.3. Девичьи представления о супружестве, семейной жизни и материнстве ...	252
2.2.4. «Революция» в женском сексуальном просвещении и поведении в начале XX в.....	272
ГЛАВА III. Антропология беременности дворянок во второй половине XIX – начале XX в.	282
3.1. Рационализация репродуктивного поведения дворянок	286
3.1.1. Возраст первой беременности.....	286
3.1.2. Количество беременностей и родов в жизни дворянок.....	294
3.1.3. Репродуктивная свобода и средства контрацепции в повседневной жизни дворянок.....	300
3.2. Особенности нарратива чувственно-эмоциональных переживаний вынашивания детей	329
3.2.1. Повседневная жизнь беременных: диагностика беременности, одежда, гигиена, забота о сохранении красоты тела, подготовка к родам.....	329
3.2.2. Врачебный патронаж беременных.....	350
3.2.3. Анализ эмоциональных переживаний беременных дворянок.....	357

3.2.4. Беременность вне брака, бездетность, абортивные практики в дворянской среде.....	375
---	-----

ГЛАВА IV. Родины в дворянской культуре второй половины XIX – начала XX в.: на пересечении традиции и новации.....393

4.1. Родильные практики и процесс медикализации деторождения в дворянских семьях.....399

4.1.1. Организация домашних родов.....	399
4.1.2. Традиционные техники родов и новые акушерские практики врачей, акушеров/акушеров, «бабок»/повитух.....	404
4.1.3. Роды в условиях родильных стационаров.....	419
4.1.4. Послеродовой период в жизни матери.....	426

4.2. Гендерные различия в восприятии и эмоциональном переживании родов...434

4.2.1. Легитимация родового акта в женских нарративах.....	434
4.2.2. Мужское восприятие родов, зарождение «сознательного отцовства».....	444

ГЛАВА V. Изменения в материнской повседневности в дворянских семьях второй половины XIX – начала XX в.: антропология взаимоотношений *мать-дитя*.....456

5.1. Типы материнского поведения дворянок во второй половине XIX – начале XX в.....461

5.1.1. «Новые женщины» эпохи (феминистки и нигилистки) в пользу отсроченного материнства или его отрицания.....	464
5.1.2. Идеал «сознательной матери» дворянок-домохозяек.....	480
5.1.3. Концепт «универсальная мать» (попытки совместить материнство и профессиональную карьеру).....	494
5.1.4. «Безразличные матери»: дамы света и другие социальные типажи.....	503

5.2. Мать-дворянка между личными устремлениями и общественными предписаниями.....521

5.2.1. Сложность и противоречивость эмоциональных переживаний «новых матерей».....	521
5.2.2. «Родительский дневник» как средство профессионализации матерей и репрезентации их повседневности.....	536

5.2.3. Трудности внедрения практики самостоятельного грудного вскармливания у дворянок.....546

5.2.4. Мать и кормилица: проблемы взаимодействия и статусно-ролевые паттерны.....569

5.3. Модернизация материнской заботы и предметного мира ребенка.....590

5.3.1. Зарождение педиатрического патронажа: тандем «сознательной матери» и врача.....	593
5.3.2. Предметный мир грудного ребенка: одежда, игрушки, мебель.....	605
5.3.3. Искусственное вскармливание как альтернатива «кормиличному промыслу».....	623
5.3.4. Повседневные заботы матери по сохранению жизни и здоровья ребенка...631	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....651

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....664-768

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Материнство – важнейший социокультурный феномен как в историческом прошлом и настоящем человечества, так и в жизни отдельно взятой женщины, независимо от ее национальной, религиозной принадлежности, материального и социального статусов, нравственных и интеллектуальных качеств. Вопреки трансформации социально-экономических, политических отношений, оно остается наиболее стабильным из социальных институтов, представляющим незримую (и не всегда оцененную) основу для жизни и развития самого общества. Мать оказывает определяющее влияние на конкретного человека и на социум в целом, хотя за ширмой великих исторических перемен ее миссия часто оказывается невидимой и второстепенной. Материнские практики, относящиеся к области частной жизни, отражают состояние и эволюцию общества (М. Мид, А. Рич, Е. Бадинтер, Н. Чодороу, Ш. Китзингер, И. Кон), так как затрагивают все без исключения сферы человеческого бытия. Отечественный культуролог В.А. Рамих рассматривала материнство в качестве центра, формирующего культуру. Она видела в нем важнейший механизм трансляции культурных ценностей¹. Изучение материнства в прошлом и настоящем позволяет анализировать меняющиеся запросы общества и трансформацию социальной и духовной сфер в различные исторические периоды.

Несмотря на значимость материнства в истории человечества отношение к нему как в различных культурах, так и дискурсах было противоречивым. В философском дискурсе, как концентрированном выражении человеческой мысли, на протяжении длительного периода присутствовали негативные характеристики женщины в связи с ее способностью к деторождению. Со времен Платона материнская любовь связывалась с биологическими (инстинктивными) проявлениями². Классик немецкой философии Г. Гегель полагал, что рождение детей приводит к смерти родителей³. А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, О. Вейнингер

¹ Рамих В.А. Материнство как социокультурный феномен. Дисс... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону., 1997. С. 230, 232.

² Шестаков В.П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство. М.: Прогресс, 1999.

³ Гегель Г.В. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1994.

отмечали ограниченность жизни женщины исключительно детородной функцией⁴. Представитель «философии жизни» Г. Зиммель высказал идею, что вся наша «объективная культура» – «только мужская». Политика, законы, наука, религия, идеи патриотизма, доблести, долга – мужские творения⁵. Двойственное отношение к материнским чувствам представлено в русской религиозной философии. Вл. Соловьев полагал, что материнская любовь по своему характеру – биологически предопределенная (в то время как отцовская любовь, по мнению философа, имеет глубокий культурный и социальный подтекст), так как ее основу составляет инстинкт. Н.Г. Чернышевский был убежден, что чувства матери мало чем отличаются от «чувств» млекопитающей самки⁶. В фундаментальном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, изданном на рубеже XIX–XX веков, термин «материнство» вовсе отсутствовал.

Философия психоанализа в лице З. Фрейда замкнула женское существо в оковы собственной анатомии. Его продолжатель К. Юнг видел в материнстве потерю женской самоидентичности⁷. Классик структурализма, психоаналитик Ж. Лакан скептически высказывался о возможности исторического описания материнства. Он полагал, что отношения матери и ребенка являются нерепрезентативными в культуре, вследствие чего неэффективными для любых типов анализа⁸. М. Фуко называл связанные с материнством практики, а это и половое созревание, психосексуальное развитие, женская фертильность, средства, ограничивающие деторождение, менструация, беременность, роды, грудное вскармливание, репрессированными и маргинальными. В материнском существовании он видел крайнюю степень «истеризации» женщины⁹.

Впервые к описанию «материнских сюжетов» в рамках изучения семейных обрядов и ритуалов у различных племен и народов обратились этнографы и

⁴ Брандт Г. Природа женщины. Praha: Research Support Scheme. 2000. С. 8-25.

⁵ Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 235-236.

⁶ Чернышевский Н.Г. Из «Очерка научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории» // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / Сост. Р.Г. Подольный. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 255-257.

⁷ Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

⁸ Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Семинар. Книга XVII (1969–1970). М.: Гнозис, 2008.

⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

антропологи¹⁰. Классик культурной антропологии М. Мид полагала, что материнство – институт, скрепляющий все разрозненные сферы человеческого бытия¹¹. Зарубежными культурными и социальными антропологами (М. Мид, Ш. Китзингер, Е. Левин, Г. Мур, Р. Рапп и др.) было доказано, что материнские практики отличаются не только у разных народов и в контексте различных культур, но и претерпевают существенные изменения в ходе исторического развития, тем самым антропологи актуализировали необходимость изучения трансформации материнства в историческом прошлом человечества.

Важность репрезентации материнства в научном дискурсе отмечали также представительницы психоаналитического сообщества, а позже сторонницы научного феминизма. Знаток женской психологии К. Хорни относила материнство к области семиотической (в отличие от лакановской трактовки)¹², в связи с этим впервые указала на возможность изучения материнских чувств посредством анализа женских «текстов». Данная идея была обоснована в трудах теоретиков феминизма (Э. Сиксу, Э. Шоултер, С. Гилберт, С. Губар, Л. Иригарэ и др.), которые предлагали особую методику изучения и интерпретации женского письма. Люси Иригарэ отмечала репрессированность материнских практик в фалоцентристском порядке культуры¹³. Современный психоаналитик, философ с мировым именем Юлия Кристева увидела в материнстве «ключ к свободе» женщины, а следовательно, важность изучения материнства для понимания места и роли женщины в обществе¹⁴. О существовании особой истории материнства писала социолог Андриенна Рич – одна из основательниц *motherhood studies* в современной западной науке: *Материнство, не упоминаемое в историях завоеваний и войн, имеет свою историю, свою идеологию*¹⁵.

¹⁰ Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91-101; Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59.

¹¹ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука. 1988.

¹² Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 82.

¹³ Irigaray L. *This Sex, which is Not One*. Ithaca: Cornell University Press, 1985.

¹⁴ Кристева Ю. «Матери владеют ключом свободы» (Интервью) / http://www.psychologies.ru/people/razgovor-s-ekspertom/_article/julia-kristeva-materi-vladeyut-klu4em-ksvobode/3/ (дата обращения: 13.05.2013).

¹⁵ Rich A. *Of Woman Born*. London: Virago Press. 1977. P. 21.

Вот уже более полувека на Западе представителями различных научных дисциплин инициируются исследования феномена материнства, что привело к появлению в 1970-е годы отдельного направления – motherhood studies, объединившего историков, антропологов, философов, культурологов, социологов, психологов, психиатров, филологов, представителей медицинского сообщества. Существенную роль в актуализации материнских практик сыграли теоретики гендерной, социальной истории, этнологии, социальной и культурной антропологии. Исследования материнства превратились в междисциплинарное научное направление, оперирующее современными научными методиками и подходами, актуализирующее новые источники информации. Антропология и история материнства на Западе представлены разнообразием тем научного поиска: история материнства в разные эпохи, эмоциональные переживания матери, «плохие» и «хорошие» матери, одинокие и многодетные матери, «интенсивное материнство», мать и война, материнская сексуальность, материнское тело, матери-лесбиянки, беременность и роды в жизни женщины, история грудного вскармливания, взаимоотношение матерей с дочерьми, сыновьями, отказ от материнства, материнские тексты и многое другое. В Канаде несколько лет успешно существует издательство (Demeter Press), специализирующееся на публикации научных работ по материнству. В странах Западной Европы, США, Канаде, Австралии ежегодно проводятся междисциплинарные конференции по проблемам материнства.

На фоне значительных достижений в изучении материнства за рубежом, институционализации материнских исследований (motherhood studies) в качестве самостоятельного междисциплинарного направления, история и антропология материнства слабо представлена в российских гуманитарных и социальных науках. Материнство изучается преимущественно с позиции современности в рамках социологических, психологических и биомедицинских подходов. Представителей исторической этнографии материнские практики интересуют исключительно в контексте родительства, семейных обрядов в рамках традиционной культуры, носителями которой являются по большей части сельские жители¹⁶. В то же время

¹⁶ Белоусова Е.А. Предисловие // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 5.

известный отечественный антрополог Т.Б. Щепанская отмечала, что культура материнства требует особого изучения¹⁷. Уязвимость отечественных этнографических исследований, по мнению Н.Л. Пушкарёвой, и в том, что: «... этнографы, изучавшие быт и историю брака, положение женщин как жён и матерей, сделавшие видимыми женщин в составе семейных союзов (невестки, жёны, матери, бабушки, вдовы), но не проблематизировавшие женский опыт с его особенностями»¹⁸.

Отечественные историки, обращаясь к материнской теме, затрагивают исключительно область социальной политики, изучая историю охраны материнства и детства¹⁹. В научных изысканиях гендерологов и исследователей женской повседневности материнская тема зачастую выступает скромным дополнением к характеристике тех или иных процессов (трансформации социального статуса женщины, мира ее повседневности, сексуальности, семейных ценностей, частной жизни) в жизни женщины²⁰. В отечественных исторических работах субъективный мир матери, материнская любовь, материнские переживания, типы материнского поведения, социальное конструирование материнства в разные исторические режимы до сих пор не стали предметом отдельного изучения. Нэнси Чодороу, известная американская исследовательница, еще в 1978 году в книге «Воспроизводство материнства...» подчеркивала, что игнорирование данной сферы ведет к игнорированию женщины как субъекта исторического²¹.

¹⁷ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15-27.

¹⁸ Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. С. 59.

¹⁹ Белоножко Е.П. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX – нач. XX вв. Дис... док. ист. наук. М., 2001; Яковенко Т.Г. Охрана материнства и младенчества во второй половине XVIII – нач. XX в.: на материалах Санкт-Петербурга. Дис... канд. ист. наук. СПб., 2008; Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – нач. XX вв. Дис... канд. ист. наук. М., 2012; Кучеренко А.В. Государственная социальная политика в области защиты материнства и детства: 1990-е годы. Дис... канд. ист. наук. М., 2004; Скрыбина Е.О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.): историко-медицинский аспект. Дис... канд. ист. наук. М., 2008 и др.

²⁰ Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 311-347; Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91-101; Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010.

²¹ Chodorow N. Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978. P. 14.

Учитывая междисциплинарность материнской темы, невозможно в полной мере изучить феномен материнства в рамках социологических, психологических, антропологических работ без соответствующего исторического углубления. Нерепрезентированность исторических, кросскультурных, социальных особенностей материнской заботы, недооцененность материнских чувств и практик в российском научном дискурсе, а также противоречивое восприятие женщины-матери на протяжении веков, необходимость смещения акцента с изучения государственной политики в области охраны материнства и детства в сферу анализа субъективного опыта материнства, вовлечение в исследовательское поле различных социальных групп, целесообразность расширения предметной области гендерной истории, важность включения российского опыта развития материнства в общеевропейскую историю материнства, активного внедрения новых исторических источников (женских эгодокументов, хранящихся в архивных фондах, историй болезней, предметов материальной культуры, окружавших мать и дитя) актуализируют настоящее исследование, которое призвано внести важный вклад в институционализацию историко-антропологического изучения материнства и в выявление уникальных черт развития материнской заботы в историческом прошлом России.

У современных историков, представителей исторической этнографии, культурной, социальной и феминистской антропологии, оперирующих актуальными подходами и методами исследований, есть уникальная возможность с позиции настоящего, в условиях существенных социальных перемен сравнить, сопоставить, проанализировать эволюцию института материнства, материнских практик и переживаний в различные эпохи у разных народов. Изучение материнства в качестве сложного социального института имеет особую актуальность для нынешнего российского общества в период трансформации семейных ценностей, гендерных ролей и статусов, противоречивости демографических процессов, интенсивного развития новых медицинских технологий, оказывающих существенное влияние на культуру деторождения. В контексте современного комплекса правительственных мер по повышению рождаемости, культивирования в общественном сознании высокого статуса женщины-матери и важности распространения «нового отцовства» (федеральные

программы по поддержке многодетности 2008–2015 гг., Всероссийские программы по поддержке материнства, детства и семьи 2006–по н.в., в том числе известные программы «Святость материнства», «Ты не одна!», «Отцы России», 2014–2016 гг., а также Всероссийский конкурс «Семья и будущее России»–2015, региональные программы и конкурсы), с развитием новых репродуктивных технологий (суррогатное материнство, ЭКО, донорство яйцеклеток), трансформаций нуклеарной семьи (признания в ряде стран однополых браков, в том числе права на усыновление, распространение идеологии child-free), общественных и научных дискуссий о правовом статусе абортос весьма актуальным является изучение истории семьи и материнства в России в условиях значительных социально-экономических и политических изменений в обществе.

Представленная работа – попытка рассмотреть историю материнства России в качестве сложного социального, культурного, медико-социального, психического феномена на материале отдельной социальной группы в эпоху значительных социальных перемен, связанных с либерализацией, вестернизацией, медикализацией, урбанизацией жизни общества. Анализ материнских практик в среде дворянского сословия во второй половине XIX – начале XX века обладает особой актуальностью. Эта сфера жизни дворянок выпала из поля исследовательского интереса. Этнографы, изучая родительство, обращают внимание исключительно на слои, маркируемые народной культурой. Историки дворянства концентрируют внимание преимущественно на мужской части населения, полагая, что те же самые процессы были характерны для дворянок. Представители гендерной и женской истории, рассматривая женщин пореформенной России, в большей степени обращают внимание на трансформацию их деятельности в публичной сфере, на изменения социальных статусов и ролей, а не на область частной жизни. Меняющиеся условия жизни, выразившиеся в разложении патриархальной семьи, разорении помещичьего дворянства, активизации процесса урбанизации, увеличении количества разводов, феминизации и эмансипации общества, медикализации частной жизни, разрушали традиционный мир дворянской женщины. Все это накладывало существенный отпечаток на материнские роли, прокреативное и сексуальное поведение женщин, на гендерный порядок (Р. Коннел) и гендерную систему (Г. Рубин) общества.

В условиях тяжелейших потрясений, когда исчезал традиционный мир дворянской культуры, острее всего ломку социальных, духовных процессов на себе ощущали именно матери, ответственные за жизнь своих детей, озабоченные их дальнейшей судьбой. За ширмой войн, революций, процесса оскудения российского дворянства оказывались рядовые дворянки, которые находились у колыбели, воспитывали детей, осваивали новые сферы человеческой деятельности. Данная работа внесет свой вклад в изучение эволюции духовного мира, социального положения, эмоциональных переживаний, сексуальной культуры дворянок в условиях формирования новой гендерной системы. Это время уникально и интересно для настоящего тем, что оно дает нам возможность увидеть разные типы матерей от полнейшего погружения в свои обязанности, до их отрицания.

Объектом исследования в диссертации является повседневная жизнь представительниц привилегированного сословия православной части населения Центральной России во второй половине XIX – начале XX века.

Предмет исследования – эволюция материнских практик дворянок России во второй половине XIX – начале XX века, вызванная социально-экономическими и политическими процессами в обществе, социальным конструированием «идеального материнства», медикализацией и коммерциализацией частной жизни.

Основанием для выделения предмета исследования стали выводы современных антропологов, изучающих феномен материнской заботы. Представители зарубежной антропологии материнства обосновали факт зависимости материнских практик, чувств и переживаний от исторических, географических условий, от принадлежности индивидов к тем или иным социальным группам, их экономического положения, культурного уровня развития²². Анализ материнства осуществлялся в трех основных категориях: медицинско-антропологической (в данном контексте анализировались проблемы полового созревания в период пубертата, женская фертильность, трансформация репродуктивного поведения, протекание беременности и родов, грудное вскармливание), социальной (материнская социализация и сексуальное

²² Walks M. Anthropology of mothering // Encyclopedia of motherhood / Ed. by A. O'Reilly. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc, 2010. P. 64-68.

просвещение в период девичества, социальное конструирование материнских ролей, материнские типы, процесс воспитания ребенка, меры по охране материнства) и психической (эмоциональные переживания дворянок, связанные с состоянием беременности, родовыми процессами, кормлением ребенка). Исследование направлено: 1) на анализ особенностей трансформации материнских практик, как части этнокультурного конструирования гендера и нового гендерного порядка, 2) на выявление различных материнских типов, сформированных вследствие противоречивости социальных условий и исторических явлений, 3) на репрезентацию культурантропологии девичества и разработку антропологических аспектов, связанных с женской телесностью и материнской сексуальностью, 4) на этногендерный анализ культуры рождения в дворянском сословии, не маркируемой народной культурой, 5) на исследование этнокультуры эмоций, связанной с переживанием материнства.

Важно подчеркнуть, что в представленном исследовании дворянство рассматривалось в качестве сложного социального образования, лишенного гомогенности. В этой связи обращено внимание на специфику материнских практик в различных социальных прослойках дворянства – помещного дворянства, дворян, постоянно проживавших в городе, провинциального и столичного дворянства, дворянской аристократии, дворянок, порвавших с собственной семьей, увлеченных общественно-политическим движением. Основное внимание было уделено анализу концепта и практик, связанных с «сознательным материнством», которые реализовывались в социальной прослойке среднего дворянства. В то же время для описания трансформаций материнских практик, выделения типов материнства в диссертации используются источники, принадлежавшие как аристократической прослойке дворянства, так и маргинальным слоям дворянского сообщества.

Материнское поведение, а также мировоззренческие установки матерей-дворянок, сферу их эмоциональных переживаний, экспертный дискурс, отражающие как «модели поведения», так и «модели для поведения» (К. Гирц)²³, я отношу к отдельной материнской культуре, сформированной в дворянской среде

²³ Гирц К. В поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб: Университетская книга, 1997. С. 315-338.

под влиянием ряда факторов. Основанием для ее выделения явились явился образ жизни русских дворянок и отличительная от других социальных групп окружавшая их социокультурная среда. Для представительниц привилегированного сословия была характерна особая система воспитания и образования. Рецепцию новых запросов в отношении материнского поведения могли произвести исключительно представительницы привилегированного сословия, располагавшие временными и интеллектуальными ресурсами. Вследствие этого модернизация материнства реализовывалась в данной социальной группе. Женщины из низших сословных групп, безграмотные в большинстве своем, занятые в ежедневной трудовой деятельности, не могли стать адептами «нового материнства», в их среде сохранялись традиционные практики деторождения, ухода за детьми и их воспитания. Формирование новой культуры материнства у дворянок происходило на всем протяжении второй половины XIX века. Если для первой половины XIX века было характерно сдержанное отношение дворянок к материнским обязанностям, которые зачастую ограничивались деторождением, то вследствие экспертного дискурса второй половины XIX века, политики «детоцентризма» происходила легитимация представлений о хорошей («сознательной») и «плохой» матери, оказавших значительное влияние на материнскую повседневность. Материнские обязанности превратились в важнейшую область гендерной идентичности женщин.

Хронологические рамки исследования – вторая половина XIX – начало XX века. Интерес к данному историческому отрезку был обусловлен стремлением проанализировать трансформацию феномена материнства в дворянском сословии, вызванную значительными переменами в социально-экономической, культурной и повседневной жизни общества. По мнению зарубежных авторов известного пятитомного труда «История женщин...», изучение тех или иных социальных феноменов в период сложных трансформаций общества особенно ценно, так как старое и новое тесно переплетаются друг с другом, в результате чего можно *«получить более ясное представление о том, как отношения между полами эволюционировали или развивались в новых направлениях»*²⁴. Кроме этого в

²⁴ История женщин. Возникновение феминизма: от Великой Французской революции до Мировой войны. Т. IV / М. Перро, Ж. Фрассе. СПб.: Алетейя, 2015. С. 12.

западной историографии социальной, гендерной и повседневной истории XIX век прочно утвердился в качестве «века матери», когда все связанное с материнством приобрело небывалое развитие и по отношению к нему наблюдалось повышенное внимание со стороны государства, общества и отдельно взятых женщин²⁵. В этой связи было важным оценить, насколько данные процессы были характерны для российского общества, в чём они совпадали с общеевропейскими тенденциями, а в чём существенно отличались.

Нижняя граница рассматриваемого периода связана с началом активной либерализации России, проведением курса реформ, существенно изменившего повседневную жизнь представительниц высшего сословия. В указанный период отношение общества к материнству было неоднозначным и противоречивым. Вследствие перемен в социальном статусе женщин, открывшихся возможностях реализовываться и приобретать собственную гендерную идентичность вне домашнего пространства и семейной жизни, возникали различные концепции и типы материнского поведения. Анализ социального конструирования материнства на данном историческом отрезке позволяет увидеть истоки «сознательного», «расширенного», «интенсивного», «свободного» материнства. Этот период отличает всплеск развития медицинских знаний в области репродуктивного здоровья и педиатрии. Изучение процесса медиализации жизни матери дает возможность проследить истоки технократической модели родов, а также трансформацию домашних родов в России. Стремительная коммерциализация материнства и детства, характерная для периода индустриального развития, позволяет рассмотреть, как менялся уход за детьми. Исследование эволюции женских переживаний, связанных с деторождением, дает возможность выявить гендерный характер эмоционального режима эпохи. Анализ существенных изменений в культурантропологии девичества, материнской социализации девочек и характере их сексуального просвещения демонстрирует особенности социального конструирования идеалов женственности и материнского поведения. В совокупности эти данные дают возможность вести речь о трансформации материнских практик во второй половине XIX века и формировании материнства в качестве особого социального, культурного, социомедицинского и психического

²⁵ Там же. С. 199.

феномена. Верхней границей исследования явилось начало XX века, а именно 1917 год, ознаменовавший наступление новой страницы в российской истории, в которой исследуемый социальный слой с его повседневными практиками и культурой оказался депривированным.

Территориальные рамки исследования обусловлены географией привлеченных женских автобиографических текстов. Большинство использованных архивных и опубликованных женских эгодокументов принадлежало православным представительницам русской части населения дворянства из Центральной и отчасти Северо-Западной России (Московской, Санкт-Петербургской, Смоленской, Тверской, Псковской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Ивановской, Тульской, Ярославской губерний). Учитывая территориальную мобильность дворянства (наличие имений в различных губерниях), территориальный фактор не играл столь значительную роль для проводимого исследования, в отличие, например, от социального, этнического и конфессионального факторов.

Цель диссертации состояла в комплексном изучении материнских практик дворянства второй половины XIX – начала XX века в качестве важнейшей составляющей структур повседневности этого социального слоя, имеющей собственные социальные, культурные, поколенческие паттерны, в выявлении особенностей текстуальной репрезентации этого сложного эмоционального феномена для лучшего понимания строя мышления общества того времени и его гендерного режима. Основываясь на широком корпусе женских нарративов, «материнских текстов», параллельно анализируя экспертный дискурс в меняющемся контексте эпохи с применением социально-конструктивистского подхода, методов феминистской антропологии и гендерного анализа, я преследовала цель обосновать появление материнства в рассматриваемый период в качестве сложного социального (формирование культа материнства и многочисленных запросов в адрес материнского поведения «извне»), биологического (как важной части проявления женской идентичности), медико-социального (области врачебного контроля), психического феномена (связано с комплексом материнских переживаний вследствие недостижимости идеалов материнства). Было важно «вписать» субъективный опыт матери, процесс

трансформации материнского поведения, вследствие модернизации российского общества, разрушения патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, формирования нового конструкта «идеального материнства» и медиализации частной жизни, в современные гендерные исследования, социальную, повседневную историю России, историческую, феминистскую антропологию и историческую этнологию, а также изучить и выявить уникальные черты в развитии института материнства в российском обществе на примере дворянского сословия. Важнейшая цель исследования состояла в актуализации историко-антропологического изучения материнской заботы в России в качестве особого междисциплинарного научного направления.

Для достижения заявленной цели были обозначены следующие конкретные **задачи**:

1) Проанализировать, каким образом создавались представления о новых материнских ролях, как реализовывалось социальное конструирование «идеального материнства» в экспертном дискурсе 1860–1917 годов; определить истоки, причины распространения концепции «сознательного материнства» и ее влияние на гендерную идентичность дворянок; изучить особенности формирования идеологии «профессионального», «экспертного» материнства; выявить значение представлений о «свободном материнстве» для трансформации гендерной системы российского общества; определить, какое влияние возникавшие концепты материнства оказывали на материнское поведение дворянок.

2) Выявить материнские типы, сформировавшиеся в России к началу XX века; определить внутренние и внешние мотивы «одомашнивания дворянок», в результате которого они погружались в материнские заботы, попадая в «семейную ловушку» в ущерб возможности реализовываться в публичной сфере; найти объяснение тому факту, что в условиях либерализации, женской эмансипации, расширения сфер для проявления гендерной идентичности, рядовые дворянки ограничивали свою жизнь материнством; выявить причины появления инвариаций в сконструированном женском поведении, выражавшихся в отказе от материнства.

3) Изучить культурантропологию российского девичества второй половины XIX – начала XX века, в особенности части, касавшейся проблем материнской социализации, сексуального просвещения; определить характер

трансформации представлений дворянок об интимной и семейной жизни, материнстве, в связи с буржуазной модернизацией российского общества, с процессами женской эмансипацией, с либерализацией половой морали; выявить истоки инвертированности материнского поведения, искажений в традиционном сексуальном поведении дворянок; изучить феномен репрессированной женской сексуальности и его влияние на материнское поведение дворянок и их эмоциональные переживания, связанные с деторождением.

4) Исследовать процесс рационализации женского репродуктивного поведения; определить основные причины появления и особенности проявления нового брачного поведения дворянства во второй половине XIX – начале XX века; установить, какие события оказали наиболее существенное влияние на сокращение средних показателей рождаемости; рассмотреть супружескую контрацепцию в качестве важнейшего средства в распространении репродуктивной свободы дворянок; сравнить тенденции в трансформации репродуктивного поведения в России и на Западе; исследовать, каким образом в дворянской среде реализовывался контроль над рождаемостью; каким образом в сексуальную жизнь представительниц высшего сословия входили практики ограничения рождаемости; установить степень распространения «плодоизгнаний» у дворянок.

5) Основываясь на широком круге «материнских текстов», «текстов рожениц», принадлежавших дворянкам, установить, происходила ли легитимация родового акта на уровне женского письма и самосознания по сравнению с предшествующим историческим периодом; изучить специфику эмоциональных переживаний дворянок собственной беременности, родов и послеродового состояния; выявить, каким образом политика культивирования «сознательного материнства» изменяла материнскую повседневность; проанализировать, каким образом гендерный режим эпохи, особая система воспитания дворянок отражались на их субъективно переживаемом опыте деторождения; насколько данная сфера жизни дворянской женщины была эмоционально насыщенной.

6) Выявить, каким образом процесс медикализации, коммерциализации частной жизни оказывал влияние на проведение беременности, организацию родов, послеродовое восстановление дворянок, а также на практики, связанные с кормлением ребенка, питанием беременной и родильницы, употреблением средств

гигиены, отражался на характере одежды беременной и новорожденного в дворянских семьях, в зависимости от их социального, имущественного положения, территориального проживания.

7) Основываясь на социально-конструктивистском подходе, привлекая автобиографические источники, истории болезней и научные работы по акушерству, представить, как менялось отношение матерей-дворянок к своему телу, в том числе к его гигиене, к самостоятельному грудному вскармливанию; каким образом в российском обществе трансформировалось отношение к беременным женщинам, к «перворожавшим» и «многоорожавшим», бездетным, беременным вне замужества, многодетным и малодетным.

8) Определить специфику домашних родов во второй половине XIX – начале XX века; установить, почему, несмотря на развитие стационарного акушерства, домашние роды устойчиво сохранялись вплоть до 1917 года; выявить характер трансформации поведения роженицы, родильницы, повитухи, акушерки, врачей во время родов, учитывая при этом финансовое положение семьи, территориальный фактор проживания (столица/провинциальный город/усадьба); изучить феномен активного соучастия мужей во время родового процесса; оценить характер анальгизации родов; установить, как анестезия повлияла на акушерские процедуры и самоощущения рожениц; понять, как менялись переживания женщин и мужчин, связанные с воспроизводством, с изменением гендерной системы общества.

9) Проанализировать, опираясь на категории «медикализации», «политики тела» и «биовласти», насколько в России, по сравнению с США и странами Западной Европы, отличался переход от традиционной модели родов к биомедицинской, каким образом утверждалась новая технократическая модель родов и как наметившийся переход отразился на эмоциональных переживаниях роженицы/родильницы и членов семьи.

10) Изучить формирующуюся культуру «нового родительства», основанную на активном вовлечении женщин высшего сословия в процесс ухода и воспитания детей; определить причину «истеризации» материнского поведения, фрустрации матерей-дворянок и их неудовлетворенности всепоглощающим материнством; проследить трансформацию практик грудного вскармливания в

дворянской среде; изучить феномен «родительских дневников» и их роль в изменении материнской повседневности.

11) Исследовать, каким образом осуществлялся переход от «безразличного», отстраненного материнства к «сознательному»; определить характер женских переживаний, связанных с уходом за новорожденным; проанализировать особенности модернизации материнской заботы и предметного мира грудного ребенка; установить, как утверждалась новая «детоцентристская» идеология семейной жизни, изучить особенность восприятия матерями-дворянками частой младенческой смертности.

Методология и методы исследования. Приступая к изучению материнства в пореформенной России, я не имела четких гипотез на предмет исследования, располагая догадками, больше построенными на литературных произведениях, чем на реальном эмпирическом материале. Сложность в формулировке гипотез объяснялась отсутствием в отечественной историографии каких бы то ни было исследований материнского поведения в высших слоях общества в данный исторический период. Я очертила социальную прослойку, на примере которой предполагала изучить культуру материнства – представительницы привилегированного сословия России. Данная социальная группа привлекала меня из-за слабой репрезентированности их частной жизни в отечественном историко-антропологическом дискурсе. Кроме этого преследуя цель изучения феномена «изнутри», от лица самих матерей, мне важно было опираться на женские автобиографические тексты, принадлежавшие по большей части дворянкам. Для представительниц рабоче-крестьянской среды было не свойственно излагать собственные рефлексивные переживания, связанные с материнством. Приступая к изучению проблемы, я была вооружена корпусом вопросов, которые задавала многочисленным обнаруженным женским текстам, таким образом, ведя диалог с «респондентками».

Следует отметить, что изучение материнства в России осложнялось скудностью терминологии. В английском языке присутствуют два основных термина, характеризующих материнство. «Motherhood» – понятие, обозначающее, прежде всего, материнский институт, существующие социальные запросы в отношении материнского поведения, а также систему государственного

обеспечения материнства. А. Рич, О'Релли полагают, что данный термин характеризует патриархатные институты, в основе которых – мужской контроль, деспотизм в отношении женщины²⁶. Таким образом, «motherhood» обозначает материнство, сконструированное «извне». В то же время в английском языке присутствует понятие «mothering», предполагающее понимание материнства «изнутри» – непосредственно материнские практики, эмоциональные переживания самих женщин. Когда речь идет о развитии материнства в России, то зачастую оно воспринимается исключительно с позиции изучения основных вех социальной политики по охране материнства и детства. Материнство в данном случае представляется в значении социального института (motherhood), в то время как его поведенческая, эмоциональная сторона, область женских переживаний (mothering) оказываются вне исторической репрезентации. В представленном диссертационном исследовании для меня было важно раскрыть механизмы формирования социального института материнства и его влияние на субъективный мир, повседневные практики реальных матерей. Потребовалось привлечение различных подходов и методик, позволивших осуществить «женское прочтение» текстов, интерпретировать их, представляя материнский «голос» и реабилитируя важнейшую область женской повседневности.

При подготовке диссертационного исследования наиболее актуальными были подходы междисциплинарный, социально-конструктивистский, сценарный, культурной, социальной антропологии, исторической этнологии, гендерной истории, феминистской антропологии, медицинской антропологии и социальной истории медицины, историко-сравнительный.

В основе диссертационного исследования – *междисциплинарный (интегративный)* подход, который на протяжении более полувека является неотъемлемой частью социальных исследований, отличающийся, по словам М. Крома, масштабами междисциплинарного диалога и выбором самих дисциплин «партнеров»²⁷. С. Рейнхарц в своей работе, посвященной современным методам феминистских исследований, подчеркивала, что нет универсального (правильного) метода в социальных науках. Она выразила убеждение, что в феминистских

²⁶ O'Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York: State University of New York Press, 2004. P. 4.

²⁷ Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Д. Буланин, 2004.

работах необходимо привлекать разнообразные методы и методики²⁸. Представители зарубежной антропологии материнства подчеркивают мультидисциплинарность современных материнских исследований²⁹. Современные исследования, посвященные материнству, представляют область интегративных знаний, объединивших подходы, методы, методологические принципы широкого спектра социальных наук и научных направлений: социальной, культурной, медицинской антропологии, исторической этнографии, гендерной и повседневной истории, гендерной социологии, феминологии, социальной истории медицины, исторической демографии.

Базовым подходом явился *социально-конструктивистский* (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман, Т. Парсонс, Э. Гоффман, Г. Гарфинкель, М. Фуко³⁰), активно использующийся в гендерных исследованиях. Апологетами его применения при изучении родительства были представители различных научных направлений – М. Мид, А. Рич, Н. Чодороу, Э. Бадинтер, О’Релли, Дж. Эрнап, Р. Рэпп, Ф. Гинзбург, Ш. Китзингер, Эл. Левин, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарёва, А.А. Тёмкина, Е.А. Здравомыслова³¹. Согласно социальным конструктивистам, материнские роли, проявление материнской любви – не данность от природы (эссенциалистский подход), не биологическая обусловленность, а исторически трансформирующееся выражение общественных ожиданий в отношении материнского поведения. Данный подход позволил определить процесс социального конструирования

²⁸ Reinharz S., Davidman L. (eds) *Feminist Methods in Social Research*. New York: Oxford University Press, 1992.

²⁹ Ragone H., Winddance F. (eds) *Ideologies and Technologies of Motherhood: Race, Class, Sexuality, Nationalism*. New York: Routledge, 2000; Taylor J.S., Layne L.L., Wozniak D.F. *Consuming Motherhood*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2004; Walks M. Naomi McPherson *Anthropology of mothering*. Toronto: Demeter Press, 2011.

³⁰ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2003; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995; Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2002; Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1959; Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007; Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.

³¹ Rich A.C. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. New York: Norton, 1976; Chodorow N. *Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978; Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2014. № 7. С. 103-118; Тёмкина А.А., Здравомыслова Е.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: ЕУСПб, 2015.

«сознательного», «профессионального», «расширенного», «интенсивного» материнства в экспертном дискурсе (политическом, медицинском, литературном, педагогическом) во второй половине XIX века. С его помощью был произведен анализ создаваемого идеала женственности, основанного на биологической предопределенности женщин к деторождению. Под воздействием многочисленных рекомендаций, запретов, ограничений экспертного сообщества формировались стереотипы фемининности и маскулинности, оказавшие существенное влияние на материнское и отцовское поведение. Вслед за утверждавшимися в обществе моделями «достаточно хорошего» материнства и попыткой части эмансипированных женщин противостоять им трансформировались представления о гендерных ролях и статусах. Для меня было важным определить основные каналы формирования новых гендерных стереотипов и гендерного порядка, увязывающие жизнь женщины с домашним пространством и материнством. Сравнение экспертного дискурса в отношении «идеального материнства» с тем, как входили многочисленные требования к материнскому поведению в реальную жизнь женщины, как меняли ее самовосприятие, гендерную идентичность позволило раскрыть процесс зарождения материнства в современном его понимании, как исторически обусловленный социальный, культурный, медико-биологический и психический феномен. Социально-конструктивистский подход дал возможность установить зависимость между политическими, социально-экономическими процессами в российском обществе и эволюцией культуры материнства в дворянской среде. Данный подход позволил понять, почему вопреки конструированию «сознательного материнства», формировался новый репродуктивный контракт, в основе которого – ограничение рождаемости и контрацепция.

Дополнением к социально-конструктивистскому подходу, а для ряда исследователей его вариацией³², явился *сценарный подход*. Чаще всего он используется в гендерных исследованиях, посвященных проблемам сексуальности. С помощью сценарного подхода иллюстрируют процесс создания образцов

³² Тёмкина А.А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: ЕУСПб, 2008.

сексуального поведения в определенном культурном контексте³³. Особую актуальность данный подход имел при изучении сексуальной культуры девичества. Традиционный сценарий табуирования вопросов, связанных с половым просвещением и материнством, депривация девичей сексуальности приводили к возникновению конфликта между индивидуальным и культурным (в данном случае предписанным) сценарием. Сценарный подход позволил изучить различные жизненные стратегии молодых дворянок, связанные с замужеством и семейной жизнью. Многочисленные выявленные «сценарии» (стратегии) дали возможность вести речь о «нормальном» и «инвертированном» женском поведении в конкретный исторический период. Сценарный подход способствовал раскрытию процесса прерывания традиционного «воспроизводства» (Н. Чодороу) материнства в дворянских кругах России и выявлению особенностей зарождения нового материнства.

В основе исследовательского проекта – *подходы исторической этнологии, социальной, культурной антропологии* (А. Бюргер, Ж. Ле Гофф, Н. Трюон, М.-Ж. Имбо-Юар, Н.З. Дэвис и П. Берка, Г. Мур, Х. Медик и др.)³⁴, которые акцентируют внимание не на исторических событиях и фактах, а на взаимодействиях конкретных людей с переживаемым ими опытом, их ментальностью, образом мыслей, повседневными практиками. В то время как этнографы изучают быт, традиции, ритуалы, слабо учитывая процессы трансформации социальных практик, соединение с историческим подходом позволило рассмотреть явления из частной, повседневной жизни в динамике, во взаимосвязях с социально-политическими, культурными изменениями. Антрополог Р. Бенедикт еще в 1940-х годах обосновала возможность изучения культур на расстоянии, в том числе в

³³ Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality. Sexual Practices in the United States. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994; Jackson S. Heterosexuality in Question. London: SAGE Publications. 1999; Тёмкина А.А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб: ЕУСПб, 2008.

³⁴ Burke P. The Historical anthropology of early modern Italy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Davis N.Z. Women on the margins. Three seventeenth-century lives. Cambridge: Harvard University Press, 1995; Axel B.K. (eds) From the Margins: Historical Anthropology and Its Futures. Duke University Press, 2002; Medick H. Missionäre im Ruderboot"? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft, Bd. 10. 1984. S. 295-319; Moore H. The Subject of Anthropology. Gender, Symbolism and Psychoanalysis. Cambridge: Polity Press, 2007; История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI вв. СПб.: Алетея, 2006; Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Д. Буланин, 2004; Котовская М.Г. Гендерное измерение в культурной антропологии (учебное пособие для студентов Высшей школы). М.: МГУДТ, 2005.

исторической ретроспективе, активно привлекая дневники, мемуары, вспоминая людей, живших в ту или иную историческую эпоху³⁵. Основываясь исключительно на антропологических и этнологических методах, чрезвычайно сложно реконструировать процесс развития материнства как важнейшего социального института. По мнению Т. Лукмана и П. Бергера, *«институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются»*³⁶. В связи с этим невозможно адекватно охарактеризовать институт, не осознавая исторического контекста, в ходе которого он был создан. Будучи убежденной, что в изучаемый временной отрезок в России материнство формировалось в качестве важнейшего социального института и особой культуры, характерной для матерей из дворянского сословия, применение двух этих подходов позволило анализировать материнские практики, сложившиеся у дворянок, на предмет традиций и новаций, определяя их место в российской этнокультуре. Рассмотрение антропологических тем в исторической ретроспективе дает широкие возможности для исследования телесных практик, эмоциональных переживаний, сексуальной культуры, культуры воспроизводства. *«Этнограф воссоздает быт, историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что его в быту окружает»*³⁷, – меткое замечание отечественного гендеролога Н.Л. Пушкарёвой.

В представленном исследовании получили развитие следующие направления «исторической антропологии» (по А. Бюргьеру³⁸): материальная (биологическая) – проблемы телесности, женской сексуальности, анатомических особенностей организма аристократок, социальная – семейные отношения. Девичество, семья, родильная обрядность, детство были предметом антропологических и этнографических исследований. Рассмотрение этих процессов в исторической ретроспективе на социальной прослойке, не маркируемой народной культурой, с привлечением различных исторических

³⁵ Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword, Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton, Mifflin Company, 1946.

³⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 92.

³⁷ Пушкарёва Н.Л. История повседневностей и микроистория // Теория и методология истории / ред. А.В. Коротаева и др. Волгоград: Учитель, 2014. С. 326.

³⁸ Бюргьер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. М.: Наука, 2003. Кн. I. С. 191-219.

источников, позволило анализировать эволюцию материнских практик под влиянием значительных социально-экономических и культурных процессов и репрезентировать восприятие материнства самими женщинами. Благодаря сочетанию антропологического, этнологического и исторического подходов практики материнства, тенденции в развитии российской семьи, положение дворянской женщины в частном пространстве и публичной сфере удалось рассмотреть одновременно как социальный институт и субъективно переживаемая повседневность. С позиции культурной антропологии важность приобретают не коллективный, а частный опыт индивида (А. Гидденс)³⁹. В исследовании было произведено изучение трансформации таких интимных практик, как формирование сексуальной идентичности, сексуального и репродуктивного поведения индивидов, телесной культуры.

Подходы *гендерной истории* (Дж. Скотт, М. Виснер, К. Оффен, М. Перро, Ф. Тебо, Г. Бокк, Н.Л. Пушкарёва, Л.П. Репина)⁴⁰, *феминистской антропологии* (М. Мид, Р. Бенедикт, Г. Мур, Эл. Левин, Г. Рубин, Р. Рэпп, Р. Дэвис-Флойд⁴¹), *истории повседневной и частной жизни* (А. Людке, А. Бюргер, Х. Медик, Н.Л.

³⁹ Giddens A. The Transformation of Intimacy, Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford University press, 1992.

⁴⁰ Offen K. European Feminisms, 1700–1950: A Political History. Stanford: Stanford University Press, 2000; Bell S., Offen K. Women, the Family, and Freedom. The debate in documents. Vol. 2, 1880–1950. Stanford: Stanford University Press, 1983; Scott J. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. № 5; Bock G. Women's History and Gender History: Aspect of International Debate // Shoemaker R., Vincent M. (eds.) Gender and History in Western Europe. London; Sidney. 1998. P. 23-42; История женщин на Западе: в 5 т. / Ред. Ж. Дюби и П. Перро. СПб.: Алетейя, 2009-2015; Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007; Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории. Новая картина Европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002; Котовская М.Г. Гендерное измерение в культурной антропологии (учебное пособие для студентов Высшей школы). М.: МГУДТ, 2005.

⁴¹ Benedict R. Patterns of Culture. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934; Mead M. Male and Female: A Study of the Sexes and Changing World. New York. William Morrow, 1949; Rubin G. Woman Culture and Society. Stanford: Stanford University Press, 1974; Moore H. Feminism and Anthropology. Cambridge: Polity Press, 1988; Moore H. The Subject of Anthropology. Gender, Symbolism and Psychoanalysis. Cambridge: Polity Press, 2007; Leonardo M. (eds) Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era. Berkeley: University of California Press, 1991; Davis-Floyd R.E. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1992; Lewin E. Lesbian Mothers: Account of Gender in American culture. Ithaca. New York: Cornell University Press, 1993; Lewin E. (eds). Feminist Anthropology: A Reader. Blackwell Publisher. 2006; Rapp R. Testing Women, Testing the Fetus: The Social Impact of Amniocentesis in America. New York: Routledge, 2000; Geller P.L., Stockett M.K. Feminist Anthropology: Past, Present, and Future. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007; Reinharz S., Davidman L. (eds) Feminist Methods in Social Research. New York: Oxford University Press, 1992; Abu-Lughod L. Writing Women's Worlds. Los Angeles: University of California Press, 1993; Гапова Е.И. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в антропологические исследования / ред. И.А. Жеребкина Т. I. СПб.: Алетейя, 2001.

Пушкарёва, А.В. Белова)⁴² акцентировали исследовательское внимание на женской сфере повседневной жизни, на разных способах формирования женской идентичности в публичном и приватном пространстве. Рядовые дворянки с их повседневными практиками рассматривались не фоном исторического, а в качестве реальных субъектов истории. Их в полной мере можно считать маргинальным слоем, мало репрезентированным в социальных исследованиях. Данная социальная группа выпала из исследовательского поля этнографов. В отечественных исторических работах по истории дворянской повседневности о женщинах пишут по умолчанию, полагая, что для них были характерны те же самые процессы, что и для мужчин. Такой подход полностью дискредитирует женский опыт, женскую повседневность и женскую субъективность в истории.

Ориентируюсь на подход феминистской антропологии, я не ограничиваю жизнь женщины исключительно материнскими ролями, не свожу ее к единой сущности Матери⁴³. Меня интересуют различные проявления женской идентичности и значимость свободного выбора в построении женщинами собственных жизненных сценариев. В связи с этим в круг исследовательского интереса попали не только женщины, следовавшие культу «сознательного материнства», но и те, кто отказался от материнских ролей, реализуя себя на иных поприщах человеческой деятельности. Для меня было важным найти объяснение частным неудачам аристократок примерить на себя образ идеальной матери.

Историко-сравнительный подход дал возможность сравнить отношение к материнству в разные эпохи, выявить общие и особенные черты в эволюции материнства в России и на Западе, провести параллели между различными социальными группами. Использование данного подхода позволило увидеть

⁴² Medick H. Missionäre im Ruderboot"? Ethnologosche Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft, Bd. 10, 1984; Людке А. Что такое история повседневности?: Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 2005. С. 93-112; Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. М., 2003. Кн. I. С. 191-219; Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19; Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85-97; Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – сер. XIX вв.). Автореф. дисс... д.и.н. М., 2009.

⁴³ De Lauretis T. Technologies of Gender. Bloomington: Indiana University Press, 1987. P. 28; Allen J. Motherhood: The Annihilation of Women. Trebilot. 1984. P. 315.

преемственность в развитии материнства, определить характер эволюционных изменений.

Учитывая тот факт, что значительное внимание было обращено на исследование практик, связанных с медицинской областью (сексуальное и репродуктивное здоровье женщин, протекание беременности, трансформация акушерской помощи, медикализация родов, в том числе домашних, зарождение педиатрического патронажа и патронажа беременных) актуальными стали *подходы медицинской антропологии и социальной истории медицины*⁴⁴. Особый смысл приобрели понятия «медикализация», «биовласть», «политики тела», введенные в научно-исследовательский оборот классиком постструктурализма М. Фуко и американскими социологами И. Зола, П. Конрадом⁴⁵. Согласно данным подходам, фокус исследователя сосредотачивается не на историю медицинского знания, а на историю медицинской практики⁴⁶, на пациента, его чувства и переживания, страх и боль⁴⁷. При анализе таких женских практик, как беременность, роды, грудное вскармливание меня интересовал не взгляд врача, не медицинские рекомендации и манипуляции, не ритуальная сторона дела, сколько мысли, чувства, страхи самого «пациента»⁴⁸. В диссертационном исследовании особое внимание было уделено проблемам, активно разрабатываемым современными медицинскими

⁴⁴ Leonardo M. (eds) *Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era*. Berkeley: University of California Press, 1991; Lewin E. (eds). *Feminist Anthropology: A Reader*. Blackwell Publisher. 2006; Conrad P. *Medicalization and Social Control* // *Annual Review of Sociology*. 1992. № 18. P. 209-232; Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. Введение. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // *Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины* / ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Алетейя, 2008. С. 8-40; Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7. № 3. С. 295-313; Михель Д.В. Медикализация общества: теория, история, микрополитика // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7. № 4. С. 293-294.

⁴⁵ Фуко М. *Рождение биополитики*. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010; Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999; Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996; Zola I. *Medicine as an Institution of Social Control: The Medicalizing of Society* // *Sociological Review*. 1972. Vol. 20. P. 487-504; Conrad P. *Medicalization and Social Control* // *Annual Review of Sociology*. 1992. № 18. P. 209-232; Conrad P. *The Medicalization of Society: On the Transformation on Human Conditions into Treatable Disorders*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007.

⁴⁶ Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7. № 3. С. 304.

⁴⁷ Porter R. *The Patient's View: Doing Medical History from Below* // *Theory and Society*. 1985. Vol. 14. P. 175-198; *Pain and Emotion in Modern History* / ed. R.G. Boddice. Palgrave Macmillan, 2014.

⁴⁸ Porter R. *The Patient's View: Doing Medical History from Below* // *Theory and Society*. 1985. Vol. 14. P. 175-198; Porter R. *A Social History of Madness: The World Through the Eyes of the Insane*. New York: Widenfeld & Nicolson, 1987.

антропологами, социологами медицины – процессу медиализации частной жизни, политике в отношении репродуктивного поведения⁴⁹, переживанию боли и анализированию родового акта⁵⁰. При этом медиализацию я рассматриваю не только как политическую стратегию, как расширение власти медицинского сообщества над репродуктивным здоровьем женщины⁵¹, но и как процесс, направляемый стремлением и желанием самих людей⁵².

Учитывая междисциплинарность заявленной темы, при работе над ней были использованы как традиционные методы исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический, идеографический), так и актуальные в современных гендерных и феминистских исследованиях методы гендерной истории, истории повседневности, микроистории, «включенного наблюдения», биографический, «истории жизни», контент-анализа, кейс-стади, визуальной антропологии, анализа репрезентаций в визуальной культуре, дискурсивного анализа, психоистории, эмоциологии, референцирования с собственным жизненным опытом, гендерно-чувствительный метод.

Проводимое исследование опиралось на актуальные методы в современных этнографических и социологических исследованиях – методе «включенного наблюдения» и этнометодологии. По мнению Н.Л. Пушкарёвой, *этнографический метод «включенного наблюдения» в исторической ретроспективе «позволяет историкам заметить такие стороны жизни людей, от которых не остается следов в исторических, документальных источниках»*⁵³. Широкое использование

⁴⁹ O'Brien M. The Politics of Reproduction. Routledge: London. 1983.

⁵⁰ Howard S. Imagining the Pain and Peril of Seventeenth Century Childbirth: Travail and Deliverance in the Making of an Early Modern Word // Social History of Medicine. 2003. Vol. 16. № 3. P. 367-382; Stokes P.R. Pathology, Danger, and Power: Women's and Physicians' Views of Pregnancy and Childbirth in Weimar Germany // Social History of Medicine. 2000. Vol. 13. № 3. P. 359-380.

⁵¹ Михель Д.В. Медиализация общества: теория, история, микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 293-294; Михель Д.В. Социальная антропология здоровья и репродукции: медицинская антропология. Саратов: Новый проект, 2010; Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: ЕУСПб, 2015. С. 611.

⁵² Carroll P.E. Medical of Police and the History of Public Health // Medical History. 2002. Vol. 46. P. 461-494; Реннер А. Исследования по истории медицины XVIII–XIX веков на Западе: новые подходы и перспективы. Медицина в России в годы войны и мира: новые документы и исследования. Ред. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 213-225.

⁵³ Пушкарёва Н.Л. История повседневностей и микроистория // Теория и методология истории / ред. А.В. Коротаева и др. Волгоград: Учитель, 2014. С. 325.

данных методов дало возможность на примере многочисленных дворянок на основе написанных ими автобиографических текстов репрезентировать такие табуированные темы, как девические представления о супружестве, родительстве, сексуальной жизни, телесности; эмоциональные переживания во время беременности, родов; отношение к контролю над рождаемостью, абортам, бездетности; противоречивые настроения, связанные с грудным вскармливанием; восприятие смерти детей. Ориентация на подходы классиков этнометодологии (Г. Гарфинкеля, А. Блюма, Д. Циммермана, М. Поллнера⁵⁴), обосновавших, что этнографические методы могут быть использованы при изучении не только архаических, традиционных культур, но и любого уровня социальных взаимодействий, дала основание изучать повседневность матерей, основываясь на их «проговаривании» действительности в письменной речи. Женские эгодокументы предоставили возможность описывать материнство с позиции самой матери, пережитого ею опыта, в ее социальном и временном контексте, применяя при этом метод *«включенного интервьюирования»*. Если в классических этнографических исследованиях, в этнометодологии единицей для анализа является речь, то в представленном диссертационном исследовании многочисленные женские «тексты», написанные более века тому назад явились своеобразным «полем», позволяющим репрезентировать важнейшие атрибуты материнской повседневности. Исследовательская позиция состояла в том, чтобы при изучении женских нарративов формулировать вопросы к текстам, искать в них ответы, тем самым условно воссоздавая диалог (интервью) между давно жившими матерями и современным исследователем. Метод *«включенного наблюдения»* тесно связан с гендерно-чувствительными методами. Для того, чтобы максимально точно представить повседневные практики матерей, задать нужные вопросы к написанному ими тексту, выделить особо значимые моменты письма, маркирующие материнскую субъективность, сложно оставаться в стороне в качестве независимого исследователя. Исследовательская позиция была

⁵⁴ Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. New York: Englewood Cliffs, 1967; Garfinkel H. *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2002; Blum A. *The Grey Zone of Health and Illness*. Chicago: Intellect Bristol, 2011; Zimmerman D.H., Pollner M. *The everyday world as a phenomenon // Understanding everyday life: towards a reconstruction of sociological knowledge* / Ed. J. D. Douglas. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. P. 80-103.

ориентирована на «самонаблюдение», «вживание», «сопереживание», на ведение «диалога» с «информантами». Именно такой ракурс исследования позволял сфокусироваться на важных практиках материнской повседневности и области женской рефлексии.

Я разделяю позицию представителей феминистской этнологии, критикующих классические этнографические методы, в которых исследователь ведет повествование от своего лица, интерпретируя увиденное и услышанное⁵⁵. В связи с этим в диссертационном исследовании много «женского нарратива» – выдержек из женских текстов, которые сознательно использовались не в подстрочном (сносочном) варианте, а вживлены в текст работы. Многочисленные цитаты из эгодокументов позволили вести повествование и изучать явления от лица самих субъектов.

Этнографический метод «включенного наблюдения», таким образом, использовался в единстве с *гендерно-чувствительным, методикой референцирования с собственным жизненным опытом и методом «инсайдинга»*, широко применяемыми в современных гендерных и феминистских исследованиях. Теоритически эти методы были обоснованы в социологических и в историко-антропологических исследованиях⁵⁶. Социолог Д. Смит, используя этнографические методы в собственных работах, подчеркивала невозможность исследователя выступать в роли «дистанцированного наблюдателя». Она критиковала классические социологические труды за то, что они гендерно-нечувствительны. Э. Оукли, изучавшая репродуктивное поведение женщин⁵⁷, писала о невозможности быть отстраненным, не включенным в процесс, легализуя право ученого на эмпатию своим информантам. Э. Оукли разработала метод обмена мнениями с интервьюируемыми людьми, перевернувший шаблоны

⁵⁵ Stacey J. 1988. Can there Be a feminist Ethnography // Women Studies International Forum. Vol. 11. P. 21-27.

⁵⁶ Burke P. The Historical anthropology of early modern Italy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 15-27; Смит Д. Социологическая теория: методы патриархального письма // Хрестоматия феминистских текстов / Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина. СПб.: Д. Буланин, 2000.

⁵⁷ Oakley A. Interviewing Women: A Contradiction in Terms // Doing Feminist Research / Ed. by H. Roberts. London: Routledge & Kegan Paul. 1981. P. 30-61; Oakley A. Becoming a Mother. Oxford: Martin Robertson, 1979.

традиционных техник интервьюирования⁵⁸. В современной антропологии рождения данный метод стал базовым⁵⁹. Важность чтения и изучения женских нарративов «по-женски» обосновывали Э. Сиксу, С. Гилберт, А. Рич, А. Розенхолм, Н.Л. Пушкарёва и многие другие, отмечавшие, что исследователь должен уметь сопоставлять свои собственные переживания с переживанием авторов текста⁶⁰. *«Пользуясь психологическими приемами вживания («эмпатии») в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно создает более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания»,* – отмечала Н.Л. Пушкарёва⁶¹. Сфера материнства, репродуктивного поведения чрезвычайно личная, эмоциональная, не позволяющая исследователю оставаться в стороне.

Метод «инсайдинга» дал возможность изучать явления «изнутри», поставить себя на место «респонденток», сформулировать к написанному им «тексту» соответствующие вопросы. Для того чтобы приблизиться к изучаемым участникам сообщества, в данном случае матерям, важно испытывать и переживать то, что переживали они, «погрузить» себя в его мысли и переживания. Опыт деторождения во все времена, независимо от уровня развития медицины, технических средств, был особой практикой в жизни женщины, характеризовавшейся высоким уровнем волнений, эмоциональных переживаний, глубокими рефлексивными размышлениями. Учитывая специфику исторической этнографии, при отсутствии возможности «вступления в группу»⁶² и проживания вместе с теми, кого исследуешь, значительную роль играло сопереживание посредством привлечения собственного опыта материнства. Личностные антропологические переживания беременности, деторождения, воспитания детей

⁵⁸ Oakley A. The Captured Womb: A History of the Medical Care of Pregnant Women. New York: Basil Blackwell, 1984.

⁵⁹ Han S. Pregnancy in Practice: Expectation and experience in the contemporary US. New York: Berghan, 2013.

⁶⁰ Cixous H. Rootprints: Memory and Life Writing. London-New York: Routledge, 2012; Gilbert S. What do Feminism Critics Want // Showalter E. (ed) The New Feminist Criticism. Essay on Women, Literature and Theory. New York, 1985. P. 29-45; Розенхолм А. Пишу себя: творчество и женщина-автор // Современная философия. Харьков. 1996. № 1. С.182-198; Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.

⁶¹ Пушкарёва Н.Л. История повседневностей и микроистория // Теория и методология истории / ред. А.В. Коротаева и др. Волгоград: Учитель. С. 331.

⁶² Mcneil P. Research methods. Routledge: London, 2005. P. 105.

оказали существенное влияние на исследовательскую позицию, на характер рассматриваемых проблем и расстановку акцентов в проводимой работе.

Применение этих методов в сочетании с большим количеством женских текстов позволило исследовать интимные области социальных смыслов и действий, «услышать» и понять, что чувствовали и как переживали важнейшие события своей жизни матери. Без особого «женского чтения» девичьих, материнских нарративов, без гендерно-чувствительного подхода к изучаемым явлениям невозможно было реконструировать такие табуированные, даже на уровне письма, женские практики, как менструация, дефлорация, беременность, практики предохранения, роды, послеродовое восстановление, налаживание лактации.

Методы «инсайдинга», гендерно-чувствительные методы получили развитие в *эмоциологии*⁶³. Предмет изучения эмоциологов – чувственное восприятие, эмоции в различных культурных контекстах. Основной единицей исследования – эмотивы – тексты (письма, дневники, воспоминания), на страницах которых отображены эмоциональные переживания участников исторического процесса⁶⁴. Представители данного направления придерживаются позиции конвенциональности чувственных переживаний и их зависимости от эмоционального режима эпохи. Применяя данный подход в собственном исследовании, особое внимание я обратила на то, как дворянки воспринимали беременность, потенциальное материнство, как относились к своему телу и материнским телесным практикам, связывая их ощущения с гендерным дисплеем эпохи и соответствующим эмоциональным режимом. Мне удалось установить, что переживания женщин дореволюционной России существенно отличались от ожиданий и чувств современных матерей. Ссылаясь на многочисленные женские нарративы, я проиллюстрировала сложность и противоречивость эмоциональных

⁶³ Miller W.I. Humiliation and Other Essays on Honor, Social Discomfort, and Violence. Ithaca: Cornell University Press, 1993; Shame and Its Sisters: A Silvan Tomkins Reader / Eds. E.K. Sedgwick, A. Frank. Durham; London: Duke University Press, 1995; Sedgwick E.K. Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity. Durham; London: Duke University Press, 2003; Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. London; New York: Routledge, 2004; Leys R. From Guilt to Shame: Auschwitz and After. Princeton: Princeton University Press, 2007; Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Ред. Я. Плампера, III. Шахад и М. Эли. М.: НЛЮ, 2010.

⁶⁴ Reddy W.M. The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

переживаний матерей-дворянок начала XX века, разрывавшихся между личными устремлениями и противоречивыми запросами общества в отношении их поведения.

Методы повседневной истории позволили сфокусироваться на практиках, связанных с деторождением, сексуальной культурой, культурой телесности, рассматривая их как значимую часть женской повседневной жизни. Важнейшим завоеванием истории повседневности явилось утверждение особой ценности субъективного переживания акторов исторических процессов. Ставшее уже классическим определение повседневности П. Бергера и Т. Лукмана, как *«реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость»*⁶⁵, делает субъективный опыт участников исторического процесса полноправным предметом исследования. При этом проблема объективизации знания сама по себе отпала, так как, по мнению классиков повседневности, субъективно переживаемая реальность *«не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует»*, так как она *«существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность»*⁶⁶. В представленной диссертационной работе повседневность рассматривалась в контексте *«повседневности частной жизни»*, которая противостоит официальной (профессиональной) деятельности и *«повседневности как сферы будничных событий»* в отличие от великих событий, действий правителей⁶⁷. Представители гендерного крыла отечественной истории повседневности (Н.Л. Пушкарёва, А.В. Белова⁶⁸) указывают на важность изучения особой женской повседневности, которая до сих пор является маргинальной областью в российских исторических исследованиях. Основываясь на данном подходе, в фокусе исследования оказались не жены первых лиц государства, известные и именитые женщины, а по большей части рядовые дворянки, невидимые на фоне великих событий, безымянные в потоке социальной истории, дважды депривированные, как обычные участники

⁶⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 38.

⁶⁶ Там же. С. 44-45.

⁶⁷ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сборник научных работ / М.М. Кром. СПб, 2003. С. 5.

⁶⁸ Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19; Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85-97.

исторического процесса и как женщины. Анализ материнских практик и сопровождавших их эмоциональных переживаний, позволил выявить различные материнские габитусы (П. Бурдье)⁶⁹, существовавшие на рубеже веков. Типизация поведения матерей дала основание вести речь о существовании вариативного поведения женщин по отношению к материнству, вопреки формированию конструкта «сознательного материнства».

Особую актуальность имели *методы феноменологической социологии* (А. Щютц, А. Блум)⁷⁰ и *микроистории* (К. Гинзбург, Ж. Ревель, Дж. Леви, А. Людтке, Х. Медик)⁷¹, близкие по содержанию к этнометодологии и методам повседневной истории⁷². Сторонники феноменологического подхода были убеждены в том, что реальность постоянно воссоздается отдельными личностями в ходе социальных взаимодействий. В этой связи субъективный мир индивида – основа реальности, которую необходимо изучать в процессе исследовательского погружения в нее, осуществляя редукцию изучаемых явлений, а не дистанцирования, оказываясь в роли стороннего наблюдателя. В настоящем исследовании метод микроистории тесно использовался с методом «кейс-стади», так как предоставил возможность на примере частных случаев, под исследовательским «микроскопом»⁷³ проследить процесс материнской социализации, сексуального просвещения конкретной женщины. Многие области материнской жизни (проведение беременности, подготовка к родам, грудное вскармливание, уход за младенцем) удавалось лучше рассмотреть не во врачебных инструкциях и наставлениях, не в социальных действиях, направленных на борьбу с детской смертностью и ликвидацию

⁶⁹ Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 44-59.

⁷⁰ Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт фонда «общественное мнение», 2003; Blum A. The Grey Zone of Health and Illness. Chicago: Intellect Bristol, 2011.

⁷¹ Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / P. Burke (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1991, P. 93-113; Ginzburg C. Mikro-Historie: Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiss // Historische Anthropologie. Kultur-Gesellschaft-Alltag, 1993, H. 2, no. 1; Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. №4. С. 193-202; Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 110-127.

⁷² Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Д. Буланин, 2004; Пушкарёва Н.Л. История повседневностей и микроистория // Теория и методология истории / ред. А.В. Коротаева и др. Волгоград: Учитель, С. 312-275; Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77.

⁷³ Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / P. Burke (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1991, P. 93-113.

«кормиличного промысла», а через контекст частной жизни, на примере микроанализа конкретной жизненной ситуации. Частные материнские практики (в данном случае «микроисторические субстанции») дали основание сделать выводы об особенностях формирования таких «макроисторических субстанций» и важнейших социальных институтов⁷⁴, как материнство, отцовство, детство, семья.

Работа с многочисленными женскими «текстами» — основными источниками в репрезентации культуры материнства, потребовала привлечения *дискурсивных, лингвистических методов, гендерного контент-анализа и методики работы с нарративными интервью*. Женские эгодокументы рассматривались в качестве нарративных полуструктурированных интервью⁷⁵, в которых автор рассказывал о себе, своих переживаниях и личном опыте. Автодокументалистика была классифицирована в количественном и качественном отношении, в зависимости от содержания текстов, их полноты и авторства. В дальнейшем найденные тексты сопоставлялись с биографическими фактами из жизни авторов с целью наиболее адекватного осмысления и интерпретации написанного. Использование этих методов продемонстрировало специфику и характер эволюции женского письма по сравнению с предшествующими эпохами, показало наиболее типичные формы и способы выражения материнских чувств. Привлекалась также *методика триангуляции*⁷⁶, направленная на достоверную интерпретацию текстовых пассажей рассказчиков. В частности, определенные сложности в осмыслении представляла практика девичьего «обожания», широко представленная в женских нарративах. Данный феномен ввиду его специфичности было сложно отнести к конкретной форме сексуального развития подростков. *Гендерному контент-анализу* были подвергнуты научно-медицинская литература, работы, отражавшие вопросы полового просвещения, произведения, в которых

⁷⁴ Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. № 4. С. 197.

⁷⁵ Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М. 1993–1994. № 3-4. С. 34-43; Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сб. ст. под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Тёмкиной. СПб.: Д. Буланин, 2002. С. 549-558; Мещеркина Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Ред. И. Жеребкиной. Харьков: ИГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 197-237; Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5-26.

⁷⁶ Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. С. 300.

содержались требования к «правильному» уходу за ребенком, реклама средств гигиены, контрацептивов в периодической печати. С помощью данной методики удавалось выявить характер создаваемого экспертным сообществом, индустрией моды конструкта идеального женского поведения, связанного с деторождением. Женские автобиографические документы были подвергнуты также *качественному контент-анализу*⁷⁷. В женских дневниках, воспоминаниях, как опубликованных, так и архивных, были выделены описания жизненных циклов, связанных с материнскими практиками. Несмотря на уникальность опыта каждой из женщин, в характере проведения беременности, родов, ухода за детьми, в их повседневных страхах, эмоциональных переживаниях оказалось много схожих черт. Выявление типичных черт в восприятии материнских практик дало возможность определить основные тенденции в социокультурной эволюции материнства.

При изучении репродуктивной культуры дворянок новаторским методом явился *сбор акушерского анамнеза в исторической ретроспективе*. Анализируя описания дворянками собственной беременности, родов, соизмеряя их свидетельства с «показаниями» врачей, в том числе с «историями болезней», удавалось выявить проблемы, связанные с репродуктивным здоровьем дворянок.

Гендерный анализ помог определить гендерные различия в восприятии родительских функций, а также в отношении к традиционной женской роли – матери. Гендерный анализ правовых норм, норм этикета (законодательная регламентация труда беременных женщин, типичное поведение беременных и молодых матерей в обществе, требования к одежде и проч.), рекламы в столичной и провинциальной прессе способствовал раскрытию эволюции гендерных стереотипов и ролей в обществе. Данный подход предоставил возможность проанализировать особенности создания экспертным сообществом конструкта «идеального материнства» во второй половине XIX – начале XX века. Отчасти гендерный анализ был применен в отношении литературных произведений, как классических, так и бульварных, в которых описывались различные модели женского репродуктивного поведения. Сравнительный анализ специфики

⁷⁷ Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 121-133.

гендерных переживаний – важнейший императив феминистской антропологии⁷⁸. В связи с этим особое внимание было уделено изучению и сопоставлению женских и мужских (отцовских и материнских) переживаний, сопровождавших важнейшие периоды семейной жизни.

Метод психоистории был направлен на исследование исторической мотивации⁷⁹. С помощью историко-психологического подхода удалось установить причины инвариаций в традиционном женском поведении, мотивы отказа дворянок от деторождения или воспитания детей и перехода к отсроченному материнству; проанализировать характер эмоциональных переживаний матерей; выявить причины неудовлетворенности материнскими ролями «новых матерей». Изучение проблем, связанных с сексуальным просвещением девочек, низкой материнской социализацией позволило определить своеобразие «воспроизводства» нового типа матерей и глубинные причины женских фобий и страхов.

Метод кейс-стади, получивший распространение не только в социологических, но этнографических исследованиях⁸⁰, в совокупности с *биографическим методом* и *нарративным анализом* дал возможность исследовать женскую субъективность, делая ее предметом изучения, а не дополнением к тем или иным историческим процессам. Использование метода кейс-стади было особенно актуальным, когда удавалось обнаружить женские дневники, авторы которых вели их на протяжении всей жизни от девичества до преклонного возраста. В частности, к таковым относились дневники А.А. Знаменской, автобиографические материалы семьи Половцовых. Подобные исследовательские находки давали возможность углубленно изучить материнские практики на примере отдельно взятой женщины или семьи. Очевидно, что данные «случаи» не претендуют на репрезентативность, но они позволили рассматривать жизнь конкретной семьи, чувства конкретной матери как особую целостность, которая может быть изучена. Впоследствии найденные многочисленные отрывки из женских дневников подтверждали схожесть переживаний матерей рассматриваемой эпохи.

⁷⁸ Пушкарёва Н.Л. Феминистский проект в новейшей этнологии и антропологии (1980–2000) // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 82-97.

⁷⁹ Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

⁸⁰ Mcneil P. Research methods. Routledge: London, 2005; Simons H. Case study research in practice. London: Sage publication Ltd, 2009.

Использование междисциплинарного *биографического метода*⁸¹ состояло не столько в реконструировании жизненного пути субъекта, сколько в анализе жизненного опыта женщины, описанного ею самой. В данном случае автор дневника, письма, воспоминания превращался в информанта. Подобное использование биографического метода сближает его со сбором данных в этнографии, где необходимо на основании беседы получить точные сведения о жизненном пути, практиках респондента. Дополнением к биографическому явился метод *«истории жизни»*. Он позволил анализировать жизненный путь конкретной исторической личности не только на основе написанного ею нарратива, но и привлекать сведения «со стороны», собирая оценки, мнения окружающих информанта людей.

Методы *визуальной антропологии, анализа репрезентаций в визуальной культуре*⁸² были направлены на изучение фотоматериалов (фотографии женщин в положении, женщин с детьми, детей в отдельности), модных тенденций в одежде (корсеты, лифы, высокий каблук), детской мебели и игрушек. Метод *анализа рекламного образа*, проведенный в выпусках столичных, провинциальных журналов и газет, позволил выявить специфику рекламы, нацеленную на материнскую аудиторию. По рекламным изображениям и тексту были изучены предлагавшиеся средства интимной гигиены, контрацепции, одежда для беременных и новорожденных, детская мебель, игрушки, детское питание. Журналы мод, реклама средств гигиены, детской мебели, игрушек, питания, популярные книги по домоводству, уходу за детьми формировали представления об идеальной женственности, женской сексуальности, материнском образе, направляя и конструируя поведения женщин. Применение данных методов

⁸¹ The turn biographical methods in social science: Comparative issues and examples / Ed. by P. Chamberlayne, J. Bornat, T. Wengraft. London: Routledge, 2000; Roberts B. Biographical research. New York: Open University Press, 2001; Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Ред. Е.Ю. Мещеркина, В.В. Семенова. М.: Институт социологии РАН, 1994; Ткаченко Т.Г. Биографический метод в гендерных исследованиях // Социокультурный анализ гендерных отношений / Е. Ярская-Смирнова. Саратов: СГУ, 1998; Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ВШЭ, 2012.

⁸² Брекнер Р. Изображенное тело. Методика анализа фотографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. № 4. С. 13-32; Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. научн. ст. / Ред. Е.В. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007; Усманова. А. "Визуальный поворот" и гендерная история // Гендерные исследования. 2000. С. 149-176; Женщина и визуальные знаки / ред. А. Альчук. М.: Идея-Прогресс, 2000.

позволило проследить эволюцию материнских практик и процесс коммерциализации повседневной жизни матери и дитя. В фотоматериалах, пришедших на смену портретному искусству, репрезентированы значимые элементы исследуемого контекста⁸³: семейная жизнь, домашний обиход, окружение детской, специфика детской одежды. Семейные фотографии становились важным атрибутом семейной жизни, демонстрируя особенности социального взаимодействия, иерархии ценностей на уровне конкретно взятой семьи. Использование фотоматериалов потребовало применения метода невербального анализа: жестов, мимики, поз запечатленных женщин, детей.

Стремясь изучить, проанализировать феномен материнства с позиции социального института и психических, эмоциональных переживаний женщин, я обращалась к анализу различных дискурсов, применяя методiku *дискурсивного анализа*. К примеру, изучая проблему контрацепции, сопоставлялся дискурс медицинский, литературный с личностным опытом женщин. Использовать исключительно женские эмотивы было недостаточно, так как зачастую столь интимную область информантки обходили стороной или представляли в негативном свете, репрезентируя себя в образе добродетельной матери. Важно было подключить иные дискурсы. Изучение врачебных отчетов, историй болезней показало, что вопреки общественной критике, выраженной дворянками на уровне автобиографического письма неприязни средств искусственной контрацепции, они стремительно входили в сексуальную жизнь женщины.

Научная новизна диссертации состоит в постановке новой научной проблемы в российских исторических, этнологических, социально-антропологических исследованиях. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка всестороннего, комплексного изучения материнства в историко-этнологическом ракурсе в качестве сложного конструируемого социального института, противоречиво переживаемых практик, оказывавших значительное влияние на гендерную систему общества. Трансформация материнской заботы в высших слоях российского общества, не маркируемых народной культурой, вследствие модернизации, либерализации общества, медикализации и коммерциализации частной жизни, никогда ранее не становилась

⁸³ Pink S. *Doing Visual Ethnography*. London: Sage, 2001.

предметом изучения в отечественных и зарубежных исторических и историко-этнологических работах. Новизна представленного исследования состоит в институционализации особого междисциплинарного направления в отечественных гуманитарных и социальных исследованиях – антропологии материнства⁸⁴, состоящего в изучении материнской заботы (моделей поведения матерей, материнской социализации, характера репродуктивного поведения, особенностей проведения беременности, культуры деторождения, вскармливания, ухода за детьми) в зависимости от этнической, социальной принадлежности, исторических и географических условий, гендерной идентичности, религиозных воззрений женщины.

В диссертационном исследовании была предпринята попытка разработки и внедрения принципиально нового подхода к изучению материнской повседневности, состоявшего в синтезе подходов исторической этнологии, феминистской антропологии, медицинской и культурной антропологии, гендерной истории, эмоциологии и психоистории. Методологическим новшеством явилось осуществление «включенного наблюдения» в исторической ретроспективе, реализация женского прочтения текстов и принципа «сопереживания» «респонденткам», «вживания» в культурный и эмоциональный контекст их письма, проведение параллельного анализа официальных и личностных дискурсов, извлеченных из многочисленных женских эгодокументов, «материнских текстов» и «текстов роженицы», сбора акушерского анамнеза в исторической ретроспективе.

В диссертации вводятся в научный оборот новые эгодокументы, значительная часть которых – дневники, письма, воспоминания представительниц высшего сословия, позволившие изучать материнство с позиции материнской субъективности, от лица самих матерей. Впервые в работах по исторической антропологии были широко использованы такие источники, как «истории болезней», частные случаи из врачебной практики, рекламные тексты и образы, углубившие знания о культуре материнства, телесности, женской сексуальности в изучаемый период.

⁸⁴ Walks M. *Anthropology of mothering* // *Encyclopedia of motherhood* / Ed. by A. O'Reilly. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc, 2010. P. 64-68; Walks M. McPherson N. *Anthropology of mothering*. Toronto: Demeter Press, 2011.

Впервые в отечественных исторических работах введена в оборот научная категория «антропология материнства». Диссертационное исследование вносит вклад в теоретическое осмысление терминов «антропология», «история материнства», «антропология родов», «культурантропология девичества»; процессов социального-конструирования родительства, медикализации деторождения; понятий «материнский текст», «сознательное», «экспертное», «профессиональное», «универсальное», «интенсивное» материнство.

Новизна исследования состоит в изучении специфики рецепции и трансляции социального конструкта материнства в дворянской среде российского общества и в обосновании тезиса о зарождении материнства в изучаемый период в современном понимании этого термина, как исторически обусловленного социального, культурного, медико-социального и психического феномена. Теоретическая новизна исследования состоит и в том, что материнство в историческом прошлом России было рассмотрено не с позиции характеристики государственной политики, социальных мер, проводимых в данной области, а в качестве сложного образования, охарактеризованного через призму субъективного опыта и личностных переживаний акторов. В диссертационном исследовании были продолжены начинания российских гендерологов в актуализации сферы женской эмоциональности и субъективных переживаний. Впервые предметом историко-этнологического изучения стали неисследованные, игнорируемые традиционной историей медицины и социальной историей и, вследствие этого «как бы несуществующие», эмоциональные опыты, практики и переживания матерей, рожениц и помогавших им акушеров. Переход от событийной к антропологизированной гендерно-чувствительной истории – важнейший проект в современной гендерологии и феминологии.

Новизна исследования определяется установленными закономерностями и специфическими чертами в развитии института материнства в дворянской среде России: процессы женской эмансипации, модернизации российского общества, развитие медицинских знаний отразились на формировании концептов «идеального материнства»; медикализация репродуктивного поведения не была столь выражена, как в США и странах Западной Европы, устойчивость сохраняли традиционные практики проведения беременности и родов; практика

непосредственного соучастия мужа в родовом процессе жены, не встречавшаяся в США и странах Западной Европы, явилась уникальной, свидетельствовавшей о зарождении «сознательного отцовства»; несмотря на десакрализацию полового вопроса, в области сексуального просвещения и материнской социализации не наблюдалось существенных изменений; новый тип рождаемости в дворянской среде оформился чрезвычайно быстро; наблюдался процесс автономизации сексуального и репродуктивного поведения вследствие широкого внедрения в супружескую жизнь практик ограничения рождаемости; модернизация ухода за детьми была обусловлена коммерциализацией и медикализацией материнства и детства; практики «сознательного материнства» вызывали сложные и противоречивые переживания дворянок.

Проводимое исследование, с одной стороны, дало возможность проследить влияние значительных исторических перемен второй половины XIX – начала XX века на формирование запросов в отношении материнского поведения, на трансформацию практик деторождения, эволюцию сексуальной культуры дворянства в России. С другой стороны, данная работа продолжает миссию российских исследователей, направленную на репрезентацию женской канвы в истории. Заявленная тема исследования дает возможность определить причины трансформации, казалось бы, наиболее традиционной, патриархатной сферы дворянского общества (материнства) и выявить последствия данного явления для социокультурной жизни женщин и общества в целом. Корреляция социальных, политических, психологических (психоаналитических) и медицинских аспектов в отношении к материнским стратегиям как фундаментальным способам биологического выживания и культурного самосохранения российского социума никогда ранее не подлежала комплексному междисциплинарному научному исследованию.

Анализ материнской культуры дворянства призван преодолеть недостатки современных исторических исследований и работ в области исторической этнографии, в которых представительницы дворянского сословия оказались депривированными. В исторических работах по дворянской повседневности специфика и уникальность женского опыта также зачастую игнорируется. В результате значительная область человеческого опыта оказалась вне

исследовательского поля. Проведенная работа показала, что процесс либерализации, европеизации, эмансипации, разорения помещичьего сословия и распада усадебной культуры, оказали особое, отличное от мужской части населения, влияние на женскую повседневность. Изучение материнских практик на протяжении чуть более полувека дало возможность увидеть и осознать существование особой, женской истории, в которой содержатся свои противоречия, кризисы, революционные изменения. История материнства на данном историческом отрезке продемонстрировала важнейшие социокультурные изменения в жизни женщин, связанные с сексуальной культурой, областью воспроизводства и эмоциональных переживаний. С одной стороны, стал формироваться новый конструкт материнства, который воплотился в «одомашнивании» женщин, «детоцентристской» ориентации их жизни, идеализации материнской заботы. С другой стороны, наблюдался обратный процесс, состоявший в формировании «свободного материнства», ограничении рождаемости, что выразилось в появлении для женщин возможности контролировать собственную репродукцию и реализовываться в иных сферах. Зародившаяся свобода материнства (от отказа быть матерью, до рационализации собственной сексуальности) явилась революционным изменением в традиционных взглядах на роль и сущность женщины в обществе. Возможность контролировать воспроизводство существенно дополняет картину эмансипационного движения в России, так как без данного процесса сложно представить выход россиянок на авансцену отечественной истории.

Впервые в отечественных этнологических исследованиях была предпринята попытка анализа материнских практик на предмет традиций и новаций, определена специфика формирования новых стереотипических действий в сфере деторождения под влиянием медиализации, коммерциализации частной жизни. Изучение своеобразия материнской социализации, трансформации материнской повседневности, репродуктивного поведения позволяет лучше понять важнейшие процессы в социальной истории России, выявить тенденции в формировании стереотипов фемининности и маскулинности. Новизна исследования состоит также в попытке сравнить данные, полученные на материале России, с выводами и оценками зарубежных исследователей, связанными с тенденциями развития

западной культуры материнства. Это позволяет «вписать» материнские практики российских дворянок в общеевропейскую историю материнства.

Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые отмечены и проанализированы факты, способные изменить устоявшиеся выводы в антропологии рождения, социологии материнства, истории телесности и сексуальности, социальной истории медицины, как отечественной, так и зарубежной. Эти выводы касаются особенностей формирования технократической модели родов в России, развития практики домашних родов, которые находились на пересечении традиции и новейших разработок в области акушерства, медикализации и коммерциализации материнства в России, существования репрессированной женской сексуальности, соучастия мужа в родовом процессе (устоявшаяся точка зрения в американской антропологии родов, что именно американские мужья совершили в 1960-х годах «революцию» в родовспоможении, получив право присутствовать на родах), анальгизации родов. Впервые сквозь призму гендерной этнологии и феминистской антропологии были исследованы важнейшие аспекты девичества, связанные с сексуальным просвещением, материнской социализацией. Удалось проследить связь между трансформацией социально-экономического, духовного порядка и традиционными обрядами жизненного цикла.

В диссертационном исследовании впервые произведен анализ современных подходов, достижений, тенденций в развитии зарубежных исследований в области антропологии и истории материнства.

Степень научной разработанности проблемы. История зарождения и развития материнских исследований, современная историографическая ситуация на Западе и в России рассмотрены в первой главе диссертационного исследования.

Источниковая база исследования. Исследовательская задача рассмотреть феномен материнства у дворянок во второй половине XIX – начале XX века как сложное социокультурное явление, анализируя его одновременно извне (в качестве создаваемого экспертным сообществом определенного конструкта) и изнутри (как важную, субъективно переживаемую часть женской повседневности) потребовала привлечения разнообразных по типу источников. В основе диссертационного исследования – архивные документы, многие из которых впервые вводятся в

научный оборот. При работе над диссертацией были проанализированы около 100 фондов из 17 государственных архивов, музейных документохранилищ, рукописных отделов библиотек Москвы (Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Центрального хранилища документов до 1917 г. Центрального государственного архива Москвы, Центрального хранилища документов после 1917 г. Центрального государственного архива Москвы, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военно-исторического архива, научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки), Санкт-Петербурга (Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки), Смоленска (Государственного архива Смоленской области, фондов Смоленского музея-заповедника), Твери (Государственного архива Тверской области, документальных фондов Тверского государственного объединенного музея), Пскова (Государственного архива Псковской области). В исследовательское поле попали личные фонды⁸⁵, фонды учебных заведений⁸⁶, благотворительных организаций⁸⁷, государственных органов

⁸⁵ ГАРФ (Ф. 618. Н.Ф. Карловой; Ф. 1146. Волконских; Ф. 613. О.В. Палей, Ф. 919. Долгоруковых, Ф. 6404. М.П. Кайленской); РГАДА (Ф. 1290. Юсуповых, Ф. 1272. Нарышкиных, Ф. 1271. Мятлевых, Ф. 1288. Шуваловых); РГАЭ (Ф. 3. В.А. Варсонофьевой, Ф. 328. Е.Н. Сахаровой-Вавиловой, Ф. 19. Е.А. Молдавской, Ф. 637. А.А. Чернова, М.И. Шульги-Нестеренко); ЦХД до 1917 г. ЦГАМ (Ф. 1350. В.В. Рождественского), ЦХД после 1917 г. ЦГАМ (Ф. 105. О.В. Сваричовской, Ф. 178. М.Я. Дуван, Ф. 141. Н.В. Румянцевой); НИОР РГБ (Ф. 12. З.В. Араповой, Ф. 219. Орловых-Давыдовых, Ф. 375. Е.А. Дьяконовой, Ф. 698. Е.П. Михайловой, Ф. 749. Волковых, Ф. 676. М.В. Черкасовой, Ф. 801. Слезкиных, Ф. 752. З.В. Денисьевской); РГАЛИ (Ф. 2319. М.М. Багриновского, Ф. 1042. А.А. Вербицкой, Ф. 142. А.С. Глинки, Ф. 1337. М.А. Даниловой, Ф. 3114. С.В. Евгенова, Ф. 318. Е.А. Масальско-Суриной); РГАСПИ (Ф. 264. Г.В. Плеханова, Ф. 262. В.И. Засулич, Ф. 356. Е.Д. Стасовой); РГВИА (Ф. 253. П.Н. Воронова, Ф. 277. А.П. Альбрехт, Ф. 297. Б.В. Адамовича); РГИА (Ф. 1654. Половцовых, Ф. 1044. Сабуровых, Ф. 1061. Толстых, Ф. 1075. А.И. Философова); ЦГИА СПб (Ф. 2192. Половцовых, Ф. 2212. А. Шнейдер, Ф. 2114. А.И. Брюлловой, Ф. 2192. М.И. Покровской, Ф. 2313. О.И. Олоховой); ОР РНБ (Ф. 601. Половцовых, Ф. 1086. Л.В. Шапориной, Ф. 844. О.А. Шапир); ГАСО (Ф. 121. С.Ф. Шарапова, Ф. 113. Е.Н. Клетновой, Ф. 108. Волконских, Ф. 122. В.П. Волковой); ГАТО (Ф. 1022. Фонд Абоleshевых, Ф. 1233. Фонд Кафтыревых, Ф. 1402. Фонд Лопухиных, Ф. 1041. Фонд Суворовых); ГАПО (Ф. 586. Фонд Тютчевых); СМЗ КП (фонды Краевских, Е. Клетновой, Е. Карамзиной); 30397/1. Воспоминания М.Н. Краевского) ТГОМ НА (Ф. 6. А.К. Жизневского, Ф. 7. В.И. Колосова, Ф. 10. Трубниковых, Ф. Р-48. С.А. Унковской, Ф. Р-17. Римско-Корсаковых, Ф. 9. Ф.Н. Глинки).

⁸⁶ ГАСО (Ф. 45. Фонд училищного ведомства Смоленской губернии; Ф. 829. Фонд Смоленской Мариинской женской гимназии; Ф. 819. Фонд Рославльской первой женской гимназии; Ф. 55.

власти⁸⁸, общественно-политических объединений⁸⁹, родовспомогательных учреждений⁹⁰, Духовной консистории⁹¹.

Цель и задача исследования, использованные при работе методы и подходы особой значимостью наделили источники личного происхождения. Основное внимание было направлено на поиск и анализ все еще остающихся в отечественных исторических исследованиях маргинальных, вспомогательных источников⁹² – *женских и девичьих эгодокументов*, представленных в форме дневников, писем, автобиографий, воспоминаний, записных книжек, «родительских дневников». Отечественный филолог И. Савкина назвала женские автобиографии россиянок источниками «тройной маргинальности»⁹³. Известный славист Б. Хельдт отмечала сконцентрированность русской автобиографической традиции на социально-политических проблемах. В связи с этим эгодокументы женщин, не отличившихся в политике, науке, общественной деятельности, длительное время не рассматривались российскими исследователями как социально значимые свидетельства⁹⁴. В последнее десятилетие отечественные гендерологи, историки повседневности стремятся переломить существующую научную традицию, вовлекая женские нарративы россиянок в исследовательское поле.

Фонд Сычевской женской гимназии); ГАТО (Ф. 12. Фонд Тверской Мариинской женской гимназии; Ф. 13. Фонд частного женского учебного заведения А.А. Римской-Корсаковой; Ф. 15. Фонд Тверской женской гимназии М.П. Янковской; Ф. 14. Фонд Тверской женской гимназии М.А. Иллюминарской); ГАПО (Ф. 7. Фонд Псковской Мариинской женской гимназии).

⁸⁷ ГАРФ (Ф. 1795. Фонд Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества); РГИА (Ф. 767. Фонд Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества).

⁸⁸ РГИА (Ф. 1276. Фонд Совета министров); ГАСО (Ф. 1. Канцелярии Смоленского губернатора; Ф. 1289. Фонд жандармского управления Смоленской губернии; Ф. 2. Фонд Смоленского губернского правления; Ф. 369. Фонд Всероссийского земского союза); ГАТО (Ф. 59. Фонд Канцелярии Тверского губернского предводителя дворянства); ГАПО (Ф. 20. Фонд канцелярии Псковского губернатора); ТГОМ НА (Ф. 4. Фонд Тверского дворянского депутатского собрания).

⁸⁹ ГАРФ (Ф. 516. Фонд Союза равноправия женщин); РГИА (Ф. 1335. Фонд Российского общества защиты женщин).

⁹⁰ ЦХД до 1917 г. ЦГАМ (Ф. 425. Фонд городского родильного дома им. Лепехина для рожениц и родилиц).

⁹¹ ГАТО (Ф. 160. Фонд Духовной консистории Тверской губернии); ГАПО (Ф. 39. Фонд Духовной консистории Псковской губернии).

⁹² Kelly C. An Anthology of Russian Women's Writing, 1777–1992. Oxford: Oxford University Press, 1994; Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007; Савкина И. «Пишу себя...». Женские автодокументальные тексты в русской литературе XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001.

⁹³ Савкина И. «Пишу себя...». Женские автодокументальные тексты в русской литературе XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. С. 3.

⁹⁴ Heldt B. Terrible Perfection. Women in Russia Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1987.

В общей сложности в ходе работы над диссертацией были проанализированы около 100 женских дневников и мемуаров, а также около 400 женских и мужских писем, извлеченных из архивных фондов. В представленном исследовании женские нарративы являются основным источником, в то время как официальные документы (законодательные акты, нормативные документы, делопроизводственные материалы) второстепенными по значимости.

Преследуя цель изучить женскую субъективность в историческом контексте, когда «устные истории» «респонденток» не доступны, чрезвычайную важность приобретают женские автобиографические тексты. Согласно антропологически-ориентированным исследованиям, основное содержание *«реальности повседневной жизни»* (П. Бергер, Т. Лукман) составляет восприятие субъектами повседневной жизни с учетом их пространственного и временного расположения⁹⁵. Женское переживание повседневности существенно отличается от мужского, особенно в условиях доминирования патриархатного гендерного порядка. По мнению психологов, запоминание женщин более подробно, эмоционально, экспрессивно, нежели мужское⁹⁶. Современные феминистские исследовательницы, гендерологи полагают, что женская автодокументалистика – ведущий источник, позволяющий репрезентировать женскую субъективность⁹⁷. Э. Шоултер в работе «Женское безумие. Женщины, безумие и английская культура, 1830–1980», а также С. Гилберт и С. Губар в книге «Безумная на чердаке: женщина-писательница и литературное воображаемое в XIX веке» доказывают, что основной формой женского литературного письма является автобиографическое,

⁹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С.41-43.

⁹⁶ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993; Ross M., Holmberg D. Are Wives Memoires for Events in Relationships More Vivid than their Husband's Memoires? // Journal of Social and Personal Relationship. 1992. № 9. P. 585-604; Bloise S.M., M.K. Johnson Memory for emotional and neutral information: Gender and individual differences in emotional sensitivity // Memory. 2007. № 15 (2). P. 197-204; Иванова Е.Ф. О гендерных особенностях памяти // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 244.

⁹⁷ Davis P.J. Gender Differences in Autobiographical Memory for Childhood Emotional Experiences // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. № 76. P. 498-510; Adams S., Kuebli J., Boyle P.A., Fivush R. Gender differences in parent child conversations about past emotions: A longitudinal investigation // Sex Roles. 1995. № 33. P. 309-323; Bauer P.J., Stennes L., Haight, J.C. Representation of the inner self in autobiography: Women's and men's use of internal states language in personal narratives // Memory. 2003. № 11. P. 27-42; Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сб. ст. под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Тёмкиной. СПб.: Д. Буланин, 2002. С. 549-558; Пушкирёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. С. 293-329.

так как именно в нем авторы находят способ собственного признания⁹⁸. Об особой миссии женского текста, помогающего «раскопать» подлинный женский опыт, «услышать» настоящий голос женской личности писала Х. Сиксу⁹⁹. В связи с этим автобиографические нарративы, принадлежавшие русским дворянкам второй половины XIX – начала XX века, оказались едва ли не единственным источником, легитимирующим эмоциональность женщин, их субъективность, а также женские телесные практики (сексуальные отношения, беременность, роды, кормление грудью), табуированные в официальных источниках. Женщины в автобиографических текстах выступали в роли носительниц и трансляторов знаний о повседневном, в то время как мужские тексты воспроизводили события в социально-политической, событийной сфере¹⁰⁰. Мужчины, если и писали о семейной жизни, детях, то их тексты редко передавали эмоции и переживания, особенности межличностной коммуникации членов семьи. Важно учитывать тот факт, что повседневная жизнь представительниц высших слоев общества в большинстве своем на протяжении всего XIX века концентрировалась вокруг семьи и домашнего пространства. Несмотря на процессы эмансипации, вовлечения женщин в сферу образования и профессиональной деятельности, семья, материнство оставались особо значимой сферой, через которую они реализовывали собственную гендерную идентичность. Замыкание сферой семейной жизни в конце XIX века было связано с процессом социального конструирования типа «сознательной матери» и добропорядочной хозяйки.

Особую ценность для проводимого исследования представили *женские дневники*, так как в них женщины фиксировали свои мысли, изливали собственные чувства, самопрезентировали себя в формате «здесь и сейчас». Дневники обладают рядом преимуществ перед устным рассказом респондента, часто применяемым в этнографии. В дневнике отражена субъективность автора на момент происходящего события, сохраняя рефлексивность размышлений, в то время как в

⁹⁸ Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 33

⁹⁹ Cixous H. The Laugh of the Medusa // Signs. 1976. № 1. P. 875-899.

¹⁰⁰ Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. С. 294.

устных историях «на воспоминания накладываются впечатления современности и срабатывает эффект места и времени»¹⁰¹.

Дневники, по большей части были рассчитаны на собственное прочтение, а следовательно, в меньшей степени, чем воспоминания и автобиографии, были ориентированы на самопрезентацию. В них «информантки» концентрировались не столько на описании происходивших событий, сколько на передаче своих внутренних ощущений от пережитого. Юная Маргарита Сабашникова, впервые взявшись за перо, писала: «Затем я купила себе толстую черную тетрадь для дневника и принялась писать – чтобы ни одно переживание моей внезапно ставшей для меня столь интересной персоны не было потеряно для мира»¹⁰². Она подчеркивала, что все переживания в дневнике, касавшиеся исключительно ее самой, представляют для нее огромную ценность. В дневниках мир эмоциональных переживаний с его сомнениями, тревогами представлен наиболее ярко и остро.

Стремление к исследованию повседневного мира матери, ее субъективного восприятия своего места в семье и обществе, эмоциональных переживаний, связанных с материнской социализацией, беременностью, родами и уходом за детьми – все это явилось причиной для систематизации и выделения источников личного происхождения в отдельные группы. Одним из критериев разделения женских нарративов, как обнаруженных в архивах, так и опубликованных, явилось ранжирование по возрастному и семейному статусу авторов. Были выделены дневники, воспоминания, письма, принадлежавшие девочкам пубертатного возраста (11–16 лет), молодым незамужним девушкам, молодым матерям (в основном первородящим, так как чувственное восприятие материнства в данном случае было острее и ярче), многодетным матерям, незамужним женщинам и вдовам. Женские нарративы также ранжировались в зависимости от отношения дворянок к роли жены и матери, от социального статуса женщин (аристократки, представительницы среднего, обедневшего дворянства), от их территориального проживания (столичные/провинциальные дворянки, горожанки/жительницы поместий и усадеб). Данный подход позволил выделить различные типы женщин: от погруженных в материнские заботы до полностью отрицавших деторождение.

¹⁰¹ Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адамы и Евы. М.: СГТУ, 2001. С. 45.

¹⁰² Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 50.

Особую ценность представляли дневники, которые «информантки» вели на протяжении всей жизни. Сложно согласиться с зарубежными исследователями женских нарративов¹⁰³, которые подчеркивали, что чаще в архивах встречаются дневники незамужних девушек, которые по природе более склонны к рефлексивным размышлениям о себе, своем поведении, взаимоотношениях с окружающими, чем замужние женщины. При работе над исследованием были обнаружены многочисленные дневники, принадлежавшие провинциальным матерям-дворянкам. Представительницы привилегированного сословия, располагая значительным объемом свободного времени, часто брались за перо, описывая свои повседневные переживания и заботы. Эта практика была не просто распространенной среди замужних женщин, она превратилась в своеобразный ритуал. Дневник выступал в роли собеседника, которому дворянки изливали свои переживания. Для замужних женщин, матерей-дворянок, часто погруженных в повседневные домашние заботы, страницы дневников становились чуть ли не единственной областью, позволявшей выразить собственную индивидуальность, мир своих переживаний и забот. В повсеместную продажу входили специальные женские тетради-дневники, особо декорированные, нередко оснащенные миниатюрными замочками и закладками. Культуру автобиографического письма матери нередко передавали своим дочерям, преподнося красивые тетради-дневники в качестве подарков.

Особую ценность из женских нарративов имели «материнские тексты», в которых женщины описывали собственный опыт материнства. Наиболее репрезентативными из обнаруженных в личных фондах архивов эгодокументов оказались дневники и воспоминания О.В. Палей, С.Ф. Вонлярлярской (ГАРФ, ф. 613, 618); А.А. Знаменской, А.А. Вербицкой, Е.П. Андреевой, В.П. Багриновской, Е.И. Шахматовой, Н.А. Копьевой, М.А. Даниловой (РГАЛИ, ф. 142, 1042, 3114, 318, 2319, 1337); О.А. Мятлевой (Лопухиной), О. Шуваловой, Т.Н. Юсуповой, И.А. Юсуповой (РГАДА, ф. 1271, 1288, 1290), О.В. Сваричовской, М.Я. Дуван (ЦХД после 1917 г. ЦГАМ, ф. 105, 178), В.А. Варсонофьевой, Е.Н. Сахаровой-Вавиловой,

¹⁰³ Cott N. Root of Bitterness: Documents of the Social History of American Women. Lebanon: Northeastern University Press, 1996; Cott N. Public Vows: A History of Marriage and the Nation. Harvard University Press, 2002.

Е.А. Молдавской, М.И. Шульги-Нестеренко (РГАЭ, ф. 3, 328, 19, 637); Е.А. Дьяконовой, З.В. Араповой, Е.П. Михайловой, З. Денисьевской, М.З. Холодковской, О. Ереминой (НИОР РГБ, ф. 375, 126, 98, 752, 749, 801); Н.А. Зыбиной, М.Н. Покровской, Е.Н. Половцовой (РГИА, ф. 1044, 1061, 1654); А.И. Брюлловой, М.И. Покровской, О.И. Олоховой, В.А. и А.А. Половцовых (ЦГИА СПб, ф. 2125, 2114, 2313, 2192); Л.В. Шапориной, А.А. Половцова, Е.Н. Половцовой, К.А. Половцовой (ОР РНБ, ф. 1086, 601), С.Ф. Шарапова (ГАСО, ф. 121), Н.З. Краевского, Е.Н. Клетновой (фонды Смоленского музея-заповедника), С.А. Унковской, А.А. Ждановой, А.Н. Римской-Корсаковой (музейные фонды г. Твери).

На страницах женских дневников представлены сложные эмоциональные переживания девичества, беременности, деторождения, супружеских отношений. Дворянки второй половины XIX века были достаточно откровенны в описаниях собственного антропологического опыта материнства по сравнению со своими предшественницами. Данный факт являлся свидетельством важнейших процессов, происходивших в частной жизни дворянок. Многие аспекты, связанные с репродуктивным поведением, ранее табуированные на страницах женских автобиографий, были легализованы в текстах женщин индустриальной России. Материнство в женском восприятии становилось осмысленным, свободным выбором и чрезвычайно важной областью обретения собственной идентичности. В ряде источников авторы были предельно откровенны, что позволило взглянуть «изнутри» на темы, ранее замалчиваемые в женском письме. К примеру, В.П. Багриновская, Е.Н. Половцова, А.А. Знаменская подробным образом, в мельчайших деталях описали собственные роды, предоставляя возможность изучить особенности восприятия деторождения самими женщинами, а также реконструировать специфику домашних родов. Это свидетельствовало о значительных изменениях в социальном статусе женщины, ее социальных ролях, гендерной идентичности и самовосприятии. В то же время сохранялись темы, которые были скрытыми даже на уровне женского автобиографического письма. Описание опыта, связанного с дефлорацией, сексуальными телесными отношениями, интимной гигиеной, в том числе употреблением контрацепции, продолжало оставаться табуированным. С одной стороны, причиной тому была

репрессированная женская сексуальность, восприятие данных телесных практик как «нечистых», «животных». С другой, выражаясь словами Н.Л. Пушкарёвой, в российских женских автобиографиях изначально присутствовала стремление к эмуляции – созданию у читателя собственного положительного образа¹⁰⁴.

Благодаря обнаруженным в архивах девичьим дневникам (Е.Н. Половцовой, К.А. Половцовой, А.А. Знаменской, О.А. Мятлевой, О. Ереминой, В.А. Варсонофьевой, О.В. Сваричовской, З.В. Араповой, Е.А. Дьяконовой, О.И. Олоховой, А.А. Ждановой, С.А. Унковской, З.А. Денисьевской) представилась возможность реконструировать культуру девичества, в особенности такие закрытые от исследователя темы, как половая социализация подростков, особенности сексуального просвещения, феномен обожания в пубертате, переживания первой влюбленности. Девичьи автобиографические тексты отличались рефлексивностью, противоречивостью, экспрессивностью и эмоциональной интенсивностью письма¹⁰⁵. По мнению философов-феминисток, в детском и юношеском повествовании представлена неразъединенность с собственным телом, дети «пишут свое тело», повествуя о своих неосознанных переживаниях, неконтролируемых сознанием импульсах тела¹⁰⁶. Юные представительницы «слабого» пола, лишённые возможности вести интимные беседы с родителями, ввиду табуированности полового просвещения на уровне семейного воспитания, изливали свои мысли, описывали собственное противоречивое состояние на страницах дневников. Дневник воспринимался ими как субъект, поэтому в текстах девочки часто вели беседу с ним, называя его «другом», «милым», «дорогим сердцу». Не умея еще контролировать собственные мысли и абсолютно «доверяя» дневникам, девочки верили в сохранении тайности написанного. В связи с этим девичьи автобиографические нарративы – бесценный источник, репрезентирующий характер взаимоотношений детей с родителями, особенности сексуальной социализации девочек, приобщения к семейной и материнской жизни.

¹⁰⁴ Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. С. 333.

¹⁰⁵ Cowan N., Davidson G. Salient childhood memories // *The Journal of Genetic Psychology*. 1984. № 145. P. 101-107; Friedman A., Pines A. Sex differences in gender-related childhood memories // *Sex Roles*. 1991. № 25. P. 25-32.

¹⁰⁶ Cixous H. *The Laugh of the Medusa*. *Women's Voices*. New York, 1990.

Важно учитывать многочисленные проблемы, возникавшие при работе с женскими «тестами»: их фрагментарность, противоречивость содержания, а также сложность прочтения и интерпретации. Помимо этого современные представительницы феминистской мысли (Э. Сиксу, Ш. Фельман, Л. Иригарэ и др.) полагают, что в женском письме сложно уловить субъективность автора, его собственную позицию, так как центром автобиографической наррации выступает любимый/нелюбимый мужчина¹⁰⁷. В условиях мужского доминирования, преобладания патриархатных норм и гендерных стереотипов в семейной жизни, где творцом и актором выступал мужчина, субъективность матери-дворянки часто находилась в зависимости от мужских взглядов и оценок. Что бы ни описывала женщина (даже сугубо интимный по своему характеру родовой акт), она всегда рассматривала себя в зависимости от представлений мужчины: как оценивает это событие муж, каковы его переживания и действия. Складывалось впечатление, что дворянок, испытывавших сильнейшую родовую боль, больше заботило не собственное состояние и здоровье новорожденного, а поведение мужа. Чувство вины, неудовлетворенность настоящим, рефлексивные размышления раскрывались на страницах «материнских текстов». Отсюда – преобладание драматичного, «болевого» письма (Ш. Фельман).

Те немногие «тексты», в которых авторы выражали собственную субъективность, принадлежали, как правило, незамужним, занятым активной общественной деятельностью, или вдовым женщинам. Показательны дневники А.А. Знаменской, которые она вела на протяжении всей жизни. Ее описания собственной жизни от замужества до рождения все новых детей отличались крайней степенью драматичности и депривацией собственного «Я». Во всех своих поступках она искала одобрения мужа, эмоционально находясь в сильнейшей зависимости от него. Дневниковые записи А.А. Знаменской стали более уравновешенны, она стала рассуждать о собственных желаниях и идеалах, фактически становясь центром собственного письма, только после смерти мужа. Следует отметить, что степень драматичности женского письма в условиях пореформенной России усилилась по сравнению с предшествующим периодом. С

¹⁰⁷ Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 152-160.

одной стороны, жизнь дворянки доиндустриальной России была размеренна и предсказуема. Это выражалось и в том, что опасность остаться одной, покинутой мужем, в условиях традиционного общества практически отсутствовала. С либерализацией общества, разрушением патриархальных семей страх перед одиночеством возрастал, что оказывало существенное влияние на женские переживания. С другой стороны, в пореформенной России появлялись различные стратегии для личностного роста женщин (получение образования, возможность самостоятельно зарабатывать, заниматься наукой, творчеством, благотворительностью и др.). Однако немногие дворянки решались претворить их в собственной жизни. Ограниченность рамками семейной жизни и потребность в освоении новых сфер деятельности усугубляли их эмоциональное состояние и повышали драматизм женского повествования. Желание быть Другой и стремление к иной жизни представлены на страницах дневников как известных женщин, так и никому не известных дворянок.

При проведении исследования было изучено свыше 400 *женских и мужских писем*. Женские письма в меньшей степени, чем дневники отражают субъективность автора. Повествование в них сдержанное, зачастую облаченное в нормы приличия и светского этикета, но в то же время более яркое и содержательное, чем в мужской переписке, которая часто носила деловой характер. В большинстве семейных фондов преобладали письма, принадлежавшие женщинам, которые отвечали за социальную коммуникацию, выступая транслятором семейных ценностей. Личная переписка явилась важнейшим источником по изучению женской повседневности. Обнаруженные письма условно были разделены на группы, в зависимости от субъектов переписки: письма между супругами, матерью и детьми, влюбленными, родственниками, прислугой. На страницах личной семейной переписки запечатлелись такие области материнской повседневности, как подготовка к родам, поиск акушеров и врачей, грудное вскармливание, покупка и пошив одежды для новорожденного, поиск кормилиц, уход за ребенком, контакты с педиатрами, болезни и смерть детей. В эмоциональном отношении более содержательна интимная переписка между влюбленными и супругами. Она позволяет изучать особенности супружеских взаимоотношений и свидетельствует о существовавшей гендерной системе.

Помимо женских нарративов использовались и «мужские тексты». Подавляющее большинство мужских эгодокументов было ориентировано не на описание собственного антропологического опыта, эмоциональных переживаний, а на повествование о своей публичной деятельности. Существовавшие конструкты маскулинного поведения табуировали выражение мужчинами эмоциональных переживаний, связанных с семейной жизнью. Все что касалось семьи, отцовства, домашнего пространства в их восприятии представлялось малозначимым, не требующим словесного описания. В мужских текстах, по мнению исследователей, редко встречалась «пережитая» история, а доминировала событийное описательство¹⁰⁸. В то же время этот «недостаток» мужских текстов стал хорошим дополнением в репрезентации отдельных сюжетов родительства. В ряде обнаруженных мужских текстов была представлена не столько эмоциональная, «пережитая» история частной жизни, сколько событийное повествование, связанное с важнейшими областями семейной жизни. В частности, в автобиографических документах смоленского помещика, публициста С.Ф. Шарапов (фонд 121 ГАСО) удалось обнаружить ценнейший материал (был собран автором в ходе многочисленных личных бесед со знакомыми), раскрывавший драматичную картину начала семейной жизни (С.Ф. Шарапов приводил факты сексуальной безграмотности молодых жен и частых сцен насилия со стороны более просвещенных мужей). Подобные темы практически не находят отражение в женском автобиографическом письме, ввиду крайней интимности содержащейся в них информации. Еще одним примером достоинства мужских эгодокументов – дневники из фондов семьи Половцовых (фонды 1654 РГИА, фонд 2192 ЦГИА СПб, фонд 601 ОР РНБ). Принадлежав к плеяде «сознательных отцов», А.В. Половцов не только присутствовал на родах жены, но и скрупулезно их описывал. Повествование бедно в эмоциональном отношении, но изобилует всевозможными подробностями, вследствие чего оно явилось ценным свидетельством для изучения домашних родов.

¹⁰⁸ Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-69; Пушкарёва Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31-40; Савкина И.Л. «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Тампере, 2001; Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010.

Важными источниками информации явились *опубликованные женские дневники, письма, воспоминания*. Несмотря на возрастающий интерес издателей к мемуарной литературе, большая часть опубликованных автобиографических текстов принадлежит знаменитым женщинам, спутницам известных мужчин, в которых авторы описывают событийную сторону жизни. Информативными на предмет материнства, репродуктивного поведения, любовных отношений оказались воспоминания и дневники С.А. Толстой, Т.Л. Сухотиной-Толстой, А.Г. Достоевской, Е.И. Конради, Т.М. Кардиналовской, З.Г. Гиппиус, Е.А. Дьяконовой, Л.Д. Блок, О.К. Булановой-Трубниковой, А.А. Вербицкой, М.К. Башкирцевой, М.А. Бекетовой, А.А. Ахматовой, Н.И. Петровской. Дневники и воспоминания С.А. Толстой, Е.И. Конради предоставили возможность анализировать сложности интенсивного материнства, тяготы нового конструкта «сознательной матери» в повседневной жизни дворянки, сложности грудного вскармливания, эмоциональные переживания, связанные с детскими болезнями и смертями¹⁰⁹. В дневнике Т.Л. Сухотиной-Толстой отразилась драматичная картина невынашивания и частых выкидышей¹¹⁰. Эгодокументы, принадлежащие Л.Д. Блок, А.А. Ахматовой, Н.И. Петровской¹¹¹, демонстрируют сложное отношение к материнству вплоть до его отрицания. В женских нарративах З.Г. Гиппиус, М.К. Башкирцевой, А.П. Суловой представлен тип сексуальных женщин, холодно относящихся к роли матери¹¹². В тоже время их тексты позволяют анализировать особенности сексуальной социализации и революции в сексуальном поведении женщин в начале XX века. Эгодокументы представительниц женского феминизма, как либерального, так и радикального, демонстрировали безразличное отношение к материнству, которое они нередко приносили в жертву во имя общественно-

¹⁰⁹ Толстая С.А. Записки прошлого. Воспоминания и письма / Ред. С.Л. Толстого. М.: Кооп. изд-во «Север», 1932; Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8; Конради Е.И. Исповедь матери / Сочинения в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899.

¹¹⁰ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979.

¹¹¹ Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913 / Сост. Н.А. Богомоллова, А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2004; Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014; Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен. 1979.

¹¹² Сулова А.П. Годы близости с Достоевским / Ред. С. Бахрушина, М. Цявловского. М.: Изд. Сабашниковых, 1928; Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой. М.: Искусство, 2001; Гиппиус З.Г. Дневник любовных историй // Гиппиус. З.Г. Дневники. Т. 1 / Ред. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 35-89.

политической деятельности¹¹³. Культура детства и девичества представлена в автобиографических зарисовках Е.Н. Водовозовой, Л.А. Чарской, А.А. Вербицкой, Н.А. Лухмановой, К.В. Лукашевич, В.С. Махцевич, М.В. Сабашниковой¹¹⁴.

Несмотря на то что женские эгодокументы позволяют «услышать» матерей, раскрыть мир женской субъективности, вести повествование от лица авторов, данный источник не совершен и требует привлечения иных материалов с целью верификации практик, описанных в женских текстах, и соотнесения представленной информации с реальным положением дел. Например, касаясь такой сложно переживаемой «респондентками» темы, как ограничение собственной репродуктивной функции, в женских нарративах часто авторы критиковали данную практику, относя ее к разряду аморальных. В то же время общероссийские статистические данные и биографические сведения из жизни отдельных женщин свидетельствовали о неуклонной тенденции рационализации сексуального поведения в высших слоях общества, что приводило к сокращению количества детей в семьях. Привлечение иных источников – историй болезней, частных случаев, приведенных на страницах медицинской литературы, демонстрирует, что средства контрацепции прочно входили в семейную жизнь дворянства. «Материнские тексты» представляли неоднозначные сведения относительно причин отказа дворянок от самостоятельного грудного вскармливания.

При подготовке диссертационного исследования весьма ценным источником явились *истории болезней, медицинские истории беременности и родов, результаты медицинских анализов*. Анамнез тех или иных заболеваний, особенности течения родового процесса, результаты медицинских анализов – чрезвычайно интимные свидетельства, редко попадавшие в коллекцию документов

¹¹³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012; Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка Брешко-Брешковская Е.К. о самой себе. Пг.: Изд-во Народная власть, 1917; Засулич В. Воспоминания. М.: Изд-во политкаторжан, 1931; Стасова Е.Д. Воспоминания. М.: Изд-во Мысль, 1969; Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 томах. М.: Изд-во Мысль, 1964.

¹¹⁴ Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1911; Чарская Л.А. Записки институтки. М.: Республика, 1993; Лухманова Н.А. Девочки. Воспоминания из институтской жизни. СПб: Изд. А.С. Суворина, 1899; Лукашевич К.В. Мое милое детство: Автобиографическая повесть к моим читателям. М.: Сибирская благовонница, 2011; Махцевич В. Веселые будни. Из воспоминаний гимназистки. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1912; Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993.

личных фондов. Кроме этого эти документы редко оказывались на руках у «пациентов», оставаясь в распоряжении врачей, которые не обязаны были отчитываться за частную практику перед государственными службами. К тому же женщины даже из привилегированного сословия не так часто обращались за помощью к квалифицированным специалистам. Результаты врачебных осмотров, анализы, истории болезней были обнаружены в фондах семьи Юсуповых (ф. 1290 РГАДА), Волконских (ф. 108 ГАСО), Половцовых (ф. 1654 РГИА, ф. 601 ОР РНБ).

Репрезентировать образ жизни «сознательных родителей» помогли «родительские дневники», получившие распространение в начале XX века. Попытки осмыслить и интерпретировать содержание данного исторического источника предпринимались в немногочисленных работах¹¹⁵. Изучение автобиографических документов, извлеченных их архивных фондов, позволяет усомниться в том, что «родительские дневники» исключительно результат подражательства российских дворян европейским «новым родителям»¹¹⁶. Наиболее ранний из обнаруженных «родительских дневников» («Замечания об Мишеньке») датировался 1830 г. и принадлежал В.А. Половцову¹¹⁷. При подготовке исследования в общей сложности было проанализировано около 10 архивных «родительских дневников» и дневниковых записей¹¹⁸, а также 9 опубликованных образцовых (составлены врачами, педагогами) дневников матери¹¹⁹. «Родительские

¹¹⁵ Byford A. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Russian review. 2013. Vol. 72. № 2. P. 212-241; Байфорд Э. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8; Веремченко В.А. Родительский дневник как элемент новой системы дворянского семейного воспитания в России во второй половине XIX – нач. XX в. (на примере дневника Е.С. Зарудной-Кавос) // Воспитание: возможности, реалии, перспективы: мат. науч.-практ. конф. / Ред. Н.В. Поликутина. Бокситогорск, 2012. С. 44-48.

¹¹⁶ Byford A. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Russian review. 2013. Vol. 72. № 2. P. 212-241.

¹¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2192. Оп. 1. Д. 10.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 30, 32; РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9, 13; ОР РНБ. Ф. 601. № 55, № 645, № 1569; ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1; ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5; РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383.

¹¹⁹ Жук В.Н. Дитя. Дневник матери. Альбом для записи наблюдений над физическим развитием ребенка. Первые три года жизни. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892; Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Тип. М. Стасюлевича, 1911; Левоневский А.Ф. Мой ребенок. Наблюдения над психическим развитием мальчика в течение первых четырех лет его жизни. СПб.: О. Богданова, 1914; Е.Б. Из дневника матери // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 29-42; № 2. С. 17-34; Кричевская Е. Моя Маруся: Записки матери. Пг.: Тип. Р. Шварца, 1916; Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери: Записки о душевном развитии ребенка от рождения до 7-летнего возраста. М.: Практические знания, 1916; Ивѣ В. Из дневника отца // Психология и дети.

дневники» дали возможность изучать особенности социального конструирования нового типа идеальной матери, формирования врачебного патронажа, зарождения «сознательного отцовства» и семей «детоцентристского» типа, ухода за новорожденными, грудного вскармливания и влияния процессов медиализации и коммерциализации на повседневную жизнь материи дитя.

Бракоразводные дела, хранящиеся в архивных фондах духовной консистории губерний (были изучены фонды духовной консистории Псковской, Тверской, Смоленской губерний), позволили на конкретных случаях проанализировать общероссийскую тенденцию трансформации семей традиционного типа и роста юридической, имущественной самостоятельности жен.

Особую значимость имели *источники медицинского характера*. Они позволили сопоставить уровень развития медицины в области педиатрии, акушерства и гинекологии с реальным применением этих знаний на практике, а также проанализировать, насколько сложно проходила медиализация материнства и детства. При подготовке диссертационного исследования были изучены учебники и атласы по акушерству, гинекологии, женским болезням, уходу за детьми, изданные с 1860-х годов по 1917 год (В.Н. Жука, В.М. Флоринского, А.П. Губарева, М.И. Горвиц, Е.С. Дрентельн, Н.Н. Феноменова, Д.О. Отта, Н.И. Побединского, М.М. Манасеиной, А.А. Дерновой-Ярмоленко, В.Ф. Снегирева, З.О. Мичник и др.)¹²⁰. Ценность источников медицинского характера состояла и в том, что врачи на страницах научных изданий приводили частные случаи из собственной акушерской и гинекологической практики, которые существенно дополняли картину репродуктивной культуры в России. Цензоры не так тщательно проверяли учебники по акушерству, гинекологии и педиатрии, что позволяло авторам размещать в книгах откровенные факты об особенностях интимной жизни

1917. № 6-8. С. 5-79; Соколов Н. Жизнь ребенка (по дневнику отца). М.: Тип. Н. Желудковой, 1918.

¹²⁰ Манасеина М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870; Флоринский В. Курс акушерства и женских болезней: гинекология. СПб.: б/и, 1870; Горвиц М. Руководство к патологии и терапии женской половой сферы. Ч. 1. СПб.: Изд. Риккера, 1874; Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902; Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906; Рунге М. Учебник по гинекологии. СПб.: Практическая медицина, 1913; Отт Д. Оперативная гинекология. СПб.: Гос. тип., 1914; Губарев А.П. Медицинская гинекология, или гинекология практического врача. Пг.: Практическая медицина, 1917; Дрентельн Е.С. О механизме родов // Акушерка. Кн. 3. № 5-6. С. 65-77.

населения. Нередко именно литература медицинского характера становилась для девочек основным источником сексуального просвещения. Особой популярностью среди взрослого населения пользовался труд К.И. Дрекслера¹²¹, посвященный актуальным способам искусственной контрацепции. Это исключительный источник информации, так как автор в нем затрагивал темы, связанные с сексуальной жизнью населения, табуированные на уровне эгодокументов. Санитарные врачи и гигиенисты в медико-статистических описаниях также нередко приводили примеры из собственной практики, существенно дополнявшие картину репродуктивного здоровья населения¹²². Наравне с учебной литературой были проанализированы уставы и отчеты медицинских заведений. Уставы частных родовспомогательных заведений, родильных отделений дали возможность реконструировать картину стационарных родов¹²³. Подробный анализ журналов городского родильного дома Москвы для рожениц и родильниц (ЦХД до 1917 г. ЦГАМ, фонд 425) позволил оценить число дворянок, рожавших в стационаре. Статистические сведения об акушерских операциях, выполняемых в стационарах, были взяты также из отчетов родильных отделений различных медицинских учреждений¹²⁴.

¹²¹ Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910.

¹²² Бензенгр В.Н. К антропологии женского населения Москвы и Центральной России. М.: б/и, 1879; Жбанков Д.Н. К вопросу о плодовитости замужних женщин // Врач. 1889. № 13; Членов М.А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студ. мед. изд. комис., 1909.

¹²³ Устав женской лечебницы с родильным отделением врача М.А. Амчиславского в г. Харькове. Харьков: Тип. Х.М. Аршавской, 1898; Устав родовспомогательного и учебного родовспомогательного заведения имени Ф.В. Чижова, состоящего в ведении Костромского уездного земства. Кострома: уезд. губерн. тип., 1902; Устав хирургической и акушерской лечебницы доктора медицины А.И. Макиевского в Москве. М.: Тип. Россихина, 1903; Устав родовспомогательного учебного заведения в г. Ялте, учрежденного бывшим профессором акушерства и женских болезней И.И. Федоровым. Ялта: Тип. Л. Лупадиной, 1910; Устав частного родовспомогательного заведения акушерки Л.А. Горизонтовой в г. Казани. Казань: Тип. И.Н. Харитоновой, 1911; Устав частной акушерской и женской лечебницы с родильным отделением В.В. Дункель в Москве. М.: губ. тип., 1911 и др.

¹²⁴ Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург: Тип. Н.Л. Филипповой, 1888; Медицинский отчет Московского родовспомогательного заведения Императорского Воспитательного дома за 1876, 1878, 1888, 1899 гг.; Отчет по городскому родильному дому им. А.А. Абрикосовой. М.: Город. тип., 1909; Отчеты Смоленской губернской земской больницы за 1880–1911 гг.; Отчет по городскому родильному дому им. С.В. Лепехина. М.: б/и., 1909–1912; Деятельность родильного дома им. З.Ф. Могилицевой за 1914 г. и сравнительно за пятилетний период со дня открытия его 1 мая 1910 г. Брянск: б/и., 1915; Отчет по Рязанскому городскому родильному дому и детскому приюту им. «Сергея Живаго». Рязань: б/и., 1912–1913.

При изучении процесса социального конструирования материнских типов были привлечены *литературные произведения* как классические, так и бульварные. В художественной литературе содержались чрезвычайно важные свидетельства о репродуктивном поведении женщин, которые сложно было найти в иных источниках. К примеру, в произведении Л.И. Гумилевского «Счастливый случай» подробно представлено описание того, каким образом в среде обеспеченных слоев общества происходила легализация абортивных практик. Эти сведения существенно дополнили краткие указания на подобные манипуляции в медицинской литературе и легкие намеки в женской мемуаристике. Революцию в сексуальном поведении, легализацию половых вопросов, утверждение новых идеалов женственности демонстрировали резонансные произведения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал («Тридцать три уroda»), А.А. Вербицкой («Ключи счастья»), Л.Н. Андреева («В тумане», «Бездна»), М.П. Арцыбашева («Санин», «Ужас»), Ф.К. Сологуба («Творимая легенда»), О.П. Руновой («Ничего святого»), О.А. Шапир («Антиподы», «Без любви», «Любовь», «Записки мужа»), А.Я. Мар («Женщина на кресте»). Авторы произведений нередко описывали раскрепощенных женщин, демонстрировавших свободу в сексуальном и репродуктивном поведении (использование средств контрацепции, абортов).

Среди *делопроизводственных источников* были использованы материалы заседаний педагогических и попечительских советов учебных заведений, общественных и частных благотворительных организаций, чья деятельность была направлена на охрану материнства и младенчества, общественно-политических съездов, участники которых затрагивали проблемы, связанные с репродуктивным поведением населения. Изучая *делопроизводственные документы женских гимназий и прогимназий*, хранящиеся в архивных фондах (ГАСО. Ф. 829, 819, 45, 55; ГАТО. Ф. 12, 13, 14, 15; ГАПО. Ф. 7), меня интересовала не столько система женского образования, сколько особенности социокультурной среды учебных заведений, социального поведения и повседневной жизни учащихся и учащихся. Учитывая тот факт, что большинство начальниц, учительниц гимназий – дворянки по происхождению, их личные дела позволяли анализировать семейное положение работавших интеллигенток. Изучение журналов заседаний педагогических советов проливали свет на нравственное поведение воспитанниц и его трансформацию в

сторону большей свободы и независимости, в том числе в сфере сексуальных отношений.

Отчеты, уставы многочисленных благотворительных организаций дали возможность оценить характер социальных мер в области охраны материнства и младенчества. В задачи исследования не входило изучение социальной политики в этой сфере, в то же время анализ данного материала позволил раскрыть проблему социального конструирования материнства в рассматриваемый период и определить, каким образом материнство превратилось в важнейший социальный институт. Большинство благотворительных организаций были ориентированы на помощь матерям из низших социальных слоев, лишь небольшая часть из них вовлекала в свою клиентскую базу женщин из привилегированных сословий. Делопроизводственные материалы таких организаций, как «Капля молока», «Союз для борьбы с детской смертностью», «Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества» внесли вклад в изучение проблем грудного вскармливания детей, развития «кормиличного промысла», особенностях искусственного младенческого вскармливания в России¹²⁵. Особую значимость имели материалы Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, пытавшегося в тяжелейших условиях войны разработать общероссийскую систему защиты материнства и младенчества.

Опубликованные и архивные *делопроизводственные документы, отчеты общественных организаций, съездов* (первого Всероссийского женского съезда, двенадцатого Пироговского съезда, съездов общества Российских акушеров и гинекологов, Всероссийского съезда по борьбе с детской смертностью, съездов криминалистов, первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге, собраний Всероссийского попечительства по охране материнства и

¹²⁵ «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен- Нобель. СПб.: Тип. «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1910; Годовой отчет о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1907–1912 гг. СПб.: б/и., 1908–1913; Отчет Киевского Общества «Капля молока» за 1913 год. Киев, 1914; Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. СПб., 1914; Состоящее под Августейшим Покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Всероссийское Попечительство об охране материнства и младенчества. Денежный отчет за 1915 год. Пг., 1916; Краткий отчет о деятельности Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Пг.: Гос. тип., 1917; Краткий отчет о деятельности Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества за 1915 год. Пг.: Гос. тип., 1916; Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. Пг.: Гос. тип., 1917.

младенчества¹²⁶) позволили сделать вывод о росте социальной значимости проблем, связанных с репродуктивным поведением, материнством, абортивной практикой, контрацепцией. Изучение докладов (среди выступающих все чаще были женщины), озвученных на съездах, дало возможность оценить взгляды научного сообщества на предмет социального статуса матери, ее роли в обществе. Материалы двенадцатого Пироговского съезда были привлечены при исследовании проблемы контрацепции.

При работе над исследованием был проведен *анализ дореволюционной периодики* на предмет отражения материнской тематики. Женские журналы феминистского толка («Женская жизнь», «Женский вестник», «Женское дело», «Женщина», «Союз женщин», «Первый женский календарь») были сконцентрированы на политических правах женщин. Однако в начале XX века все чаще авторы затрагивали проблемы материнства. Анализ известных научно-популярных изданий («Русское богатство», «Семейное воспитание», «Русская школа», «Исторический вестник», «Родина», «Семья») также продемонстрировал тенденцию возросшего значения материнской темы в общественно-политическом, культурном, литературном дискурсах. Изучение журналов для «хозяек» и «модниц» («Журнал для женщин», «Журнал для хозяек», «Журнал для семьи», «Дамский мир», «На помощь матерям», «Вестник моды», «Модный магазин», «Модный свет», «Столица и усадьба»), хоть и касавшихся различной целевой аудитории, свидетельствовало о повышавшейся значимости материнства в жизни женщины-аристократки. Кроме этого были привлечены профессиональные медицинские журналы («Журнал акушерства и женских болезней», «Акушерка», «Врач» (с 1902 года переименован в «Русский врач»), «Домашний врач», «Здоровая жизнь», «Земский врач»), в которых публиковались статьи, посвященные различным аспектам женского репродуктивного здоровья, новейшим достижениям в данной области, правильному уходу за новорожденными и их вскармливанию,

¹²⁶ Труды 2-го съезда общества Российских акушеров и гинекологов, Москва, 28–30 декабря 1907. М.: б/и, 1908; Труды Первого всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 1908. СПб., 1909; документы Фонда Российского общества защиты женщин (РГИА. Ф. 1335); документы фонда Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества (РГИА. Ф. 767); Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая–5 июня 1913. Выпуск II. СПб., 1913; Труды первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге с 27–31 декабря 1912 г. / Ред. Г.Б. Конухеса. СПб.: Орг. ком., 1913.

социальной политике в отношении охраны материнства и младенчества. Существенный эмпирический материал, отражавший специфику формирования материнства в качестве важнейшего социального института, был обнаружен на страницах журнала «Охрана материнства и младенчества», издаваемого в 1916–1917 годах под эгидой Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. Этот журнал явился первым в России специализированным изданием, посвященным проблемам материнства. Его ценность и в том, что он стал площадкой, объединившей широкий круг специалистов (акушеров, педиатров, санитарных врачей, статистов, участниц общественно-политического движения, благотворительных обществ). Журнал был открыт для научного диалога и дискуссий. Изучение публикаций по проблеме материнства демонстрирует существование двух противоборствующих позиций. Часть авторов активно доказывала биологическую предопределенность женской личности, превознося культ «сознательной матери» (Л.Н. Толстой, Е.Ю. Лозинский, Е. Лемешов, Н.Н. Шипов, М.В. Безобразова, В.С. Якшевич, С.Я. Елпатьевский). Другая часть, в основном состоящая из представительниц эмансипационного движения, обосновывала свободу женского выбора и право на свободное материнство (М.И. Покровская, А.М. Коллонтай, Е.И. Конради, М. Вахтина, М. Рогович, М. Пономарева, М. Анзимилова, О.А. Шапир, А.Н. Шабанова).

Самостоятельным источником информации выступила *реклама*, размещенная на страницах столичной и провинциальной прессы. Рекламные образы позволили убедиться в возраставшей коммерциализации и медикализации материнства. Товары, связанные с материнством (детское питание, особые гигиенические средства, одежда, направленные на поддержание здоровья и красоты рожавших женщин, медицинские препараты против тех или иных детских недугов) приобрели повсеместное распространение на рекламных полосах. Открытая реклама противозачаточных средств даже на страницах провинциальных новостных газет явилась косвенным свидетельством распространения данной практики в жизни женщин.

В проводимом исследовании активно осуществлялся *анализ предметов материальной культуры*. Были изучены музейные экспонаты художественных галерей и исторических музеев Смоленска, Пскова, Рязани, Твери, Новгорода,

Екатеринбурга, фотоматериалы из столичных, провинциальных архивов и частных коллекций. Предметы визуальных форм выражения дополняли картину семейной жизни начала XX века. Большое значение данные источники имели при работе над раскрытием тем, связанных с формированием новой культуры родительства, «детоцентризма» и эволюцией предметного мира новорожденного. Изучение семейных снимков показало, что дети становились центром семейной жизни, их фотографии получили широкое распространение. В тоже время отсутствие снимков беременных свидетельствовало в пользу сохранявшего табуирование их вида. Анализ предметов домашнего обихода, детских комнат (коляски, кроватки, качалки, пеленальные столики, «грядки», стульчики, игрушки) и их интерьера, женской и детской одежды, представленных на экспозициях в российских музеях, обогатил представление о материнской повседневности.

Законодательные и нормативные материалы в представленном исследовании привлекались редко, ввиду того, что исследовательский интерес был акцентирован на субъективно переживаемых практиках материнства. Кроме этого в дореволюционной России материнство практически не регулировалось законодательно, принимаемые законы касались труда матерей из фабрично-заводской среды (закон 3 июня 1885 г. о запрещении ночного труда женщин и подростков, закон о страховании рабочих на случай болезни от 23 июня 1912 года, вводивший страхование по беременности и родам). Привлечение «Законов гражданских» было вызвано необходимостью изучения норм права, регламентировавших семейную жизнь (возраст вступления в брак, необходимость взаимного согласия супругов, расторжение брака)¹²⁷. Определенное значение имело «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (редакции 1845, 1866, 1892, 1901, 1908 годов)¹²⁸, в главах которого содержались статьи о «плодоизгнании», акушерских и врачебных ошибках во время родов. Оценить

¹²⁷ Григоровский С.П. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по брачным делам. СПб.: Тип. В. Местник, 1896; Волькенштейн М.Ф. О союзе брачном. Сборник законов с разъяснениями. СПб.: Тип. А.И. Тарвид, 1902; Гаугер А. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената. СПб.: Н.К. Мартынов, 1902.

¹²⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845, 1866, 1892, 1901, 1908. СПб.: Гос. тип., 1845, 1866, 1892, 1901, 1908; Белявский Л.А. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [1885 года] в толковании юристов. СПб.: Тип. Л. Ландвигера, 1902; Громов Н.А. Законы уголовные Уложение о наказаниях уголов. и исправ., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по продолж. 1906, 1908 и 1909 г. с позднейшими узаконениями. СПб.: Н.К. Мартынов, 1911.

семейно-правовой статус женщин и детей позволили сборники «Законы о женщинах...» и «Законы о детях...», составленные Я.А. Канторовичем¹²⁹. Были привлечены также делопроизводственные дела Комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства (ф. 1276, РГИА), в рамках которой затрагивались проблемы законодательного регулирования вопросов, связанных с охраной материнства, а также материалы Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества¹³⁰ (ф. 767, РГИА). Частичное отражение в исследовании нашли законодательные акты, регулировавшие юридический статус внебрачных детей¹³¹. Были привлечены также нормативные документы, касавшиеся статуса матерей на государственной и общественной службе¹³².

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Теоретическая значимость диссертации состоит в расширении предметного поля современных отечественных этнологических, исторических, антропологически ориентированных исследований, в развитии нового междисциплинарного научного направления – материнских исследований, способных объединить наработки этнологов, антропологов, социальных историков, гендерологов, историков повседневности, историков медицины, социологов, психологов, фольклористов, филологов. Важный результат диссертации состоит в актуализации и институционализации историко-антропологического изучения материнства, включении материнских практик в качестве важнейшей страницы развития человеческого опыта в отечественные гуманитарные и социальные исследования, расширении предметной области современных исторических и этнологических работ.

Диссертационное исследование впервые вводит в научный оборот широкий круг эгодокументов, извлеченных из многочисленных архивных фондов. Представленное исследование призвано актуализировать слабо изученные в

¹²⁹ Канторович Я.А. Законы о женщинах: (Сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола). СПб.: Я.А. Канторович, 1899; Канторович Я.А. Законы о детях: Сб. постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних, с прил. Свода разъясн. по кассац. решениям Сената. СПб.: Я.А. Канторович, 1899.

¹³⁰ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXIII. 1913. Отделение I. Пг., 1916. № 39446.

¹³¹ Николин Н.С. Внебрачные дети. Узаконение и усыновление с разъяснениями Сената и образцами прошений. М.: И.К. Оппокова, 1902.

¹³² Русская женщина на государственной и общественной службе. Сборник постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности русских женщин на службе / сост. А. Полянский. М.: Изд. С. Скирмунта, 1901.

отечественных исторических и этнологических работах источники – «материнские тексты», «тексты рожениц», девичьи дневники, а также современные междисциплинарные исследовательские методы и подходы. Впервые произведенный анализ институциализации motherhood studies, развития подходов, тенденций в современных зарубежных исследованиях в области антропологии и истории материнства будет полезен для отечественных ученых, работающих в данном направлении.

Результаты диссертационной работы имеют научную ценность и прикладное значение для социальной и культурной антропологии, исторической этнологии, так как расширяют предметное поле существующих исследований, посредством анализа материнских практик в исторической ретроспективе, слабо представленных в классических историко-этнографических работах. Диссертационное исследование вносит вклад в отечественные научные изыскания в области женской истории, гендерологии, повседневной истории, реконструируя важнейшую часть женской повседневности высших слоев российского общества.

Для исторических наук диссертационная работа представляет ценность в изучении женской повседневности, женской аксиосферы и мотивационно-поведенческих установок. Результаты исследования раскрывают уникальность и своеобразие материнской заботы в России во второй половине XIX – начале XX века, тем самым включая российский опыт развития материнства в мировую историю материнства. Анализ материнских практик позволяет в ином ракурсе взглянуть на социальные, культурные, экономические процессы в российском обществе во второй половине XIX – начале XX века. Результаты исследования демонстрирует зависимость между трансформацией материнской культуры в высших слоях общества и социальным конструированием запросов в отношении «идеального материнства», демографическими и идеологическими задачами российского государства, социально-экономическими процессами в обществе, развитием медицинских технологий, эволюцией гендерной системы, распадом традиционной семьи, изменением эмоциональных режимов эпохи.

Полученные результаты способны восполнить пробелы в исследованиях по истории российского дворянства второй половины XIX – начала XX века, которые целиком и полностью репрезентируют «мужскую историю», в то время как о

дворянках пишут по умолчанию, не придавая особого значения существенным процессам в их частной и публичной сферах.

Выводы исследования будут полезны специалистам в области феминисткой социологии, медицинской антропологии, социологии и психологии материнства, социальной истории медицины, так как углубляют предметное поле их исследований, выявляя различные факторы в развитии материнства, раскрывая истоки многочисленных современных тенденций в развитии материнской культуры.

Теоретическая и практическая значимость результатов диссертации определяется особым влиянием полученного знания на широкие области научных направлений и сферу практической деятельности. Практическая ценность полученных результатов обусловлена чрезвычайной важностью материнской проблемы в социальной политике любого современного государства. Исторический опыт трансформации материнства как социального института и особой сферы женских переживаний, оказывающий существенное влияние на социальную и гендерную системы общества, может найти практическое применение современными законодателями при выработке отдельных положений государственной политики в области охраны материнства и детства, репродуктивной политики, может быть учтен в работе экспертных советов и групп по выработке преобразований в сфере материнства и актуальных репродуктивных стратегий, в деятельности благотворительных организаций, психологических служб, оказывающих помощь беременным, матерям и детям. Кроме этого полученные результаты исследования, тесно связанные с медицинской областью знаний – проведением беременности, прокреативным поведением и репродуктивными технологиями, взаимодействием «пациента» (матери) и врача в дореволюционной России, могут способствовать восстановлению разрушенной связи времен и помочь аккумулировать информацию, ранее историками и этнографами не собиравшуюся и потому неизвестную современным врачам и ответственным за формирование социальной политики (защиты материнства и родительства). Исторический материал – важнейший предиктор, который достоин быть учтенным современными репродуктологами и всеми теми, кто реализует социальные меры в области материнства.

Полученный эмпирический материал, а также выводы диссертации могут быть использованы в практике вузовского преподавания культурной и социальной антропологии, этнологии, истории России, истории медицины, а также курсах по гендерологии, женской истории, этнологии семьи и девичества, антропологии родов, истории семьи, истории акушерства, истории социальной работы. Фактический материал диссертации в настоящее время уже используется в преподавании истории медицины, истории социальной работы и благотворительности, при подготовке учебных курсов по истории родовспоможения и родильной культуры в России.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современных отечественных гуманитарных и социальных исследованиях созрели предпосылки для институционализации изучения материнства в качестве самостоятельного направления междисциплинарного научного поиска. Историко-антропологический ракурс исследований доказывает зависимость материнской заботы от конкретных исторических условий, гендерной системы, эмоционального режима эпохи. Изучение материнства в дворянской среде России, репрезентация эмоциональных переживаний матерей прошлого позволяет лучше понимать специфику русской национальной традиции, вносит существенный вклад в изучение женской, гендерной, социальной, повседневной истории России.

2. Во второй половине XIX века в России в дворянском сословии происходило зарождение материнства в качестве сложного социального, культурного, медико-социального, психического и символического феномена. Новое понимание материнства выразилось в развитии идей материнской сознательности и свободного материнства. Материнский опыт терял автономность, превращаясь в важнейший социальный институт и особую социальную роль женщины, попадая в зависимость от широкого социального контекста (государства, религии, медицины, «экспертного» дискурса, социальных движений).

3. К началу XX века в России сформировался культурный императив материнства, включивший в себя концепты «сознательного», «экспертного», «профессионального», «свободного», «расширенного», «социально-интегрированного», «интенсивного» материнства. Рецепция этих идей зачастую зависела не столько от территориального проживания (город/усадьба), финансовых

возможностей и степени знатности (аристократичности) дворянских семей, сколько от характера образованности и идеологической ориентации дворянок.

4. Под влиянием «экспертного» дискурса со второй половины XIX века в России конструировались стереотипы и стандарты идеального материнского поведения, вследствие чего была нарушена традиционная логика «воспроизводства» материнства. Ввиду малочисленности среднего класса восприимчивыми идеологии «нового материнства», в отличие от стран Западной Европы и США, стали не представительницы буржуазных кругов, а дворянки. С развитием движения женской эмансипации, ростом репродуктивной свободы населения идеология «нового материнства» возвращала женщин в лоно семьи, ограничивая сферу их деятельности деторождением и воспитанием детей.

5. Противоречия в половом просвещении дворянок, репрессированная девичья сексуальность, амбивалентность представлений общества об идеальной женственности и поведении благовоспитанной дворянки, низкая материнская социализация приводили к различным проблемам и отклонениям в психосексуальном и половом развитии девочек в пубертате, подростковой неврастении, а впоследствии оказывали негативное влияние на эмоциональные переживания, связанные с дефлорацией, осуществлением репродуктивных функций, обостряя неудовлетворенность женщин собственными материнскими ролями.

6. Вследствие либерализации страны, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, движения женской эмансипации, активизации публичной деятельности дворянок трансформировалось их репродуктивное, брачное и сексуальное поведение, выразившееся в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, широком распространении средств контрацепции, появлении практик абортирования в дворянской среде. Революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения, рационализация репродуктивных практик дворянок приводили к трансформации института материнства и оказывали особое влияние на формирование нового гендерного порядка в обществе. Свобода в репродуктивном поведении создавала условия для

обретения дворянками социальной свободы и освоения ими новых форм гендерной идентичности.

7. Практики, связанные с проведением беременности и организацией родов в дворянской среде, находились на пересечении традиций и новаций. Процессы медиализации и коммерциализации беременности и родов, явившиеся результатом развития научных знаний в сфере акушерства и гинекологии, повышения уровня профессиональной подготовки отечественных врачей, существенно трансформировали повседневность беременных и рожениц. Женское тело, его репродуктивные функции становились объектами для медицинских манипуляций и контроля со стороны врачебного сообщества. Зарождался врачебный патронаж беременных. При этом сохранялось традиционное табуирование образа жизни беременной и многочисленные ограничения ее поведения.

8. Легитимация описания беременности и родов на уровне материнских нарративов демонстрирует сложность и драматизм эмоциональных переживаний дворянок. Беременность и роды воспринимались ими в качестве болезни, актуализировавшей многочисленные страхи, представления о смерти и мертворождении, деперсонализацию женского существа, сравнения себя с животным. Женские фобии были обусловлены как частыми патологиями родового процесса, так и недостаточной подготовкой к самим родам.

9. В дворянской среде во второй половине XIX века сформировалась отдельная культура рождения, для которой были свойственны особые процедуры, действия, состав участников. Несмотря на развитие стационарного акушерства, преобладали домашние роды, в рамках которых шла апробация новой технократической модели родов. Утверждение биомедицинской модели родов происходило не так стремительно, как в США и странах Западной Европы. Активное участие мужей в ходе родового процесса явилось свидетельством зарождения «нового отцовства».

10. Несмотря на доминирование идей всепоглощающего материнства, дворянки оказывали сопротивление складывавшемуся экспертному дискурсу материнской сознательности, создавая новые модели материнского поведения. «Борьба» дворянок за автономность материнского опыта, репродуктивную свободу

выражалась в распространении абортивных и контрацептивных практик, отказе от самостоятельного грудного вскармливания, анальгизации родового акта и послеродового восстановления, применении искусственного детского питания. Интересы дворянок и врачей нередко совпадали (в части использования контрацепции, применения анестезии), что демонстрировало положительное действие медиализации на женское репродуктивное поведение. Данные процессы отражают двойственность медиализации, которая может рассматриваться не только в качестве утраты способности женщин влиять на свою жизнь, но и как важный процесс, позволяющий женщине выстраивать собственное материнское и репродуктивное поведение, основываясь на личном выборе.

11. Под влиянием социального конструирования «нового материнства», а также вследствие медиализации частной жизни, «детоцентристской» политики происходила модернизация ухода за детьми, внесшая революционные изменения в материнскую повседневность дворянок. Наблюдался процесс «профессионализации» материнства, выраженный в единении матерей с «экспертами» посредством распространения педиатрического патронажа и ведения «родительских дневников». Несмотря на модернизацию быта и предметного мира младенца, не происходило полное замещение консервативных способов ухода за ним.

12. Сложный процесс формирования «нового материнства», требовавший от дворянок напряжения сил, специальной подготовки и самопожертвования, недостижимость идеала «сознательной матери», разрыв между амбициозными устремлениями юности и ограниченным существованием «идеальной семьянинки», а также неразвитость социальных институтов поддержки семьи, гендерная асимметрия общества приводили к сложным эмоциональным переживаниям, фрустрации матерей-дворянок.

Апробация исследования. Основные результаты исследования нашли отражение в 53 печатных публикациях автора общим объемом 68 п.л. Положения и выводы диссертации наиболее полно представлены в авторской монографии «Рождение матери. Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России», изданной в 2015 году и частично в монографии «Женщины российской провинции XIX – начала XX в.: воспитание, образование,

социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии)», изданной в 2013 году, в 20 публикациях автора в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Результаты научного исследования представлены на 9 международных и 15 российских ведущих научных мероприятиях, посвященных самым разнообразным проблемам этнологии, исторической антропологии, медицинской антропологии, истории повседневности, женской и гендерной истории, социальной истории медицины, теории и истории культуры. Доклад об особенностях женского репродуктивного поведения россиянок был представлен на конференции ведущей международной организации в сфере гендерной истории – Международной федерации по исследованиям в области женской истории (International Federation for Research in Woman's History), проводимой 27–29 августа 2015 в Цзинане (Китай), которая была организована совместно с 22-м Международным конгрессом исторических наук (The 22nd International Congress of Historical Science), проводимым Международным комитетом исторических наук (International Committee of Historical Sciences). Отдельные положения диссертации излагались автором на международных конференциях: на секции «Гендерные правила: дискурсы, политики и практики» Международного Конгресса белорусистов в Каунасе (Литва) 2–4 октября 2015 года; Международной конференции «Гендерная политика городов: история и современность» в Харькове (Украина) 6–7 октября 2015 года.

Дважды результаты диссертационного исследования апробировались на Конгрессах антропологов и этнографов России: X КАЭР, 2–6 июля 2013 года в Москве, XI КАЭР, 2–5 июля 2015 года в Екатеринбурге. Ежегодно с 2012 года доклады по проблеме диссертации были представлены на Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ): V Конференции РАИЖИ в Твери (4–7 октября 2012 г.), VI Конференции РАИЖИ в Нальчике (3–6 октября 2013 г.); VII Конференции РАИЖИ в Рязани (8–11 октября 2014 г.), VIII Конференции РАИЖИ в Старом Осколе (8–11 октября 2015 г.).

Доклады по результатам исследования были также апробированы дважды (в 2013 и 2014 г.) на международном Конгрессе молодых ученых, организованным Институтом этнологии и антропологии РАН в г. Москва; на международном симпозиуме «Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения», проводимом Научно-исследовательским Институтом общественного здоровья им. Н.А. Семашко 20 ноября 2015 года в Москве; дважды (в 2013 и 2014 гг.) на международной конференции «Гражданственность и патриотизм в повседневной жизни населения России XIX–XXI вв.), проводимой ЛГУ им. А.С. Пушкина; на ежегодной общероссийской междисциплинарной конференции «Сохрани мне жизнь», посвященной вопросам репродуктивных технологий, истории медицины (в 2012–2015 гг.); на научных мероприятиях Российского общества историков медицины (РОИМ); а также на региональных конференциях, затрагивающих различные аспекты истории России.

Некоторые сюжеты и результаты диссертации использованы при чтении автором лекционных курсов и проведении семинаров в 2010–2015 годах в Смоленском государственном медицинском университете (лекционные курсы «История социальной работы», «История благотворительности и меценатства в России», «История медицины», «Количественные и качественные методы в социальных науках», «Эксперимент и интерпретация данных в социальных науках», «Социология медицины»).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списков источников (опубликованных и архивных фондов) и литературы, списка сокращений. Структура работы обусловлена задачами исследования.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Институционализация материнской темы в зарубежной историографии

Motherhood studies – сравнительно молодое междисциплинарное направление в западной науке, объединившее историков, социологов, антропологов, этнографов, гендерологов, философов, филологов, психологов, целью которого является всестороннее изучение комплекса тем, связанных с материнством¹³³. В настоящее время история материнства на Западе представлена солидной библиографией, и интерес историков к этой проблеме не угасает¹³⁴. В частности, в 2013 году победителем престижной книжной премии в Великобритании стала монография А. Дэвис¹³⁵, посвященная истории матерей Англии второй половины XX века (Modern Motherhood: Women and Family in England, 1945-2000)¹³⁶. В Канаде успешно функционирует издательство (Demeter Press), специализирующееся на публикации научных работ по материнству; основана ассоциация по изучению материнства; опубликована научная энциклопедия материнства¹³⁷. Наибольшее количество исследований по проблеме представлено учеными из США, Канады и Великобритании. Этот факт обусловлен, во-первых, внушительным периодом в развитии материнской темы в научном дискурсе этих стран, во-вторых, – институт материнства стал занимать существенное место в западной (особенно американской) популярной культуре¹³⁸. В то же самое время в России история материнства – чрезвычайно молодое

¹³³ Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социокультурный феномен // Женщины в истории. Возможность быть увиденными / Ред. И.Р. Чикалова Минск. 2004. С. 112-131.

¹³⁴ Мицюк Н.А. История материнства в англоязычной историографии // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 167-175.

¹³⁵ Анджела Дэвис – научный сотрудник отдела истории Уорикского университета в Великобритании.

¹³⁶ Davis A. Modern Motherhood: Women and Family in England, 1945–2000. Manchester: Manchester University Press, 2012.

¹³⁷ Encyclopedia of motherhood / ed. by A. O'Reilly. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc, 2010. 1612p.

¹³⁸ Kawash S. New Directions in Motherhood Studies // Chicago Journals. 2011. Vol. 36. №. 4. P. 969-1003.

направление (материнская тема в большей степени отражена в работах социологического, психологического характера, нежели исторического), фрагментарно раскрытое представительницами гендерной истории. В связи с этим для отечественной социальной, гендерной истории, социальной и культурной антропологии изучение опыта, пройденного западной историографией на пути институализации motherhood studies, имеет особую значимость.

1.1.1. Основные тенденции в изучении материнской заботы за рубежом

Впервые к исследованию материнства как особого социокультурного феномена обратились этнографы, антропологи, психологи, социологи. Этнографы рассматривали беременность, родины, уход за ребенком, взаимоотношения между матерью и младенцем как часть традиционных женских практик. В контексте этнографического (М. Мид), психологического (Х. Дойч, К. Хорни) дискурсов была доказана социально-конструктивистская природа материнства. Обращение историков к изучению материнства во многом предопределила французская антропологическая школа, представители которой совершили переворот относительно возможных предметов и методов исторических исследований. Существенное влияние на методiku изучения материнства оказало наследие постмодернистских и постструктуралистских концепций (Ж. Дерида, Ж. Лиотар, Ж. Делез), а также этнометодологической теории (Г. Гарфинкель, Д. Циммерман)¹³⁹.

Путь к институализации материнской темы на Западе проходил в рамках социальной и культурной антропологии, а также параллельно в различных направлениях социальной истории: истории семьи, детства и гендерной истории (women's studies). У истоков кросскультурного изучения материнских практик стояли представители культурной антропологии. До 1990-х годов исследования материнства в контексте культурной антропологии были фрагментарными и разреженными. В то же время большое влияние на развитие антропологии материнства оказали работы М. Мид, Ш. Китзингер, Э. Левин. Исследуя полинезийские племена, М. Мид убедительно доказывала отсутствие

¹³⁹ Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2014. № 7. С. 115.

универсальности в проявлении материнской заботы и материнской любви¹⁴⁰. Феминистски ориентированные антропологи в 1970–90-х годах выступали за расширение предмета материнских исследований, не ограничивая их биологическим воспроизводством и уходом за детьми¹⁴¹.

Изучение семьи и детства в прошлом актуализировало историю родительства и споры о сути «истинного» и «неистинного» материнства¹⁴². Известный труд Ф. Арьеса¹⁴³, где он обосновал тезис об отсутствии детства в современном его понимании у детей Средневековья, вызвал бурю обсуждений о характере взаимоотношений между родителями и детьми в разные эпохи. В 1960–1980-е годы на Западе появились исследования, в центре которых находились вопросы, связанные с трансформацией семьи и историей родительских отношений¹⁴⁴. Авторы этих работ внесли существенный вклад в институализацию *motherhood studies*. Западные историки были убеждены, что капитализм, урбанизация привели к четкому разграничению частной и публичной жизни, следствием чего явилась доминанта «женского» в частной сфере (семье), а «мужского» в публичной (профессиональной трудовой деятельности). Материнство становилось значительной частью женской повседневности, а внутрисемейные отношения исключительно женской прерогативой¹⁴⁵.

¹⁴⁰ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука. 1988.

¹⁴¹ Kitzinger S. *Giving Birth: The Parents' Emotions in Childbirth*. New York: Victor Gollancz 1971; Lewin E. *Mothers and Children: Latin American Immigrants in San Francisco*. Stanford: Stanford University, 1974.

¹⁴² Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // *Женщина в российском обществе*. 2000. №1. С. 9-24; Пушкарёва Н.Л. Зарубежная историография истории материнства // *Женщины в истории. Возможность быть увиденными* / ред. И.Р. Чикалова Минск. 2004. С. 131-154.

¹⁴³ Ariès Ph. *L'Enfant et la vie Familiale sous l'Ancien Regime*. Paris, 1960; De Mause L. (ed.) *The History of Childhood*. New York, 1974; Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: изд. Уральского университета, 1999.

¹⁴⁴ Good W. *World revolution and family patterns*. New York: Free Press, 1963; Hunt D. *Parents and Children in History. The Psychology of Family Life in Early Modern France*. New York, 1970; Tilly, L.A., Scott, J.W. *Women, work and the family*. New York: Routledge, 1978; Pollock L.A. *Forgotten Children. Parent-child Relations from 1500 to 1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Opitz C. *Frauenalltag im Mittelalter. Biographien des 13. und 14. Jhs.* Weinheim und Basel, 1985. S. 210; Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М.: Владос, 1997.

¹⁴⁵ Luhmann N. *Love as passion. The codification of intimacy*. Cambridge: Harvard University Press, 1986. P. 48-50; 145-155.

Исследователи, среди которых Э. Шортер¹⁴⁶, Л. Стоун¹⁴⁷, Л. Поллок¹⁴⁸, Д. Каган¹⁴⁹, ожесточенно спорили о сути «материнской любви» в разные времена и у разных народов. Большинство сходилось на том, что до начала Нового времени отсутствовала категория «материнской любви» и «материнской ответственности», а значит, и само материнство являлось исключительно биологической, а не социальной функцией женщины. Возникновение материнства в качестве особого социального института они связывали с развитием буржуазного общества, просвещением народа, трансформацией семейных моделей и роли ребенка в обществе. Наиболее ярким защитником этой теории был Э. Шортер, который настойчиво утверждал, что о материнстве стоит говорить исключительно с начала, а в ряде регионов и с середины XVIII века. Таким образом, среди европейских историков этого периода, занимающихся историей детства, доминировал эссенциалистический подход в отношении материнства, которое рассматривалось исключительно как биологическая функция женщины, в то время как отцовство оценивалось ими в качестве социальной роли мужчины¹⁵⁰. Во многом доминирование данного подхода было предопределено характером использованных источников, принадлежавшим мужчинам, — теологам, дидактам, литераторам средневековья, в которых нивелировалась женская субъективность.

Введение в научный оборот новых исторических источников — женских эгодокументов (дневников, воспоминаний, автобиографий, писем) создало условия для институализации материнской темы (пока еще внутри исследовательского направления «истории семьи» и «истории детства»). Особую значимость приобрели биографические, гендерно-чувствительные методы, а также методы повседневной истории, микроистории и психоанализа. В центре исследований оказались вопросы материнской и детской психологии. Следует отметить, что на характер исторических работ оказали существенное влияние исследования 1960—

¹⁴⁶ Shorter E. *Making of the Modern Family*. Collins, 1979. 365p; Shorter E. *Der Wandel der Mutter-Kind-Beziehungen zu Beginn der Moderne* // *Geschichte und Gesellschaft*. 1975. Hf. 2/3.

¹⁴⁷ Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. New York: Harper, 1979.

¹⁴⁸ Pollock L.A. *Forgotten Children. Parent-child Relations from 1500 to 1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 262.

¹⁴⁹ Kagan J., Freeman M. *Relation of Childhood Intelligence, Maternal Behaviors and Social Class to Behavior During Adolescence* // *Child Development*. 1963. Vol. 36. P. 899-911; Kagan J. *Elternliebe ist Keine Lebensversicherung* // *Psychologie Heute*. 1978. Hf. 12. S. 40.

¹⁵⁰ Tellenbach H. von (hsgb.). *Das Vaterbild in Mythos und Geschichte*. Stuttgart, 1976. Ср.: Opitz C. *Frauenalltag im Mittelalter. Biographien des 13. und 14. Jhs*. Weinheim und Basel, 1985. S. 210.

1970-х годов британского педиатра, детского психоаналитика Дональда Винникотта (его работы многократно переиздавались)¹⁵¹. Он существенно обогатил теоретическую базу родительской темы, наметив важные области для будущих междисциплинарных исследований. Основное внимание доктор Д. Винникотт уделил изучению взаимосвязи между детьми и матерями. Ему принадлежат термины «*достаточно хорошая мать*», «*обычная преданная мать*» («the Ordinary devoted Mother»), «*холдинг*» – в отношении материнской заботы, которые впоследствии часто использовались историками при характеристике матерей различных эпох. Его заслуга состоит в том, что он продемонстрировал особые техники работы с «детскими источниками» – записками, дневниками, письмами, что оказалось особенно ценным для исследователей, изучающих эмоциональные переживания женщин и детей.

В 1980-е годы круг вопросов, затрагиваемых историками детства, существенно расширился: что думали о своих матерях дети (И. Хардах-Пинке, А. Кливер)¹⁵², как оценивали собственную фертильность женщины, как проводили беременность, как готовились к материнским ролям и проч. Популярность приобрели проблемы, связанные с историей родовспоможения, деторождения (начиная со Средних веков, заканчивая серединой XX века), ухода за новорожденными, грудного вскармливания. Среди наиболее известных работ этого направления – исследование американки Дж. Левитт «Деторождение в Америке 1750–1950»¹⁵³. Историки активно вовлекали в свои исследования источники медицинского характера (отчеты медицинских обществ, истории болезней, научно-популярные книги по медицине). Авторы пытались связать перемены, происходящие в телесных женских практиках (беременность, роды, грудное кормление), с изменением гендерной системы общества.

¹⁵¹ На русском языке изданы: Д.В. Винникотт *Семья и развитие личности. Мать и дитя*. М., 2004; Винникотт Д.В. *Теория родительно-младенческих отношений* // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2; Винникотт Д.В. *Маленькие дети и их матери*. М.: Класс, 2007.

¹⁵² Hardach-Pinke I. Zwischen Angst und Liebe. Die Mutter-Kind-Beziehung seit dem 18. Jh. // Martin J., Nitschke A. (eds.) *Zur Socialgeschichte der Kindheit*. München, 1986. S. 525-590; Hardach-Pinke I. *Kinderalltag. Aspekte von Kontinuität und Wandel der Kindheit in Autobiographischen Zeugnissen. 1700–1900*. 1981; McLaughlin M. *Überlebende und Stellvertreter – Kinder und Eltern Zwischen dem 9. und 13. Jh.* // De Mause L. (ed.) *Hört ihr die Kinder Weinen – eine Psychogenetische Geschichte der Kindheit*. Frankfurt am Main, 1977. S. 147-262.

¹⁵³ Leavitt J.W. *Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950*. Oxford: Oxford University Press, 1986.

Таким образом, историки детства, родительства, семьи, деторождения впервые затронули вопросы, связанные с историей материнства. Однако для них само по себе материнство не являлось предметом исследования. Материнская тема получила особое звучание внутри women's studies, из которых в 1970-е годы выделилось направление motherhood studies. Материнство – существенная часть женской повседневности, в связи с чем motherhood studies были призваны восполнить значительные пробелы women's studies: «восстановить историческую справедливость», делая женщин «видимыми», «ощутимыми» в истории, раскрывая их социальную значимость, связывая их повседневность с социально-политическими, экономическими и культурными трансформациями в обществе¹⁵⁴.

Западные исследователи полагают, что motherhood studies развивались от изучения «motherhood» к раскрытию «mothering». Двойственность терминологии отражает специфику предмета исследования. «Motherhood» предполагает изучение внешних характеристик материнства: официальный статус матерей в ту или иную эпоху, их права и обязанности, отношение государства и общества к материнским ролям, система социальной защиты матерей и пр. Под «mothering» подразумеваются повседневные материнские практики, а также область внутреннего проявления материнства: эмоциональные переживания матерей, восприятие ими собственной фертильности и отношение к материнским ролям, степень реализации гендерной идентичности посредством деторождений и др.¹⁵⁵.

Значительное влияние на методологию материнских исследований, в том числе в историко-антропологическом дискурсе, оказали социологи. Пионером в области motherhood studies стала американская исследовательница (социолог, поэтесса, публицистка) Андриенна Рич, опубликовавшая в 1976 году работу, ставшую научным бестселлером (многократно переиздавалась, однако до сих пор не переведена на русский язык), «Рожденная женщиной...» («Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution»)¹⁵⁶. Она отмечала, что, приступив к работе

¹⁵⁴ Bridenthal R., Koonz C. (eds.) *Becoming Visible: Women in European History*. Boston: Houghton Mifflin, 1977; Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2-3. С. 32-37; Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2003. № 6. С. 164-173.

¹⁵⁵ O'Reilly A. *From Motherhood to Mothering*. New York: State University of New York Press, 2004. P. 2.

¹⁵⁶ Rich A.C. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. New York: Norton, 1976.

над книгой, обнаружила отсутствие литературы по истории материнства. Ее удивлял тот факт, что материнство – важнейшая сфера женского бытия, полностью депривирована в научном дискурсе, оставаясь при этом табуированным, патриархальным родом знаний. Подход А. Рич был оригинален не только в связи с поставленной темой, но и с характером проведенной работы, в которой исследовательница, рассматривая материнство как политический, социальный институт, активно привлекала собственный антропологический опыт, связанный с деторождением. Кроме этого, она уделила значительное внимание женской автодокументалистике, позволившей «услышать» реальных женщин. А. Рич впервые обратила внимание читателя на взаимосвязь между родильными практиками и социально-политическим развитием общества, на характер отношений между женщиной-матерью и мужем, сыновьями, дочерьми в разные исторические эпохи. Работа американской исследовательницы была написана с позиции феминистского подхода, а также критического отношения к процессу медиализации. В беременности и родах, протекающих под контролем врачебного сообщества, А. Рич видела *«метафору угнетения женщин»*¹⁵⁷. Она доказывала непосредственную связь между появлением «сознательных матерей» («moral mother» – термин, введенный в научный оборот исследователями-модернистами) и созданием в обществе идеологемы материнства. Она считала, что концепция «moral mother» викторианской эпохи осуждала возможность интеллигентных женщин работать вне дома, вследствие чего материнство становилось для них общественно полезным трудом и призванием. Так, по мнению исследовательницы, рождалось «новое материнство». А. Рич, а впоследствии и большинство исследователей направления motherhood studies, полагали, что материнство трансформировалось от социального института, контролируемого мужчинами (motherhood), до сферы женского самовыражения, сопряженного со сложными эмоциональными переживаниями (mothering). Ряд западных исследователей считают, что благодаря А. Рич материнская тема стала занимать центральное место

¹⁵⁷ «No more devastating image could be invented for the bondage of woman: sheeted supine, drugged, her wrists strapped down and her legs in stirrups, at the very moment when she is bringing life into the world» (Rich A.C. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. New York: Norton, 1976. P. 171).

внутри women's studies¹⁵⁸. Ее труд многие зарубежные исследователи считают лучшей феминистской книгой по проблемам материнства¹⁵⁹.

Вслед за трудом А. Рич в 1978 году была опубликована блестящая работа социолога Нэнси Чодороу «Воспроизводство материнства» («Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender»)¹⁶⁰. Н. Чодороу продолжила развитие направления motherhood studies в социально-психологическом контексте, активно привлекая методы психоанализа и феминистского подхода. Эта работа в числе немногих была переведена на русский язык и несколько раз переиздавалась. Социологи всего мира полагают, что Н. Чодороу существенно обогатила социологическое знание. В материнстве она видела универсальное проявление женской сексуальности. Н. Чодороу была убеждена, что меняющиеся требования, предъявляемые к матерям, в конечном счете, оказывают влияние на распределение гендерных ролей в обществе («гетеросексуальную асимметрию»), на маскулинность и фемининность («мужского доминирования и страха мужчин перед женщиной») и социальную структуру общества в целом¹⁶¹. Подобно теоретикам психоанализа¹⁶² под «воспроизводством материнства» она имела в виду то, что материнство предполагает «двойную идентификацию» – отношение женщины со своей матерью и со своим ребенком. В итоге основной механизм материнства заключается, по мнению исследовательницы, в его постоянном «воспроизводстве»: отношение женщины к собственному дитя будет всегда носить на себе отпечаток ее взаимоотношений с матерью. А. Рич, Н. Чодороу, придерживаясь социально-конструктивистского подхода, считали XVII–XVIII века важнейшим этапом в развитии материнства на Западе. По их мнению, именно в этот период происходило зарождение «материнской любви», «материнской заботы» и, собственно, материнства. В то же время Н. Чодороу полагала, что в

¹⁵⁸ Abbey S., O'Reilly A. Redefining Motherhood. Changing Identities and Patterns. Toronto. Second story press. 1998. P. 13.

¹⁵⁹ O'Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York: State University of New York Press, 2004. P. 1.

¹⁶⁰ Chodorow N. Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978.

¹⁶¹ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. С. 258

¹⁶² Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 142.

данный исторический отрезок времени жизнь женщины «выстраивалась вокруг материнства», тем самым усугублялась гендерная асимметрия в обществе¹⁶³.

Определенный вклад в методологию материнских исследований внесла Нэнси Фрадей, которая в 1977 году опубликовала работу, раскрывающую конструкт материнско-дочерних отношений. Она активно вовлекала в оборот социологические, этнографические, биографические методы. Ее интересовал вопрос, каким образом создается «материнская любовь» и от каких условий она зависит.¹⁶⁴

Следует отметить, что параллельно с институализацией материнства на Западе исследователи обратили внимание на изучение опыта материнства в других странах, в том числе и в России. «Пионерами» данного направления явились Д. Рэнсел¹⁶⁵, Дж. Товров¹⁶⁶, Б. Энгель¹⁶⁷. Важной особенностью западных исследований являлось то, что их авторы стремились увязать историю материнства в России с борьбой женщин за свои права и в целом с развитием феминизма.

В 1980-е годы направление *motherhood studies* обогатила французская исследовательница Элизабет Бадинтер. Предметом ее изучения стала история материнской любви в Западной Европе на протяжении четырех столетий (XVII–XX вв.). Изучая материнство как исторический феномен, она пришла к выводу, озвученному еще М. Мид, К. Хорни, Ф. Арьесом: материнство – это миф, проявление материнских чувств напрямую зависит от запросов общества на соответствующую женскую роль (мать, жена, свободно реализующаяся женщина). Э. Бадинтер полагала, что вследствие *«революционной смены установок»* с конца XVIII века в Европе стал формироваться новый запрос общества на материнство, культивировавший *«сладость материнской любви»* и *«материнской*

¹⁶³ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. С. 9-10.

¹⁶⁴ Friday N. *My Mother / My Self: The Daughter's Search for Identity*. New York: Fontana/Collins, 1977.

¹⁶⁵ Ransel D. *Abandonment and Fosterage of Unwanted Children: The Women of the Foundling System* // Ransel D., ed. *Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P. 189-217; Ransel D. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1988; Ransel D. *Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria*. Bloomington: Indiana University Press, 2000.

¹⁶⁶ Tovrov J. *Mother-Child Relationships among the Russian Nobility* // Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P. 15-43; Tovrov J. *The Russian Noble Family: Structure and Change*. New York-London: Garland Pub., 1987.

¹⁶⁷ Engel B.A. *Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.

ответственности»¹⁶⁸. До этого времени, по мнению историка, в обществе сохранялось «безразличное материнство», что выражалось в спокойном отношении матерей к гибели детей, частых случаях их подбрасывания и широком распространении инфантицида. Материнская любовь, по мнению исследовательницы, была делом индивидуальным и часто случайным. Появление «новых матерей» в индустриальную эпоху Э. Бадинтер связывала с богатыми слоями общества, для которых материнство было особым веянием моды, в то время как остальные слои населения жили по старым принципам. Привлекая многочисленные источники, она доказывала, что «моду на материнство» культивировали медицинские, педагогические, государственные круги общества. В итоге «сознательное материнство» явилось навязанной «экспертами» социальной функцией женщины, зачастую противостоящей ее истинным желаниям и явившейся существенной преградой на пути поиска гендерной идентичности и развития женской эмансипации. Классик антропологии М. Мид полагала, что отказ женщины от исполнения материнских ролей предопределен искажением («извращением») социальных установок, которые убивают в ней глубоко заложенный природой материнский инстинкт¹⁶⁹. Э. Бадинтер, напротив, считала, что способность женщины отказаться от материнских ролей – проявление ее свободы, которая возникает вследствие благоприятного развития общества, позволившего ей сделать подобный выбор. Очевидно, что столь различные трактовки были предопределены характером использованных источников.

Под влиянием исследований Э. Бадинтер в историографии зарождалась теория «обособленных сфер», согласно которой развитие капитализма привело к погружению женщин в мир домашних дел, превращая их в достойных матерей семейств, в то время как за мужчинами закреплялась роль работника, обеспечивающего свою семью. Этот процесс, по мнению исследователей, проходил параллельно с женской эмансипацией и, по сути, противостоял ей. Позднее

¹⁶⁸ Badinter E. Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX. Paidós. 1991. P. 117, 121; 272. (Первые работы Э. Бадинтер были опубликованы в 1980 и 1981 годах на французском и английском языках: Badinter E. L'amour en plus. Histoire de l'amour maternal (XVIIe–XXe s.). Paris, 1980; Badinter E. The Myth of Motherhood. The Historical View of the Maternal Instinct. London, 1981; Badinter E. Mother love: myth and reality: motherhood in modern history. New York: Macmillan, 1981).

¹⁶⁹ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 314-315.

профессор гендерной истории Линн Абрамс писала: *«Подобная идеология, ограничивающая права и возможности женщины, оправдывала культ домашнего очага и так называемой истинной женственности, воцарившийся в жизни среднего класса, но одновременно, как ни странно, давала женщинам ощущение особого предназначения»*¹⁷⁰. Историки были убеждены, что новая идеология XIX века культивировала материнские роли на всех уровнях. Материнство становилось важнейшей социальной ролью для женщины, призванной «оздоровить» общество¹⁷¹.

В 1980-е годы появилось значительное количество работ, авторы которых изучали материнство в контексте социальной политики, анализируя институт материнства с точки зрения права. При этом научный интерес был направлен преимущественно на изучение матерей из низов индустриального общества – работниц фабрик, которые впервые пытались совместить различные сферы женского бытия: профессиональный труд, материнство и домашнее хозяйство¹⁷². Заметная часть работ была написана с позиции феминистского подхода, при котором развитие материнских прав и социального обеспечения матери (поддержка беременных женщин, выплата пособий, бесплатный медицинский патронаж) увязывалось с ростом прав человека¹⁷³. Немецкий исследователь И. Шютце пришел к выводу, что XIX век навязал женщине образ матери, сделав материнство ее важнейшей социальной функцией¹⁷⁴.

Новые оценки сущности материнства были даны медиевистами. Скрупулезно анализируя источники, в том числе и материальные (например, женские платья), они пришли к некоторым выводам, которые противоречили утверждениям их предшественников. Они были убеждены, что материнская любовь, заботливое материнство были присущи Средним векам, однако эта тема

¹⁷⁰ Абрамс Л. Формирование женщины новой эпохи 1789–1918. М.: ВШЭ, 2011. С. 12.

¹⁷¹ Davin A. Imperialism and Motherhood // History Workshop. 1978. № 5. P. 13-27; Weeks J. Sex, Politics and Society. The Regulation of Sexuality Since 1800. London: Longman, 1981. P. 126-138.

¹⁷² Roberts E. A Woman's Place: an Oral History of Working Class Women, 1890-1940. Oxford: Oxford University Press, 1984; Lewis J. The Politics of Motherhood: Child and Maternal Welfare in England, 1900–1939. London: Croom Helm, 1980.

¹⁷³ O'Brien M. The Politics of Reproduction. London: Routledge, 1983; Lewis J. Feminism and Motherhood. Lecture and Discussion, held 31.03.1983 in Brown University (USA). Ann Arbor, 1983; Rothman B. Recreating Motherhood: Ideology and Technology in a Patriarchal Society. New York: Norton, 1989.

¹⁷⁴ Schütze Iv. Die gute Mutter. Zur Geschichte des Normativen Musters "Mutterliebe". Bielefeld, 1986.

была депривирована в исторических источниках эпохи, принадлежавших в основном мужчинам¹⁷⁵. По мнению медиевистов, женщины не могли нейтрально относиться к материнству, так как оно, согласно средневековой традиции, символизировало степень полноценности и характер исполнения ими основного предназначения¹⁷⁶.

Интерес историков был направлен также на изучение женских организаций и обществ, осуществлявших социальную помощь матерям и их детям. В научный оборот стали вовлекаться новые источники: отчеты фабрично-заводской инспекции, результаты врачебных осмотров, истории болезней. Исследователи предприняли попытки рассмотреть материнские роли в контексте социальных катаклизмов, в связи с чем появились такие темы, как: матери на фоне войны, революционных движений, послевоенной разрухи¹⁷⁷. Активное изучение материнства как социального института позволило некоторым историкам сделать вывод, что с начала XX века в области охраны материнства США стали значительно опережать страны Западной Европы.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов исследователи обратили внимание на проблему конструирования материнства в различные исторические периоды. Историки, социологи, психологи обосновывали причины и особенности развития концепций «идеального материнства» («perfect motherhood»), среди которых – «сознательное», «экспертное», «профессиональное», «свободное», «интенсивное» материнство. Американская исследовательница Рима Эпл, придерживаясь теории М. Фуко о «биовласти» и «биополитике», стала изучать феномены медикализации и коммерциализации материнства в XIX–XX веках. Ее основной тезис состоял в том, что эти процессы обусловили формирование конструкта «сознательного» и

¹⁷⁵ Thompson S.M. On Women. New York, 1986; Alfing S., Schedensack Ch. Frauenalltag im Frühneuzeitlichen Muenster. Bielefeld, 1994. S. 82-98.

¹⁷⁶ Thompson S.M. On Women. New York, 1986; Alfing S., Schedensack Ch. Frauenalltag im Frühneuzeitlichen Muenster. Bielefeld, 1994. S.82-98; Opitz C. "Nicht zu seinen Häupten": Ehelichen Rollendefinitionen und Konflikte und Hierarchie der Geschlechter im 12. und 13. Jh // Evatöchter und Bräute Christi/Weibliche Lebenszusammenhang und Frauenkultur im Mittelalter / Weinheim, 1990. S. 30-53.

¹⁷⁷ Skocpol T. Protecting Soldiers and Mothers. Harvard: Harvard University Press, 1995; Lewis J. The Politics of Motherhood. Child and Maternal Welfare in England 1900–1939. London: Croom Helm, 1980.

«профессионального материнства» экспертным сообществом¹⁷⁸. Она обратила особое внимание на взаимосвязь между предписанными образами материнства и переживаниями самих женщин¹⁷⁹. Изучение трансформации материнских культов продолжили Дж. Грант, К. Эрнап, Э. Халберт, Э. Роуз и др¹⁸⁰.

В 1980-х – начале 1990-х годов активно развивалось еще одно направление междисциплинарных исследований, тесно связанных с материнством, – «антропология рождения» (anthropology of birth). Среди его основных представителей – преимущественно этнографы, антропологи и социологи, которых объединяло то, что они изучали роды прошлого и настоящего через призму традиционной родильной обрядности. Современные роды в родильных отделениях и клиниках они рассматривали в качестве модифицированного обряда перехода, характерного для традиционных культур. Этнограф Бриджит Джордан, основываясь на многочисленных полевых наблюдениях, а также на интервью с беременными и роженицами, в 1978 году опубликовала уникальную работу («Birth in Four Cultures: A Cross-cultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden and the United States. Montreal»), в которой рассмотрела родовспоможение в контексте четырех культур (Юкатана, Голландии, Швеции, США)¹⁸¹. Это исследование оказало большое влияние на развитие «антропологии рождения» и появление социологических и исторических исследований. Роды для Б. Джордан представлялись важнейшей кросскультурной и биосоциальной практикой человечества¹⁸².

¹⁷⁸ Apple R.D. Mothers and medicine: a social history of infant feeding, 1890–1950. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1987; Apple R.D. Perfect motherhood: science and childrearing in America. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2006.

¹⁷⁹ Apple R.D., Golden J.L. Mothers & motherhood: readings in American history. Columbus: Ohio State University Press, 1997.

¹⁸⁰ Arnup K. Education for motherhood: advice for mothers in twentieth-century Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1994; Grant J. Raising baby by the book: the education of American mothers. New Haven: Yale University Press, 1998; Rose E.R. A mother's job: the history of day care, 1890–1960. New York: Oxford University Press, 1999; Hulbert A. Raising America: experts, parents, and a century of advice about children. New York: Alfred A. Knopf, 2003.

¹⁸¹ Jordan B. Birth in Four Cultures: A Cross-cultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden and the United States. Montreal: Eden Press Women's Publications, 1978.

¹⁸² Jordan B. Authoritative Knowledge and Its Construction // Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives. Berkeley – Los Angeles – London. 1997.

Крупнейшим специалистом данного направления являются также Р. Дэвис-Флойд, Э. Окли, Э. Мартин¹⁸³. Известный культурный антрополог воспроизводства Робби Дэвис-Флойд изучала символические проявления процедур, связанных с современными родами и родовспоможением. В 1990-е годы под ее редакцией вышла книга «Роды и авторитетное знание...» («Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives»), в которой она объединила результаты исследований ученых-этнографов, антропологов, психологов, социологов, врачей, проводимых в 16 различных обществах и культурах¹⁸⁴. В книге сделан акцент на важности междисциплинарного подхода в изучении «антропологии родов». Практики родов рассматривались как в контексте современности, так и в исторической перспективе. Изучая тенденции в развитии родильных практик, Дэвис-Флойд выразила убеждение, что технократическая модель родов ограничивает женскую свободу¹⁸⁵. К подобному выводу, изучая историю родовспоможения, пришла социальный антрополог Шейла Китзингер, защищая идею натуральных родов. Она явилась авторитетным специалистом в данной области, которая активно «наводила мосты» между гуманитариями и естественниками. На протяжении длительного времени Ш. Китзингер читала лекции для будущих акушеров и гинекологов, не имея при этом медицинской специализации¹⁸⁶. Изучение культуры воспроизводства, практик деторождения, материнства стало популярным междисциплинарным направлением в

¹⁸³ Davis-Floyd R.E. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 1992; Davis-Floyd R.E. The Ritual of Hospital Birth in America // Conformity & Conflict. Readings in Cultural Anthropology. Ed. James P. Spradley, David W. McCurdy. New York. 1994; Oakley A. Becoming a Mother. Oxford: Martin Robertson, 1979; Oakley A. The Captured Womb: A History of the Medical Care of Pregnant Women. New York: Basil Blackwell, 1984; Martin Em. The woman in the body: A cultural analysis of reproduction. Boston: Beacon Press, 1987.

¹⁸⁴ Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives / ed. by Davis-Floyd R., Sargent C. California: University of California Press, 1997.

¹⁸⁵ Davis-Floyd R.E. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 1992. P. XVIII; Davis-Floyd R.E. The Technocratic Body: American Childbirth as Cultural Expression // Social Science and Medicine. 1994. Vol. 38. № 8. Pp. 1125-1140.

¹⁸⁶ Kitzynger S. The Complete Book of Pregnancy and Childbirth Dorling Kindersley. New York: Alfred A. Knopf, 1982; Kitzynger S. A Celebration of Birth: The Experience of Childbirth. Penguin. 1984; Kitzynger S. The Midwife Challenge (Issues in Women's Health series), Pandora Press 1991; Kitzynger S. The Politics of Birth. New York: Elsevier Butterworth Heinemann, 2005; Kitzynger S. A Passion for Birth: My Life: Anthropology, Family and Feminism, Pinter & Martin, 2015.

исследованиях культурных и социальных антропологов¹⁸⁷. Б. Эринрейх и Д. Инглиш, изучая характер «экспертных» советов женщинам на протяжении XIX–XX веков, пришли к выводу, что во многом с подачи врачей, прежде всего гинекологов и акушеров, репродуктивные функции женщин (беременность, роды, послеродовое состояние, менструация) стали рассматриваться в качестве патологии, требовавшей активного медицинского контроля и вмешательства¹⁸⁸. По мнению исследователей, этот факт обусловил отрицательное воздействие медикализации на положение и роль женщины в обществе.

В 1980–1990-е годы историки также обратились к изучению трансформаций родовспоможения и родильных практик в прошлом (начиная со Средних веков, заканчивая серединой XX века)¹⁸⁹. Исследователи уделяли внимание не только области акушерских знаний, но и самих репродуктивных практик и, что немаловажно, эмоциональным переживаниям рожениц, тем самым смещая исследовательский акцент с врача на «пациента» (именно к этому призывал представитель социальной истории медицины Р. Портер). В свет выходили коллективные исследования по истории репродукции (например, совместный труд «Childbirth. Changing Ideas and Practices in Britain and America 1600 to the Present», изданный в 1995 году под эгидой Института истории медицины в Лондоне). В 2000-е годы расширялась предметная область истории и антропологии рождения¹⁹⁰. Среди новых тем: особенности эмоциональных переживаний рожениц и описание беременности и родов в женских эгодокументах (Т. Костлет¹⁹¹), контроль над рождаемостью, как важное средство репродуктивной культуры XX века (Ф.

¹⁸⁷ Liangputtong P. Reproduction, Childbearing and Motherhood: A Cross-cultural Perspective. New York: Nova, 2007; Mander R, Murphy-Lawless J. The Politics of Maternity. New York, Toronto: Routledge, 2013.

¹⁸⁸ Ehrenreich B., English D. For her own good: Two centuries of the experts' advice to women. New York: Anchor, 2005.

¹⁸⁹ Leavitt J.W. Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950. Oxford: Oxford University Press, 1986; Childbirth. Changing Ideas and Practices in Britain and America 1600 to the Present / P. Wilson. London: Truman State University, 1996; O'Dowd M.J., Philipp E.E. The History of Obstetrics and Gynecology. London: CRC Press, 2000; Eyer D.E. Mother-Infant Bonding: A Scientific Fiction. New Haven: Yale University Press, 1993.

¹⁹⁰ Chamberlain G. From Witchcraft to Wisdom: A History of Obstetrics and Gynecology in the British Isles. London: Royal College of Obstetricians and Gynecologists, 2007; Epstein R.H. Get Me Out: A History of Childbirth from the Garden of Eden to the Sperm Bank. WW Norton & Co Inc, 2011; McIntosh T. A Social History of Maternity and Childbirth: Key Themes in Maternity Care. Routledge, 2012.

¹⁹¹ Coslett T. Women Writing Childbirth: Modern Discourses of Motherhood. Manchester: Manchester University Press, 1994.

Бродский, Д. Кричлоу¹⁹²), роль анальгизации родов в жизни женщины¹⁹³. Доминировал социально-конструктивистский подход и убежденность в отрицательных последствиях медикализации родового акта. Современная система родовспоможения рассматривалась через призму биовласти. Ш. Китзингер доказывала (в работе «The Politics of Birth»), что современная технократическая модель родовспоможения определяет наши представления о родах и акушерской практике. В последнее десятилетие зарубежные исследователи стремятся написать комплексную историю родовспоможения, вписывая его в социальную историю медицины, медицинскую антропологию, гендерную историю.

Развитие репродуктивной культуры привлекло внимание к истории деторождения представителей практического акушерства. Новаторской была работа Аманды Бэнкс, в которой она анализировала модификацию родильных практик и сопровождавших ее предметов материальной культуры (в частности, стульев, столов, кресел для рожениц)¹⁹⁴. Она отметила важную деталь в эволюции родовспоможения: переход в начале XIX века от естественных родов, где главными действующими лицами были роженица и акушерка, к медикаментозным родам с доминированием мужчин медицинской профессии. С развитием медицинских знаний, осознанием экономической выгоды этих процедур, медикализацией родов роженицы, по мнению исследовательницы, стали восприниматься в качестве «хрупких инвалидов» («fragile invalids»), которым требовались специфичные манипуляции и уход. Следует отметить, что для специалистов (историков, антропологов и даже акушеров), изучавших трансформацию родовспоможения, был характерен вывод об усилившемся мужском контроле над естественными женскими практиками. Врач и историк медицины Ф. Бродски, например, подчеркивала, что с тех пор, как роды были перенесены из домашнего пространства женщин в больницы, женщины потеряли больше, чем они

¹⁹² Brodsky Ph. The Control of Childbirth: Women Versus Medicine Through the Ages. London: McFarland & Co, 2008; Critchlow D.T. Intended Consequences: Birth Control, Abortion, and the Federal Government. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.

¹⁹³ Wolf J.H. Deliver Me from Pain: Anesthesia and Birth in America. New York: JHU Press, 2011.

¹⁹⁴ Banks A. Birth Chairs, Midwives, and Medicine. Jackson, Mississippi: Press of Mississippi, 1999.

рассчитывали¹⁹⁵. Автор критически отзывается о современных практиках акушерства, считая их противоестественными.

Таким образом, с 1980-х годов наблюдалось активное развитие направления *motherhood studies*, представители которого изучали материнство как социальный институт (*motherhood*). Женщина-мать становилась равноправным участником (субъектом, а не фоном) исторического процесса.

В 1990-е годы стали появляться коллективные работы, в центре изучения которых различные аспекты истории материнства, что свидетельствовало в пользу популярности данного направления среди широкого круга исследователей. Бросается в глаза тематическое разнообразие научного поиска. Мать становилась сверхсубъектом исторического. Вопросы материнства рассматривались во взаимосвязях: мать-женщина, мать-государство, мать-ребенок, мать-работа, мать-женское движение, мать-отец, мать-религия, а также мать в контексте патриархатной, партнерской семьи, мать-одиночка и даже мать-лесбиянка. В 1990 году было опубликовано пятитомное собрание «История женщин» под редакцией Ж. Дюби и М. Перро (переведены на русский язык)¹⁹⁶. В проекте участвовали свыше 70 авторов, благодаря которым был представлен образ западной женщины со времен античности до настоящего времени. Тема материнских ролей затрагивалась практически всеми исследователями. Жак Деларен, медиевист, подчеркивал амбивалентное отношение к женщине-матери в Средневековье. Он полагал, что культ матери касался исключительно девы Марии, но не земных (грешных) женщин¹⁹⁷. Медиевисты в освещении места матери в средневековом обществе опирались на андроцентричные источники – мужские нравоучительные тексты, а также работы отцов церкви, оставляя в стороне женскую субъективность. Исключением стала Клавдия Опитц, которая активно привлекала женские эгодокументы для репрезентации положения женщин в браке в позднем средневековье. Она критично относилась к тезису о том, что в Средние века материнство занимало незначительное место в жизни женщин, считая, что виной

¹⁹⁵ Brodsky Ph. *The Control of Childbirth: Women Versus Medicine Through the Ages*. London: McFarland & Co. 2008.

¹⁹⁶ *Storia delle Donne in Occidente*, Vol. I–V. Gius. Laterza. Figli Spa, Roma-Bari. 1990.

¹⁹⁷ История женщин на Западе: в 5 т. Т. II. Молчание средних веков / Ред. Ж. Дюби и П. Перро; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарёва. СПб.: Алетейа, 2009. С. 24-46.

тому «мужские источники», авторы которых, по мнению К. Опитц, «мало знали или ничего не знали об этом предмете»¹⁹⁸.

Существенное внимание изучению трансформации идеологии материнства уделили авторы коллективного научного сборника «Материнство. Идеология. Переживание. Учреждения» («Mothering. Ideology, Experience, Agency»)¹⁹⁹. В абсолютном большинстве исследований доминировал феминистский подход. В частности, Патрисия Коллинз, Линда Форси связывали существенные изменения в институте материнства Нового времени с распространением идеологии феминизма. Авторы представили широту существующих тематик в motherhood studies. Их интересовали как традиционные материнские роли, так и совершенно новый аспект в motherhood studies – своеобразие материнства в лесбийских семьях (Ева Левин)²⁰⁰.

Коллективом ученых из Великобритании (преимущественно из Лидского университета) был опубликован труд под редакцией Элизабет Сильва, в котором материнство оценивалось в качестве исторического, социального и культурного конструкта. Центральная тема книги – анализ концепции «*достаточно хорошее материнство*» (термин введен педиатром Д. Винникоттом) в разные периоды английской и американской истории²⁰¹. Кроме этого, авторы обратили внимание на разные оценки замужних и одиноких матерей в обществе. Исследователи отметили трансформацию статуса одиноких матерей от первоначального доминирования оценок «*плохие матери*» до современных феминистских взглядов, согласно которым «*одинокое материнство*» позитивно для самой женщины, так как делает ее независимой от власти мужей и предоставляет свободу собственного самовыражения. Кэрол Сمارт, анализируя официальные источники, полагала, что в Великобритании в XVII веке возникли понятия «*нормальная мать*», «*плохая мать*», что свидетельствовало о превращении материнства в официальный институт, предписывающий женщинам соответствующее поведение. Популярность

¹⁹⁸ Там же. С. 281.

¹⁹⁹ Mothering. Ideology, Experience, Agency / Ed. E. Glenn, G. Chang, L. Forcey. London. 1994.

²⁰⁰ Lewin E. Negotiating lesbian motherhood: the dialectics of resistance and accommodation / Mothering. Ideology, Experience, Agency / Ed. E. Glenn, G. Chang, L. Forcey. London. 1994. P. 333-355.

²⁰¹ Good Enough Mothering. Feminist perspectives on lone mothering / Ed. by E.B. Silva. London: Routledge, 1996.

и востребованность этих трудов доказывает факт их переизданий. В частности, в 2013 году состоялась повторная публикация сборника двадцатилетней давности, посвященного разнообразным проблемам материнства в Новейшей истории²⁰². Авторы видели в заботе об институте материнства залог благосостояния и процветания общества.

В 1990–2010-е годы материнская тема стала излюбленной темой междисциплинарных исследований на Западе. Значительно обогатился теоретический аппарат и подходы исследований направления *motherhood studies*. Произошло окончательное разделение в трактовке термина «материнство» как социального института (*motherhood*) и как субъективного восприятия (*mothering*)²⁰³. Основным подходом исследователей был социально-конструктивистский. Профессор Бостонского университета Шэри Терер полагала, что изучение «мифов» о «хорошей матери» в конечном итоге и есть история материнства²⁰⁴. Материнская тема продолжала расширяться, при этом предмет исследований сужался, историки затрагивали неожиданные стороны проблемы. В частности, в 2001 была опубликована работа Сандры Энос (Enos) «Материнство изнутри», где автор, применяя психологические, социологические и, отчасти, этнографические методы, описала повседневность заключенных матерей²⁰⁵. Мэрилин Франкус в работе «Чудовищное материнство...» исследовала неожиданную область Британской истории XVIII века – процесс материнской маргинализации²⁰⁶. Профессор Иллинойского университета Элисон Берг описала родильные практики американок 1890–1930-х годов, при этом ее работа была построена не на официальных источниках, а преимущественно на женских эгодокументах²⁰⁷. Ускорившийся темп жизни, постоянно возрастающие требования к женщине как к личности, как к работнику и как к матери, по мнению автора,

²⁰² Mothers of a new world: maternalist politics and the origins of welfare states / Ed. S. Koven, S. Michel. Routledge, 1993.

²⁰³ O'Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York: State University of New York Press, 2004.

²⁰⁴ Thurer S.L. The Myths of Motherhood: How Culture Reinvents the Good Mother. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 1994.

²⁰⁵ Enos S. Mothering from the inside. Parenting in a Women's Prison. New York: State University of New York Press, 2001.

²⁰⁶ Francus M. Monstrous Motherhood: 18th-century culture and the ideology of domesticity. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2012.

²⁰⁷ Berg A. Mothering the Race. Woman's narrative of reproduction 1890–1930. Urbana, Chicago: University of Illinois. 2002.

обусловили появление «гонки материнства» («mothering the race»), что негативно сказывается на самой женщине.

Значительное число работ 1990–2000-х годов было посвящено изучению материнства в XX веке в рамках феминистского дискурса²⁰⁸. Активную научную деятельность по развитию данного направления проводила профессор Йоркского университета (г. Торонто, Канада) Андреа О’Релли, благодаря которой материнская тема стала популярной в Канаде²⁰⁹. Она возглавила школу женских исследований при Йоркском университете, а также ассоциацию, специализирующуюся на исследованиях различных аспектов материнства (The Association for Research on Mothering). А. О’Релли активно сочетала методы гендерной, феминистской истории и методики социологических и этнографических исследований (включенные интервью, анкетирования, опросы). В 2006 году О’Релли совместно с организацией «Motherhood Initiative for Research and Community Involvement» основала издательство «Demeter Press», специализирующееся на публикации исследований материнства²¹⁰. Лаура Умански, исследуя отношение феминисток 1960–1980-х годов к собственным материнским ролям, пришла к выводу, что в их среде сосуществовали два основных взгляда: негативные характеристики материнства («негативный дискурс») и позитивные («позитивный дискурс»). «Негативный дискурс» предполагал восприятие материнства в качестве средства деспотического контроля мужчин над женщинами, ограничивающего женскую независимость. «Позитивный дискурс» делал материнство областью гендерного самовыражения, которая предполагала

²⁰⁸ Umansky L. Motherhood Reconceived. Feminism and the legacies of the sixties. New York: New York University Press; Hill M. Mothering Modernity. Feminism, Modernism and the Maternal Muse. Routledge. 1999; Gordon T. Feminist mothers. Macmillan, 1990; Evans S. Mothers of Heroes, Mothers of Martyrs: World War I and the Politics of Grief. Montreal and Kingston: McGill-Queen’s University Press, 2007; Green F.J. Feminist mothering in theory and practice, 1985–1995: a study in transformative politics. Edwin Mellen Press, 2009; Evans T., Thane P. Motherhood in Twentieth-Century England. Oxford: Oxford University Press, 2012.

²⁰⁹ O’Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York: State University of New York Press, 2004; O’Reilly A. (ed.) Mother Matters: Motherhood as discourse and practice. Toronto: ARM Press, 2004; O’Reilly A. Feminist Mothering. State. New York: University of New York Press, 2008; O’Reilly A. Motherhood: Experience, Identity, Policy, Agency. New York: Columbia University Press, 2010; Motherhood: Power and Oppression / Eds. Marie Porter, Patricia Short and Andrea O’Reilly. Toronto: Women’s Press, 2005; O’Reilly (ed.) Mothers, Mothering and Motherhood. Across Cultural Differences. Toronto: Demeter Press, 2014; Büskens P. (ed.) Mothering & Psychoanalysis. Clinical, Sociological and Feminist Perspectives. Toronto: Demeter Press, 2013; Ennis Dr. Intensive Mothering. The Cultural Contradictions of Modern Motherhood. Toronto: Demeter Press, 2014.

²¹⁰ <http://www.demeterpress.org/> – официальный сайт издательства.

углубление знаний женщины о самой себе и обретение ею собственной идентичности²¹¹. Интерес исследователей смещался от изучения материнства как социального института в сторону раскрытия мира чувств, переживаний и «мышления» («maternal thinking») матерей²¹². Катарина Эрнап обратилась к изучению идеологии материнства в Канаде в XX веке. Она пришла к выводу, что профессионализация материнства, возросшие требования к образованию и подготовке матерей стали способами контроля над их поведением со стороны экспертных систем²¹³.

Исследование материнских практик продолжила классик направления motherhood studies – Э. Бадинтер. В 2012 году она опубликовала работу «Конфликт: как современное материнство подрывает статус женщины»²¹⁴, ставшую бестселлером (к настоящему времени имеет уже несколько переизданий). Вопреки развитию социальных форм поддержки материнства и детства, распространению семей партнерского типа, она выразила убеждение в том, что материнство существенно ограничивает возможности женщины. Э. Бадинтер полагает, что новые предписания матерям (совместный сон, передвижения с младенцами с использованием различных приспособлений, погруженность в процесс воспитания и др.) вновь привязывают женщин к семье и дому. Она считает, что современные требования к уходу за детьми регрессивно влияют на личность женщины и, в конечном счете, негативно отражаются на ее социальном статусе.

Социолог Шарон Хейс (Hays) ввела термин «интенсивное материнство» («intensive mothering»)²¹⁵, полагая, что возрастающие со времен Средневековья требования к женщине сформировали чрезмерный объем запросов к материнству и, собственно, «хорошей матери». Все это повлекло усиленное самосовершенствование женщин, которые в условиях современности должны быть и достойными матерями, и преуспевающими работницами. Ряд авторов,

²¹¹ Umansky L. Motherhood Reconceived. Feminism and the legacies of the sixties. New York University Press, 1996. P. 16-52.

²¹² Umansky L. Motherhood Reconceived. Feminism and the legacies of the sixties. New York: New York University Press, 1996. P. 132-159; Harrison D. «Disappearing Fathers and Domineering Mothers: Biography in the Canadian West // Western American Literature. 2007. Vol. 41. № 4. P. 446-458.

²¹³ Arnup K. Education for motherhood: advice for mothers in twentieth-century Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1994.

²¹⁴ Badinter E. The Conflict: How Modern Motherhood Undermines the Status of Women. New York: Metropolitan Books, 2012.

²¹⁵ Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. Yale University Press, 1996.

анализируя изменения запросов по отношению к матерям в разные эпохи, также считали, что современные требования, возлагаемые на женщин-матерей, «вредны» как для самих женщин, так и для их детей²¹⁶. Психолог Даяна Иер выразила убеждение, что все возрастающие требования к материнскому поведению формируют комплекс «материнской вины»²¹⁷. По мнению исследовательницы, материнство окружено многочисленными мифами. В частности, Иер утверждала, что концепция материнской близости, дословно «процесс склеивания» матери с младенцем («process of bonding») – разработана врачами в то время, когда больницы и педиатрические службы стали терять привлекательность в глазах матерей²¹⁸.

Анализ статей последнего десятилетия в журналах, связанных с гендерной историей (Women's Studies, Journal of Women's History, Women: A Cultural Review, Women's History Network, Herstory, Woman History Review, European Journal of Women's Studies, Aspasia), показывает, что материнская тема вызывает устойчивый интерес исследователей. При этом активно осваиваются новые источники, среди которых даже «mommyblogging» – интернет-блоги, личные страницы в социальных сетях, позволяющие характеризовать тенденции в развитии современного материнства²¹⁹.

1.1.2. Англоязычная «русистика» у истоков исследования истории и антропологии материнства в России

У истоков изучения антропологии и истории материнства в России, несмотря на условия холодной войны, стояли американские и западноевропейские исследователи. «Советский эксперимент» в сфере семейных отношений вызывал живой интерес у американских социологов, этнографов, историков. Уже в 1930–1940-е годы были опубликованы первые работы²²⁰, авторы которых

²¹⁶ Rogers M.F. Mothers and Children: Feminist Analyses and Personal Narratives. Rutgers University Press, 2001; Ennis Dr. Intensive Mothering. The Cultural Contradictions of Modern Motherhood. Toronto: Demeter Press, 2014.

²¹⁷ Eyer D.E. Motherguilt: How Our Culture Blames Mothers for What's Wrong With Society. New York: Times Books, 1996.

²¹⁸ Eyer D.E. Mother-Infant Bonding: A Scientific Fiction. New Haven: Yale University Press, 1993.

²¹⁹ Friedman M. On Mommyblogging: Notes to a Future Feminist Historian // Journal of Women's History. Vol. 22. № 4. Winter 2010. P. 197-208.

²²⁰ Field A.W. Protection of Women and Children in Soviet Russia. New York: E.P. Dutton, 1932; Halle F. W., Green M.M. Woman in Soviet Russia. Viking Press, 1933; Matthews T. Russian Child and Russian Wife. London, 1949. P. 103-115.

репрезентировали основные направления социальной политики советской России в данной области. Полноценные исследования по антропологии российского материнства появились как раз в то время, когда на Западе зарождались *motherhood studies*²²¹, – в 1970-е годы. Рост интереса западных ученых к гендерной истории России в целом и материнской теме в частности происходил на фоне того, что в рамках советской историографии данные вопросы никак не вписывались в утвержденные подходы исторических исследований. Исключение составляли этнографические работы, в которых традиционно находила отражение тематика родительских отношений, прежде всего, в народной среде (материнство как таковое не являлось целью изучения этнографов, их интересовали традиционные практики, связанные с родовспоможением, уходом за младенцами и проч.)²²².

В западной историографии «русистами» были выделены четыре основных периода в развитии материнства в России: доиндустриальный (преимущественно, исследования медиевистов), индустриальный (пореформенный), советский и постсоветский (исследования этого периода носят социолого-этнографический характер). Следует отметить, что в условиях холодной войны американских ученых особенно привлекали образы советских матерей, в том числе по причине доступности разнообразных источников по их изучению. С конца 1980-х годов появилась возможность проводить полевые (экспедиционные) исследования в российских деревнях, чем зарубежные ученые поспешили воспользоваться.

Начало изучения материнства в прошлом России можно датировать 1976 годом, когда по инициативе Дэвида Рэнсела (впоследствии профессора Индианского университета) в университете Иллинойс (США) была организована конференция, впервые посвященная таким проблемам социальной истории, как трансформация институтов семьи, материнства, родительства, детства в России²²³. На конференции были открыты четыре секции, на которых выступили молодые ученые, ставшие впоследствии видными русистами. Два года спустя по

²²¹ Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9-24.

²²² Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91-101.

²²³ Hellie R. The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research by David L. Ransel // The Journal of Modern History. 1980. Vol. 52. №. 3. P. 565-568.

результатам конференции был опубликован научный сборник – «Семья в императорской России: новые направления исторических исследований» («The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research»)²²⁴, редактором которого стал Д. Рэнсел. В большинстве статей впервые раскрывались проблемы семейных отношений в истории России XIX века. Почему данный временной отрезок вызвал первоначальный интерес у русистов? Видимо, это было связано с доступностью исторических документов эпохи, так как многие источники личного происхождения (мемуары, дневники), законодательные акты Российской империи, отражающие проблемы социальной истории, были переведены на английский язык или вообще впервые изданы за границей.

В своих ранних работах Д. Рэнсел рассматривал особенности практик деторождения россиянок, ухода за младенцами и воспитания детей в крестьянских и дворянских семьях XIX века²²⁵. В представленном сборнике были опубликованы статьи о характере государственных форм поддержки материнства и младенчества в России, о причинах высокой младенческой смертности и тяжести детских заболеваний (Нэнси Фридан²²⁶); о родильной культуре в России, развитии акушерских знаний; о детях-беспризорниках («заброшенных детях») (С. Рамер²²⁷). Роберт Джонсон, характеризуя матримониальное поведение русского крестьянства в 1880–1900-е годы, выделил следующие черты: повышение брачного возраста, рост незаконных рождений, вызванных миграцией населения в города, рост абортивных практик среди городского населения. Следует отметить, что эти же выводы были озвучены советскими демографами практически в то же самое время (А.Г. Вишневский, М.В. Курман)²²⁸. Джессика Товров впервые обратила внимание

²²⁴ The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research // Ed. Ransel D. Urbana: University of Illinois Press, 1978.

²²⁵ Ransel D. Abandonment and Fosterage of Unwanted Children: The Women of the Foundling System // Family in Imperial Russia / Ed. D. Ransel. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 189-217; Рэнсел Д. Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Беларуси конца XIX – начала XX века // Женщины на краю Европы / Ред. Е. Гаповой. Минск: ЕГУ, 2003. С. 74-89.

²²⁶ Frieden N.M. Child Care: Medical Reform in a Traditionalist Culture // Family in Imperial Russia / Ed. D. Ransel. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 236-259.

²²⁷ Ramer S.C. Childbirth and Culture: Midwifery in the Nineteenth-Century Countryside // Family in Imperial Russia / Ed. D. Ransel. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 218-235.

²²⁸ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 105-135; 230-246.

на матерей из дворянской среды. В известном сборнике она представила статью о характере взаимоотношений матерей и дочерей в дворянских семьях²²⁹.

Обращение «русистов» к материнской теме в России происходило параллельно в рамках изучения гендерной истории. В 1977 году коллективом авторов (в основном, американцев) был опубликован труд под общим названием «Женщины в России»²³⁰. Исключительной по своей постановке явилась статья Молли Розенан, посвященная анализу женских (в том числе, материнских) и мужских образов в сознании ребенка. Новаторский подход был обусловлен тем, что автор опирался преимущественно на детские «устные истории», а также результаты проведенных анкетирований и опросов. Она отметила существование в России официального культа материнства, что, по мнению автора, накладывало существенный отпечаток на восприятие ребенком матери и отца²³¹. Дороти Аткинсон исследовала характер трансформации сексуальной культуры в России, отмечая существенные изменения в репродуктивном поведении россиянок и их зависимость от социально-политических и экономических процессов²³².

Таким образом, конференция, проведенная по инициативе Д. Рэнсела, и впоследствии опубликованный научный сборник стали для многих американских исследователей отправной точкой в собственных научных изысканиях по проблеме истории семьи, материнства и детства в России. Д. Рэнсел, впервые обратившись к материнской теме в 1970-е годы, остается ей верен вплоть до настоящего времени (его научно-исследовательская работа продолжается около 40 лет). В 1988 году он опубликовал работу «Матери нищеты. Социальное сиротство в России» («Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia»)²³³, которая к настоящему времени многократно переиздавалась. К сожалению, книга до сих пор не переведена на русский язык. Объектом пристального изучения Д. Рэнсела стали матери из низших сословий. Впервые он открыл богатую область благотворительности в

²²⁹ Tovrov J. Mother-Child Relationships among the Russian Nobility // Family in Imperial Russia / Ed. D. Ransel. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 15-43.

²³⁰ Women in Russia // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. Stanford: Stanford University Press, 1977.

²³¹ Rosenhan M. Images of Male and Female in Children's Readers // Women in Russia / Ed. D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. Stanford: Stanford University Press, 1977. P. 301.

²³² Atkinson D. Society and the Sexes in the Russian Past // Women in Russia / Ed. D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. Stanford: Stanford University Press, 1977. P. 26-34.

²³³ Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988.

императорской России, связанную с поддержкой института материнства и младенчества. Он исследовал такие важные социальные проблемы, как рост числа «незаконнорожденных» детей, существование высокой детской (в особенности, младенческой) смертности и большого числа детоубийств. Он пытался ответить на вопрос, что толкало матерей на противоправное и аморальное поведение в отношении собственных детей. Автор опирался на доступные для него исторические источники – законодательные акты, медицинские отчеты, педагогические работы современников.

В 1990 году Д. Рэнсел опубликовал небольшую по объему работу «Материнство, медицина и младенческая смертность: некоторые сравнения» («Mothering, medicine, and infant mortality in Russia: some comparisons»), где рассматривал историю материнства в России в контексте трансформации медицинских знаний (акушерских и педиатрических) и их влияние на выживаемость детей²³⁴.

Открытие «железного занавеса» дало возможность ученому продолжить изучение истории российского и советского материнства. Используя историко-этнографические методы, он обратился к исследованию особенностей быта сельских матерей. В 1990-х годах он организовал «исследовательское бюро» по изучению материнства в среде деревенских женщин Поволжья. Д. Рэнсел принимал непосредственное участие в этнографических экспедициях. На протяжении нескольких месяцев он проживал в российских деревнях, проводил «устные интервью» с селянками, наблюдал за характером их материнского поведения, изучал предметы материальной культуры. Результаты научных поисков Д. Рэнсела воплотились в публикации монографий, в которых он представил особенности материнских практик в России с конца XIX века вплоть до 1960-х годов, – «Сельская жизнь в конце царской России» («Village Life in Late Tsarist Russia»²³⁵) и «Деревенские матери. Три поколения перемен в России и Татарии» («Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria»)²³⁶. В основу последней работы историка вошли более 100 устных свидетельств респонденток,

²³⁴ Ransel D. Mothering, medicine, and infant mortality in Russia: some comparisons. Berkeley: The Woodrow Wilson Center, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1990.

²³⁵ Ransel D. Village Life in Late Tsarist Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1993.

²³⁶ Ransel D. Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria. Bloomington: Indiana University Press, 2000.

повествующих об их практиках материнства. Исследуя три поколения крестьянок (колхозниц), Д. Рэнсел демонстрировал, как под влиянием общественно-политических условий, тягот крестьянско-колхозного быта в советской России утверждалась идеология регулирования деторождения, предполагавшая широкое распространение многократных абортивных практик в жизни крестьянок. Он описывал сложность крестьянского, а затем колхозного быта женщин, которые находились в положении, рожали, осуществляли уход за детьми, воспитывали их, не отрываясь от изнуряющего каждодневного труда.

Джессика Товров, Нэнси Фридан, участницы конференции 1976 года, посвященной истории семьи в России, также продолжили изучать заявленную тему. В 1987 году она опубликовала работу, предмет которой – трансформация дворянских семей в доиндустриальной России²³⁷. Если отечественные историки обращали внимание исключительно на мужскую часть дворянского населения, полагая, что те же самые процессы характерны и для их вторых половинок (матерей, жен, сестер), то американская исследовательница впервые в центр своих исследований поставила дворянок. Д. Товров применила гендерно-чувствительные методы и методы психоанализа. Эти методы отличаются характером использования источников и особенностями их интерпретации. В качестве главного источника Д. Товров выбрала опубликованные женские дневники, письма екатерининской эпохи. Основное внимание она уделила репрезентации мира чувств, эмоциональных переживаний, особенностей женской ментальности, страхов и фобий своих героинь. Подобный подход требует от исследователя сосредоточения на сложной взаимосвязи между сознательным и бессознательным, рациональным и иррациональным в поведении дворянок, что невозможно произвести без соответствующих психологических знаний. Гендерно-чувствительные методы позволили ей раскрыть эмоциональную сторону женской истории, в том числе с помощью собственной гендерной субъективности. Н. Фридан продолжила изучать процесс медиализации частной жизни российских

²³⁷ Tovrov J. The Russian Noble Family: Structure and Change. New York.-London: Garland Pub., 1987.

женщин (в том числе рожениц) и профессионализации врачебного сообщества в пореформенной России²³⁸.

В 1980-е годы русисты стали активно изучать повседневные реалии женщин-работниц, крестьянок и колхозниц²³⁹. Материнство в крестьянской среде историки рассматривали в контексте истории семьи, сексуальности, женских прав и влияния этакратических порядков на образ жизни женщин. Положение матерей-работниц анализировалось сквозь призму законодательной политики, регламентирующей их трудовую деятельность²⁴⁰. Исследователей интересовали не столько эмоциональные переживания матерей из низшего сословия, сколько характер государственной политики в их отношении.

Важной особенностью западных исследований являлось то, что русисты стремились увязать историю материнства в России с борьбой женщин за свои права и в целом с развитием феминистского движения. В связи с этим, изучая женское движение в России, исследователи часто затрагивали проблему материнских ролей в изменяющемся обществе. Известный американский историк Ричард Стайтс, крупный специалист по русскому феминизму, в своей работе, впервые опубликованной в 1978 году, касался вопросов женского репродуктивного поведения как с позиции традиционных ценностей, так и в контексте феминистского дискурса и «новой половой морали»²⁴¹. Ему принадлежит тезис о том, что материнская тема, а также вопросы семьи, брака мало интересовали русских феминисток, которые концентрировали свои рассуждения вокруг политического вопроса, проблем женской свободы, женского права и женского

²³⁸ Frieden N.M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton: Princeton University Press, 1981.

²³⁹ Glickman R. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. Berkeley, London: University of California Press, 1984; Evans J. *The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question: The Case of 1936 Decree "In Defence of Mother and Child"* // *Journal of Contemporary History*. 1981. Vol. 16. P. 757-775; Whaters E. *From the Old Family to the New: Work, Marriage and Motherhood in Urban Soviet Russia, 1917-1931*. PhD. Diss. University of Birmingham, 1985.

²⁴⁰ Glickman R. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. Berkeley, London: University of California Press, 1984.

²⁴¹ Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Prinstone: Princeton University Press, 1978.

образования²⁴². В то же время он не обошел вниманием тот факт, что поведение самих феминисток подрывало устои традиционной семейной жизни.

Оригинальный предмет исследования был выбран профессором университета Колорадо, известным специалистом в области женской истории России Барбарой Энгель. В опубликованной в 1983 году работе «Матери и дочери. Интеллигентные женщины России девятнадцатого века» («Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia»)²⁴³ американка пыталась ответить на вопросы: что побудило огромное количество интеллигентных женщин России XIX века (гораздо большее, чем на Западе) восстать против традиционных семейных ролей (одна из глав исследования носит емкое название «*дочери против родителей*»), и как частная история, в конечном итоге, превратилась в историю политическую²⁴⁴. Предметом ее изучения стал не столько феномен материнства в России, сколько причины отказа от него, повлекшие за собой освоение иных социальных ролей «дочерями» новой эпохи, которые своими действиями поставили под сомнение старый гендерный порядок. Б. Энгель была убеждена в том, что российские феминистки были более радикальны в вопросах материнства (полностью его отрицали), нежели их западные «сестры»²⁴⁵. Основываясь на опубликованных воспоминаниях, дневниках деятельниц русского феминизма (С. Ковалевской, Е. Водовозовой, В. Фигнер, В. Засулич, Н. Сусловой и др.), она стремилась понять, что толкало обеспеченных молодых девушек бросать собственные семьи ради призрачных целей революционного движения. По сути, исследуя эмоционально-чувственные причины феминизации россиянок, она уделила особое внимание раскрытию характера взаимоотношений между традиционно настроенными матерями и эмансипированными, «нигилизированными» дочерьми. Главную причину столь сильного конфликта поколений она видела в отсутствии эмоциональной привязанности, крепкой связи между матерями-дворянками и их дочерьми, которые в условиях революционной России с легкостью покидали собственных родителей. Б. Энгель отметила

²⁴² Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860-1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 102, 354.

²⁴³ Engel B.A. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

²⁴⁴ Ibid. P. VII

²⁴⁵ Ibid. P. 7

амбивалентность материнства в России. С одной стороны, материнство было важнейшей социальной ролью для женщин из высшего сословия, с другой, в отличие от европейских и американских женщин среднего класса, дети не составляли «центрального фокуса» в жизни россиянок. Исследовательница широко применила биографический метод, анализируя жизненные пути десятков россиянок. Сквозь личные истории активисток общественно-политического движения она раскрывала историю целого поколения. При анализе мотивов поведения женщин историк широко использовала методы психоанализа. Учитывая характер использованных источников (принадлежавших феминистски настроенным россиянкам), она игнорировала факт распространения «сознательного материнства» в России. Книга Б. Энгель была востребованной зарубежными исследователями, что подтверждает факт переизданий (в 1985 и в 2000 годах). Однако на русский язык монография до сих пор не переведена. Научный путь Б. Энгель любопытен тем, что, начав свою исследовательскую работу с анализа взаимоотношений между матерями и дочерьми в пореформенной России, она обратилась к направлению *women's study*, опубликовав в 2004 году работу по истории российских женщин, где проследила характер эволюции приватной и публичной сферы в жизни россиянок²⁴⁶.

Интерес зарубежных исследователей к гендерной, семейной истории России, а также трансформации государственной политики в этих направлениях способствовал тому, что на английский язык были переведены новые исторические документы (в том числе, некоторые работы А. Коллонтай и Ленина, декреты и законы об охране материнства и детства Советской России). Американки С. Белл и К. Оффен в 1983 году опубликовали работу «Женщины, семья и свобода», в которой содержались как российские, так и зарубежные источники по истории семьи, сексуальных отношений, материнства²⁴⁷.

Изначально русисты осторожно подходили к освещению истории материнства, затрагивая отдельные аспекты этого обширного явления, ограничивая период исследований временными рамками, выбирая конкретный предмет изучения (мать и дитя, практики родовспоможений, эмоциональные переживания),

²⁴⁶ Engel B.A. *Women in Russia, 1700-2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

²⁴⁷ Bell S., Offen K. *Women, the Family, and Freedom. The debate in documents. Vol. 2. 1880–1950*. Stanford: Stanford University Press, 1983.

характеризуя ту или иную сословную группу (социальные низы, привилегированные сословия и классы). В конце 1980-х годов в свет вышла монография профессора Хэмпширского колледжа Джоанны Хаббс «Мать России...», нацеленная на развенчание женских мифов в культуре России с «доисторических времен» вплоть до современности²⁴⁸. Д. Хаббс широко использовала этнографический материал: русский фольклор – верования, песни, культы, ритуалы и даже предметы материальной культуры (крестьянский костюм, обереги). Она подробно изучила различные мифологические корни образа матушки Руси. Однако историки не раз подчеркивали существенные недостатки в выборе автором источников и тенденциозности выводов. В частности, Н.Л. Пушкарёва указывала на то, что Д. Хаббс «сверх-антифеминистски» подходила к характеристике тех или иных сторон семейных отношений в России²⁴⁹. Кроме этого, американская исследовательница не ставила задачу комплексного анализа феномена материнства, ее работа в большей степени напоминает сборник литературных зарисовок, а не научный текст. Значительная часть книги посвящена характеристике материнских культов внутри славянских племен и раннехристианского периода Руси (среди затронутых персонажей и образов были русалки, Баба-яга, образы Марии, Параскевы Пятницы). Выводы американки часто не подкреплялись достаточным документальным материалом. Например, в освещении материнства индустриальной и советской России автор основывался исключительно на литературных источниках. В то же время работа Д. Хаббс была высоко оценена за рубежом, по сей день на нее часто ссылаются. Очевидно, это объясняется тем, что американка показала на реальных примерах, что именно образ матери является наиболее значимым символом русской национальной женственности²⁵⁰.

Материнская тема нашла частичное отражение в научных трудах редактора журнала «Русское обозрение» Евы Левин. Она затрагивала материнские роли,

²⁴⁸ Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1988.

²⁴⁹ Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // *Женщина в российском обществе*. 2000. № 1. С. 22.

²⁵⁰ Эберт К. Матушка Русь и ее сыновья: «Архаический симбиоз полов» как топос национальной мифопоэтики // *Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования*. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 164.

изучая историю женщин и историю сексуальности (именно этот вопрос привлекал исследовательницу) доиндустриальной России. Наиболее раннюю из своих работ она посвятила жизни женщины средневекового Новгорода, где значительное внимание уделила вопросам семейной организации²⁵¹. Позже Е. Левин существенно расширила временные рамки исследования, акцентируя внимание на сексуальной жизни русского населения допетровской эпохи²⁵². Американская исследовательница с позиции историко-этнографического подхода раскрыла практики и культы деторождения, существовавшие в народе (значительное место она уделила культу Параскевы). Е. Левин впервые затронула запретные темы для традиционной отечественной исторической науки, среди которых – существование инфантицида, сексуального насилия, инцеста в допетровской России, моногамность славян в дохристианский период²⁵³. Описывая деторождение в Средневековой Руси, она пришла к выводу о прочно сохранившихся языческих практиках, так как неперенными защитниками роженицы были не столько иконы, сколько языческие амулеты, обереги и заговоры²⁵⁴. Кроме этого, она подчеркивала амбивалентное отношение общества к материнству: материнство воспевалось как священная миссия женщины, с другой стороны, частые роды воспринимались населением в качестве признака сексуальной активности супругов, а значит, свидетельствовали об их греховной жизни.

В 1990-е годы русисты обратили пристальное внимание на положение советских женщин в семье и обществе. Этот факт был обусловлен возможностью свободно осуществлять научно-исследовательскую работу (в том числе, в российских архивах и библиотеках), доступностью «живых свидетелей эпохи», материалов «устной истории» («oral history») – реальных рассказов бывших советских женщин, повествующих об особенностях их семейного быта.

²⁵¹ Levin E. The role and status of women in medieval Novgorod. Bloomington: Indiana University Press, 1983.

²⁵² Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900-1700. Ithaca: Cornell University Press, 1995.

²⁵³ Levin E. Infanticide in Pre-Petrine Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. Vol. 34. № 2. P. 215-224; Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900-1700. Ithaca: Cornell University Press, 1995; Levin E. Childbirth in Pre-Petrine Russia: Cannon Law and Popular Traditions // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec. Berkley-Los Angeles-Oxford, 1991. P. 44-59.

²⁵⁴ Levin E. Childbirth in Pre-Petrine Russia: Cannon Law and Popular Traditions // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec. Berkley-Los Angeles-Oxford, 1991. P. 45.

Современная финская исследовательница А. Роткирх, проанализировав работы североамериканских ученых, работающих в области Russian Studies, пришла к выводу, что как минимум пятая их часть посвящена изучению российских женщин. Роткирх справедливо заметила: *«В 1990-е годы россияне стали объектом академической колонизации: они представляли новую и до сих пор не исследованную тему, непаханое поле в бизнесе академического письма и публикаций»*²⁵⁵.

В 1990-е годы Д. Рэнсел организовал «русское бюро», сотрудники которого проводили сбор «полевого материала» в Центральной России и Поволжье. Результаты их работы воплотились в новых публикациях о женщинах советской России. Характеризуя русистику 1990-х годов, следует отметить, что научный интерес, прежде всего, был направлен на репрезентацию гендерной истории России. Проблема материнства рассматривалась в контексте трансформации гендерных ролей в семье и обществе, сексуальных отношений, матримониального и репродуктивного поведения, «женского вопроса», женского образования и трудовой деятельности²⁵⁶.

Зарубежные исследователи сконцентрировали внимание вокруг анализа советской политики в отношении матерей²⁵⁷. Они отметили ее двойственность в 1920-1940-е годы, называя поворот 1930-х годов «великим откатом». Попытка апологетов радикального феминизма претворить в жизнь в 1920-е годы концепцию свободного материнства, в основе которой независимая женщина-труженица, а только потом мать, сменилась в 1930-е годы пропагандой «сознательного материнства» (образ святости материнства, священный статус семейных уз). Венди Гольдман (впоследствии профессор истории университета Карнеги-Меллон)

²⁵⁵ Роткирх А. Мужской вопрос: Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 21.

²⁵⁶ Waters E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. № 1. P. 123-135; Farnsworth B., Viola L. Russian Peasant Women. Oxford: Oxford University Press, 1992; Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia / Ed. M. Buckley. Cambridge University Press. 1997.

²⁵⁷ Wood E.A. The Baba and the Comrade. Bloomington: Indiana University Press, 1997; Woman in Russia and Ukraine / Ed. by Rosalind Marsh. Cambridge: University of Cambridge. 1996; Bernstein F. Envisioning Health in Revolutionary Russia: the Politics of Gender in Sexual-Enlightenment posters of 1920s. // Russian review. April 1998. P. 191-217; Hoffman D.L. Mothers in the Motherland: Stalinist pronatalism in its pan-European context // Journal of social history. 2000. № 1. P. 35-54; McDermid J., Hillyar A. Midwives of the revolution. Female, Bolsheviks and woman workers in 1917. London: UCL Press, 1999.

проследила воплощение идей новой социалистической семьи на практике, основываясь преимущественно на трудах А. Коллонтай, опубликованных в первые два десятилетия постреволюционного периода²⁵⁸. Ее монография «Женщина, государство и революция: советская политика в отношении семьи и общественной жизни» на одной из книжных выставок Великобритании в 1993 году была признана лучшей исторической работой, написанной женщиной. Она считала, что объявленная «сексуальная свобода», упадок традиционных семейных ценностей, появление «свободных союзов» между мужчиной и женщиной – все это привело к тяжелейшим социальным последствиям: увеличению числа беспризорных детей, появлению случаев инфантицида и неконтролируемого роста абортот. Ссылаясь на «устные истории» советских женщин, она отмечала существование серьезного конфликта в жизни советской матери между вынужденной потребностью трудиться и исполнять материнские функции²⁵⁹. Античеловеческие условия труда превращали аборт в жизненно необходимую практику, от которой зависела выживаемость семьи и ее членов. По мнению исследовательницы, провал концепции «новой социалистической семьи» заставил большевиков кардинально пересмотреть политику в области половой морали и семейных взаимоотношений, что повлияло на принятие новых законов, связанных с охраной семейных союзов, материнства и детства. В дальнейшем В. Гольдман продолжила изучать гендерную историю России, опубликовав труд, раскрывающий особенности быта советских женщин²⁶⁰. Ее книга «Women at the Gates» переведена на русский язык («Женщина у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии») и издана в 2010 году²⁶¹. Однако в данной работе автор обходит стороной вопросы материнства, сосредотачиваясь на характере труда и производственных отношениях советских женщин. В противовес В. Гольдман Дэвид Хоффман полагал, что переход в 1930-е годы к пропаганде «сознательно материнства» был связан не столько со спецификой советской социальной политики, сколько с общеевропейским сдвигом

²⁵⁸ Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

²⁵⁹ Ibid. P. 335.

²⁶⁰ Goldman W. Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. Cambridge University Press, 2002.

²⁶¹ Гольдман В. Женщина у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. М.: РОССПЭН, 2010.

в сторону медиализации материнства и детства, а также ростом влияния государственного контроля над рождаемостью²⁶².

Вопрос эволюции материнского права в контексте брачно-семейных отношений был затронут профессором университета Южного Миссисипи В. Вагнером в книге «Брак, собственность и закон в конце Императорской России»²⁶³. Однако в силу интересов исследователя, он заостряет внимание не столько на материнском правовом статусе, сколько на правах детей внутри патриархальных семей.

Таким образом, отдельные аспекты материнства становились чаще не предметом исследований, а «деталью» к женскому образу той или иной эпохи. Кроме этого, русистика 1990-х годов сфокусировалась на изучении советских женщин, советской сексуальной культуры, советской семьи и частично особенностей воспитания детей в колхозно-рабочих семьях. Это повлияло на методологию исследований – доминирование социологических и этнографических методов (устные интервью, полевые исследования, анкетирования).

Весьма ценным по характеру поднятых тем явился коллективный труд под редакцией профессора Колорадского университета Барбары Клементс «Женщины России...» («Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation»), опубликованный в 1991 году. В нем содержались работы как выдающихся русистов (Д. Рэнсел, Л. Энгельштейн, Е. Левин, Э. Вотерс), так и отечественных историков-первопроходцев направления woman's study (Н.Л. Пушкарёва). Д. Рэнсел, опираясь на данные российских этнографов, характеризовал родильные обряды в народной среде²⁶⁴. Профессор Принстонского университета Лора Энгельштейн представила противоречивый взгляд российского сообщества врачей и правоведов рубежа XIX–XX веков на предмет легализации аборт. Впоследствии результаты ее работы были обобщены в книге, посвященной истории сексуальной культуры в России, – «Ключи счастья...»²⁶⁵. Американская

²⁶² Hoffman D. L. Mothers in the Motherland: Stalinist pronatalism in its pan-European context // Journal of social history. 2000. № 1. P. 35-54.

²⁶³ Wagner W. Marriage, property, and law in late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1994.

²⁶⁴ Ransel D. Infant-Care Cultures in the Russian Empire // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec. Berkley-Los Angeles-Oxford, 1991. P. 113-135.

²⁶⁵ Engelstein I. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

исследовательница представила образ новых матерей в России, феминисток и нигилисток, отрицающих собственные материнские роли и собственную фертильность. Впервые она затронула вопросы вхождения в жизнь городского сообщества средств, ограничивающих деторождение, что, по ее мнению, непосредственно было связано с изменениями в сексуальной жизни населения. Исследовательница широко применила биографический метод исследования. Она связала трансформацию репродуктивного поведения молодых россиянок («эротизация» молодых девушек, отказ от официальных браков, сокращение числа деторождений и др.) с общественно-политическими процессами в стране. Л. Энгельштейн были недоступны многие архивные материалы, в связи с чем она широко использовала в качестве исторического источника русскую литературу, в том числе бульварную, филигранно вплетая ее в свое повествование. Эта книга в числе немногих была переведена и издана на русском языке²⁶⁶. Одна из заслуг Л. Энгельштейн состояла в том, что она пробудила интерес зарубежных филологов к изучению материнской темы в русской художественной литературе²⁶⁷.

В 1990-е годы русисты обратили внимание на образ женщины-матери в русской культуре. Профессор Бейтс колледжа (США) Джейн Костло, изучая русскую женскую литературу XIX века, полагала, что в ней основное внимание авторов было сконцентрировано вокруг женской и материнской темы²⁶⁸. Элизабет Фогель, славист, литературовед Фрайбургского университета, исследовала проявление мужественности и женственности в русской литературе в XIX веке. Характеризуя амбивалентные модели материнства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» («эгоистичная», «плохая» мать Анна и «хорошая» мать Кити), она была убеждена, что русскому классическому не удалось до конца сформировать отрицательный образ Анны. В связи с этим, главная героиня романа вызывала

²⁶⁶ Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: ТЕРРА, 1996.

²⁶⁷ Andrew J. Mothers and Daughters in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century // Slavonic and East European Review. 1995. Vol. 73. № 1. P. 37-60; Kelly C. A History of Russian Women's Writing. 1820–1992. Oxford: Clarendon Press, 1994; Kelly C. Educating Tatiana: Manners, Motherhood and Moral Education (vospitanie) 1760–1840 // Papers, presented to the Conference "Gender and Perceptions of Sexual Difference in Russian Culture and History". Birmingham. July 5. 1996.

²⁶⁸ Costlow J. The Pastoral Source: Representations of the Maternal Breast in the Nineteenth-Century Russia // Sexuality and the Body in Russian Culture / Ed. by J. Costlow, S. Sandler. Stanford. 1993. P. 223-236.

большие симпатии у молодых читательниц, нежели образ идеальной толстовской матери²⁶⁹.

Открытость постсоветской России привлекала зарубежных этнографов, социальных историков, социологов, экономистов, которые стали активно изучать трансформацию репродуктивного поведения россиянок, формирование новых семейных отношений в условиях новой России. В частности, Моника Фонг представила исследование, во многом основанное на проведенных социологических опросах (в том числе, анкетах) российского населения, характеризующее репродуктивное поведение россиянок, их семейные роли, отношение к материнству, рождению детей и абортам. В целом она отмечала ухудшение показателей женского репродуктивного здоровья, сдержанность россиянок в оценке материнских ролей, положительное отношение к абортам²⁷⁰. В 1990-е годы специфику женского репродуктивного поведения в России изучала профессор антропологии Мишель Ривкин-Фиш (университет Кентуки), результаты своей работы она опубликовала в 2000-е годы²⁷¹. Она пришла к выводу, что индивидуальные (персонифицированные) стратегии личного роста в жизни женщин превалировали над материнским инстинктом.

Опираясь на поддержку коллег из Санкт-Петербурга (А. Тёмкиной, Е. Здравомысловой), финская исследовательница (социолог) Анна Роткирх в 1998 году опубликовала труд, посвященный сексуальной жизни советских женщин. Русский перевод книги вышел в свет в 2011 году²⁷². Автор применила оригинальную методику, впервые апробированную за рубежом. Выводы А. Роткирх были построены на изучении более 40 женских и мужских эссе, в которых авторы описывали свой сексуальный опыт (сочинения были представлены на конкурс автобиографий, объявленный в Санкт-Петербурге). Особое внимание она

²⁶⁹ Фогель Э. Модели материнства в романе Льва Николаевича Толстого Анна Каренина (1873–1877) / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 191-209.

²⁷⁰ Fong M.S. The Role of Women in Rebuilding the Russian Economy. Washington: The World Bank, 1993.

²⁷¹ Rivkin-Fish M.R. Women's Health in Post-Soviet Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2005; Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital" // Slavic Review. 2010. Vol. 69. № 3. P. 701-725.

²⁷² Rotkirch A. The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Department of Social Policy, Research Reports. Helsinki: University of Helsinki, 2000; Роткирх А. Мужской вопрос: Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: ЕУСПб, 2011.

обратила на роль материнства в жизни советских женщин, проследив трансформацию материнских практик на протяжении трех поколений. Ее вывод состоял в том, что в большинстве случаев советские матери противопоставляли материнство сексуальности. А. Роткирх подчеркнула низкую сексуальную просвещенность трех поколений жительниц Ленинграда, а затем Санкт-Петербурга. Исследовательница обратила внимание также на широту распространения криминальных абортивных практик среди городского населения советской России.

Бурный интерес русистов 1990-х годов к проблемам родительства и материнства советской и постсоветской России фактически депривировал материнскую тему в иные эпохи отечественной истории. Исключением стали научные изыскания профессора Питтсбургского университета Адель Линденмайер, специализирующейся на истории женской благотворительности в России. Она опубликовала работу, в которой рассмотрела новые веяния в социальном законодательстве (преимущественно принятие закона о социальном страховании 1912 года) по отношению к обеспечению прав матерей-работниц²⁷³. Кроме этого, в исследованиях по истории социальной помощи в России она затронула проблему организации и функционирования женских благотворительных обществ по поддержке материнства и младенчества²⁷⁴. Элизабет Вотерс, изучив трансформацию института материнства в советской России, пришла к выводу, что социалистический эксперимент по созданию системы социального обеспечения и охраны материнства и детства во многом заимствовал достижения (как практического, так и идейного характера) начала XX века (впервые статья была опубликована в 1992 году)²⁷⁵. Процесс появления новых черт в институте материнства России с конца XIX века американская исследовательница называла «модернизацией материнства».

²⁷³ Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*. 1993. Vol. 5. № 2. P. 114-125.

²⁷⁴ Lindenmyer A. *Public Poor Relief and Private Charity in Late Imperial Russia*. Princeton: Princeton University, 1980; Lindenmyer A. *Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity*. Pittsburgh, 1990; Lindenmyer A. *Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton: Princeton University, 1996.

²⁷⁵ Waters E. *The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 / The European Woman's history readers*. Routledge, 2002. P. 277.

Русистика 2000-2010-х годов слабо представлена направлением *motherhood studies*. Исследовательский интерес концентрировался вокруг гендерной истории, истории семьи²⁷⁶, истории детства в России. Наиболее известная работа данного периода – «Маленькие товарищи» Л. Киршенбаум²⁷⁷. Русисты последнего десятилетия большее внимание уделяют изучению истории женщин в России, вплетая ее в общую европейскую историю женщин. При этом институт материнства в России, судя по последним публикациям, потерял намеченную еще с 1970-х годов актуальность. В частности, новые оценки правового статуса русских дворянок дореформенной России представлены М. Маррезе в монографии «Бабые царство...», которая была переведена на русский язык²⁷⁸. Основываясь на многочисленных архивных материалах (РГАДА, РГИА), автор затронул вопросы материнского права в России. Исследовательница подчеркнула амбивалентное положение замужних дворянок (с одной стороны, бесправность, с другой, – активность в качестве субъекта правовых сделок), которые во многом превосходили по степени своей правоспособности замужних дам Западной Европы.

В исследовательских проектах 2010-х годов прослеживалась попытка вплести те или иные стороны истории российских женщин в общемировую, выделяя не столько особые, сколько общие тенденции. В работе профессора Колорадского университета Барбары Клементс, освещающей историю российских женщин с X века до XXI века, акцент сделан на обобщение политической истории женщин²⁷⁹. В монографии М. Хаттон, несмотря на то, что на обложке книги была изображена кормящая мать, основное внимание уделено изучению развития образования женщин и их участия в политической борьбе, в то время как вопросы

²⁷⁶ Choi C. *Celebrating Women. Gender, Festival Culture and Bolshevik Ideology, 1910-1939*. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2002; Engel B.A. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Hutton M.J. *Russian and West European Women, 1860–1939: dreams, struggles and nightmares*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2001; Rosslyn W. *Women and Gender in 18th-century Russia*. Charlottesville: Ashgate, 2003; Rosslyn W., Tosi A. *Women in Russian culture and society, 1700–1825*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2007.

²⁷⁷ Kirschenbaum L.A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917-1932*. New York, 2001; Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven: Yale University Press, 2007.

²⁷⁸ Marrese M. *Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861*. New York: Cornell University, 2002.

²⁷⁹ Clements B.A. *History of Woman in Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 2012; Следует отметить, что изначально Б. Клементс интересовала проблема развития радикального феминизма в России. Одна из ее первых работ была опубликована в 1973 году: *Emancipation Through Communism: The Ideology of A.M. Kollontai* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. №. 2. P. 323-338.

частной жизни не получили раскрытия²⁸⁰. В книге Линн Абрамс, профессора университета Глазго, посвященной формированию европейской женщины Нового времени, сделана попытка рассмотрения частной истории женщин России в контексте общеевропейской²⁸¹. Монография была переведена на русский язык²⁸². Автор, оценивая характер развития института материнства в Европе, считает, что для России были характерны общеевропейские тенденции (формирование культа «идеальной матери», превращение материнства из биологической в социальную обязанность женщины, усиление общественных и государственных институтов по охране материнства). Однако нередко автор чрезмерно абсолютизирует выводы в отношении материнских практик, существовавших в России. В уникальной по заявленным целям работе Анны Куксхаузен²⁸³ сделана попытка рассмотреть проблемы беременности, родов, грудного вскармливания, младенчества в России XVIII века с позиции биополитики и медиализации, анализируя медицинский, педагогический, политический дискурсы. Однако опираясь исключительно на официальных материалах окружения Екатерины II, автор делает поспешные выводы, связанные с существенной трансформацией репродуктивного поведения аристократок. Ни женские автодокументальные свидетельства, ни статистические данные не подтверждают этого. Повседневная жизнь матерей практически никак не изменилась по сравнению с XVII столетием. Те перемены, на которые указывал автор, были модным увлечением узкого круга столичной, приближенной к императорствующим особам аристократии. Кроме этого уровень развития акушерской науки, а тем более практическое применение акушерских знаний, в России был крайне низким на всем протяжении XVIII века.

Специалисты в области славистики в последние десятилетия стали активно изучать тему материнства в русской литературе и культуре. В 2000 году в Берлине была проведена международная конференция «Русская культура и гендерные исследования»²⁸⁴. Авторы докладов анализировали традиционный образ матушки

²⁸⁰ Hutton M.J. *Russian and West European Women, 1860–1939: dreams, struggles and nightmares*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2001.

²⁸¹ Abrams L. *The Making of Modern Woman: Europe 1789–1918*. London: Longman, 2002.

²⁸² Арамс Л. *Формирование европейской женщины новой эпохи: 1789–1918*. М.: ВШЭ, 2011.

²⁸³ Kuxhausen A. *From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Eighteenth-Century Russia*. University of Wisconsin Press, 2013.

²⁸⁴ Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003.

Руси (Линда Эдмондсон, Криста Эберт); проблему материнства в творчестве Л.Н. Толстого, М. Цветаевой, женской прозе эпохи модерна (Элизабет Фогель, Криста Бинсвангер, Элизабет Шорэ); символику материнства в искусстве сталинской эпохи (Сузанна Рамм-Вебер). К. Эберт убеждена, что для русской идентичности крайне важное значение имеет отношение между матушкой Русью и ее сыновьями, а, в конечном счете, между матерью («фаллической матерью») и мужчиной («инфантильным сыном»)²⁸⁵. Проблема социального конструирования материнства в русской литературе привлекла внимание профессора Калифорнийского университета Дж. Каминер²⁸⁶. В 2014 году была опубликована работа, в которой исследовательница впервые пыталась проанализировать создаваемые русскими писателями в различные исторические эпохи (XIX–XX вв.) мифы материнства. Дж. Каминер сконцентрировалась на репрезентации мифа «плохой матери»²⁸⁷.

Среди европейских исследований выделяется работа финки Кирсти Эконен, которая, опираясь на многочисленные «женские тексты», переосмыслила образ женщин модернизма, «новых женщин» эпохи, ярких русских писательниц Серебряного века (в 2011 году монография была переведена на русский язык)²⁸⁸. Основываясь на скрупулезном изучении его-документов (дневников, писем, воспоминаний) известных россиянок (З. Гиппиус, Л. Зиновьевой-Аннибал, П. Соловьевой и др.), она пыталась определить место женщины-автора в символистской эстетике. Помимо центральной цели исследования, К. Эконен затрагивала и вопросы частной жизни, акцентируя внимание на отношении своих героинь (зачастую негативное или совершенно нейтральное) к материнству. Интерес канадских исследователей к отражению материнской темы в русской литературе выразился в публикации в 2015 году в издательстве «Demeter Press» сборника под редакцией П. Санмартин и К. Херера. Издание содержало

²⁸⁵ Эберт К. Матушка Русь и ее сыновья: «Архаический симбиоз полов» как топос национальной мифопоэтики // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 163-191.

²⁸⁶ Kaminer J. A Mother's Land: Arina Petrovna Golovlyova and the Economic Restructuring of the Golovlyov Family // The Slavic and East European Journal. Vol. 53. №. 4. 2009. P. 545-565.

²⁸⁷ Kaminer J. Women with a Thirst for Destruction: The Bad Mother in Russian Culture. Northwestern University Press, 2014.

²⁸⁸ Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение. 2011; Ekonen K. The art of change: modernist woman writer's feminist thinking / Woman and Transformation in Russia / Ed. K. Ekonen, A. Saarinen, V. Uspenskaia. New York: Routledge, P. 44-60.

«материнские тексты», принадлежавшие известным российским писательницам, поэтессам, деятельницам общественно-политического движения России конца XIX–XX веков²⁸⁹.

Рост научной коммуникации между зарубежными и отечественными исследователями привел к появлению совместных проектов, связанных с изучением материнства в России. Под редакцией преподавателя Лондонской школы экономики Сары Эшвин, специализирующейся на изучении повседневности советских работниц, в 2000 году был опубликован совместный труд ученых из Великобритании и России. Материнская тема советской и постсоветской России была представлена Ольгой Исуповой²⁹⁰. В 2012 году в свет вышел труд под редакцией английских историков В. Рослин и А. Тоси, отражающий различные аспекты участия россиянок в развитии отечественной культуры²⁹¹. Однако материнская тема не получила отражения в представленных научных исследованиях. Исключительной по постановке проблемы явилась статья Марианны Муравьевой, активно публикующейся за рубежом, посвященная сексуальному и бытовому насилию в русских семьях XIX века²⁹². Ее основной тезис состоял в том, что степень насилия над женщинами села, несмотря на расширение женских прав, эмансипацию, на всем протяжении XIX века неуклонно росла. В то же время увеличившееся число судебных разбирательств, инициированных женщинами, по обвинению в насилии, по мнению исследовательницы, свидетельствовало в пользу развития женского самосознания. Л. Денисова и И. Мишина (штат Массачусетс) опубликовали работу по истории повседневности советских женщин²⁹³. В 2014 году был издан сборник работ американских, западноевропейских и российских ученых, посвященный истории

²⁸⁹ Sanmartin P., Herrera C. (eds) *Reading/Speaking/Writing the Mother Text Essays on Caribbean Women's Writing*. Demeter Press: Toronto, 2015.

²⁹⁰ Issoupova O. *From duty to pleasure? Motherhood in Soviet and post-Soviet Russia / Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. S. Ashwin. 2012. Routledge. P. 30-55* (Впервые сборник был издан в 2000 году).

²⁹¹ *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture / Ed. Rosslyn W., Tosi A. Open Book Publishers, 2012.*

²⁹² Muravyeva M.G. *Between Law and Morality: Violence against Women in Nineteenth-Century Russia / Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture / Ed. W. Rosslyn, A. Tosi, Open Book Publishers, 2012. P. 209-238.*

²⁹³ Denisova L., Mukhina I. *Rural Women in the Soviet Union and Post-Soviet Russia. Routledge, 2010.* Л. Денисова – профессор истории Университета Нефти и газа. И. Мухина – ассистент профессора Ассампшен колледж (штат Массачусетс).

российских женщин. В центре внимания зарубежных исследователей оказались преимущественно вопросы политического характера.

Изучение публикаций последнего десятилетия в таких журналах, как «The Russian Review», «Slavic Review», «Aspasia», в которых широко представлены статьи славистов, показывает, что исследователи продолжают разрабатывать материнскую тему. Однако чаще их научные изыскания сосредоточены вокруг изучения институтов семьи, родительства, детства, сексуальной культуры, а не материнства²⁹⁴. В связи с однобоким использованием источников, нередко выводы русистов выглядят сомнительными. В частности, Сьюзен Смит-Петер, основываясь на литературе медико-педагогического характера, полагает, что в России в XIX веке среди матерей, как дворянок, так и крестьянок, было распространено «обучение материнству» своих дочерей и, как следствие, существовала тесная эмоциональная связь между ними²⁹⁵. Однако источники личного происхождения свидетельствуют о противоположном. Необходимо учитывать, что в литературе медицинского и педагогического характера представлена желаемая (идеальная) картина взаимоотношений матери и дитя, а не реальный формат отношений. В зарубежных исследованиях материнская субъективность зачастую представлена слабо, ввиду слабого использования «материнских текстов», принадлежавших рядовым женщинам.

Среди статей встречаются далекие от новизны в постановке проблемы, отражающие уже давно раскрытые темы, к тому же авторы нередко опираются на те же источники, что и русисты 1970 – 1980-х годов (законодательные акты советской власти), без привлечения новых архивных материалов²⁹⁶. На мой взгляд,

²⁹⁴ Dobson M. Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the “Sectarian” in the Post-Stalin Era // The Russian Review. 2014. Vol. 73. Issue 2. P. 237-259; Conh E.D. Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline in the Postwar USSR, 1945–64 // The Russian Review. 2009. Vol. 68. Issue 3. P. 429-450; Kaiser D.H. Church Control over Marriage in Seventeenth-Century Russia // The Russian Review. 2006. Vol. 65. Issue 4. P. 567-585; Neary R.B. Mothering Socialist Society: The Wife-Activists' Movement and the Soviet Culture of Daily Life, 1934–41 // The Russian Review. 1999. Vol. 58. Issue 3. P. 396-412; LeBlanc R.D. No More Horsing Around: Sex, Love, and Motherhood in Tolstoi's Kholstomer // Slavic Review. 2011. Vol. 70. № 3. P. 545-569; Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of “Maternity Capital” // Slavic Review. 2010. Vol. 69. № 3. P. 701-725; Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // Aspasia. 2014. Vol. 8. P. 90-124.

²⁹⁵ Smith-Peter S. Educating Peasant Girls for Motherhood: Religion and Primary Education in Mid-Nineteenth Century Russia // The Russian Review. 2007. Vol. 66. № 3. P. 391-405.

²⁹⁶ Randall A.E. "Abortion Will Deprive You of Happiness!": Soviet Reproductive Politics in the Post-Stalin Era // Journal of Women's History. 2011. Vol. 23. № 3. P. 13-38.

гораздо более новаторскими выглядят исследования историков детства. Весьма оригинальны работы доктора философии из Великобритании Энди Байфорда²⁹⁷. В статье 2013 года, опубликованной в «The Russian review», он проследил трансформацию института материнства и отцовства в России с начала XX века вплоть до 1930 годов. Новаторский подход автора обусловлен как хронологическими рамками исследования, так и привлечением новых источников – «родительских дневников» («материнских дневников»). Российскими историками «родительские дневники», за редким исключением (В.А. Верemenko), незаслуженно обойдены вниманием, несмотря на то, что в них содержится богатый материал о семейной жизни и характере воспитания детей. Э. Байфорд считал, что с возникновением в пореформенной России научного знания об уходе за детьми, основная функция «сознательных родителей» состояла в тесном сотрудничестве «с другими специалистами» – врачами и педагогами. В итоге родители теряли исключительное право на воспитание детей²⁹⁸.

Таким образом, на Западе материнская тема впервые заняла особое место в научных исследованиях. Вслед за этнографами, психологами, под влиянием французской антропологической школы, постмодернистских и постструктуралистских концепций, представителей гендерных исследований к изучению феномена материнства обратились историки. Путь к институализации материнской темы на Западе проходил в рамках социальной и культурной антропологии, а также параллельно в различных направлениях социальной истории: истории семьи, детства и женской истории (women's studies). Изучение семьи и детства в прошлом актуализировало историю родительства и споры о сути «хорошего» и «плохого» материнства. Возникновение материнства в качестве особого социального института большинство историков связывало с развитием буржуазного общества, просвещением народа, трансформацией семейных моделей

²⁹⁷ Byford A. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Russian review. 2013. Vol. 72. № 2. P. 212-241.

²⁹⁸ Byford A. Professional Cross-Dressing: Doctors in Education in Late Imperial Russia (1881–1917) // Russian Review. 2006. Vol. 65. № 4. P. 586-616; Байфорд Э. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования / http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=572 (дата обращения 07.02.2014).

и роли ребенка в обществе. Антропологический ракурс исследований обратил внимание историков на изучение изменений в материнских практиках (прокреативном поведении, проведении беременности, подготовке к родам, родах, грудном вскармливании, материнской сексуальности, уходе за ребенком) и эмоциональных переживаниях матери. В рамках *motherhood studies* было убедительно доказано, что материнская забота и любовь не универсальные категории, зависящие от исторических, культурных, географических, климатических условий, этнической, расовой, классовой, групповой, религиозной принадлежности индивидов. В современных феминистски ориентированных исследованиях материнство всё реже связывают с половой принадлежностью индивида.

Историко-антропологические исследования материнства на Западе развивались от изучения «*motherhood*» (официальный статус матерей в ту или иную эпоху, их права и обязанности, отношение государства и общества к материнским ролям, система социальной защиты матерей и пр.) к раскрытию «*mothering*» (повседневные материнские практики, а также область внутреннего проявления материнства: эмоциональные переживания матерей, восприятие ими собственной фертильности и отношение к материнским ролям, степень реализации гендерной идентичности посредством деторождений и др.)

Западные исследования отличает широта тематик и глубина изучаемых вопросов направления *motherhood studies*, среди которых: трансформация института материнства; материнская любовь и взаимоотношения с детьми; антропология беременности и родов; социальное законодательство о матерях; матери и социально-экономические катаклизмы; феминизм и материнство. Основными спорными моментами в зарубежной историографии были и остаются: соотношение между биологическим и социальным материнством; противоречия между запросами общества к «хорошим матерям» и восприятием самих женщин собственной фертильности; материнская любовь и ее проявления в разные исторические периоды; особенности эмоциональных переживаний матерей.

Сторонники *motherhood studies* ввели в научный оборот много новых источников, среди которых значительную часть составили женские эгодокументы, позволившие «услышать» матерей прошлого и сделать их равноправными

субъектами исторического, а также источники медицинского характера. Историки материнства широко применяли в собственных исследованиях антропологически ориентированный, социально-конструктивистский, феминистский подходы, гендерно-чувствительные методы, этнометодологию.

Мощными центрами исторического направления *motherhood studies* в США стали – Иллинойский университет, университет в Индианаполисе, Принстонский университет, в Великобритании – Кембриджский университет, Лидский университет (университет Лидса), в Канаде – Йоркский университет. В Канаде и США возникли научные ассоциации по исследованию материнства, основаны специальные издательства, специализирующиеся на публикации работ по материнству. Западный опыт развития *motherhood studies* доказывает, что без наличия соответствующих знаний в области этнографии, антропологии, социологии, психологии, гендерной истории невозможно полноценно заниматься изучением истории материнства. Европейскими и американскими историками были разработаны основные подходы и методы к изучению истории материнства.

Впервые к изучению материнства в прошлом и настоящем России, несмотря на скудность источников, обратились американские ученые в 1970-е годы. При этом их интерес к этой проблеме совпал с рождением *motherhood studies* в западной историографии. Основная заслуга в появлении и развитии *motherhood studies* России принадлежала Д. Рэнселу, организовавшему конференцию, посвященную российской истории семьи, родительства. «Советский эксперимент» в сфере семейных отношений вызывал живой интерес у американских социологов, антропологов, историков. В связи с этим основная часть исследований была посвящена изучению родительства в советской России. В большинстве случаев зарубежные исследователи касались материнской темы сквозь призму гендерной, семейной истории, а также истории родительства, детства, сексуальной культуры. В западной историографии русистами были выделены четыре основных периода в развитии материнства в России: доиндустриальный (преимущественно, исследования медиевистов), индустриальный (пореформенный), советский и постсоветский (исследования этого периода носят социолого-этнографический характер).

Среди методов русисты активно использовали биографические, гендерно-чувствительные, этнографические, феминистские. Один из существенных недостатков исследований – характер применяемых источников. Исследователи, в особенности обращавшие к дореволюционному периоду российской истории, крайне редко привлекали новые архивные материалы. Их работы основывались на изучении уже опубликованных источников, которые принадлежали известным общественно-политическим деятелям, чей опыт материнства представлял не типичную, а исключительную картину поведения россиянок. Подобный подход приводил к схематизации и чрезмерному обобщению выводов.

С 1990-х годов русисты основное внимание уделяли изучению материнства в советской и постсоветской России ввиду доступности источников (полевых, «oral history»). Появилась возможность проводить полевые (экспедиционные) исследования в российских деревнях, чем зарубежные ученые поспешили воспользоваться. Зарубежные ученые проявляли больший интерес к матерям из народной среды (работницам, крестьянкам, колхозницам). Проблема материнства рассматривалась в контексте трансформации гендерных ролей в семье и обществе, сексуальных отношений, матримониального и репродуктивного поведения, социальной политики в отношении советской матери, женского образования и трудовой деятельности. Открытость постсоветской России привлекала зарубежных социологов, которые стали активно изучать трансформацию репродуктивного поведения россиянок, формирование новых семейных отношений в условиях новой России. К ведущим научным центрам по изучению материнства в России относятся Индианский, Иллинойский, Принстонский университеты (США).

Несмотря на значительное число работ, связанных с изучением материнства в России, до сих пор не появилось концептуального исследования, вписавшего историю российских матерей в общемировую историю материнства и социальную историю. Если исследователи советского периода сделали определенные успехи на этом пути, то история материнства в царской России освещается фрагментарно, избирательно. Отдельные аспекты материнства становились чаще не предметом исследований, а «деталью» к женскому образу той или иной эпохи.

1.2. Исследования материнства в российском научном дискурсе

В отечественной исторической науке сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, история женщин в России, гендерные исследования имеют внушительную библиографию, с другой, до сих пор мать так и не стала полноценным субъектом исторических работ. Очевидно, что отечественные ученые обращались к изучению вопросов материнства, но эта тема не получила самостоятельного звучания. Данная область знаний скорее привлекает этнографов, социологов, психологов, философов, культурологов, но не историков. В настоящей главе я преследую цель охарактеризовать разнородные по характеру отечественные научные исследования, в которых затронуты те или иные аспекты материнства. Я придерживаюсь традиционного деления отечественной историографии на дореволюционную, советскую и постсоветскую.

Современный классик отечественной гендерологии Н.Л. Пушкарёва отмечает, что *«историей материнства в контексте истории родительства русские ученые заинтересовались примерно два столетия назад»*²⁹⁹. При этом материнская тема первоначально была представлена исключительно в работах этнографов, а позже в социологических исследованиях. Этнографы касались материнских практик, изучая семейные, родинные обряды и культуры. Отдельные аспекты материнства, как например, родильный культ, для этнографов выступал важнейшим переходным циклом в жизни женщины. Отечественные ученые XIX века проявляли немалый интерес к изучению традиционных женских обрядов в различных уголках России. Дореволюционные этнографы исследовали семейные традиции, родительские отношения, практики родовспоможения исключительно внутри крестьянских семей. Высшие слои общества, не маркируемые народной культурой, выпадали из поля зрения ученых. Среди этнографических работ, в которых затронута проблема родительства, выделяются труды И.И. Средзневского, Д.Н. Жбанкова, А. Редько, Ф. Покровского, В.Н. Харузиной, А.О. Афиногенова³⁰⁰.

²⁹⁹ Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91.

³⁰⁰ Средзневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Николаем Калачевым. Книга вторая. Половина первая. М., 1855. С. 97-122; Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891; Жбанков Д.Н. К вопросу о плодovitости замужних женщин //

Круг их источников складывался из собственных наблюдений (фактически, полевых исследований), рассказов крестьян, фольклористики. В конце XIX века этнографы заинтересовались собирательством и анализом семейного фольклора³⁰¹. Нетрадиционный подход был представлен в этнографическом исследовании О.П. Семеновой-Тянь-Шанской, долгое время изучавшей быт крестьян Рязанской губернии. Дочь известного путешественника в работе «Жизнь Ивана» во всех подробностях изобразила частную жизнь крестьянского населения³⁰². На примере Ивана и Акулины она воссоздала бытовую жизнь традиционной крестьянской семьи. Она, как и многие этнографы, отмечала приниженное положение крестьянок и их зависимость от мужей, в том числе, в сфере реализации материнских практик. Исследовательница указывала на отсутствие особо трепетного отношения крестьянок к собственной беременности, деторождению и уходу за младенцами. Для крестьянских женщин эти действия являлись частью повседневной жизни. Женщина вынашивала, рожала, ухаживала за младенцем, не нарушая при этом своих традиционных рабочих будней³⁰³. Исследовательница акцентировала внимание на существовании особых родильных практик в крестьянской среде: традиция ругать «бабку» накануне родов, частые роды в положении «вися на бруссе», манипуляции бабки по «расправлению» новорожденного и др.³⁰⁴.

Врач. 1889. № 13; Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери. М., 1899; Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып. 3-4. С. 457-476; Харузина В.Н. Несколько слов о родильном и крестильных обрядах и об уходе за детьми // Этнографическое обозрение. 1906. № 1-2; Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 1-79; Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1903.

³⁰¹ Желобовский А.И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1892.

³⁰² Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь «Ивана» / Записки Императорского РГО по отделению этнографии. Т. 39. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914.

³⁰³ Во время беременности: «*И в доме справляет домашнюю работу, и в поле вяжет, полет, молотит, берет конопля, сажает или копает картофель, вплоть до самых родов. Иные женщины рожают не домосив хлебов*» (Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ соч. С. 31); О рождении первенца: «*Первого еще ждут более или менее радостно... если первый ребенок девочка, отец относится к ней совершенно равнодушно*» (С. 32).

³⁰⁴ Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1903.

Материнская тема нашла частичное отражение в медицинских работах³⁰⁵. Врачебный дискурс впервые обратил внимание женщин на важность социальных ролей матери. Врачи анализировали статистические данные, связанные с женской плодovitостью, считая, что россиянки, особенно представительницы высших классов, ведут себя аморально по отношению к заложенным природой функциям воспроизводства. В большинстве случаев авторы-мужчины, сравнивая женщин предшествующего столетия с современницами, указывали на нравственное вырождение нации. Журналист, историк В. Михневич в работе «Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни» характеризовал пороки городской жизни, подчеркивая «*антисемейный характер Петербурга*»³⁰⁶. Помимо пьянства, убийств, проституции он выделял «семейные драмы», следствием которых становились «семейный разброд» и распространение «незаконных детей». Столичный врач В.Н. Бензенгер проанализировал плодovitость женского населения Москвы, отмечая тенденцию сокращения деторождений и повышения брачного возраста³⁰⁷. К.Ц. Бобрицкий выявил ту же тенденцию среди населения Харькова, которую он объяснял экономическими факторами³⁰⁸.

В связи с обострением проблемы младенческой смертности исследователи обратили внимание на характер материнского ухода за грудными детьми. Врач П.И. Куркин, основываясь на данных медицинской статистики, описал «губительные» практики ухода за новорожденными в Московской губернии³⁰⁹. В 1910-х годах стали появляться работы, в которых авторы анализировали меры общественной, частной и государственной инициативы по охране института материнства. Речь шла исключительно о матерях из низших сословий (крестьянках,

³⁰⁵ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873; Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908; Олихов С. К вопросу о плодovitости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 849-868; Григорьев И. О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославльской губернии // Врачебные ведомости. 1883. № 21-23.

³⁰⁶ Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сушинского, 1886. С. 355.

³⁰⁷ Бензенгер В.Н. К антропологии женского населения Москвы. М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1879.

³⁰⁸ Бобрицкий К.Ц. Рождаемость, брачность и смертность харьковского населения. Харьков: Изд. Харьковского губерн. стат. ком-та, 1892.

³⁰⁹ Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг. М.: Изд-во губ. земства, 1902.

работницах), женщины из средних и обеспеченных классов оставались в стороне обсуждений³¹⁰.

Следует отметить, что в дореволюционных работах по истории женщин в России материнская тема никак не отображалась. Историки обращали внимание исключительно на достижения женщин в публичной сфере, поэтому их привлекали императрицы, общественные деятельницы, благотворительницы, участницы общественно-политических движений, ученые, но никак не матери. Такой подход являлся проявлением эссенциалистического взгляда дореволюционных историков на сущность материнства. Материнские практики не рассматривались ими в качестве социально и исторически значимых. С.С. Шашков представлял историю русской женщины доиндустриальной России как историю ее освобождения от семейного рабства (от положения «первой служанки домовладыки»), при этом подчеркивая «половую распущенность» светских дам петровской эпохи³¹¹. Исследователя интересовала не столько история женщины внутри семьи (хотя одна из глав его предшествующей работы была посвящена этому), сколько девиация женского поведения. Подобно Ч. Ломброзо, он опубликовал труд «Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция», в котором половину книги посвятил биологическим, по мнению исследователя, отклонениям в развитии женщин западного мира (детоубийство и проституция)³¹². Собственно материнской теме он уделил внимание исключительно в первых главах своей книги, где описывал архаический этап человеческой истории. Процесс разложения семейных ценностей в истории автор ставил в вину женщинам³¹³. Е. Щепкина также обошла стороной материнские роли женщины, в то время как затронула вопросы юридического положения жен и вдовиц³¹⁴. В блестящем труде И.Е. Забелина,

³¹⁰ Сутугин В.В., Воздвиженский Г.М. Краткий исторический очерк устройства Московского родовспомогательного заведения и медицинский отчет за 1888 год. М.: б/и, 1889; Иванов В.М. Детская смертность и значение «Капли молока» в борьбе с нею. Новочеркасск: Дон. печатник, 1911; Гордон Г.И. Охрана материнства и детства в России. СПб.: б/и, 1913; Гиндес Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. Стб. 58; Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регулировки // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. Стб. 480.

³¹¹ Шашков С.С. История русской женщины. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1879. С. 124.

³¹² Шашков С.С. Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1872.

³¹³ «Одну из главных ролей в упомянутом процессе разложения семейства играла женщина» (Шашков С.С. Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция. СПб., 1872. С. 215)

³¹⁴ Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. СПб.: Б.М. Вольф, 1914.

посвященного быту русских цариц, были рассмотрены различные стороны женской повседневности: характер заключения браков, замкнутая теремная жизнь, редкие выезды и выходы, праздничные приемы, «комнатная повседневность», царские наряды и уборы³¹⁵. За всей этой пестротой тем автор игнорирует материнские практики цариц.

Пожалуй, впервые анализа материнских ролей в прошлом и настоящем коснулась известная представительница радикального феминизма, социалистка А.М. Коллонтай. До революции, в связи с тем, что фракцией социал-демократов в Государственной думе ей было поручено разработать проект об охране материнства, она опубликовала внушительную по объему работу «Общество и материнство» (1916 г.)³¹⁶. Она была убеждена, что сама по себе проблема материнства – порождение капиталистической экономики. В ее представлении материнство являлось особым социальным институтом, требующим активной поддержки со стороны государственной власти. А.М. Коллонтай проявила себя как скрупулезный исследователь (историк и социолог). Анализируя многочисленные данные медицинской и производственной статистики (в основном стран Западной Европы), она доказывала, что труд женщин-матерей является рабским. Ее научная работа во многом носит источниковедческий характер (в ней она обосновывала социалистическую концепцию материнства). В то же время в своей книге А. Коллонтай представила сюжеты из истории материнства в России, в которых доказывала тезис о двойной эксплуатации матерей из низших классов (в семье и на производстве)³¹⁷. Разработка и принятие закона о страховании рабочих 1912 года дали основание для появления ряда публикаций на тему охраны материнства и детства, авторы которых сравнивали положение дел в России и Европе³¹⁸.

Таким образом, материнская тема нашла наибольшее отражение в трудах дореволюционных этнографов (материал в основном касался отдельных уездов,

³¹⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск: Наука, 1992.

³¹⁶ Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг.: Жизнь и знание, 1916.

³¹⁷ Коллонтай А. Крест материнства // Современный мир. 1914. № 11. С. 42-54; Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909.

³¹⁸ Соколов М.Д. Насколько страхование рабочих могло бы помочь охране материнства // Журн. Пироговского о-ва. 1903. № 4; Письменный Н.И. О влиянии фабричных условий работы на жизнь матерей, на смертность детей // Журн. Пироговского о-ва. 1912. № 1; С-кий И. Охрана материнства и детства // Вопросы страхования. 1916. № 3. С. 5-6

реже губерний), которые описали различные практики, связанные с вынашиванием, рождением детей и уходом за ними исключительно в крестьянских семьях. В работах дореволюционных историков тема материнства не проблематизировалась. Такое безразличие ученых, занимавшихся историей женщин, может иметь двоякое объяснение. С одной стороны, субъективный подход авторов, не рассматривающих материнство как важную социальную роль женщины. С другой стороны, сами женщины доиндустриальной России весьма отстраненно вели себя по отношению к материнским обязанностям. Материнство знатных женщин состояло исключительно в акте рождения, не существовало тесной близости между матерями и детьми, все заботы по уходу за ребенком препоручались многочисленной прислуге. В среде низших классов на пути к «насыщенному материнству» также стояли серьезные барьеры и, прежде всего, изнуряющий каждодневный труд. В связи с этим материнские практики ограничивались родами и кормлением грудью. Исследователи если и касались материнской темы, то в лучшем случае извне, через описание мер по охране материнства, детской смертности, а также крестьянского семейного быта. Эмоциональные переживания матери, эволюция практик, связанных с исполнением материнских ролей, оставались за гранью исследований.

В рамках марксистской концепции антропология материнства не имела шанса на специальное изучение. В то же время советских исследователей стали привлекать темы, связанные с этнографией, социологией и демографией семьи. Их обращение к теме родительства происходило, по меткому замечанию Н.Л. Пушкарёвой, далеко не сразу: *«В научной литературе 1920-х годов тема материнства присутствовала, но не как элемент этнографического исследования, а как часть темы пропаганды нового образа жизни для женщины»*³¹⁹. В послевоенное время вплоть до 1990-х годов материнская тема нашла отражение в работах социологов, демографов, экономистов, врачей. Исследователей интересовали проблемы трансформации семьи, родительства, воспитания детей исключительно в советской России. Советский эксперимент давал основание анализировать плюсы социалистической системы охраны материнства (по

³¹⁹ Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 92.

очевидным причинам, минусы не рассматривались). При этом экскурсов в историю не осуществлялось, анализировалось «текущее состояние дел» – основные тенденции брачности, рождаемости, плодovitости и проч.³²⁰. В условиях демографического кризиса послевоенного десятилетия стали появляться работы, авторы которых исследовали рождаемость и развитие педиатрии в истории России и СССР³²¹. Материнская тема нашла здесь отражение в контексте медицинского анализа существовавших практик родовспоможения и ухода за новорожденными. Обобщением знаний, накопленных советской наукой в области истории педиатрии, стала докторская диссертация Г.Л. Микиртичан, защищенная в канун распада СССР³²².

Исключительным по характеру раскрытых тем явился научный сборник «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР», изданный в 1977 году под редакцией А.Г. Вишневого. В сборнике были опубликованы исследования известных советских социологов, экономистов, демографов и историков. Ряд авторов представили исторический экскурс по вопросам рождаемости, брачности, плодovitости. А.Г. Вишневский, характеризуя рождаемость пореформенной России (автор опирался на большой объем статистической информации), сделал вывод о формировании в данный период «нового типа рождаемости». По его мнению, этот тип был основан на повышении брачного возраста, сокращении числа деторождений в жизни женщин и росте незаконнорожденных детей. Впервые социолог указал на существование новой практики в интимной жизни россиян – использование средств контрацепции, которые понизили репродуктивные способности населения. Он пытался вычислить характер распространения

³²⁰ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969; Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М.: Самоквасов, 1974; Антонов АМ. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьей // Вопросы теории и методов социологических исследований. М.: Статистика, 1974; Юк З. Труд женщины и семья. Минск, 1975; Шишкан Н.М. Социально-экономические проблемы женского труда в условиях развитого социализма: Дис... д-ра экон. наук. М., 1978; Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1979; Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Наука, 1979; Машика Т.А. Занятость женщин и материнство. Экономико-статистическое исследование. М.: Мысль, 1989; Поленина С.В. Труд, семья, быт советской женщины. М.: Изд-во Юрид. литература, 1990.

³²¹ Конюс Э.М. Истоки русской педиатрии. М.: Медгиз, 1946; Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества. М.: Медгиз, 1954; Леви М. История родовспоможения в СССР. М.: АМН, 1950.

³²² Микиртичан Г.Л. Основные этапы и направления развития отечественной педиатрической науки и практики. Дис... д-ра мед. наук. Л., 1991.

контрацепции весьма сомнительным методом: анализировал число незаконнорожденных по десятилетиям³²³. М.В. Курман, представивший социологическое исследование дореволюционного города, также отмечал существование в жизни горожанок практик предохранения от беременности³²⁴. Авторы сборника анализировали тенденции рождаемости в разные периоды, в т.ч. и досоветский (Р.И. Сифман, О.В. Марченко), используя демографические и социологические методы. Новаторским явился подход будущего известного социального историка России Б.Н. Миронова, который пытался *«воссоздать социально-психологическую модель демографического поведения русского крестьянина»* XIX – начала XX веков. В своем исследовании он одним из первых совместил объективные (статистические) и субъективные источники в анализе мужской и женской фертильности (фольклорные материалы, свидетельства врачей). Он подчеркивал традиционализм, публичность межличностных отношений на селе, в том числе и демографического поведения. Историк выделил новые тенденции в практиках крестьян, связанных с фертильностью: повышение брачного возраста, увеличение числа незамужних женщин.

С конца 1970-х годов стали появляться работы, в которых авторы пытались теоретически осмыслить проблемы, связанные с институтом семьи и родительства, рождаемостью все также в контексте демографического вопроса (А.Г. Харчев, А.Г. Вишневский, Л.Е. Дарский, С.И. Голод, А.И. Антонов, Ю.И. Семенов)³²⁵. Однако в этих исследованиях материнские практики не подлежали анализу. Набор источников был традиционен – преимущественно статистические данные. Некоторые социальные группы и целые исторические периоды вообще выпадали из поля зрения исследователей (например, дворянство, купечество, которые схематично относились к «городскому населению»).

³²³ Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 105-135.

³²⁴ Курман М.В. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 236, 238, 240.

³²⁵ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979; Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980; Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982; Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи / Демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1979; Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984; Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.

С 1980-х годов исследователи (в основном женщины) обратились к изучению повседневной жизни советской женщины, разрывавшейся между материнством и профессиональной деятельностью³²⁶. Авторы не озвучили никаких новых выводов. Так же, как и А.М. Коллонтай в 1910 – 1920-е годы, они писали о тяжести двойной эксплуатации в жизни женщины. В этот период появились многочисленные статьи, сборники научных работ, где социологи, врачи, юристы анализировали положение советской женщины. Однако отсутствовал глубокий концептуальный социологический и философский анализ феномена материнства, что было подмечено известной российской исследовательницей О.А. Ворониной³²⁷.

С 1980-х годов учеными Института этнографии АН СССР стал разрабатываться проект этнографии детства, в рамках которого исследователи затрагивали некоторые аспекты материнства. Новаторскими по содержанию и примененным подходам явились работы И.С. Кона. Он полагал, что материнская тема должна занять особое место в историко-этнографической литературе. Новые горизонты для развития материнской темы в России И. Кон обосновал в статье 1987 года, опубликованной в журнале «Советская этнография»³²⁸. Очевидно, что на ученого большое влияние оказали труды М. Мид. Он явился редактором и автором вступительной статьи к первому изданию произведений заслуженного антрополога на русском языке (1988 год)³²⁹. В исследовании «Ребенок и общество» И. Кон указал на возможные пути развития материнской темы в отечественной науке. Он, как и многие западные исследователи, придерживался социально-конструктивистского подхода в отношении восприятия материнских ролей в обществе, считая, что *«родительские чувства, роли и поведение, каковы бы ни были их «естественные» предпосылки, требуют конкретно-исторического исследования»*, без «морализирования» на тему *«об извращении естественных норм родительства в одну историческую эпоху или об их возрождении или*

³²⁶ Поленина С.В. Труд, семья, быт советской женщины. М.: Юрид. литература, 1990; Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. М.: Груздева, 1983.

³²⁷ Воронина О.А. Женщина в «мужском обществе» // Перестройка - семья, семья - перестройке. М.: Мысль, 1990. С. 62.

³²⁸ Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31-38.

³²⁹ Кон И.С. Маргарет Мид и этнография детства // Мид. М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 398-426.

*очищении в другую»*³³⁰. Однако И.С. Кон, исследуя родительство, большее внимание уделял проблеме отцовства, нежели материнства. В дальнейших своих работах, опубликованных в 1990 – 2000-х годах, он обратился к темам, связанным с историей сексуальности, маскулинности и отцовства³³¹.

Таким образом, ввиду ограниченности методологического подхода, в советский период проблема материнства была затронута сквозь призму демографических и социальных вопросов. В конце советской эпохи в этнографических работах стал проявляться интерес к истории детства, где материнство рассматривалось в контексте этнографии родительства. Материнская тема в советской историографии не получила сколько бы то ни было самостоятельного рассмотрения.

Постсоветский период историографии отличает всплеск интереса к темам, ранее депривированным отечественной исторической наукой. Первоначально проблема родительства привлекла антропологов, социологов, затем психологов и филологов и только потом историков. На протяжении двух десятилетий история материнства оставалась вне поля зрения российских ученых. Ее появление в отечественном научном дискурсе, очевидно, нуждалось в институализации таких областей знаний, как социология, психология и антропология материнства, гендерная история, история детства, история сексуальности.

В 1990-е годы традиционные женские практики, связанные с вынашиванием ребенка, деторождением, уходом за младенцем в народной среде, находили отражение на страницах этнографической литературы. В этом направлении работали А.К. Байбурин³³², Т.Б. Щепанская³³³, Т.А. Листова³³⁴, Т.Ю.

³³⁰ Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academia, 2003. С. 262.

³³¹ Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. М.: Дубна, «Феникс+», 2001; Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academia, 2003; Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 2. С. 151-174; Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009; Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010.

³³² Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

³³³ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15-27; Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып. 3. СПб. 1999. С. 389-423; Щепанская Т.Б. Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996; Щепанская Т.Б. О материнстве и власти // Мифология и повседневность. Вып. 1. Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 года. СПб., 1998.

Власкина³³⁵, Д.А. Баранов³³⁶. В этнографических работах затрагивались новые аспекты материнской повседневности такие, как «нечистоты» женщины³³⁷, мужские «роды»³³⁸. Татьяна Борисовна Щепанская выделила материнство в качестве самостоятельной субкультуры (считала ее наиболее замкнутой из существующих субкультур), которой присущи «определенные нормы поведения», «формы взаимодействия» и «особый символический язык»³³⁹. Исследования Т.Б. Щепанской были новаторскими для отечественной этнографии. Антропологу удалось выйти за пределы исключительно этнографических методик и подходов, тем самым ее работы приобрели междисциплинарный характер. Репрезентируя субкультуру материнства, она активно использовала собственный антропологический опыт, выступая в качестве объекта и субъекта изучения («носительницы традиции и ее исследователя»). Одна из первых российских ученых, она стала рассматривать современные родильные практики в их соотношении с традиционными обрядами переходного цикла. Смелый научный опыт этнографа оказался удачным и привлекательным для исследователей, которые проявили живой интерес к изучению современной родильной культуры.

Е.А. Белоусова рассматривала родовспоможение в качестве особого обряда и элемента городской культуры³⁴⁰. Помимо символического проявления, Е.А. Белоусова обратила особое внимание на исследование вербального ряда,

³³⁴ Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с крещением. Родильные обряды и обычаи // На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии западноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 268-286; Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой: вторая половина XIX–20-е годы XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Крон-Пресс, 1989.

³³⁵ Власкина Т.Ю. Донские былички о повитухах // Живая старина. № 2 (18). 1998; Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родиные, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001. С. 61-79.

³³⁶ Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родиные, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 9-30.

³³⁷ Листова Т.А. "Нечистота" женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Ред. А.Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996.

³³⁸ Баранов Д.А. Мужские «роды» (этнографический факт и его интерпретации) // Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарёва. М.: Изд-во «Лабиринт», 2004.

³³⁹ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 16.

³⁴⁰ Белоусова Е.А. Родовая боль в антропологической перспективе // Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. Вып. 6; Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура: Дис. канд. культуролог. наук. М., 1999; Белоусова Е.А. Родильный обряд / Современный городской фольклор. М., 2003. С. 339-370; Belousova E. The Natural Childbirth Movement in Russia: Self-Representation Strategies // Anthropology of East Europe Review. 2002. № 20 (1). P. 11-18.

сопровождающего родовой процесс, – высказывания рожениц, врачей и других участников ритуала. Во многом сделанные ею выводы оказались созвучными с выводами западных исследователей. Она полагала, что медикализация родов негативно сказывается на самоощущениях роженицы, которая теряет контроль над собственным телом и своими переживаниями. Своеобразной кульминацией в изучении родинного обряда отечественными этнографами и социологами стал круглый стол «Повитухи, родины, дети в народной культуре», проводимый в РГГУ в 1998 году. По результатам круглого стола в 2001 году в свет вышел научный сборник «Родины, дети повитухи в традициях народной культуры» (составитель Е.А. Белоусова)³⁴¹. Авторы рассматривали родильные практики в пределах традиционных культур в качестве одного из обрядов переходного цикла, в результате которых происходило не только рождение ребенка, но и символическое рождение матери. В сборнике были представлены работы, в которых исследователи анализировали современные родильные практики, соотнося их с традиционной родинной обрядностью (Т.Б. Щепанская, Т.А. Круглякова).

Фольклорист, антрополог из Санкт-Петербурга С.Б. Адоньева, основываясь на разнородных по характеру источниках (в том числе на полевых материалах), выявила «мифы» в восприятии русского материнства. В частности, она полагала, что в крестьянской среде беременность, роды воспринимались в качестве особого переходного состояния, при этом отсутствовало представление о «святости» материнства и особой ценности детей (*«Беременность и материнство, акт рождения переживались как особое, опасное в смысле особого контакта с потусторонним миром, состояние, но не как «святое»*)³⁴². С. Адоньева была убеждена, что *«миф о беззаветной материнской любви, воспринимаемый в массовом сознании как абсолютная, непреходящая ценность»*, является достоянием русской культуры XX века³⁴³.

³⁴¹ Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001.

³⁴² Адоньева С.Б. Материнство: мифология и социальный институт / http://www.folk.ru/Research/adonyeva_motherhood.php?rubr=Research-articles (дата обращения 13.12.2014).

³⁴³ Адоньева С.Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. С. 12.

Появление материнской темы на страницах отечественных исторических работ во многом происходило благодаря развитию гендерных исследований. Основательницей данного направления в российской исторической науке явилась Наталья Львовна Пушкарёва. В настоящее время она возглавляет сектор этногендерных исследований ИЭА РАН, является создательницей и президентом Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Предметом ее научных интересов стала русская женщина доиндустриальной России. Среди множества аспектов частной жизни россиянок важнейшее место в исследованиях Н.Л. Пушкарёвой занимала проблема материнства³⁴⁴. Учитывая междисциплинарность темы, она использовала этнографические, гендерно-чувствительные методы, методы повседневной и гендерной истории. Гендеролог подчеркивала важный недостаток материнских исследований – «цеховую ограниченность», которая заставляет историков и этнографов работать автономно, собирая «мозаику фактов», редко соотнося их с философскими и социологическими концепциями³⁴⁵. Придерживаясь социально-конструктивистского подхода, Н.Л. Пушкарёва показала зависимость между социально-экономическими, политическими, культурными условиями и восприятием материнства в обществе. Особое внимание она обратила на изучение эмоциональных переживаний матерей доиндустриальной России. Ею был собран и проанализирован большой массив женских ego-документов, которые ранее относились к разряду второстепенных источников. Н.Л. Пушкарёва пришла к выводу, что в обществе доиндустриальной России существовало амбивалентное отношение к материнским ролям³⁴⁶. Она утверждала, что для «для абсолютного

³⁴⁴ Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений. Дисс.... д-ра ист. наук. М., 1997; Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – нач. XIX в.). М.: Ладомир, 1997; Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72-79; Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы / Ред. И.В. Власова. М., 1998. С. 104-136; Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 311-347; Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX в. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 226-249; Пушкарёва Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С 93-103.

³⁴⁵ Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2014. № 7. С. 103-118.

³⁴⁶ Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX в. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 246; Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии:

большинства женщин» XVIII столетия, в отличие от их предшественниц, «материнство оставалось ценностью вне моды и вне времени»³⁴⁷. Однако эта «ценность» была обусловлена безысходностью женского бытия, для которого деторождение было единственно возможной сферой самореализации и приобретения собственной идентичности. Материнство являлось не осмысленной, а вынужденной женской практикой, что оказывало существенное влияние на самоощущение матерей. Н.Л. Пушкарёвой были отмечены случаи «спокойного» отношения женщин к смертям собственных детей и скудность эмоциональных переживаний беременности.

Н.Л. Пушкарёва впервые представила анализ существующих подходов и методов в освещении материнской темы на Западе, а также достигнутых зарубежными исследователями результатов³⁴⁸. Характеризуя отечественные работы по материнству, она отметила крайнюю разбросанность темы в разных отраслях знаний – этнографии, демографии, социологии, социальной истории и отсутствие обобщающих трудов³⁴⁹. Заслуга Н.Л. Пушкарёвой состояла и в том, что она наметила для российских исследователей широкий круг проблем, связанных с материнством. Хорошо знакомая с методами и подходами зарубежных исследователей, еще в 1990-е годы Наталья Львовна обосновала важность применения междисциплинарного подхода и необходимости модификации источниковой базы в исследованиях по материнству. Ежегодно проводимая с 2000-х годов конференция РАИЖИ способствует единению специалистов различных направлений и развитию междисциплинарности гендерных исследований. Изучение материалов сборников конференций демонстрирует, что интимная жизнь женщины, в том числе, проблемы материнства, отцовства, детства вызывают устойчивый интерес ученых.

невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 2011. С. 78-80; Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ломоносов, 2012. С. 83-86.

³⁴⁷ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ломоносов, 2012. С. 65.

³⁴⁸ Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9-24; Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91-101.

³⁴⁹ Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91-101.

Н.Л. Пушкарёва, вопреки многочисленным трудностям и определенной доле скепсиса в отношении «женской темы» (тем более материнской) со стороны традиционно настроенных историков, стала лидером одной из наиболее мощных научных исторических школ в России. Ее активная работа на ниве служения гендерной истории, неутомимая деятельность в качестве председателя РАИЖИ способствовали появлению большого числа последователей. Пожалуй, наиболее обстоятельно материнская тема была рассмотрена ученицей Н.Л. Пушкарёвой – Анной Валерьевной Беловой. Предметом ее научных изысканий стала повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX веков³⁵⁰. Разделив жизнь русской женщины на четыре основных периода (возраста), она уделила значительное внимание изучению материнства («возраст третий» – «зрелый возраст с его трудами»). А.В. Белова справедливо замечала, что *«антропология беременности и родов дворянок ранее нигде не проблематизировалась и не изучалась»*, так как не маркировалась народной традицией³⁵¹. Изучив огромное число женских писем, дневников, воспоминаний, А.В. Беловой удалось репрезентировать такие табуированные сферы частной жизни аристократок, как вынашивание детей, родовспоможение в высших слоях общества (до этого родильные обряды изучались этнографами исключительно в народной среде), эмоциональные переживания матерей эпохи. А.В. Белова пришла к выводу, что дворянки не придавали *«особого ценностного значения»* беременности по сравнению *«с другими, реже переживавшимися физиологическими и психологическими состояниями»*³⁵². Она отмечала, что в отличие от крестьянок, дворянки были более пассивны при родах, а протекание самих родов было мало связано с традиционным обрядовым ритуалом в народной среде.

Помимо очевидных заслуг исследования А.В. Беловой в развитии материнской темы, беременность, роды, уход за младенцем в нем явились одним из эпизодов повседневной жизни женщины, в связи с чем эти проблемы не были подвергнуты специальному анализу. В работах Н.Л. Пушкарёвой и А.В. Беловой

³⁵⁰ Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII-середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010.

³⁵¹ Там же. С. 347

³⁵² Там же. С. 360.

материнство (преимущественно в контексте доиндустриальной России) рассматривалось как часть частной жизни женщины, поэтому оно лишалось особого предмета изучения.

Материнской темы касались исследователи из г. Иваново, где в 1990-е годы также сложилась школа гендерных исследований. Однако большинство теоретиков гендерной истории 1990-х годов в центр своих научных изысканий ставили проблемы женской эмансипации, феминизма, женского права (О.А. Хасбулатова, И.И. Юкина, С.Г. Айвазова), а не частной жизни. Ученые отмечали, что материнская тема не получила какого бы то ни было обсуждения представительницами российского феминизма. К изучению материнских ролей обращалась Т.Б. Рябова (г. Иваново) в контексте исследования женщин средневекового общества³⁵³. Она одной из первых в России стала читать спецкурсы по проблеме материнства – «Женщина в средневековой истории. Материнство и отцовство как социокультурные феномены. Социальная феминология и гендерные исследования в России»³⁵⁴. Т.Б. Рябова использовала тезис Э. Фромма о безусловном характере материнской любви, доказывая данное утверждение источниками средневековой России. Она полагала, что в России материнская любовь ценилась больше, чем на Западе. Однако, на мой взгляд, сделанный вывод в недостаточной степени подтвержден источниками. Автор, например, использует исключительно «мужские тексты» (летописи, агиографию), игнорируя при этом источники, принадлежавшие самим женщинам. Т.Б. Рябова обошла стороной многочисленные случаи девиации материнского поведения.

Для дальнейшей институализации motherhood studies в России важным было развитие междисциплинарности в научных исследованиях. Необходимо было выработать новые подходы и обосновать соответствующие методики. С конца 1990-х годов интерес к изучению родительства стали проявлять философы,

³⁵³ Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново: Юнона, 1999; Рябова Т.Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 27-32; Рябова Т.Б. Институт материнства в эпоху Средневековья: взгляды и реальность // Гендерные отношения в России. История, современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции. Иваново, 1999. С. 263-265.

³⁵⁴ Рябова Т.Б. Женщина в средневековой истории. Материнство и отцовство как социокультурные феномены. Социальная феминология и гендерные исследования в России // http://www.owl.ru/win/books/dbras_who_is_who/r10.htm (дата обращения 11.11.2014).

культурологи, педагоги, социологи и психологи. Наиболее яркими представителями (каждый в своей области) оказались С.И. Голод, Б.М. Бим-Бад, В.А. Рамих, В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова.

Доктор философских наук, социолог С.И. Голод представил историко-социологический анализ института семьи и брака в России³⁵⁵. Им были рассмотрены такие стороны семейной жизни, как супружеская сексуальность, репродуктивное поведение, переход к детоцентризму, эволюция положения женщины в семье. Он полагал, что трансформация репродуктивного, прокреативного поведения населения с начала XX века привела к революционным изменениям в социальной организации общества и гендерной системе. С.И. Голод придерживался социал-конструктивистского подхода, связывая эволюцию семейных институтов с развитием общества. Анализируя тенденции развития семьи в истории России, социолог уделил незначительное внимание институту материнства. В большей степени исследователя интересовали изменения гендерных ролей в браке. Он был убежден, что феминизация и эмансипация женщин привели к разрушению патриархального типа семей. Схожей по поставленным проблемам и сделанным выводам явилась работа педагога Б.М. Бим-Бада, посвященная модернизации института семьи³⁵⁶.

Существенно обогатила теоретическую базу motherhood studies в России Вера Алексеевна Рамих (г. Ростов-на-Дону). В докторской диссертации, защищенной в 1997 году, она рассматривала материнство в философско-культурологическом плане³⁵⁷. Она считала материнство наиболее значимым явлением культуры и полагала, что оно имеет все основания выступать в качестве самостоятельного, а не вспомогательного предмета изучения. В.А. Рамих подчеркивала невозможность исследования женского бытия (истории, культуры, повседневной жизни) без изучения практик материнства. Характеризуя современные работы, затрагивающие женские статусы и роли, она отмечала: *«Материнство рассматривается и оценивается как одна из социальных функций женщины, в то время как явно ощущается потребность в исследовании*

³⁵⁵ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998.

³⁵⁶ Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010.

³⁵⁷ Рамих В.А. Материнство как социокультурный феномен. Дисс.... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону., 1997.

материнства как качественной целостности»³⁵⁸. Исследование В.А. Рамих способствовало росту научного интереса к проблеме материнства с позиции культурно-философского анализа (Е.В. Шамарина, Л.Н. Тронина)³⁵⁹.

Значительных успехов в изучении материнства в 2000-е годы достигли психологи, которые однако привычно пренебрегали изучением материнских эмоциональных состояний в прошлом и вообще исторической психологией. Г.Г. Филиппова рассматривала материнство как особую психическую реальность, как часть личностной сферы женщины, *«имеющую фило- и онтогенетическую историю и ориентированную на задачи рождения и воспитания ребенка»*³⁶⁰, как стадию половозрастной и личностной идентификации. Вслед за В.И. Брутманом³⁶¹ она продолжила исследовать причины девиации материнского поведения. На протяжении последнего десятилетия психологи особенно активно обращаются к исследованию материнского поведения, привлекая результаты этнографических, социологических работ³⁶². Несмотря на доминирование социально-конструктивистского подхода в определении материнских ролей, ряд психологов (Т.В. Бармина) придерживаются эссенциалистской позиции, отмечая, что биологическая обусловленность к деторождению оказывает определяющее воздействие на формирование Я-концепции и женской субъективности. Современные отечественные психологи сосредотачиваются на изучении компонентов современной интегральной психологической структуры родительства: семейных ценностях, родительских ожиданиях и установках на

³⁵⁸ Рамих В.А. Материнство и культура: Философско-культурологический анализ. Ростов н/д: Дон. гос. техн. ун-т, 1997. С. 13.

³⁵⁹ Шамарина Е.В. Культурный смысл материнства в Западноевропейской и отечественной философской мысли. Дис...канд. филос. наук. Барнаул, 2008; Тронина Л.Н. Этико-психологические проблемы современного материнства. Дис... канд. философ. наук. Тула, 2010.

³⁶⁰ Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Инстит. Психотерапии, 2002. С. 5.

³⁶¹ Брутман В.И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психол. журн. 2000. № 2. С. 24-45; Брутман В.И. Девиантное материнство // Моск. психотерапевт. журн. 1996. № 4. С. 35-64; Брутман В.И. Некоторые результаты обследования женщин, отказывающихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии 1994. № 5. С. 23-52.

³⁶² Бармина Т.В. Материнская позиция как детерминанта самоопределения женщины. Дис... канд. псих. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006; Ушакова Е.Г. Представления о материнстве у разных этносов. Дис... канд. псих. наук. Владивосток, 2006; Денисова В.А. Материнство как социально-культурный феномен с позиции различных психологических направлений // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 115-118; Сироткина Е.С. Проблематизация несовершеннолетнего материнства в системе российской социальной работы. Дис... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2013; Мягкова М.А. Психологическое сопровождение матери в неполной семье. Дис... канд. псих. наук. Курган, 2013; Васягина Н.Н. Субъективное становление матери в современном социокультурном пространстве России. Екатеринбург, 2013.

детность (Р.В. Овчарова, М.О. Ермихина); родительские отношения (А.А. Бодалев, В.В. Столин, И.Ю. Хамитова); родительских чувствах, родительских статусах, реже – контрацептивных ограничениях и мотивациях (А.С. Спиваковская, Т.В. Архиреева); родительской ответственности (В.Н. Дружинин). В числе факторов, детерминирующих репродуктивное поведение, наиболее часто упоминаются влияние родительской семьи (Т.И. Дымнова, В.Н. Дружинин, И.В. Дубровина); социально-психологические аспекты жизнедеятельности семьи (Л.Ф. Обухов, О.А. Шаграев); объективные условия жизнедеятельности семьи (здесь особая роль и влияние этнографов – М. Мид, И.С. Кона, психологов А.В. Сухарева, И.Л. Степанова); влияние общественных установок (В.В. Бойко, Т.А. Гурко).

Нарастающий интерес социологов, философов, психологов, историков медицины и врачей к проблеме материнства способствовал развитию междисциплинарных исследований. Выдающийся отечественный ученый И.С. Кон, подобно К. Хорни, М. Фуко, Ю. Кристевой, которые видели в материнстве проявление женской сексуальности, рассматривал материнство через призму анализа сексуальной культуры. Одним из наиболее популярных его трудов стала монография «Сексуальная культура в России...» (1997 г.), к настоящему моменту имеющая несколько переизданий³⁶³. Он впервые обратил внимание на перверсию женского репродуктивного поведения, связывая его с социальными трансформациями в российском обществе. Анализируя женскую телесность и женскую сексуальность в истории России на рубеже XIX–XX веков, материнской темы касалась философ И. Жеребкина³⁶⁴. В 2000-е годы сексуальную культуру в контексте русской семьи стала изучать М. Муравьева. Ее привлекали вопросы девиации сексуального поведения, а также проблемы сексуального и бытового насилия в крестьянских семьях³⁶⁵.

³⁶³ Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.: Время, 1997.

³⁶⁴ Жеребкина И. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России. СПб.: Аллетейя, 2001.

³⁶⁵ Муравьева М.Г., Пушкарёва Н.Л., Кон И.С., Михель Д., Михель И., Шаповалова В. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / ред. М.Г. Муравьева, Н.Л. Пушкарёва. СПб.: ЕУСПб, 2012; Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // *Aspasia*. 2014. Vol. 8. P. 90-124; Muravyeva M. Sex, Crime and the Law: Russian and European Early Modern Legal Thought on Sex Crimes // *Comparative Legal History*. 2013. Vol. 1. № 1. P. 74-102; Муравьева М.Г. Супружеское насилие в русских семьях по светскому и церковному праву XVIII века // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2012. Т. 14. № 2. С. 3-19.

Важным событием в междисциплинарных отечественных исследованиях родительства явилось проведение в 2006 году общероссийской конференции «Материнство и детство в России, XVIII–XXI вв.»³⁶⁶. Большинство докладов отражало проблемы, связанные с социологией родительства, демографией рождаемости, брачности и социальной политикой в области охраны материнства и детства. Проведенная конференция, несмотря на фундаментальность заявленной темы, так и не стала шагом в зарождении особого научного направления – истории и антропологии материнства. Ни один из озвученных докладов не отразил субъективный мир матери и дитя, сферу их повседневных практик и эмоциональных переживаний.

К проблемам советского и современного материнства обратились специалисты в области гендерной социологии. В центре их исследовательских проектов находилась специфика производства нового материнства в условиях этакратического гендерного порядка – Советской России. Наталья Черняева, основываясь на научной и научно-популярной литературе 1920–1940-х годов, одной из первых в отечественной науке представила компетентный анализ механизмов формирования особой идеологии материнства (счастливая мать-работница) в СССР³⁶⁷. Однако автор статьи выражает убеждение, что культ материнства, процесс медиализации материнства и детства стали формироваться исключительно в советскую эпоху, с чем сложно согласиться. Противоречивость советских «политик материнства» в 1920–1950-е годы продолжила изучать Юлия Градскова³⁶⁸. Проблема советской идеологии материнства в 1960-е годы привлекла социологов А.А. Тёмкину и Е.А. Здравомыслову (Санкт-Петербург, Европейский университет)³⁶⁹. А.А. Тёмкина полагала, что в советском государстве в 1960-е годы создавался новый конструкт материнства. Если в довоенное время акцент делался

³⁶⁶ Материнство и детство в России, XVIII–XXI вв.: всероссийская научная конференция: сб. науч. ст. (в 2-х ч.) / Ред. Ю.А. Поляков Ю.А. М.: МГУС, 2006.

³⁶⁷ Черняева Н. Производство матерей в Советской России: Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. 2004. № 12. С. 120-138.

³⁶⁸ Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 187-198; Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация материнства в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2007. С. 242-262.

³⁶⁹ Российский гендерный порядок: социологический подход / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007; Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2009.

на распространение общественных форм воспитания детей, то в 1960-е годы общество захлестнула волна популяризации материнского воспитания («правильного материнства»). *«Материнство представляется как гражданский долг по отношению к социалистическому государству, поддерживающему его целевой социальной политикой»*, – писала А.А. Тёмкина³⁷⁰. По мнению исследователей, идеология «работающей матери» являлась важным элементом в этакратическом гендерном порядке советского общества³⁷¹. Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина, Е. Бороздина обратились к изучению репродуктивной медицины XXI века с позиции гендерного анализа³⁷². В 2009–2011 годах вышли в свет сборники «Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине», «Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы», где вопросам материнства и прокреации уделялось особое значение. Авторы применяли социологические (анкетирование, интервьюирование, дневники и эссе женщин) и этнографические методы (наблюдая за женщинами, беря у них интервью, они фактически занимались полевой этнографией) при изучении эмоциональных переживаний беременных женщин, их отношения к современным репродуктивным технологиям, характера взаимодействия акушера (гинеколога) со своими пациентками. А.А. Тёмкина и Е.А. Здравомыслова придавали особое значение женской автодокументалистике, в связи с чем раскрытые на их основе темы сами авторы относили к «самоэтнографии». Исследования российских социологов, изучающих репродуктивное поведение россиянок, вызывают особый интерес на Западе. В 2015 году отдельный выпуск известного международного журнала «Europe-Asia Studies» был посвящен проблеме репродуктивного здоровья россиянок³⁷³. Социологический анализ различных тенденций в развитии

³⁷⁰ Тёмкина А. Половое просвещение как моральное воспитание // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2009. С. 103-104.

³⁷¹ Российский гендерный порядок: социологический подход / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 116-119, 178-184.

³⁷² Тёмкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321-336; Тёмкина А.А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 11 (1). С. 7-24; Бороздина Е.А. Медицинская помощь беременным: в поисках заботы // Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина (ред.). Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 54-83.

³⁷³ Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. № 10. Special Issue: Family, Health and Reproduction in Russia and Ukraine - in the Intersection between the Private and the Public / ed. J. Rodin.

современного родительства представлен в работах Т.А. Гурко, О.Г. Исуповой, Л.Г. Сологуб, Л.А. Грицай, Л.Л. Шпаковской, Ж.В. Черновой³⁷⁴.

В 2000-е годы интерес историков был направлен на изучение институтов охраны материнства и детства. Были защищены докторские и кандидатские диссертации по этой тематике (Е.П. Белоножко, Т.Г. Яковенко, Е.В. Колганова, А.В. Кучеренко и др.)³⁷⁵. В центре исследовательского интереса находились основные направления государственной политики, деятельности филантропических организаций по защите материнства и детства в разные периоды российской истории. Однако эти работы, скорее, относятся к группе исследований по истории благотворительности и социальной политики в России, а не к направлению *motherhood studies*. Историков (в т.ч. историков медицины), прежде всего, интересовали политико-правовые вопросы регламентации института материнства и детства³⁷⁶. Основными источниками исследования были делопроизводственные документы, материалы периодической печати дореволюционных лет. В их работах мать так и не стала субъектом исторического.

³⁷⁴ Гурко Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России. Дис... д-ра социол. наук. М., 2008; Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России ("Ваш ребенок нужен только Вам") // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98-107; Сологуб Т.Г. Материнство как социальный институт. Дис...канд. соц. наук. М., 2001; Грицай Л.А. Материнство и наука: к вопросу о родительских установках российских женщин-ученых // Социология науки и технологий. 2011. № 4. С. 99-104; Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 15-27; Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: ЕУСПб, 2013; Шпаковская Л.Л. Дискурсивное производство социального неравенства материнства // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 77-85; Исупова О.Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 100-120.

³⁷⁵ Белоножко Е.П. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX – начало XX вв. Дис...док. ист. наук. М., 2001; Яковенко Т.Г. Охрана материнства и младенчества во второй половине XVIII – начале XX вв.: на материалах Санкт-Петербурга. Дис...канд. ист. наук. СПб., 2008; Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. Дис...канд. ист. наук. М., 2012; Кучеренко А.В. Государственная социальная политика в области защиты материнства и детства: 1990-е годы. Дис...канд. ист. наук. М., 2004; Скрябина Е.О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.): историко-медицинский аспект. Дис...канд. ист. наук. М., 2008 и др.

³⁷⁶ Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX века // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 6. С. 37-50; Новикова А.А. Деятельность государственных и общественных организаций в области охраны материнства в конце XIX – начале XX века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 863-866; Микиртичан Г.Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 11: Медицина. 2014. № 1. С. 260-274.

В 2000 – 2010-годы материнская тема нашла частичное отражение в работах по истории и этнографии семьи³⁷⁷. Доктор исторических наук В.А. Верemenко (г. Санкт-Петербург) основательно изучила дворянскую семью пореформенного периода России. Основываясь преимущественно на источниках нормативно-правового характера, она проследила трансформацию гражданских прав супругов, а также юридического положения законных и незаконных детей в обществе. В.А. Верemenко выделила две группы матерей в индустриальной России: «вестернизированные» и матери, придерживавшиеся патриархальных норм взаимодействия родителей и детей. Впервые среди отечественных историков В.А. Верemenко, привлекая новые архивные материалы, отметила появление в пореформенной России «новых практичных родителей». Их жизнь концентрировалась вокруг ухода за детьми, они прилагали большие усилия для правильного (научного) воспитания своих чад, с особым трепетом относились к предстоящей беременности и родам, заводили «родительские дневники» с целью контроля физиологического, психического и нравственного развития ребенка³⁷⁸. В своих научных статьях исследовательница обратила внимание на особенности кормиличного промысла в дореволюционной России, подчеркнула традиционность родовспоможения в дворянских семьях³⁷⁹. Несмотря на то что В.А. Верemenко затронула многие вопросы, связанные с материнством, оно оставалось своеобразным сопутствующим фоном к характеристике семейного уклада. Женские эгодокументы использовались преимущественно с иллюстративной целью.

³⁷⁷ Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс Р. Асланова. 2006; Верemenко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012.

³⁷⁸ Верemenко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009. С. 625-635; Верemenко В.А. Родительский дневник как элемент новой системы дворянского семейного воспитания в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере дневника Е.С. Зарудной-Кавос) // Воспитание: возможности, реалии, перспективы: мат. науч.-практ. конф. / Ред. Н.В. Поликутина. Бокситогорск, 2012. С. 44-48.

³⁷⁹ Верemenко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. Т.4. № 3. С. 138-144; Верemenко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 18-31.

Материнская тема все чаще стала привлекать внимание исследователей семейной повседневности. В частности, в работах И.А. Зимина, А.Н. Боханова, репрезентирующих жизнь императорской фамилии, особое внимание уделено женским и материнским практикам³⁸⁰. Историки, опираясь на новый архивный материал, впервые освещают такие вопросы, как: беременность в жизни императриц; роды в царской семье; императрицы и самостоятельное грудное вскармливание; взаимоотношения с кормилицами, нянями; уход за грудными детьми и формирование педиатрической службы в императорской фамилии. К материнской теме обращались историки И.Ю. Мартианова, изучавшая повседневную жизнь детей дворянского сословия³⁸¹, В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова, авторы работ о русских женщинах XVIII – начала XX века³⁸². В исследованиях антрополога З.З. Мухиной, изучающей повседневную жизнь российского крестьянства пореформенной России, особое внимание обращено на такие проблемы частной жизни, как половая социализация крестьянской девушки, роды и послеродовой период, плодизгнание и контрацепция в крестьянской среде³⁸³.

В 2000-е годы в России стало развиваться направление исследований по «истории детства», достаточно популярное на Западе³⁸⁴. В отличие от зарубежных

³⁸⁰ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010; Боханов А.Н. Мария Федоровна. М.: Вече, 2013; Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997.

³⁸¹ Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX вв. Автореф... канд. ист. наук. Краснодар. 2010. С. 32; Мартианова И.Ю. Повседневность материнства: общение матери и детей в царской семье Николая Павловича и Александры Федоровны Романовых, по воспоминаниям их детей и современников // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. ст. / Ред. Н.Л. Пушкарёва. М.: НЛЮ, 2013. С. 68-104; Мартианова И.Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII – первой половине XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 17-25.

³⁸² Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX в. М.: Новый хронограф, 2009; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX в. М.: Русское слово, 2009.

³⁸³ Мухина З.З. Плодизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (вторая половина XIX – 30-е годы XX в.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147-160; Мухина З.З. Процессы социализации русской крестьянской девочки в пореформенной европейской России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 36-51; Мухина З.З. Послеродовой период в жизни крестьянки пореформенной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 7-17.

³⁸⁴ Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М.: Кошелева, 2000; Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007; Сальникова А.А. История елочной игрушки, или Как наряжали

историков детства, которые, репрезентируя мир детства, тесно касались родительских отношений, проблем материнской любви, плохих и хороших матерей, отечественные историки обошли стороной материнскую тему. Новаторской по заявленным целям и постановке проблемы явилось исследование В.А. Верemenko, посвященное истории детства в России во второй половине XIX – начале XX века³⁸⁵. Изучив культуру детства в дворянской среде, историк прослеживает влияние важных модернизационных процессов на воспитание детей, уход за младенцами, трансформацию статуса незаконнорожденных детей, тем самым соприкасаясь с исследованием практик материнства в российском обществе.

Несмотря на кажущуюся пестроту работ, связанных с проблемой материнства, в отечественной историографии присутствует незначительное число концептуальных исследований по материнству в целом и истории материнства в частности. В то время как на Западе *motherhood studies* имеют внушительную библиографию, в России это направление только начинает зарождаться.

Впервые к изучению материнских практик в контексте исследования традиционных народных обрядов обратились дореволюционные этнографы. Институционализация материнской темы не происходила, так как ученых интересовали прежде всего семейные традиции, обряды, связанные с вступлением в брак, с родительскими отношениями, с родинами, с воспитанием детей. Дворянское сословие, не маркируемое народной культурой, выпадало из поля зрения исследователей. Круг источников складывался из собственных наблюдений, рассказов крестьян, фольклористики. Материнская тема нашла частичное отражение в исследованиях дореволюционных врачей, демографов, изучавших основные тенденции в брачном поведении, рождаемости, детской смертности.

советскую елку. М.: НЛЮ, 2011; Бокова В.М. Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М.: Ломоносовъ, 2011; Душечкина Е.В. Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002; Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). Сб. ст. М., 2012. С. 197-210; Костюхина М. «Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр». М.: НЛЮ, 2013; Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. Вып. 2 (22). С. 108-116; Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

³⁸⁵ Верemenko В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015

Материнская повседневность игнорировалась в дореволюционных исследованиях по истории женщин, так как не рассматривалась в качестве исторически и социально значимой.

В советский период историографии определенные результаты были достигнуты в изучении родительских отношений, положения матери-работницы, социалистической системы охраны материнства и детства в СССР. Экскурсов в историю не осуществлялось, анализировалось «текущее состояние дел». Набор источников был традиционен – преимущественно статистические данные. Некоторые социальные группы и целые исторические периоды выпадали из поля зрения исследователей.

Новые горизонты в исследовании родительства были намечены И.С. Коном. В постсоветской историографии, в связи с существенными изменениями в методологических подходах, в тематическом разнообразии исследований, материнские практики в новом ракурсе были рассмотрены этнографами, социологами, гендерологами, историками семьи и повседневности. В то же время на фоне значительных успехов в изучении женской и гендерной истории, мать так и не стала полноценным субъектом в исторических работах. В методологическом отношении сильны исследования российских социологов, изучавших эволюцию сексуальной культуры и гендерных стереотипов в советской и постсоветской России. Несомненно, в данных работах речь шла и о материнских практиках, но они так и не получили особого предметного изучения.

Сложно говорить о складывании научных школ в изучении материнства в России. Исследования по большей части фрагментарны, междисциплинарный диалог, признанный на Западе важнейшим подходом в материнских исследованиях, практически не используется. Материнская тема зачастую является скромным дополнением к работам по проблемам семьи, детства, к гендерным и женским исследованиям. Институализация материнских исследований в качестве самостоятельного научного направления в отечественной науке до сих пор не произошла. В то же время изучение отдельных аспектов материнства иницируется учеными из Института этнологии и антропологии РАН (сектор этногендерных исследований, возглавляемый Н.Л. Пушкарёвой), Европейского университета в Санкт-Петербурге (социологическое направление, возглавляемое Е.А.

Здравомысловой и А.А. Тёмкиной), Санкт-Петербургского государственного университета (научная школа С.Б. Адоньевой), Музея антропологии и этнографии РАН (Т.Б. Щепанской, Д.А. Барановым), Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (историческое направление, возглавляемое В.А. Верemenko).

Материнская тема для современного исследователя уникальна и интересна ввиду междисциплинарности. Материнство как сложный биологический, социальный, психический, культурно-исторический феномен заслуживает того, чтобы стать предметом всестороннего научного изучения в прошлом и настоящем. Существование значительного количества исторических источников, специфика в развитии института материнства и своеобразие материнских ролей в России делают эту область знаний особенно привлекательной для современных историков и представителей исторической этнографии. В конечном итоге, изучение материнства существенно восполнит пробелы в истории женщин России.

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ «ИДЕАЛЬНОЙ МАТЕРИ»: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСКУРСЫ И СМЕНА КОНЦЕПТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Бурные общественные дискуссии середины XIX века, в ходе которых рождались женское движение и «женский вопрос», привели к тому, что впервые за всю «женскую историю» многие аспекты социального положения женщины оказались в центре публичных обсуждений. Общество активно принялось создавать образ «идеальной матери», тем самым формируя стереотипы материнского поведения. В материнском конструкте особенно актуальными были темы материнского долга, «материнского инстинкта», тема хороших и плохих матерей – сюжетов, напрямую связанных с демографическим поведением и женской фертильностью. К началу XX века проблема материнства хоть и не была центральной в общественно-политическом дискурсе, но ее касались представители различных социальных кругов: от педагогов и литераторов до сторонников радикального феминизма. Сила обсуждения была такова, что современники дали ему название *«материнское движение»*³⁸⁶.

До середины XIX века в России не было жестких стандартов, определявших материнское поведение. «Воспроизводство» (Н. Чодороу)³⁸⁷ материнства зависело от социального, имущественного статуса родительниц и было обусловлено развитием материнского инстинкта. Ситуация существенным образом изменилась к началу XX века. Данный процесс был вызван различными факторами, среди которых не только, ставшая для российского общества на протяжении XIX века традиционной проблема детской смертности³⁸⁸, но и значительные трансформации в самом обществе. Под влиянием многочисленных предписаний экспертов в обществе стали формироваться различные концепции «идеального материнства»

³⁸⁶ Лозинский Е.Ю. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства / К свету. Научно-литературный сборник. СПб.: Изд. Комитета Общества доставления средств, 1904. С. 49.

³⁸⁷ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006.

³⁸⁸ Россия продолжала лидировать среди стран Западной Европы по уровню младенческой смертности. Эта проблема с начала XX века обострялась возросшими случаями инфантицида, криминальных аборт и подкидывания детей.

(«ideal motherhood», «perfect motherhood»)³⁸⁹. Врачи, педагоги, литераторы настойчиво доказывали, что материнского инстинкта недостаточно для воспитания детей. Они стали предъявлять к матерям широкие требования, тем самым конструируя модели их поведения. Материнство превращалось из естественной роли женщины в важнейший ее социальный статус и в общественный институт. Наблюдался процесс медиализации и коммерциализации материнства (то, что М. Фуко относил к области «биополитики»)³⁹⁰. Под влиянием врачебного дискурса практики, связанные с материнством, стали рассматриваться в качестве медицинского феномена. Развитие идеологии материнства тщательным образом проанализировано на Западе, в особенности американскими и канадскими учеными³⁹¹. В отечественной науке эта область знаний остается малоизученной, за исключением формирования конструкта материнства в советской и постсоветской России³⁹². Опыт дореволюционной России не берется в расчет исследователями, в

³⁸⁹ Apple R.D. Perfect motherhood: science and childrearing in America. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2006.

³⁹⁰ Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.

³⁹¹ Rich A.C. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976; Chodorow N. Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978; Badinter E. Mother love: myth and reality: motherhood in modern history. New York: Macmillan, 1981; Apple R.D. Mothers and medicine: a social history of infant feeding, 1890–1950. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1987; Apple R.D. Perfect motherhood: science and childrearing in America. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2006; Apple R.D., Golden J.L. Mothers & motherhood: readings in American history. Columbus: Ohio State University Press. 1997; Eyer D.E. Mother-Infant Bonding: A Scientific Fiction. New Haven: Yale University Press, 1993; Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996; Arnup K. Education for motherhood: advice for mothers in twentieth-century Canada. Toronto: University of Toronto Press; Grant J. Raising baby by the book: the education of American mothers. New Haven: Yale University Press, 1998; Rose E.R. A mother's job: the history of day care, 1890–1960. New York: Oxford University Press, 1999; Hulbert A. Raising America: experts, parents, and a century of advice about children. New York: Alfred A. Knopf, 2003; O'Reilly A. (ed.) Mother Matters: Motherhood as discourse and practice. Toronto: ARM Press, 2004; O'Reilly (ed.) Mothers, Mothering and Motherhood. Across Cultural Differences. Toronto: Demeter Press, 2014; Мицюк Н.А. История материнства в англоязычной историографии // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 167-175.

³⁹² Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15-27; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9-24; Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2009; Тёмкина А. Медиализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321-336; Михель Д.В. Медиализация общества: теория, история, микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 7 (3). С. 293-294; Бороздина Е.А. Медицинская помощь беременным: в поисках заботы // Е. Здравомыслова, А. Тёмкина (ред.). Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 54-83; Печерская Н.В. Мифология родительства: анализ

то время как именно в этот период получили развитие идеологии «сознательного», «экспертного», «свободного», «профессионального» материнства.

Взгляды российских феминисток на проблему материнства нашли частичное отражение в работах по истории женского движения. При этом современные исследователи (И.И. Юкина, О.А. Хасбулатова, С.Г. Айвазова и др.³⁹³) подчеркивают, что эта тема была второстепенной для отечественного феминистского дискурса, так как основное внимание было направлено на полемику вокруг политических прав и свобод женщин. Следует отметить, что впервые этот вывод прозвучал в работах западных исследователей – Ричарда Стайтса (в 1978 году)³⁹⁴ и Адель Линденмайер. Американская исследовательница по аналогии с западноевропейским движением, сторонницы которого уделяли значительное внимание обсуждению вопросов материнства, пыталась выявить отношение к материнским ролям представительниц российского феминизма³⁹⁵. Она пришла к неоднозначному выводу, считая, что российские феминистки не участвовали в обсуждении вопросов, связанных с материнством, так как относили их к области закрепощения женщин, ограничивавших ее политические и социальные права. А. Линденмайер была убеждена в том, что в России так и не сформировалась дискуссия по вопросам материнства, решение насущных проблем в этой области инициировалось сверху, без достаточной на то поддержки общества³⁹⁶.

Представленная глава нацелена на раскрытие того, как во второй половине XIX – начале XX века в России происходило конструирование «идеального материнства», предписывающего женщине определенные стандарты в сфере

дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. С. 323-342.

³⁹³ Юкина И.И. Историко-социологический анализ женского движения в России середины XIX – начала XX в. Дисс... к-та соц. наук. СПб. 2000; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново: ИГУ, 1994; Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. М.: Рос. акад. наук. Ин-т сравн. политологии, 1998.

³⁹⁴ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН. 2004. С. 102, 354.

³⁹⁵ Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women 's History. 1993. Vol. 5. № 2.

³⁹⁶ См. об этом также: Pushkareva N.L. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk: M.E. Sharpe, 1997. P. 219; Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 69; Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2-3. С. 32-37.

репродукции, материнского поведения, социальной деятельности. В отличие от других категорий женщин, дворянки, располагая несравненно большими возможностями, могли полностью посвятить себя воспитанию детей и стать восприимчивыми конструктов «идеального материнства». Кроме этого, в данном социальном слое наиболее отчетливо прорисовывались различные типы материнства, что позволяет их изучать и сравнивать с положением дел на Западе. Я использую компаративный, социально-конструктивистский подходы, а также антропологически ориентированный и феминистский подходы. Основная методика работы с эмпирическим материалом состояла в сопоставлении различных официальных предписаний матерям (научного и научно-популярного дискурса) с субъективными переживаниями женщин (представлены на страницах эгодокументов), легализующими женскую эмоциональность, телесные практики авторов, табуированные в официальных источниках. На мой взгляд, данная методика позволит избежать ложных представлений и выводов, так как предписания врачей и педагогов еще не свидетельствовали об изменениях в практиках материнства. Среди актуальных методов исследования – историко-сравнительный, биографический, гендерно-чувствительный, метод гендерной истории, исторической социологии.

2.1. Актуальные концепции материнства в общественно-политическом, медицинском и публицистическом дискурсах России во второй половине XIX – начале XX века

Обсуждение вопросов, связанных с материнским статусом и ролями женщины в обществе, возникло в пореформенной России в рамках «женского вопроса», либеральной и радикальной феминистской мысли, споров о природе пола в русской литературе и философии, дискуссий в медицинском и юридическом сообществе, а также под значительным влиянием зарубежных концепций материнства. Огромное количество представителей, втянутых в обсуждение материнского вопроса, повлияло на формирование пестроты взглядов, подходов и концепций в российском обществе, в то время как на Западе в данный

исторический период эти представления имели более или менее однородный характер. Из хаоса мыслей, идей, мнений по поводу материнских ролей женщины в дореволюционном российском обществе вырисовывались основные направления дискуссий.

2.1.1. Влияние научно-просветительского и публицистического дискурсов второй половины XIX века на формирование концепции «сознательного материнства»

Впервые идея «сознательного материнства» («conscious motherhood») была сформулирована на Западе в 1760-е годы. Современная европейская исследовательница Элизабет Бадинтер в своей работе, посвященной истории материнской любви с XVII по XX век в Западной Европе, пришла к выводу о социально-конструктивистской природе материнства. Об общественном детерминизме женских и материнских ролей в обществе писали также зарубежные исследователи А. Рич в книге «Рожденная женщиной», Н. Чодороу в работе «Воспроизведение материнства»³⁹⁷. Они были убеждены, что социальные роли женщины не столько биологически обусловлены, сколько конструируются общественными запросами и представлениями о сущности «женского» в ту или иную эпоху. Н. Чодороу отмечала, что в эпоху зарождения капитализма в буржуазной среде возникла идеология «добродетельной матери», согласно которой основной обязанностью женщины в семье стала забота о детях и муже. По мнению Н. Чодороу, *«эта забота не исчерпывалась их обслуживанием, физическим трудом, она сосредотачивалась на эмоциональных отношениях и личном участии, причем и с детьми, и с мужчиной она была по содержанию материнской»*³⁹⁸. Э. Бадинтер считала, что в конце XVIII века под влиянием просветительских идей на смену «безразличным матерям» приходила «новая мать», смысл жизни которой сосредотачивался вокруг рождения и самостоятельного воспитания детей³⁹⁹. В «новой матери» исследовательница

³⁹⁷ Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59; Rich A.C. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976; Chodorow N. The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978.

³⁹⁸ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. С. 10.

³⁹⁹ Badinter E. Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX. Paidós. 1991; Абрамс Л. Формирование женщины новой эпохи 1789–1918. М.: ВШЭ, 2011. С. 130.

видела, прежде всего, представительниц обеспеченных слоев общества, для которых быть «сознательными матерями», проявлявшим к своим уже немногочисленным детям «*сладость материнской любви*» и «*материнской ответственности*»⁴⁰⁰, являлось формой социального служения и выражением их гражданского долга.

Итак, зарубежные исследователи полагают, что новая идеология «сознательного материнства» появилась с развитием капитализма. Ее носителями стали буржуазные слои общества. На смену «*безразличным матерям*» приходила «*новая мать*», смысл жизни которой сосредотачивается вокруг рождения и самостоятельного воспитания детей. Изучая материнские практики в высших слоях общества, меня интересовало, насколько глубоко концепция материнской сознательности была разработана в дореволюционной России? Кто являлся создателем стереотипов женского поведения? Каким образом реализовывалась новое поведение матерей-аристократок? Наконец, существовал ли конфликт между конструктом «сознательная мать» и самоощущениями самих женщин?

В связи с общеэкономической отсталостью, запоздалыми либеральными реформами, неразвитостью научного знания в области медицины концепция «сознательного материнства» в России стала распространяться на полвека позже, чем в США и в странах Западной Европы. На протяжении второй половины XIX века в среде дворянок формировался культ материнства, отражавший не только биологическую, но и социальную функцию женщины. Ввиду малочисленности среднего класса восприимчивыми этой идеологии стали не представительницы буржуазных кругов, а дворянки. Это дало основание американскому историку Б. Энгель полагать, что в России «сознательное материнство» не прижилось, в противовес ему молодые и образованные дворянки увлеклись активной социальной деятельностью⁴⁰¹.

Изучение широкого круга личных документов, принадлежавших рядовым дворянкам, позволяет сделать обратный вывод: идеология «сознательного материнства» в теории и на практике укреплялась в среде привилегированных

⁴⁰⁰ Badinter E. Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX. Paidós. 1991. P. 117, 121; 272.

⁴⁰¹ Engel B.A. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

классов. Женские дневники, письма, воспоминания второй половины XIX века пестрят описаниями времени, проведенного с детьми⁴⁰². Светские визиты в жизни «новых матерей» превращались в дружеские посещения семей с детьми. Они становились центром семейной жизни, вокруг которых сосредотачивались ежедневные материнские заботы. На смену апатичного отношения к детям, отстраненности дам высшего сословия от их воспитания к началу XX века сформировалась культура родительства, основанная на активном участии матери в воспитании детей, сокращении числа прислуги (кормилиц, нянь). В материнстве дворянки стремились найти собственную женскую идентичность. Прежде они рассматривали материнство как неизбежную природную функцию, которая отвлекала их от активной светской жизни, ограничивала личную свободу и отрицательно сказывалась на их привлекательности и здоровье. Деторождение оценивалось как многократно повторяющееся событие, к смерти детей относились достаточно спокойно, считая ее частью семейной повседневности. В автодокументальных материалах дворянок екатерининской эпохи практически отсутствуют сентиментальные описания беременности, родов, кормления, особенностей ухода за детьми и их воспитания. Однако для дворянок второй половины XIX века материнство стало составлять важнейшую часть их повседневности, о чем свидетельствуют принадлежавшие женщинам эгодокументы (дневники, личная переписка, воспоминания). Чем были обусловлены столь кардинальные изменения, произошедшие за полвека?

Апатичная мать-дворянка XVIII века превращалась в сознательную мать XIX века во многом под влиянием научно-публицистического дискурса, развернувшегося на страницах отечественных изданий. Следует отметить, что создателями материнского культа были не столько женщины, сколько мужчины, которые в 1860-е годы сформулировали русский «женский вопрос», явившийся выражением мужских представлений об идеальной женственности. Благоприятным фактором для развития «нового материнства» явились изменившиеся социально-экономические условия пореформенной России, приведшие к разорению

⁴⁰² Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2. С. 17-29.

помещичьего землевладения и нарушившие традиционный образ жизни российских дворянок.

Под влиянием просветительской литературы, получившей широкое распространение в XIX веке, российское общество нашло в своей среде апологетов сознательного материнского воспитания. Сочинение Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» в дореволюционной России переиздавалось семь раз, что свидетельствовало о его большой популярности. При этом наибольшее количество переизданий приходилось на вторую половину XIX – начало XX века (1866, 1896, 1911, 1912 годы), именно тогда, когда проблемы материнства приобрели особую актуальность. Французский просветитель в ярких тонах изобразил портрет «сознательной матери» («предусмотрительной матери»)⁴⁰³, которая с юных лет готовилась к своей миссии, особым образом вела себя во время беременности, самостоятельно кормила грудью ребенка, отказывалась от тугого пеленания, являлась активной участницей воспитательного процесса и всю себя посвящала дитя.

Огромным читательским успехом в России пользовалось сочинение французского историка и публициста Жюль Мишле «Женщина», в котором он обосновывал идеальный тип женщины⁴⁰⁴. Вся жизнь женщины, по мнению историка, должна была состоять в подготовке к священному долгу матери. Особое место в его работе занимало описание «правильных» отношений между матерью и ребенком, в основе которых материнский инстинкт, любовь и просвещенный ум матери.

Еще одним известным французским автором, пользовавшимся успехом у российских дворянок, был Эрнест Легуве. Помимо драм академика («Медея», «Дамская война»), читательский интерес вызывали работы, посвященные истории женщин. На русском языке были изданы произведения, написанные в 1850-х годах, – «История нравственного положения женщин» (1862 г.), а также «История

⁴⁰³ «К тебе обращаюсь я, нежная и предусмотрительная мать, сумевшая уклониться от такой дороги и предохранить подрастающее дерево от столкновений с людскими мнениями! Ухаживай, поливай молодое растение, пока оно не увяло, – плоды его будут некогда твоей усадой. Строй с ранних пор ограду вокруг души твоего дитяти; окружность может наметить иной, но ты одна должна ставить решетку на ней» (Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании // Педагогические сочинения: В 2-х т. / Ред. Г.Н. Джигладзе. Т. 2. Кн. 1. М., 1981).

⁴⁰⁴ Мишле Ж. Женщина. Одесса: Изд. А.С. Великанова, 1863.

духовной жизни женщины» (1896 г.)⁴⁰⁵. Одна из центральных тем, затронутая Э. Легуве, – роль матери в истории. Он называл чудовищной несправедливостью забвение матери в историческом развитии, приводя многочисленные примеры того, когда заслуги в производстве потомства и наделении его особыми качествами приписывались отцам. Э. Легуве воспевал образ матери в прошлом и настоящем, отстаивал святость материнского долга⁴⁰⁶, благоговел перед женщиной, кормящей грудью, в конечном итоге, создавая культ «сознательной матери». Преклоняясь перед материнскими ролями, он не исключал способности женщины состояться и в других сферах человеческого бытия.

Дискуссия о «сознательном материнстве» рождалась в пореформенной России под влиянием европейских идей в условиях либерализации страны, оживившей общественно-политическую мысль и способствующей развитию «женского вопроса». Концепция «сознательного материнства» по своей сути противоречила идеям женской эмансипации. Не удивительно, что наравне с сочинениями французов о высокой миссии материнства в России нашли популярность работы Жорж Санд, в которых был представлен иной тип женщины – свободный, сексуальный, деятельный и зачастую бездетный. Ее взгляды были неприемлемы для официальной идеологии, культивировавшей святость материнского долга. В связи с этим книги Ж. Санд были подвергнуты жесткой критике (А.С. Хомяков, Ф.В. Булгарин), их рассматривали в качестве угрозы женской нравственности.

Своеобразием дискуссии о «сознательном материнстве» в России являлось то, что, в отличие от своих западных коллег, в самом начале в ней не принимали участие представительницы первой волны феминизма, известные «шестидесятницы» (Н.В. Стасова, А.П. Filosofova, М.В. Трубникова). Нужно согласиться с выводами зарубежных и отечественных исследователей (А. Линденмайер, Р. Стайтса, И.И. Юкиной) о том, что первые русские феминистки концентрировали свои рассуждения вокруг политического вопроса, проблем женской свободы, женского права и женского образования. Для них материнство

⁴⁰⁵ Легуве Э. История нравственного положения женщин. М.: Изд-во А. Великанова, 1862; Легуве Э. История духовной жизни женщины. М.: Изд-во А.И. Снегиревой, 1896.

⁴⁰⁶ «Мать – здесь на земле единственная безупречная святыня» (Легуве Э. История духовной жизни женщины. М., 1896. С. 15).

представлялось исключительно проявлением биологического, ограничивавшим то, за что они так рьяно боролись.

Значительную роль в распространении концепции «идеального материнства» в индустриальной России сыграли врачи, педагоги, писатели и журналисты. Именно они впервые стали описывать образ «хорошей матери», вследствие чего появились представления о «плохих матерях», не соответствовавших предписаниям «экспертов». Представители врачебного сообщества брали на себя экспертную функцию оценки хорошего или плохого материнства, тем самым материнские практики вовлекались во властный дискурс. Педиатры, акушеры, гинекологи, гигиенисты стали непререкаемыми авторитетами в легитимации различных видов и типов материнского поведения. Их интерес к данному вопросу был обусловлен двумя важными факторами. С одной стороны, высокая детская смертность (особенно младенческая)⁴⁰⁷, с другой, – научный диспут о роли и месте женщины в современной жизни. Акушеры, педиатры, гинекологи открыто доказывали большую роль материнской близости в формировании личности ребенка (от самостоятельного грудного вскармливания до активного участия в воспитании и образовании ребенка). Среди врачей-пропагандистов «осознанного материнства» – В.В. Дерикер, В.Н. Жук, Е.А. Покровский, М.И. Волкова, М.И. Манасейна, Г.И. Гордон, В.П. Герасимович, С.Ф. Воюцкий, Е.С. Дрентельн и многие другие. Основное содержание их медицинских работ сводилось к тому, что исполнение женщиной материнских обязанностей – ее святой долг, через который она реализует женскую идентичность и свою гражданственность.

Доктор медицины Василий Васильевич Дерикер в 1870-е годы существенную часть своего труда «Физиологическая история женщин» посвятил описанию «достойного» материнства. *«Как мать, наконец, женщина, гражданка, член общества и слуга отечеству не менее своего мужа. Священное звание матери, с достоинством выполненное, придает ей глубокое и неотразимое влияние на общество: она не только родительница, но и первая воспитательница*

⁴⁰⁷ Биншток Н.И. Смертность грудных детей в Петербурге за 10 лет (1906–1915 гг.). Пг.: Гор. тип., 1917.

*своих детей, будущих членов общества, будущих граждан»*⁴⁰⁸, – писал он. В. Дерикер считал, что быть матерью – важнейшее, высшее и благороднейшее назначение каждой женщины. Являясь врачом великих княжон, он отражал новую официальную позицию власти в отношении материнства. Подобный взгляд стал основным и, по сути, единственным вплоть до начала XX века в риторике врачебного сообщества в отношении материнства и положения женщин в обществе. Даже эмансипированные женщины-врачи вставали на защиту идей всепоглощающего материнства. М.И. Манасеина (ее работа «О воспитании детей в первые годы жизни» была опубликована в 1870 году и имела чрезвычайный успех среди читательниц), М.В. Волкова доказывали важность близости матери в воспитании детей. Они призывали женщин из интеллигентных сословий отказаться от услуг кормилиц, ограничить роль нянек в жизни семьи и всю свою энергию править на воспитание потомства.

К началу XX века накопилось значительно число популярных медицинских трудов, активно пропагандировавших материнскую сознательность. В них хорошая мать непременно должна была самостоятельно кормить и ухаживать за собственным ребенком, независимо от социального статуса и финансовых возможностей. *«Заботливая мать не должна отдавать в чужие руки грудного ребенка, требующего больших забот и внимательности»*⁴⁰⁹, – сообщалось в научно-популярной работе для матерей. Врач Елизавета Сергеевна Дрентельн доказывала, что женщина как таковая формируется только в связи с исполнением ею материнских ролей, что само по себе является венцом физического развития женщины⁴¹⁰. В многочисленных врачебных пособиях популярно освещались современные тенденции проведения беременности, подготовки к родам, кормления грудью, ухода за новорожденным и собственным телом. Предметом изучения становился материнский инстинкт, который, по мнению большинства врачей, являлся основным в сущностной характеристике женщины⁴¹¹. Его отсутствие воспринималось в качестве девиации, которая требовала установления причин и дальнейшего искоренения. Доктор философии, педагог, писательница Мария

⁴⁰⁸ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 93.

⁴⁰⁹ Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901. С. 34.

⁴¹⁰ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книг-во Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 89.

⁴¹¹ Шипов Н.Н. Материнский инстинкт. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1903. С. 220.

Владимировна Безобразова, например, считала, что слабость материнского инстинкта обусловлена отсутствием симбиотической стадии между матерью и ребенком. Соответственно, если мать отказывалась от лактации, то, по мнению педагога, она убивала в себе самое святое – материнский инстинкт⁴¹². Любопытно и то, что М. Безобразова приравнивала материнскую любовь к инстинкту, лишая тем самым ее сознательных и социальных качеств.

Педагогический и психологический дискурсы также институализировали материнские роли женщин (П.Ф. Каптерев, К.Д. Ушинский, А.Н. Острогорский, И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев, Е.Н. Водовозова Е.И. Конради, В.А. Волкович, З.К. Столица и др.). Они актуализировали ценность материнского воспитания и значительную роль семьи в формировании личности ребенка.

Ярым защитником святости материнского долга стал Л.Н. Толстой. Ряд исследователей полагают, что с помощью конструкта материнства русский классик пропагандировал свою модель женственности и образ идеальной женщины-матери⁴¹³. Высказанные им мысли диссонировали как с традиционными представлениями дворянок о материнстве, так и с идеями русских феминисток о роли женщины в современном им обществе. Л.Н. Толстой в буквальном смысле воспел материнство, доказывая, что только в нем коренится основное предназначение каждой женщины. *«Призвание женщины все-таки главное – рождение, воспитание, кормление детей»*⁴¹⁴, – суть толстовской концепции женственности.

Известная исследовательница женской эмансипации в России С.Г. Айвазова писала: *«Толстой всю жизнь истово настаивал на том, что женщина тем совершеннее, чем меньше в ней личностного начала, чем полнее она способна раствориться в детях, в муже, в семье. Открыто, откровенно – в письмах, более тонко, художественно – в романах и рассказах... любовь, семья, продолжение рода – здесь и только здесь все "обязанности" и все "права" женщин, здесь – поле*

⁴¹² Безобразова М. О материнской любви // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 8-9.

⁴¹³ Фогель Э. Модели материнства в романе Льва Николаевича Толстого Анна Каренина (1873–1877) // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 204.

⁴¹⁴ Толстой Л.Н. Письмо к Н.Н. Страхову от 19 марта 1879 // Собр. соч. в 22 т. М., 1984. Т. 17. С. 688.

для ее героизма»⁴¹⁵. В образе Наташи Ростовой, по мнению исследователей, писатель воплотил свои представления об идеальной матери, хранительнице семейного очага. Ее антиподом явилась Анна Каренина, которая материнству и семейственности противопоставила личное счастье⁴¹⁶. Безнравственный поступок главной героини, по задумке автора, предопределил фатальность ее судьбы.

В своих философских и публицистических работах Л.Н. Толстой обрушивался с острой критикой в адрес современных эмансипированных женских типов, отстаивая святость материнского долга: *«... те женщины и матери, которые, имея возможность избавиться от рождения детей, прямо, сознательно подчиняются этому вечному, неизменному закону, зная, что тягость и труд этого подчинения есть назначение их жизни. Вот эти-то женщины и матери наших богатых классов те, в руках которых больше, чем в чьих-нибудь других, лежит спасение людей нашего мира от удручающих их бедствий»*⁴¹⁷. Он полагал, что женщина-мать должна занять особое место в историческом прошлом человечества. Духовное обновление общества станет возможным благодаря святости матерей и их самозабвенному исполнению предначертанного природой долга: *«Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющиеся закону бога, вы одни знаете в нашем несчастном, изуродованном, потерявшем образ человеческий кругу, вы одни знаете весь настоящий смысл жизни по закону бога, и вы одни своим примером можете показать людям то счастье жизни в подчинении воле бога, которого они лишают себя...!»*⁴¹⁸. Русский классик был убежден, что единственным «истинным», «Богом положенным» трудом для женщины является рождение и воспитание детей. В «Крейцеровой сонате» он призывал супругов (прежде всего, мужчин) исключать из совместной жизни плотские (сексуальные) удовольствия, во имя сохранения чистоты любви и высокой нравственности. Он оправдывал только репродуктивный секс, вслед за которым женщина беременела, становилась матерью и самостоятельно вскармливала дитя. Половые отношения ради наслаждения он относил к тяжелейшему пороку. Л.Н. Толстой полагал, что

⁴¹⁵ Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической истории и теории. М.: РИК Русанова, 1998.

⁴¹⁶ Kaminer J. Women with a Thirst for Destruction: The Bad Mother in Russian Culture. Northwestern University Press, 2014.

⁴¹⁷ Толстой Л.Н. Так что же нам делать? Собрание соч. в 22 т. Т. 16. М., 1983. С. 391.

⁴¹⁸ Там же.

современная семейная жизнь требует от женщины невероятного напряжения сил: она должна быть одновременно и беременной, и любовницей, и кормилицей⁴¹⁹.

Известный русский философ В.В. Розанов, пожалуй, был единственным, кто выступил с критикой позиции Л.Н. Толстого в отношении брака и половой жизни. В работе «Люди лунного света» он обвинял классика в излишнем морализаторстве. Розанов иронически отмечал, что идеальный брак, с точки зрения «морализаторов» – «*импотентный брак*», «*в коем супруги не хотят друг друга*»⁴²⁰. Он считал грубым заблуждением оправдывать половые отношения деторождением: «*Оправдывать брак детьми для человечества будет решительно все равно, как если бы какой-нибудь морфинист стал оправдывать свою привычку тем болезненным ненормальным, но приятным состоянием организма, которое непосредственно вызывает морфий в человеке*»⁴²¹. Однако взгляды Розанова воспринимались читательницами критически, большинство из них разделяло толстовскую позицию.

Свои убеждения Л.Н. Толстой практиковал в собственной семейной жизни. С.А. Толстая признавалась, что Лев Николаевич «*пугался и не любил*», когда она выходила из «*областей интереса детской*» и всячески пресекал попытки жены отстраниться от исполнения материнских ролей⁴²². Известно, что при рождении первых детей он запрещал Софье Андреевне прибегать к услугам кормилиц и нянь, заставляя ее самостоятельно ухаживать за детьми, с целью наиболее полного раскрытия у жены материнского инстинкта. Однако, судя по воспоминаниям С.А. Толстой, «эксперимент» мужа провалился, так как с рождением все новых детей стало очевидным, что в одиночку, без помощи прислуги, справиться с уходом за многочисленными детьми и их воспитанием невозможно. Таким образом, озвученная Л.Н. Толстым концепция «сознательного материнства» во многом соответствовала патриархальному восприятию женщины исключительно как матери. Взгляды Льва Николаевича отличались тем, что под материнством классик понимал не только биологическое предназначение, но и проявление социальной

⁴¹⁹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М., 1965. С. 162.

⁴²⁰ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 140, 148-149.

⁴²¹ Там же. С. 148.

⁴²² Толстая С.А. Моя жизнь // Журнальный зал. 1998. № 9 / <http://magazines.russ.ru/authors/t/stolstaya/> (дата обращения 10.02.2014).

(гражданской) сущности женщины. Прежде наличие особой гражданской позиции у женщины воспринималось как проявление ее Другой сущности, вне традиционно предписанных и биологически predetermined ролей. Так, на обложке журнала «Рассвет» 1859 года символично был изображен гений образования, который будил спящую женщину. Она говорила ему: *«Мое предназначение быть матерью, женой и хозяйкой»*. Гений добавлял, что она еще *«и Гражданка в своем Отечестве»*⁴²³. Толстой объединил эти, казалось, несовместимые сферы женского бытия. Для него быть матерью представлялось наилучшей формой для реализации интеллектуального, нравственного потенциала каждой женщины. Остальные виды деятельности, по мнению классика, – второстепенны и малозначительны. Новый идеал «матери-гражданки» пропагандировали и популярные журналы для женщин. В частности, редакция журнала «Женщина» выбрала для себя лаконичный девиз, отражавший общественные идеалы настроения: *«Женщина. – Мать. – Гражданка. – Жена. – Хозяйка»*⁴²⁴.

О высоком христианском долге матери продолжали писать и говорить представители русской религиозной философии (В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков), священнослужители, которые отказывались рассматривать женщину вне ее семейных статусов и ролей. Русская религиозная философия защищала тип матери жертвенной, асексуальной, целомудренной, глубоко верующей, полностью посвятившей свою жизнь мужу и детям. Идеальная мать с позиции церкви – молящаяся, любящая, трудящаяся на благо мужа и детей⁴²⁵. *«Место и назначение девицы и женщины указано Богом и природою в семье, в домашнем обиходе, в пособии матери в домашнем хозяйстве и христианском воспитании себя и семьи»*⁴²⁶, – писал Иоанн Кронштадтский.

Идеи Толстого о роли женщины в обществе встретили слабую критику со стороны феминистского сообщества. Скептически к его мыслям отнеслась А.М. Коллонтай. Член социал-демократической партии Екатерина Николаевна Сахарова (Сахарова-Вавилова) называла его «барином», идеи которого далеки от реального

⁴²³ Обложка // Рассвет. 1859. № 1.

⁴²⁴ Женщина 1909. № 10.

⁴²⁵ М.З. Идеал женщины. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. С. 14; Иоанн Кронштадтский. Горькая правда о девушках и женщинах. СПб.: Тип. П.Е. Ознобищева, 1903.

⁴²⁶ Иоанн Кронштадтский. Горькая правда о девушках и женщинах. СПб., 1903. С. 5.

положения дел⁴²⁷. Однако в большинстве своем тезис писателя о святости материнского долга, представленный в его литературном и публицистическом творчестве, был настолько убедительным и заразительным, что под его влияние попали даже известные представительницы российского либерального феминизма (Н.В. Стасова, Е.И. Конради), для которых материнская тема изначально была чужда. Многие молодые матери, образованные, с активной жизненной позицией, пытались убедить себя в том, что именно исполнение материнских ролей – способ их социального служения и выражения гражданского долга.

Идея «сознательного материнства» звучала с трибун Первого Всероссийского женского съезда, который объединил сторонниц феминистской мысли. В частности, И.С. Исполатова, делегатка из Москвы, указывала: *«Мы знаем, что материнские функции женщины и непосредственная связь ее с ребенком, даже еще не родившимся, не только не умаляют ее духовной ценности, но, наоборот, развивают в ней чувства духовного подъема, стремление к чему-то лучшему, чувство тесной связи с человечеством, желание как бы обнять весь мир и облегчить его страдания»*⁴²⁸.

В 1910-е годы на страницах журнала «Женский вестник» все чаще были представлены статьи, посвященные вопросам материнства. М. Рогович считала, что если и есть тема, которая способна объединить все партии, то это тема материнства. Особенно ее беспокоила проблема матерей-одиночек. В феминистском духе она возмущалась отношением общества к матери с внебрачным ребенком на руках, в то время как о его отце никто не задумывался. Рогович была убеждена, что мужчина должен содержать своих внебрачных детей. Она обратила внимание на то, что за политические права, равенство борются в основном бездетные женщины, хотя именно матери – та категория населения, которая в большей степени нуждается в правах и равенстве: *«Нет! Право голоса нужно именно матерям... Матери должны всеми силами стремиться получить право голоса, чтобы получить возможность ограждать интересы своих*

⁴²⁷ РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 146об-147.

⁴²⁸ Труды Первого всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург) // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998.

детей»⁴²⁹. В связи с этим она считала, что феминистские организации должны привлекать в свои ряды матерей, оказывать им всестороннюю поддержку. С подобным призывом выступала либеральная феминистка М. Пономарева⁴³⁰.

2.1.2. Превращение материнства в контролируемый социальный институт: от материнского просвещения к идеологии «профессиональной матери» начала XX века

Впервые о важности просвещения женщин, как будущих матерей было отмечено в нормативных документах екатерининской эпохи. Увлеченные просветительскими идеями Екатерина II и ее сподвижники направили многочисленные усилия на развитие женского образования. Они исходили из того, что женщин необходимо просвещать, чтобы они смогли стать благопристойными женами, матерями и домашними хозяйками⁴³¹. Только образованная дама, по мнению И.И. Бецкого, в состоянии была воспитать достойного гражданина страны. Он писал: *«Дабы все девушки не только обучились читать и писать, но имели бы и разум просвещенный различными знаниями... Будучи матерями, лучшие и рассудительнее воспитают своих и чужих, вверенных им детей»*⁴³². С конца XVIII века в отношении женщин стала утверждаться идеология воспитания «новой породы матерей», которая претворялась в жизнь на всем протяжении XIX века. Даже основателя Московских высших женских курсов профессора В.И. Герье, прежде всего, заботила мысль о воспитании достойных матерей. Таким образом, первым шагом, сделанным на пути формирования «нового материнства» в обществе, явилось «профессиональное» просвещение будущей матери.

«Материнское просвещение» реализовывалась в различных формах. Если в 1870–1890-х годах оно заключалось в издании специальной популярной медицинской литературы, введении курса педагогики и элементов физиологии в учебную программу женских гимназий, то с начала XX века этими вопросами

⁴²⁹ Рогович М. Долг государства по отношению к матерям и детям // Женский вестник. 1913. № 2. С. 51.

⁴³⁰ Пономарева М. Призыв к женщинам! // Женский вестник. 1909. № 5. С. 217-220.

⁴³¹ Мицюк Н.А. Гендерный аспект просветительства Екатерины II и эволюция ролей и статусов дворянок российской провинции XIX в. // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. С. 68-75.

⁴³² Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола / Сост. И. Бецкой. Т. 1. СПб.: Тип. Сухопут. кад. корпуса, 1774. С. 94.

стали заниматься организованные по частной инициативе благотворительные общества, предоставлявшие бесплатные консультации женщинам по вопросам ухода за детьми как в столице, так и в провинциальных городах⁴³³. В то же время необходимо отметить, что «материнское просвещение», открытие молочных кухонь, детских садов, бесплатных родильных стационаров на всем протяжении XIX века были призваны снизить уровень детской смертности и инфантицида прежде всего в среде низших классов. Что касается представительниц высших слоев общества, то здесь получила распространение идеология «экспертного материнства».

С развитием педиатрических знаний со стороны врачебного сообщества интеллигентным матерям было предложено стать экспертами в вопросах проведения беременности и ухода за детьми. Это означало, что беременная женщина, роженица, мать будет находиться в тесном контакте с врачом во всех вопросах, связанных с собственным репродуктивным здоровьем и здоровьем своего ребенка. Женщины в повседневных заботах о детях все чаще доверяли не своему внутреннему чувству, советам знакомых, а специалистам – квалифицированным педиатрам. Это явилось одной из причин зарождения педиатрического патронажа и консультирования в дворянских и интеллигентных семьях. Формировался тандем в лице озабоченной развитием своего чада матери и частнопрактикующего врача.

Мать-эксперт обязана была быть не просто просвещенной, но и читать многочисленную педагогическую литературу и применять полученные знания в своей семье. Если в медицинских и педагогических работах 1870–1890-х годов предписания экспертов в отношении матерей носили рекомендательный характер, то со временем они становились все более категоричными. Женское тело, его репродуктивная функция становились объектом пристального внимания для экспертов. В 1916 году, например, в журнале «Женская жизнь» была опубликована заметка, которую автор символически озаглавил «Культ тела и культ матери»⁴³⁴. Врачи диктовали женщинам во что одеваться, как вести себя до и после

⁴³³ Мицюк Н.А. Благородные дамы – зачинатели организованной социальной помощи детям дореволюционной России (на материалах Смоленской губернии) // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 2. С. 43-53.

⁴³⁴ Торе Гам. Культ тела и культ матери // Женская жизнь. 1916. № 9-10. С. 1-2.

замужества, как часто иметь половые отношения с мужем, как проводить беременность, рожать, кормить грудью, превращая их поведение в контролируемый аскетизм. Сексуальные отношения женщины во время беременности, кормления грудью большинством экспертов считались недопустимыми и противоестественными как с моральной, так и с физиологической стороны. Некоторые из них приписывали подобные практики к разряду извращений. Попытки вмешаться в процесс ограничения женской репродукции посредством использования контрацептивов, встречали яростную общественную критику⁴³⁵.

В отношении женщин формировались, так называемые, «*политики тела*»⁴³⁶ (М. Фуко), которые можно рассматривать как способ управления и контроля над ними. Теоретики феминистских и гендерных исследований (Дж. Батлер, А. Дворкин, Э. Гросс⁴³⁷) «*сексуальные и репродуктивные политики тела*» относили к патриархальному обществу, в котором женщина играла роль сексуального объекта и «рожающей машины». В индустриальную эпоху «политики тела» приобрели скрытую форму. С развитием движения женской эмансипации власть всерьез обеспокоилась чрезмерной активностью женщин, в связи с этим новая идеология материнства стала особенно актуальной, так как она возвращала женщин в лоно семьи, ограничивая сферу их деятельности все тем же деторождением и воспитанием детей. «Идеальная мать», равно как и «идеальная женщина», не принадлежала себе, она должна была идеально выполнять многочисленные указания «экспертов», а если и иметь собственные взгляды, то исключительно в рамках предписанных правил, наставлений, рекомендаций. На женщину смотрели с позиции долженствования, все, что противоречило предписанным нормам, приобретало характер инвертированности в глазах современников. Незамужняя, бездетная женщина воспринималась как патология. В этом состояла вся парадоксальность движения эмансипации в России. Образованные дворянки

⁴³⁵ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Изд. Брейтигама, 1908. С. 72; Якобсон Л. Половое воздержание перед судом медицины // Русский врач. 1905. № 18.

⁴³⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 199-200.

⁴³⁷ Butler J. Bodies That Matter: On Discursive Limits of "Sex". New York: Routledge. 1993; Дворкин А. ГИноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерных исследований. Сб. пер. / Сост. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск, 2000. С. 7-28; Dworkkin A. Pornography: Men Possessing Women. New York: Perigee Books. 1981.

полагали, что свобода и возможность гендерной реализации им доступна в большей степени, чем их предшественницам. На деле все сценарии для «истинной женщины» были сконструированы экспертами, воспевающими роль «сознательной матери». В конечном итоге материнство вновь и вновь приобретало форму *«принудительного института культуры»*⁴³⁸ (А. Рич).

С начала XX века получила распространение идея профессионализации материнства. Впервые высказываться в пользу того, что материнство может стать профессией для дворянок стал Л.Н. Толстой. Русский классик, оценивая женщину исключительно сквозь призму материнства, осуждал любые внесемейные формы ее деятельности. В «Крейцеровой сонате» звучала критика в отношении российских феминисток, которые ратовали за образование и права представительниц слабого пола, не замечая повсеместного распространения рабства в виде семейного насилия, когда женщина рассматривалась исключительно в качестве «орудия наслаждения». Дворянок, стремящихся к экономической независимости, к профессиональной реализации, он сравнивал с проститутками (последние, по мнению автора, продают тело, а первые, – душу). В его представлении даже незамужние, бездетные женщины должны трудиться исключительно во имя охранения семейных ценностей: *«Всякая несемейная женщина, не хотящая распутничать телом и душою, не будет искать кафедры, а пойдет насколько умеет помогать родительницам»*⁴³⁹. В этом отношении позиция Н.И. Пирогова, озвученная в известной статье «Вопросы жизни», где он доказывал способность женщины к широкой профессиональной деятельности⁴⁴⁰, а также зарождавшаяся идея женской эмансипации были антиподом концепта всепоглощающего материнства.

Ограничить социальную активность матерей из высших сословий на протяжении двух десятилетий с 1880-х годов пытались не только в теории, но и на практике. В педагогических кругах активно обсуждался вопрос (повод к нему был дан двусмысленностью закона), уместен ли вид беременной женщины в стенах учебных заведений. Кроме этого, высказывались мысли о неспособности женщины

⁴³⁸ Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs. 1980. № 5. P. 531-560.

⁴³⁹ Толстой Л.Н. Письмо к Н.Н. Страхову от 19 марта 1879 // Собр. соч. в 22 т. М., 1984. Т. 17. С. 687.

⁴⁴⁰ Дмитриева Н.А. Н.И. Пирогов и «женский вопрос» в России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 1. С. 22-23.

с детьми должным образом исполнять свои рабочие обязанности. На некоторое время были закрыты высшие учебные заведения для женщин, что также преследовало цель ограничить их личную и социальную свободу, а также сферу общественной деятельности узким перечнем дозволенных профессий. Однако мощный женский отклик на проводимые нововведения привел к тому, что власти были вынуждены отказаться от намеченных планов.

Медицинское сообщество также сыграло значительную роль в оформлении новой социальной роли женщины – профессиональной и ответственной матери. Нередко их идеи оказывались амбивалентными и утопичными. В качестве яркой иллюстрации – концепция врача Евсея Яковлевича Гинденса, активно участвовавшего в деятельности по охране материнства. В своих публикациях он раскрывал понятие *«истинного материнства»*. Сам по себе термин нес значительную оценочную нагрузку, так как все, что противоречило ему, автоматически превращалось в «неистинное» материнство. Несмотря на то что Е.Я. Гинденс признавал деятельность женщин на *«иных поприщах»*, а идеи феминизма ему были не чужды, он был убежден, что настоящее призвание женщины – воспроизводить и воспитывать детей, все остальное для нее второстепенно. *«Ее физическая жизнь, как и ее отражающее эту жизнь психическое чувство, – все направлено, все приноровлено, почти исключительно, к воспроизведению и в очень малой степени для внешней работы. Борьба за существование, работа для поддержания жизни – не есть удел женщины»*⁴⁴¹, – писал врач. Е.Я. Гинденс считал, что женщина имеет право на самоопределение, наравне с мужчиной может трудиться на любых поприщах, но до тех пор, пока ее деятельность не претит материнству: *«Женщина... не должна забывать своего полового отличия, которое все же кладет на нее свой отпечаток, и если она «человек» вообще, хочет быть и матерью в частности..., то здесь уже к ней должны быть применены особые специфические требования, связанные по существу дела с ее полом»*⁴⁴². Его центральная идея противоречила концепции феминизма. Зов природы для него был первичен в определении женской идентичности. Он считал, что хорошо подготовленная к своему делу мать обязана профессионально выполнять четыре

⁴⁴¹ Гинденс Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 54.

⁴⁴² Там же. С. 55.

основные функции: роженицы, кормилицы, воспитательницы и друга подрастающего поколения. Е.Я. Гинденс полагал, что общественность должна направить усилия для борьбы с «обстоятельствами», мешающими женщинам исполнять материнский долг. Потребность женщин зарабатывать средства на содержание ребенка, по мнению врача, важно устранить посредством введения социального страхования по беременности и родам. Он был убежден в невозможности совмещения ухода за ребенком с социальной активностью⁴⁴³. Врач считал противоестественным тот факт, что женщины, *«не толкаемые нуждой»*, стремятся к профессиональной деятельности, тем самым *«обесценивая труд материнства»*. Им должна противостоять новая концепция материнства и ее популяризация среди широких слоев населения. Таким образом, взгляд Е.Я. Гинденса был типичен для мужского сообщества «экспертов»: он признавал способность женщины к социальной активности, но в то же самое время подчеркивал, что «истинная мать» не должна ничем заниматься, кроме как уходом за ребенком и его воспитанием.

Теоретики педагогической мысли в своих работах проповедовали важность специальной подготовки девушек к предстоящему материнству. «Сознательная мать» обязана быть не просто просвещенной, она должна была читать многочисленную педагогическую литературу и применять полученные знания в своей семье. Популярность этих идей была настолько сильна, что нередко женщины в собственных дневниках терзались отсутствием достаточной подготовки к своим материнским обязанностям. Провинциальная дворянка, будучи матерью двух дочерей, рассуждала: *«Нынче у меня часто является сознание своей плохой научной подготовки и необходимости во всестороннем образовании. Это образование нужно мне как матери. Пока они маленькие, я сознаю, что обязанности свои к ним я исполняю по возможности хорошо, но придет время, когда им недостаточно будет разумной няньки, какой я пока и есть для них. И тогда что?.. (У меня уже 2 дочери)»*⁴⁴⁴.

⁴⁴³ «Нельзя одновременно делать много разных работ, из коих каждая требует себе всецело и полного посвящения, полной отдачи. Нельзя правильно кормить грудного ребенка через 3-4 ч... и в то же время уходить на работу на 6-8 ч и более подряд» (Гинденс Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 56).

⁴⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 23.

Освоение новых педагогических веяний стало модным увлечением интеллигентных женщин. Педагогические теории проникали на страницы научно-популярной, художественной литературы, дамских журналов. У материнского воспитания появились специальные задачи («задачи матери»)⁴⁴⁵, мать становилась ответственным участником педагогического процесса, вектор которого задавали профессионалы – педиатры и педагоги. На страницах популярного журнала «На помощь матерям» регулярно размещались статьи, авторы которых создавали образ «новой матери», поглощенной материнскими обязанностями. От «новых матерей» эксперты требовали профессионального исполнения своих обязанностей. Женщинам настойчиво вменялось вести дневники («свою лучшую книгу»⁴⁴⁶), в которых родительницы должны были фиксировать собственное состояние во время беременности, а затем особенности ухода за ребенком. В архивах хранятся многочисленные отрывки из дневников неизвестных дворянок, где они подробно делились своими переживаниями материнства⁴⁴⁷. Эти записи, помимо задач педиатрической и педагогической, несли и другую, не менее важную, миссию. Дневниковые наблюдения основательно «привязывали» мать к ребенку, закидывали ее на любых проявлениях его развития. Из естественной женской функции они превращали уход за младенцем в профессиональный труд, нацеленный на публичность. Среди дворянок особую популярность приобретали идеи Ф. Фребеля и М. Монтессори, родители увлекались развивающими игрушками, которые все чаще можно было встретить в продаже. Развитие получили родительские кружки и ассоциации. «Новые матери» романам предпочитали научную литературу⁴⁴⁸. Священной книгой для матерей этой категории стал труд врача-просветителя В.Н. Жука «Мать и дитя».

Некоторые авторы под влиянием феминистских идей полагали, что «материнское влияние» должно выйти далеко за рамки семьи, проникая во все сферы человеческого бытия. В частности, авторы сборника «Женщина в семейной и социальной жизни» писали: *«Наше время возлагает еще более широкую задачу*

⁴⁴⁵ Валекса В. О Задачах материнского воспитания // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 5-11; Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 13.

⁴⁴⁶ Розеггер П. Мать, пиши свою лучшую книгу // Семейное воспитание. 1914. № 8-9. С. 43-50.

⁴⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-14; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 30; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 32.

⁴⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 601. № 1658. Л. 17.

на женщину: оно все более и более требует материнского содействия женщины во всех общественных и государственных делах...»⁴⁴⁹.

Важно и то, что врачи, педагоги, призывая мать полностью посвятить себя воспитанию детей, фактически лишали ее права на иные сферы деятельности. Открыто они не призывали матерей отказаться от социальной активности, однако представить себе женщину, которая соответствовала всем выдвигаемым требованиям, к тому же занятую профессиональным трудом, – невозможно. Некоторые авторы вообще были убеждены, что женщина-мать не имеет морального права на деятельность, даже внутри домашнего пространства, не связанную с уходом за ребенком или его воспитанием: *«Было бы желательным, что бы женщина, имеющая маленьких детей, вообще не работала вне дома, так как это лишает ее возможности воспитывать их, мать должна посвящать для работы посторонней только те часы, когда ребенок спит или вынесен погулять»*⁴⁵⁰. Таким образом, новейшая трактовка материнства состояла, прежде всего, в том, чтобы женщина свое образование, энергию, силу духа направила исключительно из «вне» во «внутри» дома и семьи, из публичного в частное. Очевидно, что подобные тезисы имели мало общего с идеей женской эмансипации, однако получали поддержку даже среди феминисток, так как затрагивали область иррационального, чувственного в женщине – ее материнский инстинкт. Так, А.Т. Михайлова, член Попечительства об охране материнства, несмотря на свои феминистские взгляды, видела в материнстве основной гражданский долг каждой женщины: *«Материнство – служение родине, а поэтому каждая мать отвечает не только перед ребенком, но и перед государством за его воспитание»*⁴⁵¹.

Настоящим призывом стать профессиональными матерями было произведение известной участницы женского эмансипационного движения, писательницы Евгении Ивановны Конради⁴⁵². Она, в том числе опираясь на собственный антропологический опыт, раскрывала новый тип матери: образованный, погруженный в воспитательный процесс, – пропагандируя материнство не как биологическую функцию женщины, а как форму ее

⁴⁴⁹ Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901. С. 64.

⁴⁵⁰ Там же. С. 70.

⁴⁵¹ Михайлова А.Т. Музей по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 510.

⁴⁵² Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899.

социального служения (в книге «Общественные задачи домашнего воспитания. Книга для матерей»). Ею была опубликована во многом автодокументальная работа «Исповедь матери». В противовес существовавшей тенденции воспринимать предстоящее материнство с чувствами озабоченности, страха (именно об этом свидетельствует женская автодокументалистика⁴⁵³), она вменяла женщинам готовиться к данному событию как к лучшему в жизни, встречая рождение нового гражданина с трепетом, радостью и гордостью. Е.И. Конради красноречиво доказывала, что материнство облагораживает женщину, делает ее разумнее, цельнее и совершеннее. Она убеждала женщин, никогда не практиковавших самостоятельное грудное вскармливание, в том, что это величайшее наслаждение и уникальный телесный опыт, который делает мать предметом первой привязанности для новорожденного и является источником огромной материнской любви⁴⁵⁴. Несмотря на всю убедительность слов феминистки, ее пример продемонстрировал насколько идеи «сознательного материнства» расходились с реальным положением дел, чаще являясь модным патетичным призывом, не подкрепленным на практике. Вопреки своим убеждениям, Е.И. Конради была вынуждена прибегнуть к услугам кормилиц, в процессе воспитания детей она отказалась от многих, обоснованных ею же установок «сознательной матери». В то же время сам факт включения активной участницы женского движения в диспут о материнстве говорит о том, что «материнское движение» в России имело самый широкий спектр участников.

Восприимчивыми идей святости материнства были не только известные столичные дамы, но и провинциалки. Александра Знаменская, родив первых детей, на страницах собственного дневника не переставала убеждать себя в том, что именно роль матери для нее является основной. *«Все-таки теперь самая главная поэзия для меня – это дети. Они для меня все»*⁴⁵⁵, – успокаивала она себя. Несмотря на насущную потребность и потенциальную способность реализации в

⁴⁵³ ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 63-63об; РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 27, 28; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979; Жуковская Е.И. Записки. Воспоминания. М.: Изд-во Аграф, 2001. С. 101 и др.

⁴⁵⁴ Конради Е.И. Исповедь матери / Сочинения в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 341.

⁴⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 27.

других сферах, она продолжала твердить, что только материнство ее истинное призвание, которое позволит ей приносить пользу обществу.

Единым фронтом выступали врачи, представители церкви, феминистки, писатели и публицисты. Зарубежная исследовательница Дж. Каминерс полагает, что именно в русской литературе активно конструировался образ «идеальной матери», в том числе посредством карикатурного изображения «плохих матерей»⁴⁵⁶. А.П. Чехов в своих юмористических зарисовках язвительно отзывался о роли женщины в общественной жизни, называя ее деятельность «вредной» и «злокачественной». Он считал, что материнство способно облагородить каждую женщину и предоставить ей возможность не быть бесполезной: *«Только одно и симпатично в ней, а именно то, что она производит на свет таких милых, грациозных и ужасно умных душек, как мужчины... За эту добродетель простим ей все ее грехи»*⁴⁵⁷, – писал классик. Н.С. Лесков также убеждал читательниц, в том, что мужчины чтят в женщине, прежде всего, «семьянинку»⁴⁵⁸. И.А. Гончаров считал в женщине ценными только те качества, которые связаны с ее функциями супруги и матери. В своих литературных произведениях, критических статьях и заметках он выступал против идей свободной любви и возможности реализации женщины вне брачно-семейных отношений⁴⁵⁹.

Быть матерью в глазах общественности становилось не просто проявлением биологической функции женщины, а ее призванием, наполняющим смыслом всю ее жизнь. Публицистка и общественная деятельница Мария Николаевна Анзимова, мать шестерых детей, считала материнство тем, что выгодно отличает женщину от мужчин, делая ее совершеннее и разносторонне развитой. В отличие от Л.Н. Толстого, который видел в деторождении единственную миссию женщины, М.Н. Анзимова оценивала материнство как уникальную способность женщины.

⁴⁵⁶ Kaminer J. Women with a Thirst for Destruction: The Bad Mother in Russian Culture. Northwestern University Press, 2014.

⁴⁵⁷ Чехов А.П. О женщинах / Полное собрание сочинений в 30 т. 1974–1983. Т. 5. М.: Литературное наследство. С. 113.

⁴⁵⁸ Он писал: *«Наша страна такова, что она семьей крепка; наши нравы таковы, что мы чтим в женщине более всего хорошую семьянинку, и от этого идеала наш истинный русский человек не отступится»*. (Лесков Н.С. Специалисты по женской части // Литературная библиотека. 1867 № 9. С. 229).

⁴⁵⁹ Краснощекова Е. «Семейное счастье» в контексте русского «романа воспитания» (И.А. Гончаров и Л.Н. Толстой) // Русская литература. 1996. № 2. С. 47-65.

Ее аргументация была предельно проста: женщина при желании способна стать кем угодно, в то время как мужчина никогда не познает радости деторождения⁴⁶⁰.

С женщиной-матерью связывали надежды духовного возрождения общества. Со страниц публицистической литературы раздавались призывы к материнскому движению. Евгений Юстинович Лозинский писал: *«Будущее – это возможность счастья для каждого, возможность полного материнского счастья для женщины, свободно располагающей своей жизнью и судьбой»*⁴⁶¹. Он полагал, что в конечном счете *«женщина-мать вернется в лоно семьи, станет на высоту своего единственно-естественного призвания и всецело предастся исключительно своему делу: рождению, кормлению и воспитанию детей»*⁴⁶². Лозинский был уверен, что материнство – это та платформа, которая объединит широкие общественные круги и позволит женщинам совместно отстаивать свои права, защищать свободы и, тем самым, придаст эмансипационному движению осмысленность.

Важным является то, что врачи, педагоги, литераторы не просто создавали образ «новой матери», они обрушивались с критикой на «безразличных» и «апатичных» матерей. Быть плохой матерью становилось преступлением в глазах общественности. Ряд врачей сравнивали слабый материнский инстинкт у молодых женщин с распространением мастурбации у мужчин. И то и другое приписывали к проявлению социальных извращений⁴⁶³. Даже в переводной литературе, авторами которой были либеральные европейские врачи, попытки женщины избежать материнства или ее притязания на активную социальную деятельность (что авторы относили к прерогативе мужчин) трактовались как неестественное и чрезвычайно «прискорбное явление». Французский врач А. Дебэ, автор откровенных произведений о сути сексуальных отношений, писал: *«Добровольное отречение от рождения и воспитания детей... представляет в высшей степени прискорбные явления... В основе такого грустного факта лежит моральная порча, зависящая*

⁴⁶⁰ Анзимилова М.Н. Правда о мужчинах (По поводу брошюры Л.Н. Толстого «Правда о женщинах»). М.: Д.П. Ефимов, 1905. С. 8.

⁴⁶¹ Лозинский Е.Ю. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства / К свету. Научно-литературный сборник. СПб.: Изд. Комитета Общества доставления средств, 1904. С. 49.

⁴⁶² Там же. С. 63.

⁴⁶³ Яковлев В.С. Плоды разврата. СПб.: Тип. А.Е. Ландау, 1904. С. 13-14.

*от дурного воспитания. Нельзя оправдать и стремление женщины заменить мужчину в труде и занятиях, приличных и свойственных мужскому полу»*⁴⁶⁴. Доминировавшая точка зрения заключалась в том, что какой бы ни была женщина, где бы ни трудилась, чего бы ни достигла, если она не является матерью, значит она не полноценна. *«Женщина, оторванная от власти материнства, оторванная от его обязанностей, представляет существо беспочвенное, неустойчивое, легко впадающее в безнравственность и разврат. Лучшие стороны ее души умирают, не развившись без употребления»*, – писала женщина-врач в начале XX века⁴⁶⁵.

Апогей в развитии идей «профессионального материнства» был достигнут в начале XX века, хотя предложения открыть специальные школы для будущих матерей появились еще в конце XIX века. В частности, на страницах журнала «На помощь матерям» сообщалось: *«Осмысленность и умение не присущи каждой матери, многие из них нуждаются в разумном руководстве и знаниях для успешного выполнения на практике дела воспитания своих детей... Поэтому необходимы учреждения, в которых каждая молодая девушка могла бы подготовляться, запасаться опытом и знанием...»*⁴⁶⁶. По мнению авторов, «курсы для матерей» должны воспитать «новых русских матерей». Читать педагогическую и медицинскую литературу было уже недостаточно для того, чтобы являться «достойной матерью». Предлагалось открывать курсы, выставки, проводить обучение в рамках благотворительных обществ, чуть ли не сдавать экзамен на знание основ материнства. В одном из номеров «Женского вестника» 1909 года была помещена статья Е. Лемешова, в которой он обосновал тезис: женщина может быть кем угодно, но только не матерью⁴⁶⁷. Свое провокационное утверждение он обосновывал тем, что женщины совершенно не подготовлены к этой роли (не образованы, не знают элементарных сведений о воспитании ребенка), либо не

⁴⁶⁴ Дебэ А. Брак и безбрачие. СПб.: Тип. Т. Рис, 1900. С. 38-39.

⁴⁶⁵ Дренгельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книг-во Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 218.

⁴⁶⁶ Школы для матерей // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 30-31.

⁴⁶⁷ «При современном положении вещей, при настоящих экономических условиях, большинству женщин нормальная жизнь, то есть материнство, не доступна и не только тем, которые не замужем или не имеют детей, но и тем, которые живут семейной жизнью и имеют детей, и им материнство тоже недоступно, так как настоящими матерями они быть не в состоянии или по недостатку средств или по недостатку знаний» (Лемешов Ев. О материнстве // Женский вестник. 1912 № 3. С. 70; Вахтина М. Кем не может быть женщина // Женский вестник. 1911. № 10. С. 198).

обеспечены в должной мере средствами, а значит, не должны брать на себя столь высокую ответственность – быть матерью.

Особой активностью в условиях военного времени отличались члены Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. К началу 1915 года отделения Попечительства были открыты не только в губернских, но и во многих уездных городах⁴⁶⁸. Основным направлением в деятельности Попечительства стала забота о здоровье грудных детей, меры по борьбе с младенческой смертностью, мероприятия по формированию системы государственной защиты материнства и детства⁴⁶⁹. В рамках Попечительства началась подготовка сестер по уходу за новорожденными детьми⁴⁷⁰. Программа подготовки отражала основные направления развития научного знания того времени. Среди курсов значились: «Вскармливание грудного ребенка», «Смешанное вскармливание», «Искусственное вскармливание», «Недоношенные дети», «Консультации, капли молока, молочные кухни». Члены Попечительства, а также широкий круг педиатров, гигиенистов, педагогов, санитарных врачей предлагали меры не только по поддержке матерей из социальных низов, но выступали с предложениями кардинально изменить сам институт материнства⁴⁷¹. Они осознавали тот факт, что государство и филантропические организации не в состоянии противостоять детской смертности. Им на помощь, по мнению экспертного сообщества, должна была прийти «новая мать», которая относилась к своим материнским обязанностям не просто сознательно, но и с высокой долей профессионализма. Идея «нового материнства» реализовывалась в форме просветительства для матерей из социальных низов и материнского образования для матерей из интеллигентных классов.

⁴⁶⁸ Отчет о деятельности местных органов Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1915 год. Пг.: Гос. тип., 1917.

⁴⁶⁹ Редлих А.А. Страхование материнства, как мера охраны его // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 129-146; № 3. С. 245-254; Герасимов В.П. К.А. Раухфус // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 19-29; Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. Пг., 1917. С. 43-44; РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 87.

⁴⁷⁰ Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 43-44; РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 87; Учебные планы и программы школы сестер Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. Пг.: Гос. тип., 1917.

⁴⁷¹ Мицок Н. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX в. // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21-33.

Несмотря на военное время, пропаганда «профессионального материнства» продолжилась. Своеобразным апофеозом инициатив гигиенистов, педиатров, педагогов стало предложение, прозвучавшее в 1914 году, провести «выставку детей» в Москве. Ранее выставки, посвященные уходу за грудным ребенком, практиковались по частной инициативе в отделениях родильных отделений. В частности, в родильном доме им. С.В. Лепехина несколько лет работала выставка по уходу за ребенком и его вскармливанию⁴⁷². В рамках намечавшейся выставки детей в 1914 году предполагалось, что «эксперты» в вопросах ухода за детьми примут экзамен на звание «истинной матери». Женщины в сопровождении нянь должны были привезти своих малышей, а компетентная комиссия, исследовав столь ценный продукт труда, обязалась вынести вердикт. *«После осмотра всех «экспонатов» будут присуждены золотые, серебряные и бронзовые медали и почетные дипломы матерям премированных детишек»*⁴⁷³, – сообщалось в объявлении. В условиях призыва к высокой нравственности подобные предложения, по своей сути, были антигуманными. Дети становились объектами экспертных оценок, а материнство превращалось в профессиональную деятельность, которая требовала определенных стандартов поведения.

Актуальность материнской темы была такова, что в 1915 году появился журнал «Охрана материнства и младенчества», который на непродолжительное время стал центром публичных обсуждений инициатив в этой области. А. Словцова разработала программу курсов для матерей, опубликовав ее в 1915 году на страницах «Женского вестника»⁴⁷⁴. В 1916 году в Петрограде при содействии Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества в качестве эксперимента на один семестр были открыты курсы для матерей по вопросам воспитания и ухода за детьми дошкольного возраста. Слушательницам были предложены следующие предметы: физиология и гигиена ребенка, уход за больным ребенком, этика, эстетика, мироведение, психический мир ребенка и т.д.⁴⁷⁵.

⁴⁷² Охрана грудного ребенка в Московских городских лечебных учреждениях: Постоянная показательная выставка по уходу за ребенком и его вскармливанию при Родильном доме им. С.В. Лепехина. М.: Гор. тип., 1913.

⁴⁷³ N. В Москве предлагается организовать выставку детей // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 72.

⁴⁷⁴ Словцова А. В защиту «курсов для матерей» // Женский вестник. 1913. № 2. С. 82-84.

⁴⁷⁵ Деятельность Попечительства охраны материнства и младенчества в 1916 году // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 2. С. 15-16.

В 1916 году было организовано «Всероссийское общество памяти В.Н. Жука». Общество впервые объединило различных специалистов, среди которых оказались акушеры, педиатры, педагоги, психологи, призванные реализовывать программы по развитию материнского просвещения. Их усилия воплотились в съемке первой короткометражной ленты для матерей под руководством профессора Кузьмина – «Что нам следует знать»⁴⁷⁶. Лента была направлена на пропаганду профессионального материнства. В представленном сюжете авторы подробно рассказывали об особенностях ухода за ребенком от рождения до десятимесячного возраста. Среди медицинского сообщества появилось предложение открыть музей материнства. А.Т. Михайлова была убеждена, что основанный музей станет важным центром просветительства женщин⁴⁷⁷. Она полагала, что в нем будет находиться несколько отделов, среди которых – «Мать», «Дитя», а также отдел, освещающий положение родовспоможения в России и причины высокой детской смертности.

Итак, параллельно с женской эмансипацией в российском обществе обсуждался вопрос, по сути, ей противоположный – о первостепенной важности материнских ролей. Интеллигентной женщине вменяли в обязанность быть матерью, прежде чем она могла бы стать врачом, педагогом, ученым, благотворительницей. Российская общественность с особым рвением пыталась вернуть слабую половину человечества в рамки ее биологического предназначения. Раздавались возгласы «физически и духовно» возродить материнство и образ женщины-матери⁴⁷⁸. Идеология «сознательного материнства», по сути, являлась ничем иным, как способом контроля («политикой тела» – М. Фуко⁴⁷⁹) над эмансипирующейся женской сущностью.

Женщины, особенно в условиях российской провинции, пытавшиеся реализовать себя на иных, кроме материнства, поприщах, сталкивались с острой

⁴⁷⁶ Троицкий И.В. Охрана материнства в Харькове // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 155.

⁴⁷⁷ Михайлова А.Т. Музей по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 507-518.

⁴⁷⁸ Ахелис Т., Блох И., Бельше В. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни. В 3 т. Т. 2. / Ред. А.С. Догеля, А.Н. Шабановой. СПб.: Просвещение, 1917. С. 667.

⁴⁷⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 226.

критикой в свой адрес. Дворянка, мать троих детей, увлекавшаяся благотворительностью и меценатством, с удивлением отмечала настороженное и даже враждебное отношение провинциального общества к ее деятельности (речь шла о начале XX века). Многие из ее знакомых полагали, что она «забрасывает детей», занимается «не своими делами». Они называли ее жизнь «беспутной», так как дворянка вместо постоянного «сидения» с детьми находила время на иную (социальную) деятельность⁴⁸⁰. Подобная критика лучше любых дифирамбов в адрес «сознательных матерей» приводила к тому, что даже бывшие великосветские дамы превращались в заботливых матерей. Образ идеальной матери, сформированный философским, педагогическим, врачебным дискурсами, предполагал асексуальность (десексуализированную любовь), самоотверженность, способность приспосабливаться, пассивность, скромность, духовность и ответственность за жизнь ребенка и всей нации. Конструкты женского и женственного тесным образом были привязаны к материнству, что оказывало существенное влияние на гендерный порядок в обществе. Материнская любовь, материнский инстинкт приписывались к важнейшим проявлениям феминного, в то же время лишая женщин поисков собственного «Я» и реальной эмансипации.

Важно и то, что женщины воспринимали идеологию «идеального материнства» за свое истинное предназначение. В данном случае имеют актуальность слова известного знатока женской психологии Карен Хорни, которая писала, что женщины, приспосабливаясь к желаниям и запросам мужчин, часто принимают эту *«адаптацию за свою истинную свободу»*. По мнению К. Хорни, женщины стараются видеть себя такими, *«какими хотят их видеть мужчины, бессознательно усваивая подсказку мужской мысли»*⁴⁸¹. Подобная обновленная трактовка женственности если и встречала критику, то исключительно со стороны «новых женщин» эпохи.

2.1.3. Концепции «свободного» и «интенсивного» материнства как новые стратегии женской самоидентификации

⁴⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 11.

⁴⁸¹ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 28.

Ряд зарубежных исследователей, среди которых З. Эппл, полагают, что новая идеология материнства способствовала росту материнской власти⁴⁸². Сложно согласиться с данным утверждением, говоря о России. Многочисленные женские дневники эпохи убедили меня в обратном. Во-первых, матери, погруженные в воспитательный процесс, сконцентрированные на собственных детях, были глубоко несчастны. Их раздирало острое противоречие между желанием личностного роста и следованием предписаниям экспертного сообщества. Дети не приносили всей полноты счастья. Во-вторых, все конструкты идеального материнства отражали все же мужские представления об идеальной женщине и являлись решением мужской части властного и врачебного сообщества по улучшению демографической обстановки в стране. В связи с этим в среде российского сообщества появились две концепции материнства, которые впервые отражали интересы не просто матерей, но и женщин. Их апологетами были преимущественно эмансипированные особы. Речь идет об идее «свободного» («voluntary motherhood»⁴⁸³) и «интенсивного материнства» («intensive mothering»⁴⁸⁴) материнства.

В начале XX века в среде эмансипированных женщин, а также в профессиональном сообществе акушеров и гинекологов стала утверждаться новая концепция материнства, в основе которой – свобода репродуктивного выбора. Идея «свободного материнства» была тесно связана с проблемами политических, социальных прав женщин и отражала новые веяния в половой морали населения. Традиционная идеология патриархальной семьи принуждала женщину осуществлять свою репродуктивную функцию, в то время как в условиях разорения дворянских семей прокормить многочисленное потомство становилось все сложнее. Складывалась парадоксальная ситуация: женщины не хотели бесконечно рожать, мужчины не способны были обеспечить многочисленные семейства, – и все это на фоне доминирования ценностей патриархальной семьи. Сложившаяся дилемма нашла разрешение в негласно утвердившемся принципе «свободного материнства». Так дворянки стремились преодолеть существовавший

⁴⁸² Apple R.D. Mothers and medicine: a social history of infant feeding, 1890–1950. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1987.

⁴⁸³ Gordon L. The Moral Property of Women: A History of Birth Control Politics in America. Chicago. University of Illinois Press, 2002.

⁴⁸⁴ Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996.

«двойной стандарт»⁴⁸⁵ (Б. Фридан) по отношению к репродуктивному поведению. Идеологически данная практика подкреплялась популярными среди образованных кругов концепциями мальтузианцев и неомальтузианцев, сторонники которых доказывали, что рост населения должен быть ограничен во имя всеобщего процветания. В то время как Т. Мальтус в качестве ограничителя деторождения рассматривал половое воздержание, его продолжатели активно защищали использование специальных средств контрацепции.

Американский исследователь Р. Стайтс полагал, что впервые идею репродуктивной свободы с «женским вопросом» в 1910-е годы увязала Софья Абрамовна Заречная, писательница и журналистка, разделявшая феминистские взгляды⁴⁸⁶. Однако есть все основания не согласиться с данным тезисом. Еще в 1860-е годы в пользу тягости обязательного деторождения стали высказываться представительницы первой волны русского феминизма. Они явились противницами биологически предопределенных жизненных сценариев. В связи с этим их поведение зачастую не соответствовало общепринятым социальным нормам (заключение фиктивных браков, ношение нетипичной для женщины того времени одежды, свободные интимные отношения вне брака и проч.). Многие из них практиковали отказ от деторождения или его значительно ограничивали. М.К. Цебрикова в «Предисловии к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» критично отмечала: *«Общество веками привыкло видеть в женщине помощницу и подругу мужчины, мать, то есть более или менее смышленную няньку и гувернантку»*⁴⁸⁷. «Сознательное материнство» для нее являлось недостижимым идеалом. На примере собственной жизни «шестидесятницы» доказывали возможность совмещения общественно-полезного труда и ограниченного материнства.

Концептуальное оформление идея «свободного материнства» получила на Западе. В 1870-х годах в рамках феминистских организаций США возникло движение за «добровольное материнство» («voluntary motherhood»), представительницы которого активно защищали примат женской свободы в сфере

⁴⁸⁵ Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994.

⁴⁸⁶ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 254-255.

⁴⁸⁷ Цебрикова М.К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» / <http://www.owl.ru> (дата обращения 21.12.2013).

репродукции⁴⁸⁸. В Западной Европе это движение приобрело теоретическое оформление. Известная шведская писательница начала XX века Эллен Кей считала воспроизводство и воспитание потомства святой обязанностью в жизни женщины, но в то же время она признавала право женщин на самостоятельное решение вопроса о количестве деторождений. Ее работы, в которых она обосновывала свободу материнства, имели широкую популярность в России; их переводили, обсуждали, цитировали⁴⁸⁹. Сочинение Э. Кей «Век дитя» было опубликовано в начале XX века, а через несколько лет переиздано под названием «Век ребенка»⁴⁹⁰. В 1905 году в России была переведена работа немки Руфи Брэ «Право на материнство»⁴⁹¹. Популярность среди российской интеллигенции имел труд немки Марии Инге, который дословно переводился как «Крик по ребенку» («Der Schrei nach dem Kinde»)⁴⁹². М. Инге называла материнство наивысшей ступенью женского развития, считая, что женское движение само по себе ведет к вырождению женщины, если оно не перейдет в движение материнское⁴⁹³. По мнению Оды Ольберг, которое она озвучила в книге «Женщина и интеллектуализм», женщина будущего будет иметь не более 2–3 детей, что позволит ей с легкостью совмещать материнство и общественную деятельность⁴⁹⁴. Немалый резонанс в российском обществе вызвала статья Ирины Дэ «Право на материнство», опубликованная в журнале «Русь» в 1904 году. Автор считала закономерным процессом сокращение числа детей в семьях во имя женской свободы и «сознательного материнства». Под влиянием этих идей даже бывшие ярые сторонники «истинного материнства» признавали, что от «патриархального плодородия» в конечном счете не выигрывает ни женщина, ни общество⁴⁹⁵.

⁴⁸⁸ Gordon L. The Moral Property of Women: A History of Birth Control Politics in America. Chicago. University of Illinois Press, 2002.

⁴⁸⁹ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909. С. 197-200; Лозинский Е.Ю. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства / К свету. Научно-литературный сборник. СПб.: Изд. Комитета Общества доставления средств, 1904. С. 31-79; Холмогорова В. Эллен Кэй о материнстве // Женский вестник. 1912. № 1. С. 7-10; № 2. С. 35-36.

⁴⁹⁰ Кей Э. Век дитя. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1906; Кей Эллен. Век ребенка. М.: Изд. В.М. Саблина, 1910.

⁴⁹¹ Брэ Р. Право на материнство. М.: Гросман и Кнебель, 1905.

⁴⁹² Inge M. Der Schrei nach dem Kinde. Leipzig. 1902.

⁴⁹³ Лозинский Е.Ю. Указ. соч... С. 52.

⁴⁹⁴ Olberg O. Das Weib und der Intellectualismus. Berlin, 1902.

⁴⁹⁵ Лозинский Е.Ю. Указ. соч... С. 58.

Таким образом, получив законченную формулировку на Западе, идея «свободного материнства» повсеместно распространилась в России. Если концепция «сознательного материнства» не была популярна среди русских феминисток, то идея женской репродуктивной свободы приобрела особую актуальность в рамках деятельности известных женских организаций («Русское женское взаимно-благотворительное общество», «Союз равноправности женщин», «Женская прогрессивная партия», «Российская Лига равноправия женщин»), в деятельности Первого Всероссийского женского съезда (1908 г.), Двенадцатого Пироговского медицинского съезда. Российскими феминистками был затронут важнейший вопрос, связывавший материнство и проблему женской свободы, – важность обретения женщиной своей субъективности, в том числе овладение свободой над собственным телом. В этой связи актуализировались идеи о репродуктивной свободе женщины, о необходимости использования контрацепции и о возможности легализации абортов по особым медицинским показаниям. Некоторые из эмансипированных активисток женского движения начала XX века с критикой обрушились на идею святости материнства. Выступая в рамках Первого Всероссийского женского съезда в 1908 году, делегатка от Москвы М.Б. Бландова в докладе «О современном положении русской женщины» называла «речи» о святом долге каждой женщины быть матерью и заботиться о домашнем очаге «избитыми», не соответствующими условиям современной жизни⁴⁹⁶. Участница съезда М. Вахтина в статье «Брачный вопрос в настоящем и будущем» писала, вероятно, под определенным влиянием «Крейцеровой сонаты», что современный брак зачастую превратился в узаконенную форму разврата. Она полагала, что жертвенная пушкинская Татьяна – в прошлом, современность требует от женщины свободы и действий. Сообразно феминистскому подходу М. Вахтина была убеждена, что в скором будущем должны утвердиться свободная любовь, свободные союзы

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 33; Бландова М.Б. О современном положении русской женщины / Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург) // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998 / http://www.owl.ru/win/books/rw/t2_2.htm (дата обращения 12.12.2013).

женщин и мужчин и свободное материнство, что приведет к полнейшему равноправию⁴⁹⁷.

Несомненно, огромное влияние на формирование концепта «свободного материнства» оказала философия Эроса в контексте русского символизма. Представители данного направления, среди которых философы, писатели и поэты, рассуждая о любви между мужчиной и женщиной, не рассматривали деторождение в качестве основного содержания их отношений. Владимир Соловьев в известной работе «Смысл любви» писал о том, что сущность половой любви не сводится исключительно к продолжению рода. При этом он косвенно высказывался в пользу ограничения деторождения, полагая, что в мир должны приходить не «различные образчики человечества», а только «лучшие»⁴⁹⁸. По мнению философа, между *«силой любовной страсти и продолжением потомства»*⁴⁹⁹ вообще нет никакой связи; наиболее искренние чувства в истории всегда оставались бесплодными. В материнской любви, несмотря на силу ее самопожертвования, он видел гибель женской индивидуальности: *«Мать, полагающая всю душу в детей, жертвует, конечно, своим эгоизмом, но она вместе с тем теряет и свою индивидуальность, а в них материнская любовь если и поддерживает индивидуальность, то сохраняет и даже усиливает эгоизм... В материнской любви нет... признания безусловного значения за любимым, признания его истинной индивидуальности, ибо для матери хотя ее детище дороже всего, но именно только как детище, не иначе, чем у прочих животных»*⁵⁰⁰. Суть материнской любви он сводил к биологии, приравнивая ее к инстинкту; отцовские чувства он вообще не рассматривал.

*«У любящих не бывает детей»*⁵⁰¹, – писала М.И. Цветаева, имея в виду великих влюбленных в истории (Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Амазонка и Ахиллес). Представительницы русского символизма открывали в материнских чувствах совершенно иные грани и формы. М.И. Цветаева в «Письмах к Амазонке»

⁴⁹⁷ Вахтина М.Л. Брачный вопрос в настоящем и будущем // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. М.: РИК Русанова, 1998. С. 272-277.

⁴⁹⁸ Соловьев В. Смысл любви / Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 22.

⁴⁹⁹ Там же. С. 24.

⁵⁰⁰ Там же. С. 37.

⁵⁰¹ Цветаева М.И. Письмо к Амазонке / Собр. соч. в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза, статьи, эссе, переводы. М., 1994. С. 485.

характеризовала «идеальное материнство» как «слишком цельное единство» между двумя любящими женщинами, одна из которых – «старшая» («мать»), другая – «младшая» («дочь»)⁵⁰². Для поэтессы матрилинейность поведения женщины, распространяющаяся на все области деятельности и чувств, – главное, что отличает ее от мужчины. Схожий формат отношений между женщинами был описан Л. Зиновьевой-Аннибал в книге «Тридцать три уroda». Объяснить подобные трактовки «материнской любви» дает возможность теория лесбийских отношений (Т. де Лауретис, И.К. Сэджвик, Э. Гросс), согласно которой связи между возлюбленными строятся по принципу материнско-дочерних. Столь популярные в интеллигентской среде символисты не могли не повлиять на восприятие материнства (настоящего и потенциального) молодыми женщинами.

Часть врачебного сообщества России, в отличие от своих западных коллег, также стала пропагандировать идею ограничения деторождения. Известный популяризатор контрацептивов российский врач Карл Иванович Дрекслер указывал, что женщина должна иметь столько детей, сколько позволяет физическое, духовное здоровье, материальное положение семьи и, собственно, ее желание. Эту идею он настойчиво пропагандировал в своей книге «Как предупредить беременность...». Обращаясь к супругам, он отмечал: *«Родители имеют право производить лишь столько детей, сколько они действительно в состоянии прокормить и воспитать»*⁵⁰³. Для него «предупреждение беременности» по медицинским показаниям являлось абсолютно естественным процессом. К. Дрекслер, не будучи сторонником идей феминизма и женской эмансипации, вставал на защиту половой свободы женщины. Он считал крайне несправедливым тот факт, что женщина, выполняя свои супружеские обязанности, регулярно должна *«испытывать естественные последствия полового акта: беременность, роды, кормление грудью»*⁵⁰⁴. К. Дрекслер был убежден, что важнейшей потребностью современного ему общества является утверждение

⁵⁰² Полякова С.В. «Незакатные оны дни»: Цветаева и Парнок / С.В. Полякова «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе». СПб., 1997. С. 188-269; Бинсвангер К. Тема материнства в *Mon frère féminine* Цветаевой / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 219.

⁵⁰³ Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд. Свет. 1910. С. 42.

⁵⁰⁴ Там же. С. 14.

гигиены брачной жизни, которая состоит в отделении полового акта от акта зачатия. Изложенные врачом идеи нашли живой отклик среди широкой публики. Доказательством этому являются многочисленные переиздания его работы, несмотря на запреты властей и аресты тиражей, а также нескончаемый поток писем от читательниц на имя автора.

Делая акцент на легализацию аборт по особым показаниям, расширение употребления средств контрацепции, часть врачебного сообщества в рамках проводимого Двенадцатого Пироговского съезда активно защищала идею репродуктивной свободы женщин. К.Н. Бронникова, делегатка из Санкт-Петербурга, отмечала, что *«женщина как свободная личность и только она сама имеет право решать вопрос, желает ли она иметь ребенка или нет»*⁵⁰⁵. Л.М. Горовиц заметила, что вхождение абортов и контрацептивов в жизнь женщины не способно уничтожить материнский инстинкт, который глубоко заложен в ее природе: *«Можно с уверенностью сказать... и самое материнское и человеческое достоинство женщины и вопрос улучшения человеческой расы только выиграет оттого, что женщина не будет принуждаться к деторождению...»*⁵⁰⁶.

Среди тех, кто поддерживал распространение контрацепции, были в основном женщины. Мужчины же со страниц прессы, с трибун съездов набросились с яркой критикой на возможность самих женщин контролировать детородный процесс. Елена Александровна Колтоновская, русская писательница, литературный критик, журналистка, под впечатлением разгоравшихся дискуссий в своей статье «Медицина и жизнь» приводила доводы в пользу того, что непрерывное деторождение – непосильная тяжесть для современной матери. Ее точка зрения состояла в том, что женщина не должна подчиняться природе, а способна ее подчинить своим целям и идеалам⁵⁰⁷. Е.А. Колтоновская в 1912 году опубликовала публицистическую работу, посвященную «новой женщине» – деятельной, свободолюбивой, способной восстать против природной предопределенности и «зова природы». К данной категории женщин она относил ученых, писательниц, артисток (С.В. Ковалевскую, В.Ф. Комиссаржевскую, Н.Д. Хвощинскую, М.В. Крестовскую, Л.К. Туган-Барановскую и др.), вокруг которых и

⁵⁰⁵ Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая–5 июня 1913. Выпуск II. СПб., 1913. С. 212.

⁵⁰⁶ Там же. С. 212-213.

⁵⁰⁷ Покровская М.И. Вопрос расовой гигиены // Женский вестник. 1914. № 1.

строилось повествование книги. Она была убеждена, что *«женщина-мать и жена – неизбежно консервативна и враждебна всякой созидательной стремительной деятельности»*⁵⁰⁸. В ее представлениях творческая деятельность женщины и материнство никак не сочетались, их соседство она называла «роковым». Несмотря на собственное замужество, Колтоновская так и не стала матерью.

Слабый голос в защиту абортивных практик стал раздаваться среди правоведов. В условиях уголовного преследования за совершение плодизгнаний либерально настроенный юрист И.Б. Фукс, известный также изучением правовой стороны гомосексуализма, стал приводить доводы в пользу легализации аборт. Он не считал плодизгнание преступлением против человеческой жизни, так как не идентифицировал плод с человеком. В связи с этим юрист допускал возможность существования правом закрепленной свободы в данной сфере⁵⁰⁹.

Обоснование идеи «свободного материнства» было сделано известной русской феминисткой, основательницей журнала «Женский вестник», учредительницей Женской прогрессивной партии Марией Ивановной Покровской. Изучение ее взглядов на предмет материнства с конца XIX века до начала Первой мировой войны дает общее представление о том, как трансформировались представления либеральной части российского общества в этой области. Если в начале XX века она воспевала «сознательное материнство», то к 1910-м годам стала склоняться в пользу контролируемого деторождения. К этой мысли М.И. Покровская пришла в результате изучения такого социального явления, как проституция. В 1914 году в «Женском вестнике» она опубликовала статью «Вопрос расовой гигиены», где обосновала необходимость введения в жизнь женщины права на контроль за рождаемостью. Ее удивлял тот факт, почему люди считают преступным вмешательство разума в сферу половых отношений, хотя в других областях жизни призывают не быть животными. *«Вмешательство разума признается необходимым при удовлетворении разнообразных потребностей человека: потребности в дыхании, в питании, в известной температуре, в деятельности. Тут разум полезен и необходим. Но когда заходит вопрос о*

⁵⁰⁸ Колтоновская Е.А. Женские силуэты (писательницы и артистки). СПб.: М.В. Попов, 1912. С. IX.

⁵⁰⁹ Фукс И.Б. Проблема преступности плодизгнания. Харьков: Типо-Литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. С. 16.

*вмешательстве разума в половую жизнь человека и в деторождение, то делают испуганные глаза и начинают уверять, что тут всецело надо подчиняться природе»*⁵¹⁰, – писала она. М. Покровская относил стихийное деторождение не только к факту, ограничивавшему женскую свободу, но и к причине других социальных зол: отягощенной наследственности, роста беспризорности, разорения семей, ранней материнской смертности, проституции. В понятие «осознанное материнство» она вкладывала несколько иной смысл, нежели adeпты данной концепции. Во-первых, «сознательная мать» должна явиться воспитательницей своих детей в лучших благородных чувствах⁵¹¹. Во-вторых, являясь защитницей равенства половой морали⁵¹², она была убеждена, что женщина не только обязана отдаваться заботе о своем потомстве и воспитывать достойных граждан, но и иметь возможность самостоятельно контролировать процесс деторождения. Неконтролируемое деторождение, по мнению феминистки, – приговор женской свободе и один из видов «общественного зла», который превращает женщину из личности в *«половой родильный аппарат»*. Возможность контролировать деторождение М.И. Покровская считала важнейшим принципом расовой гигиены. Доказывая свою позицию, она приводила примеры из истории древних обществ, где люди разными способами ограничивали деторождение⁵¹³. Рожать или не рожать, беременеть или не беременеть феминистки стали относить к разряду важнейших женских прав, без которых невозможна женская эмансипация и изменение положения женщины в обществе. *«Если человечество хочет совершенствоваться, хочет доставить всем своим членам известную долю духовных и материальных благ..., хочет уничтожить многочисленные виды зла, господствующие в современном обществе, оно должно отказаться от стихийного деторождения. Тогда женщине не придется быть беременной и кормящей грудью непрерывно, и у нее будет достаточно времени на все остальное»*⁵¹⁴, – писала М.И. Покровская. В этом она видела реализацию женской

⁵¹⁰ Покровская М.И. Вопрос расовой гигиены // Женский вестник. 1914. № 1. С. 153.

⁵¹¹ Покровская М.И. Борьба с проституцией. СПб.: Электротечать, 1900; Покровская М.И. Идеал буржуазной жены // Женский вестник. 1906. № 1. С. 21-26.

⁵¹² Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. М.: Историческая книга, 2007. С. 321.

⁵¹³ Покровская М.И. Вопросы расовой гигиены // Женский вестник. 1914. № 1; Покровская М.И. К вопросу об аборте // Женский вестник. 1914. № 4. С. 105.

⁵¹⁴ Покровская М.И. Теория воспитания рабынь // Женский вестник. 1913. № 10. С. 235.

свободы и проявление «эффективного материнства»: меньшее количество детей при наибольшей материнской заботе и участии. Ей удалось совместить, казалось бы, противоположные по своей сути идеи – «сознательного» и «свободного материнства» («ограниченного материнства»). Особую позицию она заняла в отношении половой жизни населения, считая важным избегать крайностей. Мария Ивановна одинаково критиковала как принцип полового воздержания, так и чрезмерную половую активность⁵¹⁵.

В статьях 1910-х годов она уделяла материнской теме большее внимание, полагая, что общество должно в корне пересмотреть свое отношение к нему. Ее идеи значительно опережали время, в котором она жила. В частности, ей принадлежал тезис о том, что «новое материнство» подразумевает и «новое отцовство». Она впервые обратила внимание на значительную роль мужчины в освобождении женщины от кабалы материнства. М. Покровская предписывала отцам более активную позицию в деле ухода за ребенком: *«Совершенно несправедливо отцы взваливают на матерей все заботы, весь уход за маленькими детьми. Тут должно быть разделение труда... Отец не может родить ребенка и кормить его грудью, но он может и должен делить с матерью уход за ним и вместе с ней воспитывать его с самого раннего возраста»*⁵¹⁶. М. Покровская выступала против разделения сфер на женскую (быт, дети) и мужскую (профессиональный труд, культура). Она была убеждена, что женщина имеет полное право заниматься еще чем-то (профессиональным трудом, общественной деятельностью), кроме рождения и воспитания детей. М. Покровская считала, что в либеральном обществе, правовом государстве институт материнства также должен трансформироваться. В связи с этим она критиковала заявления мужчин, которые стояли на страже патриархальных ценностей.

Идею «свободного материнства» отстаивала известная деятельница российского феминизма, писательница Ольга Андреевна Шاپир. Она критично отзывалась о «принудительном материнстве» в «нерасторжимом браке»⁵¹⁷.

⁵¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44. Л. 1-2.

⁵¹⁶ Покровская М.И. Теория воспитания рабынь // Женский вестник. 1913. № 10. С. 235.

⁵¹⁷ Шاپир О.А. Идеалы будущего / Труды Первого всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г. Санкт-Петербург) // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998 (http://www.owl.ru/win/books/rw/t2_2.htm).

Феминистка считала крайне несправедливым, что, выходя замуж, женщина лишалась всяких прав, приобретая громаду обязанностей, долженствований, и на протяжении всей семейной жизни вынуждена заниматься исключительно самопожертвованием. О. Шапир полагала, что обязательное, неконтролируемое деторождение, которое делало женщину зависимой от собственной природы, было одной из основных причин существующего острого полового неравенства⁵¹⁸. Она красноречиво писала о том, что *«невозможно удержать женскую душу в ребяческих свивальниках, сотканных для нее мировой историей»*⁵¹⁹. По мнению писательницы, материнство должно войти в определенные границы, которые предоставят женщине свободу личную и социальную. В своих литературных произведениях она культивировала новый идеал женщины: не жертвенный и женственный, а свободный, стоящий на пути самоопределения и самореализации⁵²⁰.

Женщина-врач, феминистка по своим взглядам Евгения Кулишер также выступала в защиту женской репродуктивной свободы и ограниченного материнства. Она была убеждена, что каждая женщина должна самостоятельно решать дилемму иметь или не иметь детей, а если иметь, то в каком количестве. Сторонницы свободного осознанного материнства были убеждены, что оно окажет позитивное влияние на положение женщины в обществе, давая ей возможность быть матерью и заниматься профессиональной деятельностью, оздоровит отношения между супругами и плодотворно скажется на воспитании детей.

Таким образом, именно российские феминистки впервые открыто стали защищать право женщины самостоятельно распоряжаться своими репродуктивными способностями. Среди них – плеяды женщин-врачей, активно выступавших с трибун известного Пироговского съезда, на котором поднимался вопрос о контроле общества над рождаемостью. Ярый противник аборт и контрацепции, врач, в прошлом народоволец, эсер С. Елпатьевский писал об этих женщинах: *«И на Пироговском съезде, и на съезде криминалистов участвовали женщины наиболее интеллигентные, так сказать, отобранные женщины и,*

⁵¹⁸ ОР РНБ. Ф. 844. Д. 188. Л. 45.

⁵¹⁹ Шапир О. Женский съезд. Впечатления и итоги // Русские ведомости. 1908. № 295.

⁵²⁰ Юкина И.И. Ольга Шапир – идеолог российского феминизма // «Ей не дано прокладывать новые пути...?». Из истории женского движения в России. Вып. 2. СПб., 1998 / (<http://www.a-z.ru/women/texts/ideologistr.htm>) (дата обращения 17.04.2014).

нужно думать, не первой юности. И нет основания думать, что то были какие-то изуверки, женщины с извращенными чувствами, – то была, несомненно, женская интеллигенция, до известной степени защитница женских интересов»⁵²¹. Либеральные феминистки, под определенным влиянием теории неомальтузианцев, полагали, что на смену идей «сознательного материнства» придет репродуктивная свобода женщины. В это же самое время на Западе идеи легализации аборт и распространения контрацепции встречали осуждение со стороны врачебного сообщества. По мнению российских феминисток, женщина из «родильного аппарата», «орудия половых наслаждений мужчин» должна была стать свободным субъектом общественных отношений. Правда, в большинстве своем, они не предлагали форм, так называемого, разумного ограниченного материнства, считая это делом будущего. М.И. Покровская выражала надежду, что наука укажет возможные способы на пути к расовой гигиене через ограничение деторождения. Итак, в России сосуществовали две противоборствующие концепции. С одной стороны, идея о свободном, контролируемом материнстве, способности женщины, оставаясь матерью, реализовываться на иных поприщах человеческой деятельности. С другой стороны, толстовская концепция всепоглощающего материнства, в основе которой исключительно репродуктивные половые отношения и полнейшая нацеленность женщины на осуществление заложенной природы биологической функции, социальная же составляющая ее деятельности должна была выражаться в воспитании достойных граждан.

2.1.4. Концепты социально-интегрированного и «расширенного» материнства

Под социально-интегрированным материнством я понимаю то, что в социологии связывается с комплексом разнообразных государственных институтов оказания социальной помощи матерям: ясли, детские сады, пособия, отпуска, льготы и др. Финская исследовательница А. Роткирх социально-интегрированное материнство рассматривала как часть «расширенного материнства», при котором непосредственное участие в воспитании ребенка принимает не только мать, но и

⁵²¹ Елпатьевский С. Самоистребление человечества: По поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 265.

социальные институты⁵²². Ведущим теоретиком «расширенного материнства» явилась социолог Ш. Хейс⁵²³. Несмотря на то, что данные концепты материнства рассматриваются исследователями преимущественно в контексте XX и XXI века их истоки следует искать в предшествующем столетии.

Концепт социально-интегрированного материнства был ориентирован, прежде всего, на социальные низы общества. В тоже время основными разработчиками этой идеи явились представительницы высших классов, которые были убеждены, что разнообразные социальные институты должны помочь женщине в реализации себя как мать и личность. В России на рубеже веков в рамках концепции «свободного материнства», а также предшествующей ей идеи «сознательного материнства» зародилась мысль о важности государственной поддержки данного института. Логика рассуждений была такова: если материнство это общественно-полезный труд, если женщина равна мужчине и также имеет право на социальную активность, государство должно помогать ей в исполнении материнских ролей. Эта идея вскользь была озвучена еще М.К. Цебриковой в 1870 году. Она указывала на то, что воспитанию детей женщина не должна посвящать все свое время, так как это вредно как для нее самой, так и для ее детей (*«замкнутое домашнее воспитание ... не годится для детей»*⁵²⁴). В помощь матери, по мнению М.К. Цебриковой, должны прийти общественные формы воспитания, благодаря которым женщина сможет уделять время самообразованию или профессиональной деятельности. *«Мать свободна, пока дети в саду. Женщина, не употребляющая это время на заботы по хозяйству, может употребить его на занятие какой-нибудь профессией и поручить хозяйство другому лицу»*⁵²⁵, – писала М.К. Цебрикова. Тем самым, она не соглашалась с Дж.Ст. Миллем, который считал, что замужество само по себе и есть профессия для женщины, а для общественной или научной деятельности предназначены только незамужние или вдовы женщины.

⁵²² Роткирх А. Мужской вопрос: Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 142.

⁵²³ Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996.

⁵²⁴ Цебрикова М.К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» / <http://www.owl.ru> (дата обращения 15.07.2014).

⁵²⁵ Там же.

Первой женщиной в России, которая обосновала важность государственной поддержки материнства, стала А.С. Симонович. Находясь в счастливом браке, воспитывая шестерых детей, она отстаивала значимость общественных форм воспитания детей-дошкольников. Аделаида Семеновна считала, что ребенок должен находиться в постоянной близости с матерью на протяжении трех лет после рождения, затем необходимо, чтобы *«воспитание перешло из рук родителей к посторонним лицам, специально занимающимся передачей познаний умственных...»*⁵²⁶. Этим специальным учреждением, по мнению А.С. Симонович, должен был стать детский сад. Она не понаслышке была знакома с «фребелевскими» садами, так как, будучи за границей, изучала характер их функционирования. А.С. Симонович при поддержке собственной семьи в 1866 году основала детский сад в Санкт-Петербурге. Следует отметить, что Симонович акцентировала внимание не столько на матерях и возможности их профессиональной реализации, сколько на детях. Проблема материнства в ее концепции отходила на второй план. Она была убеждена, что коллективные формы воспитания благоприятно скажутся на ребенке, готовя его к школьной жизни. Ее взгляды значительно опережали свое время, в связи с чем открытые детские сады не пользовались в 1860-е годы особым спросом. Она вынуждена была признать, что в России, в отличие от Европы, *«детские сады не привились»*⁵²⁷. Эта идея стала актуальной в российском обществе в начале XX века, когда даже в провинции открывались не только бесплатные, но и коммерческие детские сады, пользовавшиеся устойчивым спросом.

Представительницы либерального феминизма в рамках Первого женского съезда (1908 г.), осознавая важность репродуктивной свободы в жизни современной женщины, также указывали на необходимость социальной поддержки института материнства и детства. Именно в это время вопросы, связанные с материнством, приобрели особую актуальность в феминистском дискурсе. Известная деятельница либерального феминизма А.Н. Шабанова отмечала: *«Особое внимание в подобной работе должно быть сосредоточено на*

⁵²⁶ Симонович А.С. Кто может быть воспитателем? // Детский сад. № 11-12. С. 389.

⁵²⁷ Грицай Л.А. Проблема материнства и материнского воспитания детей в трудах представительниц российского женского движения конца XIX – начала XX // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 68.

экономических и правовых условиях быта крестьянок, ненормальное положение которых требует серьезной реформы, а также на вопросах охраны труда, материнства и детей»⁵²⁸. А.В. Тыркова, член партии кадетов, писательница, также заметила, что с особой тяжестью современные законы задевают интересы матерей и их детей. Она подчеркивала крайнюю слабость охранения их прав. Важно отметить, что либеральные феминистки вели речь исключительно о женщинах из рабоче-крестьянской среды. Они не предлагали конструктивных мер по разрешению данного вопроса в среде интеллигентной, очевидно, считая, что женщина этого круга способна самостоятельно заплатить за услуги няни, гувернантки и домашней прислуги.

В России в начале XX века стали появляться статьи, авторы которых, далекие от феминистского дискурса, доказывали, что материнство – это работа, которая требует большого напряжения и сосредоточения сил, а, соответственно, и поддержки со стороны государства. Врач Е.Я. Гиндес писал: *«... мы должны исполнение женщиной своей материнской функции признать такой же работой, какой признается труд всякого человека на любом поприще. Материнство – это труд женщины, требующий от нее затрат физических сил, сил душевных, моральных, требующий от нее известной общей подготовки в смысле общего развития, а также специальных знаний (основ гигиены, педагогики, и т.п.). Это труд, от которого в будущем зависит сила и мощь государства, и потому он, как и всякий труд, должен быть нормирован, должен пользоваться охраной со стороны государства»*⁵²⁹. Е.Я. Гинденс считал, что государственная поддержка должна превратить материнство в общественно-полезный труд и в будущем предотвратит попытки матерей заниматься чем-то еще, помимо своей святой обязанности. В 1917 году он составил проект по созданию всероссийского фонда страхования материнства и младенчества⁵³⁰. С одной стороны, мысль, озвученная Гинденсом, защищала интересы женщин. Некоторые из феминисток даже

⁵²⁸ Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., Санкт-Петербург) // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998. С. 176.

⁵²⁹ Гиндес Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 58.

⁵³⁰ Гинденс Е.Я. Всероссийский фонд страхования Материнства и младенчества (схематический проект) // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 1. С. 6-9.

восприняли ее за благо⁵³¹. Но с другой, в ней содержалось скрытое желание мужчин пресечь эмансипацию женщин при помощи уравнивания материнства с профессиональной деятельностью. Логика их рассуждений была такова: зачем матери заниматься профессиональной деятельностью, если государство будет платить ей вознаграждение за осуществление материнских ролей.

Заявления научной общественности о необходимости законодательной поддержки матерей звучали на Пироговских съездах, в рамках всероссийских женских съездов и даже на съездах криминалистов. Для врачебного сообщества государственное обеспечение материнства во многом являлось средством, препятствовавшим распространению абортов и контрацептивной практики. Они ратовали за открытие детских садов, которыми могла бы воспользоваться любая мать, независимо от социального статуса и имущественного положения. Все чаще в печати стали появляться мысли о важности общественно-семейных форм воспитания как для самих женщин, так и для детей. Эта идея обсуждалась не только в столице, но и в провинции. В 1902 году, например, одна из матерей на собрании родителей Смоленской женской гимназии высказывалась: *«Матери также не менее отцов заняты. На них лежит все домашнее хозяйство; они всегда нервно напряжены и не имеют свободной минуты, которую они могли посвятить своим детям. Я рекомендую общественное воспитание малолетних детей»*⁵³². Однако в провинции детские сады возникали спорадически и хаотично. В основном они принимали детей работниц и социальных низов, что отталкивало от них матерей-аристократок.

Помимо частных детских садов во второй половине XIX века в России открывались детские приюты для детей социальных низов, бесплатные консультации для беременных и молодых матерей, общественные организации по поддержке материнства и детства. С начала XX века появлялись популярные в Европе «Капли молока», призванные оказать помощь женщинам в вопросах грудного вскармливания. В 1905 году по инициативе группы врачей (Н.П. Гундобин, Н.А. Русских), участвовавшей в IX Пироговском съезде, был организован «Союз для борьбы с детской смертностью в России». Однако все эти

⁵³¹ Рогович М. О вознаграждении труда замужних женщин у домашнего очага // Женский вестник. 1911. № 1. С. 7-24.

⁵³² В родительском кружке // Смоленский вестник. 1903. № 23. С. 2.

формы помощи матерям возникали по частной инициативе, не имея на то поддержки со стороны государства. Детские сады считались редкостью. Пособия по беременности и родам являлись делом частной инициативы (вплоть до 1912 года, когда был принят страховой закон) и не были рассчитаны на длительный промежуток времени.

Под влиянием широких общественных дискуссий власть впервые обратилась к решению вопроса о государственной поддержке материнства в 1910-е годы. Начался процесс, который зарубежная исследовательница Э. Вотерс назвала «модернизацией материнства»⁵³³. Обсуждение проходило в рамках созданной Комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства, возглавляемой академиком Рейном⁵³⁴. В декабре 1912 года вслед за первым Международным съездом детских врачей, состоявшим в Париже, в Санкт-Петербурге в Женском медицинском институте был проведен первый Всероссийский съезд детских врачей, большая часть докладов которого была посвящена проблеме охраны младенчества⁵³⁵. По инициативе участников съезда в 1913 году был организован государственный Отдел борьбы с детской смертностью и охраны детства. В рамках отдела активную деятельность осуществляли врачи К.А. Раухфус, Н.В. Ястребов, А.А. Редлих, П.Ю. Кроль. На государственном уровне началась разработка законов, связанных с охраной материнства. Закон был ориентирован на определенную социальную прослойку, а именно, – женщин, занятых фабричным трудом. Врач В.П. Герасимович указывал на важность повсеместной организации женских консультаций для матерей с грудными детьми. Он считал, что консультации должны открываться и содержаться местными земствами (1 консультация на 20 тыс. человек), а также владельцами крупных фабрик и заводов, где использовался женский труд⁵³⁶. Систему мер по охране материнства предложил П.Ю. Кроль. Его проект включал введение в школьный курс преподавания основ ухода за детьми, принятие обязательного государственного страхования

⁵³³ Waters, E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 / The European Woman's history readers. Routledge, 2002. P. 277-289.

⁵³⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 31-46об.

⁵³⁵ Труды первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге с 27–31 декабря 1912 г. / Ред. Г.Б. Конухеса. СПб.: Орг. ком., 1913.

⁵³⁶ Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX в. Дисс... к-та ист. наук. М., 2012. С. 228.

беременных и матерей, разработку законодательства по запрету труда беременных и проч.⁵³⁷. Пытаясь принять наиболее оптимальное решение, власти стали направлять специалистов для изучения положения дел в отношении охраны материнства и детства в страны Западной Европы. В частности, в 1911 году в Германию с этой миссией был отправлен Г.Г. Витте (возглавлял Отдел здоровья и народного призрения).

Среди наиболее масштабных по поставленным целям явилась организация 31 мая 1913 года *Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества*⁵³⁸. Большую роль в его основании сыграл врач Карл Андреевич Раухфус. К проблемам материнства и детства он обратился после того, как, находясь в должности врача Воспитательного дома, столкнулся там с ужасающим уровнем детской смертности⁵³⁹. Несмотря на то, что основателем общества являлось государство, и оно состояло под покровительством Александры Федоровны, по сути, Попечительство было благотворительным учреждением, так как основная часть его средств состояла из частных и общественных пожертвований. Следует отметить и еще одну любопытную деталь: вопреки ориентации организации на интересы матерей и детей в состав совета Попечительства вошла единственная женщина – врач О.А. Шестакова.

Деятельность Попечительства включала в себя комплекс мер по охране материнства: от помощи беременным до организации яслей-приютов⁵⁴⁰. Попечительство было призвано стать координирующим центром между всеми существующими в регионах благотворительными формами помощи матерям и детям. В уставе организации значилось: *«Попечительство стремится к объединению всех мер и начинаний по охране материнства и младенчества, для чего устанавливает и поддерживает живую связь между обществами, учреждениями и лицами, способствующими достижению поставленных*

⁵³⁷ Там же. С. 221.

⁵³⁸ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXIII. 1913. Отделение I. Пг., 1916. № 39446.

⁵³⁹ Герасимов В.П. Карл Андреевич Раухфус // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 19-26; Острогорский С.А. Деятельность К.А. Раухфуса по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 28-32.

⁵⁴⁰ Раухфус К.А. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. СПб.: Гос. тип., 1914; Об учреждении Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества и о принятии оно под покровительство Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXIII. 1913. Отделение I. Пг., 1916. № 39446; РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 1, 51, 69, 95, 114, 129, 133, 149, 151, 154, 174, 181.

*Попечительству задач, и всемерно поддерживает всякий благой почин в данной области»*⁵⁴¹. В планы К. Раухфуса входило создание Института охраны материнства и младенчества, на нужды которого император определил более 1 млн. рублей⁵⁴². Однако по объективным причинам этим проектам не суждено было сбыться. Осознавая потребность сельского населения в детских яслях и приютах, особенно с началом полевых работ, члены Попечительства пытались, в меру своих возможностей, организовывать подобные учреждения⁵⁴³. Помимо Попечительства активную деятельность по открытию городских, сельских яслей оказывали Романовский, Ольгинский и Татьянинский комитеты, Попечительство о трудовой помощи, Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, в Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны и Великой княгини Ксении Александровны Особую Комиссию Верховного Совета. Попечительство стремилось координировать деятельность многочисленных комитетов и оптимизировать характер социальной поддержки семей с грудными детьми⁵⁴⁴.

В условиях военного времени в рамках Попечительства шло активное обсуждение проектов по формированию государственной системы охраны материнства и младенчества. Это свидетельствовало в пользу особой актуальности данного вопроса. В частности, профессор А.А. Редлих полагал, что без государственного страхования материнства сложно говорить о дальнейшем развитии реформ⁵⁴⁵. На помощь государственным кассам страхования должны были прийти, по мнению Редлиха, частные кассы. В статье «Война и охрана материнства и младенчества» (первоначально это была речь, высказанная на Всероссийском попечительстве охраны материнства и младенчества, впоследствии она была опубликована в «Журнале акушерства и женских болезней») он указал на то, что война с особой силой обострила проблему материнства⁵⁴⁶. Схожие

⁵⁴¹ Об учреждении Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Журналы 50 Очередного Юхновского уездного земского собрания. 3–5.11. 1914. С. 35.

⁵⁴² Герасимов В.П. К.А. Раухфус // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 19-29.

⁵⁴³ Деятельность Попечительства охраны материнства и младенчества в 1916 г. // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 2. С. 19.

⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 767. Оп.1. Д. 95.

⁵⁴⁵ Редлих А.А. Страхование материнства, как мера охраны его // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 129-146; Редлих А.А. Страхование материнства, как мера охраны его // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 3. С. 245-254.

⁵⁴⁶ Редлих А.А. Война и охрана материнства и младенчества: Речь на съезде Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества. 6 ноября 1916. Пг., 1916. С. 15-17.

рассуждения были представлены врачом С. Елпатьевским. Разделяя пацифистские настроения, он открыто заявлял о том, что если прекратить войну, то сумм, которые расходятся на вооружение, вполне хватило бы на *«подлинную охрану материнства и детовоспитание»*⁵⁴⁷.

С началом войны активную позицию в обсуждении проектов по охране материнства заняли женщины-врачи. Свой проект предложила врач-гинеколог А.В. Попова. Она считала, что *«грозный призрак вырождения русского народа»* требует немедленного принятия закона о *«здоровоохранении материнства и младенчества»*. Она полагала, что в принятом законе непременно должны быть включены следующие темы: борьба с наследственными заболеваниями, страхование материнства, охрана труда и промышленная гигиена женщин-работниц⁵⁴⁸.

Среди тех, кто участвовал в дискуссии – педиатр Зинаида Осиповна Мичник. После окончания медицинского факультета она сразу же посвятила себя деятельности, связанной с охраной материнства. Работая в столичном убежище «Помощь матерям», врач пришла к выводу, что охрана материнства должна распространяться на все слои общества⁵⁴⁹. Следует отметить, что ряд феминисток критиковали Попечительство как раз за то, что оно ограничило клиентуру своей деятельности работницами и крестьянками. Интеллигентные матери, аристократки не попадали под действие программ, разрабатываемых как в Попечительстве, так и в других организациях⁵⁵⁰. З. Мичник полагала, что «новая мать» не сможет обойтись без профессиональной помощи врачей и педагогов. Ее концепция социальной помощи матерям была предельно проста и наиболее реальна. В отличие от своих коллег она не считала, что женщина должна принести себя в жертву ради физиологического, психического и нравственного здоровья ребенка. По мнению З. Мичник, государство призвано оказывать всевозможную помощь матерям в первые годы жизни дитя, пока еще сохраняется их «физиологическая связь». После окончания этого периода мать может вновь влиться в привычный для себя образ жизни, прибегая к помощи государственных форм воспитания детей.

⁵⁴⁷ Елпатьевский С. Самоистребление человечества: По поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 278.

⁵⁴⁸ Попова А.В. Охрана материнства // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 5. С. 397-404.

⁵⁴⁹ Мичник З.О. Охрана младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 5. С. 405-418.

⁵⁵⁰ С.Я. Охрана материнства и младенчества // Женский вестник. 1913. № 7-8. С. 165-167.

Осознав важность регулярного врачебного патронажа, З. Мичник впервые разработала основательную схему врачебного патронажа грудных детей⁵⁵¹. Следует отметить, что вплоть до своего трагического конца (была расстреляна немцами в 1942 году) она оставалась верна своему делу, став одним из ведущих организаторов охраны материнства и детства в советской России. Ее коллега Е.А. Михайлова также полагала, что охрана материнства – важное средство на пути обретения женского равноправия⁵⁵².

Охрана материнства была настолько актуальной, что даже война не смогла остановить разработку проектов в этой сфере. Скорее наоборот, Первая мировая война с ее античеловеческим характером обнажила проблему детской жизни, в связи с чем охрана материнства и детства стала стратегической целью российского общества. А.М. Коллонтай в предисловии своей книги «Общество и материнство» (1916 г.) по этому поводу писала: *«Гекатомбы детских трупиков растут и растут, и непокорная линия рождаемости вместо того, чтобы «разумно» повышаться настолько, насколько этого требует интересы государства, показывает неприятную склонность к постоянному понижению»*⁵⁵³. В экстремальных условиях для матерей и их грудных детей было сделано больше, чем за весь предшествующий период. Несмотря на революционный 1917 год, смену политической власти, обсуждение вопросов охраны материнства и детства продолжилось уже членами Временного правительства. Тщательной разработкой отличались проекты докторов М.М. Райца и И.А. Климова, согласно которым предполагалось открыть сеть учреждений по охране материнства и младенчества (от приютов для беременных до убежищ для обездоленных детей и семей-приютов). Меры, направленные на поддержку матерей, исходили как от государственных органов, так и от филантропических организаций. Многие наработки царской власти, опыт охраны материнства были восприняты и реализованы органами советского государства.

⁵⁵¹ Мичник З.О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 28-55; Мичник З.О. Руководящие указания к организации просветительского патронажа (попечения) над грудными детьми. Пг. Гос тип. 1917.

⁵⁵² Михайлова Е. Охрана материнства с точки зрения сексуальности, равноправия, законодательства и семьи. М.: Тип. В. Зеликова, 1915.

⁵⁵³ Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг.: Жизнь и знание, 1916. С. 2.

2.1.5. Зарождение социалистической концепции материнства

Первыми, кто критично воспринял идею «сознательного материнства», были представительницы радикального феминизма. Следует отметить, что концепция материнства в рамках марксистской теории не получила широкой трактовки, о чем еще в 1970-е годы писал американский историк Р. Стайтс⁵⁵⁴. Отмечала этот факт и классик гендерной истории в России Н.Л. Пушкарёва: *«Практически все теоретики марксизма (за исключением деятелей «второго ряда» и, к тому же, женщин в частности – А.М. Коллонтай) отводили женщинам пассивную роль, рассматривая их в качестве «страдалиц», которых надо спасать, либо (если речь шла о представительницах «эксплуататорских классов») – в качестве получательниц неких выгод, которых добились мужчины»*⁵⁵⁵. Фактически единственной создательницей социалистической концепции материнства в дореволюционной России явилась Александра Михайловна Коллонтай. Непосредственное обращение А.М. Коллонтай к материнской теме было продиктовано тем, что социально-демократическая фракция Государственной думы поручила ей разработать законопроект об охране материнства. При этом некоторые зарубежные исследователи (В. Брайсон) склонны считать, что материнская тема была центральной в теоретической и практической деятельности Александры Михайловны⁵⁵⁶.

Значительное влияние на формирование ее взглядов по данному вопросу оказали произведения А. Бебеля «Женщина и социализм» и Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁵⁵⁷. А.М. Коллонтай отменяла популярную теорию «сознательного материнства», которую считала враждебной: *«...Материнство – буржуазный идеал, видящий в женщине не человека прежде всего, а по преимуществу самку, приобрело особый ореол прогрессивности»*⁵⁵⁸. Она видела в лозунгах типа «право кормить своего ребенка своей грудью», «право следить за первыми проблесками пробуждения его

⁵⁵⁴ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 354.

⁵⁵⁵ Пушкарёва Н.Л. «Женский вопрос» в теории марксизма (Почему брак феминизма с марксизмом оказался несчастным?) // Женщина в российском обществе. 2002. № 1. С. 7.

⁵⁵⁶ Брайсон В. Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, С. 139-151.

⁵⁵⁷ Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 176.

⁵⁵⁸ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909. С. 197.

сознания», «право оберегать его маленькое тельце» средства для манипуляции матерью, будучи убежденной, что редкая женщина не подпишется под этими словами. А.М. Коллонтай считала, что материнство лишает женщину свободы, замыкает ее мир «эгоистичным мирком детской» и становится на пути ее социальной активности. *«Разве женщина, отдающая всю себя ребенку, может оставаться свободной личностью при теперешних условиях?»*⁵⁵⁹ – задавала она провокационный вопрос своим читательницам. Ввиду приверженности социалистической доктрине ее концепция была ориентирована на матерей-пролетарок. Она была убеждена, что теории материнства, предложенные либеральным сообществом, невозможно применить в рабоче-крестьянской среде, называя при этом концепцию «сознательного материнства» «пережитком старины», а идею «свободного материнства» «наивной утопией»⁵⁶⁰.

А.М. Коллонтай не без иронии характеризовала буржуазную мать, которая имеет возможность трепетно относиться к собственной беременности, родам и детям. Им она противопоставляла измученную женщину-работницу, для которой деторождение становилось непомерной ношей. Основываясь на медицинской и производственной статистике, она доказывала, что бесчеловечный фабричный труд превращает материнство в «тяжелый крест»⁵⁶¹. В то же время А.М. Коллонтай полностью не отрицала важности материнских ролей в жизни женщины, считая их естественными. Она была убеждена, что государство обязано оказывать значительную социальную поддержку матерям, так как, согласно марксистской теории, домашнее хозяйство должно превратиться в отрасль общественного производства. Таким образом, в представлении А.М. Коллонтай материнство являлось важнейшим социальным институтом («*осязаемая социальная ценность*»), а проблема материнства состояла в существовании системы государственной поддержки женщин и детей. Она была убеждена, что сама по себе данная проблема порождена капиталистической экономикой. В суровых условиях капитализма женщина вынуждена работать ради пропитания; традиционные семейные ценности постепенно утрачивают свою ценность, вследствие чего растет число одиноких

⁵⁵⁹ Там же С. 199.

⁵⁶⁰ Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг.: Жизнь и знание, 1916. С. 18.

⁵⁶¹ Коллонтай А. Крест материнства // Современный мир. 1914. № 11. С. 42-54.

матерей, стирается грань между «законобрачной и внебрачной матерями»⁵⁶². Кроме этого, А.М. Коллонтай полагала, что социальные катаклизмы (революции, войны) превратили материнство в особо острую проблему: *«Безумное истребление человеческих жизней превращает акт деторождения из акта частно-семейного в акт социальной важности. Под грохот пушек на фоне мирового пожара проблема материнства встает во весь свой гигантский рост»*⁵⁶³.

А.М. Коллонтай считала противоречие между материнством и профессиональным трудом главнейшим вопросом современности. Она видела два выхода из сложившегося конфликта: *«1) вернуть женщину в дом, запретив ей какое бы то ни было участие в народно-хозяйственной жизни» и «2) добиться проведения таких социальных мероприятий..., которые дали бы возможность женщине, не бросая своих профессиональных обязанностей, не лишаясь своей экономической самостоятельности..., выполнить свое естественное назначение»*⁵⁶⁴.

Автор проекта предложила один из способов (некоторые исследователи считают, что это было сделано впервые⁵⁶⁵, однако и среди либеральных феминисток существовали подобные рассуждения) примирить материнство с профессиональным трудом женщины, что позволило бы им успешно совмещать социальные статусы матери, жены, работницы. По мнению А.М. Коллонтай, необходимо произвести «революцию быта» российских женщин, а также трансформацию брачно-семейных отношений. Она была убеждена, что панацеей для женщины должны явиться государственные формы поддержки, о которых она писала еще до революции. В частности, среди ее предложений значились: повсеместное введение на предприятиях социального страхования беременных, ограничение тяжести и времени их труда, обеспечение права на бесплатную врачебную консультативную помощь, а также возможность бесплатно рожать в

⁵⁶² Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг.: Жизнь и знание, 1916. С. XIV.

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁴ Там же. С. 16.

⁵⁶⁵ Успенская В.И., Козлова Н.Н. Семья в концепции марксистского феминизма // Семья в России: теория и реальность. Тверь, 1999. С. 87-88; Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174-186; Козлова Н.Н. Общество и материнство в концепциях А.М. Коллонтай / Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Материалы межд. науч. конф. Тверь. 11 марта 2002 / Ред. В.И. Успенской. Тверь, 2003 / <http://tvergenderstudies.ru/43> (дата обращения 24.07.2014).

условиях стационара. Она считала, что после родов мать некоторое время должна оставаться рядом с ребенком, кормя его грудью и заботясь о его здоровье, то есть сохранять естественную связь между собой и дитя. Однако, как только этот период заканчивался, женщина, по мнению А.М. Коллонтай, могла быть свободной от материнских ролей и продолжить свою общественную деятельность так же, как это делают мужчины-отцы. *«Как только период кормления прошел, для развития ребенка совершенно безразлично, ухаживает ли за ним мать или кто другой»*⁵⁶⁶, – писала А.М. Коллонтай. Она не только в теории, но и на практике доказывала приверженность собственной идее. Когда ее сыну исполнилось 4 года, А.М. Коллонтай оставила собственную семью (сына и мужа) и уехала за границу, увлекаясь социалистическими идеями. Таким образом, концепция А.М. Коллонтай опиралась на распространении широких форм государственной поддержки материнства и своеобразном ограничении самой женщиной собственного материнского инстинкта во имя социальной свободы. При этом государство брало на себя функции, ранее принадлежавшие исключительно мужчинам (отцам, мужьям, братьям), – поддерживать и обеспечивать представительниц слабого пола, особенно тех из них, кто находился в положении. Материнство в концепции А. Коллонтай становилось формой общественного производства, за которую она должна была получать не только поддержку, но и «вознаграждение» со стороны государства.

Новая концепция социалистической семьи нашла отражение в публичной речи экономиста А.А. Исаева, разделявшего марксистские убеждения. Его взгляды относительно материнства были тесно связаны с идеей «освобождения женщины» от тягот брачных уз, от необходимости во всем подчиняться, а следовательно, и зависеть от мужа, от зова природы (беременности и вынашивания плода), от неразрывной связи с детьми. А. Исаев считал несправедливым тот факт, что до сих пор женщине вменяют в обязанность исключительно *«быть беременной, родить и кормить грудью»*⁵⁶⁷. Экономист называл сложившуюся ситуацию в гендерной системе общества рабством. Он полагал необходимым «освободить» женщин от многочисленных беременностей: *«... только при малой рождаемости женщина*

⁵⁶⁶ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909. С. 206.

⁵⁶⁷ Исаев А.А. Чего ожидать женщине от социализма? Штутгарт: Изд-во и тип. Дитца. 1903. С. 21.

*может сохранить свою свободу»*⁵⁶⁸. «Малая рождаемость», по мнению экономиста, предполагала не более трех детей. Идея, предложенная западными феминистками, а затем развитая их отечественными сестрами, нашла отклик в среде социалистов, которые считали, что на помощь женщине в воспитании детей должно прийти государство. Он полагал, что кроме школы и детских садов необходимо повсеместно открывать «колыбельные»⁵⁶⁹, по сути превращая детей в сирот при наличии родителей. Как и некоторые либеральные феминистки, А. Исаев выступал за формирование семей партнерского типа, где муж (отец) не чурается функций воспитания детей, активно проводя с ними время, тем самым разделяя бремя ухода за детьми с супругой.

Современные российские ученые полагают, что культурный императив материнства был сформирован на протяжении XX века в условиях советского этакратического гендерного порядка⁵⁷⁰. Особую роль в мифологизации материнства и конструировании материнских стереотипов поведения, по их мнению, сыграли советские социальные институты (детские ясли, детские сады, женские консультации, родильные дома), законодательные акты (законы по охране материнства и детства), советские литературные и изобразительные тексты (образы жертвенной матери, Родины-матери). Изучение общественно-политического, медицинского и публицистического дискурсов второй половины XIX – начала XX века продемонстрировало, что процесс мифологизации материнства начался несколько раньше – со второй половины XIX века. До середины XIX века в России не было жестких стандартов, определявших материнское поведение. Материнские практики дворянок, как правило, ограничивались биологическим актом воспроизводства.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Там же. С. 12.

⁵⁷⁰ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15-27; Адоньева С.Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. С. 12-15; Пушкарёва Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины: влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3-17; Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. (ред.) Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: ЕУСПб, 2009.

Обращение к теме материнства со стороны широких общественных кругов второй половины XIX века в России было вызвано не только проблемой детской смертности (она касалась прежде всего социальных низов), но и явилось ответной реакцией на женскую эмансипацию в дворянских кругах. Обсуждение концептов идеального материнского поведения хоть и проходило под значительным влиянием западных идей, но имело существенные отличия. Если во Франции, Германии, Великобритании обсуждение материнской темы с конца XIX века было направлено на защиту прав матери, усиление ее роли в обществе, создание оптимальных условий для реализации материнства и профессиональной деятельности женщин⁵⁷¹, в России, напротив, в общественном дискурсе преобладали идеи об ограничении жизни матери исключительно исполнением материнских обязанностей. Российские врачи, педагоги, литераторы стали предъявлять к матерям широкие требования, тем самым конструируя модели их поведения. Материнство превращалось из естественной роли женщины в важнейший ее социальный статус и в общественный институт. К началу XX века присутствовали следующие концепции материнства: «сознательного», «экспертного», «профессионального», «свободного», «интенсивного», а также концепция материнства в рамках социалистической доктрины. Ввиду малочисленности среднего класса восприимчивыми этих концепций, в отличие от стран Западной Европы и США, стали представительницы привилегированного сословия, так они располагали соответствующими ресурсами (свободным временем, средствами, знаниями).

В связи с общеэкономической отсталостью, запоздалыми либеральными реформами, неразвитостью научного знания в области медицины (прежде всего в акушерстве и педиатрии) концепция «сознательного материнства» в России стала распространяться на полвека позже, чем в США и в странах Западной Европы. Идеи «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства, столь популярные в России, имели две важнейшие стороны. В России зарождалось материнство в современном его понимании, при котором мать оказывалась активной участницей воспитательного процесса. Дети становились смыслом семейной жизни, ее центром («детоцентристские семьи»), а материнство –

⁵⁷¹ Allen A.T. *Feminism and Motherhood in Western Europe, 1890–1970: The Maternal Dilemma*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

важнейшей сферой проявления гендерной идентичности дворянки. «Сознательное материнство» должно было трансформировать гендерный порядок патриархальной семьи с бесконечной цепью деторождений и безразличной, апатичной матерью. В то же время за лозунгами «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства скрывалось бессознательное стремление части российского общества приостановить чрезмерную активность дворянок на общественном поприще, привязать их к семье и детям, убедить в том, что материнство – единственно важная социальная функция. Эти концепты, с одной стороны, были призваны спасти разрушавшуюся патриархальную семью с ее жесткими гендерными ролями и статусами. С другой стороны, в результате развития акушерских и педиатрических знаний с помощью новых конструктов материнства происходила медиализация, коммерциализация материнства и детства. Государственные формы поддержки материнства в России не получили широкого распространения, являясь делом частной и общественной инициативы. Репродуктивное поведение населения, женское тело становились объектами пристального внимания «экспертов». В отношении женщин формировались *«политики тела»*, которые можно рассматривать как способ управления и контроля над ними.

В ответ на рефлексию мужских представлений об идеальной женственности в среде эмансипированных женщин, по преимуществу горожанок, зарождались концепции «свободного» и «универсального» материнства. Конструкт «свободного материнства» в наибольшей степени повлиял на развитие женской самоидентичности, так как он позволял женщине самостоятельно делать выбор в отношении собственных социальных ролей, а также давал возможность реализовываться в различных сферах деятельности. Таким образом, обращение к теме материнства в высших слоях было ответной реакцией на женскую эмансипацию; в то время как реализация мер по охране материнства и младенчества (социальные меры реализовывались в крестьянской и рабочей среде) была призвана улучшить демографическую ситуацию.

Обращение власти к решению вопросов, связанных с материнством, было следствием мощной волны дискуссий, развернувшихся в условиях либерализации России. Результат дискуссий воплотился в осознании на высшем государственном уровне необходимости социальной поддержки материнства. Формировалась

концепция «социально-интегрированного материнства», которая в начале XX века имела два основных значения. С одной стороны, речь шла о том, что материнские обязанности составляют не только биологическое проявление женственности, но и основное содержание социальных (гражданских) ролей женщины. С другой стороны, концепт социально-интегрированного материнства предполагал активное вовлечение в репродуктивный и воспитательный процесс государственных и общественных форм поддержки материнства и детства (патронаж беременных, педиатрический патронаж, детские сады и ясли, денежные пособия и др.). Реализация государственных проектов началась в условиях Первой мировой войны, что доказывает высокую степень зрелости материнской темы в обществе. Это опровергает тезис западных исследователей, которые считали, что к решению проблем материнства власти подошли без достаточного на то обсуждения в обществе. В конечном итоге, под влиянием общественно-политического диспута, хотя и значительно позже, чем на Западе, в России начался процесс модернизации института материнства.

Сравнивая тенденции в развитии концепций «идеального материнства» в России и на Западе, бросается в глаза их цикличность. В то время, когда в США и странах Западной Европы были актуальны идеи женской эмансипации, в России утверждался концепт «истинного материнства», привязывающий мать-интеллигентку к семье и детям. По мнению американской исследовательницы Б. Фридан, идеология женского предназначения (она назвала ее *«загадкой женственности»*⁵⁷²) в США сформировалась только в 1950 – 60-е годы (фактически спустя век по сравнению в Россией). Доминирование тех или иных концептов материнства в разные исторические эпохи, в различных регионах демонстрирует, что отношение общества к материнским ролям имеет циклический характер. Выводы исследователей материнства в советской России подтверждают это⁵⁷³. Конструкт «сознательной матери» сменялся идеей о важности общественного воспитания и наоборот.

⁵⁷² Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1993.

⁵⁷³ А. Роткирх, например, указывала, что свобода в сексуальной сфере 1920-х годов, распространение общественных форм воспитания детей сменяются культивированием материнского воспитания и идеями материнской сознательности.

2.2. Культурантропология девичества: сексуальное воспитание дворянок и процесс материнской социализации во второй половине XIX – начале XX века

Феномен материнства в тот или иной исторический период зависит от конкретных социально-исторических условий (внешний фактор), а также от отношения к нему самих индивидов (внутренний фактор). Изучая материнские практики, необходимо учитывать не только сферу концепций, теорий, дискурс «экспертов» (педагогов, врачей, психиатров), создающих образ «идеальной матери», но и область эмоциональных, чувственных переживаний материнства в повседневной жизни женщин. В этой связи актуализируется изучение процессов материнской социализации в контексте культурантропологии девичества.

На Западе в последнее десятилетие изучение девичества стало одним из самых динамично развивающихся междисциплинарным направлением гендерных исследований. Это обеспечивается появлением специализированного научного журнала («*Girlhood Studies*», редактор К. Митчел), формированием в Великобритании научной ассоциации по изучению девичества («*International Girl Studies Association*»), проведением междисциплинарных конференций по данной тематике с привлечением широкого круга специалистов (антропологов, историков, культурологов, педагогов, философов, психологов, врачей и др.). Девичество и проблемы материнской социализации в России изучаются преимущественно психологами, социологами и отчасти культурологами⁵⁷⁴. В абсолютном большинстве научных публикаций авторы обращаются к современной культуре и психологии девичества, при этом ретроспективы в прошлое в их трудах не делается. Гендеролог А.В. Белова подчеркивала, что изучение девичества в отечественной науке долгое время считалось прерогативой этнографов, в связи с

⁵⁷⁴ Среди публикаций последних лет: Kosterina I. Modernization, Patriarchy, and the Life of Girls in the North Caucasian Region // *Girlhood Studies*. 2015. Vol. 8. № 2. P. 71-85; Крысько А.А., Ланцбург М.Е. Представления о материнстве и возрастных особенностях детей у девушек старшего подросткового возраста // *Психологическая наука и образование*. 2014. № 2. С. 129-138; Брагина Е.А. Особенности представления о материнстве незамужних девушек юношеского возраста // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2010. № 16-1. С. 133-137; Мецлер В.В. Особенности содержания социальных представлений о материнстве и отцовстве на этапе юношеской социализации // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Психологические науки. 2010. № 1. С. 64-77.

чем данная область знаний не попадала в поле зрения историков. В то же время этнографы, по мнению, исследовательницы, не проявляли интереса к культуре дворянства, в связи с чем многие области дворянского девичества остаются не изученными и малорепрезентированными в отечественных историко-антропологических исследованиях⁵⁷⁵. Особняком стоят работы культуролога С.Б. Борисова по антропологии девичества советского времени. Одним из первых он стал изучать практики девичества, в том числе достаточно интимного характера⁵⁷⁶. Он указывал на то, что процесс инкультурации детей в российском социокультурном пространстве изучается в отечественной науке с позиции влияния «институционализированных локусов» (педагогическое воздействие на детей), в то время как «неинституционализированные локусы детско-подростковой коммуникации» остаются малоисследованной областью⁵⁷⁷. Социологи О. Здравомыслова и Е. Ярская-Смирнова также подчеркивают слабую изученность девичьей культуры в отечественной науке⁵⁷⁸. Вероятно, этим обусловлен все возрастающий интерес зарубежных ученых к исследованиям девичества в России. К примеру, в 2015 году один из номеров международного журнала «Girlhood Studies» был посвящен проблемам девичества на постсоветском пространстве⁵⁷⁹.

В представленной главе я не ставлю задачу всестороннего изучения девичества в дореволюционной России. Основная цель – раскрыть те области культуры девичества, которые позволят репрезентировать процесс материнской социализации подростков. Меня интересуют проблемы психосексуального развития девочек, особенности формирования их представлений о различных областях семейной, репродуктивной и сексуальной жизни, их восприятие

⁵⁷⁵ Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45; Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальная и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 5-6.

⁵⁷⁶ Борисов С.Б. Культурная антропология девичества. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2000; Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70 – 90-х гг. XX в. Дис. на соиск. уч. ст. доктора культурологии. М., 2001.

⁵⁷⁷ Борисов С.Б. Культурная антропология девичества. Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой культуры / <http://www.anthropology.ru/ru/texts/index.html> (дата обращения 05.11.2014).

⁵⁷⁸ Здравомыслова О. «Выйти из тени»: переосмысления женственности в исследованиях девичества // Неприкосновенный запас. 2011. № 2 / <http://www.intelros.ru/> (дата обращения 03.12.2014); Zdravomyslova O., Iarskaia-Smirnova E. Introduction: Girlhood Studies in Post-Socialist Times // Girlhood Studies. Special Issue: Girlhood Studies in Post-Socialist Times. 2015. Vol. 8(1).

⁵⁷⁹ Girlhood Studies. Special Issue: Girlhood Studies in Post-Socialist Times. 2015. Vol. 8(1).

собственной фертильности. Изучение этой стороны девичества позволит лучше понимать матерей дореволюционной России, их отношение к своим обязанностям, особенности их переживаний, объяснить причины часто возникавших невротических состояний.

Социолог с мировым именем Н. Чодороу полагала, что в основе материнских практик лежит их постоянное воспроизводство. Родительство, по ее мнению, пробуждает ранний опыт отношений женщины с ее собственной матерью: *«Материнский опыт женщины и ее ожидания сформированы собственной историей детства, ее прошлым и настоящим, внешними и внутренними отношениями с родительской семьей»*⁵⁸⁰. В связи с этим для меня особенно важным становится изучение характера взаимоотношений девочек с матерями, формирования их представлений о деторождении и материнских ролях.

Значительное внимание я уделяю вопросам полового воспитания девочек и их сексуального просвещения. Согласно психоаналитической концепции, материнство является одним из проявлений женской сексуальности. М. Фуко рассматривал женскую сексуальность не только с позиций репродукции, но и в контексте «семейного пространства» и «жизни детей»⁵⁸¹. З. Фрейд, изучая характер сексуального развития своих пациентов, подчеркивал особую сложность в раскрытии механизмов женского психосексуального развития. Говоря о женщинах конца XIX – начала XX века, он отмечал, что *«любовная жизнь женщины, отчасти вследствие культурных искажений, отчасти вследствие конвенциональной скрытности и неоткровенности женщин, погружена еще в непроницаемую тьму»*⁵⁸².

Сексуальное просвещение и интимные представления девочек из дворянских семей на рубеже веков – непростая область исследования. Во-первых, это вызвано сложностью поиска информации, свидетельствующей о развитии детской сексуальности. Ввиду табуированности половых вопросов многие «информантки» (в данном случае – авторы дневников, воспоминаний)

⁵⁸⁰ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. С. 110.

⁵⁸¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 205-206.

⁵⁸² Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 134.

игнорировали темы, затрагивавшие их сексуальное поведение. Возможно, имело место так называемая «*инфантильная амнезия*», связанная с забыванием половых влечений в возрасте до 8 лет⁵⁸³. Не стоит исключать и другую причину – родители регулярно просматривали дневники своих детей, поэтому девочки могли описывать не реальную жизнь, а то, что хотели прочесть родители. Во-вторых, амбивалентность содержащейся информации в женских автодокументальных источниках, их крайний субъективизм, который требует от исследователя особенно осторожной интерпретации (иначе это приводит к двойной субъективности, значительно искажающей реальное положение дел). Так, например, в одних источниках (эгодокументах, принадлежавших как женщинам, так и мужчинам) описывался совершенно невинный, сексуально непросвещенный тип молодых девушек. В других женских дневниках представлена противоположная картина – развитое половое влечение, имеющее разную степень инвертированности, и сексуальная просвещенность авторов. В связи с этим следует рассмотреть два лика детской сексуальности («невинный» и «инвертированный»), отметив при этом факторы, оказавшие определяющее влияние на амбивалентность в сексуальном поведении.

Говоря о половой инверсии, особое внимание я предполагаю уделить исследованию «нормы» и «не нормы» в сексуальном воспитании и поведении девушек. Для меня важным является рассмотрение феномена половой девиации в поведении девочек пубертатного периода. Например, почему просвещенность в вопросах секса считалась признаком половой инвертированности, в то время как однополые «обожательские» отношения девочек воспринимались естественными? Как в дальнейшем практика «обожания» повлияла на конструирование матримониального поведения?

2.2.1. Сложности подросткового возраста, пубертатный кризис, сексуальная инфантильность девочек второй половины XIX века

Пубертатный период характеризуется половым созреванием подростков и формированием психосексуальных качеств, оказывающих существенное влияние на саму личность. Ученые полагают, что, несмотря на существование индивидуальных отличий, у девочек пубертат начинается в возрасте 11–12 лет, а

⁵⁸³ Там же. С. 150.

завершается на границе 16–17 лет. Мировой специалист в области женской психологии, психиатр Карен Хорни выделила четыре основных типа изменений в личности девочек-подростков⁵⁸⁴. К первому она отнесла девочек, у которых в пубертате развивалось крайнее отвращение к эротике. Ко второму – тех, кто был «помешан на мальчиках», девочек активно вовлекающихся в эротическую сферу. К третьему – эмоционально обособленных подростков, нейтрально относящихся ко всему тому, что с ними происходило. Наконец, к четвертому – девочек с развитыми гомосексуальными тенденциями. Обнаруженные многочисленные дневники девочек-подростков конца XIX – начала XX века позволяют выявить специфику их психосексуального развития. Меня интересует, насколько широко были представлены типы, выделенные К. Хорни, в дореволюционной России. Можно ли проследить эволюцию в психосексуальном развитии дворянок в связи с меняющейся социально-экономической и культурной средой? Какие факторы оказывали существенное влияние на сексуальное воспитание девочек? Каким образом это сказывалось на их представлениях о собственной фертильности и потенциальном материнстве?

Возраст 15–16-летия был особенным в жизни дворянок. Существенные изменения происходили в половом развитии, характере эмоциональных переживаний, восприятии окружающих и самооценке. Провинциальная дворянка писала: *«Но в 15 лет, когда я была в шестом классе гимназии, во мне произошла какая-то перемена: мне хотелось веселиться, гимназические интересы отошли на задний план, ученье пошло хуже...»*⁵⁸⁵. Другая юная дворянка называла этот период в своей жизни временем «хаоса» и «апатии»⁵⁸⁶. Маргарита Сабашникова о своем 16-летьи писала: *«Год 1898, когда мне исполнилось шестнадцать лет, остался в моей памяти осиянным особым светом – светом поэзии... Что-то новое произошло тогда с самой душой и вплелось с тех пор во все ее переживания»*⁵⁸⁷. Классик феминистской мысли Симона де Бовуар полагала, что опыт полового созревания девочек более драматичен, чем у мальчиков, которые с раннего детства привыкли гордиться тем, что они принадлежат к сильному полу. Если мальчики по

⁵⁸⁴ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 198–200.

⁵⁸⁵ ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 70. Л. 63об.

⁵⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 141.

⁵⁸⁷ Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 49.

мере взросления утверждаются в своем превосходстве, то превращение девочки в женщину сопровождается душевными страданиями и тяжелыми размышлениями о своей участи⁵⁸⁸.

В этот период тон повествования в женских дневниках резко менялся. Если накануне «взросления» девочки рассуждали о детских проблемах (игрушки, дружба, родители, праздники), их занимали внешние проявления жизни, то с наступлением пубертата страницы дневника наполнялись рефлексивными размышлениями. На смену схематичному пересказу событий (перечисление ежедневных действий – «встала», «пошла», «рисовала», «играла», «гуляла») пришло их глубокое эмоциональное переживание. В преддверии 15 лет юная барышня размышляла: *«Мне будет 15 лет! Какая я большая! Но совсем не горжусь своей старостью, а, напротив, стараюсь уменьшить свои лета разными глупостями... Что я скажу, когда мне минет 20 лет! Какая гадость! Я надеюсь, что никогда не доживу до такой старости!»*⁵⁸⁹. Мария Покровская, в будущем известный врач и общественный деятель, в свои 16 лет писала о том, что она *«уже давно не ребенок»*⁵⁹⁰. Несмотря на полное незнание жизни, она воспринимала себя зрелой и подготовленной для взрослой жизни.

Возраст 15-летия был связан также с новой телесной практикой в жизни девочки-подростка – появлением первой менструации. Эта область девичьей повседневности, очевидно, была настолько табуированной, что в источниках личного происхождения не удалось обнаружить ни одного указания на начало регул. Исключительным источником информации явилась медицинская литература. Дореволюционные врачи, изучавшие репродуктивное здоровье россиянок, отмечали, что в высших слоях общества регулы начинаются гораздо раньше (в среднем в 14,69 лет) по сравнению с низшими слоями общества (в среднем в 16, но и часты случаи в 18 лет)⁵⁹¹. Несмотря на развитие знаний в области гинекологии, с появлением первых менструаций врачи связывали развитие

⁵⁸⁸ Бовуар С. де. Второй пол. М.-СПб.: Алетейя, 1997. С. 355.

⁵⁸⁹ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 12об.

⁵⁹⁰ РГИА. Ф. 1061. Оп. 1. Д. 7. Л. 57об.

⁵⁹¹ Калабин И.С. О преждевременном появлении регул // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 5. С. 863-869.

слабости, нервности, истеричности у представительниц интеллигентных классов⁵⁹². Продолжал быть актуальным подход врачей первой половины XIX века, согласно которому, состояние менструации сопровождается «раздражительностью», «несностью нрава», «растройством пищеварения», «гнилостным запахом изо рта», «проблемами с голосом», «кашлем», «чахоточным видом»⁵⁹³. По сообщениям гинекологов начала XX века, большая часть их пациенток никак не связывала регулы с репродуктивными функциями своего организма. Замужние дамы полагали, что регулы это очищение крови (*«каждый месяц испорченная, перегоревшая кровь выводится из организма, а чистая и хорошая остается...»*)⁵⁹⁴. Насколько ничтожными были представления девочек о собственной фертильности, остается только догадываться. В сложном положении оказывались гимназистки, институтки, постоянно проживавшие при учебных заведениях. Любопытный сюжет передан в воспоминаниях Т.Г. Морозовой, обучавшейся в Харьковском институте благородных девиц в 1910-е годы. Судя по ее свидетельствам, девочки не мели никаких особых средств гигиены при наступлении регул. В связи с этим начало месячных, особенно в раннем возрасте, превращалось в публичное событие, которое доставляло множество неудобств девочкам. Их нередко сторонились и высмеивали одноклассницы, не знакомые еще с данной практикой. Т.Г. Морозова в диалоге между воспитанницами передала этот пикантный сюжет юности: *«Девочки надо мной смеются, дразнят меня...» – «Почему?», – спрашиваю я с удивлением. – «Потому что я толстая и у меня кровь...». – «Что кровь?» - с недоумением спрашиваю я опять. «Ну, знаешь, месячное...», – ответила девочка... Я не знаю и поэтому ничего не понимаю»*⁵⁹⁵.

Многие девочки в этот период впервые влюблялись. Появлялись «томления», «сомнения», желания романтических чувств, трепетные размышления об избраннике. Юные создания зачастую не могли осознать природу этих переживаний. В частности, семнадцатилетняя дворянка называла возникшие у нее

⁵⁹² Гильденбрандт А.И. Мир половых страстей. СПб.: Электронпеч. К.А. Четверикова, 1909. С. 47-48.

⁵⁹³ Дейч О. Лучшее приданое или необходимые наставления для беременных, рожениц и родильниц. М.: Тип. Н. Степанова, 1841.

⁵⁹⁴ Монин Л.М. Беременность и роды. Популярное изложение физиологии и диеттики беременных, рожениц, родильниц и новорожденных. СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1905. С. 9.

⁵⁹⁵ Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 397.

ощущения «третьим чувством». Ситуация осложнялась тем, что девочки не имели возможности поделиться новыми захлестнувшими их ощущениями ни с родителями, ни с подругами, так как подобные темы табуировались общественной моралью. Дневник зачастую оставался единственным собеседником, которому девочки изливали противоречивые мысли. *«А любить так хотелось! Так хотелось быть любимой. Мне кажется, что все мои жажды ласки не были просто потребность ребяческой ласки, а были жажда страсти, это наступала моя пора... Откуда-то со всех концов моего тела поднимались новые чувства, рождались новые страсти, собирались в груди, толпились, готовые вырваться наружу»*⁵⁹⁶, – писала пятнадцатилетняя девушка. Схожие размышления доверила дневнику ее сверстница: *«Я чувствую, что душа моя полна любви, я должна влюбиться... Как ни стыдно мне в этом сознаться, но я должна сказать, что мне пришло время влюбиться»*⁵⁹⁷. Бессознательные эротические желания нередко, как, например, в данном случае, не предполагали объекта влюбленности. Девушки могли мечтать об абстрактной любви к несуществующему персонажу.

Половое созревание актуализировало дискурсы тела. Тело становилось важным объектом девичьих размышлений. Теоретики психоанализа и феминистской теории полагают, что тело девушки – это «истерическое тело», так как в нем психические процессы неотделимы от физиологических проявлений⁵⁹⁸. В этот период девочки впервые стали интересоваться собственными формами, которые они сравнивали с эталонными понятиями о красоте. Тело становилось одновременно объектом изучения и предметом стыда. Они нередко повествовали о своей «уродливости» и о красоте своих подруг, признавались, что подолгу рассматривали себя в зеркале, тем самым развивая свои представления о сексуальности. Оля Сваричовская с отчаянием описывала «страшный случай», произошедший с ней в магазине одежды. Вместе с матерью они выбирали блузку. Продавщица советовала обратиться в детское отделение, указав на то, что одежда для тринадцатилетних находится именно там. Для семнадцатилетней Оли слова взрослой женщины были приговором, она долго переживала, полагая, что ей никогда не стать привлекательной барышней с правильными формами.

⁵⁹⁶ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 19-20.

⁵⁹⁷ НИОР РГБ. Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 85, 92 об.

⁵⁹⁸ Бовуар С. де. Второй пол. М.-СПб.: Алетейя, 1997. С. 370.

Среди традиционных мероприятий в дворянской среде, призванных осуществлять половую социализацию девочек, были детские балы и первые «взрослые» балы, на которые девочки попадали в 16 лет⁵⁹⁹. Для многих из них эти события были долгожданнами, так как в обычной жизни круг их общения с противоположным полом был существенно ограничен. Ошибочно думать, что детские балы являлись веселыми вечерами, где девочки могли резвиться и развлекаться. Подобные мероприятия преследовали конкретную цель – предварительного приискания партий для своих дочерей. О важности балов свидетельствовали места их проведения – центральные здания города (как правило, помещения дворянских собраний). Состоятельные родители могли устраивать балы в собственных домах⁶⁰⁰. Девочки приезжали в сопровождении взрослых, чаще отцов. Любопытен возрастной состав детских балов. В то время как представительницам женского пола было 11–14 лет, среди мужской половины преобладали зрелые юноши и молодые мужчины. Детские балы приоткрывали юным дворянкам занавес светской жизни, становясь площадкой для демонстрации навыков изысканных манер, кокетства и основ флирта. Так, собираясь на первый бал в своей жизни, девочка писала: *«Завязываю волосы и надеваю гребешки не без..., скажу всю правду, не без некоторого кокетства. Но разве это преступление, что девочка хочет быть мило причесанной и одетой на своем первом балу? Нет, все женщины кокетливы, и девочки тоже, когда им тринадцать лет»*⁶⁰¹.

В гендерной социализации девочек присутствовали явные противоречия. С одной стороны, родители ограничивали общение девочек с противоположным полом (половая сегрегация), а с другой – подогревали их кокетство, чувствительность, в том числе посредством светских мероприятий. По мнению русского философа В. Розанова, стремление к развитию в девочках *«вечной женственности»* в конечном счете преследовало цель возвращения в них *«самочного инстинкта»*⁶⁰². Известная американская феминистка Эмма Голдман, которая до 16 лет воспитывалась в условиях дореволюционной России, в

⁵⁹⁹ Колесникова А.В. Бал в России. XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2005.

⁶⁰⁰ Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 21.

⁶⁰¹ РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 462. Л. 32об.

⁶⁰² Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 46.

произведении «Торговля женщинами» (1910 г.) также акцентировала внимание читателя на противоречивости женского воспитания, отмечая, что *«женщину воспитывают как сексуальный товар», но при этом «держат ее в половом неведении о значении и важности половой жизни»*⁶⁰³. В другой своей работе («Брак и любовь») она была более резка в высказываниях: *«Почти с младенчества девочке твердят о браке как о конечной цели; поэтому ее воспитание и образование подчинены именно этому. Тем не менее, как это ни странно, ей позволено куда меньше знать о своем назначении жены и матери, нежели обыкновенный ремесленник знает о своем ремесле»*⁶⁰⁴. Амбивалентность ситуации приводила к возникновению разного рода проблем и отклонений в психоэмоциональном и половом развитии девочек. На основании около трех десятков изученных подростковых дневников можно выделить следующие противоречивые формы сексуального развития: неразборчивость в выборе объекта сексуальных влечений; сублимация интимных желаний на представительниц своего пола; прогрессирование разных форм неврастения.

Частые отклонения были связаны с выбором объекта первой влюбленности. Учитывая ограниченность общения девочек с реер-группами⁶⁰⁵, в их поведении нередко прослеживались неразборчивые влечения к мужчинам, принадлежавшим к иным возрастным (гораздо старше), социально-статусным группам. А. Вербицкая в своих юношеских воспоминаниях не раз упоминала о крестьянских мальчиках, которые вызывали ее девичий интерес. Дневник молодой Оли Лопухиной (начиная с ее пятнадцатилетия) буквально пестрит описанием многочисленных влюбленностей. Среди объектов страстных чувств – молодой еврей⁶⁰⁶, работавший на заводе у отца (в условиях антисемитских настроений русского общества это воспринималось как крайняя степень девиации), офицеры, учителя и врачи. В.П. Багриновская указывала на сильные чувства к маминому поклоннику, который

⁶⁰³ Голдман Э. Торговля женщинами // Феминизм в общественной жизни и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 224.

⁶⁰⁴ Голдман Э. Брак и любовь // Феминизм в общественной жизни и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 230.

⁶⁰⁵ Реер-группа в психологии и социологии обозначает группу молодых людей приблизительно одного возраста, которая выступает в качестве ориентира при переходе из детства во взрослую жизнь.

⁶⁰⁶ Свои чувства она описывала: *«Мне стыдно сказать, что я влюблена в него... чувствую к нему любовь, одним словом, когда я чувствую его близко около меня или думаю о нем, мое сердце сильно бьется и дыхание делается тяжелее»* (РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 13).

длительное время был единственным мужчиной, вхожим в их дом. Позже она думала, что влюблена в человека, который, по ее признаниям, физически ей был неприятен: *«Я думаю, что маленький страшилка был мне физически противен, но я соглашалась, что я его люблю»*⁶⁰⁷.

Распространенным явлением было увлечение учениц своими приглашенными учителями и докторами, так как на протяжении пубертатного возраста они были единственными взрослыми мужчинами, окружавшими девочек. Провинциальная дворянка Александра Глинка (Знаменская) признавалась, что впервые она почувствовала что-то похожее на влюбленность в 15 лет. Объектом девичьих мыслей стал нанятый в их дом учитель. Александра размышляла о своей влюбленности, хотя впоследствии признавалась, что этот человек всего-навсего оказался первым мужчиной, с которым она имела возможность общаться. Вскоре «влюбленные» были помолвлены, в 16 лет она стала женой⁶⁰⁸. *«Старая история, ученица влюбляется в своего учителя»*⁶⁰⁹, – с сожалением сообщала ее старшая кузина. В личной истории А.А. Глинки сложилась парадоксальная ситуация: ее мать хотела, чтобы дочь училась, получала хорошее образование, в то время как девочка, пребывая в пубертате, не могла понять, чего она хочет от жизни. Учение шло плохо, особых успехов в предметах у нее не было. В итоге родители решили, что дочь лучше выдать замуж. Впоследствии Александра очень жалела о таком развитии событий. Она писала, что никому и в голову не пришло поговорить с ней, узнать, что у нее на душе, какие мысли терзали подростка.

Юная Ольга Лопухина откровенно рассказывала о флирте с семейным доктором, которого регулярно приглашали родители во время нездоровья девочки. В свои тайные желания «изводить» врача она посвятила младшую сестру, которая отчаянно критиковала ее за вольность в поведении. *«А я нахожу это очень весело! Ну и пускай он влюбится в меня, будет очень забавно!»*⁶¹⁰ – отвечала Ольга. Ей нравилось кокетничать с взрослым мужчиной, ловить его взгляд на себе, слушать в свой адрес комплименты. Однако, как только он стал отвечать взаимностью, демонстрируя свои страстные желания, это привело девочку в противоречивое и

⁶⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 109-110, 127.

⁶⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 14; РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 4-7.

⁶⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 4.

⁶¹⁰ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 49.

нервное состояние. Весело рассуждая о своем флирте, осознавая свое влечение, она не допускала мысли о возможности появления интимных деталей в ухаживании. Попытку доктора поцеловать ее она называла «*неприятным инцидентом*», а страстные откровения – «*низменной гадостью*». Девочка-подросток на себе ощущала всю противоречивость положения. Реализовать свои страстные желания она не имела возможности, в связи с чем ее состояние все больше напоминало нервное расстройство: она не спала ночью, постоянно нервничала, находилась в предобморочном состоянии, теряла аппетит, раздражалась и плакала по любому поводу. Для девушки значимым было иметь доказательства мужских симпатий. В этом возрасте важен был факт признания себя, своей красоты, обаяния, ума в глазах Другого, что играло существенную роль на пути девичьего самоутверждения. Как только дело доходило до продолжения интимной связи, это вызывало бурный протест подростка. Страх и ужас перед сексуальными отношениями во многом был обусловлен незнанием их сути. Мужчина из объекта кокетства превращался в «низменное существо». Схожие описания влюбленности в первого встречного мужчину (доктора) представлены в дневнике Н.А. Тучковой-Огаревой⁶¹¹.

Данные ситуации отражали переходное положение девочек пубертатного возраста: они уже не дети, но еще не женщины. Пример поведения Ольги Лопухиной иллюстрирует один из типов девочки-подростка («вторая группа»), выделенный К. Хорни. Психиатр указывала на то, что в пубертате девочки данной группы «*судорожно влюбляются*», флиртуют, кокетничают. Но реально не интересуются ни одним из объектов собственной влюбленности. После того как девочки уверяются, что «*мальчик завоеван*», бросают его или «*провоцируют его бросить*» их. К. Хорни подчеркивала, что представительницы данной группы впадают в депрессию, когда вокруг нет мужчин, которые могли бы ими восхищаться⁶¹².

В то время как юноши активно развивали свое половое чувство (обществом это никак не возбранялось), девочки должны были подавлять в себе бессознательно возникавшие эротические желания. Репрессированная сексуальность проявлялась в

⁶¹¹ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Ленинград: Academia, 1929. С. 15-17.

⁶¹² Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 200.

частных нервных расстройств. Их состояние можно охарактеризовать емким словом, употребляемым в психиатрии, – имплозия⁶¹³. Известный русский философ В.В. Розанов на страницах собственных полемических сочинений откровенно высказывался о том, что нервные срывы семнадцатилетних девушек, частые случаи истерии, «бледной немочи» объясняются неудовлетворенностью полового чувства⁶¹⁴. Доктора, обследовавшие таких пациенток, разводили руками, советовали больше отдыхать, лучше питаться и не перетруждаться. Врач Пликус одним из первых среди отечественных ученых изучал «половую истерию» у женщин. Обследования большого числа девушек показали, что зачастую их нервное состояние, общая слабость обусловлены неудовлетворенным половым инстинктом⁶¹⁵. Об этом же писала известный популяризатор половой гигиены врач М. Покровская. Она обратила внимание на высокий процент самоубийств девушек в возрасте пубертатного периода⁶¹⁶. Врач связывала их с «драмами» в интимных отношениях. Т. Сухотина-Толстая, вспоминая отроческие годы, откровенно признавалась, что интерес к сексуальной сфере отношений, отсутствие ответов на интересующие вопросы, мысли о самоубийстве переплетались в единый клубок⁶¹⁷.

Интимные отношения в представлениях благовоспитанных девочек превращались во что-то «мерзкое», «грязное», «отвратительное», унижающее и порочащее их возвышенную натуру. Юная Ж. Пастернак (сестра известного поэта Б. Пастернака) размышляла: *«Любовь – это тоска, томление, простодушие и возможное счастье; и совсем другое – отвратительные физиологические спазмы, острое, но позорное удовольствие... Для меня физиологическое желание всегда ассоциировалось с крайним омерзением»*⁶¹⁸. В итоге без ума влюбленные девочки отказывались от своих чувств, если вообще осознавали характер потенциальных отношений.

⁶¹³ Имплозия – термин в психиатрии (введен Мариной Гамбарофф), обозначающий «взрыв вовнутрь», разрыв полового тела в результате низкого внутреннего или высокого внешнего давления.

⁶¹⁴ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 76.

⁶¹⁵ Пликус Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 10. № 19-20. С. 297-309.

⁶¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 9. Л. 67-68.

⁶¹⁷ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1980. С. 159.

⁶¹⁸ Пастернак Ж. Хожение по канату. М.: Три квадрата, 2010. С. 54, 46.

«Я обратила внимание на слова Всеволода: «Я ревную Вас к платью, к одежде, они близко к вам»... Что же он хотел этим сказать? Близко ко мне..., но ведь мы сидели нынче рядом... а... он хочет быть ближе... а?... Неужели, неужели он хочет меня не одетую? Ой, господи, прости меня! Что же это такое? Зачем же это нужно?... Я совсем не такая красивая, да и зачем?... Я никогда не думала даже, что увижу когда-нибудь хоть полуодетого Всеволода... и вдруг мне предстало, что ведь когда мы поженимся, я буду спать с ним в одной комнате и он увидит мои руки, шею... Нет!»⁶¹⁹, – отчаянно рассуждала юная барышня. Тяжелые переживания девочки были вызваны тем, что она не могла представить, что тело, принадлежавшее только ей, вдруг станет предметом для манипуляций (его будут «осматривать», «прижимать», «держать» и «обладать им») со стороны кого бы то ни было.

Драматичность своего положения передала Оля Сваричовская, которая описывала первое признание и последующий поцелуй: *«Мы остановились у двери моей комнаты, и он спросил опять: «Значит, невозможно быть откровенной?»... Мне показалось, что мое сердце рвется от его слов, слезы навернулись на глаза, я сделала страшное усилие, чтобы не упасть в истерику, даже сказать, что я его люблю, я не могла»⁶²⁰*. Из сообщения девочки видно, что ею овладело страстное желание близости с любимым человеком. Не осознавая того, что с ней происходит, Оля точно знала, как не должна себя вести. Здесь же она признавалась, что балансировала на грани истерики. В итоге выстраивалась цепочка отношений: страсть, ее репрессирование, истерика – анамнез для психиатра. В состоянии подавленного, нереализованного сексуального чувства девушки могли находиться вплоть до замужества.

Доказательством репрессированной девичьей сексуальности были сновидения, которые девушки описывали на страницах собственных дневников (в начале XX века это стало модной тенденцией, видимо, под влиянием распространившихся идей психоанализа)⁶²¹. В качестве наиболее яркой иллюстрации мне хотелось бы привести эротический сон девятнадцатилетней

⁶¹⁹ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 84.

⁶²⁰ Там же. Л. 23об.

⁶²¹ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 12. Л. 24-53; РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 148-148об.

Ольги Лопухиной: *«Сегодня я нахожусь в каком-то опьянении и спокойствии..., благодаря сегодняшнему сну. Снится мне, что я захожу в какую-то пещеру, и в полной уверенности, что там что-то очень страшное меня зарежет или задушит... Я все иду и иду, вдруг натыкаюсь на дверь, открываю ее и вижу массу мальчиков, сидящих в классе... На кафедре сидит молодой учитель, в каком-то мундире, у него большие серые глаза... и вообще приятное лицо. Я преспокойно захожу в класс и сажусь на стол. Учитель подходит ко мне и начинает медленно кружиться вокруг, будто бы хочет испугать меня, но я совсем не боюсь и питаю к нему большое доверие. Все это кончается тем, что учитель влюбляется в меня, я чувствую, как он подходит ко мне все ближе и ближе, и я уже слышу его дыхание, и вдруг он обнимает меня и целует. Тут я испытываю всю прелесть его любви, вполне отдаюсь ему... и просыпаюсь. Чудный сон, хотя и грешный»⁶²². Не обязательно быть психоаналитиком, чтобы правильно интерпретировать этот сон. «Пещера», «мальчики», «молодой учитель» – метафоры либидозного инстинкта молодой женщины. Откровенный эротический сон привел девушку не только в возбуждение, но и действовал успокаивающе, частично снимая сексуальное напряжение. Описанный сон свидетельствовал о существовании большого сексуального желания и невозможности его удовлетворения.*

Вспоминая годы юности, старшая дочь Л.Н. Толстого Татьяна признавалась, что внезапно ее стал страстно интересовать вопрос о характере отношений между мужчиной и женщиной. Она не знала человека, который мог бы дать ей столь необходимые ответы. Татьяна отчетливо понимала, что с родителями о подобном не принято было разговаривать. В своих мучительных размышлениях она упиралась «в непроходимую стену». Девушка не понимала, что делать с нахлынувшими на нее новыми ощущениями. *«Иногда набегала на меня какая-то неопределенная тревога... Хотелось новых ощущений... Грезилась мужская любовь... И я не совсем понимала, отталкивала ли она меня или привлекала... Вставало нечистое любопытство»⁶²³*, – вспоминала Татьяна. При этом родители пресекали любое проявление интереса дочери к мужчинам. Ее письма, дневники нередко перечитывались матерью и отцом, которые были убеждены, что

⁶²² РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. Л. 148-148об.

⁶²³ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1980. С. 161.

необходимо контролировать не только поведение, но и образ мыслей своих детей. Татьяна Толстая признавалась, что ей было очень стыдно, когда отец прочитал ее послание к подруге, в котором она живо интересовалась офицерами. Лев Николаевич не только вмешался в чужую переписку, сделал строгое замечание дочери, но и заставил ее раскаяться и пообещать впредь не заниматься подобными вещами⁶²⁴.

Впервые феномен женской истерии стал изучаться на Западе в рамках психоаналитической теории (Ж. Шарко, З. Фрейд). «Случай Доры» З. Фрейда наделал немало шума в научном сообществе. Известные психоаналитики и философы (Х. Дойч, Ч. Бернхеймер, С. де Бовуар) объясняли частые психозы девушек в период полового созревания прежде всего тем, что они чувствовали себя незащищенными *«перед непонятым и неотвратимым будущим, обрекающим их на невообразимые страдания»*⁶²⁵. О женской истерии писал классик современной философии М. Фуко. Он полагал, что *«истеризация женщины нашла точку закрепления»*⁶²⁶ в буржуазный век. Впервые на себе испытали данный феномен, по мнению Фуко, представительницы высшего света, так как они продолжали воплощать в себе «праздность», кокетство, флирт, в то время как новая этика *«канонической семьи»* определяла им обязанность самоотверженных и высоконравственных родительниц.

Зажатость рамками социальных норм, многочисленные эмоциональные запреты, непонимание тех физиологических явлений, которые с ними происходили в период пубертата, депривация собственной сексуальности, смутные представления и страхи, связанные с будущей детородной функцией, – все это делало девушек чрезмерно нервными, болезненными и чувствительными. Психиатр К. Хорни видела главную причину появления регрессивных явлений в развитии женской личности, начиная с подросткового возраста, в существовании большого числа *«эмоциональных запретов»*. Она писала: *«Создается впечатление, что когда либидо такой женщины нарастает, чаша весов переполняется и теряется хрупкое равновесие, которое было ранее достигнуто, хотя и за счет*

⁶²⁴ Там же. С. 161.

⁶²⁵ Бовуар С. де. Второй пол. М.-СПб.: Прогресс, 1997. С. 356-357.

⁶²⁶ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 225.

*утраты части витальности»*⁶²⁷. Женская истерика в начале XX века приобрела массовое явление, очевидно, в связи с тем, что психика женщины не успевала подстраиваться под менявшиеся условия жизни. Патриархальная семья требовала от девушки традиционного поведения в вопросах половых отношений, в то время как в обществе началась легализация ранее табуированных половых вопросов.

Даже либерализация России, распространение женских учебных заведений, которые «извлекали» девочек из домашнего плена, не могли в корне изменить правил, ограничивавших общение юных барышень с молодыми людьми (по крайней мере, до конца XIX века). С развитием среднего женского образования в России дворянки нередко покидали родовые гнезда для обучения в столичных и губернских гимназиях, пансионах (в случае невозможности дать девочке домашнее обучение ее могли посылать в 7–8-летнем возрасте). Однако вся система обучения была устроена таким образом, чтобы девушки не имели ни малейшей возможности общения с мужчинами и, соответственно, не могли завязывать с ними каких-либо отношений. Родители-дворяне стремились помещать своих чад на полный пансион с постоянным закрытым проживанием. Жизнь девочек строго регламентировалась. Они не имели возможности по своему желанию выйти в город, отправиться к родственникам или на прогулку. Если их и отпускали, то в сопровождении наставниц с выдачей особого разрешения⁶²⁸.

Однако к концу XIX века эти нормы слабели, все чаще гимназисток могли видеть в публичных местах в компании гимназистов, позднее излюбленным местом встреч молодежи стали кинотеатры. Между тем подобное поведение общество продолжало оценивать как девиацию. Несмотря на ослабление общественного контроля, познакомиться с девушкой без ведома родителей было делом непростым. Иллюстрацией этого явился судебный процесс 1899 года над мелкопоместным дворянином Смоленской губернии А.М. Закаманским⁶²⁹. Без разрешения на то родителей бывший гимназист пытался познакомиться с гимназисткой А. Шевелевой. Поиск «случайных» встреч не увенчался успехом. Записку с приглашением на свидание он передал через знакомую. Юная Шевелева,

⁶²⁷ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 71.

⁶²⁸ Мицюк Н.А. Образование не для одной только гостиницы. Феномен провинциальных женских пансионов // Женщина в российском обществе. 2012. № 2 (63). С. 3-9.

⁶²⁹ ГАСО. Ф. 829. Оп.1. Д. 32. Л. 36-42.

боясь общественного осуждения, об этом поведала брату, который и явился на встречу выяснить отношения с ухажером и защитить честь сестры. Свидание закончилось дракой, а затем судебными разбирательствами.

Министерства народного просвещения, внутренних дел предписывали гимназическому руководству вести негласный надзор за ученицами, проверять их съемные квартиры, всячески охранять честь и нравственность воспитанниц. Дабы ограничить общение девочек с представителями мужского пола, на должность педагогов все чаще брали женщин. Общероссийскую известность получил протест матерей ряда городов в отношении школьных врачей-мужчин. В результате министерский циркуляр рекомендовал брать на должность врачей преимущественно женщин. Ученицам гимназий было запрещено присутствовать на судебных разбирательствах. Считалось, что *«при рассмотрении судебных процессов, в коих разбираемые с большою подробностью преступные деяния представляют во всей их неприглядности болезненные явления общественного быта, может оказать весьма вредное влияние на восприимчивые натуры юных слушательниц»*⁶³⁰. Эта инструкция призвана была оберегать нравственность гимназисток, а также препятствовать возможности общения юных девочек с посторонними мужчинами. Ограничение общения с мужским полом в стенах учебных заведений приводило к специфичным последствиям – распространению однополых влечений между ученицами.

Большой массив источников личного происхождения демонстрирует, что сексуальная культура юных дворянок на протяжении всего XIX века была на чрезвычайно низком уровне. Для подавляющего большинства девушек интимные отношения ассоциировались исключительно с трепетными ухаживаниями, невинными поцелуями и романтическими свиданиями. Они грезили о «принце», мечтали быть рядом с возлюбленным, держаться за руки и вести с ним душевные беседы. Пределом их отношений должен был стать страстный поцелуй или объяснение в любви. Следует обратить внимание на важную деталь женского письма. Девушки подробнейшим образом описывали свой первый поцелуй и

⁶³⁰ Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903 гг. / Сост. Д. Кузьменко. Смоленск: Губ. тип, 1904. С. 226.

испытанные при этом эмоции, в то время как рассказы о переживаниях первого полового акта напрочь отсутствовали в женской мемуаристике.

Для многих дворянок поцелуй вне брака считался постыдным, они сравнивали его с потерей «чистоты». Семнадцатилетняя Ольга Сваричовская так описывала свой первый поцелуй и сопровождавшие его эмоции: *«Кругом было темно... и я вдруг почувствовала что-то жгучее на лице, чудное, и раньше, чем мысли явились в голове, мои губы страстно ответили поцелуем... «Поцеловались!» – вдруг мелькнуло у меня в голове... Я прислонилась в угол, закрыла лицо руками и будто только теперь поняла свой поступок. Я зашептала: «Стыдно, стыдно». Я даже не поняла от страха всю сладость первого поцелуя. Да, больше Лели не было! Той чистой, наивной Лели, которая еще так недавно своею чистотой нравилась Борису... Жизнь показала свою изнанку»*⁶³¹. Для двадцатичетырехлетней Веры Калицкой, участницы подпольной антиправительственной организации, разделявшей феминистские взгляды, жившей самостоятельными заработками вне родительского дома, поцелуй нравившегося ей мужчины также казался событием из ряда вон выходящим, о котором она писала в дневнике: *«...Я подала Александру Степановичу руку на прощание, он притянул меня к себе и крепко поцеловал. До тех пор никто из мужчин, кроме отца и дяди, меня не целовал; поцелуй Гриневского был огромной дерзостью, но, вместе с тем, и ошеломляющей новостью, событием. Я так сконфузилась и заволновалась...»*⁶³².

Откровенные мужские порывы страсти рассматривались невинными созданиями как проявление высоких чувств. Диссонанс в восприятии любовных переживаний демонстрирует случай, описанный пятнадцатилетней девушкой⁶³³. Она повествовала о своем возлюбленном, о его высоких чувствах и ухаживаниях. Единственное, чего она никак не могла понять, зачем кавалер так сильно прижимался к ее груди на одном из свиданий. Девушка предположила, что он хотел почувствовать, как бьется ее сердце. Мысль о сексуальном желании юноши даже не рассматривалась ею.

В девичьем восприятии половые отношения, если о них вообще имелось представление, ассоциировались не иначе, как «всякая грязь», «позор», «животное

⁶³¹ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

⁶³² Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия. М.: Коктебель, 2010. С. 25.

⁶³³ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 25-34.

наслаждение», «скверность», «неведомая сила» «двойная жизнь», «половая похоть», «надругательство над душой». В самом факте физического сближения виделось что-то «животное», «гадостное», «свинское». Девушки с трепетом ожидали любовных отношений, ухаживаний, свиданий, но со страхом думали о первой брачной ночи. Подавляющее большинство дворянок, вступавших в брак, имели скудные знания о сути сексуальных отношений и особенностях собственной фертильности. Невесты могли очень любить своих женихов, однако сама мысль о возможности полового контакта приводила их в отчаяние. В то время как для девушек, впервые вступавших в брак, эта телесная практика была новой, мужчины зачастую уже имели богатый опыт интимных связей. Причина столь негативного восприятия сексуальных отношений девушками коренилась в противоречивом характере их воспитания.

Пубертатный период, в котором осуществляется переход от защищенного тела ребенка к самостоятельному телу взрослого, по мнению современных психоаналитиков, представляет *«наиболее глубокий кризис в общем развитии личности»*⁶³⁴. Именно в это важное для психосексуального развития время юные дворянки были изолированы от всего того, что могло бы дать естественное направление их сексуальному воспитанию, а также облегчить для них переход из мира детства в мир взрослой жизни. Дневниковые записи девочек-подростков, а также воспоминания уже зрелых, замужних женщин в абсолютном большинстве демонстрируют драматичную картину их приобщения к сексуальной культуре.

Почему этот естественный процесс переживался настолько тяжело и зачастую имел трагическую развязку? Важнейшая причина крылась в табуировании любых вопросов, связанных с половыми отношениями, внутри семьи. Девочки никогда не обсуждали с родительницами вопросы интимного характера, девичий мир эмоциональных переживаний не интересовал их матерей. Вообще излишняя откровенность детей по отношению к родителям не приветствовалась. А. Вербицкая описывала случай, произошедший с одноклассницей. Девочка, тосковавшая по дому, написала матери откровенное письмо, где изложила все свои противоречивые чувства. В ответ она получила

⁶³⁴ Полюда Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 102.

послание со строгими нотациями, в котором не было ни одного ласкового слова⁶³⁵. Мать старалась всевозможными способами пресечь интимные разговоры с дочерью. Вероятно, этим объяснялся частый запрет родителей на ведение девочками-подростками дневников, хотя нередко матери прививали девочкам 7–12 лет практику заполнения личных дневников. Родители боялись неудобных тем и интимных подробностей, описываемых их дочерьми. Девочки, в свою очередь, скрывали свое творчество, о чем не раз упоминали в дневниках. Четырнадцатилетняя Ольга Лопухина писала: *«Я не знаю почему, но мама мне не отдает мои старые мемуары, оттого я выкопала себе другую тетрадку, чтобы снова начать дневник»*⁶³⁶. Мать делалась «доступной» для дочери только после ее полового созревания и выхода замуж.

В условиях пореформенной России взаимоотношения между матерями и их дочерьми стали меняться. Мать становилась активной участницей в воспитании собственных детей. В то же время вопросы сексуального просвещения продолжали оставаться вне ее забот. Это объяснялось тем, что общественная мораль накладывала табу на сексуальное просвещение благовоспитанных девушек. Существование специальных знаний в этой сфере свидетельствовало о дурном воспитании подростка. Даже чтение любовных стихов считалось плохим тоном⁶³⁷. Первые попытки в начале XX века ввести в курс женских гимназий преподавание основ анатомии и физиологии были встречены враждебно многими родителями. Они опасались, что подобные знания навредят правильному развитию их девочек. Много шума наделали медицинские осмотры гимназисток врачами-мужчинами. Нередко школьным докторам приходилось оправдываться и объясняться, что частичное раздевание является непременным условием диагностики здоровья учениц.

В традиционном дворянском воспитании прослеживался крайне амбивалентный характер: девочек учили кокетничать, наряжали в изысканные соблазнительные наряды, готовили к миссии «хороших жен», при этом их сексуальность всячески депривировалась. Юные создания мечтали о

⁶³⁵ Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 265-267.

⁶³⁶ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 2.

⁶³⁷ Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 50-51.

романтической любви (тургеневской любви), не имея представлений о сущности половых отношений. *«Мама со своим взглядом о любви и семейном назначении женщины развила в нас психологию барышни-невесты. Неясные мечты о любви, интерес к молодым людям – вот что наполнило мою душу»*,⁶³⁸ – с досадой вспоминала В.П. Багриновская. Она признавалась, что грезилась о замужестве, будучи ни физически, ни психически к нему не готовой. *«Я была сильная, румяная, абсолютно здоровая девушка с горячим сердцем и романтически настроенным воображением. Но для замужества я была не готова. Смутные грезы, мечты, неясные настроения наполняли мою голову»*, – писала она⁶³⁹.

Девочки черпали знания о сексуальных отношениях в медицинских книгах, где помещались картинки с женскими и мужскими половыми органами, из сообщений подруг, а также из художественной литературы. Следует отметить, что в Советской России источники сексуального просвещения девочек, согласно современным социологическим исследованиям, мало чем отличались⁶⁴⁰. Для девушек 1860–1870-х годов отыскать подобную литературу было непростым делом. Авторы отечественных научно-популярных книг по физиологии, акушерству и гинекологии обходили вопросы, связанные со сферой сексуальных отношений. Сакраментальные сведения содержались в переводных медицинских изданиях, продажу которых в России можно объяснить только чудом или невнимательностью цензоров. Например, несколько раз переиздавались работы известного французского врача, популяризатора полового воспитания А. Дебэ. Содержание его произведений по физиологии брака было достаточно откровенным. Он подробным образом освещал вопросы, о которых не принято было говорить в приличном обществе. Среди названий глав его книги – «Девственность», «Онанизм», «Сладострастные излишества, распутства», «Супружеские обязанности», «Брачные удовольствия» и др. Впервые работы А. Дебэ появились в России в 1872 году⁶⁴¹.

⁶³⁸ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 115об-116.

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Роткирх А. Мужской вопрос: Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 177-178.

⁶⁴¹ Дебэ А. Брак и безбрачие во всех половых и моральных проявлениях. Гигиена, физиология и философия брака и безбрачия. М.: Тип. Т. Рис, 1872.

В художественной литературе 1860–1870-х годов также преобладала романтизация любви, половое чувство оставалось за рамками повествования. Исключением стало произведение Оноре де Бальзака «Физиология брака», содержащее достаточно откровенные рассуждения о сути плотских отношений. Сам того не подозревая, революцию в сексуальном просвещении девочек совершил Л.Н. Толстой, написав «Крейцерову сонату» (закончил работу над ней в 1889 г., в 1890 г. она была опубликована). Л.Н. Толстой был непререкаемым авторитетом для широкого круга читателей. Многие женщины признавались, что это произведение оказало существенное влияние на формирование их девичьего мировоззрения. Анна Ахматова в воспоминаниях подчеркивала, что родилась в «один год с «Крейцеровой сонатой» Толстого»⁶⁴², очевидно, гордясь этим. Книга встретила неоднозначное отношение в обществе. Однако все сходились на том, что ее чтение противопоказано детям и подросткам. В связи с этим родители стремились спрятать книгу подальше от детских глаз. Появление запретного произведения рождало страстный интерес у девушек прочитать его. Оля Сваричовская сообщала, что родители не давали ей «Крейцерову сонату», вопреки настойчивым просьбам. Любопытство взяло верх, девочке удалось отыскать соответствующий том Толстого. *«Я прочитала Крейцерову сонату. Попади она мне в прошлом году, и ничего бы не было, но мои «заботливые родители» поспешили спрятать Крейцерову сонату, едва я заикнулась про нее... Затворившись в своей комнате, я принялась за чтение. О боже мой! Глаза едва двигались по строкам. С ужасом читала я страшные слова. Мне становилась все яснее и яснее настоящая жизнь... Почти на каждом шагу встречались мне непонятные, неслыханные слова. Я догадывалась, что это было что-нибудь неприличное... Как я рада, что прочитала Крейцерову сонату»*⁶⁴³, – описывала она трепетные ощущения, овладевшие ею в процессе чтения. Для многих девочек «Крейцера соната» явилась настоящим откровением. Это произведение в буквальном смысле переворачивало все девичьи представления о любви, чувствах и отношениях между мужчиной и женщиной, мужем и женой. Открыв для себя «прозу жизни», многие девочки не могли понять, почему мать им ничего об этом

⁶⁴² Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014. С. 3.

⁶⁴³ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 222, 258об.

не рассказывала, почему самый близкий человек не позаботился о том, чтобы подготовить их к «настоящей жизни».

Узнав о том, что на самом деле происходит между мужчиной и женщиной, многие девочки терзались, впадали в отчаяние, отрекаясь от потенциального замужества и деторождения. Старшая дочь писателя Татьяна Сухотина-Толстая записала в дневнике: *«Мне жаль, что я потеряла то страстное желание остаться девушкой, которое было последние года, и особенно сильно после «Крейцеровой сонаты». (Надо ее перечесть)»*⁶⁴⁴. Сложную гамму чувств передала в своем дневнике семнадцатилетняя Ольга Сваричовская. «Проза жизни», «горькая истина» настолько ввела ее в смятение, что она твердо решила никогда не становиться женой. На страницах дневника ей удалось передать экспрессивность чувств и мыслей: *«Мне становится страшно и гадко. Нет, я лучше не выйду замуж, я уйду в монастырь!.. А вдруг...а... а... вдруг... и мне придется исполнить долг женщины? Никогда! Никогда!!!... Боже! Спаси меня... и не в силах больше сдерживаться я горько, горько заплакала над несчастной женской долей, над своей горькой участью. Ах, зачем, зачем я женщина?! Зачем эти мысли явились? Отчего я никогда не думала об этом раньше?»*⁶⁴⁵. Сила ее переживаний была такова, что она впала в болезненное состояние.

Ситуация осложнялась тем, что в большинстве своем девочки мечтали о будущем замужестве и материнстве. Открывшаяся «проза жизни» вставала на пути их стремлений. Нередко девочки, узнав «правду» о характере интимных отношений между полами, давали себе обещание не выходить замуж, оставаться девственницей и позже взять на воспитание сироту. Так, Оля Сваричовская писала: *«Теперь я никогда не пойду замуж ни за кого! Я, да чтобы отдалась мужчине, да ни за что!.. И потом кто-то сказал, что долг женщины – это быть матерью. Я поборола в себе страх и стыд и решила, что да исполню долг. Но теперь я нашла, наконец, истину, я останусь девственницей. А так хотелось иметь маленькое существо, которое звало бы тебя «мама», которое бы любило одну тебя, которое можно было бы воспитать по-своему... как же теперь? Ведь я почти безумно*

⁶⁴⁴ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1979. С. 346.

⁶⁴⁵ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 84об.

люблю детей. Отлично разбираюсь в их психологии. Как же быть? А, я возьму на воспитание крошечную девочку и усыновлю ее! Это отлично!»⁶⁴⁶.

Отсутствие эмоциональной близости между матерью и дочерью, стихийность психосексуального развития ребенка и невмешательство родителей в процесс полового воспитания девочек – все это могло стать латентной причиной конфликта между взрослеющей дочерью и матерью⁶⁴⁷. *«Меня не подготовили к жизни! От меня скрыли не только грязную жизнь, но и обыкновенную! Жизнь нарядили в шелк, напмадили, нарумянили и показали мне, и, мне казалось, что это и есть жизнь. И вот мне пришлось встретиться с действительной жизнью, силы были неравны... Мне было и больно и обидно, что моя мама лжет..., я не могла даже предположить, что взрослые люди лгут, лгут на каждом шагу, своим и чужим»⁶⁴⁸*, – рассуждала юная дворянка после того, как узнала о сути плотских отношений. Екатерина Кравченко (Половцева), описывая подростковый возраст, отмечала существование пропасти между ней и матерью, которая была невероятно далека от ее забот, тягот и мыслей⁶⁴⁹.

Впервые о несправедливости такого положения дел стали говорить женщины-врачи. Вопросы половой социализации им оказались особенно близки. Во-первых, они по роду своей деятельности не раз сталкивались с этой проблемой. Дворянки приводили им на прием дочерей, страдавших «нервными болезнями», физическими, психическими недомоганиями. Несмотря на отсутствие подготовки в области психоанализа, многие специалисты осознавали корень проблемы. Во-вторых, женщины-врачи, преимущественно дворянки по происхождению, имели за плечами собственный негативный опыт сексуального воспитания, что позволяло им лучше понимать своих пациенток и диагностировать отклонения в их половом развитии. Врач Е.С. Дрентельн в начале века чрезвычайно точно подчеркивала амбивалентность и относительность великосветской морали: *«Остановимся на минуту на двойственном положении женщины... Девушка должна была быть невинна, находиться в полном неведении относительно всех половых вопросов (ей полагалось даже не знать ничего о внешнем различии полов и способе зарождения*

⁶⁴⁶ Там же. Л. 258.

⁶⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 752. К. 1. Д. 1; ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9.

⁶⁴⁸ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 28об, 222.

⁶⁴⁹ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1549. Л. 14.

человеческой жизни) и, вместе с тем, она должна была уметь охранить себя от посягательств на нее мужчины, «соблюсти себя»: она должна быть доверчивой и вместе с тем не верить мужчине ни в чем..., она должна была быть воздушной, не иметь никаких желаний плоти и вместе с тем должна была, став женой, главным образом отвечать на запросы мужской чувственности»⁶⁵⁰.

О половой безграмотности девушек писала известная феминистка, врач-гигиенист Мария Ивановна Покровская. Она отмечала, что невинная девушка, вступив в брак, «получает зачатки как нервных, так и физических болезней, от которых она потом страдает всю жизнь»⁶⁵¹. В феминистском духе врач винила в развращенности мужчин, которые на момент женитьбы уже получили половое воспитание в домах терпимости, в то время как их невесты являлись не только невинными, но и дезинформированными в вопросах половых отношений. Она считала, что для решения этого острого жизненного противоречия общество, с одной стороны, должно дать женщине половую свободу, с другой – вести борьбу с проституцией и культивировать целомудрие у мальчиков⁶⁵². Половая свобода для нее означала право выбирать себе спутника жизни, а не быть жертвой мужского выбора.

М. Покровская одной из первых среди отечественных врачей стала пропагандировать половое воспитание молодежи в семье и школе. Она считала аморальным тот факт, что общество – в лице родителей, школы – скрывает от девушек реалии брачной жизни, межполовых отношений, а также пресекает все формы выражения девичьего полового инстинкта. Ее возмущало отсутствие подобных запретов в половом воспитании мальчиков, которых, напротив, стремились как можно раньше посвятить в тайны интимной жизни (отцы нередко самостоятельно отводили сыновей к проституткам, матери одобрительно смотрели на связь сына с домашней прислугой и проч.). Ее идеи были восприняты крайне отрицательно. Предложение М. Покровской принять на государственном уровне программу полового просвещения девушек критиковали как врачи, так и

⁶⁵⁰ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 228.

⁶⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44. Л. 16.

⁶⁵² Покровская М.И. Вопросы воспитания. О развитии душевной энергии у детей. О воспитании целомудрия у мальчиков. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902; Покровская М.И. О детских развлечениях. Их психологическое и гигиеническое значение. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896.

политические деятели, обвиняя ее в развращении молодежи⁶⁵³. С подобными предложениями выступали активистки женского движения⁶⁵⁴. Эта идея стала обсуждаться даже на страницах журналов, авторы которых отстаивали приоритет традиционных семейных ценностей. Редакторы журнала «Женщина» все чаще отмечали важность «правильного естественно-научного поставленного общего и специального полового воспитания детей», а также «полового обучения детей»⁶⁵⁵.

Позиция М. Покровской находила поддержку среди феминистски настроенных коллег по врачебному цеху. А. Словцова считала, что власти должны разработать программу «курсов для матерей», где значительное внимание будет уделено половому воспитанию девушек. Она также возмущалась инфантильными представлениями молодых женщин в отношении брака, половой жизни и материнства⁶⁵⁶. А. Словцова критиковала «бесполоую гигиену», которая вводилась в учебные программы женских гимназий.

Детский врач А.Т. Михайлова, активистка Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, считала, что не только родители, но и врачебное сообщество должно просвещать девочек в вопросах интимной жизни, физиологии беременности и родов. Она выступила с инициативой открытия просветительского музея материнства, в котором первый отдел должен был быть посвящен вопросам полового просвещения незамужних женщин, а также девушек и девочек. *«С самого рождения девочке нужно думать, что она будет матерью»*⁶⁵⁷, – писала А. Михайлова. Она считала, что подготовка к материнству должна начинаться с правильного полового просвещения (*«что должна знать девушка, выходя замуж»*).

2.2.2. Практики «обожания» девочек-подростков

В сексуальном развитии девочек нередко присутствовали однополюсные влечения в пубертатном возрасте. Впервые на существование данного феномена указывали врачи, изучавшие половую жизнь населения дореволюционной России.

⁶⁵³ Покровская М.И. О половом воспитании и самовоспитании. СПб., 1913; Сообщение // Женский вестник. 1913. № 2. С. 63.

⁶⁵⁴ Вахтина М. Брачный вопрос на первом Всероссийском женском съезде // Женский вестник. 1909. № 3. С. 72-73.

⁶⁵⁵ Педагогические новости. Семья и половой вопрос // Женщина. 1909. № 23. С. 23-25.

⁶⁵⁶ Словцова А. В защиту «курсов для матерей» // Женский вестник. 1913. № 2. С. 82-84.

⁶⁵⁷ Михайлова А.Т. Музей по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 512.

Однако их публикации имели узкопрофессиональный характер. В начале XX века большой резонанс возымели произведения известного отечественного философа В.В. Розанова, в которых он, пожалуй, впервые столь открыто повествовал об однополых влечениях. Его работа «Люди лунного света», опубликованная в 1911 году, была воспринята с большой растерянностью, а затем и с критикой. Среди зарубежных исследований, посвященных половым девиациям, в России в начале XX века самыми популярными были работы А. Фореля и Р. Крафт-Эбинга⁶⁵⁸. В настоящее время теоретиками «квир-идентичности» на Западе, исследующими феномен женской гомосексуальности, являются Тереза де Лауретис, И.К. Сэдживик, Э. Гросс⁶⁵⁹. Л. Фадерман изучала проявления женской романтической дружбы и любви в истории⁶⁶⁰. Среди современных отечественных исследований исключительными по характеру раскрытых тем являются труды И.С. Кона. В большинстве случаев он рассматривал исторические примеры мужской однополой привязанности (гомосексуальные отношения в стенах учебных заведений). И. Кон также высказал предположение о присутствии лесбийских отношений между девочками, помещенными в закрытые или полузакрытые учебные заведения индустриальной России⁶⁶¹. Другой отечественный исследователь, филолог А.Ф. Белоусов в предисловии к сборнику мемуаров институток сделал акцент на существование в среде учениц практик «обожания», которые он отнес к особому роду дружбы, «*пронизанной разнообразной обрядностью*»⁶⁶². В уникальной работе английского историка Дана Хили о гомосексуальном влечении в революционной России в главе, посвященной однополым связям между женщинами, феномен «обожательства» институток и гимназисток обойден вниманием. Автор остановился лишь на проявлениях лесбийских отношений в публичных домах и в среде интеллектуального бомонда⁶⁶³. Лори Эссиг провела исследование

⁶⁵⁸ Форель А. Половой вопрос. Т. 1-2. СПб.: Вестник знания, 1906; Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. М.: Книжный клуб Книгобек, 2013.

⁶⁵⁹ Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Ред. И.А. Жеребкиной. Харьков. СПб.: Алетейя, 2001. С. 63-66.

⁶⁶⁰ Faderman L. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love Between Women from the Renaissance to the Present. New York: William Morrow, 1981.

⁶⁶¹ Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 184-185.

⁶⁶² Белоусов А.Ф. Институтки. // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 19.

⁶⁶³ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008. С. 67-93.

повседневности людей с «нетрадиционной ориентацией» в постсоветской России⁶⁶⁴. Российская исследовательница О. Жук впервые обратила внимание на лесбийскую культуру начала XX века⁶⁶⁵. Темы однополый привязанности касалась философ И. Жеребкина, исследуя женскую сексуальную культуру на рубеже XIX–XX веков⁶⁶⁶. О. Жук, И. Жеребкина ограничили предмет исследования литературным бомондом Серебряного века, подростковая половая девиация не являлась предметом их изучения. Культуролог С.Б. Борисов, изучавший антропологию советского девичества, отмечал присутствие в сексуальной инициации девочек «форм эротически окрашенной межполовой коммуникации»⁶⁶⁷.

Каковы же причины существования однополый привязанности в девичьей культуре дореволюционной России? Если для эпатажных дам Серебряного века (З. Гиппиус, Л. Зиновьева-Аннибал, М. Цветаева, А. Ахматова, С. Парнок, А. Евреинова, П. Соловьева) нетрадиционное поведение в сексуальной сфере являлось способом самовыражения, олицетворявшим свободу женщин, в том числе в выборе партнера, то для юных дворянок, принадлежавших к чопорному XIX веку, подобные отношения имели иное смысловое содержание. Классическое объяснение отклонений в развитии детской сексуальности представлено в работах теоретиков психоанализа. З. Фрейд в известном исследовании «Три очерка по теории сексуальности» в качестве важнейших причин возникновения однополый привязанности в пубертате называл недоступность «нормального полового объекта» и подражательское поведение. Между тем З. Фрейд полагал, что подобные проявления редки, в связи с чем он относил их к «случайно инвертированным» представителям⁶⁶⁸.

Современный немецкий философ, психоаналитик Ева Полюда, изучая подростковый возраст женщины, была убеждена, что интимные отношения между подругами в девичестве – типичное проявление их психосексуального созревания. В этот период (она датировала его шестнадцатилетием), по мнению

⁶⁶⁴ Essig L. *Queer in Russia. A Story of Sex, Self, and the Other*. Durham: Duke University Press, 1999.

⁶⁶⁵ Жук О. *Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России XX века*. М., 1998.

⁶⁶⁶ Жеребкина И. *Страсть: женское тело и женская сексуальность в России*. СПб.: Алетейя, 2001.

⁶⁶⁷ Борисов С.Б. *Культурантропология девичества. Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой культуры* / <http://www.anthropology.ru/ru/texts/index.html> (дата обращения 07.12.2014).

⁶⁶⁸ Фрейд З. *Три очерка по теории сексуальности* // Фрейд З. *Психология бессознательного*. М.: Просвещение, 1990. С. 123.

исследовательницы, девочка изолирует себя от окружающей среды, чтобы *«оплакать утрату детства и создать себе переходный мир и эротическую замену»*⁶⁶⁹ (прежним эротическим объектом, с точки зрения психоаналитической теории, являлись родители). При этом «подруга» служит объектом и средством для раскрытия собственной сексуальности. То есть, по мнению Е. Полюды, однополые эксперименты девочек это не столько результат «случайной инвертированности», на что указывал З. Фрейд, сколько естественный процесс женского полового созревания.

Ранее об этом же писала Симона де Бовуар в ставшей классической работе «Второй пол». Она полагала, что лесбийские наклонности присутствуют у подавляющего большинства девочек-подростков. Главное их содержание, по мнению философа, кроется в том, чтобы девочки могли *«вырваться из-под материнской опеки и познать мир, в частности мир секса»*⁶⁷⁰. Социолог Н. Чодороу также относила бисексуальные колебания в подростковом возрасте к нормальному сексуальному развитию. Возникновение этих колебаний она обуславливала нерешительностью насчет относительной важности женщин (матери/подруг) и мужчин (отца/мальчиков). По мнению исследовательницы, поздний подростковый возраст для большинства девочек – *«это время разрешения амбивалентности в пользу гетеросексуальности»*⁶⁷¹.

Табуирование любых вопросов, связанных с сутью сексуальных отношений, ограничение общения девочек-дворянок второй половины XIX века с мужчинами на фоне полового созревания приводило к тому, что в условиях закрытых и полузакрытых учебных заведений их влечение проецировалось на представительниц своего же пола. Стремления к самоутверждению, осознанию себя как личности, актуализированные пубертатным возрастом, невозможно было реализовать без помощи Другого. Потребность в признании, в том числе телесном, приводила к поиску «сердечной подруги», так как общество мужчин юным аристократкам было недоступно. Весьма точно описание девичьих «обожаний»

⁶⁶⁹ Полюда Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 106.

⁶⁷⁰ Бовуар С. де. Второй пол. М.-СПб.: Алетейя, 1997. С. 380.

⁶⁷¹ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. С. 166.

было дано в одном из женских дневников начала XX века. Вспоминая о пережитых чувствах, уже взрослая женщина называла эти отношения «воображением», «предчувствием любви»⁶⁷². Автор этих строк осознавала эротический, глубоко интимный подтекст своей привязанности, однако не считала ее противоестественной и неприличной. Она придавала ей значение своеобразной тренировки перед настоящим испытанием чувств.

Художественная и мемуарная литература начала XX века, многочисленные дневники, принадлежавшие как известным, так и заурядным дворянкам второй половины XIX – начала XX века, демонстрируют широкое распространение однополых влечений между девочками-подростками. Феномен ученического «обожания», «романтической дружбы», «дружбы-любви» нашел отражение в автобиографических повестях Лидии Чарской («Записки институтки», «Белые перелинки», «Приютки», «Тайны института», «Гимназистки») и Надежды Лухмановой («Институтки», «Девочки»).

Одна из самых читаемых детских писательниц в России начала XX века Лидия Чарская в произведении «Записки гимназистки» (1901 г.) в главе «...*Тайна Нины...*» описала существовавшую среди институток традицию выбирать себе «душек», которых необходимо было всячески «обожать» и «ублажать». Суть этих отношений была передана в диалоге главной героини Галочки и бывалой ученицы Нины: *«Видишь ли, Галочка, у нас ученицы младших классов называются «младшими», а те, которые в последних классах, – это «старшие». Мы, младшие, «обождем» старших. Это уже так принято у нас в институте. Каждая из младших выбирает себе «душку», подходит к ней здороваться по утрам, гуляет по праздникам с ней в зале, угощает конфетами и знакомит со своими родными во время приема, когда допускают родных на свидание. Вензель «душки» вырезывается перочинным ножом на «тируаре» (пюпитре), а некоторые выцарапывают его булавкой на руке или пишут чернилами ее номер, потому что каждая из нас в институте записана под известным номером. А иногда имя «душки» пишется на стенах и окнах...»*⁶⁷³. Сложно однозначно трактовать феномен «обожания», однако по многим своим проявлениям он напоминал

⁶⁷² РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 134.

⁶⁷³ Чарская Л.А. Записки институтки. М.: Республика, 1993.

любовные ухаживания. Неспроста, характеризуя эти отношения, бывшая гимназистка называла их «дружба-любовь»⁶⁷⁴. Ухаживания сопровождались определенной фетишизацией объекта обожания, доходившие до мазохистских истязаний (речь идет о процедуре «выцарапывания» имени возлюбленной подруги у себя на теле).

Согласно описаниям Л. Чарской, «обожание» практиковалось между девочками разных классов: «младшими», которым было в среднем 12 лет, и «старшими», чей возраст не превышал 18 лет. Это именно тот физиологический период, когда, по мнению З. Фрейда, происходило становление зрелых сексуальных отношений (пятая стадия, она же генитальная, психосексуального развития ребенка)⁶⁷⁵. Подобное сексуальное поведение учениц объяснялось ограниченностью общения с представителями мужского пола, а также на присутствии подражания в девичьих отношениях. Героиня повести подчеркивает, что у них сложилась традиция (*«так принято»*). Все та же психоаналитическая теория гласит, что при выборе партнера женщина нередко ориентируется на тип мужчин или женщин с определенными доминирующими чертами. Это может быть развитая мужественность, сила, авторитет, красота, интеллект, финансовая независимость. В соответствии с гендерными особенностями женской психики объектом для обожания младших девочек, как правило, становились те, кто обладал определенной долей доминирования. К ним относились более взрослые девочки, а значит, более опытные в жизненных вопросах. Старшая девушка рассматривалась как идол, в преклонении перед ней отражалась нацеленность младшей на будущее, желание соответствовать объекту своего обожания.

Наблюдалась и другая картина, описанная в женских дневниках, сердечные отношения завязывались между разными типами девочек – с доминированием фемининных или маскулинных черт. Гимназистка Оля Еремина, откровенно повествуя о своей влюбленности в ученицу Иловойскую, указывала на желание стать мужчиной: *«Когда я смотрю на нее, я желаю быть мужчиной, чтобы иметь право поцеловать ей руку»*⁶⁷⁶. Философ В.В. Розанов, занимавшийся проблемами

⁶⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 91об.

⁶⁷⁵ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.

⁶⁷⁶ НИОР РГБ. Ф. 801. К.3. Д. 59. Л. 88.

пола, уловил эту современную для него тенденцию: *«Самка ищет самку; в первой самке, значит, присутствует и самец: но пока он так слаб еще, едва рожден, что совершенно связывается остатками самки, угасающей самкою; которая, однако, тоже связана вновь народившимся здесь самцом... Волосы растут дурно, некрасивы, и она их стрижет: коса не заплетается; нет девицы, а какой-то парень. Где здесь «вечная женственность?»»*⁶⁷⁷.

Большую роль в выборе объекта «обожания» играли не столько личностные качества учениц, сколько конкретные телесные признаки, которым придавалось значение сексуальных черт: красивые глаза, волосы, улыбка, статность, грудь, руки, плечи, кожа. *«Идти к Кити, видать ее вблизи! О, это было неопишное счастье... Она поцеловала меня и сказала: «Мерси»... Щеки Кити были такие мягкие, что нельзя описать... Я впилась в Кити глазами. Еще никогда не приходилось мне так близко видеть ее. Прямой длинный нос, огромные карие глаза... Я не видела ничего, кроме этого лица, ничего не слышала, кроме Китиных слов»*⁶⁷⁸, – писала юная гимназистка. Любование телесной красотой приносило огромное удовольствие девочкам и способствовало развитию у них сексуальных желаний. *«Каждое ее движение, слово, жест, каждая мелочь ее лица, фигуры мне так дороги. Я люблю ее недостатки, ее всю со всеми хорошими и нехорошими чертами»*⁶⁷⁹, – сообщала в дневнике гимназистка. Они признавались в возникновении «странных ощущений» – учащенного биения сердца, замирания, покраснения, жара и проч.⁶⁸⁰. В.В. Розанов, описывая новый тип девушек, так характеризовал проявление однополых влечений: *«Она» волнуется между своим полом, бросает страстные взгляды, горячится, чувствует себя разгоряченной около женщин, девушек. Косы их, руки их, – шея их... и, увы, невидимые перси...»*⁶⁸¹.

Обожательские отношения предполагали проявление конкретных ухаживаний: романтические признания, ежедневные восхищения и даже

⁶⁷⁷ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 51.

⁶⁷⁸ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 24об.

⁶⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 801. К.3. Д. 59. Л. 88.

⁶⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 44об-45.

⁶⁸¹ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 52.

совершение «героических поступков» в знак своей привязанности: *«Для «душки», чтобы быть достойной ходить с ней, нужно сделать что-нибудь особенное, совершить, например, какой-нибудь подвиг: или сбегать ночью на церковную паперть, или съесть большой кусок мела, – да мало ли чем можно проявить свою стойкость и смелость»*⁶⁸². Откровения Нины, героини «Записок институтки», о своем первом обожании мало чем отличались от рассказов о первой влюбленности. К тому же нередко она употребляла недвусмысленные термины в отношении подруги – «люблю», «ревную», «целую». Все это вновь и вновь говорит в пользу существования романтической сексуальной связи между девочками-подростками.

Еще одна известная писательница начала XX века Анастасия Вербицкая в своих воспоминаниях достаточно откровенно описала однополые чувства девочек, находившихся в стенах учебных заведений. Она рассказывала о том, как у нее появилась «обожательница» – пятнадцатилетняя девушка из третьего класса. Описанные переживания не лишены сексуального подтекста: *«Мы не знакомы. Она всегда старается попадаться мне на дороге и следит за мной темными глазами. Я волнуюсь, кровь бросает мне в лицо... «Красавица!», «Богиня!» – шепчет она иногда мне вслед... А у меня бьется сердце...»*⁶⁸³. А. Вербицкая рассказывала, что знакомство «обожательниц» было символично обставлено, девочки следовали определенному ритуалу: ученица, желавшая близости общения, на утренней молитве подавала выбранной «подруге» свечку с живыми цветами и белой лентой. Эта деталь еще раз подтверждает характер традиционно сложившихся отношений, которые характеризовались вполне конкретными действиями. Дальнейшие свои отношения с «обожательницей» Вербицкая описывала так, словно речь шла о мужчине: *«После двух-трех робких поцелуев с ее стороны и первых банальных фраз нам уже не о чем говорить... Вот уже третий день как мы встречаемся и все молчим... По правде сказать, мне еще приятно, что эта сильная, здоровая девушка дрожит и робеет передо мной. Но разочарование уже холодком веет в душу... Под первым предлогом я разрываю... Ее слезы и отчаяние меня не трогают. Она требует объяснений»*⁶⁸⁴. Писательница повествовала о силе

⁶⁸² Чарская Л.А. Записки институтки. М.: Республика, 1993.

⁶⁸³ Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 265.

⁶⁸⁴ Там же. С. 266.

сексуальных влечений, непреодолимой половой притягательности, переживаемых девочками: *«Она сторожит меня в коридорах... Я бледнею и краснею, встречая этот взгляд... Я страдаю, если она целует других нарочно... Это настоящая страсть, настоящая ревность... Ах, как интересно любить издали! Ревновать, надеяться, ожидать, грезить! Лишь бы издали»*⁶⁸⁵.

Эпизоды обожательских отношений представлены практически во всех девичьих дневниках, посвященных годам, проведенным в женских учебных заведениях (институтах, пансионах, гимназиях)⁶⁸⁶.

Мемуаристка, писательница Елизавета Николаевна Водовозова в автобиографических воспоминаниях «На заре жизни» в главе «Жизнь институток» также заостряет внимание на присутствии «традиционного обожания» в жизни учениц. Данную практику она сравнивала с *«карикатурой на настоящую любовь»*, добавляя, что она имела пародийный, нелепый и дикий характер⁶⁸⁷. По свидетельству Е.Н. Водовозовой, предметом обожания выступали старшие воспитанницы, воспитательницы, учителя, священники. Мемуаристка указывала на то, что среди девочек-обожательниц существовали чрезвычайно «отчаянные», которые *«вырезали перочинным ножом инициалы обожжаемого предмета»*⁶⁸⁸.

Тринадцатилетняя Оля Сваричовская посвятила институтскому обожанию целую главу своего дневника. Она указывала на то, что с этим явлением она не сталкивалась в гимназии, впервые испытала «обожание» в институте. Девочка, находясь в пубертатном возрасте, не осознавала того, что с ней происходит. Она описывала вдруг охватившее ее страстное чувство первой любви – *«любви к Кити»*⁶⁸⁹. Юная Оля рассказывала о том, что значительное место в отношениях занимало соперничество. Среди претенденток-обожательниц непременно появлялись две, а то и три, из которых необходимо было выбирать. Девочки невероятно переживали по поводу принятого решения, так как зачастую им было сложно разобраться в своих чувствах. Они не отдавали отчета в том, какой

⁶⁸⁵ Там же.

⁶⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 113. Л. 58об; РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 44-45, 91об; РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. Л. 85об; ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 21-30; ОР РНБ. Ф. 601. № 947. Л. 2-6; РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 462. Л. 30-45; НИОР РГБ. Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 88.

⁶⁸⁷ Водовозова Е.Н. на заре жизни // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 257.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

критерий для них наиболее важен в претендентках: красота или душевная близость. К тому же после сделанного выбора считалось предосудительным общаться с бывшими претендентками. А. Вербицкая повествовала о тяжести выбора. О том же писала В.П. Багриновская: *«На мою любовь были две претендентки – Саблина и Пономарева. Соня Саблина была прелестное существо. Невысокая, черноволосая, с большими серыми глазами. Она в 15 лет была барышней, а не девочкой... До сих пор вспоминаю, как эти романтические девочки предложили мне выбрать одну из двух, и я, вопреки голосу сердца, бросилась в объятия Пономаревой. Но ничего из этого не вышло, говорить мне было с ней не о чем, и я отстранилась и от нее, и от Сони, усердно занялась уроками»*⁶⁹⁰. О страстной влюбленности в двух девочек и невозможности сделать выбор писала юная гимназистка Вера Варсоновьева: *«Знаю, как страстно, пылко, безумно и нежно люблю Елену Александровну; знаю, что наша любовь с Александрой Николаевной взаимна, что она называет в классе «своим утешением»*⁶⁹¹.

Весьма точное название ухаживаниям гимназисток дала В.П. Багриновская в своих воспоминаниях: *«Кроме дружбы, хорошей, товарищеской дружбы, соединяющей людей одного направления, появилась дружба-любовь. Там и здесь две девочки страстно привязывались друг к другу, вместе ходили, вместе учили уроки, часто целовались, горько плакали при ссорах и ревновали друг друга к другим девочкам...»*⁶⁹². Для нее отношения между девочками представлялись чем-то средним между обычной дружбой и страстной любовью. Другая гимназистка называла их «необъяснимыми»: *«... я люблю ее, нет, это даже не любовь, а что-то необъяснимое»*⁶⁹³. Ревность, страсть, глубокие переживания, трепетные ухаживания, интимная переписка – все это было характерно для девичьих отношений. В качестве иллюстрации – послание обожательницы: *«Катя, дорогая моя, будем как были прежде, считай меня своим другом, чем хочешь, потому что я люблю тебя. Ты не такая, как А. Я в ней очень ошиблась. Дорогая, бесценная моя, меня так обрадовало твое письмо! Скажи, скажи на словах мне, любишь ли ты*

⁶⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 91-91об.

⁶⁹¹ РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 462. Л. 31об.

⁶⁹² РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 91об.

⁶⁹³ НИОР РГБ. Ф. 801. К.3. Д. 59. Л. 88.

меня больше, чем А.? Да?!»⁶⁹⁴. Сила чувств была такова, что в дневниках девочки откровенно сравнивали возникшую «любовь» с «сумасшествием».

Еще один сюжет из юности знаменитостей. Анна Горенко (Ахматова) в гимназические годы познакомилась с Валей Тюльпановой (Срезневской). Они оставались близкими подругами на протяжении всей жизни. Начало их дружбы имело характер романтической привязанности, о чем позже вспоминала Анна Ахматова⁶⁹⁵.

Итак, в феномене обожания слились воедино трепетная дружба и эротические влечения. С одной стороны, девочки писали о взаимопомощи, о преданности, но с другой – о жарких поцелуях, о телесной красоте, ласке, ревности, болезненных, «никогда не испытываемых» чувствах. Очевидно, они осознавали определенную «ненормальность» своих отношений, в связи с этим скрывали их от учителей, наставниц и родных. Но в то же время свои «ухаживания», пылкие признания в любви девочки подробно описывали на страницах собственных дневников, не опасаясь того, что кто-нибудь станет случайным свидетелем их откровенных строк. Это свидетельствовало в пользу терпимого отношения общества к подобным проявлениям девичьих чувств.

Любопытны размышления Ж. Пастернак, находившейся уже в преклонном возрасте (1990-е годы), о ее девичьих опытах «пылкой дружбы» в стенах учебного заведения дореволюционной России. Эти отношения она называла «лесбийской любовью», хотя полагала, что подобные проявления встречались не так часто, как на Западе: *«Не думаю, что лесбийская любовь была тогда распространена в России. Как это было, например, во Франции. Попробуй найти современный французский роман, в котором школьница или школьная учительница не пытается лечь в постель со своей подругой или ученицей! Ни в русской литературе, ни в русской жизни ничего подобного не было в помине»*⁶⁹⁶. Между тем она признавалась, что в своих сексуальных фантазиях в возрасте раннего пубертата представляла как мальчиков, так и взрослых женщин. Ж. Пастернак рассказывала о своих пылких чувствах к учительнице: *«Я была влюблена во фройляйн Хеннингс,*

⁶⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 601. № 947. Л. 3.

⁶⁹⁵ Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014. С. 15.

⁶⁹⁶ Пастернак Ж. Хождение по канату. М.: Три квадрата, 2010. С. 55.

*грезилла ей и трепетала в ее присутствии. Я страдала, томилась и упивалась теми мгновениями, когда она смотрела на меня»*⁶⁹⁷.

Интимные отношения между подругами имели различные проявления. Они могли выражаться в сильной духовной привязанности, нередко сопровождались телесными практиками (поцелуи, объятия, демонстрация тела, ощупывание). Однако при наличии телесных (плотских) проявлений они никогда не приобретали характер откровенных интимных (сексуальных) отношений. Эту особенность подметили исследователи феномена лесбийских отношений. В частности, Л. Фадерман в книге «Исключать мужскую любовь: романтическая дружба и любовь между женщинами с эпохи Ренессанса до наших дней»⁶⁹⁸ пришла к выводу, что любовные отношения между женщинами не всегда выражались в сексуальных терминах. Она полагала, что на протяжении длительного периода романтические чувства между женщинами вообще были за рамками сексуального контекста.

Возникавшая однополая привязанность между девочками, несмотря на страстные проявления, имела платонический характер. Ни в одном из описанных «обожаний» не удалось встретить намека на конкретные эротические желания. Это, конечно, не означает, что девочки не переживали состояния возбуждения. Однако в абсолютном большинстве случаев эти позывы имели бессознательный характер, они не догадывались о том, что с ними происходит. Апофеозом телесных отношений становился поцелуй. Весь смысл «обожания» состоял в преклонении перед личностью подруги. Основное содержание «обожательского союза» выражалось в совместной деятельности: беседах, размышлениях, изучении учебных предметов, переписке, душевных разговорах, поддержке друг друга. Петербургский врач Борис Ильич Бентовин отмечал особый «идеальный» характер институтского обожания. В своей научной работе, посвященной столичным борделям и их обитательницам, он достаточно смело сравнивал лесбийские отношения между проститутками с феноменом обожательства гимназисток: *«Среди проституток очень распространено обожание подруг. Это в своей основе то же самое явление, которое замечается в женских гимназиях... Но чаще на фоне развращающей обстановки это идеальное чувство принимает затем*

⁶⁹⁷ Там же. С. 47.

⁶⁹⁸ Faderman L. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love Between Women from the Renaissance to the Present. New York: William Morrow, 1981.

характер лесбиянства»⁶⁹⁹. Врач условно разграничил данные явления. Если обожательство в его представлении это «идеальное чувство», то однополые связи между проститутками, подразумевающие плотские отношения, – девиация. Выше я приводила отрывок из девичьего дневника, где автор описывала, как осуществлялся выбор между «старшими» и «младшими» в женских гимназиях. Практически о том же писал врач, характеризуя отношения в публичных домах: *«Так, обычно очень юные, только начинающие свою деятельность проститутки влюбляются в более солидных и опытных подруг, поселяясь вместе... Старшая посвящает младшую во все особенности и уловки промысла, а в критическую минуту оказывает ей серьезную, энергичную поддержку... Так живут и обожаящая с обожаемой, как бы дополняя друг друга и принося друг другу известные выгоды»*⁷⁰⁰. Свидетельства, приводимые Б.И. Бентовиным, – яркое доказательство схожести в проявлении однополых влечений как в институтском пространстве, так и в условиях борделя.

Девичье «обожание» по сути своей приближалось к образцу высокой любви между женщинами, воспетой еще древнегреческой поэтессой Сапфо. Лирические героини «десятой музы» много говорят о сильных чувствах к представительницам своего пола, однако избегают описания откровенных половых контактов. Если ориентироваться на исследователей античной цивилизации, то романтические связи между девушками, входившими в «дом служительниц муз» Сапфо, имели много схожих черт с рассматриваемым «обожательством» институток и гимназисток в России. Андре Боннар в известной работе «История греческой цивилизации», Ганс Лихт в книге «Сексуальная жизнь в Древней Греции» отношения между ученицами лесбосской поэтессы называли «горячей дружбой»⁷⁰¹. Младшие девушки из школы («музея») Сапфо адресовывали свои чувства к старшим, а те отвечали им взаимностью и помогали в изучении наук и искусств⁷⁰². В стихах поэтессы к ученицам также прослеживается сходство с текстами писем

⁶⁹⁹ Бентовин Б.И. Торгующие телом: очерки современной проституции. М.: Леонид Крумбюгель, 1907. С. 108.

⁷⁰⁰ Там же. С. 109.

⁷⁰¹ Боннар А. Греческая цивилизация. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 1994. С. 114; Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: Феникс, 1995. С. 221-222.

⁷⁰² Боннар А. Указ. соч... С. 114-115; Паркер Х. Сапфо-учительница // Неприкосновенный запас. 2011. № 2.

гимназисток дореволюционной России, в которых они излагали свои чувства (употребляли одинаковые сравнения и обороты в отношении возлюбленных; выражали восхищение внешней красотой, походкой; признавались в желании быть рядом; описывали волнение, охватывавшее при лицезрении объекта любви, чувство ревности; жаловались на тяжесть выбора спутницы).

Следует заметить и еще одну особенность – спокойное отношение общества к подобным проявлениям детской сексуальности. Лесбийские отношения учениц или намеки на них не вызывали осуждения окружающих. Сложно представить, что учительницы, наставницы, сами вышедшие из закрытых или полузакрытых учебных заведений, не догадывались о существовании подобных взаимоотношений между их подопечными. Кроме этого, нужно учитывать и то, что произведения и автобиографии Л. Чарской, Н. Лухмановой, А. Вербицкой, в которых они описывали практики «обожания» учениц, были рассчитаны на массового читателя, среди которых большая часть – дети и подростки. Е.Н. Водовозова сообщала, что институтки охотно делились со своими родителями о том, кого они «обожают», «сколько раз в неделю» им удалось встретить «обожаемый предмет»⁷⁰³. Она добавляла, что классные дамы никогда не наказывали их за сам факт «обожания», а только за нарушение дисциплины. Женщины-авторы без тени смущения повествовали об интимных отношениях между девочками, очевидно, не видя в этом ничего предосудительного. Основная причина состояла как раз-таки в отсутствии сексуального (плотского) подтекста в этих отношениях.

Л. Фадерман, изучавшая феномен однополый женской влюбленности в истории, пришла к выводу, что только в наши дни общество стало видеть иной подтекст в романтической дружбе между женщинами. Она полагала, что в традиционных обществах женщины воспринимались как существа асексуальные, а значит, и отношения между ними, даже самые близкие, являлись проявлением их духовности и чувствительности. С эмансипацией женщин в конце XIX века, по мнению исследовательницы, социальная терпимость к однополый влюбленности закончилась. Мужчины стали видеть в этих отношениях подрыв традиционных

⁷⁰³ Водовозова Е.Н. на заре жизни // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц. М.: НЛО, 2008. С. 254.

представлений о женской сексуальности, поэтому в данный период на Западе лесбийские связи стали рассматриваться как патология и опасное социальное явление⁷⁰⁴. В России в начале XX века российское общество продолжало спокойно смотреть на однополую влюбленность публичных женщин, в то время как гомоэротические связи мужчин жестоко осуждались. Лесбийские отношения, распространенные в среде эпатажных представительниц Серебряного века, фактически были легализованы в дореволюционные годы. М.И. Цветаева воспевала однополую любовь, считая ее наиболее возвышенной и одухотворенной⁷⁰⁵. Однополые связи были характерны не только для творческого бомонда. С либерализацией страны, раскрепощением общества в сексуальной сфере все чаще они встречались среди обычных горожанок⁷⁰⁶. Женская бисексуальность не подвергалась критике, очевидно, по той причине, что ее не причисляли к разряду инверсий.

Если говорить о девочках-подростках, то однополая привязанность среди них была непродолжительной. Достигая рубежа полового созревания, их интерес к представительницам своего пола исчезал, а реверсии, как правило, не происходило. Чем объяснялся этот характер поведения?

М.И. Цветаева, очевидно пережившая подобные чувства, раскрывала свое видение этого противоречивого поведения женщин в «Письме к Амазонке». Она искренне считала, что достаточно часто (*«нормальный, естественный и жизненный случай»*) девушка *«боится мужчины»*, поэтому изначально идет к женщине. Но, так же как и большинство девушек того времени, она понимала, что всей душой хочет быть матерью, мечтает о ребенке (*«женском хлебе насущном»*). Ей принадлежат строки *«Как хотелось бы иметь ребенка – но не от мужчины! Как хотелось бы ребенка – но только моего!»*⁷⁰⁷. Она полагала, что единственным досадным недоразумением лесбийских отношений является зов природы –

⁷⁰⁴ Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 50-51.

⁷⁰⁵ Жук О. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России XX века. М., 1998. С. 74; Бинсвангер К. Тема материнства в *Mon frère féminine* Цветаевой // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 219.

⁷⁰⁶ В качестве яркой иллюстрации – переписка Дуван Марии Яковлевны (ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 33).

⁷⁰⁷ Цветаева М. Письмо к Амазонке // Эрос. Россия. Серебряный век / Сост. А. Щуплов. М.: Серебряный бор, 1992. С. 64.

инстинкт материнства, который в конечном счете приводил к разрыву влюбленных. М. Цветаева писала: *«Ребенок: единственная уязвимость, рушащая все дело. Единственное, что спасает дело мужчины. И человечества»*⁷⁰⁸. В итоге желание породить на свет новое существо, по мнению русской поэтессы, толкало юное женское существо в объятия к своему «врагу» – мужчине⁷⁰⁹.

С помощью «сердечных подруг» девочки, в отсутствие представителей противоположного пола, обретали собственную гендерную идентичность, бессознательно развивая свою сексуальность и чувственность. К. Хорни полагала, что гомосексуальные влечения у девочек могут быть как сознательными, так и неосознанными⁷¹⁰. Изучение обожательских отношений между девочками-подростками во второй половине XIX – начале XX века в России убедительно доказывает, что по большей части они носили бессознательный характер, то есть их участницы не чувствовали сексуального подтекста в своей дружбе. Обожательские отношения исчерпывались к 16–18 годам. Для будущего самоутверждения нужен был другой объект, более недоступный и более непонятный. Представительницы своего пола мало подходили на эту роль, так как становились неинтересными для преклонения. В дальнейшем только Другой в лице непонятного и недостижимого мужчины мог занять это место, так как его образ обещал более захватывающие, страстные отношения. К тому же в обществе, где доминировал мужчина, потребность в самоутверждении через мужское признание была особенно актуальной. З. Фрейд считал такое поведение вполне естественным. Он отмечал, что влечение, возникающее к представителям своего же пола в период до полового созревания, как правило, совершенно исчезает в дальнейшей половой жизни, *«составляя отдельный эпизод на пути нормального развития»*⁷¹¹. Впоследствии девочки, так страстно описывавшие отношения с подругами, имели

⁷⁰⁸ Там же. С. 69.

⁷⁰⁹ *«Я беру нормальный, естественный и жизненный случай юного женского существа, которое боится мужчины, идет к женщине и хочет ребенка. Существа, которое – между чужим, безразличным и даже врагом-освободителем и любимой-подавительницей – выбирает, в конце концов, врага»* (Цветаева М. Письмо к Амазонке // Эрос. Россия. Серебряный век / Сост. А. Щуплов. М.: Серебряный бор, 1992. С. 67).

⁷¹⁰ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 200.

⁷¹¹ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 124.

связи исключительно гетеросексуального характера. Изучение их биографий свидетельствует в пользу отсутствия бисексуального поведения в будущем.

2.2.3. Девичьи представления о супружестве, семейной жизни и материнстве

Первая брачная ночь для дворянок, живших в мире многочисленных условностей и доминирования социального контроля над сферой их личной жизни, становилась дверью в новую, взрослую жизнь. По сути, она являлась своеобразной инициацией. Описание первой брачной ночи в женской мемуаристике практически не встречается, в отличие от мужской автодокументалистики. Это свидетельствует о том, что для дворянок сфера сексуальных отношений продолжала оставаться табуированной и неприличной не только для обсуждения, но и для рефлексивных размышлений на страницах собственных дневников. Надо учитывать и то, что женские воспоминания о первой брачной ночи были отягощены тяжелейшими переживаниями. В связи с этим дворянки стремились вычеркнуть из памяти все драматичные эпизоды приобщения к половым отношениям. Даже название полового акта в личных документах они старались избегать, употребляя для его обозначения слова с меньшей смысловой нагрузкой: «близость», «связь», «двойная связь», «двойная жизнь», глагол «сошлась». В. Калицкая, первая супруга А. Грина, писала: *«Мы были уже близки с Александром Степановичем... В конце лета 1907 года исполнилась первая годовщина нашей близости...»*⁷¹².

Для девушек, вступавших в брак, первый опыт интимных отношений становился крахом всех иллюзий относительно святости семейного союза и романтической любви между мужчиной и женщиной. М. Цветаева в известном произведении «Письмо к Амазонке» выразила сложные чувства, пережитые ею во времена расставания с девичеством. Цветаева сравнивала первые сексуальные отношения с мужчиной с «болью», с проникновением «чужеродного» в себя, с «изменой своей душе»⁷¹³. В женском восприятии они превращались в кошмар, доходивший до нервных потрясений. В данном случае находят подтверждение слова известного психиатра К. Хорни, которая описывала изменения в поведении ряда женщин, впервые вступивших в брак: *«Часто можно наблюдать, как при*

⁷¹² Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия. М.: Коктебель, 2010. С. 31-32.

⁷¹³ Цветаева М. Письмо к Амазонке // Эрос. Россия. Серебряный век / Сост. А. Щуплов. М.: Серебряный бор, 1992. С. 64.

этом рушится ее чувство самодостаточности и самоуверенность, и неожиданно веселая, способная и независимая девушка превращается в глубоко неудовлетворенную женщину, потрясенную ощущением своей ничтожности, легко впадающую в депрессию...»⁷¹⁴.

Причина драматичности ситуации и тяжести переживаний девушек, вышедших замуж, коренилась в их низком уровне полового просвещения. Они имели смутное представление о сути сексуальных отношений, будучи абсолютно уверенными, что апогеем страсти является поцелуй. О собственной сексуальной инфантильности вспоминала А.А. Знаменская: *«Я вышла замуж в 16 лет. В 15 лет я была уже невестой. У меня даже ни разу не являлось желание почувствовать своего жениха, когда он обнимал или целовал меня, я неумело отвечала ему. Меня интересовал проезд его, переписка с ним, но и только»⁷¹⁵*. Репрессированная девичья сексуальность, непросвещенность в половых вопросах превращали первую брачную ночь в насильственный акт над женщиной. А. Знаменская признавалась, что физическая близость доставляла ей много страданий, а страсть к мужчине она впервые испытала только в 37 лет. Несмотря на относительную просвещенность в вопросах половых отношений, двадцатилетняя Елизавета с ужасом представляла возможные сексуальные отношения, сравнивая женщину с *«овцой»*, которую неизвестно когда *«заколют»⁷¹⁶*.

Положение девушек осложнялось тем, что их матери ни до свадьбы, ни во время приготовления к ней не пытались подготовить дочерей к испытанию первой брачной ночи. Провинциальная дворянка Александра Глинка рассказывала, что накануне замужества проводила много времени с матерью, они трепетно готовились к этому событию, шили приданое, разговаривали о церемонии, о месте жительства молодоженов. Однако мать и словом не обмолвилась об особенностях интимной жизни замужней женщины. Александра вспоминала, что она испытывала шок от первого опыта брачной ночи. Страстные ласки мужа явились для нее настоящим потрясением. Не выдержав напряжения, Александра, как и многие последующие ночи, всевозможными способами *«сторонилась и убегала от его*

⁷¹⁴ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 205.

⁷¹⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 21.

⁷¹⁶ Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 132-133.

ласк»⁷¹⁷. Раннее замужество, неподготовленность к браку приводили к тому, что биологически готовые к выполнению репродуктивных функций, психически молодые женщины не осознавали этих важных перемен в своей жизни, оставаясь все еще детьми.

Незнание романтично настроенными девушками физической стороны любви, неожиданно обрушившейся на них после замужества, приводило к тому, что они часто впадали в глубокую депрессию, граничившую с суицидальными порывами. *«Обыкновенная мужская страсть показалась ей оскорблением всех ее заветных мечтаний и привела ее в такое отчаяние, что она мечтала о самоубийстве»*, – писала о своей матери В.П. Багриновская⁷¹⁸. Драмы первой брачной ночи, пережитые матерью Багриновской, никак не повлияли на характер полового воспитания собственной дочери. Когда она выходила замуж, мать, хотя и осознавала непросвещенность дочери, не старалась ее предостеречь, считая такое знакомство с реальностью вполне естественным. Первый опыт половых отношений для В.П. Багриновской оказался неожиданным и привел ее в отчаянное состояние. В своих воспоминаниях, которые Багриновская вела уже в преклонном возрасте, она не обошла вниманием этот интимный вопрос. Описывая первую ночь после свадьбы, она отмечала, что ее сознание настойчиво фиксировало мельчайшие детали той комнаты, в которой они находились. Она, словно идя на эшафот, судорожно цеплялась за окружающий ее предметный мир, пытаясь найти в этом отвлечение и спасение. Видимо, поэтому собственно интимных сцен автор не передала, хотя между строк прочитываются испытанные ею страх и отчаяние: *«Я снимаю свое нарядное шелковое венчальное платье, белые перчатки, фату и венок и облачаюсь в хорошенький фланелевый капори шоколадного цвета... На ноги в первый раз в жизни надеваю спальные туфли – красные, сафьяновые, с черными точками... Мы остаемся одни... Я иду к Мише, который подводит меня к своему письменному столу и дарит прехорошенькую записную книжку. Здесь ты будешь записывать расходы... а пока хочешь – почитаем. Я соглашаюсь, чувствую, что я совершенно не знаю, как нужно вести себя замужней даме. Но скоро усталость берет свое, и мы уходим в спальню. «Хочешь ли ты быть настоящей моей*

⁷¹⁷ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 19.

⁷¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 19об.

женой?», – спрашивает Миша и, несмотря на утвердительный ответ, безумный страх опять поднимается в моей душе. Но среди ночи я вдруг успокаиваюсь. «Видишь, – говорит Миша, – я почти так же неопытен, как и ты». Утро застает меня усталой и полусонной». ⁷¹⁹ Как ведет себя мать? Обеспокоенная положением дочери, она приехала ранним утром к молодоженам. Но никакого разговора между близкими людьми так и не последовало. Единственным советом матери стало пожелание «отдохнуть получше».

Насколько различным было отношение супругов к половым вопросам, демонстрирует случай в молодой семье Олоховых. В личной беседе с супругом молодая жена узнала, что ее муж до брака пользовался услугами проституток и имел содержанок. Она испытала настоящее потрясение, так как была убеждена, что к подобным услугам обращаются исключительно развратные мужчины. «Когда Володя рассказал это, я с трудом поверила... Конечно, я во многом была наивна, когда вышла замуж. Я девушкой знала, что есть «женищины», к которым ходят мужчины, которые продаются, но я думала, что это страшный разврат, и вдруг Володя говорит, что у него была такая женищина, к которой он «ходил»... Я очень плакала, и Володя не мог понять почему... Мой чудный Володя и... разврат!» ⁷²⁰, – писала в дневнике молодая жена.

Не случайно в качестве центрального сюжета нашумевшего произведения «Крейцерова соната» Л.Н. Толстой выбрал медовый месяц. Русский классик изобразил сложность и низость отношений, разыгравшихся между молодоженами. В то время как мужчины созрели для сексуальных отношений, имели достаточный уровень полового просвещения, девушки были не готовы ни психологически, ни физиологически. Разный уровень полового воспитания, противоречивые сексуальные ожидания и опыт приводили к конфликтам и нервным потрясениям женщин. Позднышев, главный герой «Крейцеровой сонаты», рассказывал о своей сестре, которая, выйдя замуж за человека вдвое старше, в ужасе бежала от него во время брачной ночи. Позднышев, испытав на себе все тяготы медового месяца, размышлял об интимных отношениях с молодой женой: «Неловко, стыдно, гадко,

⁷¹⁹ Там же. Л. 162-162об.

⁷²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 216.

жалко и, главное, скучно, до невозможности скучно!»⁷²¹. Половую близость супругов он называет «мерзостью», «низостью», «пороком», «неестественным» актом.

Под впечатлением «Крейцеровой сонаты» смоленский помещик – известный в начале XX века публицист Сергей Федорович Шарапов – увлекся собиранием рассказов знакомых ему мужчин, в которых они описывали поведение жен в первую брачную ночь. Его интерес к этому вопросу подогревал повторный брак на юной смоленской дворянке Зинаиде Коровко, которая была младше жениха на 20 лет. В итоге С.Ф. Шарапов стал обладателем «любопытной коллекции» историй, которые позволили ему сделать неутешительные выводы относительно половой морали, различия в воспитании мужчин и женщин. Он был склонен обвинять во всем мужей, не видя корень драмы в низкой половой просвещенности их спутниц. Откровенные рассказы дворян, события которых относились к концу XIX века, являются ярким свидетельством крайне низкой сексуальной культуры как мужчин, так и женщин. С.Ф. Шарапов писал: *«Молодая, невинная, чистая девушка может очень горячо любить мужа. И, тем не менее, ей тяжело даже вообразить себе физическую к нему близость»*⁷²². Он цитировал слова одного графа, который рассказывал о том, что его жена в «первую ночь» *«в одной рубашке и босиком убежала к матери»*, при этом она кричала, что молодой муж с ней *«что-то отвратительное делает»*⁷²³. С.Ф. Шарапов сравнивал мужчин с «дикарями», «животными», которые «за эти четверть часа» глумятся над невинными созданиями. Еще пример откровенных признаний из его «коллекции»: *«Она была совсем ребенком. Ни о какой страсти не могло быть и помину. Не забуду, как она испугалась и побледнела, когда мы остались вдвоем. Вижу, как она страдает, и говорю ей: «Знаешь, мы должны скорее окончить это, ведь уже это нужно!» Она говорит: «Как хочешь». На постели было очень неловко. Я снял ее и положил на ковер около постели. Она стиснула зубы и не шевелилась ни одним мускулом... она почти не могла подняться и повторяла: «Это ужасно». Я отнес и уложил ее на постель, а сам свернулся калачиком и уснул на диване. Рядом с нею я лечь не*

⁷²¹Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М., 1965. С. 154.

⁷²² ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1040. Л. 42.

⁷²³ Там же. Л. 45.

мог»⁷²⁴. Эта история демонстрирует, что в первую брачную ночь женщина приносила в жертву собственную волю, интуитивно чувствуя, что ее ждет нечто «мерзкое», она шла на поводу у мужчины, полностью подчиняясь ему. Если и существовал протест молодой жены, то он выражался исключительно в бегстве от происходившего. С.Ф. Шарапов, основываясь на признаниях своих многочисленных друзей, пришел к выводу, что в большинстве семей в начале интимных отношений превалировало насилие над собственными женами. Это дало основание «собирателю» семейных историй окрестить первую брачную ночь «позорным жертвоприношением»: *«Мужчина не умеет понять и осмыслить великого таинства, духовная сторона его чужда ему, и вот от таинства остается одна его животная сторона, в которую он и погружается, по праву брака, почти равнозначающему с правом феодальной первой ночи»*⁷²⁵. Под впечатлением от прочитанного и услышанного накануне собственной свадьбы он дал обещание молодой жене, что, вступив «в двойную жизнь», она «не будет опозорена». По личным признаниям С.Ф. Шарапова, половое воздержание с момента заключения брака в их семье длилось полгода, до тех пор, пока молодая жена сама не дала согласие на интимную близость.

Подобные истории из интимной жизни новобрачных приводили врачи, исследовавшие половую жизнь населения. Они отмечали, что весьма часто после первой брачной ночи половой акт в восприятии добропорядочных жен оставался в качестве «грязного придатка любви»⁷²⁶. А. Форель описывал случай из собственной врачебной практики: *«Невеста разговорчива, оживлена и, по-видимому, очень влюблена. Наступает свадьба, а с нею и первый холодный душ для новобрачных. Молодая жена видит в половом акте грубое оскорбление своих чувств; супружеские отношения ей противны... Чтобы избежать огласки, обе стороны мирятся со своими разочарованиями и стараются кое-как приспособиться друг к другу. Жена соглашается на половые отношения, а муж примиряется с ее холодностью»*⁷²⁷. Очевидно, что гармоничные половые отношения также присутствовали в супружеской жизни. Однако сексуальная

⁷²⁴ Там же. Л. 46.

⁷²⁵ Там же. Л. 45.

⁷²⁶ Форель А. Половой вопрос. Т.1. СПб.: Вестник знания, 1906. С. 150.

⁷²⁷ Там же. С. 148.

непросвещенность, а также убежденность в греховности полового акта препятствовали развитию женской сексуальности и приводили к рефлексивным размышлениям и нервным расстройствам.

Драматизм первой брачной ночи объяснялся и тем, что происходившее воспринималось дворянками, воспитанными в лучших традициях, как покушение на их свободу, честь, достоинство, идеализированные и романтические представления о сути любовных отношений. Мужья, как правило, мало интересовались тем, что чувствовали молодые жены. Они считали вполне естественным процессом «завоевать» женщину, подчинить ее себе, сломить ее волю. Судя по автодокументалистике, со стороны начитанных мужчин-гуманистов стали появляться те, кто искренне желал посвятить свою невесту во все тайны интимных отношений, получить от нее полное согласие и породить совместное желание физической близости. В личной переписке с будущей женой Зинаидой Сергей Шарапов раскрывал ей суть плотских отношений, рекомендовал прочитать соответствующую художественную или научно-популярную литературу.

Подобный сюжет был обнаружен в личной переписке и на страницах дневников Екатерины Кравченко и Анатолия Половцова. За несколько месяцев до свадьбы жених решился вручить Екатерине книгу, посвященную физиологии брака. Он долго сомневался, стоит ли это делать, о чем писал в дневнике: *«Мои колебания, дать ли книгу Катюше... Решил дать, полагая, что ей это может принести пользу, и она многого не знает»*⁷²⁸. А. Половцов не указал автора книги, но, судя по названию, можно предположить, что это одна из переводных работ французского врача А. Дебэ. Его произведения с 1872 года регулярно переиздавались в России. Самая популярная из его книг – «Физиология брака», которая и упоминалась Половцовым⁷²⁹. Прочитанная работа произвела огромное впечатление на девушку. Она, ничего не понимая в сути плотских отношений, пришла в ужас от содержания книги. Несколько дней девушка была задумчива, отказывалась от общения с женихом. Она признавалась, что любит его, но не может себе позволить подобной «грязи» в их отношениях. Состояние невесты Половцов характеризовал как период тяжелейших мучений и терзаний. Екатерина с

⁷²⁸ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

⁷²⁹ Дебэ А. Физиология брака. Естественная и медицинская истории мужчины и женщины с самыми интересными подробностями. СПб.: Изд-во Н.С. Аскарханова, 190?.

нетерпением ждала свадьбы, но, узнав, что ее ожидает в первую после брака ночь, пришла в растерянность. Этот случай – одно из многочисленных свидетельств сексуальной инфантильности девушек накануне брака, демонстрирующий, как сложно им приходилось смиряться с мыслью о новом телесном опыте. А. Половцов на протяжении недели проводил откровенные беседы с возлюбленной, в результате которых она стала спокойнее относиться к сексуальным отношениям, на смену отвращению и страху пришли интерес и легитимация собственных страстных желаний. *«Разъяснили все главное. Радость, что теперь между нами нет ничего, о чем бы нельзя было говорить. Всякие неясности исчезли»*⁷³⁰, – писал А. Половцов.

Актуализация полового вопроса не могла не вызвать интереса со стороны профессионального сообщества. В России к обсуждению проблемы половых отношений между супругами ненавязчиво подключились врачи. Они открыто писали об ужасах первых брачных ночей, вызванных половой непросвещенностью невест и похотливостью мужей. Известный доктор В.Н. Жук убеждал мужей не излишествовать в требовании супружеского долга, аргументируя это неподготовленностью женщин и опасностью для них физиологических и психологических заболеваний, а также расстройством брака. *«Молодая жена, ступая к брачному ложу чистой девственницей, не так подготовлена к предстоящему, как ее муж. Во всяком случае она немного боится этих новых для нее отношений... Видя, что муж щадит в ней чувство стыдливости, она начинает его больше уважать, больше привязываться к нему и легче зачнет. В противном случае, так как акт этот часто доставляет лишь ощущение боли, и она не испытывает ни малейшего чувства сладострастия, она начинает питать отвращение к этим сношениям, и, когда муж пристаёт к ней с непонятным для нее пылом, с назойливостью, она теряет к нему уважение и неохотно отдается. Вследствие этого между ними почти с первых дней брака является холодность, отчуждение, нередко расстраивающее семейное счастье»*⁷³¹, – предостерегал врач. Разделявшая феминистские убеждения М.И. Покровская считала, что *«подавляющее большинство»* девушек испытывают тяжелейшее психическое

⁷³⁰ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7. Л. 15об.

⁷³¹ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 90.

потрясение и *«если не бегут от своих мужей в первую же ночь, то только потому, что им бежать некуда»*⁷³².

Еще одной областью, в которой девичьи представления были скудны и овеяны мифами, были репродуктивные функции женщины. Представители врачебного сообщества конца XIX века стали все активнее критиковать «ложный порядок», утвердившийся в российских интеллигентных семьях, держать в неведении девушек вплоть до замужества относительно процессов деторождения⁷³³. Эти знания отражали особенности психосексуального развития девочек, их полового воспитания, а также специфику трансляции материнского опыта. Единственным источником, позволявшим репрезентировать девичьи знания о матримониальном и сексуальном поведении, были дневники, принадлежавшие юным созданиям. Несмотря на появление в конце XIX века большого количества печатных изданий научно-популярного характера, публиковавших статьи на эти некогда сакральные темы, на страницах женских дневников фиксировались инфантильные представления о репродуктивной функции женского организма и сексуальной жизни.

Маленьким детям, в случае появления у них «неудобных вопросов», взрослые по традиции рассказывали различные небылицы. Однако истории о капусте и аистах терпели фиаско, когда в дом приходила акушерка. В девичьих дневниках присутствовали упоминания о том, что именно акушерка приносила детей. В частности, юная Оля Олохова описывала, как с интересом рассматривала чемоданчик приглашенной женщины, будучи уверенной, что там находятся «живые куклы», из которых родители выберут себе ребенка⁷³⁴. Распространенными были рассказы родителей о покупке детей в «городе»⁷³⁵.

Версии появления детей извне (принес аист, нашли в капусте, купили в магазине) в ходе взросления девочек теряли актуальность. Наблюдая за своими беременными матерями, они осознавали связь между женским телом и впоследствии появившимся ребенком, так выстраивалась подростковая концепция рождения. Наиболее распространенной была версия о появлении детей в

⁷³² ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44. Л. 21.

⁷³³ Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 2. С. 49-57.

⁷³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

⁷³⁵ Пастернак Ж. Хождение по канату. М.: Три квадрата, 2010. С. 54.

результате поцелуя между женщиной и мужчиной. Этим объяснялся тот факт, что юные создания чрезвычайно опасались первого поцелуя. Наиболее лаконично возникновение собственного представления о зачатии описала Ж. Пастернак: *«В животе у мамы? Почему и как ребенок туда попадает? Поскольку дети рождались у женатых, то, вероятно, здесь не обходилось без мужчины. Я спросила у Мамы: «Когда муж и жена целуются, то ребенок попадает к ней в живот через рот?» – Должно быть, я тогда ее сильно смутила»*⁷³⁶.

Зачастую знания взрослых девушек в данной сфере мало чем отличались от представления детей. Встречалось, что образованные девушки, вступая в брак, имели очень скудные сведения о том, каким образом появляются дети. Елизавета Дьяконова в своем дневнике за 1895 год привела любопытный эпизод, связанный с замужеством своей младшей сестры. Восемнадцатилетняя Валентина была убеждена, что дети рождаются от поцелуев. *«Да неужели же ты не знаешь, что это и есть настоящий брак? Разве ты не понимаешь, что если он будет меня целовать, то это и значит, что мы сделаемся настоящим мужем и женою...»* – отчаянно она доказывала более просвещенной Елизавете. В ответ на подобное высказывание сестра возмущалась: *«Широко раскрыв глаза и не веря своим ушам, слушаю я Валю. Восемнадцатилетняя девочка... горячо рассуждавшая о нравственности... не знала... что такое брак! ... И вдруг, случайно, почти накануне свадьбы я узнаю от нее, что она еще невинный младенец, что она... не понимает и не знает ничего. «Валя, – послушай, – ну вот мы с тобой читали, иногда говорили об этом... Как же ты понимаешь?..» – «Конечно, так, что они целуются... От этого родятся дети, точно ты не знаешь», – даже с досадой ответила сестра. Я улыбнулась. «Что же ты смеешься? Разве есть еще что-нибудь? Разве это не все? Мне одна мысль о поцелуях противна, а вот ты смеешься. Какую же гадость ты еще знаешь?» – с недоумением спрашивала Валя...»*⁷³⁷.

Представления о связи между деторождением и пищеварением является, по мнению ученых, одним из древнейших архетипов. Доказательством того

⁷³⁶ Там же.

⁷³⁷ Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 132-133.

выступают доисторические мифы, повествовавшие об оплодотворении через рот⁷³⁸. Известная австрийская исследовательница Х. Дойч в своей книге, посвященной психологии женщин, приводила многочисленные свидетельства детей и подростков, в которых они убедительно рассказывали о появлении детей от поцелуев. С.Б. Борисов, изучавший культуру девичества в СССР, также указывал на то, что данная версия была наиболее популярной среди девочек Советской России⁷³⁹.

Среди девушек существовал еще один миф о беременности. Юные особы полагали, что дети могут появиться от длительного нахождения рядом с мужчиной в одном помещении. Субъект мужского пола был настолько загадочен и непостижим для них, что один факт его присутствия, по мнению девушек, обязательно приводил к беременности. Эта мысль чрезвычайно заботила их. Пятнадцатилетняя Т.Л. Сухотина-Толстая (старшая дочь Л.Н. Толстого) мучилась оттого, что в их доме жил учитель. Она была убеждена, что нахождение под одной крышей с мужчиной сделает ее беременной: *«Я помню, например, раз мне мама сказала, когда мне было уже 15 лет, что иногда, когда мужчина с девушкой или женщиной живут в одном доме, то у них могут родиться дети. И я помню, как я мучилась и сколько ночей не спала, боясь, что вдруг у меня будет ребенок, потому что у нас в доме жил учитель»*⁷⁴⁰.

Еще один пример, демонстрирующий крайнее невежество в вопросах половой культуры. Девушка по возвращении из поездки вдруг стала сама не своя, грустила, впадала в истерику, плакала. Спустя месяц она рассказала подруге о случившейся «драме». Находясь в поезде, она прилегла, а когда проснулась, то обнаружила, что по другую сторону от сетки спал незнакомый мужчина. Девушка была убеждена, что теперь у нее родится ребенок⁷⁴¹.

Л.Д. Менделеева-Блок (дочь известного отечественного химика, впоследствии жена и муза А. Блока), несмотря на любовь к флирту, страстную

⁷³⁸ Например, в древнеегипетском мифе бог Атум оплодотворил сам себя через рот, выплюнув бога ветра Шу и богиню мирового порядка Тефнут.

⁷³⁹ Борисов С.Б. Культурная антропология девичества. Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой культуры / <http://www.anthropology.ru/ru/texts/index.html> (дата обращения 12.12.2014).

⁷⁴⁰ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 60.

⁷⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.

натуру (на страницах своего дневника она откровенно описывала любовные ухаживания своих поклонников и интимные переживания), вступая в брак, кажется, до конца не имела представления о том, как появляются дети. Она не желала беременеть и становиться матерью. Ее жених пообещал, что детей у них не будет. Однако, находясь в положении вскоре после свадьбы, она писала, что *«ничего не знала о прозе жизни»*⁷⁴². Видимо, обещание, данное мужчиной, для нее являлось гарантом того, что не будет нежелательных беременностей.

Подавляющее большинство девочек, дневники которых удалось изучить, не представляли свою взрослую жизнь без замужества и материнства. *«Какая же будет жизнь моя без них (детей. – Прим. автора)?»*⁷⁴³ – рассуждала юная Ольга Лопухина. В.П. Багриновская в описаниях своего юношества указывала на то, что практически все знакомые девушки мечтали о традиционном жизненном сценарии: замужество, уютный дом, семья, дети. В 19 лет, имея за плечами институтское образование, работу, она рассуждала о том, что ей непременно нужна семья. Она выражала готовность выйти замуж даже за нелюбимого человека, лишь бы быть женой и матерью⁷⁴⁴. Боязнь засидеться «в девках», остаться одной, не выбранной женихами, толкала девушек к скорейшему замужеству. Желание всю себя посвятить семье и детям, культивируемое педагогами, врачами и высокой литературой, было жизненным приоритетом большинства молодых особ. В 19 лет Екатерина Николаевна Кравченко размышляла: *«Разумеется, если у меня будет ребенок... то я отдам ему всю жизнь»*⁷⁴⁵.

Однако с распространением идей феминизма, нигилизма, разрушением патриархальной семьи и традиционных ценностей все большее число девушек настороженно и даже негативно относились к замужеству. Некоторые из них в отношении многодетных матерей, беременных женщин употребляли термины «самки» и «эротоманки», полагая, что они уподобляются животному миру⁷⁴⁶. Даже девушки, воспитанные в семьях с патриархальными ценностями, нередко отказывались следовать примеру матери. Весьма показательны размышления Татьяны Толстой, старшей дочери Льва Николаевича. Татьяна с жалостью писала о

⁷⁴² Блок Л.Д. И былъ, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 64.

⁷⁴³ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 499. Л. 99об.

⁷⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 141.

⁷⁴⁵ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

⁷⁴⁶ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 33. Л. 33.

матери (Софья Андреевна рожала 13 раз, 11 из ее детей выжили), которая в представлении дочери днем и ночью только и делала, что возилась с детьми. Такой жизненный сценарий не устраивал девушку. Для Татьяны более привлекательной казалась деятельность отца – творческая и интеллектуальная. Материнский самоотверженный труд по уходу за детьми и их воспитанию она называла «материнским рабством»⁷⁴⁷. Вероятно, бессознательные страхи повторить участь матери оказали особое влияние на репродуктивные способности Татьяны. Ее многократные беременности заканчивались внутриутробной смертью плода либо скорой гибелью новорожденного.

Юная Любовь Дмитриевна Менделеева откровенно признавалась, что мысли о потенциальном материнстве приводили ее в ужас. Она сознавалась в ненависти к деторождению. *«С ранней, ранней юности, предельным ужасом казалась мне всегда возможность иметь ребенка... Ничего так не ненавижу на свете, как материнство»*⁷⁴⁸, – вспоминала Л. Менделеева. Свое состояние она характеризовала как «бунт» против деторождения. Накануне замужества мысли о возможной беременности настолько терзали ее, что она была готова отказаться от брака с «любимым Сашей»: *«Когда стал приближаться срок нашей свадьбы с Сашей, я так мучилась этой возможностью, так бунтовало все мое существо...»*⁷⁴⁹. Забеременев, она делала все, чтобы избавиться от своего положения. Материнский инстинкт в ней так и не проснулся. Рожденная девочка вскоре умерла. Л.Д. Менделеева-Блок писала, что наконец спасена от «прозы жизни».

Психиатр К. Хорни полагала, что отрицание материнского инстинкта у женщины может быть связано с конфликтами детства, а именно, с разочарованием в собственном отце. *«В последующем инстинктивное желание получить что-либо от мужчины может превратиться в карательное «урвать» от него... Она... будет движима только одним: навредить самцу, использовать его и «высосать досуха»*⁷⁵⁰, – отмечала Хорни. Сложно судить, насколько гармоничными были отношения между юной Любой и ее знаменитым отцом Дмитрием Ивановичем

⁷⁴⁷ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1980. С. 365.

⁷⁴⁸ Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 64.

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 79.

Менделеевым. Известно лишь, что разница в возрасте ее родителей была существенной (это был второй брак для Д. Менделеева). В.В. Розанов в одном из своих сочинений указывал на то, что Д. Менделеев чрезвычайно *«тосковал и тревожился, пока его замужня дочь не забеременела»*⁷⁵¹.

Независимо от своего отношения к материнству юные дворянки, интересовавшиеся подробностями зачатия, разрешения от беременности, представляли роды не иначе, как «страх», «страдание», «ужас», «смерть», «боль». Е. Дьяконова, которой еще не исполнилось 20 лет, размышляла в дневнике: *«В самом деле: женщина рождает ребенка среди страшных страданий, жизнь ее висит на волоске, она находится в прямой зависимости от искусства акушерки, а потом – от ухода»*⁷⁵². На страницах дневника она передала интимный разговор с недавно родившей сестрой. Подробности родового процесса приводили юную девушку в ужас. Вера Варсонофьева признавалась, что боится иметь детей из-за страха их смерти и нескончаемых болезней. Она вспоминала свою мать, которая днями и ночами проводила у постели больных детей, полностью отдаваясь служению им. Вера отказывалась ограничивать свою жизнь материнскими *«хлопотами и страданиями»*⁷⁵³. Рождение ребенка для девушек представлялось *«постыдным»* актом⁷⁵⁴. Многие из них признавались в том, что *«с ужасом размышляли»* о собственной фертильности.

Особый характер патриархального воспитания в дворянских семьях, замалчивание интимных подробностей супружеской жизни, депривация женской сексуальности рождали в сознании девушек трепетное волнение перед предстоящими отношениями с мужчинами и материнством. Источниками просвещения девиц выступали, как правило, старшие замужние сестры, близкие подруги, находившиеся в браке. Мать не была источником этих сакральных знаний для дочери. Это объяснялось особым характером общения между ними, наличием определенных границ, которые не принято было переходить. Традиционный характер взаимоотношений между родителями и детьми, впервые отмеченный в Домострое, предписывал некоторую официозность их общения. Невозможно было

⁷⁵¹ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 132.

⁷⁵² Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 194.

⁷⁵³ РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 563. Л. 14.

⁷⁵⁴ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 258об.

представить себе дворянку, посвящавшую свою юную дочь в особенности брачной жизни, интимных отношений, тайны рождения. В одной из переводных работ 1915 года, затрагивающих межполовые вопросы, указывалось: «...обсуждение грубо-чувственных половых отношений неуместно между родителями и детьми»⁷⁵⁵. Считалось, что подобные беседы могут подорвать авторитет родителей, вызвать пренебрежение к ним со стороны подростков. В том случае, если ребенок задавал неуместный вопрос («Откуда берутся дети?»), рекомендовалось отвечать косвенными фактами, ссылаясь на Божественный закон и элементарные сведения из области ботаники. Специалисты советовали давать ответы «коротко», «по-деловому» и «по существу». Полагалось, что половое просвещение девушек должно было произойти «само собой»⁷⁵⁶. Необходимо заметить и еще одну важную деталь.

Просвещенность девочек в сексуальных вопросах (даже наличие элементарных знаний) считалась свидетельством их распущенности и плохого нравственного воспитания. Показателен рассказ Леонида Кондратьева «Мерзкая девчонка», опубликованный в журнале «Семейное воспитание». Главная героиня – обычная восьмилетняя девочка. Гуляя с матерью, она вдруг стала задавать «неуместные вопросы» о лошади, увиденной на поляне. Ребенок интересовался: «Что это у нее такое? ... Вон там, на животе... большое и длинное?»⁷⁵⁷. Мать очень сконфузилась, девочка так и не получила ответа на интересующий вопрос, ее отругали и впредь запретили касаться подобных тем, называя при этом «мерзкой девчонкой».

Русская классическая литература содержит немало примеров сексуальной безграмотности дворянок. Долли Облонская, родственница Анны Карениной, несмотря на теплые отношения с матерью, была глубоко невежественна в половых вопросах накануне брака. Она язвительно вспоминала: «Я с воспитанием татап не только была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала»⁷⁵⁸. Долли указывала, что единственный случай, когда мать завела с ней интимную беседу, был связан с

⁷⁵⁵ Ахелис Т., Блох И., Бельше В. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни. Т. 2 / Ред А.С. Догеля, А.Н. Шабановой. 191?. С. 608.

⁷⁵⁶ Там же. С. 609.

⁷⁵⁷ Кондратьев Л. Мерзкая девчонка // Семейное воспитание. 1914. № 2. С. 66-67, 68.

⁷⁵⁸ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1956. С. 80

появлением первых регул. Другая героиня романа, Кити, отмечала, что мать рассказала ей историю знакомства с отцом только после того, когда сама девушка вышла замуж (*«Кити испытывала особенную прелесть в том, что она с матерью теперь могла говорить, как с равною, об этих самых главных вопросах в жизни женщины»*)⁷⁵⁹.

Девочки не могли поведать матери о своей первой влюбленности, получить ее совета, задать интересующие вопросы только потому, что это считалось неприличным и предосудительным. Матери-дворянки сознательно избегали подобных тем. Показательна история Оли Олоховой. Она тяжело переживала первую влюбленность. Ей нездоровилось, в томлении дни напролет она проводила в своей комнате. Заподозрив неладное, мать завела с дочерью откровенный разговор. После того как Оля с трепетом рассказала матери о своих чувствах, та ее безмолвно *«поцеловала... перекрестила и ушла»*⁷⁶⁰.

Девочки могли долгое время не догадываться о характере сексуальных отношений, особенностях деторождения. Сакраментальные знания могли обрушиться на юные создания совершенно внезапно: после прочтения художественной книги, пролистывания страниц в учебниках по физиологии и акушерству, после случайно услышанного разговора на улице или дома. Любопытное описание полового просвещения было представлено в воспоминаниях знаменитой русской писательницы начала XX века Анастасии Вербицкой. По признаниям Вербицкой, впервые она узнала об интимных подробностях полового развития в первом классе гимназии. Ее одноклассницы втайне от родителей и учителей принесли медицинскую брошюру с откровенными анатомическими и физиологическими картинками, которую практически весь класс с упоением читал и рассматривал. Несмотря на давность описанных событий, писательница смогла передать чувства, которые она испытала, будучи юной девочкой: *«Какое отчаяние овладело нами! Автор грозил разрушенным здоровьем, нервными болезнями, помешательством. Души всколыхнулись от темных предчувствий, от ужасной судьбы, ожидающей нас! Мы рыдали над нашей разбитой жизнью»*⁷⁶¹. Ее

⁷⁵⁹ Там же С. 83.

⁷⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

⁷⁶¹ Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 264.

искренне удивляло и возмущало то, что все без исключения матери, классные дамы, ежечасно обучавшие своих дочерей и учениц правильным манерам, грации, – никто не удосужился рассказать о самом главном – сути женского существа, характере интимных отношений, женской фертильности и предстоящем материнстве. *«Почему так небрежно обошли важнейшие моменты в нашей жизни? Мы начали понимать нашу заброшенность, но от этого не было легче»,* – размышляла юная Настя Вербицкая. Для многих дворянок литература медицинского характера оставалась единственным источником полового просвещения. В.П. Багриновская, О. Олохова признавались, что подробно изучали работы В.Н. Жука, посвященные женской физиологии и материнству⁷⁶². Их удивляли подруги, которые, находясь в положении, могли ничего не знать о предстоящих испытаниях.

Мемуаристка М.Г. Морозова в своих воспоминаниях, посвященным институтской жизни 1910-х годов, уделила особое внимание событию, благодаря которому она впервые осознала характер интимных отношений между женщиной и женщиной, назвав его «просвещение». Она сообщала: *«Вблизи меня в проходе столпилась небольшая группка моих одноклассниц. Между ними идет какой-то таинственный тихий разговор: «После свадьбы? Муж и жена? Что делают? Как это? Рождаются дети?» ... Аня помолчала, как бы испытывая какое-то затруднение. Потом сложила пальцы левой руки в неплотный кулачок и, убрав все пальцы правой руки, кроме среднего, быстро сунула выставленный палец в кулачок левой. «Понимаешь?» Я поняла. ... Я спросила Олю: «Аня говорит... Как ты думаешь, это правда?» «Правда, Васенька, – ответила Оля. – Моя мама акушерка. У нее есть такая книга... Я прочла...»*⁷⁶³. В данном свидетельстве книга по акушерству вновь предстает авторитетным источником девичьего сексуального просвещения.

От юных барышень пытались скрыть повседневные реалии и особенности быта замужних женщин. Педиатр и гигиенист В.В. Гориневский в конце XIX века отмечал особенность взаимоотношения матерей и дочерей в интеллигентных семьях: *«Дочерей своих такая заботливая мать до поры до времени, т. е. до*

⁷⁶² РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 170-172; ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.

⁷⁶³ Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 422-423.

окончания учения, а иногда и до самого замужества совсем устраняет от домашних дел и дрызг»⁷⁶⁴. Он полагал, что такой подход – основная ошибка «новых матерей», приводящая к тому, что девочки вступают в семейную жизнь совершенно не подготовленными, вследствие чего очень много страдают. Ни в одном из детских дневников не удалось обнаружить описания беременностей собственной матери. Не совсем понятно, почему девочек не удивляли перемены в материнском организме? Догадывались ли они о скором появлении нового члена семьи? Как переживали это? То ли они действительно не осознавали происходившего, то ли разговоры на эту тему пресекались старшими членами семьи. Сложно представить, что девочки, находясь в замкнутом пространстве семьи, не обращали внимания на существенные изменения в материнском теле. Очевидно, детей никак не готовили к тому, что у них появятся братья или сестры, не фиксировали внимание на особенности внутриутробного развития плода. Находясь в положении, дворянки скрывали этот факт от своих детей, облачаясь в свободные одежды. Иногда матери отмечали, что их новое состояние вызывало некоторое смущение у старших детей (в особенности у девочек). О.В. Палей указывала на то, что ее дочери очень «конфузились»⁷⁶⁵ ее нового положения. Однако никаких вопросов ей не задавали, молчала и мать. Появление на свет нового члена семьи было полной неожиданностью для детей, одномоментным актом, схожим с волшебством. В сознании семилетнего ребенка это событие представлялось таким образом: *«На Рождество, после шумной елки, нас вдруг загнали в детскую и велели сидеть смирно... В спальне у мамочки водворилась тьма. Запахло лекарствами, а наутро мы узнали, что у нас родился брат»*⁷⁶⁶.

Тринадцатилетняя Оля подробно описала свое первое знакомство с новорожденным братом. Она также не была готова к этому событию, несмотря на свой подростковый возраст. Впервые увиденное, только что родившееся существо потрясло ее до глубины души. Все говорило о том, что девочка переживала серьезную психологическую травму. Во время родов матери, о которых Оля не догадывалась, ее изолировали, поместив в отдельную комнату. Затем наступило время знакомства: *«Через несколько дней папа пришел ко мне, одел меня и повел к*

⁷⁶⁴ Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 17.

⁷⁶⁵ ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14. Л. 74.

⁷⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 26об.

маме. Я соскучилась уже без нее и, побежав к детской, с шумом отворила дверь. Но Боже! Страшный крик приковал на минуту меня к порогу. Крик этот так испугал меня, что, не поздоровавшись с мамой, я побежала к бабушке в спальню, уткнулась в свою подушку и горько начала плакать. Никакие убеждения папы посмотреть маленькую «лялю» не увенчались успехом. Я положительно не хотела пойти к маме и посмотреть «лялю», которая так ужасно орет... Наконец, на другой день я согласилась пойти к маме. Поцеловав ее, я подошла к коляске, она была очень высока для меня. Папа поднял меня, и я увидела страшную красную куклу без волос. Рот у куклы искривился, открылся, и из синей щели страшный крик. Я испугалась, охватив папину шею руками, закричала. Нет! «Моя Эличка гораздо лучше», – сказала я и, еще поцеловав маму, лежащую в постели, ушла играть»⁷⁶⁷. Взрослые особенно не заботились о чувствах, эмоциональных переживаниях их старших детей. Оля признавалась, что с первых минут возненавидела увиденное существо. Она с обидой описывала дальнейшие семейные отношения: ее били, бранили за любые провинности, не разбирая, отчего плачет брат. Очевидно, родителей не волновал вопрос взаимоотношения детей, они никак не считались с формирующейся личностью девочки, не брали в расчет ревность старшей дочери к тому вниманию, которое было адресовано младшему брату.

Беременность «публичных» женщин всячески пытались скрыть от глаз юных девиц. С 1880-х годов известность получила попытка запретить беременным учительницам появляться в женских гимназиях, дабы не смущать гимназисток. Кроме этого, несмотря на многочисленность и широкий возрастной состав детей в дворянских семьях, старших дочерей, как правило, не допускали к воспитанию малолетних детей. Складывалась парадоксальная ситуация: находившись под одной крышей с новорожденными братьями и сестрами, юные дворянки не имели никакого представления об особенностях ухода за грудными детьми. Популярная в начале XX века в России писательница Надежда Александровна Лухманова указывала на этот, как она считала, «недочет» женского семейного воспитания: «У нас девушку в семье удаляют от новорожденного, ей как бы неприлично

⁷⁶⁷ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 6об-7.

заглядывать за эту завесу, разделяющую поэзию брака от реальной сути»⁷⁶⁸. Е.И. Конради признавалась, что когда в первый раз стала матерью, то уровень ее знаний был ничтожным, а степень невежества – ужасающей: *«Я была настолько невежественна, насколько может быть невежественна молодая женщина, ничего не знающая о маленьких детях, кроме того, что можно о них вычитать в популярных руководствах»*. Педагоги, врачи, общественные деятели стали указывать на полнейшую неподготовленность девочек из интеллигентных классов ни к обязанностям жены, ни к обязанностям матери. В связи с этим звучали радикальные заявления о том, что женщина *«может быть всем, чем угодно, но только не матерью»*⁷⁶⁹.

В начале XX века стали появляться либерально настроенные врачи, общественные деятели (М.И. Покровская, А.С. Вирениус, Л.В. Словцова, В.М. Бехтерев, В.Н. Половцева, Г. Роков⁷⁷⁰), которые стали указывать на важность полового просвещения матерью своих детей. Современная исследовательница Л. Энгельштейн видела в этом акте не только цель сексуального воспитания молодежи, но и желание увеличить значимость женщины-матери, которая призвана была осуществить *«равноправие женщин, считавшееся необходимым условием усиления их дисциплинирующего влияния на общественную жизнь с помощью индивидуального вмешательства»*⁷⁷¹.

Сакрализация деторождения, табуирование элементарных знаний относительно беременности и родов приводили к печальным последствиям. Многие девочки испытывали страх перед материнством и отказывались в будущем иметь детей. Присутствовали и другие крайности: уже беременные женщины могли не иметь представления об особенностях родового процесса. Встречались

⁷⁶⁸ Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. М.: Д.Е. Ефимов, 1904. С. 50.

⁷⁶⁹ Вахтина М. Кем не может быть женщина // Женский вестник. 1911. № 10. С. 198.

⁷⁷⁰ Вирениус А.С. Период полового развития в антропологическом, педагогическом и социологическом отношении // Русская школа. № 12. 1902. С. 123; Словцова Л.В. Половое воспитание детей. / Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 1908. СПб., 1909. С. 14; Бехтерев В.М. О половом оздоровлении. СПб., 1910. С. 14, 18; Половцева В.Н. Половой вопрос в жизни ребенка // Вестник воспитания. 1913. № 9. С. 16-29; Роков Г. Большой вопрос воспитания // Вестник воспитания. 1902. № 7. С. 5-93.

⁷⁷¹ Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 251.

дамы в положении, которые были убеждены, что им будут «разрезать живот» и «вынимать» оттуда ребенка⁷⁷².

Многие девочки имели смутное представление о семейной жизни. Родители чаще демонстрировали безоблачную атмосферу семейного счастья. Дети не догадывались о тяготах материнского долга, о жестокостях со стороны мужа, о терзаниях матери и ее душевном одиночестве. С одной стороны, сокрытие семейных ссор благотворно влияло на детскую психику. С другой – создавало ошибочные представления о жизни замужней женщины. Для многих девушек «прозрение» наступало только после того, как они сами выходили замуж. Иллюзия сконструированного старшими «маминого счастья» исчезала.

2.2.4. «Революция» в женском сексуальном просвещении и поведении в начале XX века

«Революция» в сексуальном просвещении молодежи наступила в начале XX века. Американский историк Р. Стайтс, изучавший женское движение в России, Л. Энгельштейн, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарёва, исследовавшие сексуальную культуру российского населения, в один голос заявляли о том, что революционные события, с одной стороны, и декадентские течения в литературе – с другой легализовали тему половых отношений. Процесс эмансипации женской сексуальности в России начался значительно раньше – на страницах разноликих литературных произведений 1860–1870-х годов. В 1900-е годы половой вопрос стал предметом публичных обсуждений. Декадентские мотивы способствовали распространению идей «свободной любви».

Социальные катаклизмы, возникавшее вслед за ними аномичное состояние общества приводили к ослаблению социальных норм. Если в конце века считалось предосудительным появление молодой дворянки в компании мужчины в городском парке, то спустя десятилетие общество относилось к этому вполне сдержанно. Совместное участие молодежи в антиправительственных подпольных движениях сближало их на идеологической почве, делая традиционные нормы гендерного поведения рудиментом. Первыми, кто преодолевал патриархальные догмы, диктовавшие чопорные правила взаимоотношений между мужчинами и женщинами, были «новые женщины эпохи» (феминистки, нигилистки,

⁷⁷² ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.

либеральные писательницы). Многие из них признавались в существовании добрых связей. Участница антиправительственных организаций, в том числе такой, как подпольное общество «Красный Крест», указывала на возмущение соседей ее поведением. *«Моя жизнь у строгих немок была, конечно, нарушением всех этих правил о порядочности. Ко мне, незамужней, ежедневно приходил молодой... мужчина»*⁷⁷³, – писала она в своих мемуарах.

Изменения социокультурных условий, культивирование полового вопроса на различных уровнях неминуемо приводили к пробуждению живого интереса юных дворянок к сексуальной сфере отношений. Декаданс как литературное направление открыл для российского читателя еще недавно табуированную тему половых отношений. Все чаще девушек привлекали не восторженные романы и грезы о платонической любви, а произведения, авторы которых затрагивали вопросы эротики и телесности (А. Куприн «Яма», М. Арцыбашев «Санин», Л. Андреев «В тумане», А. Вербицкая «Ключи счастья» и др.). Вводимые официальные или инициированные родителями запреты на чтение той или иной литературы производили обратный эффект, способствуя росту живого интереса у юных читательниц. Семнадцатилетняя Оля Еремина в письме к подруге размышляла: *«Что же это за писатель, которого нельзя читать молодежи!»*⁷⁷⁴. Царившие в обществе радикальные настроения, жажда нестандартного в поведении приводили к сексуальной сублимации. Р. Стайтс полагал, что неспособность творческой интеллигенции найти самовыражение в реальной жизни обращали ее представителей к вопросам глубоко интимным: *«К ужасу большинства интеллигенции литература отвернулась от общества, обратившись к таким глубоко личным темам, как гомосексуализм, садизм, инцест, извращения, не уделяя внимания тому, что происходило в общественной жизни...»*⁷⁷⁵.

И.А. Бунин в рассказе «Легкое дыхание», вышедшем в 1916 году, представил нетипичный для литературы образ девочки-подростка. Поведение главной героини, гимназистки Ольги Мещерской, несмотря на дворянское происхождение, противоречило нормам высокой морали. Следует отметить, что

⁷⁷³ Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия. М.: Коктебель. 2010. С. 40.

⁷⁷⁴ НИОР РГБ. Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 36.

⁷⁷⁵ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 261.

повесть была написана на реальных событиях, в связи с чем главная героиня не собирательный образ, а прототип настоящей девушки. Оля Мещерская была прекрасно осведомлена о сути интимных отношений. Пятнадцатилетняя героиня бессознательно искала близкого общения с мужчинами. Она позволила себе остаться наедине с уже немолодым другом отца. Оля принимала ухаживания мужчины, его знаки внимания были настолько откровенны, что вскоре переросли в интимную близость. *«Нынче я стала женщиной!»* – писала в дневнике героиня рассказа. Несмотря на отвращение к ухажеру, интерес к сексуальным отношениям оказался настолько велик, что девушка решилась пересечь запретную грань. Первый половой акт в своей жизни О. Мещерская описала коротко, без особых сантиментов: *«За чаем мы сидели на стеклянной веранде, я почувствовала себя как будто нездоровой и прилегла на тахту, а он курил, потом пересел ко мне, стал опять говорить какие-то любезности, потом рассматривать и целовать мою руку. Я закрыла лицо шелковым платком, и он несколько раз поцеловал меня в губы через платок... Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума. Я никогда не думала, что я такая!...»*⁷⁷⁶.

Олицетворением русского декадентства была З.Н. Гиппиус. Будучи еще никому не известной восемнадцатилетней девушкой, она отличалась нестандартным сексуальным поведением. О первых своих плотских отношениях Зинаида писала в «Дневнике любовных историй»: *«Страшно влекло к нему. До ужаса. До проклятия. Первая поцеловала его, хотя думала, что поцелуй и есть – падение. Непонятно без обстановки, но это факт... Относясь к себе как к уже погибшей девушке, я совершенно спокойно согласилась на его предложение (как он осмелел!) влезать ко мне каждую ночь в окно... Почему же и не влезать? Я ждала его одетая (так естественно при моей наивности), мы садились на маленький диванчик и целовались»*⁷⁷⁷. Учитывая, что описанные события датировались концом 1880-х годов, когда социальные нормы жестко подавляли девичью сексуальность, то поведение девушки являлось вызовом существующим моральным ценностям. Строки дневника свидетельствуют о явной сексуальной просвещенности его автора. Действия Зинаиды настолько отличались от типичного поведения

⁷⁷⁶ Бунин И.А. Легкое дыхание. Рассказы. М.: Вагриус, 2002.

⁷⁷⁷ Гиппиус З.Г. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М., 2003 / <http://gippius.com/doc/memory/contes-d-amour.html> (дата 07.02.2014)

благовоспитанных девушек, что избранник воспринял их как девиацию. *«А вот я один раз его испугала. После одного поцелуя (уж не помню его) он отшатнулся и прошептал боязливо: «Кто вас научил? Что это?». (Он мне почти всегда «вы» говорил, а я ему «ты», я так хотела.) Я и не поняла его, только сама испугалась: кто мог и чему меня выучить?»*⁷⁷⁸ – писала З. Гиппиус.

Среди юных представительниц интеллигентного сословия появились те, которые не прикрывали собственную сексуальность, выставляя ее напоказ. Для многих из них объектом для подражания становились эпатировавшие публику яркие представительницы русского символизма – З.Н. Гиппиус, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, М.И. Цветаева. Дореволюционный исследователь Г. Гордон в своей книге, посвященной отношению молодежи к браку и проституции, указывал на то, что многие юные дворянки признавались в желании иметь реальные сексуальные отношения. В частности, одна из его респонденток отмечала, что «страстно» хочет замуж, так как для нее основная цель брака прежде *«удовлетворение половых»*, а затем уже *«материнских инстинктов»*⁷⁷⁹. Характер повествования в девичьих дневниках с конца XIX века существенно меняется. Интимные темы выходили из разряда сакральных и запретных для письма. Несмотря на то что юные дворянки часто не осознавали характер переживаемых ими процессов, они вполне откровенно повествовали о желаниях близости с мужчинами, страстных мечтах о поцелуях. Девочки все меньше пытались придать нарочито платонический характер своим симпатиям, все чаще акцентируя внимание на ощущениях собственного тела. Рецепция противоречивых женских образов из доступной для девушек литературы приводила к тому, что они балансировали между стремлением быть «святыми» и безгрешными, отстраненными от всего плотского и желанием быть «роковыми», независимыми и даже «дрянными» женщинами.

На протяжении 1900–1910-х годов эротика становилась важнейшей составляющей повседневной жизни. Газеты пестрели объявлениями с предложениями интимных знакомств. Новые театральные постановки содержали откровенные, эротические сцены; в кинематографе, согласно рекламным объявлениям, преобладали любовные сюжеты. В магазинах наравне с детскими

⁷⁷⁸ Там же.

⁷⁷⁹ Гордон Г. Брак и проституция в суждениях современной молодежи // Новая жизнь. 1913. № 2 (февраль). С. 196.

игрушками продавались так называемые «игрушки для взрослых». *«В витринах, назначенных для чистых детских глаз, наряду с игрушками, выставлены самые возмутительные фарфоровые фигурки, с соской на верхушке: мальчики, державшие в кулаке свой половой член, оголенные женщины, выставляющие напоказ свои половые части»*⁷⁸⁰, – писала врач Е.С. Дрентельн. Рекламные объявления, размещаемые на страницах столичной и провинциальной прессы, содержали откровенную информацию о женских и мужских предохранительных средствах, о способах лечения венерических заболеваний, о предметах интимной дамской гигиены. В аптеках свободно продавались специальные средства контрацепции⁷⁸¹. Параллельно с пропагандой идеи полового воздержания среди городской молодежи возникали сексуальные объединения и клубы, направленные на развитие половых желаний участников. Наибольшую известность приобрела «Лига свободной любви»⁷⁸².

Несмотря на десакрализацию вопросов, связанных с сексуальными взаимоотношениями полов, благовоспитанные девушки должны были всячески скрывать свою просвещенность в данной сфере. Информация об особенностях интимной жизни представительниц слабого пола также относилась к разряду запретной. Показательным явился случай, приводимый в книге Л. Энгельштейн⁷⁸³. В начале XX века Пироговское общество врачей инициировало серию обследований сексуального поведения университетского студенчества. Все попытки включить женскую часть учащихся в научное исследование не увенчались успехом. Результаты опросов, проведенных в Томске, так и остались необнародованными, так как были запрещены полицией. Власти опасались за то, что результаты опросных листов могут повредить неокрепшие женские умы.

Врачи все еще относили проявление девичьей сексуальности к форме девиации, но интуитивно осознавали, что эти случаи приобретают характер всеохватывающей тенденции. Их оценки во многом были продиктованы подходом,

⁷⁸⁰ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книг-во Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 184.

⁷⁸¹ Мицюк Н.А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. Вып. 14. С. 49–68.

⁷⁸² Богдан-Соколовский А.М. Под маской. Киев, 1911.

⁷⁸³ Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 252–253.

заложенным Ч. Ломброзо, согласно которому чрезмерная женская сексуальность – патология, «нравственный идиотизм» и «нравственное помешательство»⁷⁸⁴. Он был убежден в существовании «врожденной» женской испорченности, следствием которой становились отклонения в сексуальной сфере даже у благовоспитанных девушек⁷⁸⁵. Фактически женщины с развитой сексуальностью приравнялись к проституткам.

Женщина-врач Е.С. Дрентельн из собственной врачебной практики описывала многочисленные случаи «нетипичного» поведения барышень пубертатного возраста. Она приводила примеры сексуальной девиации 14–16-летних девочек из интеллигентных семей. В качестве иллюстрации несколько описанных автором случаев: *«1) Дочь врача Р., что называется, из хорошей семьи. Отец и мать, любящие, слабые родители. С 14 лет девочка обнаружила свои половые склонности – имела особые влечения к мужчинам и потихоньку от матери уходила, иногда даже ночью... В 16 лет она связалась с каким-то молодым человеком... 2) Дочь коммерсанта Т., француженка, нервная, взбалмошная, истеричная девушка. Слабое воспитание. В 16 лет влюбилась в какого-то офицера и отдалась ему. Он вскоре оставил ее, она утешилась с другим. Будучи послана для лечения в Крым, она привезла оттуда с собой татарина... 3) Дочь профессора Н. Родители добрейшие, прекрасные трудящиеся люди. В своих детях... не чаяли души... Старшая их дочь М., хорошенькая, живая, способная девочка, в 13–14 лет обнаружила большую склонность к мужскому полу, выражая ее забавным кокетством и шалостями... Училась М. хорошо, но кружить головы мужчинам сделалось ее страстью. Поведение М. с мужчинами было в высшей степени агрессивно: она прижималась к ним, возбуждающе глядела на них, допускала объятия и поцелуи»*⁷⁸⁶. Большое число девочек, которых исследовала врач, имели хорошую осведомленность в вопросах, касающихся половых отношений. В то же время они пытались демонстрировать своим родителям абсолютную невинность и непонимание того, что с ними происходит. Одна из девушек устроила хитрую

⁷⁸⁴ Ломброзо Ч. Женщина – преступница или проститутка. М.: Издательский дом: Попурри, 2012. С. 86-94.

⁷⁸⁵ Следует отметить, что во многом Ч. Ломброзо опирался на данные российского врача Прасковьи Николаевны Тарновской, которая изучала проституток в России.

⁷⁸⁶ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 179-180.

инсценировку перед матерью. Юная барышня описала якобы факт ее изнасилования, при этом уверяя родителей в своей непросвещенности. Родители вместе с девочкой обратились к врачу. Е.С. Дрентельн повествовала об этом случае: *«Однажды М. вернулась из гимназии домой в страшном волнении и рассказала, что, проходя по скверу, она встретила каких-то босяков, которые напали на нее, повалили ее, причинили ей боль и чем-то замочили ее»*⁷⁸⁷. Как впоследствии оказалось, эта история была придумана шестнадцатилетней девушкой с одной лишь целью: убедить родителей в факте потери девственности и угрозе беременности, дабы те поскорее выдали ее замуж за возлюбленного гимназиста. Девушка не только хорошо представляла суть полового акта, но и умело демонстрировала в глазах родителей невинность собственных представлений.

Другой случай также наблюдался Е.С. Дрентельн в аристократической семье. Мать семейства – благовоспитанная, верная мужу, создавшая условия традиционной дворянской атмосферы со свойственным ей семейным уютом и внимательным отношением к воспитанию детей. Однако ее дочь в откровенных беседах с матерью признавалась, что ее мучают *«чисто физические стремления»*, в буквальном смысле девушка грезилась близостью с мужчинами. Мать была возмущена до глубины души. В попытке излечить болезнь дочери мать стала обращаться к всевозможным специалистам. *«У меня никогда ничего подобного не было»*, – признавалась она врачам. Все без исключения доктора уверяли мать в серьезных отклонениях в развитии девочки, будучи убежденными в противоестественности ее наклонностей.

Известный врач-просветитель и феминистка М.И. Покровская в статье 1910 года писала о том, что учащиеся средних учебных заведений, как мальчики, так и девочки, в свои 13–14 лет отдаются различным по характеру половым наслаждениям, в то время как взрослые пытаются ограничить их сексуальную просвещенность. По ее утверждению, девочки прибегали к услугам подруг, родственниц и даже учителей. В качестве примера она приводила резонансный случай четырнадцатилетней гимназистки из интеллигентной семьи, которая по собственному желанию целую неделю провела на квартире классного

⁷⁸⁷ Там же.

наставника⁷⁸⁸. Врачи все чаще фиксировали факты беременности гимназисток. Эти случаи старались не предавать гласности и никак не комментировались. М.И. Покровская полагала, что нет смысла бороться с проявлениями девичьей сексуальности. Она считала, что большую ценность будет иметь правильное половое воспитание молодежи. По мнению М. Покровской, родители должны кардинально изменить свое отношение к этим важнейшим вопросам в развитии своих детей. В России стали появляться переводные работы европейских врачей, раскрывающие специфику сексуального просвещения девочек. В 1911 году была издана книга Мэри Вуд-Аллен «Что необходимо знать девочке»⁷⁸⁹, где в доступной форме для матери и ребенка она рассказывала о том, как правильно организовать беседы на тему полового развития и сексуальных отношений.

Изучение специфики психосексуального развития девочек-дворянок, основываясь на девичьих нарративах, частных случаях, раскрытых на страницах медицинской литературы, продемонстрировало противоречивость их полового воспитания и низкий уровень материнской социализации дворянок. Основная причина состояла в амбивалентном отношении российского общества к девичьей сексуальности. Девушкам из привилегированного сословия предписывалось демонстрировать свою непорочность и непросвещенность в вопросах секса, но при этом умело кокетничать и флиртовать. Дворянки XIX века в подавляющем большинстве грезил о романтической любви, но ничего не знали о сексуальных отношениях, о процессе деторождения и материнстве. Ввиду репрессированной сексуальности для многих из них интимная близость не была желанной телесной практикой, рождавшей беспокойства вплоть до нервных срывов. Несмотря на либерализацию пореформенного российского общества, женскую эмансипацию, развитие научных знаний в области акушерства и гинекологии, разрушение патриархатных устоев и запретов, на всем протяжении XIX века в области сексуального просвещения дворянок не происходило заметного сдвига. В девичьем восприятии половые отношения ассоциировались с «позором», «животным

⁷⁸⁸ Покровская М.И. О внеклассном надзоре за учащимися // Женский вестник. 1912. № 1. С. 18-20.

⁷⁸⁹ Вуд-Аллен М. Что необходимо знать девочке. СПб.: Книгоизд. полезной литературы, 1911.

наслаждением», «скверностью», «всякой грязью», «неведомой силой» «двойной жизнью», «половой похотью», «надругательством над душой».

В условиях существования многочисленных запретов на проявление подростковой сексуальности, ограничения общения девочек с представителями противоположного пола в девичьем поведении прослеживались противоречивые формы сексуального поведения: однополая привязанность, невроты на сексуальной почве, неразборчивость в выборе объектов первой влюбленности. В гомоэротических фиксациях (девичьем «обожании») современники не видели ничего предосудительно из-за отсутствия в отношениях сознательного сексуального подтекста, а также определенных телесных практик. К тому же страстная девичья дружба истощала себя по выходу девочек из стен учебных заведений. Повзрослевшие участницы этих отношений оценивали их как «репетицию» настоящей любви, в которой объектом становился непонятный и недостижимый для женского понимания мужчина.

Анализ девичьих эгодокументов демонстрирует инфантильность их обладательниц и крайнюю степень непросвещенности в вопросах полового развития, сексуальных отношений и женской фертильности. Переход из девичества во взрослое состояние сопровождался тяжелейшими эмоциональными потрясениями. Первое потрясение для девочек-подростков было связано с получением знаний о половых отношениях, второе было вызвано знакомством с особенностями процесса деторождения и осознанием сути репродуктивных функций женского организма. Половое просвещение девочек имело стихийный характер, будучи табуированным знанием на уровне семьи и школы. Репрессированная девичья сексуальность, непросвещенность в половых вопросах превращали первую брачную ночь в насильственный акт над дворянками. Сложности и противоречия психосексуального развития девочек оказывали влияние на дальнейшие самоощущения дворянок в качестве жены и матери.

Изоляция девочки-дворянки от семейных забот матери, ухода за новорожденными (братьями и сестрами), табуирование матерью собственной беременности и родов приводили к тому, что молодые дворянки, выйдя замуж, были не подготовлены к материнским ролям, что усугубляло драматизм их переживаний, особенно в условиях конструирования типа «сознательной матери».

Знания взрослых девушек о собственных репродуктивных функциях были настолько ограничены, что многие из них появление детей связывали с поцелуем, с нежными романтическими ухаживаниями, с одним фактом присутствия рядом с мужчиной. Полученные дворянками сведения об особенностях зачатия и деторождения от более старших подруг, от замужних сестер, из медицинской и художественной литературы воспринимались ими в метафорах «страх», «страдание», «ужас», «смерть», «боль», «постыдный акт».

Видимые изменения в сфере сексуального просвещения и интимных представлений дворянок в России начинают происходить в начале XX века, вследствие десакрализации полового вопроса, широкого распространения специальной медицинской литературы, декадентских настроений в русской литературе, падения многих запретов в условиях бурно менявшегося общественного уклада. Девочки располагали все большими возможностями получить сексуальное просвещение вне семьи (популярные медицинские пособия, откровенная литература, открытая продажа и реклама контрацептивов и сексуальных «игрушек»). В то же время родители продолжали защищать традиционную половую мораль и дистанцироваться от вопросов сексуального просвещения подростков, что являлось латентной причиной многочисленных подростковых «истерий» начала XX века, и конфликта поколений. Повсеместно появлялись девочки из интеллигентных семей, восстававшие против предписанной сексуальной табуированности и сдержанности. Их поведение приобретало различные протестные формы – от свободных сексуальных добрых отношений до побегов из семьи. Врачи стали фиксировать многочисленные проявления чрезвычайной девичьей сексуальности, продолжая рассматривать ее как отклонение от нормы и патологию, требующую лечения.

ГЛАВА III. АНТРОПОЛОГИЯ БЕРЕМЕННОСТИ ДВОРЯНОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Антропология беременности, рассматриваемая в контексте материнства, – междисциплинарная тема, стоящая на стыке этнографических исследований, частной истории, истории повседневности, исторической феминологии, психологии, социологии. Еще в начале XX века известный врач А. Фишер-Дюккельман смотрела на беременность как на неразрывную часть материнства и истории детства: *«Беременность, послеродовой период, период кормления неразрывно связаны с вопросом о ребенке, как та часть ребенка, которая обуславливает его существование и здоровье»*⁷⁹⁰. Для современных этнографов беременность – это одна из составляющих родильного ритуала, который они относят к обрядам перехода⁷⁹¹. Российский этнограф и антрополог А.К. Байбурун подчеркивал, что в традиционном обществе *«роды – лишь эпизод в структуре родильной обрядности. Ритуал рождения ребенка начинается гораздо раньше родов, а завершается через весьма продолжительное время после родов»*⁷⁹².

Между тем история и антропология беременности женщин из высших слоев общества – табуированная область для научного изучения. В историко-

⁷⁹⁰ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 447.

⁷⁹¹ Харузина В. Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и об уходе за детьми // Этнографическое обозрение. 1906. № 1-2 С. 98; Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. (по матер., собр. в Тульск., Веневском и Каширск. у.) // Этнографическое обозрение. 1895. № 4; Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891; Леви М. История родовспоможения в СССР. М.: АМН, 1950; Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31-38; Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Изд-во Восточная литература, 1999; Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 9-30; Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогорский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи... С. 92-106; Белоусова Е.А. Наши современницы о родовспоможении в России // Корни и травы: Сб. ст. М.: Мемориал, 1996. С. 216-228; Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып. 3. СПб., 1999. С. 389-423; Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 17-25; Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. М., 2001; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001; Носова Г.А. Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки). М.: Центр прикладной этнографии ин-та антропологии и этнологии, 1999.

⁷⁹² Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 36-37, 40.

этнографических исследованиях, которые направлены преимущественно на описание родильных обрядов в народной среде, дворянская беременность, не маркируемая народной культурой, оказалась депривированной. В работах по истории российского дворянства беременность и родины исследователи также обходят стороной, видимо, относя данные темы к этнографическим.

В то же время антропология беременности – чрезвычайно важная часть женской истории. В том, как данный процесс переживается, какими практиками сопровождается, выражается не только материнская любовь, но и другие черты и качества женской личности. Г. Зиммель, М. Фуко, Ю. Кристева полагали, что состояние беременности отражает саму женскую сексуальность. Г. Зиммель, заметивший ограниченность половой жизни мужчин, указывал, что для женщин половая жизнь – это не только акт совокупления, но целый комплекс переживаний репродуктивного цикла, включающий менструации, беременность, роды, кормление⁷⁹³. Известный французский психоаналитик Ю. Кристева обосновала понятие «материнской сексуальности», которая, согласно ее представлениям, формируется у женщины во время вынашивания и родов, дополняя существующую женскую сексуальность⁷⁹⁴. Наличие «материнской сексуальности», по мнению исследователя, важнейшая составляющая женской индивидуальности и субъективности. Современный немецкий психоаналитик Е. Полюда отмечала, что беременность играет первостепенную роль в становлении женской идентичности. Посредством нового телесного опыта у женщины происходит разрыв *«с привычной экстравертностью»*, который *«вызывает такое же внутреннее потрясение, как для Марии встреча с принесшим благую весть ангелом»*⁷⁹⁵. Не являясь сторонницей биологически предопределенных женских ролей, Е. Полюда была убеждена, что беременность и в целом материнство помогают женщине осознать «собственную историю».

⁷⁹³ Зиммель Г. Созерцание жизни // Избранное. М., 1996. Т. 2. С. 500; Зиммель Г. Женская культура // Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2. С. 235.

⁷⁹⁴ Кристева Ю. Интервью / <http://doctornet.ru/article/yuliya-kristeva-materinstvo-ehto-strast>; Кристева Ю. Силы ужаса. Эссе об отвращении. Харьков: Алетейя, СПб., 2003.

⁷⁹⁵ Полюда Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 127.

Впервые исторический контекст беременности проблематизировался в рамках повседневной истории. И если на Западе история материнства и связанная с ней тема беременности являются достаточно изученными, то в России эти проблемы представлены немногими работами, зачинателями которых были зарубежные исследователи (Дж. Хаббс, Д. Рэнсел, Дж. Товров, Б. Энгель)⁷⁹⁶. Исключительными по своей постановке в отечественной историографии явились труды Н.Л. Пушкарёвой. В контексте исторической феминологии и гендерной истории особое внимание она уделила историографическому обзору работ по истории материнства, проблеме материнства и воспитания детей представительницами различных сословий, преимущественно в доиндустриальную эпоху⁷⁹⁷. Беременность ею рассматривалась сквозь призму трансформации женских сексуальных практик⁷⁹⁸. Впервые антропологию дворянской беременности дореформенной России в контексте синтеза повседневной истории, исторической этнологии и гендерной истории на материале широкого круга эгодокументов раскрыла А.В. Белова⁷⁹⁹. Этот же период привлек зарубежную исследовательницу

⁷⁹⁶ Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // *Женщина в российском обществе*. 2000. № 1. С. 9-24; Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 5. С. 91-101; Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1988; Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press, 1978; Ransel D.L. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1988; Lindenmeyr A. *Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia* // *Journal of Women's History*. 1993. Vol. 5. № 2. P. 114-125; Engel B. *Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

⁷⁹⁷ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 2011. С. 70-98; Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII в. М.: Ломоносов, 2012. С. 64-86; Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 6. С. 93-106; Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // *Этнографическое обозрение*. 1999. № 5. С. 47-59; Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 5. С. 91-101; Пушкарёва Н.Л. «Будь, мое дитятко, счастливо и талантливо...» (традиционные обычаи и ритуалы первых часов жизни ребенка) // *Материнство*. 1998. № 7. С. 81-84; Пушкарёва Н.Л. «Внутри во чреве твоём плоть соткалась...» // *Материнство*. 1998. № 5. С. 81-84; Пушкарёва Н.Л. «Добрые товарищи во всяких случаях и в печали» (матери и дети в дворянских семьях XVIII в.) // *Материнство*. 1996. № 3.

⁷⁹⁸ Пушкарёва Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 2. С. 3-17.

⁷⁹⁹ Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки Центральной России (XVIII–середины XIX вв.). Авт. дисс. ... д.и.н. М., 2009. С. 42-47; Белова А.В. «Четыре возраста женщины» Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–середины XIX вв. СПб.: Алетейя, 2010. С. 346-429.

А. Кахазен, которая с позиции «политик тела» и медиализации анализировала трансформацию официального дискурса в отношении репродуктивного поведения россиянок⁸⁰⁰. Петербургская исследовательница В.А. Веретенко затронула вопросы, связанные с дворянской беременностью и родами с позиции историко-правового подхода, акцентируя внимание на законодательной регламентации брака, юридическом аспекте рождения, усыновлении детей в дворянских семьях⁸⁰¹.

Таким образом, в отечественной историографии тема беременности и родильного обряда в дворянской среде проблематизирована. Однако скрупулезных исследований, посвященных антропологии дворянской беременности пореформенной России, не предпринималось. Между тем трансформация всех сфер общественной жизни пореформенной России, принеся кардинальные изменения в частную и публичную сферы российских аристократок (разрушение патриархальной семьи, женское движение и процесс эмансипации, формирование системы женского образования, освоение новых социальных ролей и др.), оказали существенное влияние на область традиционных женских практик – беременность, роды, постродовой период. Изучение антропологии дворянской беременности пореформенной России существенно дополнит историю российских женщин высшего сословия, позволит увязать важнейшие социально-политические, экономические процессы в стране с их частной жизнью, миром их повседневности, чувственными и эмоциональными переживаниями.

В связи с этим цель данной главы состоит: 1) в изучении трансформации традиционных женских практик в высшем сословии России, вызванных либерализацией России и освоением женщинами новых социальных ролей; 2) определении влияния важнейшего телесного опыта в жизни дворянок на их социальную идентичность в частной и публичной сферах; 3) выявлении эмоциональных переживаний дворянок на протяжении беременности и в постродовом периоде; 4) анализе изменений в сфере женской сексуальности; 5) сопоставлении важнейших тенденций в антропологии женской беременности в России и на Западе.

⁸⁰⁰ Kuxhausen A. *From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Eighteenth-Century Russia*. University of Wisconsin Press, 2013.

⁸⁰¹ Веретенко В.А. *Дворянская семья и государственная политика*. СПб: Европейский дом, 2009; Веретенко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – нач. XX в. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 3. С. 138-144.

Реконструкция антропологии дворянской беременности требует привлечения широкого спектра исторических источников, различных по характеру и содержанию. Скупость, фрагментарность, рассредоточенность и завуалированность источников по данной теме, требующих от исследователя собирания «по крупицам», были замечены еще А.В. Беловой⁸⁰². Особую группу источников составили женские эгодокументы (мужчины в своих воспоминаниях, дневниках и письмах обходят стороной тему беременности и родов). «Тексты» рожениц позволяют репрезентировать эмоциональные переживания дам в положении. В отличие от своих предшественниц дворянки пореформенной России на страницах личных документов охотнее делились переживаниями по поводу беременности и родов. Учитывая двойную субъективность документов личного происхождения (субъективность автора и субъективное прочтение источника исследователем), повысить объективность выводов исследования были призваны научные и научно-популярные сочинения медицинского характера по уходу за роженицами и новорожденными известных дореволюционных врачей-акушеров и педиатров. Дореволюционная столичная и провинциальная пресса, реклама на ее страницах позволили выявить существенные изменения в интимной жизни горожан.

3.1. Рационализация репродуктивного поведения дворянок

3.1.1. Возраст первой беременности

Дореволюционные общественные деятели, представители врачебной элиты, писатели и публицисты, служители церкви в подавляющем большинстве смотрели на женскую сексуальность исключительно с позиций воспроизводства потомства. Если к основным половым функциям мужчины физиологи и врачи относили «*периодические извержения семени и половое сближение*», то для женщин эта сфера (помимо овуляции и собственно полового сближения) дополнялась беременностью и родами, а также кормлением грудью⁸⁰³. Бурная интимная жизнь

⁸⁰² Белова А.В.» «Четыре возраста женщины» Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–середины XIX вв. СПб.: Алетей, 2010. С. 347.

⁸⁰³ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 24.

женщин воспринималась как форма девиации и полового извращения⁸⁰⁴. Только репродуктивный секс признавался моральным и не подвергался осуждению. Вопреки данному подходу во второй половине XIX века в России появлялись существенные изменения в сексуальном и репродуктивном поведении дворянок. Дореволюционный врач Е.С. Дрентельн, основываясь на многочисленных наблюдениях своих пациенток и анализе научной литературы, не без удивления отмечала тот факт, что половая жизнь ее современниц *«представляет высокую степень ненормальности»*⁸⁰⁵. Происходившие изменения можно охарактеризовать термином французского исследователя А. Бежена *«рационализация сексуальности»*⁸⁰⁶. Она выражалась в повышении брачного возраста, уменьшении размеров семьи, использовании средств контрацепции, отказе от рождения детей в случае неблагоприятного финансового положения супругов. В итоге сексуальная жизнь замужней женщины становилась все более независимой от ее репродуктивных способностей, наблюдался процесс *«автономизации матримониального, сексуального и прокреативного поведения»*⁸⁰⁷. Отечественный социолог С.И. Голод называл данное явление революцией репродуктивного поведения, оказавшей существенное влияние на формирование новых гендерных ценностей и отношений в обществе. Дореволюционные демографы не могли объяснить процесс сокращения естественного прироста населения. Отечественный демограф А.Г. Вишневский впервые связал данные факты с кардинальными изменениями в брачном поведении населения. Он полагал, что первостепенное влияние на уровень рождаемости населения оказывают два фактора: матримониальное поведение, которое влияет на процесс заключения/расторжения браков, и репродуктивное поведение супругов, которое влияет на брачную рождаемость⁸⁰⁸.

⁸⁰⁴ Тарновский В.М. Извращение полового чувства у женщин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895.

⁸⁰⁵ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 75.

⁸⁰⁶ Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности. СПб.: Институт социологии РАН, 1997. С. 14-19.

⁸⁰⁷ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 55, 58.

⁸⁰⁸ Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 108.

Итак, одной из важнейших тенденций брачного, репродуктивного и сексуального поведения дворянок явилось *повышение возраста первого деторождения*. Несмотря на то что закон позволял девицам выходить замуж с 16 лет⁸⁰⁹ (в XVIII веке женщины могли уже рожать в это время), дворянки не спешили воспользоваться этой возможностью. В. Михневич, исследуя население столицы в 1880-е годы, отмечал, что дворянки чаще всего выходят замуж в возрастном промежутке от 21 года до 30 лет, в период *«ранней юности»* заключается менее трети браков. Статистические отчеты также подтверждают, что во второй половине XIX века наблюдалась устойчивая тенденция повышения брачного возраста. Так, согласно «Статистическому временнику Российской империи», в 1882 году по сравнению с предыдущим годом количество *«вступивших в брак в возрасте до 20 лет значительно уменьшилось как мужчин, так и женщин, а во всех прочих – повысилось»*⁸¹⁰. Средний возраст невест в Москве и Санкт-Петербурге в начале XX века составлял 24,6–25,1 лет. В Харькове, например, до 20 лет в брак вступало менее 12% горожанок, зато более 59% женщин выходили замуж в возрасте от 20 до 29 лет. При этом в промежутке от 30 до 39 лет замуж выходило немного – 14% женщин⁸¹¹. Изучение автобиографических документов, где отражены основные вехи женских судеб, подтверждают статистические данные. Об этом свидетельствуют разнородные по характеру архивные материалы (отчеты родильных отделений, документы о бракоразводных процессах, сведения метрических книг, личные дела учительниц, врачей и др.).

Многочисленные женские дневники демонстрируют новые предпочтения их авторов. Не только «новые женщины» эпохи, феминистки, нигилистки, не спешили обзаводиться семьей, но и обычные провинциальные дворянки все чаще откладывали замужество. В их жизни помимо брака и материнства появлялись другие жизненные стратегии (получить достойное образование, в том числе и профессиональное, участвовать в общественно-политической деятельности,

⁸⁰⁹ Полное собрание законов Российской империи: Свод законов гражданских. СПб., 1909. Т. 10. Ч. 1. Ст. 3.

⁸¹⁰ Статистический временник Российской империи. Движение населения за 1882 год. Вып. 21. Сер. III. СПб., 1887. С. VIII.

⁸¹¹ Курман М.В. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 236, 238.

профессионально реализоваться), которые нарушали традиционно сложившийся гендерный порядок. Нежелание дворянок рано выходить замуж вызывало устойчивую критику со стороны старшего поколения. Изменения предпочтений молодежи, связанные с отхождением от матримониальных ценностей, явились частью конфликта «отцов и детей», хотя в данном случае уместна формулировка «родителей и дочерей». Провинциальная помещица М.А. Данилова (урожд. Ундольская) в своих воспоминаниях цитировала старших родственниц, которые с непониманием относились к ее отрицанию раннего замужества: *«Маше уже 23, и она еще не замужем. Никто из бывалых у них в доме молодых людей ей не нравился. С ее серьезным и вдумчивым характером трудно будет ей найти подходящего мужа»*⁸¹². В то же время либерально настроенные врачи с одобрением относились к наметившейся тенденции повышения детородного возраста. Они отмечали, что именно к 21 году женщина достигает половой зрелости и определенного уровня духовного развития. Непререкаемый авторитет для матерей начала XX века врач В.Н. Жук указывал, что наиболее здоровые и крепкие дети рождаются у женщин в возрастном промежутке от 19 до 35 лет⁸¹³.

Причину повышения брачного возраста в аристократической и интеллигентской среде российский социальный историк Б.Н. Миронов видел прежде всего в существовании особого *«рационального решения правительства»*, возникшего под влиянием представителей образованных кругов общества⁸¹⁴. Очевидно, он полагал, что врачебный и педагогические дискурсы, культивировавшие образ «сознательной матери», принесли свои плоды: возрастная граница первых деторождений повысилась. Он никак не связывал данный процесс с трансформацией женских социальных статусов и ролей, движением эмансипации и появлением новых сфер гендерной реализации. Кроме замужества и материнства, для женщины пореформенной России открывались иные горизонты социальной деятельности. На страницах девичьих дневников, писем все чаще встречались описания намерений пойти учиться⁸¹⁵, мечты о свадьбе отходили на второй план.

⁸¹² РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 66. Л. 74.

⁸¹³ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 28.

⁸¹⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Т. 1. СПб.: Владос, 2000. С. 168.

⁸¹⁵ ОР РГБ. Ф. 375. Картон 2. Д. 1. Л. 4; ОР РГБ. Ф. 749. Картон 1. Д. 16. Л. 4.

Смоленская дворянка А. Оберучева в своих мемуарах подчеркивала нежелание следовать предписаниям традиционного женского сценария: *«Многие знакомые хотели, чтобы я вышла замуж, но у меня было твердое намерение поступить в университет и быть врачом. Брат меня поддерживал в этом моем желании (не выходить замуж)»*⁸¹⁶. Пансионного, гимназического обучения (заканчивалось к 16–18 годам) многим дворянкам было недостаточно. Популярность как среди столичных, так и провинциальных дворянок возымели Высшие женские курсы. О новых предпочтениях молодежи размышляла в своих воспоминаниях престарелая няня, воспитавшая не одно поколение девиц из высших сословий. Оценивая барышень «прежних» времен, как *«сегодня в куклы играет, а завтра под венец идет»*, *«кончат пансион и замуж скорей»*, в отношении девушек начала XX века она писала: *«...детей то родить успеют, теперь впору курсы слушать»*⁸¹⁷. Смена приоритетов в жизни молодых дворянок вызывала непонимание и осуждение у старшего поколения.

Следует рассматривать и другую сторону жизни дворянок пореформенной России. В условиях разорения помещичьих семей с их патриархальным укладом жизни уходили в прошлое традиционные гендерные отношения. Все чаще дворянки вынуждены были работать, что объяснялось не их феминистскими взглядами, а финансовой необеспеченностью семьи. К их числу относились и многие деятельницы феминистского движения 1860–1870-х годов. Они признавались, что их профессиональная деятельность была обусловлена необходимостью содержать себя и своих детей. Смена приоритетов и потребность дворянок в труде приводили к отсроченному материнству, нижняя граница возраста первых родов повышалась. Анализ семейного положения учительниц провинциальных женских гимназий показал, что основной контингент учительниц – незамужние и бездетные женщины в возрасте 25–30 лет⁸¹⁸. Вместе с тем их объединяло тяжелое материальное положение, вызванное отсутствием родственников, бедностью родителей. Дворянки вынуждены были самостоятельно

⁸¹⁶ Монахиня Амвросия (Оберучева). Записки старицы, получившей много милостей от Бога. М.: Новоспасский монастырь, 2008. С. 132.

⁸¹⁷ Холопы (рассказ няни З. Корецкой // Родина. 1914. №11. С. 169.

⁸¹⁸ Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013. С. 147-153.

содержать себя, направляя все свои усилия на профессиональное совершенствование, а не на поиски подходящей партии. Да и в глазах потенциальных женихов бесприданницы не являлись желанными пассиями. Верхняя граница возраста заключения первых браков среди учительского состава варьировалась вплоть до пятого десятка. Например, псковская дворянка В.П. Тычино впервые сочеталась браком в 47 лет⁸¹⁹.

Таким образом, социально-экономические, духовные процессы пореформенной России, связанные с развитием женского образования и эмансипацией, расширением горизонтов общественной деятельности, необходимостью самостоятельно содержать себя, – все это, наравне с призывами врачей, оказывало существенное влияние на повышение брачного возраста в дворянском сословии.

Еще одной важной составляющей рационализации женской сексуальности пореформенной России стало *сокращение количества беременностей и родов* в жизни аристократок. Модернизация российского общества, распространение идей либерализма, гуманизма, развитие женского просвещения приводили к индивидуализации сознания. Частные интересы все чаще становились выше групповых, в том числе и семейных. Сокращение числа деторождений в семьях отмечали дореволюционные ученые и писатели. В. Михневич в отношении состоятельных интеллигентных супружеских пар столицы писал, что те *«боятся детей»*, смотря на *«плодовитость супругов»* как на *«обузу»*⁸²⁰. Все это, по мнению исследователя, являлось показателем деморализации семьи и личной безнравственности. Врач П. Чунихин указывал: *«Замечается как бы стремление не к полному освобождению себя от детей, а к ограничению их числа»*⁸²¹. Особенно данная проблема волновала известного врача и общественного деятеля Д.Н. Жбанкова⁸²².

⁸¹⁹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8155. 1909. Л. 4.

⁸²⁰ Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сушинского, 1886. С. 396.

⁸²¹ Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая–5 июня 1913. Вып. II. СПб.: б/и, 1913. С. 92.

⁸²² Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8. Кострома: Губ. тип., 1891; Жбанков Д.Н. Влияние отхожих промыслов на движение населения. СПб.: Тип. Я. Трей, 1895; Жбанков Д.Н. К вопросу о плодovitости замужних женщин // Врач. 1889. № 13.

Процесс сокращения деторождений в дворянских, а также в обычных городских семьях А.Г. Вишневский называл становлением нового типа рождаемости⁸²³. И если на Западе складывание европейского типа брачности (более поздний возраст вступления в первый брак от поколения к поколению)⁸²⁴ и, соответственно, снижение рождаемости имело эволюционный межпоколенный характер, то в России новый тип рождаемости в дворянской среде оформился буквально на протяжении одного поколения. Особенно это касалось северо-западных российских губерний, высшие слои общества которых испытывали мощное влияние европейской культуры и европейского образа жизни.

Косвенно данный факт подтверждают статистические выводы, приведенные Б.Н. Мироновым. Если вплоть до середины XIX века, по данным исследователя, наблюдалось устойчивое увеличение дворянского сословия, то в пореформенной России ситуация существенно изменилась. Его прирост осуществлялся в основном за счет личного дворянства, в то время как количество потомственных уменьшалось. Б.Н. Миронов отмечал, что в течение 35 лет, с 1861 по 1895 год, число помещиков увеличилось на 15%, а в следующие 10 лет стало резко уменьшаться⁸²⁵. Эти изменения проходили на фоне естественного прироста населения.

Каковы основные причины трансформации матримониального поведения населения, и прежде всего женской ее части? Многие современники связывали разрушение семьи патриархального типа, изменение в брачном поведении населения, женской фертильности с падением нравов отдельных слоев общества. В то же время невозможно объяснить существенные изменения в сексуальном, брачном и репродуктивном поведении исключительно причинами нравственного характера. Очевидно, что данный процесс был закономерным при переходе от традиционного (доиндустриального) к индустриальному обществу. В этом случае необходимо учитывать комплекс причин и противоречий, отразившийся на

⁸²³ Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 108.

⁸²⁴ Hajnal J. European marriage patterns in perspective // Population in history / Ed. by D.V. Glass and D.E.S. Eversley London, 1965.

⁸²⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Т. 1. СПб.: Владос, 2000. С. 91.

женской фертильности. Академик Б.М. Бим-Бад, например, отмечал прямую корреляцию между женской образованностью и уровнем рождаемости⁸²⁶. Б.Н. Миронов склонен был абсолютизировать экономические факторы. Разрушение старого, патриархального мира оказало ключевое влияние на трансформацию межличностных, в том числе семейных, отношений. Процесс разорения помещного дворянства, с особой силой проявившийся с 1880-х годов, разложение патриархальной дворянской семьи, участвовавшие случаи развода, с одной стороны, и женская эмансипация – с другой приводили к тому, что дворянки все чаще ограничивались рождением двух – трех детей. Сторонники женской эмансипации смотрели на материнство не как на естественную биологическую функцию женщины, а как на ее право *«самостоятельно решать вопрос, желает ли она иметь ребенка или нет»*⁸²⁷. Рост профессиональной активности дворянок не мог не сказаться на сокращении в их жизни числа деторождений. *«Теперь редкая женщина только жена, мать и хозяйка, она часто при этом учительница, акушерка, фельдшерица, врач, швея, кассирша и др.»*⁸²⁸, – отмечал в 1913 году на съезде врачей П. Чухнин. Провинциалки, ввиду финансовой незащищенности, все чаще вынуждены были работать, тем самым дистанцируясь от семейной жизни. Изучение семей провинциальных дворянок, занимавшихся педагогической работой, показывает, что они редко были многодетными. На страницах медицинской литературы содержались рекомендации врачей замужним женщинам делать перерывы между беременностями. Авторы доказывали, что частые роды с минимальными промежутками между ними истощают женский организм, уродуют красоту женского тела. *«Каждые роды отнимают часть красоты; чем чаще и с меньшими промежутками следуют одни роды за другими, чем труднее они протекают и чем более усложняются болезненными процессами, тем больший ущерб терпят вид и формы женского тела»*⁸²⁹, – отмечали авторы переводного

⁸²⁶ «Чем выше уровень образованности и материального комфорта, прежде всего среди женщин, тем ниже уровень рождаемости» (Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010. С. 13).

⁸²⁷ Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая–5 июня 1913. Вып. II. СПб., 1913. С. 212

⁸²⁸ Там же. С. 91.

⁸²⁹ Ахелис Т., Блох И., Бельше В. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни. Т. 2 / Ред. А.С. Догеля, А.Н. Шабановой. СПб.: Просвещение, 1917. С. 329.

издания начала XX века. Для просвещенной части дворянства идеологическим обоснованием целесообразности сокращения деторождений стала популярная в Европе идея «социального неомальтузианства», согласно которой контроль над рождаемостью является важным условием благосостояния общества. Так, известный столичный врач, доктор медицины Карл Иванович Дрекслер в своей книге, посвященной вопросам контрацепции, значительное место выделяет рассуждениям о неомальтузианстве. В отличие от Мальтуса, который защищал половое воздержание, неомальтузианцы предлагали ограничить деторождение с помощью специальных средств контрацепции⁸³⁰. Таким образом, *«прагматичная реальность»* (pragmatic reality)⁸³¹ в конечном счете оказала существенное влияние на женскую фертильность и собственно репродуктивное поведение.

Важно заметить, что изменение женского репродуктивного поведения приводило к трансформации института материнства. Повышение детородного возраста, сокращение количества беременностей и родов в жизни женщины кардинально меняли ее отношение к предстоящему материнству и детям. Материнство из тяжелого, сложно контролируемого процесса превращалось в желанную и долгожданную практику. Психологи склонны считать, что мировоззрение личности и ее представление о смысле жизни, осознание самого себя как субъекта формируются в возрасте между 17 и 25 годами (К. Манхейм)⁸³². Вступление в брак и деторождение в этом возрасте также способствовали появлению нового типа матерей, для которых материнство становилось значительным событием жизни, которому они целиком и полностью отдавались.

3.1.2. Количество беременностей и родов в жизни дворянок

Брачная плодовитость, зависящая от реальной плодовитости женщины, полового и репродуктивного поведения супругов⁸³³, в богатых слоях общества стала существенно снижаться. Согласно статистическим данным конца XIX века, в дворянских семьях наблюдалось сокращение рождаемости в 2, а то и в 3 раза по

⁸³⁰ Яковлева С. Деторождение и женское движение // Женский вестник. 1909. № 10. С. 191-194.

⁸³¹ Rich A.C. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976. P. 43.

⁸³² Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1993. С. 243.

⁸³³ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. С. 113.

сравнению с серединой XIX века⁸³⁴. Столетие назад наличие 10 родов считалось обычным явлением, были зафиксированы случаи 22 беременностей дворянок⁸³⁵. Согласно данным, приводимым Б.Н. Мироновым, в 1830–1850-е годы на один дворянский брак в среднем приходилось 6 рождений⁸³⁶. В конце XIX – начале XX века провинциальные дворянки имели по 3–5 детей, что существенно ниже естественной репродуктивной способности женщин. Столичный врач В.Н. Бензенгр, занимаясь медицинской статистикой, указывал на то, что в среднем на одну дворянку приходилось 4 деторождения⁸³⁷. М.В. Курман, исследовавшая население Харькова, указывала, что с 1860 по 1913 год коэффициент рождаемости понизился с 48,9 до 29,8‰ соответственно.⁸³⁸ По данным дореволюционного врача Д.Н. Жбанкова, плодovitость женщины из семей сельского духовенства составляла 9,8 детей на одну женщину⁸³⁹. Современный социальный историк Б.Н. Миронов считал, что крестьянская женщина могла родить 10–11 детей за весь фертильный период⁸⁴⁰. Можно предполагать, что естественная плодovitость дворянок, находившихся в более выгодных социально-экономических условиях, имевших возможность окружить своих детей кормилицами и няньками, могла бы быть выше. Однако количество детей в дворянских семьях в среднем по России уменьшилось на 30%, что значительно опережало сокращение деторождений в других сословиях⁸⁴¹. Очевидно, что индивидуализация сознания аристократок, стремление к самореализации, а также доступность средств контрацепции оказывали решающее влияние на их репродуктивные сценарии.

⁸³⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 186.

⁸³⁵ Белова А.В. «Четыре возраста женщины» Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–середины XIX вв. СПб.: Аллетейа, 2010. С. 354.

⁸³⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 179.

⁸³⁷ Бензенгр В.Н. К антропологии женского населения Москвы и Центральной России. М.: б/и, 1879. С. 14.

⁸³⁸ Курман М.В. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 239.

⁸³⁹ Жбанков Д.Н. К вопросу о плодovitости замужних женщин // Врач. 1889. № 13. С. 309.

⁸⁴⁰ Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – нач. XX в. / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 83.

⁸⁴¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 180.

Как правило, беременность женщин наступала вскоре после заключения брака, в ином случае это накладывало тень на состояние здоровья супругов и грозило общественными пересудами. Врач Ф.В. Гиляровский подчеркивал, что беременность женщины, «честно исполнявшей свой супружеский долг», возникает в первые месяцы после супружеской жизни⁸⁴². Женщина-врач Е.С. Дрентельн утверждала, что у здоровой новобрачной беременность наступает спустя 3 месяца после половых отношений с мужем⁸⁴³. Между заключением брака и появлением на свет ребенка, как правило, проходило не более года⁸⁴⁴. В медицине существовал особый термин – «гигиена новобрачных», подразумевавший комплекс мер по улучшению репродуктивного здоровья супругов (больше отдыхать, избегать половых излишеств, эмоциональных перенапряжений)⁸⁴⁵.

Зачастую в дворянских семьях братья и сестры были погодками. При отказе от контрацепции и хорошем репродуктивном здоровье супругов новая беременность наступала в первые месяцы после рождения предыдущего ребенка. В семьях российских императоров и наследников престола, где основной ролью супруги было рождение детей, и, соответственно, практики предохранения не использовались, дети рождались каждые 2–3 года. Например, у Марии Федоровны, жены Александра III, дети появлялись на свет в 1868, 1869, 1871, 1875, 1878, 1882 годах.

Автобиографические документы также часто свидетельствовали об этой черте репродуктивного поведения женщин. Мемуарист М. Линд писал: «В это время нас уже было четверо детей, три сестры – почти погодки и я, младший, а примерно через год появилась еще одна сестра»⁸⁴⁶. М. Башкирцева отмечала: «После двух лет супружества мать моя переехала со своими двумя детьми к своим родителям»⁸⁴⁷. А.А. Знаменская сообщала, что следующий ребенок у нее

⁸⁴² Цит по: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 186.

⁸⁴³ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 82.

⁸⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 166; РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 22об; ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 9. Л. 10об.

⁸⁴⁵ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 90.

⁸⁴⁶ Линд М.В. Мои записки // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т. XII]. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. С. 597-649.

⁸⁴⁷ Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой. М.: Искусство, 2001. С. 3.

родился, когда предыдущему было полтора года⁸⁴⁸. О том же писала и В.П. Багриновская⁸⁴⁹. Впоследствии, с перерывом 1–2 года, она рожала все новых и новых детей. О детях-погодках в многочисленных семействах провинциальных дворян сообщали в своих воспоминаниях С.А. Толстая, М. Краевский, В. Калицкая, М.В. Сабашникова и многие другие⁸⁵⁰. Распространенный в дворянской среде отказ от самостоятельного кормления грудью способствовал повторной беременности вскоре после родов. Так, на страницах семейной переписки отец перечислял своих детей, разница между которыми была всего год: «1-му – пятый год, 2-му – четыре, 3-му – третий, 4-му – второй»⁸⁵¹. Встречались и «рекордные» примеры, когда последующий ребенок рождался, когда предыдущему было всего лишь 8 месяцев (!). В частности, графиня П.С. Уварова в своих воспоминаниях сообщала об одиннадцатимесячном сыне и о трехмесячной дочери⁸⁵². Частые беременности изматывали женский организм. В связи с этим у многих провинциальных дворянок имелись внушительные истории болезни. «Слабость» и «нервность» были типичными недугами замужних женщин. Известная активистка революционного движения Е.Д. Стасова вспоминала свою мать как «постоянно» болеющую женщину⁸⁵³.

В связи с этим любопытным историческим источником по антропологии дворянской беременности являются «истории болезней», составленные семейными докторами. Данный источник – ценное свидетельство о личной и даже интимной жизни аристократок. Однако их обнаружение – настоящая архивная находка. «Истории болезней» относились к сугубо личным документам, на них распространялась врачебная тайна, в связи с чем если они и встречаются в личных фондах архивов, то крайне редко. В качестве примера – «история болезни» княжны Софьи Павловны Волконской (Шуваловой), составленная врачом-немцем. Доктор скрупулезно фиксировал даты многочисленных родов пациентки и

⁸⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 34об.

⁸⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 178.

⁸⁵⁰ СМЗ КП 30397/1. Л. 36; Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия. М.: Коктебель, 2010. С. 11; РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 19; Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 9.

⁸⁵¹ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 12. Л. 32об.

⁸⁵² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 60, 62

⁸⁵³ Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1957. С. 13.

сопровождавшие их осложнения: «1897, 4 января – I роды; 1898, 25 февраля – II роды; 1899, 4 февраля – III роды; 1900, 10 июня – IV роды; 1905, 3 апреля – V роды; 1908, 11 декабря – VI роды; 1910, 26 декабря – VII роды; 1913, 14 июня – VIII роды»⁸⁵⁴. Эти лаконичные цифры позволяют сделать существенные выводы о приватной жизни дворянки. Вторая и третья беременности наступили в течение нескольких месяцев после родов. Очевидно, что в данном случае женщина самостоятельно не кормила ребенка грудью. Перерыв в деторождении с 1900 по 1905 год мог свидетельствовать об использовании средств контрацепции либо о наличии какого-либо заболевания. В «истории болезни» С.П. Волконской содержится информация о тяжелом заболевании почек (пионефрозе), которое, очевидно, препятствовало новой беременности. Последние три беременности (с 1908 года) вызывали тяжелые расстройства здоровья, на что указывал врач, отмечая высокую степень истощения женского организма.

Отсутствие беременности в первые месяцы после свадьбы настораживало молодоженов и их родственников. Этот факт мог стать поводом для обращения к гинекологу, хотя практика гинекологического консультирования была мало распространена. Для дворянок врачебные осмотры столь интимного характера являлись унижительной процедурой, к которым они прибегали в исключительных случаях. При этом предпочтение отдавалось, по очевидным причинам, частнопрактикующим женщинам-врачам. К началу XX века, судя по рекламным объявлениям столичной и провинциальной прессы, их услуги были широко распространены. Так, молодая женщина, которой длительное время после брака не удавалось забеременеть, вынуждена была пойти к гинекологу (часто его называли «врач по женским заболеваниям»). На осмотре доктор констатировал: *«Положение матки неправильное. Отклонение вправо, поэтому забеременеть трудно, семя с трудом попадает в матку, но при ее подвижности в один из 100 раз это может случиться»*⁸⁵⁵.

Следует подчеркнуть длительность репродуктивного периода дворянок. В многочисленных источниках не удалось найти информации с негативным подтекстом в отношении женщин, рожавших в зрелом возрасте, что характеризует

⁸⁵⁴ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

⁸⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. (не отмечены).

это явление как вполне типичное. Между первой и последней беременностью С.А. Толстой – четверть века. Если первого ребенка она родила в 19 лет, то последнего – в 44⁸⁵⁶. В источниках приводились примеры первых родов в 35–40 лет⁸⁵⁷, что и по нынешним меркам является поздним периодом для вынашивания. Беременность по-прежнему не являлась привилегией молодых. Нередко одновременно беременели матери и их взрослые дочери, дяди и тети вполне могли быть младше своих племянников и племянниц.

В медицинских отчетах родильных отделений в отношении рожениц употреблялись следующие термины: «первородящие», «второродящие», «многорожавшие», «позднорожавшие», «пожилые первородящие» («старые первобеременные»). Если после «второродящих» сразу шли «многорожавшие», то очевидно, что к последним относились рожавшие более двух раз. Согласно отчетам столичных и провинциальных родильных отделений, наибольший процент составляли женщины, рожавшие не более шести раз. По данным родильного отделения Московского воспитательного дома, на долю этой категории рожениц приходилось около 83%⁸⁵⁸. При более тщательном изучении статистики родильных отделений (подробно анализировала данные городского родильного дома в Москве им. С.В. Лепехина) видно, что преобладали 1–3 роды. Несмотря на то что встречались роженицы младше 20 и старше 40 лет, наибольший процент рожениц имели возраст от 20 до 32. Первые роды часто встречались в промежутке между 21–24 годами⁸⁵⁹. Семьи с шестью и более детьми в мемуаристике назывались «многочисленные»: *«Семья Гагариных была очень многочисленной и дружной... Все шестеро детей...»*; *«Клементина Антоновна Вильбуа, тетя, вдова, с многочисленным семейством в составе 9 детей...»* и др. В отношении женщин, впервые родивших после 30 лет, употребляли термин «старые первородящие»⁸⁶⁰. Женщин, утративших способность к деторождению, могли называть «отрожавшими» (данный термин употреблял даже русский классик Л.Н. Толстой).

⁸⁵⁶ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8. С. 69-74.

⁸⁵⁷ ЦХД до 1917 г. ЦГАМ. Ф. 425. Оп. 2. Д. 4; Бекетова М.А. Шахматово. Семейная хроника. М., 1930. С. 56.

⁸⁵⁸ Медицинский отчет родовспомогательного заведения Императорского Московского воспитательного дома за 1876 и 1877 годы. М., 1878. С. 12.

⁸⁵⁹ ЦХД до 1917. ЦГАМ. Ф. 425. Оп. 2. Д. 4.

⁸⁶⁰ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: т-во скоропеч. А. Левенсон, 1915. С. 45.

3.1.3. Репродуктивная свобода и средства контрацепции в повседневной жизни дворянок

Появление научного интереса к изучению практик контрацепции было обусловлено развитием исследований по «*истории сексуальности*» (М. Фуко). В современной зарубежной историографии ученые рассматривают эволюцию контрацепции в контексте проблемы контроля над человеческим телом и его репродуктивными функциями⁸⁶¹. Американские историки относят движение за легализацию контрацепции в начале XX века к важнейшим социальным проектам того времени⁸⁶².

Проблема использования средств, ограничивающих детородную функцию женщин индустриальной России, – непростая тема для исторической репрезентации ввиду крайней интимности и табуированности ее содержания. Если на Западе контрацептивные практики вызывают интерес у историков, то в России эта область представляется практически не изученной. Супружеская контрацепция в дореволюционной России затрагивалась исследователями вскользь: в этнологии – в рамках родильного обряда и народных абортивных практик⁸⁶³; в социальной истории и демографии – в контексте динамики численности населения⁸⁶⁴; в частной истории – в вопросах, связанных с повседневностью семьи⁸⁶⁵; в гендерной истории – в рамках проблемы материнства⁸⁶⁶. При этом сами по себе практики контрацепции не входили в предмет научного описания, делая данную тему маргинальной для исследования. Исключительными по своей постановке явились работы профессора истории Принстонского университета Л. Энгельштейн,

⁸⁶¹ Critchlow D. The politics of abortion and birth control in historical perspective. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1996; Gordon L. The Moral Property of Women: A History of Birth Control Politics in America. Chicago. University of Illinois Press, 2002.

⁸⁶² Engelman P. A History of the Birth Control Movement in America. Praeger, 2011.

⁸⁶³ Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1903. С. 57; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. С. 201-205.

⁸⁶⁴ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 108, 127; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 183.

⁸⁶⁵ Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX – 30-е годы XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147-160.

⁸⁶⁶ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–сер. XIX в. СПб.: Алетейа, 2010.

известного российского ученого И.С. Кона и основательницы отечественной школы гендерной истории Н.Л. Пушкаревой⁸⁶⁷. В их фундаментальных исследованиях данная тема не получила широкого раскрытия, в то же время им удалось связать эту проблему с динамикой социально-экономических, политических и духовных процессов пореформенной России. И если названные авторы проблему контрацепции рассматривали в рамках официального дискурса (позиции «юристов» и «врачей»)⁸⁶⁸, акцентируя внимание на социально-этической стороне абортивных практик, предметом представленной работы стало изучение причинно-следственного комплекса и эмоциональной составляющей данного явления.

Я исхожу из того убеждения, что без контрацептивных практик невозможно было представить выход российской женщины на авансцену истории. Это своего рода скрытый механизм, при помощи которого российская дворянка могла преодолеть рамки природного бытия и обрести социальную свободу. Раскрытие этой темы позволяет дать более объективные ответы на вопросы, связанные с женской эмансипацией, материнством, положением женщины в гендерной системе общества и путях рационализации женской сексуальности. Кроме этого, ограничение деторождения в конечном счете явилось одним из условий развития «сознательного материнства», так как превращало материнство из тяжелой женской обязанности в ее привилегию. Вызывает особый интерес, почему в условиях всеобщего осуждения контрацептивы устойчиво проникали в повседневную жизнь российского общества, и прежде всего в его интеллектуальные круги? Почему, когда на Западе активно боролись со средствами контроля рождаемости, часть российского медицинского сообщества настойчиво их пропагандировала, а реклама контрацептивов наполнила столичную и провинциальную прессу? И наконец, чем было обусловлено столь брезгливое

⁸⁶⁷ Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: ТЕРРА, 1996; Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010; Пушкарёва Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3-17.

⁸⁶⁸ Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 15, 339-342.

отношение аристократок к контрацептивам на фоне их широкого распространения в интеллигентных кругах?

Дореволюционный врач К.И. Дрекслер проблему контрацепции относил к важнейшему вопросу современности, который *«одинаково затрагивает и область медицины, и круг социальных явлений»*⁸⁶⁹. Практика использования средств контрацепции прочно входила в семейную жизнь дворянства пореформенной России. К ней прибегали не только *«новые женщины»* эпохи, но и провинциальные дамы, погруженные в традиционный уклад помещичьей жизни. Очевидным является тот факт, что средства контрацепции проникли в высшие слои российского общества задолго до обсуждения данного вопроса эмансипированными россиянками в рамках женских съездов и конгрессов начала XX века. Доказательством того явились вполне объективные свидетельства.

На протяжении второй половины XIX века, согласно статистическим материалам, многочисленным автодокументальным источникам, наблюдалась устойчивая тенденция сокращения числа детей в дворянских семьях в условиях длительного репродуктивного периода супругов. Данный факт позволяет утверждать, что в супружеских отношениях присутствовали определенные формы ограничения деторождения. Иначе весьма сложно объяснить факт резкого сокращения числа беременностей и родов в жизни женщины интеллигентного класса.

Известный отечественный социальный историк Б.Н. Миронов, исследуя рождаемость начала XX века, с помощью нехитрых подсчетов пришел к выводу, что к 1910 году средствами контрацепции пользовалось около 125 тысяч женщин. Логика его вычислений такова: *«В 1859–1863 годах число внебрачных детей составляло 99 тысяч, а их доля среди всех новорожденных – 3,4%. Если бы женщины не принимали мер против рождения внебрачных детей, то их число должно было бы составить в 1910 году 232 тысяч. Между тем фактически было зарегистрировано 106 тысяч внебрачных детей»*⁸⁷⁰. Однако данные подсчеты далеки от реального положения дел, так как исследователь основывался

⁸⁶⁹ Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Свет, 1910. С. X.

⁸⁷⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 183.

исключительно на внебрачной статистике. В то же время среди замужних пар, очевидно, присутствовали способы ограничения деторождения. Существовали косвенные свидетельства данного процесса: снижение брачной плодовитости; редкие намеки на использование контрацептивов в женских дневниках; свидетельства врачей и современников; появление рекламы соответствующих изделий на страницах столичной и провинциальной прессы.

В начале XX века в медицинской и публицистической литературе все чаще встречались указания на распространение в обществе противозачаточных средств и техник. Как правило, об этом писали врачи, знакомые с данным вопросом не понаслышке. Известный популяризатор контрацепции столичный гинеколог К. Дрекслер писал, что на его имя приходило большое количество писем от женщин, в которых они благодарили его за *«избавление от непосильного бремени»* все новых родов⁸⁷¹. На страницах популярной медицинской работы автор в отношении деторождения писал: *«Дети, составлявшие основную цель брака у наших предков, стали теперь нежеланными гостями, и люди ухищряются всевозможными способами предупредить зачатие»*⁸⁷². Врач П.Н. Чухнин отмечал, что многие из его пациенток заявляли о своем нежелании иметь детей и в итоге прибегали к средствам, ограничивающим деторождение. Он резюмировал: *«...у современной женщины существует сильное стремление к ограничению числа беременностей»*⁸⁷³. Даже в академическом журнале «Образование» в статье о повседневных реалиях семьи провинциального чиновника отмечалось, что недостаточность средств на содержание третьего ребенка вынуждала супругов прибегать к ограничению деторождения: *«Третий ребенок грозил новыми, непредвиденными расходами, а следовательно, долгами и уже настоящей, неотвратимой нуждой; и она принимала меры и жила в вечном страхе»*⁸⁷⁴.

Тот факт, что контрацепция имела широчайшее распространение в супружеской жизни, доказывает сравнительный анализ количества детей в

⁸⁷¹ Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Свет, 1910. С. XV.

⁸⁷² Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 185.

⁸⁷³ Цит по: Курман М.В. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 241.

⁸⁷⁴ Зореч Н.А. Спут // Образование. 1906. № 3. С. 50.

обычных дворянских семьях пореформенной России и в «образцовых» императорских семействах. Очевидно, что в последних ни о каких средствах ограничения рождаемости речь не шла, так как главная миссия императрицы – производить на свет наследников. Мария Александровна за 39 лет родила 8 детей (двое умерли); Мария Федоровна за 28 лет – 6 детей (двое умерли); Александра Федоровна (супруга Николая II) за 24 года – 5 детей⁸⁷⁵. В дворянских же семьях все чаще количество отпрысков ограничивалось тремя, реже – четырьмя.

Проникновение в повседневную жизнь женщин контрацептивов вызывало устойчивую критику как на Западе, так и в России. Известный итальянский врач Ч. Ломброзо в работе «Женщина – преступница или проститутка» сравнивал женскую контрацепцию с преступлением⁸⁷⁶. В своих публицистических работах Л.Н. Толстой неоднократно обращал внимание читателей на распространившийся «порок» среди интеллигентных женщин – употребление средств, ограничивающих деторождение. В работе «Что же нам делать?» писатель с горечью отмечал, что женщины из «богатых классов» повсеместно *«стараятся избавиться от рождения детей»*⁸⁷⁷. В «Послесловии к Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстой писал: *«...и вне брака и в браке, по совету служителей врачебной науки, стало распространяться употребление средств, лишаящих женщину возможности деторождения, или стало входить в обычай и привычку то, чего не было прежде»*⁸⁷⁸. Русский классик с негодованием относился к распространению контрацептивов, сравнивая это «нечто» с «убийством», «искусственным уничтожением деторождения». Его позиция отражала официальную точку зрения на данную проблему – резкое осуждение любых форм, кроме воздержания, ограничивающих детородную функцию женщин. Предупреждение деторождения в половой жизни он относил к «преступлению», оправдывая исключительно репродуктивное сексуальное поведение. Основная причина доминирования критического подхода коренилась в том, что сама по себе репродукция рассматривалась не как право женщины, а как ее обязанность, не предполагающая личного выбора. Воспроизведение потомства, воспитание новых граждан страны

⁸⁷⁵ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 10-11.

⁸⁷⁶ Ломброзо Ч. Женщина – преступница или проститутка. М.: Попурри, 2012. С. 91.

⁸⁷⁷ Толстой Л.Н. «Так что же нам делать?» / Собр. соч. в 22 т. Т. 16. М., 1983. С. 391-392.

⁸⁷⁸ Толстой Л.Н. Послесловие к Крейцеровой сонате / Собр. соч. в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 198.

являлось основным и единственным женским призванием, одобренным государством. Никто из публичных деятелей 1880-1890-х годов не осмеливался выступать в защиту контрацепции.

Вопреки официальной критике в конце XIX века в России была издана уникальная книга медико-просветительского характера – «Как предупредить беременность у больных и слабых женщин», принадлежавшая столичному врачу К.И. Дрекслеру. Этот труд был настолько востребован, что к 1910 году имел уже пять переизданий. В том же году цензоры запретили издание книги. Все тиражи, находившиеся в продаже, были арестованы. Однако вскоре, согласно рекламным объявлениям, арест был снят, и в печати появилось шестое издание книги⁸⁷⁹. Каждое новое издание автор «значительно перерабатывал», дополнял и снабжал откровенными иллюстрациями. Книга продавалась в книжных магазинах Москвы и Санкт-Петербурга, а также в девяти губерниях России. Автор подробно описал все существующие способы контрацепции. При этом К. Дрекслер «*нравственные способы контрацепции*» (супружеское воздержание, прерванный половой акт, цикличность сексуальных отношений) вообще не рассматривал, отнес их к разряду «*ненадежных*». Читающей публике он представил описание новейших механических средств защиты от нежеланной беременности. К. Дрекслер был убежден, не разделяя при этом теорию неомальтузианства, что контроль над рождаемостью – важнейшая составляющая жизни современного ему общества. Кроме этого, он считал контрацепцию панацеей от распространения абортов и инфантицида⁸⁸⁰. Издание этого труда наглядно демонстрировало противоречивое отношение власти к вопросам контрацепции. Сам факт публикации и шестикратного переиздания книги свидетельствовал в пользу крайней ее актуальности и популярности. Однако вводимый арест на тиражи, осуждение автора по статье 1001 Уложения о наказаниях – «*о развращении нравов*», а затем отмена наказания и ареста книги говорили о том, что власть до конца не выработала отношения к распространению контрацепции.

Важным доказательством того, что специальные средства предупреждения беременности входили в частную жизнь людей, являлись многочисленные

⁸⁷⁹ Реклама // Сатирикон. 1910. № 1

⁸⁸⁰ Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Свет, 1910. С. 48-50.

свидетельства не столько женщин, сколько врачей, чьими пациентками они являлись. В частности, К. Дрекслер многократно упоминал о женщинах разного социального статуса, возраста, с различным количеством детей, которые обращались к нему за советом в выборе лучшего средства предохранения от новых беременностей.

Контрацепция была не столько модной тенденцией высшего сословия, сколько объективным следствием процессов, происходивших в российском обществе. Во многом определяющим был экономический фактор. Разорение дворянского сословия, процесс урбанизации приводили к тому, что многочисленные семьи становились непомерной обузой. Е.С. Дрентельн в своей работе, посвященной половой природе мужчин и женщин, основную причину распространения специальных средств контрацепции видела в *«столкновении болезненного сильного полового инстинкта с чрезвычайно обостренными условиями экономической жизни»*⁸⁸¹.

С другой стороны, трансформация российской семьи, участившиеся случаи развода ставили под угрозу традиционные семейные ценности. По мнению И.С. Кона, именно *«рост социальной мобильности и ослабление семейных уз»* актуализировали *«проблему контроля за рождаемостью»*⁸⁸². Не стоит сбрасывать со счетов важнейший фактор – процесс женской эмансипации, который наносил существенный удар по семейным ценностям и давал возможность женщине преодолеть довлевшую над ней перспективу бесконечных беременностей, родов и материнства. При этом контрацепция использовалась как эмансипированными дамами, так и вполне рядовыми дворянками. На смену *«безразличным матерям»* доиндустриальной России пришли *«осознанные матери»*, которые от своих предшественниц отличались тем, что рожали значительно реже (могли позволить самостоятельно регулировать беременность), однако целиком и полностью отдавались заботе о своих немногочисленных детях. Кроме этого, причина активного вхождения контрацептивов в повседневность российского общества была тесно связана с распространением половой свободы населения, которая была

⁸⁸¹ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 154

⁸⁸² Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 106.

опасна внебрачными детьми и угрозой заражения венерическими заболеваниями, значительно возросшими к началу XX века.

Вхождение средств контрацепции в повседневную жизнь замужних дворянок было сложным и противоречивым явлением. В массовом сознании стойко сохранялось средневековое представление о преступности предохранения от беременности, которое, наряду с «плодоизгнанием» (абортом) и детоубийством, именовалось не иначе как «душегубство». В условиях всеобщей критики контрацепции, как представителями церкви, так и врачебным сообществом, низкого уровня сексуального просвещения населения любые способы предохранения воспринимались аристократками как нечто аморальное и омерзительное.

Однако определить, что чувствовали женщины, находясь перед сложным выбором – использовать или не использовать средства контрацепции, крайне сложно ввиду табуированности и во многом сакральности этой темы для них самих. Единственным источником, позволяющим судить об эмоциональных переживаниях женщин, являются документы личного происхождения. Но и на страницах дневников обнаружить эмоциональные переживания дворянок, связанные с этой щекотливой темой, крайне сложно. Косвенным источником распространения средств контрацепции в жизни аристократок может выступить художественная литература. Так, например, из интимного разговора Анны Карениной и Долли становится понятно, что Анна тщательно предохраняет себя от новых беременностей, на что Долли замечает: «N` est-ce pas immoral?»⁸⁸³.

Для подавляющего большинства благовоспитанных дворянок факт вмешательства в естественный закон репродукции был неприемлем. В связи с чем, если они решались на ограничение деторождения, то стремились перед собой, знакомыми и потенциальными чтецами их дневниковых записей найти достойное оправдание своего поведения. Исключительное «*право не рожать*», которое не встретило бы общественных пересудов и самобичевания, могли дать врачи. Врачебные заключения стали первым и единственным моральным объяснением для самих дворянок возможности выйти за пределы бесконечной цепи беременности, родов и материнства. Видя тяжелое физическое и духовное

⁸⁸³ Толстой Л.Н. Анна Каренина. СПб., 1994. С. 476.

состояние женщин, врачи настойчиво рекомендовали воздерживаться от новых беременностей. В свою очередь, именно они становились невольными популяризаторами средств контрацепции.

Все тот же К. Дрекслер приводил весомые, как ему казалось, аргументы, которые должны были способствовать легализации контрацептивных практик. Некоторые из его доводов были в духе идей неомальтузианцев и концепции социальной селекции. Он писал, что больная женщина породит на свет больного ребенка. В конечном счете от этого проиграют все: сама женщина, чье здоровье расстроится еще более; ребенок, обремененный тяжелыми недугами, и государство, которое должно быть заинтересовано в существовании здоровых подданных. Он перечислял женские болезни, обладательницы которых в обязательном случае должны «предупреждать беременность». Среди недугов значились острое малокровие, золотуха, рак, неправильность развития таза, опухоли матки, выпадение матки, болезни почек, сердца, чахотка, венерические болезни, а также меланхолия, неврастения, ипохондрия, истерия в острой форме, эпилепсия. К. Дрекслер ссылаясь на Священное Писание, доказывая, что предупреждение беременности вовсе не является грехом. Российский врач был убежден, что у людей, в отличие от животных («неразумных существ»), непременно должно быть разделение между половым актом и непосредственным зачатием. Идею существования исключительно репродуктивного секса, очевидно, он не разделял. К. Дрекслер указывал, что, несмотря на публичное порицание, российский закон не предполагает никаких наказаний за использование средств, ограничивающих деторождение. По мнению врача, экономическое положение родителей должно влиять на количество детей в их семьях. Он был убежден в том, что бедные родители не в состоянии дать многочисленным детям хорошее воспитание⁸⁸⁴. К. Дрекслер лаконично заявлял: *«Грех производить на свет больше детей, чем вы можете воспитать»*⁸⁸⁵. Таким образом, вывод известного гинеколога состоял в том, что контрацепция ни по этическим, ни по религиозным, наконец, ни по законным основаниям не может осуждаться. При этом К. Дрекслер

⁸⁸⁴ «Достигнуть этого можно только путем ограничения числа рождений в соответствии с той нормой, которая определяется физическими и экономическими условиями той или другой супружеской четы» (Дрекслер К. Указ. соч... С. 3)

⁸⁸⁵ Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. С. 3

полагал, что именно врачи должны были стать профессионалами в подборе специальных средств контрацепции для конкретных супружеских пар. Он добавлял, что деторождение не обязанность, а свободный выбор женщины. Аргументируя свой тезис, врач приводил многочисленные случаи из практики, когда к нему обращались обеспеченные, здоровые супруги, без видимых причин желающие отсрочить рождение детей: *«Молодая, только что вышедшая замуж женщина решила отложить на несколько месяцев наступление беременности, так как ей предстояло продолжительное путешествие...»*⁸⁸⁶.

На страницах дневников, в личной переписке замужние дворянки охотно цитировали своих докторов, которые по тем или иным основаниям советовали женщинам отказаться от возможных беременностей. При этом содержание этих рекомендаций могло быть достаточно расплывчатым. Княжне Ирине Юсуповой, племяннице императора, врачи советовали *«не иметь детей»*, пока организм *«не окрепнет»*⁸⁸⁷. А.А. Знаменская, родив пятого ребенка, сообщала: *«Акушер не велел родить больше. Истощены силы»*⁸⁸⁸. Главным аргументом докторов являлись общая слабость здоровья женщины и ее истощение. Как зарубежные, так и отечественные врачи считали, что оптимальным перерывом между деторождениями являются 3–4 года. Однако складывалась парадоксальная ситуация. Часто врачи советовали женщинам *«не рожать»*⁸⁸⁹, при этом никак не просвещая их в этих вопросах, то ли по своей неграмотности, то ли из-за нежелания быть обвиненными в развращении пациенток. Поэтому провинциальных дворянок удивляли подобные советы, так как для них беременность и роды были естественным, нерегулируемым процессом. *«Легко сказать»*, – по этому поводу писала молодая мать⁸⁹⁰. Врачи цитировали озадаченных пациенток: *«Вам хорошо говорить, доктор, а как же мы можем*

⁸⁸⁶ Там же. С. 172.

⁸⁸⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2610. Л. 28.

⁸⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31.

⁸⁸⁹ *«Перестаньте рожать»*, – отвечал доктор А.А. Знаменской, которая пришла к нему с жалобами на слабость здоровья от многочисленных беременностей. Между тем она недоумевала, так как врач *«не захотел дать указаний, что для этого нужно делать»* (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 20об).

⁸⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31.

помешать этому? Ведь это совершенно невозможно!»⁸⁹¹. Рекомендации гинекологов для многих женщин становились спасением, надеждой на обретение личной свободы и возможностью подчинить себе природу, самостоятельно распоряжаясь собственной фертильностью. Таким образом, в вопросах использования контрацепции тесно переплеталась позиция медицинского сообщества и общественная мораль.

К началу XX века в распоряжении дворянской женщины были разнообразные средства контрацепции – от вполне «приличных» и даже «благородных» до самых «безнравственных». Одним из наиболее распространенных и приемлемых с позиции христианской морали было *супружеское (половое) воздержание*. «Модель воздержания», «диета удовольствий», по мнению М. Фуко, является традиционной практикой, олицетворяя со времен античности «моральную рефлексию в отношении полового поведения»⁸⁹².

На страницах медицинской литературы, в высокохудожественных произведениях и публицистических работах авторы начала XX века в буквальном смысле воспевали практики полового воздержания, возводя их в ранг культа. Они призывали интеллигентные круги общества сознательно относиться к «своей половой потребности и ее упорядочению»⁸⁹³. Особо увлеченные сторонники объединялись в организации под общим названием «Союзы воздержания», проповедовавшие принцип ограничения сексуальных отношений прежде всего в жизни мужчин⁸⁹⁴. В условиях активного обсуждения полового вопроса, кризиса традиционной морали, трансформации семейных ценностей, эволюции гендерных отношений половое воздержание становилось своеобразным способом нравственного самоочищения интеллигенции. Л. Энгельштейн видела в этих процессах морально-политический подтекст: «...принадлежавшие к высшим классам ревнители морали и культурной иерархии, получив доступ к институтам

⁸⁹¹ Дрекслер К. К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. С. X.

⁸⁹² Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. М.: Академический проспект, 2004. С. 32, 36, 182.

⁸⁹³ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 72.

⁸⁹⁴ Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 124.

власти, стали опасаться, что и они сами могут не устоять перед силой желания и соблазном личных удовольствий, и поэтому начали фокусировать свое внимание на проблеме мужского самоконтроля и самоограничения»⁸⁹⁵.

В отношении использования контрацепции врачебное сообщество раскололось на два лагеря. В защиту *«абсолютного полового воздержания»* в качестве профилактики беременности выступали консервативно настроенные врачи, отражавшие официальную позицию власти. В начале XX века доктор Л. Якобсон провел опрос своих коллег, выясняя их отношение к данной практике. Подавляющее большинство из них поддерживали абсолютное половое воздержание, полагая, что оно благоприятно сказывается на состоянии физического и психического здоровья супругов⁸⁹⁶. Их аргументы были обширны – от христианской добродетели до профилактики половых болезней. Врачи-акушеры на страницах своих работ подчеркивали, что умеренность в половых отношениях – *«вернейшее и безвреднейшее»* средство против зачатия: *«Супруги, имеющие основания бояться увеличения семьи, должны соблюдать крайнюю умеренность»⁸⁹⁷*. Все иные средства контрацепции признавались ими как противоестественные и безнравственные. *«Что мы разумеем под «половым извращением», не трудно понять. Вообще каждый вид сношения, уклоняющийся от нормы, и вреден, и безнравственен»⁸⁹⁸*, – писала врач А. Фишер-Дюккельман. Умеренность в их трактовках предполагала совершение coitus не более 1–2 раз в месяц. Пределом нормальной половой жизни являлись сексуальные отношения 2–3 раза в неделю. Все, что превышало заявленные цифры, являлось, по мнению специалистов, отклонением от нормальной половой жизни. Невоздержанностью супругов они объясняли истощенность женского организма и трудность последующих беременностей и родов. Однако ряд врачей, вопреки критике в их адрес, придерживались другого взгляда. Доктор Пликус, например, изучавший половую жизнь населения, считал, что *«граница между нормальными и чрезмерными половыми сношениями не может быть определена»⁸⁹⁹*. Он был

⁸⁹⁵ Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 15.

⁸⁹⁶ Якобсон Л. Половое воздержание перед судом медицины // Русский врач. 1905. № 18.

⁸⁹⁷ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 174.

⁸⁹⁸ Там же. С. 186.

⁸⁹⁹ Пликус Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 10. № 19-20. С. 297.

убежден, что это глубоко индивидуализированный акт и в каждом конкретном случае врач, взвесив все данные, должен рекомендовать границу. Осознавая сложность применения в реальной жизни абсолютного полового воздержания, ряд врачей рекомендовали прибегать к «периодическим воздержаниям», согласовывая половую жизнь с характером протекания регул (советовали воздерживаться в течение восьми дней до и после регул).

Многие российские гинекологи в официальной риторике в мужском самоконтроле видели физическое, психическое и духовное оздоровление общества (В.М. Бехтерев, Г. Роков, В.М. Тарновский, М.И. Покровская и др.). Известная врач-феминистка М.И. Покровская связывала вопрос о супружеском воздержании с правами женщин. Несмотря на свои либеральные взгляды, она, как и консервативно настроенные врачи, оправдывала исключительно репродуктивный секс. В популярном в начале XX века журнале «Женский вестник» М.И. Покровская отмечала, что исчезновение в супружеской жизни секса ради удовольствия спасет женщину от полового рабства⁹⁰⁰. Однако впоследствии, видимо опираясь на конкретный эмпирический материал в виде живых историй ее пациенток, она отказалась от защиты абсолютного полового воздержания. М.И. Покровская стала указывать на то, что любые крайности (как абсолютное воздержание, так и неумеренность в данном вопросе) вредны для организма и психики человека⁹⁰¹. Отстаивая права женщин на половую неприкосновенность, феминистки лишали их свободы в сфере сексуальных отношений. Отмечу, что для большинства «экспертов» сексуальная жизнь и сопровождаемые ее удовольствия считались исключительно мужской прерогативой. Традиционный дискурс рассматривал женщину вне сексуальных отношений, олицетворяя ее с жертвенной и асексуальной женщиной-матерью. Бурная сексуальная жизнь представительниц слабого пола относилась к девиантному поведению. Об этом, в частности, писал известный врач В.М. Тарновский, который, как и Ч. Ломброзо, сравнивал женщин с сильным половым инстинктом с проститутками.

В супружеском воздержании видел добродетель Л.Н. Толстой: *«...воздержание, составляющее необходимое условие человеческого достоинства*

⁹⁰⁰ Покровская М.И. Проституция и бесправие женщин // Женский вестник. 1907. № 10. С. 225-231.

⁹⁰¹ ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44. Л. 1-2.

при безбрачном состоянии, еще более обязательно в браке»⁹⁰². «Крейцера соната» стала гимном писателя половому воздержанию. «Во имя нравственности» он призывал супругов пересмотреть свою половую жизнь⁹⁰³. Великий писатель убеждал читателей, что высокая любовь истощается удовлетворением чувственности. В провокационном произведении он стремился показать, как влюбленность молодоженов после первой брачной ночи превращается в ненависть, злобу и неудовлетворенность собой, второй половинкой и жизнью в целом. Л.Н. Толстой оправдывал исключительно репродуктивный секс, полагая, что результатом половых отношений должны быть беременность и рождение детей. Все, что свыше этого, он относил к извращению. В своей популярной риторике он якобы защищал права женщин, указывая на то, что их положение крайне несправедливо, так как они нередко должны быть и беременными, и кормилицами, и любовницами одновременно. Результатом столь тяжелой нагрузки, по мнению писателя, становились истощения и тяжелые нервные заболевания женщин всех возрастов. В этом он видел драму семейных союзов и в целом современного ему общества.

«Крейцера соната» произвела огромное впечатление на российскую интеллигенцию, среди которой появились апологеты полового воздержания. В частности, публицист С.Ф. Шарапов в интимной переписке со своей возлюбленной – смоленской дворянкой З.Ф. Коровко – указывал на аморальность половых отношений большинства знакомых ему супружеских пар, называя мужей «цивилизованными дикарями» по отношению к своим высоконравственным женам⁹⁰⁴. Для многих дворянок половое воздержание становилось наиболее предпочтительным средством контрацепции ввиду признанной нравственности данного способа. Е. Дьяконова в дневнике в «воздержании» видела единственную защиту от беременности: «*Наши мужчины воздерживались бы от сожительства с женами ради блага их собственных детей, ради здоровья своих жен!*»⁹⁰⁵.

Таким образом, половое воздержание, культивируемое общественно-политическими, литературными кругами, становилось неким нравственным

⁹⁰² Толстой Л.Н. Послесловие к Крейцеровой сонате / Собр. соч. в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 198.

⁹⁰³ Толстой Л.Н. Крейцера соната / Собр. соч. в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 146.

⁹⁰⁴ ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1040. Л. 43.

⁹⁰⁵ Дьяконова Е.И. Дневник Е.И. Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 195.

идеалом для благовоспитанных мужчин. Гимном супружескому воздержанию стала «Крейцерова соната». Однако восхваляемая практика была далека от реальных условий супружеской жизни. Об этом писали все те же врачи, подчеркивая, что редкий мужчина, глядя на слабость здоровья своей жены, будет сдерживать свои половые инстинкты: «*Грубых мужчин, совершенно не принимающих в расчет возможные последствия полового акта, даже в том случае, когда здоровье женщины настоятельно требует покоя и отдыха, вовсе не так мало*»⁹⁰⁶, – писал отечественный гинеколог К. Дрекслер. Кроме этого, жены, как правило, не считали себя вправе проповедовать (по крайней мере вслух, делясь своими мыслями исключительно на страницах дневников) этику воздержания, полагая, что их прямая обязанность – выполнять супружеский долг. Соответственно, данный способ хоть и назывался «вернейшим», но панацеей для ограничения беременности не являлся. О половом воздержании говорили преимущественно представители образованной элиты, для которых оно становилось модным веянием, подогреваемым популярными литературными произведениями.

Кроме «воздержания» врачи указывали на использование практики *congressus interruptus* (прерывания полового акта), или, как его предпочитали называть дореволюционные отечественные врачи, «*недоконченное совокупление*»⁹⁰⁷. М. Фуко называл эту новую практику в жизни буржуазного общества «*самой известной из хитростей*»⁹⁰⁸. Свидетельством того, что это средство контрацепции имело широкое распространение в обществе, подтверждают результаты первой половой переписи московского студенчества, проведенной в 1904 году М. Членовым среди студентов Московского университета. Хотя результаты выборки не могут с полным основанием быть распространены на генеральную совокупность, которая в данном случае представлена женатыми мужчинами дворянского сословия, однако они косвенно свидетельствуют о степени распространении «*недоконченного совокупления*» в сексуальных отношениях населения. Из 57% студентов, использующих «*меры*

⁹⁰⁶ Дрекслер К. К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. С. 14.

⁹⁰⁷ Жук В.Н. Недоконченное совокупление // Акушерка. 1902. № 12. С. 316.

⁹⁰⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 261.

против зачатия», 25% прибегали к прерванным половым сношениям⁹⁰⁹. Несмотря на широкое распространение *congressus interruptus*, врачи относили данный способ к «безнравственным», вредным для здоровья, «подрывающим силы», «губящим семейное счастье». Его причисляли к форме мужского онанизма, «извращающей» нормальное половое чувство⁹¹⁰. Они приводили всевозможные отрицательные последствия его использования в семейной жизни, главные из которых – тяжелейшие формы нервных истощений. *«Постепенное истощение, явление истерии... сюда присоединяются еще болезненные менструации, раздражительность, давление и боль в животе, наконец, неправильные менструации, воспаления, хилость... – вот удел тех женщин, которые бессознательно стали жертвой своей противоестественной брачной жизни»*, – писал врач⁹¹¹.

В автодокументалистике есть упоминания о том, что дворянки, дабы предотвратить новые беременности, употребляли традиционные средства, практиковавшиеся с незапамятных времен, – различные настойки, отвары и получившую распространение в XIX веке «сулему»⁹¹². Однако зачастую это не приводило к желаемому результату, вызывая заболевания желудка и нервной системы.

В отличие от крестьянских женщин, широко применявших механические способы профилактики и прерывания нежеланной беременности (прыгание с высоких объектов, подъем тяжестей, тугое бинтование и др.), в дворянской среде подобные практики не использовались. Кроме этого, в крестьянской среде (реже – в рабочей)⁹¹³ распространенным контрацептивом были длительные кормления детей грудью – вплоть до 2–3 лет. Врач О.А. Шестакова, наблюдавшая молодых матерей фабричных работниц, отмечала: *«Вообще, надо заметить, что у всех матерей наблюдалось стремление кормить ребенка грудью как можно дольше»*.

⁹⁰⁹ Членов М.А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студ. мед. изд. комис., 1909; Цит по: Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 124.

⁹¹⁰ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 186; Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 22; Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книг-во Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 155; Пликус. Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 8. № 15-16. С. 234-235.

⁹¹¹ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 186.

⁹¹² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 35.

⁹¹³ Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая–5 июня 1913. Вып. II. СПб., 1913. С. 84.

*Причина этого лежит отчасти в твердом их убеждении, что при кормлении грудью меньше шансов забеременеть»*⁹¹⁴. Данный способ практически не использовался среди интеллигентных матерей, так как если они и прибегали к самостоятельному грудному вскармливанию, то оно, судя по дневниковым записям, длилось не более 6–10 месяцев.

В повседневную жизнь дворянок, несмотря на критику со стороны церкви и общественности, прочно входили *специальные средства контрацепции*. Либерально настроенные врачи, такие, например, как К. Дрекслер, были убеждены, что именно специальная контрацепция должна стать единственной разумной панацеей от нежелательных беременностей. Все остальные способы он считал нецивилизованными. Первые упоминания в женских дневниках об использовании «специальных средств» относятся к 1870-м годам. Отношение врачей к употреблению контрацептивов было двойственным. Большая их часть вплоть до начала XX века в своих работах настойчиво критиковала подобные изделия. Однако именно врачи, судя по мемуарной литературе, первыми стали пропагандировать использование средств контрацепции в супружеской жизни. В «Крейцеровой сонате» таких докторов Л.Н. Толстой называет не иначе как «мерзавцы», а женщин, пользующихся их советами, – «проститутками»⁹¹⁵. А.А. Знаменская в своем дневнике, например, указывала, что именно врач настаивал применить женские средства контрацепции (описываемые события относились к концу 1870-х годов). Несмотря на появление целого ряда «предохранительных средств», дворянки смотрели на них с опасением, страхом и даже брезгливостью, о чем свидетельствуют строки женских дневников. А.А. Знаменская размышляла над предложением врача воспользоваться женскими предохранительными средствами: «... он говорил о каких-то тампонах, губках, да больно, все это пакостно...»⁹¹⁶. Эти строки провинциальной дворянки свидетельствуют о том, с каким трудом проникали новинки фармацевтической промышленности в традиционную жизнь русской женщины. Сам факт предохранения инородными телами воспринимался как нечто омерзительное, противоестественное, в связи с чем даже после

⁹¹⁴ Шестакова О.А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб.: Тип. "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1910. С. 21-22.

⁹¹⁵ Толстой Л.Н. Крейцера соната. Собр. соч. в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 155.

⁹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31об.

настоятельных рекомендаций врачей женщины отказывались от контрацепции, вопреки своим желаниям и медицинским показаниям продолжали рожать.

Несмотря на предубеждения женщин, к началу XX века специальные средства контрацепции получили повсеместное распространение прежде всего в высших слоях российского общества. Врачи отмечали, что это явление было массовым, неконтролируемым. По их свидетельствам, женщины мало разбирались в соответствующих товарах. Точнее всего противоречивую ситуацию относительно средств контрацепции описал врач К. Дрекслер: *«Многие желающие по той или иной причине применять предохранительные от забеременения средства и стесняющиеся из ложного стыда обратиться за советом к врачу находятся в полном недоумении, какой презерватив им выбрать, и в результате выписывают наудачу какое-либо средство, оказывающееся на практике неудачным»*⁹¹⁷.

Ежегодно на страницах европейских каталогов, продававшихся в России, публиковались объявления о соответствующих фармацевтических новинках. Богато иллюстрированные каталоги можно было приобрести в многочисленных российских городах, в том числе с помощью почтовой пересылки. В отличие от Европы, где открытая реклама презервативов была запрещена, в России подобные объявления можно было встретить как в столичных мужских и женских журналах, так и в провинциальных газетах. К примеру, типичное рекламное объявление в дореволюционном женском журнале: *«КАК ПРЕДУПРЕДИТЬ БЕРЕМЕННОСТЬ новейшим, верным и безвредным средством. Новое издание 1913 г. с рисунками, рецептами и разными приложениями высылается наложенным платежом и пересылкой за 1 р. 25 к. Адрес: Санкт-Петербург, почтовый ящик № 41»*⁹¹⁸. Каталоги и прейскуранты нередко предлагались бесплатно, являясь отличной рекламной уловкой. От потенциального клиента требовалось только написать письмо с указанием своего намерения ознакомиться с продукцией. Консервативно настроенная общественность призывала ограничить открытую рекламу контрацепции. После того как в Пруссии запретили вывешивать на вокзалах и поездах рекламу о «тайных средствах», отечественный врач Пликус писал в журнале «Акушерка», что российские власти давно должны были последовать

⁹¹⁷ Дрекслер К. К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. С. VII.

⁹¹⁸ Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С. 15.

примеру европейских властей. Таким образом, появление на страницах провинциальных газет с конца XIX века объявлений о средствах мужской и женской контрацепции, которая стоила относительно дорого, имплицитно позволяет предположить, что она была распространена в супружеской жизни дворян (по очевидным причинам данный факт практически не находит отражения на страницах автодокументальной литературы).

Специальные средства контрацепции, представленные на столичных и провинциальных рынках начала XX века, поражают разнообразием. Складывается впечатление, что производители интимных товаров соревновались в оригинальности и практичности своей продукции. Их широкая продажа, очевидно, свидетельствовала в пользу существовавшего устойчивого спроса на нее. Среди *мужских средств контрацепции* в специальной литературе и рекламных объявлениях значились «*резиновые изделия*» (rubber goos), «*бархатные*» презервативы, презервативы «*из рыбьего пузыря*», кожи с оригинальными названиями «*Неверин*», «*Рамзес*», «*Нимфа*», «*Губочка*»⁹¹⁹. В публицистической литературе авторы их нередко называли «*средствами разумной осторожности*»⁹²⁰. Они продавались «*дюжиной*», которая стоила от одного рубля до четырех. Наиболее дорогими были изделия, сделанные из рыбьего пузыря, а также «тончайшие» резиновые кондомы. Уже тогда форма кондомов варьировалась. Производились «короткие» кондомы, «обыкновенные», «с приемниками для семени». Однако нередко их критиковали, так как они, в отличие от многоразовых цекальных кондомов, не могли служить долго. Самыми недорогими были цекальные кондомы, сделанные из кишечника животных. Они производились за границей зачастую из отечественного материала⁹²¹. По характеру изготовления, форме они мало чем отличались от своих предшественников. Если в Западной Европе повсеместное распространение презервативы получили после Французской революции, то в России их массовое использование в высших и средних кругах общества началось с середины XIX века, о чем имплицитно

⁹¹⁹ Реклама // Смоленский вестник. 1908. № 121. С. 1; Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С. 17.

⁹²⁰ Боряковский А.Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886-887.

⁹²¹ При их употреблении мужчины отрезали необходимую длину. Сухой кондом надевался на мужской член, основательно смачивался водой. Поверх кондома размещалось резиновое кольцо для предотвращения сползания презерватива. После использования кондом тщательно промывали, сушили, для чего существовали специальные приборы. (Дрекслер Указ. соч... С. 112-114).

свидетельствовали тенденция снижения количества детей в семьях дворян и появление соответствующих объявлений на страницах периодики. Распространенность мужских презервативов в городских семьях привела к тому, что французские короткие кондомы (le casque) среди россиян получила название «семейных». Среди мужских средств контрацепции западная промышленность предлагала совершенно оригинальные приборы, которые еще современники называли «нелепыми»⁹²². Прибор под названием «Seminal-Interceptor» перед употреблением необходимо было ввести при помощи специального мундштука в отверстие мочеиспускательного канала, при извержении семя попадало в специальный пузырь. В привычку состоятельных столичных мужчин вошло постоянное ношение с собой специальных средств контрацепции. Зачастую они помещали их в кошельках либо в специальных «футлярах для кондомов». Фирма Гюстава Годафруа выпустила в продажу новинку – футляр для кондомов в виде карманных часов, где вместо механизма можно было разместить до трех презервативов.

К концу XIX века мужские презервативы повсеместно продавались в аптекарских магазинах, что вызывало критику со стороны общественности. В 1893 году врач А.Г. Боряковский с горечью писал: *«Средства, препятствующие зачатию, так называемые презервативы, приобретают все большее распространение. В газетах печатаются о них рекламы; в аптеках, аптечных складах, инструментальных и резиновых магазинах они всегда в обилии и на самом видном месте»*⁹²³. Врач обвинял в развращенности российскую интеллигенцию. Дореволюционные исследователи населения Харькова Д.И. Багалей и Д. Миллер также подчеркивали *«большое распространение презервативных и абортивных средств»*, чем объясняли сокращение числа внебрачных детей⁹²⁴. Об общей доступности средств контрацепции в провинциальных аптеках писал в 1914 году врач, бывший народоволец Сергей Елпатьевский: *«Воздержание от зачатия*

⁹²² Дрекслер К.И. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. С. 121

⁹²³ Боряковский А.Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886-887; Цит по: Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 107.

⁹²⁴ Цит по: Курман М.В. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 241

имеет несомненную тенденцию сделаться порядком жизни для одиночек и семейных людей. И факт этот все шире и шире распространяется во всех слоях... У меня имеются сведения, что провинциальные аптекарские магазины и аптеки все больше и больше торгуют предохранительными от зачатия средствами»⁹²⁵. Данную тенденцию он называл сознательным «самоистреблением» русского народа. К.И. Дрекслер был одним из немногих, кто не только одобрял мужскую контрацепцию, но и активно ее популяризировал в своих работах, за что привлекался к уголовной ответственности за якобы извращение нравов.

Несмотря на широкое распространение презервативов, прямые ссылки на их использование в женской мемуарной литературе встречаются крайне редко. Репрессированная женская сексуальность, сакральность данной темы не позволяла благовоспитанным дворянкам вести речь об использовании в супружеской жизни практик предохранения. Указание на применение специальных средств контрацепции удалось выявить в дневниках супругов Половцовых. Наиболее подробные сведения содержались в интимном дневнике А.В. Половцова, который на протяжении небольшого промежутка времени фиксировал сексуальные отношения с женой. Он подробно описывал не столько половой акт (в его терминологии это звучало, как «пивво»), сколько поведение жены до и после него. Из его записей становится очевидным, что спринцевание было неотъемлемой частью их сексуальных отношений.

Вопреки массовому использованию презервативы продолжали восприниматься как нечто постыдное. Врач А. Фишер-Дюккельман в своей публицистической работе писала: *«К сожалению, презервативы не лишены серьезных недостатков. С одной стороны, в виду их несовершенства они отнюдь не могут считаться верным средством, а с другой стороны, они все-таки не вполне безвредны. Поэтому на них надо смотреть как на меньшее из двух зол, как на уступку нашему прискорбному социальному положению, как на спасительное средство против заражения и, в общем, как на печальную, достойную сожаления, отвратительную необходимость!»⁹²⁶.* Употребление в половой жизни презервативов критиковал известный российский врач-просветитель В.Н. Жук и

⁹²⁵ Елпатьевский С. Самоистребление человечества: По поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 265-266.

⁹²⁶ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 186.

многие другие⁹²⁷. Врач Е.С. Дрентельн относил использование кондомов к проявлениям полового извращения и мужского онанизма⁹²⁸. В своих работах она доказывала, что «возня» с кондомами и специальные приготовления, сопровождающие половой акт, неминуемо приводят к взаимному отвращению супругов. Л.Н. Толстой «предупреждение возможности рождения детей» со стороны мужчин называл «преступлением» против нравственности⁹²⁹. В то же время часть либерально настроенных западных врачей имели смелость в условиях общественного осуждения признавать, что «кондомы надо считать наилучшими предохранительными средствами во всех тех случаях, когда женщина вынуждена избегать зачатия»⁹³⁰.

В начале XX века в России широкое распространение получили «женские предохранительные средства». Европейские врачи предлагали широкий выбор специальной контрацепции для дам. Женские презервативы повсеместно продавались и рекламировались в России. Приобрести их можно было в аптеках, аптечных магазинах (разумеется, весь спектр предохранительной продукции был представлен исключительно в столичных аптеках), магазинах резиновых изделий. Кроме того, в России стали появляться специальные «представительства» европейских производителей, в которых можно было заказать по почте или непосредственно приобрести при наличии любой из желаемых приборов. Женская контрацепция превратилась в веяние моды. Вызывает удивление то, что в условиях господства цензуры, пропаганды идей высокой нравственности и полового воздержания женские презервативы рекламировались повсеместно, открыто, зачастую с указанием интимных подробностей по их применению. В качестве иллюстрации – некоторые заголовки рекламных объявлений обычных провинциальных газет: *«Предохранительные средства для женщин. Золотые и серебряные «Прогресс». По указанию профессора Фореля. Требуйте только патентованный под № 348000. Прибор без упомянутого номера – подделка. Цена*

⁹²⁷ Жук В.Н. Презервативы и их влияние // Акушерка. 1900. № 6. С. 161-178; Боряковский А.Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886-887.

⁹²⁸ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 154.

⁹²⁹ Толстой Л.Н. Послесловие к Крейцеровой сонате. Собр. соч. в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 198.

⁹³⁰ Ахелис Т., Блох И., Бельше В. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни. Т. 2 / Ред. А.С. Догеля, А.Н. Шабановой. СПб.: Просвещение, 1917. С. 501.

золотым: 14–18 р. штука. Серебряные – 7 и 8 р. штука»⁹³¹. Среди женских средств в продаже имелись «предохранительные приборы «Виктория» – 5,5 р. штука»⁹³², «предупреждающий беременность» прибор «Рефлюкс», основанный на спринцевании особыми средствами, его цена достигала 4 р. 20 к., женские «приборы для гигиены из серебра и кости»⁹³³. В ряде европейских стран, в отличие от России, реклама контрацептивов была запрещена, поэтому их продавали под видом средств дамской гигиены. Наиболее популярными средствами контрацепции среди россиянок, согласно рекламным объявлениям, были шарики, губки, спринцовки.

Простейшим женским «предохранительным» средством считались ватные шарики, смоченные в уксусной воде или в растворе борной кислоты. К ним прилагались подробные иллюстрированные инструкции по использованию. Схожими по своим действиям были так называемые противозачаточные губки («губочки»), влагалищные тампоны, производимые из целлюлозы, резины, морской губки и натурального шелка. Существенными минусами данных средств были «легкость сдвижения с места» и оказание «вредного влияния на нежные внутренние части»⁹³⁴. Если в Западной Европе данные средства контрацепции были популярны до 1900 года, то в России, напротив, получили распространение в начале XX века.

Надежными противозачаточными средствами, по мнению врачей, являлись «предохранительные кольца». Наиболее известными в употреблении были кольца докторов Рихтера и Кейва (Cave). Кольцо вводилось в полость матки на длительный промежуток времени. Внутри кольца располагалась трубка, по ней выделялась особая жидкость, которая, «равномерно смачивая со всех сторон устье матки, верно действовала на сперму»⁹³⁵. Трубку со специальной жидкостью необходимо было менять через несколько недель. Если «шарики», «губочки», «кольца» имели повсеместное распространение, то такие противозачаточные средства, как «влагалищные кольца», «влагалищные порошковдуватели», пессарии встречались гораздо реже. Эти приборы, известные еще в древнейших

⁹³¹ Реклама // Смоленский вестник. 1908. № 121. С. 1.

⁹³² Там же.

⁹³³ Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С.1, 17, 18.

⁹³⁴ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 187.

⁹³⁵ Там же. С. 187.

цивилизациях, являлись для российской публики новинкой. Пессарии использовали для поддержания матки во время беременности, а также для недопущения беременности (окклюзионные пессарии, напоминающие современные внутриматочные спирали). Окклюзионные пессарии нередко называли «женскими презервативами». Их носили все время, за исключением периода менструации. Несмотря на свою надежность в качестве контрацептива, их использование осложнялось трудностью самостоятельного введения, подбора необходимого по размерам номера, поэтому они применялись не так часто. В популярном женском справочнике отмечалось: *«Но кто же может постоянно накладывать их правильно, да и вряд ли безразлично для женщины постоянное присутствие такого огромного инородного тела»*⁹³⁶. Резиновые пессарии были снабжены шелковыми лентами для удобства их вынимания. Среди продававшихся в России было большое количество «авторских пессариев»: доктора Менсинга (впервые ввел в широкую гинекологическую практику применение замыкающих пессариев), доктора Матризалуса, доктора Эрлета, доктора Вильгельма и др. Рекламные объявления свидетельствуют о распространении в России новинки – «закупоривающихся пессариев», которые стоили дорого, так как были сделаны не из резины, а из серебра и золота.

С открытием в 1841 году сперматозоидов (Келлером) в употребление вошла химическая контрацепция. Спринцевание и «порошковдувание» имело цель «обезвредить» сперматозоиды. Окклюзивный пессарий также использовался в сочетании со спермицидами. Среди предлагавшихся патентованных «порошковдувателей» в России были приборы «Атокос» (изобретен в Германии доктором Ф.И. Юстусом), «Виктория» (доктора Пало), прибор доктора Е. Крэнинга и Гютера из Магдебурга⁹³⁷. В связи с тем что данные приборы рекламировались на страницах провинциальных газет, их выписка была доступна для любой провинциальной женщины. В то время как презервативы можно было найти в аптечных магазинах провинциальных городов, многие женские средства контрацепции заказывались в столице с помощью «выписки» наложенным

⁹³⁶ Там же. С. 188.

⁹³⁷ Приборы были достаточно сложны в использовании. Женщины в специальную ложечку насыпали предназначенный для обезвреживания сперматозоидов порошок, затем вставляли прибор во влагалище, нажимали на резиновую грушу, в результате чего порошок раздувался.

платежом. Для женщин непременным условием являлось указание в письме количества беременностей и родов.

Широкое распространение в рекламных объявлениях получили химические средства контрацепции, предназначенные для женщин. Известный специалист в области контрацепции К. Дрекслер в своей книге называл химическую контрацепцию *«наилучшим средством»*⁹³⁸. Он в начале века в лаборатории профессора, доктора химии А.В. Пеля произвел химический анализ всех представленных на российском рынке химических средств контрацепции. В итоге врач констатировал, что это самые эффективные, безвредные и легкие в применении противозачаточные средства. Своим пациенткам К. Дрекслер настойчиво советовал использовать различные влагалищные промывания, утверждая, что *«в каждом интеллигентном семействе должен быть влагалищный промыватель»*⁹³⁹. Среди наиболее известных приспособлений для «промываний» в России была широко используемая в медицине (для промывания медицинских ран) «Эсмархова кружка», которая продавалась со специальными маточными наконечниками и предполагала использование биде; «влагалищный душ «Альфа», промывательный аппарат «Альфа», аппарат доктора Гинца, душ «Идеал», аппараты Lady's Friend и Lady's Doctor и др. Западноевропейские врачи для облегчения пользования прибором стали изобретать различные виды наконечников («влагалищный промыватель Пинкуса», «влагалищный промыватель «Диллятор», «панцирный», «конический» промыватели и др.). Многие из этих приспособлений вполне можно было брать с собой в путешествие, о чем сообщалось в инструкциях.

Новинкой химической контрацепции в конце XIX века стали влагалищные суппозитории, которые продавались в виде шариков («Riget», «Margot», «Amour»), лепешек («Антиконцепт» доктора Кампа), яичек. Они были изготовлены из глицерина, какао-масла, желатина с добавлением антисептических средств⁹⁴⁰. К.

⁹³⁸ Дрекслер К. К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. С. 135-136.

⁹³⁹ Там же. С. 158.

⁹⁴⁰ Женщина вводила их во влагалище до начала полового акта, они не требовали выведения, так как полностью растворялись.

Дрекслер утверждал, что среди его русских пациенток были те, кто пользовался этими изобретениями⁹⁴¹.

В начале XX века появились хирургические средства контрацепции, которые состояли в перевязывании фаллопиевой трубы женщине при родах в условиях стационара. Насколько данная процедура была распространена, кто прибегал к ее использованию, оценить не представляется возможным из-за отсутствия какой бы то ни было статистической информации. В то же время акушеры утверждали, что сами женщины обращались к ним с подобной просьбой весьма часто. Это привело к тому, что в начале XX века на страницах медицинских журналов развернулась полемика об этичности со стороны врачей проводить подобную гинекологическую манипуляцию⁹⁴².

Большое количество женских средств контрацепции позволяют считать саму контрацепцию не столько мужским, сколько женским делом. Важно и то, что нередко мужчины относили предохранение исключительно к женским практикам, полностью снимая ответственность за нежеланные беременности с себя. В частности, провинциальная дворянка в смятении писала, что муж ее винит во все новых беременностях, упрекая ее в том, что она *«не умеет устроиться, чтобы не беременеть»*⁹⁴³. Замужняя женщина находилась в сложном положении. Если она не беременела или, наоборот, беременела слишком часто, это могло вызывать претензии со стороны мужа и близких родственников. Идеальная жена-мать должна была уметь подчинять себе процесс собственной репродукции. Несмотря на доминирование критики в отношении специальных средств контрацепции, именно женщины индустриальной России начали активно прибегать к ней. В связи с этим врачи, о чем свидетельствуют страницы женских дневников, советовали контрацептивы именно женам, а не их мужьям. В высших классах предохранительные практики стали преимущественно женской прерогативой. Известные европейские акушеры и гинекологи направили свои усилия на изобретение всевозможных средств для предотвращения нежелательных беременностей. С другой стороны, контрацептивы, особенно женские, дали

⁹⁴¹ Дрекслер К. К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. С. 170.

⁹⁴² Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 11. С. 1475.

⁹⁴³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 20об.

возможность дамам высшего сословия пользоваться репродуктивной свободой, без которой невозможен сам по себе процесс женского социального освобождения и эмансипации.

Проблема использования контрацепции стала особенно актуальной в 1910-е годы. Медицинское сообщество предлагало сделать искусственную контрацепцию доступной для широких масс в качестве панацеи от «преступных выкидышей» и инфантицида. В своем докладе Я.Е. Выгодский, выступая на XII Пироговском съезде в 1913 году, подчеркивал: *«Единственным практическим средством, уже в настоящее время значительно ограничивающим производство незаконного выкидыша и обещающим в будущем еще гораздо более значительное вытеснение этого зла, являются меры, предохраняющие от беременности. Нужно стремиться к усовершенствованию и распространению этих мер»*⁹⁴⁴. Научная дискуссия об использовании средств контрацепции проходила параллельно с рассмотрением вопросов, связанных с искусственным прерыванием беременности.

Проблема аборт стала волновать широкие круги общественности. Этот вопрос становился важнейшим на Пироговских съездах, на съездах криминалистов, а также на собраниях Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. Яркие обсуждения не могли остановить роста количества аборт. Косвенно об этом свидетельствовали цифры мертворождений и выкидышей, так как за ними зачастую значились именно аборт. Известный акушер-гинеколог, активный деятель Попечительства об охране материнства А.А. Рейдлик констатировал, что за 65 лет в России число выкидышей возросло в 49 раз⁹⁴⁵. Заведующий Симферопольским санитарным бюро доктор И.К. Кондорский в своем выступлении выразил сожаление о том, что, несмотря на широкую рекламу «мер против беременности», эти средства «не достигают цели». Вопреки уголовному преследованию аборт, с 1913 по 1915 год их число в Симферопольской городской больнице к общему числу рожениц возросло с 19 до 36,7%. В заключение доклада врач указал на фактическое доминирование в обществе мер по

⁹⁴⁴ Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая–5 июня 1913. Вып. II. СПб., 1913. С. 88.

⁹⁴⁵ Рейдлик А.А. Война и охрана материнства и младенчества: Речь на съезде Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. 6 ноября 1916. Пг., 1916. С. 15-17.

«борьбе с материнством», а не по его охране⁹⁴⁶. К этому же выводу стали склоняться члены Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. На общем собрании от 6 марта 1916 года большинство высказались в пользу того, что контрацепция – меньшее из зол. Они были убеждены, что это наиболее вероятное средство, способное стать на пути многочисленных аборт.

Следует отметить любопытный исторический парадокс. В России началось открытое обсуждение необходимости распространения контрацептивов в то время, когда на Западе их использование преследовалось законом, порицалось общественной моралью и вызывало жесткую критику врачей. В частности, в 1916 году известная американская феминистка Эмма Голдман (дочь российских евреев, эмигрировавших в США), автор знаменитого трактата «Торговля женщинами», была арестована только за то, что распространяла информацию о противозачаточных средствах⁹⁴⁷. Сложно наверняка утверждать, чем был вызван такой либерализм российского закона и профессионального сообщества. В условиях масштабного распространения сифилиса, многочисленных аборт и случаев инфантицида, большого количества брошенных детей использование средств контрацепции было единственной панацеей. Для большинства либерально настроенных врачей средства контрацепции являлись «предохранительным клапаном» от «преступных выкидышей», детоубийств и оставления детей.

Таким образом, во второй половине XIX века наблюдался интенсивный процесс трансформации репродуктивного поведения в дворянском сословии в сторону его рационализации. Вследствие либерализации страны, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения помещного дворянства, активизации публичной деятельности женщин, эмансипационного движения формировался новый тип брачности. Происходил революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения дворянок. Рационализация их репродуктивного поведения выражалась в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, широком распространении средств контрацепции. Новый тип

⁹⁴⁶ Журнал общего собрания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, 6 марта 1916 г. // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 51.

⁹⁴⁷ Феминизм в общественной мысли и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 220.

рождаемости сформировался чрезвычайно быстро – на протяжении одного поколения. Изменение женского репродуктивного поведения способствовало трансформации самого института материнства. Сокращение числа деторождений в жизни женщины в условиях социального конструирования «идеального материнства» приводило к тому, что дворянки стали осознавать особую ценность материнских ролей, наблюдался рост материнской сознательности и активно распространялись идеи «детоцентризма».

Контроль над рождаемостью становился важной частью повседневной жизни дворянских семей. Он выражался в распространении средств искусственной контрацепции и появлении абортивных практик в дворянской среде. Несмотря на острую критику контрацептивов со стороны публицистов, врачей конца XIX века, те же врачи стали пропагандировать их использование в начале XX века. Представители медицинского сообщества были вынуждены согласиться с тем, что в выборе между абортивной практикой, инфантицидом, масштабным распространением сифилиса и использованием противозачаточных средств, последнее является предпочтительным. В этой части интересы дворянок и интересы врачей, пропагандировавших использование контрацепции, совпали. Данный процесс отражает положительное влияние медиализации, которая может рассматриваться не только в качестве утраты способности женщин влиять на свою жизнь, но и как важный процесс, позволяющий женщинам планировать материнское и репродуктивное поведение, основываясь на личном выборе. В условиях запрета продажи контрацептивов в странах Европы и США, в России новинки фармацевтической промышленности открыто рекламировались на страницах столичной и провинциальной прессы. Между тем в обществе сохранялось амбивалентное отношение к контрацепции. Вхождение новой практики в повседневную жизнь замужних дворянок было сложным и противоречивым процессом по причине репрессированной женской сексуальности, табуирования вопросов, связанных с половыми отношениями. Не только мужские, но и женские «предохранительные средства», вопреки общественной критике, получили распространение в дворянских семьях. Большое количество женских «предохранительных средств» позволяют считать саму контрацепцию не столько мужским, сколько женским делом.

Использование контрацептивов в супружеской жизни давало возможность дворянкам освободиться от цепи стихийных, нежелательных беременностей и деторождений, тем самым создавая условия для освоения ими иных сфер деятельности и поиска новых форм гендерной идентичности. Планирование семьи становилось важной составляющей повседневной жизни российских семей высшего сословия. В конечном итоге право на свободу деторождения, немислимое без ограничения рождаемости, привело к появлению «свободного материнства». В связи с этим актуальны слова выдающегося французского психоаналитика Ю. Кристевой, которая, говоря о свободном материнстве, отмечала: «... *материнство уже не может стать нежелательным, не может стать роком, потому что есть возможность свободного выбора*»⁹⁴⁸.

3.2. Особенности нарратива чувственно-эмоциональных переживаний вынашивания детей

3.2.1. Повседневная жизнь беременных: диагностика беременности, одежда, гигиена, забота о сохранении красоты тела, подготовка к родам

«Сознательное материнство», «сознательные матери» («conscious motherhood», «moral mother») – словосочетания, впервые употребленные зарубежными учеными относительно европейских матерей конца XVIII века. Западные исследователи, среди которых Э. Бадинтер, считали их порождением такого общеевропейского явления в социальной жизни населения и гендерных отношениях, как обособление (разделение) сфер на условно мужские (служба, карьера, публичная активность) и женские (семья, дети, домашний быт). Относительно российских матерей зарубежные специалисты полагали, что среди них теория «сознательного материнства» не имела распространения, и в жизни российских дворянок на протяжении всего XIX века забота о детях занимала незначительное место. В частности, такого мнения придерживалась Б. Энгель в своей известной работе «Матери и дочери...»⁹⁴⁹. Разорение дворянства, отсутствие

⁹⁴⁸ Кристева Ю. Изоляция, идентичность, опасность, культура // Вестник Европы. 2005. № 15. С. 238.

⁹⁴⁹ Engel B. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 11.

среднего класса она считала существенными помехами на пути распространения идеологии «новых матерей». Однако данное утверждение далеко от реального положения дел. В России также наблюдался переход от «безразличного» материнства к «сознательному» в дворянских и интеллигентных семьях, с той лишь разницей, что он происходил на 50–70 лет позже, чем в странах Западной Европы. Спорные утверждения русистов во многом определялись кругом использованных источников. К примеру, Б. Энгель основывалась на описаниях матерей 1840–1860-х годов, которые еще не впитали в себя идею «сознательного материнства» по причине отсутствия соответствующего конструкта и общественного запроса на соответствующую гендерную роль.

Формирование материнского культа, популяризация «сознательного материнства», рост числа «детоцентристских» семей, распространение популярной медицинской литературы, в которой авторы пропагандировали новое отношение интеллигентных женщин не только к уходу за младенцем, но и к собственной беременности, неминуемо оказывали влияние на традиционных практиках проведения беременности и подготовки к родам. *«Сознание своих материнских обязанностей относительно своего ребенка должно проявляться у матери не только со времени появления на свет маленького существа, но гораздо ранее; мать должна оказывать своему развивающемуся зародышу наибольшее попечение»*⁹⁵⁰, – отмечалось в популярном дамском издании. С распространением концепции «осознанного материнства» дворянки стали уделять значительное внимание подготовке к будущим родам и материнству. В начале XX века в научно-популярной литературе появлялось все больше работ на тему гигиены беременных. Именитые авторы доходчиво излагали читательницам, во что одеваться, как питаться, как двигаться, к чему готовиться, что покупать, чем увлекаться во время беременности. Рекомендации авторов, безусловно, были рассчитаны на женщин из высших слоев общества, так как представительницы других социальных групп не имели ни физических, ни интеллектуальных, ни финансовых ресурсов к исполнению предписанной роли «сознательной матери». Автор классического учебника по акушерству Н.И. Побединский отмечал, что *«женщины достаточного класса при доброй воле легко могут соблюдать все вышеуказанные*

⁹⁵⁰ Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901. С. 21.

*предписания»*⁹⁵¹. Популяризаторами конструкта «осознанного материнства» стали врачи, педагоги, литераторы, художники и даже фотографы. Впервые беременность трактовалась ими как особенный период в жизни женщины, который требует сосредоточения сил, знаний и эмоциональных переживаний, позволяет всецело проявиться женской сущности, а также приносит ее обладательницам истинное счастье.

Эгодокументы, принадлежавшие дворянкам второй половины XIX – начала XX века, демонстрируют повышенное внимание женщин к самому процессу протекания беременности. На страницах собственных дневников, личной переписки, воспоминаний дворянки все чаще писали о протекании беременности, о своем самочувствии, о проблемах, которыми они тяготились, о том, как вели подготовку к родам и к появлению нового члена семьи. Ввиду сокращения числа деторождений в жизни дворянок материнство становилось уникальной практикой, а не бесконечным, подчас нежелательным явлением. «Новые матери» стремились быть экспертами в вопросах ухода за детьми и их воспитания. В связи с этим свой пытливый ум они направляли на изучение гигиены беременных, основ ухода за младенцами, физиологического, нравственного и интеллектуального развития детей. Накануне родов, например, Е.Н. Половцова вела подготовку к деторождению, словно готовилась к сдаче экзамена в университет, дни напролет штудировав книги по гигиене детского возраста, по уходу за новорожденными (Гейтца, труды Лоренца, «кормление грудью Ильинского»)⁹⁵². Фотографы все чаще запечатляли на снимках матерей, держащих на руках младенцев или окруженных детьми, тем самым активно участвуя в пропаганде идей счастливого материнства.

Одной из первых сложностей, с которой сталкивались женщины, было определение самого факта беременности. Диагностика беременности («доказательства беременности»), несмотря на развитие акушерских знаний, в подавляющем большинстве оставалась традиционной. Врачи выделяли «сомнительные» (тошнота, расстройство пищеварения, непереносимость запахов, извращение вкуса, невралгии, ослабление слуха и зрения, головокружение), «вероятные» (остановка месячных, увеличение объема живота и размера матки и

⁹⁵¹ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1918. С. 66.

⁹⁵² ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 68об.

др.), «верные» (прослушивание сердцебиения плода и его шевеление) и «положительные» признаки беременности»⁹⁵³. Во врачебной среде существовал особый термин, обозначавший нервные расстройства беременных, – «родильно-лихорадочное состояние» (термин «токсикоз беременных» вошел в употребление только в 1910-е годы). В то же время основными признаками для подавляющего большинства женщин являлись отсутствие регул и ухудшение общего самочувствия (тошнота, нервные срывы, головные боли и пр.). Именно эти признаки зачастую вводили дворянок в сомнения. Между тем задержка менструаций была частым явлением в их жизни. Вследствие специфики женской одежды, состоявшей в ношении туго затянутого корсета, а также субтильной комплекции дворянок регулы могли пропадать (состояние аменореи) или задерживаться без явных на то причин. Для врачей остановка менструации также не являлась абсолютным признаком беременности, о чем они писали: *«Как известно, менструации могут исчезнуть при душевных возбуждениях, простуде, чрезмерных напряжениях, бледной немочи и при многих тяжелых заболеваниях»*⁹⁵⁴.

Гинекологи приводили многочисленные мифы своих пациенток относительно признаков наступления беременности. Известный столичный врач В.В. Дерикер в своей книге «Физиологическая история женщин» цитировал любопытные утверждения женщин. Одна из дам уверяла, что самым верным признаком для нее является *«содрогание, боль около пупка»*⁹⁵⁵. Другая была убеждена, что беременность наступает из-за сильного *«сладострастного наслаждения»*, которое возникает при половом акте одновременно у обоих супругов⁹⁵⁶. К «явным» свидетельствам пациентки относили также внезапную женскую полноту, сыпь на лице и теле, появление особых пятен на коже. Тяжелое душевно-психическое состояние, проявлявшееся в повышенной раздражительности, смене настроения, сонливости, тоже приписывали к признакам беременности. *«А я раздражена, зла, браню попусту детей, сержусь на всех. Что это? Опять беременна?»* – размышляла дворянка⁹⁵⁷.

⁹⁵³ Friedrich S. Учебник по акушерству. СПб.: Изд. К. Риккера, 1909. С. 71; Диагностика беременности // Акушерка. 1902. Кн. 1. № 1-2. С. 1-6.

⁹⁵⁴ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 454.

⁹⁵⁵ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 116.

⁹⁵⁶ Там же. С. 130.

⁹⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31.

Дворянки плохо ориентировались в предвестниках беременности. Их ощущения часто не отражали реального положения дел, что свидетельствовало в пользу сложных отношений с собственным телом. Нередко в страхе перед новой беременностью любые расстройства организма, даже банальную простуду, женщины относили к проявлениям беременности. Встречались и противоположные случаи. Задержку и нарушение менструационного цикла они списывали на какую-либо болезнь, не считая себя беременными. Дворянки обращались к докторам с просьбами восстановить их здоровье, *«отказываясь верить»*⁹⁵⁸ в свое новое положение. В качестве примера – случай, описанный одной из провинциальных дворянок. Не подозревая беременности, она посетила врача с жалобой на отсутствие регул. Женщина просила прописать необходимое восстановительное лечение. Гинеколог неожиданно для пациентки установил, что она беременна⁹⁵⁹. К акушерам и гинекологам за подтверждением беременности женщины обращались и в том случае, когда намеревались произвести аборт. Об этом писала Л.Д. Менделеева-Блок. Заподозрив нежелательную беременность, она направилась к акушерке для получения точного диагноза⁹⁶⁰. Подобный сюжет представлен Л. Гумилевским в рассказе «Счастливый случай». Главная героиня Татьяна, осознав странность своего состояния, отправилась к акушерке, которая подтвердила догадки женщины⁹⁶¹.

Врачи отмечали, что *«женщины более достаточного класса... долго не верят в существование беременности и остановку регул, всегда готовы приписать какой-нибудь другой причине»*⁹⁶². Врач Е.С. Дрентельн, специализировавшаяся на акушерстве и гинекологии, приводила пример из своей практики: 43-летняя первородящая женщина до наступления родов не подозревала о своей беременности, *«считая, что у нее просто, вследствие возраста, прекратились регулы и явилась в теле полнота»*⁹⁶³. Перечисляя фактические проявления беременности – тошнота, отсутствие аппетита, сонливость, головокружение,

⁹⁵⁸ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 9. Л. 28.

⁹⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 73об.

⁹⁶⁰ Блок Л.Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 64.

⁹⁶¹ Гумилевский Л. Чужие крыши. М.: Советская Россия, 1991. С. 166.

⁹⁶² Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 106.

⁹⁶³ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 83.

учащенное сердцебиение, пациентка до последнего утверждала, что это «малокровие дает о себе знать»⁹⁶⁴.

Нередко на страницах дневников и писем дворянки сообщали о «ложной тревоге»⁹⁶⁵. Даже российские императрицы, окруженные штатом самых лучших врачей, нередко ошибались в определении собственной беременности. Например, Мария Федоровна, жена цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III), прежде чем действительно забеременеть, несколько раз сталкивалась с феноменом «ложной беременности»⁹⁶⁶. Александра Федоровна, супруга Николая II, в надежде на рождение наследника настолько уверовала в свою беременность (пятую по счету), что была потрясена, когда на девятом месяце доктор диагностировал ее отсутствие (по совету придворного шарлатана француза Филиппа она не допускала к себе медиков)⁹⁶⁷. Ее ложная беременность сопровождалась всеми признаками настоящей беременности (отсутствовали регулы, рос живот, чувствовались шевеления плода)⁹⁶⁸.

О распространенности «ложной беременности» сообщали врачи. Акушер-гинеколог Н. Марков наблюдал этот феномен в анамнезе нескольких своих пациенток. Он заметил, что данная аномалия чаще встречается у интеллигентных женщин, «одаренных истерической или вообще нервной организацией..., склонных к психическим аффектам и самовнушению»⁹⁶⁹. Он полагал, что зачастую «ложная беременность» появляется у бездетных женщин, «влюбленных до безумия» в беременность, патологически стремящихся стать матерями.

Видимо, это явление было настолько частым в повседневной жизни женщин, что даже авторы-мужчины на страницах литературных произведений приводили случаи кажущихся беременностей своих героинь. Так, в «Вечном муже» Ф.М. Достоевский, повествуя о любовном треугольнике Настасьи Васильевны,

⁹⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 91.

⁹⁶⁵ НИОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 63-63об.

⁹⁶⁶ Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 46-47.

⁹⁶⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 2. М., 1960. С. 474

⁹⁶⁸ Современный историк И. Зимин, опираясь на новые архивные документы, установил, что императрица все же была беременна, однако беременность оказалась замершей на ранних сроках. Самопроизвольный выход плодового яйца состоялся, согласно открытым историком документам, на 9-м месяце (Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010. С. 22-23).

⁹⁶⁹ Марков Н. Четыре последовательных ложных беременности у одной и той же женщины // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 9. С. 1204-1209.

описывал состояние *«ошибочной беременности»*. Женщины, особенно молодые и первородящие, могли вплоть до первых шевелений плода (а это на 4–6-м месяце беременности) ничего не подозревать о своем положении. *«Оказалось, Сашка беременна. Что это, значит, она играет из меня дуру. Оказывается, есть уже движение плода, и она уверяет, что ничего не знала, не подозревала»*, – писала провинциальная дворянка⁹⁷⁰.

На фоне подобного положения дел супруги Половцовы демонстрировали уникальный пример репродуктивного поведения. Они настолько внимательно относились к деторождению, что им удавалось безошибочно диагностировать беременность уже на первом месяце. Это обеспечивалось за счет предельной открытости супругов в вопросах, связанных с половой жизнью. Екатерина Николаевна, следуя наставлениям мужа, фиксировала даты начала и окончания регул, даже в отсутствие супруга сообщала ему столь интимные сведения в личной переписке. Подобная атмосфера взаимного понимания, открытости и поддержки приводила к тому, что супруги полностью контролировали собственную фертильность. К явным признакам возникшей беременности Екатерина Половцова относил задержку регул, *«покалывание в груди»*, *«боли в пояснице»*⁹⁷¹, которые проявлялись уже в первые недели после зачатия. Когда супруги обнаружили задержку регул, они тотчас обратились к гинекологу. Несмотря на фактическую беременность, врач так и не смогла диагностировать новое положение женщины⁹⁷², в то время как супруги в нем были уверены. Лучшие акушеры и гинекологи не гарантировали беременности раньше четвертого месяца. Например, подтверждение собственной беременности Мария Федоровна, будущая российская императрица, получила только на пятом месяце.

Причина столь позднего определения беременности состояла в том, что для врачей самым «верным» («положительным») признаком были прослушиваемые сердцебиения плода, что можно было успешно сделать на 3–5-м месяце беременности при помощи стетоскопа. При этом акушеры не доверяли рассказам самих женщин, которые утверждали о наличии шевелений плода (*«уверения самой*

⁹⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 73об.

⁹⁷¹ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 22.

⁹⁷² ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. (не пронумерованы).

женщины, что она чувствует движение, не имеют решающего значения»⁹⁷³). Даже гинекологический осмотр женщины не всегда давал правдивый результат о ее положении, что требовало высокой квалификации врача (именно это произошло в вышеописанном случае супругов Половцовых). *«Но при всей осторожности до половины срока беременности, до совершенно решительных признаков, даже самый опытный акушер может ошибиться»⁹⁷⁴*, – констатировал известный в XIX веке врач. Затруднения акушерской диагностики беременности могли быть вызваны частыми деторождениями пациенток. Дворянки не успевали отойти от предыдущих родов, как, сами того не подозревая, вновь оказывались в положении. В 1910 годы в научном сообществе российских акушеров и гинекологов прозвучала революционная идея в сфере диагностики беременности – использовать рентгеновские лучи⁹⁷⁵. Однако обоснованная акушерами теоретическая возможность применения подобного диагностического способа не имела в дореволюционной России практического применения.

Как и современницы, дворянки вели отсчет срока беременностей от даты начала последних регул (*«рубашечного»*), прибавляя к ней 9 месяцев и 7 дней, в то время этот способ назывался *«метод Негели»*. На страницах женских журналов, в частности *«Первого женского календаря»*, популярной медицинской литературы нередко публиковались календари беременности, позволявшие установить приблизительную дату родов. Существовал другой способ подсчетов, не практикуемый сегодня: от начала последней менструации отнимали 3 месяца, затем прибавляли год и 7 дней. Первые шевеления плода, которые традиционно совершались во второй половине пятого месяца, также вносили существенные коррективы в определение срока родов. Беременные женщины считали все подсчеты приблизительными, поэтому нередко называли предположительную дату родов в терминах *«в начале»*, *«в середине»* или *«в конце»* того или иного месяца. *«До сих пор остается еще неизвестным, с какого времени надо считать начало беременности; поэтому и продолжительность ее не может быть точно*

⁹⁷³ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1915. С. 59.

⁹⁷⁴ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 141.

⁹⁷⁵ Воллосович А.М. Наблюдения в области гинекологической рентгенотерапии. Пг.: Тип. «Орбита», 1915; Зарецкий С.Г. Рентгенотерапия в гинекологии и акушерстве. Для врачей и студентов. Со включением техники гинекол. Рентгенизации и очерка акушерско-гинекол. Рентгенодиагностики. СПб.: К.Л. Риккер, 1912.

*высчитана»*⁹⁷⁶, – отмечал известный гинеколог профессор Н.И. Побединский. Однако частым явлением был неправильный отсчет беременности и, как следствие, определение даты предстоящих родов. Это объяснялось тем, что дворянки не имели практики фиксировать собственные менструационные циклы, в связи с чем осложнялась как диагностика беременности, так и установление предполагаемой даты родов. Ошибиться со сроком родов на месяц-два было делом обычным. *«Предполагаю также, что вы, вероятно, ошиблись на целый месяц сроком родов, как, впрочем, и весьма часто случается»*⁹⁷⁷, – писала пожилая дворянка своей невестке. В связи с этим дворянки заблаговременно до предстоявших родов заботились о призывании акушерки, подготовке родильного помещения.

Так же как и современных, матерей позапрошлого столетия не мог не волновать вопрос об определении пола будущего новорожденного. Известно, что императрица Александра Федоровна, которая длительное время не могла родить наследника (на свет появлялись только дочери), имела внушительную папку бумаг с всевозможными рецептами того, как зачать мальчика⁹⁷⁸. Существовали как традиционные, так и научные способы. Считалось, что особое влияние на пол ребенка оказывают возраст родителей, их умственные способности, характер питания, эмоциональный настрой отца и матери накануне зачатия и даже в первое время беременности. В частности, предполагалось, что энергичная деятельность родителей накануне и в первый месяц зачатия приведет к появлению на свет дитя мужского пола, в то время как тихая, размеренная жизнь отразится на рождении девочки. Следует отметить, что большинство врачей были убеждены, что пол ребенка формируется в первый месяц после зачатия. В свете этого образ жизни родителей становился особенно актуальным. Сильное расстройство женского самочувствия считалось признаком рождения мальчика. Еще одним из доказательств появления на свет мальчика была форма живота, которая выражалась в *«возвышении правой стороны»*, в то время как для девочки – левой. Пол ребенка пытались определить по внешнему виду беременной. Считалось, что

⁹⁷⁶ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1915. С. 27.

⁹⁷⁷ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 9. Л. 128.

⁹⁷⁸ На имя Александры Федоровны поступали письма из разных стран. Авторы уверяли, что им доступен секрет, гарантирующий рождение мальчика. Некоторые описывали необходимые для этого манипуляции, другие просили за свои услуги значительные суммы (РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 686).

мальчик появится на свет в том случае, если женщина в положении хорошо выглядела. Когда императрица Александра Федоровна в четвертый раз была беременна, окружавшие ее родственники надеялись, что на свет появится долгожданный наследник. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике: *«Она очень похорошела... все поэтому трепетно надеются, что на этот раз будет сын»*⁹⁷⁹. Опытные врачи пытались определить пол ребенка через прослушивание плода. Считалось, что учащенное сердцебиение – признак девочки. Однако они часто ошибались. Так, после прослушивания плода врач сообщал Е.Н. Половцовой о рождении девочки: *«По количеству ударов и по звуку Попова предположила, что будет девочка»*⁹⁸⁰. Но в итоге родился мальчик.

Дворянки стали обращать особое внимание на состояние репродуктивного здоровья в связи с тем, что все большее число женщин привилегированного сословия склонялось в пользу самостоятельного кормления грудью. Дворянки, находясь в положении, отвлекались от привычного им образа жизни, полностью концентрируясь на собственном теле и своем «Я». Внутриутробное развитие плода стало рассматриваться многими дамами в положении, как важная часть развития и даже воспитания ребенка. *«В первый день беременности уже начинается воспитание будущего человека»*, – размышляли сознательные родители⁹⁸¹. В источниках личного характера встречаются сообщения о том, что дворянки, задумываясь о беременности и предстоявшем грудном вскармливании, проводили определенные манипуляции со своим телом: *«Я помню, с ранней молодости я старалась отвыкать от того, чтобы спать ничком, потому что думала, что во время беременностей это будет неудобно, обмывала грудь холодной и грубой мочалкой, чтобы приготовить ее к кормлению и т.д.»*⁹⁸². В моду входила гимнастика («гимнастика Лоренца», «дыхание по системе Мюллера»). Впервые врачи доказывали важность *«целесообразных гимнастических упражнений»*, среди них дыхательные упражнения на открытом воздухе и приседания. К «хорошим физическим упражнениям» относили греблю, которая, по мнению врачей,

⁹⁷⁹ Цит по: Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998. С. 142.

⁹⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 60об.

⁹⁸¹ Там же. Л. 2об.

⁹⁸² Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 391.

«развивает грудную клетку и мышцы, входящие в состав брюшных стенок»⁹⁸³. В конце беременности для профилактики трещин сосков, вызванных грудным вскармливанием, практиковалось прикладывание к груди грубого холста, а также «гигроскопической ваты», пропитанной спиртом или простой водкой; ежедневные обмывания груди холодной водой или щеткой с мылом, крепким чаем; обработка на ночь кожи сосков чистым борным вазелином. Врачи также рекомендовали ежедневно делать массаж сосков, состоящий в их вытягивании, дабы укрепить и сделать устойчивей к предстоящему кормлению⁹⁸⁴. Описание подобных процедур встречается в женских дневниках. В частности, Е.Н. Половцова сообщала: *«Накануне делала груди подкранной водой по 5 мин. Груды чешутся меньше, чем за неделю назад. Соски длинные. Неприятного чувства, если тянуть не особенно сильно, – нет»*⁹⁸⁵. Дамы в положении с особым вниманием подходили к вопросам гигиены, все чаще отказываясь от неудобной дамской одежды в пользу специальных вещей для беременных.

В противовес традиционным представлениям на повседневную жизнь беременной (*«целый день лежать на кушетке, не двигаться, усиленно питаться»*), вестернизированные врачи на страницах периодических изданий стали пропагандировать активный образ жизни дам в положении, доказывая его благотворное влияние на здоровье женщин. Популяризатором здорового образа жизни беременных была врач М.М. Волкова, посвятившая этой теме не одну из своих работ (*«Половая гигиена женщины»*, *«Беседы с женщинами о здоровье»*, *«Мать и дитя»*, *«Беседы о том, как надо охранять здоровье женщины, начиная с детства и кончая периодом увядания»*), а также врач В.Н. Жук (автор многочисленных работ, но огромную популярность имел его труд *«Мать и дитя»*). Одним из существенных аргументов врачей в пользу активного образа жизни дам в положении была профилактика рождения ребенка большого размера: *«... женщине часто бывает трудно разродиться – страдает и мать, погибает часто*

⁹⁸³ Первый женский календарь на 1912 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб 1913. С. 25.

⁹⁸⁴ Либов Б.А. К вопросу о заболевании грудных сосков в послеродовое время, об уходе за ними и о лечении их. СПб.: Тип. Я. Трей, 1898; Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1909. С. 316; Friedrich S. Учебник по акушерству. СПб.: Изд. К. Риккерта, 1909. С. 137.

⁹⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 56об.

ребенок»⁹⁸⁶. Беременным дворянкам предписывалось совершать регулярные и частые пешие прогулки.

Особое внимание «сознательные матери» должны были уделять здоровому питанию. Рекомендовалось употреблять в пищу больше растительной пищи, меньше жирной, жареной. Если раньше употребление спиртных напитков (различных вин) дамами в положении никто не ограничивал, то теперь врачи настоятельно требовали от матерей полного отказа от них. В моду входили таблицы примерного рациона питания для беременных, где была расписана калорийность, состав продуктов, необходимых для правильного развития плода и сохранения материнской красоты. Для субтильных дворянок особую тревогу вызывали крупные размеры плода. В начале века среди дворянок имела популярность специальная диета, которой рекомендовалось придерживаться за неделю до предполагаемых родов. Она предназначалась не столько для будущей роженицы, сколько для ее плода. «Диета Проховника» состояла в следующем: утром рекомендовалось выпивать чай или кофе с сухарями; в обед – мясо, рыбу, яйцо, салат, сыр (по желанию); вечером – на выбор тот же набор продуктов, что и в обед с добавлением хлеба и масла. В течение дня разрешались фрукты (виноград, яблоки) и даже вино. Строго запрещались вода, суп, картофель, мучные блюда, сахар, груши⁹⁸⁷.

Все чаще среди дворянок появлялись те, кто не ограничивал активный образ в период беременности. И если век назад подобное поведение было обусловлено приоритетом светской жизни для дворянок, то в пореформенной России активный образ жизни был призван облегчить течение самой беременности и последующего родового процесса. Нередко дамы, привыкшие к регулярным заграничным поездкам, не отказывали себе в этом, находясь в положении. Так, А.Г. Достоевская своего первенца ждала в Женеве. Графиню П.С. Уварову первые роды застали в заграничной поездке с мужем. А.В. Левицкая сообщала о своем рождении в Ницце: *«Родилась я в Ницце 3 февраля 1863 г. Мои родители любили путешествовать – часто ездили за границу... я была шестая в семье и родилась, как мне говорили, в Mardi gras, во время карнавала; в криолине мама поехала с*

⁹⁸⁶ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1909. С. 312.

⁹⁸⁷ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1918. С. 65.

детьми кататься по *Promenade des Anglais* и принимала живое участие в *Bataille de fleurs*»⁹⁸⁸. Учитывая тот факт, что некоторые дворянки перманентно находились в состоянии беременности, срок до 8 месяцев считался вполне подходящим для дальних путешествий. Великосветская дама Ольга Валерьяновна Палей, часто находясь в положении, не лишала себя традиционных занятий – визитов, приемов. А.А. Знаменская, собираясь с многочисленными детьми к морю, писала: «*А мне все-таки хочется ехать. Теперь я только еще на 4-м месяце беременности...*»⁹⁸⁹. В Ялте она оставалась вплоть до 8 месяца беременности.

Появление дам в положении на светских мероприятиях вызывало активное обсуждение их внешнего вида, в особенности физического состояния. Нередко эти обсуждения были представлены на страницах женских писем и дневников. Интерес вызывало буквально все: во что была одета беременная, как вела себя, как двигалась, насколько изменилась ее внешность и т.д. При этом следует отметить критический подтекст повествований. Дворянки стремились отыскать всевозможные изъяны как в поведении, так во внешнем облике беременной. Дам в положении «критиковали» за излишнюю «бледность», за уставший вид, за набранный вес и проч. Это свидетельствовало о том, что к беременным дворянкам предъявляли высокие требования: они должны были следить за своей внешностью, одеждой, манерами, дабы соответствовать принадлежности к высшему сословию. В нелегком положении оказывались российские императрицы, за которыми неукоснительно наблюдал весь двор: «*Как только Мария Федоровна появлялась на публике, сотни внимательных глаз буквально впивались в ее невысокую фигуру. А тем же вечером и на следующий день начинали обсуждать. Вы видели, как она бледна? Вы заметили, с каким трудом она ходит, как она неулыбчива, какие у нее появились странные пятна на лице?*»⁹⁹⁰. Крайне редко встречались положительные отзывы о том, как выглядели беременные. В преддверии собственного материнства двадцатилетняя девушка после посещения бала записала: «*Одна из самых красивых дам была А. Базилевич, несмотря на то, что через 2 месяца у нее будет бебешка,*

⁹⁸⁸ Левицкая А.В. Воспоминания Анны Васильевны Левицкой, урожденной Олсуфьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, Т. IX. 1999. С. 252.

⁹⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 49об.

⁹⁹⁰ Цит по: Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 47.

она очаровательна... выражение лица ее чисто ангельское: спокойное, доброе и счастливое, несмотря на то, что она очень несчастная»⁹⁹¹.

Внешний вид на поздних сроках беременности вызывал озабоченность у самих дам в положении. Провинциальная дворянка А.А. Знаменская сокрушалась по поводу «слишком огромного пуза», изменившейся до неузнаваемости «физиономии» и раздувшихся губ⁹⁹². Е.Н. Половцова жаловалась на то, что ее чрезмерно «надувает» беременность⁹⁹³. Л.Д. Менделеева-Блок с отчаянием следила за метаморфозами своего тела. Она ненавидела плод за то, что он уродовал красоту ее фигуры: «Я не находила в душе ни одного уголка, которым могла бы полюбить гибель своей красоты»⁹⁹⁴. В ее представлениях идеал женственности никак не сочетался с обликом беременной женщины. Она воспринимала себя и собственное тело как нечто омерзительное: «Помню свое лицо в зеркале – совершенно натянутая кожа, почти без овала, громадные, как никогда ни до, ни после, полусумасшедшие глаза... С отвращением смотрела я, как уродуется тело, как грубеют маленькие груди, как растягивается кожа живота»⁹⁹⁵. Первая беременность для дворянок, привыкших любоваться собственными формами, выставлять их напоказ в лучшем свете, подчеркивая все линии и изгибы, заставляла их по-иному взглянуть на себя и собственное тело. Ни одна из тех женщин, которые описывали себя во время беременности, не высказывалась позитивно в отношении собственного тела и внешнего вида. Подавляющее большинство, даже при условии счастливой семейной жизни, воспринимало свое тело как нечто враждебное своей сущности. «Все тело, такое незаметное в жизни девушки, вдруг стало тяжелым и неудобным. Пришлось бросить корсет, отказаться от танцев и быстрой ходьбы»⁹⁹⁶, – вспоминала В.П. Багриновская.

«Эксперты» (врачи, педагоги, психологи), очевидно, под влиянием психоаналитической теории, обосновали важность психического состояния беременной женщины, считая, что негативные эмоции непременно отразятся на здоровье и характере будущего ребенка. В научной литературе существовал

⁹⁹¹ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 499. Л. 3об.

⁹⁹² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 47об.

⁹⁹³ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13. Л. 1об.

⁹⁹⁴ Блок Л.Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 66.

⁹⁹⁵ Там же.

⁹⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 166.

особый термин – «*нравственная гигиена беременной*», которая предписывала женщинам бороться со злостью, гневом, ненавистью, завистью. Будущей матери необходимо было «с любовью думать о своем внутриутробном плоде, оберегать его и, так сказать, воспитывать еще до рождения»⁹⁹⁷. Будущий отец размышлял: «Необходимо поставить мать в наивозможно лучшие условия физические, умственные, нравственные и эстетические... Может быть, если бы эту простую мысль понимало большее число людей... то на свете было бы гораздо больше умных, здоровых, нравственных и эстетически развитых людей»⁹⁹⁸. Беременные дворянки были убеждены, что их состояние духа во время беременности, настроение, «нервы» непременно отразятся на рожденном ребенке. Дам в положении, согласно традиционным представлениям, берегли от испугов, сильных негативных впечатлений, страхов, так как были уверены, что они могут причинить физические или психические «уродства» ребенку. «Доказательством служат несчастные, родившиеся идиотами, потому что были зачаты при неблагоприятных обстоятельствах или в утробе матери подвергались страху, оцепенению, испугу и другим сильным потрясениям мозга»⁹⁹⁹, – писал известный в XIX веке врач В.В. Дерикер. Можно сказать, традиционными были представления о том, что если в состоянии испуга беременная женщина схватится за какую-либо часть тела, то у ребенка непременно на том же месте возникнет отметина.

«Сознательные матери» старались как можно чаще бывать на концертах, музыкальных вечерах, слушать симфонии – все для правильного развития эстетических склонностей будущего дитя. Сознательные родители настолько прониклись мыслью о важности подготовки к беременности, что заблаговременно старались позитивно мыслить. В редчайшем по содержанию историческом источнике – интимном дневнике А.В. Половцова – автор признавался, что во время близости со своей женой он «думал о будущем ребенке и о том, чтобы он был действительно человеком»¹⁰⁰⁰. Таким образом, состояние беременности, с одной стороны, лишало женщин возможности проявлять естественные эмоциональные переживания, выказывать свою слабость, с другой – способствовало ее

⁹⁹⁷ Первый женский календарь на 1912 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1913. С. 27.

⁹⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 3.

⁹⁹⁹ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 117.

¹⁰⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 55. Л. 83.

нравственному совершенствованию и рефлексии. *«Я опять беременна. И это заставило меня строго взглянуть на себя. Во-первых, если мне суждено иметь ребенка, то мой нравственный уровень не может на него не подействовать»*, – отмечала мемуаристка¹⁰⁰¹.

Наступившая беременность предписывала женщинам отказываться от модных тенденций в одежде. *«Вообще беременная женщина в отношении к одежде необходимо должна правами и обязанностями матери принести в жертву все те требования моды, которые не совместны с ее положением»*¹⁰⁰², – писал дореволюционный врач. Отечественные доктора, подобно своим западным коллегам, ополчились на модный атрибут женской одежды – корсет. Зачастую их носили даже 10–12-летние девочки, модные дамы не могли себя представить без корсета, который делал их талию «осиной», вызывая трепет и восхищения со стороны мужчин. Как только ни называли корсеты современники – «орудие пыток», «крайняя причуда», «наследованное от бабушек предубеждение» и проч., спрос на них не заканчивался. В начале XX века врачи объявили идейную войну традиционному атрибуту женского дворянского костюма: *«Корсет это знаменитое орудие пытки и обезображивания человеческого тела, должен быть строго изгнан»*¹⁰⁰³.

Возникшее в конце XIX века «Русское общество охранения здоровья женщин» обратилось в Министерство народного просвещения с инициативой запретить ношение корсетов ученицами средних и высших учебных заведений. Мода входила в противоречие с требованиями гигиены. С 1880-х годов в научных исследованиях отечественных врачей (профессоров Б.И. Кияновского, В.Н. Жука) настойчиво доказывалось крайне негативное влияние корсетов на женское здоровье. Популяризаторы здорового образа жизни писали о том, что корсеты являются причиной многочисленных хронических заболеваний внутренних органов. Специалисты утверждали, что из-за их постоянного ношения грудь и соски становятся плоскими, в результате чего многие дамы после родов не способны самостоятельно кормить грудью. Врачи установили, что корсет отрицательно влияет на регулы, задерживая их, нарушая естественный цикл. В

¹⁰⁰¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 435-436.

¹⁰⁰² Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 260.

¹⁰⁰³ Первый женский календарь на 1901 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 319-320.

связи с этим на страницах столичной и провинциальной прессы помещалось большое количество рекламных объявлений, в которых продавцы новинок фармацевтической промышленности обещали исправить все проблемы, связанные с задержкой менструации. В одном из многочисленных рекламных объявлений за 1914 год содержалось: «*ДАМАМ* высылается при задержке месячного периода *гарантир. действующ., безвредный препарат... 4 р.*»¹⁰⁰⁴.

Помимо негативного влияние на регулы корсет оказывал губительное воздействие на положение матки. Врачи свидетельствовали, что у большинства женщин, носящих корсеты, матка находилась в ненормальном положении, отклонившись в ту или иную сторону. Это приводило к бесплодию, патологиям при беременности и родах, болезненности менструаций, выпадению матки. Ущерб репродуктивному здоровью наносили распространенные в дамском туалете тесемки, поддерживающие юбки. Эти на первый взгляд безвредные приспособления сдавливали внутренние органы, обостряя опасность возникновения всевозможных заболеваний. Короткие рукава и открытый лиф дамского платья, глубокое декольте также оказывали негативное воздействие на женское здоровье. Девочки-подростки, обучавшиеся в средних учебных заведениях, нередко стыдились полного бюста. В связи с этим распространенной практикой среди них было ушивание лифа платьев до такой степени, чтобы он максимально сдавливал грудь, тем самым сохраняя детские формы. Следствием таких манипуляций становилась неспособность женщины в дальнейшем самостоятельно осуществлять грудное вскармливание по причине неразвитости сосков. Многочисленные заболевания, связанные с органами грудной клетки (бронхит, воспаления гортани, простудные заболевания, чахотка, пневмония и др.), сопровождали дворянок на протяжении всей жизни. Если одежда крестьянских женщина имела функциональные удобства, оберегала их репродуктивное здоровье, то одежда горожанок и прежде всего дам высшего света, оказывала крайне негативное влияние на их способность к деторождению. Первоначально на Западе, а затем в России дамы высшего света стали отказываться от привычных деталей женского гардероба. «Освобождение» от стесняющего корсета, многочисленных тесемок, глубоких лифов проходило параллельно с волной феминистского

¹⁰⁰⁴ Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С. 1.

движения. Отрицание корсета явилось символом женской свободы и эмансипации в одежде.

В то же время активная критика корсетов, лифов, обуви на каблуках акушерами и гинекологами свидетельствовала о том, что беременные дворянки не спешили отказываться от привычной одежды¹⁰⁰⁵. Некоторые врачи (В.А. Руднева-Кашеварова), желая поддержать дам в положении, допускали ношение ослабленных корсетов вплоть до начала пятого месяца беременности. На Западе для любительниц тонких талий, находящихся в положении, появились «*корсеты-реформ*». Они в меньшей степени стесняли женскую фигуру, были сделаны из более мягких тканей и по многим своим признакам напоминали бандажи.

В продаже отсутствовала специальная одежда для беременных, в связи с чем дворянки шили одежду на заказ. Врачи рекомендовали обзаводиться платьями короче тех, которые привыкли носить дамы: «*Особенно предостерегаем беременных от ношения длинных со шлейфами платьев*»¹⁰⁰⁶. М. Манасейна указывала, что в качестве одежды для беременных отлично подходят платья «*polonaise*» (женские наряды *Robe à la polonaise* вошли в европейскую моду в 1770-х годах), если над ними провести важную манипуляцию – сделать широкими в талии. С.А. Толстая в воспоминаниях повествовала о том, как Л.Н. Толстой самостоятельно заказывал ей платье, выбирая при этом особый фасон: «*На мне было очень коротенькое, коричневое, суконное платье, широко сшитое на беременность. Его заказывал и покупал сам Лев Николаевич, говоря, что за кринолином (широкая юбка со стальными обручами) и за шлейфами он свою жену не найдет; да и неудобно такое одеяние в деревне. Я и потом долго ходила в коротких платьях*»¹⁰⁰⁷. Главное требование к одежде для беременной – практичность. Если одежду для дам в положении можно было сшить, то сложнее обстояло дело с обувью. Среди дамской обуви преобладали узкие остроконечные кожаные башмаки (туфли, сапоги, ботинки) на каблуках. В начале века в моду

¹⁰⁰⁵ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 346; Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 20; Первый женский календарь на 1912 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб 1913. С. 26.

¹⁰⁰⁶ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 168.

¹⁰⁰⁷ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8 / <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm> (дата обращения 16.10.2013).

вошли туфли, которые должны были «страшно сдавливать ногу»¹⁰⁰⁸. Несмотря на то что они были противопоказаны беременным (вызывали или усугубляли отек ног, были травмоопасны), многие дворянки продолжали пользоваться ими, не желая отказываться от модных тенденций.

Среди одежды для беременных появлялись новые приспособления, главная цель которых состояла в сохранении красоты женской фигуры. Женщинам рекомендовалось носить «нагрудники», прообразы современных бюстгалтеров. Для их изготовления не требовалось особого умения, поэтому каждая женщина, владевшая навыками шитья, могла обзавестись данным предметом гардероба. Еще в 1870-х годах известная врач М. Манасейна в своем популярном руководстве описывала несложную технику изготовления элементарного «нагрудника»: *«Нагрудник этот делается в четверть аришины полотна, длина же его должна равняться ширине груди от одной руки до другой; на месте, соответствующем руке, делается выемка, и нагрудник оканчивается с каждой стороны двумя проймами, из которых верхние проходят к спине над плечами, а нижняя вершка на два ниже груди; проймы эти застегиваются сзади крест накрест... Спереди на этом нагруднике делаются четыре складки, две снизу и две сверху; широкие основания этих складок обращены кверху вниз, вершины же их сходятся посреди нагрудника; таким образом на нагруднике получают две выемки, соответствующие форме грудей»*¹⁰⁰⁹. Вместо корсетов и лифов, плотно сжимавших женское тело, беременным в конце XIX века рекомендовалось носить новинку европейской швейной промышленности – «бюстен-галтеры» («бюстодержатели»), или, как они именовались в провинциальных газетах, – «грудодержатели»¹⁰¹⁰. Прежде чем войти в повсеместное употребление, бюстгалтеры изначально рекомендовалось носить беременным и кормящим женщинам «для поддержания молочных желез» и «чтобы не испортить красоты бюста». Врачи также настойчиво рекомендовали женщинам в положении носить «свободный лифчик», который, в отличие от «грудодержателей», был длинным, вплоть до женской талии. Он состоял из двух клиновидных кусков ткани и надевался поверх белья. Он также был предназначен для поддержания груди.

¹⁰⁰⁸ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 52об.

¹⁰⁰⁹ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Третья, 1870. С. 48-49.

¹⁰¹⁰ Реклама // Смоленский вестник. 1903. № 25. С. 4.

С особым трепетом дворянки относились к сохранению упругости кожи, предотвращению растяжек и профилактике отвисания живота. В конце XIX века дамы стали использовать прообразы современных бандажей – «набрюшники». В медицинской литературе иногда их называли «*поясом Юноны*», «*широким брюшным поясом*». Первоначально «набрюшники» привозились и выписывались из-за границы. Однако с ростом их популярности стали появляться отечественные экземпляры. В частности, Маркус Закс, помимо того, что выпускал корсеты, в 1887 году основал Санкт-Петербургскую бандажную фабрику. Реклама его «набрюшников» размещалась на страницах как столичной, так и провинциальной прессы¹⁰¹¹. Самые изысканные «набрюшники» были доступны даже провинциалкам, которые могли заказать понравившийся экземпляр с помощью выписки по почте. Ввиду дефицита и высокой цены бандажи часто передавали из одной семьи в другую, их перешивали, чинили. По примеру покупных бандажей нередко шили на заказ новые. Княжна С. Волконская писала родственнице: «*Я там просила прислать старый бандаж княгини. Е.В. Грюнберг сказала, что если ей дадут старый, то она сделает новый так, что не нужно будет примерять*»¹⁰¹². Далеко не всем по карману было приобретение новейших текстильных изобретений, поэтому бандажи нередко изготавливались из доступного в каждом хозяйстве материала. В частности, бандаж мог быть изготовлен из бинтов, а также вязаной материи: «*Если стенки брюшной полости очень растягиваются, то следует носить легкие бинты, пояса из кути или из вязаной материи; бинты эти полезно носить последние два месяца. Поясов с костями следует избегать*», – отмечалось в специальной литературе¹⁰¹³. Е.Н. Половцова на последнем месяце беременности сообщала, что часто бинтовала низ живота для его поддержания¹⁰¹⁴. Практичными и безопасными считались вязаные бандажи, «брюшные пояса» из бумазеи. Самый простой способ самостоятельного изготовления «пояса» предполагал следующие действия: взять кусок бумазеи (широкий спереди и узкий сзади), вырезать полукругом по форме живота и сшить его с двух сторон. Однако акушеры критиковали самодельные бандажи («*круглые подвязки*»), считая, что они

¹⁰¹¹ Реклама // Столицы и усадьба. 1914. № 5. С. 25.

¹⁰¹² ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 104.

¹⁰¹³ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1909. С. 315.

¹⁰¹⁴ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 150.

из-за неправильных форм и материалов затрудняют кровообращение и советовали добавлять *«боковые ластики, идущие от чулок к краю бандажа»*¹⁰¹⁵.

«Набрюшники» рекомендовалось носить уже с шестого месяца беременности, в особенности если речь шла о многорожавших женщинах. Для предотвращения растяжек (*«напряженности кожи на животе»*) дворянки прибегали к обмыванию кожи горячей водой, натиранию ее маслом или вазелином, раствором буры, миндальным маслом, смесью одеколона, глицерина и воды¹⁰¹⁶.

Новым фактом супружеской жизни «идейных» дворянских семей явилось возникновение живого интереса со стороны будущих отцов к периоду беременности своих жен. Супружеская пара Половцовых на всем протяжении беременности Екатерины Николаевны по инициативе мужа вела дневниковые записи, где фиксировала свое физическое и эмоциональное состояние, количество сна, характер пищи, сопутствующие беременности мысли¹⁰¹⁷. В собственных записях Анатолий Викторович Половцов отмечал особую важность интеллектуального совершенствования беременной женщины, считая, что этот факт непременно благоприятно скажется на умственном развитии ребенка. «Идейность» супругов выражалась в совместном чтении медицинской и педагогической литературы, в строжайшем соблюдении всех рекомендаций врачей. Примером нового типа взаимоотношений между супругом и беременной женой явились Федор Михайлович и Анна Григорьевна Достоевские. Анна Григорьевна отмечала трепетное отношение супруга к ее беременности, сравнивая его с заботой матери: *«С чувством живейшей благодарности вспоминаю, как чутко и бережно относился Федор Михайлович к моему болезненному состоянию, как он меня берег и обо мне заботился, на каждом шагу предостерегая от вредных для меня быстрых движений, которым я, по неопытности, не придавала должного значения. Самая любящая мать не сумела бы так охранять меня, как делал это мой дорогой муж»*¹⁰¹⁸.

¹⁰¹⁵ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во А. Левенсон, 1918. С. 65.

¹⁰¹⁶ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1909. С. 315.

¹⁰¹⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 55. Л. 1-14.

¹⁰¹⁸ Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. С. 180.

3.2.2. Врачебный патронаж беременных

Женщина в положении на всем протяжении XIX века находилась в условиях доминирования традиционных практик независимо от ее сословного или социального статуса. В России отсутствовала система ведения беременности специалистами, в то время как на Западе формировалась врачебная практика ухода за будущими роженицами. Даже состоятельные дворянки редко прибегали к консультативной помощи акушера или гинеколога. Это происходило только в случаях болезненной беременности и явной угрозы невынашивания. Обнаружить в документальных источниках информацию о профессиональном патронаже женщин в положении или о факте подтверждения врачами их беременности крайне сложно. Это дает основание относить проведение беременности к традиционной консервативной практике.

В условиях неразвитого патронажа беременных, дорогих услуг частнопрактикующих врачей профессиональной консультативной помощью могли воспользоваться женщины из обеспеченных семей исключительно по собственной инициативе. Определенные изменения в отношении дворянок к собственной беременности наблюдались с конца XIX века. Распространение «сознательного материнства» приводило к тому, что его сторонницы крайне внимательно относились к своим немногочисленным беременностям. Внутриутробное развитие плода, состояние будущей роженицы стало привлекать внимание как самих женщин в положении, так и их близкое окружение. Интересующие их вопросы они все чаще адресовали не к старшим, более опытным в семейных делах женщинам, а к авторитетным докторам. Замужние женщины стремились обзавестись знакомством с квалифицированным гинекологом или акушером. В его профессиональном участии они видели залог успешного течения беременности. Как правило, эту функцию на себя брали врачи, которые принимали первые роды у дворянок или их родственниц. При возникновении новой беременности женщины посещали врачей, переписывались с ними для получения ответов на волнующие вопросы. Известный в России акушер-гинеколог, приват-доцент С.С. Холмогоров

обратил внимание на все возрастающую тенденцию обращения к врачам дам в положении с просьбой *«помочь им доносить до срока и родить живого»*¹⁰¹⁹.

Подобная консультативная помощь могла осложниться тем, что частнопрактикующие врачи проживали в крупных городах, в то время как беременные дворянки могли находиться в усадьбе. Нередко на выручку приходили мужья, которые, как правило, состояли на службе в городе. Показателен пример семьи Половцовых. Жена в письме сообщала супругу обо всех интересовавших ее вопросах, тот в свою очередь обращался к доктору за соответствующей консультацией. *«У меня такая страшная головная боль, что я не двигаюсь с места. Сегодня весь день меня очень тошнит... Спроси у Анны Евгеньевны, что делать, если еще продолжится... Мне ужасно страшно...»*¹⁰²⁰ – писала Екатерина Николаевна. В другом письме она сетовала: *«Очень жаль, что ты так мало сообщил мне из своего разговора с Анной Евгеньевной по поводу моей беременности»*¹⁰²¹. Муж передавал гинекологу даже самые интимные вопросы, связанные со здоровьем беременной жены (мучавшие «бели», болезненность сосков, допустимость сексуальных отношений во время беременности и пр.). Получив рекомендации профессионала, жена сообщала супругу, насколько они оказались действенными. На последнем месяце беременности Е.Н. Половцова при поддержке мужа регулярно (каждую неделю) посещала врача. Результаты гинекологического осмотра жены Анатолий Викторович скрупулезно вносил в дневник: *«При последнем осмотре у Кати влагалище было гораздо меньше чувствительнее, чем прежде при раздвижении пальцев»*¹⁰²². Врач взвешивал женщину, вычислял размер набранного веса, измерял окружность живота, проверял отечность ног, прослушивал сердцебиение плода.

Следует отметить, что характер осмотра беременной во многом напоминал современные гинекологические осмотры. Врач осуществлял «специальные исследования»: наружные, внутренние и комбинированные. Главная цель проводимых манипуляций состояла в получении максимальных сведений о характере предстоявших родов. Среди типичных вопросов, которые гинеколог

¹⁰¹⁹ Холмогоров С.С. Привычный выкидыш и привычные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 10. С. 1217.

¹⁰²⁰ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 59.

¹⁰²¹ Там же. Л. 54об.

¹⁰²² ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 56об.

задавал своей пациентке при составлении анамнеза, были возраст, число первых беременностей, болезни детского возраста, месячные, течение предшествующих беременностей, родов и послеродового периода, время появления первых движений плода¹⁰²³. Кроме этого, врач уточнял дату последней менструации и даже время «плодотворного совокупления». Далее доктор проводил скрупулезный осмотр живота (размер, форма), определял положение плода, при помощи стетоскопа прослушивал сердцебиение, осматривал грудные железы, измерял форму таза. Учитывая интимность процедур, которые нередко были в новинку пациенткам, дамы в положении стремились посещать женщин-врачей.

Подобные консультативные практики во многом напоминали современный патронаж беременных, с той лишь разницей, что они были доступны исключительно состоятельным семьям и не имели системного характера, то есть полностью зависели от воли пациентов. Пример Е.Н. и А.В. Половцовых демонстрировал совершенно новое отношение супругов к проведению беременности. Формировалось сообщество «экспертов» в лице сознательной жены, внимательного мужа и квалифицированного врача-гинеколога, которые тщательно вели контроль за состоянием беременной и развитием плода. Женщины в свою очередь актуализировали собственную значимость, привлекая внимание близких, прежде всего супруга, к своему новому положению. Если в доиндустриальной России беременность даже для дам из высшего сословия была естественным процессом, к которому мало кто проявлял интерес, то в новых условиях к нему подключалось все большее количество участников, формируя своеобразную «группу поддержки» беременной.

Частичный патронаж могли осуществлять семейные доктора. Об этом свидетельствуют обнаруженные истории болезней дворянок. Лечащий врач фиксировал различные стороны протекания беременности своей пациентки: время наступления, характер самочувствия, принимаемые лекарственные средства, особенности родового процесса, перенесенные заболевания. В частности, в историю болезни смоленской помещицы Софьи Павловны Волконской (Шуваловой) врач-немец подробнейшим образом заносил все данные относительно

¹⁰²³ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во А. Левенсон, 1918. С. 45-46.

ее репродуктивного здоровья на протяжении более чем 30 лет (с 1877 по 1910 год)¹⁰²⁴.

В условиях затруднения регулярных гинекологических осмотров врачи рекомендовали своим пациенткам заводить специальный «дневник беременности». В нем женщина должна была фиксировать все, что с ней происходило за 9 месяцев (характер питания, самочувствие, прогулки, впечатления и др.)¹⁰²⁵. Предложенные врачами дневники по многим характеристикам напоминали современные карты беременных, с той лишь разницей, что вести их должны были не специалисты, а сами дамы в положении. «Дневники беременных» не получили столь широкого распространения, как «дневники родителей» (в них родители записывали особенности физического, интеллектуального и нравственного развития ребенка), но все же их можно встретить в личных архивных фондах. В семье Половцовых, например, содержались подробные дневниковые записи первой беременности Екатерины Николаевны. Их уникальность в том, что супруги вели совместные наблюдения за характером протекания беременности.

С развитием частной медицины в моду входили различные формы диагностики здоровья беременной. В начале XX века в столичных городах появились химико-бактериологические лаборатории, услугами которых могли воспользоваться состоятельные дамы. Беременные дворянки все чаще практиковали сдачу анализов мочи. В то время эта процедура была недешевой. Стоимость общего анализа мочи в среднем составляла 10 р. В частности, в известном семействе Юсуповых представительницы женского пола регулярно отправляли анализы в престижные столичные лаборатории (доктора химии Пеля, доктора А.П. Шмита, Д.М. Цвета и др.). Члены семьи относились к результатам анализов весьма бережно, сохраняя их в семейном архиве (в настоящее время они находятся в фонде Юсуповых в РГАДА)¹⁰²⁶. Рост женского влияния в обществе, пробуждение женского самосознания приводили к тому, что представительницы высших классов стремились подчинить свою природу (в данном случае беременность) тщательному контролю извне. Рационализация сознания, развитие науки позволяли дамам в положении вести «научные наблюдения» над

¹⁰²⁴ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

¹⁰²⁵ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 5-6.

¹⁰²⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3517. 29л.

собственным состоянием и, в случае отклонения, вмешиваться в естественный процесс внутриутробного развития плода.

В начале XX века все больше врачей подчеркивали важность организации государственного патронажа беременных. О.А. Шестакова в 1910 году писала: *«У нас нет ни законов, ни обществ, заботящихся о беременной женщине. Она работает до последнего часа и даже нередко не обеспечена медицинской помощью во время акта родов, даже в Петербурге»*¹⁰²⁷. Женщины-врачи, разделявшие феминистские взгляды, стремились защитить права работающей женщины, облегчить ее участь, с другой – придать значимость женской репродукции на государственном уровне и рационализировать данный природный акт.

Идея общественной поддержки беременных была тесно связана с эволюцией гендерных ролей и статусов женщины в обществе. Материнство стало рассматриваться не только в качестве естественной сущности, природной обязанности женщины, но ее социального и гражданского долга. В материнстве стали видеть форму общественно-полезного женского труда. И, как следствие, возникла необходимость его поддержки со стороны государства. Эмансипированные активистки женского движения требовали от власти системы социальных гарантий в осуществлении материнских обязанностей, тем самым акцентируя внимание на важности собственных ролей в обществе.

В медицинском сообществе доминировал взгляд, что попечение о матерях должно распространяться на три основных периода ее жизни: родовой, послеродовой и кормление грудью. Предродовое состояние женщины долгое время не рассматривалось в качестве объекта для государственной охраны и поддержки. К началу XX века акушеры и гинекологи стали приводить убедительные доводы в пользу того, что заботу о матерях и младенцах необходимо начинать с момента наступления беременности. Врачебный патронаж, по их мнению, должен был выражаться в профессиональном ведении беременности и дородовых консультациях. В частности, члены Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества полагали, что *«попечение о ребенке должно*

¹⁰²⁷ Шестакова О.А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб.: Тип. "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1910. С. 6.

начинаться еще до появления его на свет в убежищах для матерей, продолжаться в родильных домах и убежищах, а отсюда переходить в ясли и консультации»¹⁰²⁸. Многие врачи считали, что консультации для беременных необходимо сделать первым звеном в системе охраны материнства и младенчества. Отдельные деятели Попечительства выступали в пользу введения систематического контроля над женским репродуктивным здоровьем начиная с возраста ранней юности¹⁰²⁹. Известный доктор Н. Ястребов отмечал, что забота врачей о будущих матерях должна осуществляться еще до того времени, как девушки выйдут замуж, в период их школьного обучения. В связи с этим он предлагал «на первых порах» в программы учебных заведений повсеместно вводить курс детской гигиены и основы ухода за новорожденными. Доктор отмечал, что важно реализовывать меры по профилактике патологических выкидышей, мертворождений и преждевременных рождений¹⁰³⁰. Эту миссию должны были исполнять консультативные центры для беременных.

Впервые на практике поддержка женщин в предродовом периоде стала оказываться частными и общественными благотворительными организациями. В конце XIX – начале XX века в России функционировали филантропические общества, которые кроме всего прочего предлагали услуги бесплатного консультирования беременных. Они предоставлялись в Воспитательных обществах, а также в благотворительных организациях «Капля молока» (появились в России в начале XX века). Несмотря на то что «Капли молока» специализировались на распространении молочных кухонь для детей грудного возраста, некоторые из отделений общества охотно проводили бесплатный консультативный прием беременных. В частности, в рамках киевского общества «Капля молока» врачи принимали всех желающих, давая им различные советы по характеру проведения беременности, организации родов и уходу за

¹⁰²⁸ РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.

¹⁰²⁹ Сулима А.Ф. Общественное попечение о матерях и детях // Гигиена и санитарное дело. 1916. № 3-4. С. 147.

¹⁰³⁰ Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в конце XIX – начале XX вв.: дис. на соиск. степ. канд. ист. наук. М., 2012. С. 207.

новорожденными. В обществе практиковалось выделение пособий для нуждавшихся беременных женщин¹⁰³¹.

Впервые консультации беременных женщин в качестве *«первого звена в системе охраны материнства и младенчества»* были признаны Попечительством об охране детства и материнства, развернувшим масштабную деятельность в условиях военного времени¹⁰³². Врачам Попечительства принадлежала инициатива открытия так называемых «убежищ для матерей», где впервые практиковался особый подход к ведению беременности. Данные учреждения были основаны в Петрограде, Тамбовской, Тульской, Псковской губерниях. Если в обычные родильные стационары женщины поступали с началом схваток, то «убежища» предлагали новые услуги – помещение беременных в отделения в случае возникновения осложнений. В уставе отмечалось, что будущая мать может лечь в отделение за полтора месяца до предполагаемых родов. Женщины находились под пристальным присмотром врачей, которые контролировали правильное течение беременности и стремились предупредить появление осложнений.

В 1910-е годы были озвучены идеи о важности патронажа беременных не только общественными организациями, но и представителями центральной и местной власти. По мнению активистов Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, врачебный патронаж беременных должен был стать гарантом женского репродуктивного здоровья. Эти мысли были высказаны российскими врачами еще в 1906 году на Миланском конгрессе по вопросам социального призрения, Брюссельском конгрессе (1907 г.) по борьбе с детской смертностью, III Международном конгрессе в Берлине по охране детей грудного возраста. Об этом же шла речь в отделениях Ведомства учреждений императрицы Марии, Отдела борьбы с детской смертностью и охраны детства (в частности, в проекте врача П.Ю. Кроля). Однако военное и революционное время поставило крест на инициативах дореволюционных врачей. В то же время многое из того, о

¹⁰³¹ Доклад комиссии Киевского общества детских врачей об устройстве консультаций для грудных детей. Киев: б/и, 1906. С. 5.

¹⁰³² Отчет о деятельности Попечительства по охране материнства и младенчества за 1914. Пг.: б/и, 1915. С. 17; Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 88; Бруханский Б.П. Борьба с детской смертностью в России и роль Попечительства об охране материнства и младенчества в этой борьбе. Пг.: б/и, 1913.

чем они писали и что предлагали, стало воплощаться на практике уже советским правительством.

Идеи государственной поддержки женщин в период беременности, введения форм социального страхования по беременности и разумного ограничения их труда были озвучены А.М. Коллонтай в рамках социалистической идеологии. Суть ее концепции, сформулированной еще до революции, состояла в том, чтобы государственные органы власти обязали работодателей предоставлять женщинам восьминедельный дородовой и восьминедельный послеродовой отпуск (в том случае, если мать самостоятельно кормила грудью ребенка, то продлить его до 13 недель); гарантировали выделение во время отпуска «вспомоществования» в размере среднего заработка; обеспечили роженицу бесплатной акушерской и медицинской помощью; заботились о повсеместном открытии консультаций для беременных¹⁰³³. Таким образом, меры поддержки, предложенные радикальной феминисткой, мало чем отличались от идей сторонников либерального феминизма, с той лишь разницей, что они были рассчитаны исключительно на представительниц пролетарского класса. Под влиянием этих идей власти приняли в 1912 году страховой закон, предоставлявший беременным женщинам 6-недельное пособие по случаю родов¹⁰³⁴.

Несмотря на обилие идей о важности дородовых консультаций и попытки их реализации на практике, говорить о формировании системы врачебного патронажа беременных не приходится. Он продолжал оставаться привилегией для состоятельных родителей, стремившихся осуществлять уход за детьми в тандеме с «экспертами», чье влияние на материнскую повседневность становилось все более выраженным.

3.2.3. Анализ эмоциональных переживаний беременных дворянок

На страницах эгодокументов представлены эмоциональные переживания дворянок в положении, позволяющие репрезентировать психологический портрет будущей роженицы. Женские переживания беременности воплощали разнообразную и зачастую противоречивую палитру чувств. По мнению современного философа Ю. Кристевой, противоречивость ощущений беременной

¹⁰³³ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909. С. 228-229.

¹⁰³⁴ Вахромеева О.Б. Социальное страхование и «женский вопрос» в столице на рубеже XIX–XX веков // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 129.

женщины объясняется прежде всего рождением новой материнской сексуальности в противовес существовавшей женской сексуальности¹⁰³⁵. Женщина преодолевает собственный нарциссизм, вырабатывая особое отношение к ребенку и к себе, особенно в том случае, если рождение ребенка – результат свободного сознательного выбора, а не часть традиционной женской репродуктивной безысходности. *«Ребенок – это она сама. Мать в отношении к ребенку независима от любви и от ненависти, если этот ребенок отмечен чертами любимого отца, равно как если он похож на ненавистного отца. Во всяком случае, это эротический объект и в глубине своей существо автономное, другое. Здесь зарождаются отношения между нами и «другим», и это чудо, как индивидуум может этого достигнуть. И это всегда матери, которые делают это»*¹⁰³⁶, – утверждала Ю. Кристева.

Насколько переход от женской к материнской сексуальности мог осуществляться драматично и непредсказуемо, демонстрирует пример Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок (жены известного поэта А. Блока). В своих воспоминаниях она крайне негативно отзывалась обо всем том, что было связано с женской фертильностью. В юности она признавалась, что *«ненавидит»* материнство. Вступая в брак, ее терзала мысль о вероятной беременности. А. Блок обещал своей невесте, что у них никогда не будет детей. Забеременев вскоре после свадьбы, Любовь Дмитриевна впала в отчаяние. Беременность она сравнивала с тяжелой болезнью, с безумием, с событием, которое отбирало у нее *«все самое дорогое»* – свободу и самообладание. Л.Д. Менделеева-Блок всевозможными способами сопротивлялась сложившейся ситуации. Сложно объяснить, чем было вызвано крайне негативное восприятие материнства. Забеременев от любимого человека, законного мужа, она *«твердо решила устранить беременность»*¹⁰³⁷. В то же время Менделеева-Блок так и не решилась сделать аборт, наверное, не столько по этическим соображениям, сколько из-за страха смерти или причинения вреда своему здоровью. «Почтенные» врачи ей отказали в криминальной услуге («выпроваживали» ее, читая при этом долгие нотации), а обращаться к

¹⁰³⁵ Кристева Ю. Интервью / <http://doctornet.ru/article/yuliya-kristeva-materinstvo-ehto-strast> (дата обращения 04.08.2014).

¹⁰³⁶ Кристева Ю. Изоляция, идентичность, опасность, культура // Вестник Европы. 2005. № 15. С. 241.

¹⁰³⁷ Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 64.

сомнительным акушеркам было чревато здоровьем и даже жизнью. Не имея реальной возможности произвести аборт, она всем своим поведением нарочито демонстрировала презрение к зарождавшейся жизни и желание подавить ее. Любовь Дмитриевна продолжала флиртовать с мужчинами, вела свободный образ жизни эмансипированной, независимой женщины, не желающей стеснять себя нуждами потенциального ребенка. Откровенные описания своего поведения на 4–5-м месяце беременности являются ярким доказательством пренебрежения к ненавистному состоянию: *«С самым антипатичным и чуждым мне актером из всей труппы шла вечером на «поплавок» на Куре, и пила с ним просто водку... В полном смятении чувств целовалась то с болезненным, черномазым мальчугом..., то с его сестрой, причем только ревнивое наблюдение брата удерживало эту любопытную, хорошенькую птичку от экспериментов, к которым ее так тянуло»*¹⁰³⁸. Ее признание – «я делала то, что не делала никогда ни до, ни после», – может говорить не столько о стремлении не замечать своей беременности, сколько о желании причинить нежеланному плоду боль, полностью подчиняя его жизнь и здоровье своей воле. В данном случае сложно провести границу между садистскими и мазохистскими наклонностями личности. Убивая Другого в себе, в конечном итоге молодая женщина причиняла физические и душевные страдания самой себе.

К. Хорни, выдающаяся последовательница З. Фрейда, была убеждена, что в нашей культуре *«мазохистский феномен чаще всего встречается у женщин, чем у мужчин»*¹⁰³⁹. В особенности это проявляется, по мнению К. Хорни, в области половых отношений женщины и материнства. Классик психоаналитической и философской мысли Э. Фромм полагал, что садистские и мазохистские тенденции отражают невротическое состояние личности. Эти противоположные явления призваны, по его мнению, помочь индивиду *«избавиться от невыносимого чувства одиночества и бессилия»*¹⁰⁴⁰. Вероятно, странное поведение Л.Д. Менделеевой-Блок во время беременности, которое на первый взгляд может показаться крайним проявлением эгоцентричности характера, было обусловлено

¹⁰³⁸ Там же. С. 65.

¹⁰³⁹ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 180.

¹⁰⁴⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 2000. С. 188.

как раз тем, что она испытывала острое чувство одиночества и совершенно не была готова к предстоящему событию. *«Я была очень брошена»*, – признавалась она на страницах собственного дневника¹⁰⁴¹. Самые близкие люди не могли оказать ей какой бы то ни было поддержки: мать и сестра были за границей, муж пил и крайне безразлично относился к ее переживаниям. Она испытывала сильный страх перед родами и потенциальными материнскими обязанностями.

Сложное психическое состояние Л.Д. Менделеевой-Блок (фактически невротическое состояние) во время беременности отразилось на родовом акте, который протекал с серьезными осложнениями. Испытав самые противоречивые чувства, оказавшись на грани жизни и смерти, неожиданно для самой себя она признавалась, что была рада рождению дочери. Переход от женщины к матери, очевидно, состоялся, вызывая в ней новую гамму положительных переживаний. Однако драматизм ее положения состоял в том, что ребенок вскоре умер. После этого события Любовь Дмитриевна всерьез задумывалась о самоубийстве, что, по мнению теоретиков психоанализа, является крайней степенью выражения мазохистских наклонностей личности¹⁰⁴².

Подобный случай был описан К. Хорни (*«случай пациентки Z»*). Она полагала, что страх перед беременностью и деторождением один из самых упрямым у женщин. К. Хорни объясняла его традиционными психоаналитическими категориями: сложными переживаниями детства, сформировавшими у пациентки негативный образ материнства, а также феноменом кастрации и эдиповым комплексом¹⁰⁴³.

Главное отличие от современного восприятия события рождения ребенка состоит в том, что столетие назад к беременности и разрешению от бремени относились не как к чудесному событию, но как к болезни, требовавшей немедленной врачебной помощи. Дореволюционный врач В.В. Гориневский по этому поводу писал: *«Многие женщины, будучи беременными, охотно считают себя больными, всякий пустяк истолковывается ими в смысле болезни...»*¹⁰⁴⁴. Беременных дворянок в большей степени заботило не здоровье плода, а *«немалая*

¹⁰⁴¹ Блок Л.Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 67.

¹⁰⁴² Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 2000. С. 194.

¹⁰⁴³ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 14-15.

¹⁰⁴⁴ Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 2. С. 51.

доза серьезных страданий». О шевелениях плода из 19 дневниковых записей нашлось упоминание только в двух, а рассуждения о собственной изменившейся фигуре и плохом самочувствии – в каждом из текстов.

Поведение женщин во время беременности, их переживания во многом были обусловлены двумя важнейшими факторами: количеством деторождений, характером взаимоотношений с мужем, а иногда и с матерью. В случае гармоничных супружеских отношений при условии первой беременности женщины в подавляющем большинстве воспринимали свое состояние с воодушевлением. Ведь именно этого от них ожидали окружающие. Гендерный контракт традиционного общества накладывал на женщину обязанность воспроизводства потомства, вне которой она рассматривалась неполноценной. «Сознательные матери» бросались штудировать научно-популярную литературу, изучая особенности своего нового положения. Молодые дворянки стремились к близкому общению с уже рожавшими женщинами. Происходил акт их погружения в субкультуру материнства, начинался процесс инициации будущих матерей.

С каждыми новыми родами степень вдохновения падала. Если первые дети, особенно мальчики, вызывали радость у супругов, то последующие могли вносить разлад в их отношения. Выделялась особая категория семей, в которых, несмотря на окончание XIX века, положение женщины в браке напоминало вынужденное рабство, из которого она ни при каких обстоятельствах (кроме своего вдовства) не имела возможности выйти. Женщины не могли преодолеть цепь бесконечных беременностей и родов. Нередко их осуждали даже самые близкие люди (мужья, матери) – либо за низкую плодовитость, либо за чрезмерность деторождений. «*Беременную меня никогда не любил муж*», – признавалась дворянка¹⁰⁴⁵. Несмотря на распространение противозачаточных средств, для многих женщин эта практика казалась неприличной и немислимой в их супружеской жизни. Они вынуждены были рожать до полного истощения, при этом не находя сочувствия со стороны супруга. Беременность и роды становились не долгожданным событием, а неотвратимым следствием супружества, которое уже не приносило радости ни самой роженице, ни ее мужу. Показательна ситуация А.А. Знаменской. Забеременев в четвертый раз, она писала: «...тогда-то померкло мне ясное небо.

¹⁰⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 36.

*Мне казалось, что я опускаюсь куда-то глубоко, глубоко, откуда нет боле выхода. Скверное это было положение! Недовольство мужа за то, что я продолжаю родить, кормление детей, возня с ними и няньками... ясное сознание, что я остаюсь совершенно одна...»*¹⁰⁴⁶. Эта категория женщин продолжала нести миссию добропорядочной матери, поддерживая репутацию замужней женщины и создавая образ многочисленного счастливого семейства, в глубине души оставаясь одинокими, несчастными и неудовлетворенными судьбой.

Просвещенные дворянки, склонные к рефлексивным размышлениям, впадали в депрессивное состояние, когда осознавали всю тяжесть традиционного гендерного порядка. Имея за плечами опыт родов, переживая все последствия послеродового состояния, не отойдя от бесконечной «возни» с малолетними детьми, новая беременность приносила женщине не радость, а страх и отчаяние. Важно и то, что неограниченные беременности, отсутствие репродуктивной свободы обесценивали переживания материнства. В связи с этим женщины, лишенные возможности ограничивать деторождение, как правило, негативно воспринимали все новые беременности, даже при условии успешного брака и гармоничной семейной жизни. Их интеллектуальное и духовное развитие выходило далеко за пределы исключительно матримониальных ролей. Однако часто они не имели возможности реализовать себя в иных сферах, так как были ограничены традиционными гендерными ролями патриархального общества – жены и матери. Показательна история все той же А.А. Знаменской. Заняться своими любимыми делами – писательством и благотворительностью – она смогла в немолодом возрасте, после того, как выросли дети, и умер муж. «Третий возраст» и вдовство приносили столь желанную свободу, возможность личной самореализации и творчества. Жизненный сценарий графини П.С. Уваровой во многом схож. После смерти своего мужа, известного археолога А.С. Уварова, и взросления детей, она успешно реализовалась в сфере археологии, став первой женщиной – председателем Московского археологического общества.

Несмотря на различие в ощущениях, абсолютное большинство дворянок во время беременности испытывали страх смерти, а их поведение отличалось депривацией собственного Я и табуированием своего положения. Суть страхов

¹⁰⁴⁶ Там же. Л. 35.

беременной женщины предельно точно выразила Симона де Бовуар: *«Беременность – это драма, переживаемая женщиной внутри себя; женщина ощущает беременность и как обогащение, и как потерю; зародыш составляет часть ее, и одновременно он, как паразит, эксплуатирует ее; она им владеет и сама в полной его власти; в нем все будущее; вынашивая его, она чувствует себя огромной, как вселенная; но само это богатство уничтожает ее, у нее ощущение, будто она сама – ничто»*¹⁰⁴⁷.

Этнографы, исследуя традиционные родильные культы, процесс родов и предшествующую им беременность называют «переходным» состоянием, сравнивая его с актом «умирания» и возрождения¹⁰⁴⁸. Женщина, особенно при первых родах, окончательно прощается с девичеством, не только порождает на свет нового человека, но и сама перерождается, становясь матерью. Т.Б. Щепанская в отношении будущих рожениц употребляет термин «метафора смерти», что, по ее мнению, выражается в распространенных практиках деперсонализации женского тела и женского Я.

Женские страхи включали в себя страх собственной смерти, смерти ребенка, внутриутробной или при рождении, появления на свет уродливого младенца. Е.И. Жуковская писала: *«Я очень любила детей и, когда была девушкой, мечтала о радости сделаться матерью, но теперь факт этот привел меня в отчаяние»*¹⁰⁴⁹. На протяжении беременности ее не покидали мысли о собственной смерти и возможном выкидыше. З.В. Арапова, считая, что вновь забеременела, так описывала свои чувства на страницах дневника: *«День проходил за днем... все более и более являлись доказательства, что я беременна. Что я пережила за 2 недели, не могу описать! Страх за новые роды, боязнь новых волнений за жизнь ребенка и т.д. Одну ночь я уже не спала, у меня сделалась нервная бессонница...»*¹⁰⁵⁰. А.А. Знаменская, будучи в пятый раз беременной, признавалась: *«Нынче мне часто является мысль о смерти. Не суждено ли мне умереть*

¹⁰⁴⁷ Бовуар С. де. Второй пол. М.-СПб.: Прогресс, Алетея, 1997. С. 564.

¹⁰⁴⁸ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 40; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. С. 208.

¹⁰⁴⁹ Жуковская Е.И. Записки. Воспоминания. М.: Аграф, 2001. С. 101.

¹⁰⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 63-63об.

нынешними родами?.. Умирать хорошо... Как не хочется умирать»¹⁰⁵¹. Она настолько верила в близость смерти, что в преддверии родов составила завещание. И если в истории западного акушерства подобные практики позже XVI века уже не встречались¹⁰⁵², в России ввиду высокой материнской смертности, примитивности акушерских технологий и зачастую слабой научной подготовки врачей, ожидание смерти было типичной записью в нарративах рожениц. На всем протяжении беременности А.А. Знаменская постоянно размышляла о сущности смерти¹⁰⁵³. Е.Н. Половцова писала мужу: *«Я ужасно боюсь смерти. Родной мой, мне хочется жить и жить»*¹⁰⁵⁴.

Страх дворянок перед смертью ребенка был вызван частыми случаями самопроизвольного прерывания беременности и мертворождениями. Среди дворянок в обиходе был термин *«выкинуть»*. *«Дай Бог, только чтобы она теперь была бы покойна, чтоб ей теперь не выкинуть, потому что говорят, она теперь беременна»*¹⁰⁵⁵, – писала провинциальная дворянка. Даже у императриц, несмотря на заботу лучших акушеров, роды нередко протекали с осложнениями. Известно, например, что первые роды Александры Федоровны не обошлись без применения щипцов, которых особенно страшилась женщины. Частые случаи самопроизвольного прерывания беременности у дворянок объяснялись общей слабостью их здоровья. Стоит отметить, что средний вес дворянки в конце XIX не превышал 55 кг¹⁰⁵⁶, что также накладывало свой отпечаток на их способность к деторождению. Вторая существенная причина заключалась в специфике дамской одежды. Многочисленные выкидыши (выкидышем называлось рождение плода раньше 28 недель от начала беременности) у женщин из состоятельных семей врачи объясняли изнеженностью организма и его общей слабостью. Доказывая свое мнение, они приводили пример образа жизни крестьянских женщин, сопряженный с постоянной тяжелой работой, в результате которого крестьянки легко переносили беременность и деторождение. Нередко причину

¹⁰⁵¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л.27, 28.

¹⁰⁵² Chamberlain G. From Witchcraft to Wisdom: A History of Obstetrics and Gynecology in the British Isles. London: Royal College of Obstetricians and Gynaecologists, 2007.

¹⁰⁵³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 29об.

¹⁰⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 48.

¹⁰⁵⁵ ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 34. Л. 45.

¹⁰⁵⁶ Первый женский календарь на 1901 / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 317.

самопроизвольного прерывания беременности врачи видели в сексуальном возбуждении женщины и в половой неводержанности супругов.

Драматичная картина частых беременностей и их невынашиваний разворачивается на страницах дневника Т.Л. Сухотиной-Толстой (старшей дочери Л.Н. Толстого). Неоднократно находясь в положении, более всего она боялась внутриутробной смерти ребенка и собственной смерти во время родов. Текст ее дневника буквально пестрит «метафорами смерти»: *«Срок родов в июле, так что тепло может меня спасти...»*, *«Я могла только об этом и думать, только и делала, что прислушивалась к движению ребенка, и когда долго его не ощущала, то от ужаса обливалась потом и дрожала...»*, *«Хочется умереть. Хотя знаю, что это стыдно и малодушно. Думаю, что не умру, потому что люди, близкие к смерти, бывают кроткие и добрые и равнодушные к жизненным вопросам. А я не такая»*¹⁰⁵⁷. Вновь возникавшая беременность была серьезным моральным и физическим испытанием для мемуаристки. На всем протяжении беременностей ее преследовал один и тот же недуг – значительное увеличение «белка». Дневник Т.Л. Сухотиной-Толстой уникален, так как в нем она подробно описывала свои эмоциональные переживания, вызванные частыми мертворождениями. Очередную внутриутробную смерть ребенка она воспринимала с облегчением: *«Я рада, что я теперь уверена в гибели ребенка. Но не могу еще прийти в себя. Все будущее за эти несколько месяцев было связано с ребенком. Я ничего себе не представляла в жизни до самой смерти, что не было бы освещено этим будущим сыном или дочерью, и теперь все меняется, и я еще не могу найти почвы под ногами»*¹⁰⁵⁸. Следующую беременность, возникшую через несколько месяцев после выкидыша, она встречала записью: *«Готовлюсь к тому, что опять он не выживет, но это нелегко»*¹⁰⁵⁹. Несмотря на многочисленные выкидыши, мемуаристка вновь и вновь пыталась забеременеть. Это делало ее жизнь зависимой от традиционного жизненного сценария, предписанного женщине, в котором репродуктивные функции являлись основными.

¹⁰⁵⁷ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 418, 423, 427.

¹⁰⁵⁸ Там же. С. 418.

¹⁰⁵⁹ Там же. С. 423.

Чем были обусловлены женские страхи и фобии во время беременности? По всей видимости, всей предшествующей историей медицины¹⁰⁶⁰ и тем, как рассказывалось (а точнее – как раз *не* рассказывалось) молодым, впервые рожавшим женщинам, о том, что кроется за пологом спальни, что значит быть замужней женщиной и будущей матерью. Случайно приобретенные знания о собственной сексуальности трансформировались в представлениях благовоспитанных девочек во что-то «мерзкое», «грязное», «отвратительное», «скверное», унижающее и порочащее их возвышенную натуру. Следующим после дефлорации драматичным событием в половой и материнской социализации российских дворянок было осознание репродуктивных особенностей собственного организма. Тяжесть родового акта, боязнь его неправильного течения и использования акушеркой специальных средств (щипцов), проведение врачом процедуры эмбриотомии (внутриутробного раздробления плода), высокий процент смертности рожениц и детей во время родов – все это усугубляло эмоциональные переживания дам в положении. Страх умереть во время родов был типичным для большинства дворянок в положении. Это чувство притуплялось при наличии многочисленных беременностей. Вместо него появлялись недовольство и разочарование самой беременностью, которая воспринималась как традиционное, часто повторяющееся и неизбежное явление. А.А. Знаменская, прощаясь с жизнью при первых пяти беременностях, при последующей признавалась: *«Родить я не боюсь...»*¹⁰⁶¹.

Популяризаторы «истинного материнства», врачи и педагоги, в противоположность женским страхам и фобиям в преддверии родов культивировали совершенно иные чувства – радости, трепета, восторга. Известная писательница, активная участница женского движения Е.И. Конради в произведении «Исповедь матери» своим читательницам представляла романтическую картину материнства: *«Помните ли вы, словом, ту пору, когда вы впервые, в опьянении стыдливой гордости и недоверчивой радости, сказали себе, что станете матерью? Помните ли вы, с каким напряженным вниманием, доходившим до мнительности, до ребячества, вы следили за всем, что*

¹⁰⁶⁰ Frieden N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton: Princeton University Press, 1981.

¹⁰⁶¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 47об.

подтверждало ваше упование, как вы приветствовали самые физические страдания, придавшие новое вероятие тому, чего вы так страстно желали? Помните ли вы, наконец, это торжество достоверности, этот безумно-радостный и целомудренно-сладостный трепет, которым все существо ваше отозвалось на первые слабые трепетанья, говорившие вам так таинственно и так внятно о возникшей в вас новой жизни...»¹⁰⁶². Вполне вероятно, что было немало женщин, именно так воспринимавших свое новое положение. Однако подавляющая часть женских «текстов» свидетельствует о другом. Е.И. Конради, скорее всего, писала не о том, как есть, а о том, как должно было быть на самом деле, поучая «новых матерей» образцовому поведению во время беременности. Она и так называемые «эксперты» создавали новый конструкт материнства, призванный культивировать материнские роли в обществе. «Сознательная мать» должна была встречать рождение нового гражданина не с чувствами страха и отчаяния, а с трепетом, радостью и гордостью.

Еще одной схожей тенденцией в поведении беременных дворянок была депривация своего состояния, которая отражалась на их поведении и даже образе мыслей, представленных на страницах дневников и в личной переписке. Дворянки редко употребляли термин «беременность». Вместо этого они использовали слова и выражения вроде «находилась в положении», «интересное положение», «надежды», «моя болезнь». Женщины словно стремились не замечать своего нового состояния, тем более не «шантажировали» окружающих им. Они редко писали о том, чего им хочется, вместо этого терзаясь мыслями о настроениях, желаниях, чувствах близких людей (чаще всего мужа). Размышления дам в положении, представленные на страницах их дневников, фокусировались не столько на своем внутреннем состоянии, сколько вокруг того, что думали близкие. Светская дама О.В. Палей признавалась, что как она ни старалась размышлять о будущем ребенке, мысли ее сосредотачивались на одном – муже Павле¹⁰⁶³. Т.Л. Сухотина-Толстая после очередного выкидыша волновалась о состоянии мужа, здоровье отца, но не о собственном положении: *«Теперь я только думаю о том, чтобы не обидеть кого-нибудь и, если в силах, делать, что могу, до того времени,*

¹⁰⁶² Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 1.

¹⁰⁶³ «Стараешься стряхнуть, не думать, думать только о Павле» (ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14. Л. 8об)

когда совсем не слягу... Мишу мне невообразимо жалко... Папа болен...»¹⁰⁶⁴. Для провинциальной дворянки А.А. Знаменской на первый план также выходили переживания, связанные с отношением к ней мужа. Это свидетельствовало о деперсонализации женского существа, доминировавшей патриархатной зависимости жены от мужа, отказе от собственного мнения и полном посвящении себя мужчине. В «уничтожении собственного Я», в попытке «за счет этого преодолеть невыносимое чувство бессилия» Э. Фромм видел одну из сторон мазохистских наклонностей личности¹⁰⁶⁵.

В том случае, если муж, которому женщина полностью подчинялась, интересовался беременностью супруги, разделял ее переживания, она также с воодушевлением оценивала свое новое состояние. Семейство Половцовых является этому доказательством. А.В. Половцов с особым трепетом относился к беременности своей жены. Он интересовался мельчайшими подробностями ее состояния. Половцов просил жену в случае своего отъезда в письмах описывать ему все, что с ней происходило. Эти сведения являются уникальными, так как женщины крайне редко рассказывали мужу о типично женских ощущениях: шевелении плода, увеличении груди, регулах и т.д. В интимных посланиях супруги называли плод «пиввокекунчиком» от слова «пивво» (этимология термина не ясна), которое они употребляли для обозначения сексуальных отношений. *«Сейчас разденусь и лягу в постель. Внизу живота чувство как будто все опустилось... Наш родной пиввокекунчик расходился страшно, но я теперь уже не боюсь его»*¹⁰⁶⁶, – писала Е.Н. Половцова мужу. Она сообщала ему обо всем том, что тревожило ее. Подобное взаимопонимание и взаимная поддержка супругов – редкость для супружеских отношений конца XIX века, но все же они демонстрировали традиционно зависимое положение женщины. В данном случае скорее наблюдалась трансформация типичного гендерного поведения мужчины, но не женщины, которая оставалась по-прежнему зависимой в эмоциональных переживаниях и своем поведении от мужчины. А.В. Половцов, увлеченный новыми установками врачей и педагогов относительно «сознательного материнства», требовал от жены идеального поведения. Она повиновалась.

¹⁰⁶⁴ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Тип. А. Пороховщикова, 1979. С. 417-418.

¹⁰⁶⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 2000. С. 191.

¹⁰⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 21.

Процесс «умирания» и деперсонализации выражался в традиционных представлениях на образ жизни дам в положении, включавших многочисленные табу: ограничение деятельности и передвижений, сексуальное воздержание, отказ от обычной одежды, избегание художественной фиксации образа и фотоизображений. Любая деятельность рассматривалась как вредящая здоровью матери и младенцу. В научно-популярных книгах о деторождении, написанных в абсолютном большинстве мужчинами-врачами, присутствовала идея превратить беременность в своего рода контролируемый аскетизм – лишить женщину всех увеселений, в том числе таких безобидных, как катание на качелях и танцы (даже медленные)¹⁰⁶⁷. В итоге многие дворянки, узнав, что находятся в «интересном положении», оставались больше дома, реже выезжали в гости и вообще меньше показывались на людях. Как и распространение легенд об аисте, который принес ребенка, смысл удаления от общества выражал желание скрыть схожесть процессов воспроизводства у людей и животных, затушевать близость женщин (якобы большую, нежели у мужчин) к миру последних. В.П. Багриновская, забеременев первый раз, удивлялась тому, что все советы врачей, знакомых состояли в запрете что-либо делать: *«Не утомляйся, береги себя, не нагибайся, не поднимай руки кверху и т.д.»*¹⁰⁶⁸. Врач М. Манасейна в научно-популярной работе 1870 года, посвященной матерям, подробно описывала виды деятельности, которые должны были избегать беременные: посещать концерты, театры и церкви; *«не ходить слишком скоро»*; *«избегать езды в экипажах»*; *не танцевать, прыгать, бегать; не сидеть согнувшись, не наклоняться слишком низко; не поднимать тяжести, не поднимать высоко руки; избегать громкого чихания, «сильного хохота, рыданий»*, не употреблять косметических средств; чтения сладострастных романов, возбуждающих тело и психику¹⁰⁶⁹.

Учитывая неприспособленность большинства дворянок к тяжелым нагрузкам, а также одежду, уродовавшую фигуру, постоянное ношение корсета (некоторые дамы не расставались с модным атрибутом вплоть до 7 месяца беременности) и общую слабость здоровья, беременность и роды часто протекали с

¹⁰⁶⁷ Shorter E. A History of Women's Bodies. New York: Basic Books, 1982.

¹⁰⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 166.

¹⁰⁶⁹ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. С. 42-44, 51-52.

осложнениями. Женщины жаловались на общее недомогание, головокружение, боли в пояснице. Даже положение императорствующих особ, окруженных лучшими докторами, мало чем отличалось. О постоянной слабости и тошноте сообщали Мария Федоровна (жена будущего императора Александра III), Александра Федоровна (жена Николая II). Николай Александрович писал своей матери: «...бедную Аликс все время тошнит (вчера 4 раза), отчего она чувствует себя слабою и очень изводится своим состоянием»¹⁰⁷⁰. О.В. Палей, жена великого князя, также жаловалась: «Меня тошнит и тошнит... выше сил!»¹⁰⁷¹. В дневниковых записях провинциальных дворянок также часты упоминания о приступах тошноты. В тех или иных случаях недомоганий беременным рекомендовалось больше отдыхать. Так, против тошноты существовало следующее средство: «Лечь в темной комнате в кровати на спину и не делать резких движений, особенно головою»¹⁰⁷². Врачи прописывали препараты железа, фосфора, бромистые препараты и даже кокаин, которые, по их мнению, избавляли от тошноты и улучшали пищеварение. Л. Селикова, тверская дворянка, в письме к тетке сетовала: «До сих пор я чувствовала себя очень хорошо и легко, но теперь стало так трудно, что я не могу рассчитывать много работать»¹⁰⁷³.

Нервозность беременных усугублял дискомфорт от неудобной, сковывающей движение одежды. Многие дамы на страницах собственных дневников жаловались, что платья не сходятся. Только состоятельные дворянки могли позволить себе разнообразный и, что немаловажно, изысканный гардероб во время беременности. Остальным приходилось спешно перешивать платья, покупать большие по размеру. В условиях отсутствия в продаже одежды для беременных женщины заказывали себе платье у портних или шили самостоятельно. Для женщин, имевших многочисленные наряды, ограничить себя 1–2 платьями было настоящей трагедией.

Дамам в положении общество предписывало полный или частичный отказ от сексуальных отношений. Современники не допускали эротизм женщин-матерей, считая, что хорошая мать должна всю себя отдавать ребенку и быть асексуальной.

¹⁰⁷⁰ Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 47, 171.

¹⁰⁷¹ ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14. Л. 64об.

¹⁰⁷² Первый женский календарь на 1901 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 322.

¹⁰⁷³ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 6об.

Известным антиподом этой идеи стал художественный образ Анны Карениной. Сексуальные отношения женщины во время беременности, кормления грудью большинством «экспертов» (акушеров, педиатров) считались недопустимыми и противоестественными как с моральной, так и с физиологической стороны. Некоторые из них приписывали подобные практики к разряду извращений. *«Половые сношения с беременными, безусловно, противупоказываются ввиду их вредного влияния на женщину...»*¹⁰⁷⁴, – писал известный российский врач В.Н. Жук. Е.А. Покровский, врач-педиатр, категорично настаивал: *«Половые сношения законны только тогда, когда от них могут произойти дети, следовательно, не законны во время беременности и кормления»*¹⁰⁷⁵. О «нецелесообразности» и «вреде сношений» во время беременности писала женщина-врач Елизавета Дрентельн¹⁰⁷⁶.

Существовавшие подходы отражали характерное для традиционных обществ амбивалентное восприятие женщины: женщина-любовница (проститутка) или жена-мать, занимающая позицию «ангела в доме» («angel wife»)¹⁰⁷⁷. Основным аргументом в их риторике был якобы закон природы, согласно которому зачавшая самка не подпускает к себе самца. Считалось, что интимная близость беременных женщин негативно сказывается на их здоровье и ставит под угрозу жизнь плода. *«Разве не чудовищно удовлетворение полового инстинкта беременной или кормящей ребенка грудью женщиной?»*¹⁰⁷⁸ – писала феминистка врач М.И. Покровская. Таким образом, врачебное сообщество настойчиво защищало принцип материнской асексуальности, хотя современные психоаналитические теории (М. Фуко, Ю. Кристева) относят материнство к особому роду женской сексуальности. Зачастую рождение больных и слабых детей, частые выкидыши, слабость роженицы, длительность послеродового восстановления объясняли

¹⁰⁷⁴ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 148.

¹⁰⁷⁵ Покровский Е.А. Об уходе за малыми детьми. М.: Посредник, 1910. С. 10.

¹⁰⁷⁶ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 75.

¹⁰⁷⁷ Rich A.C. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976. P. 34.

¹⁰⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44. Л. 33.

невоздержанностью супругов во время беременности. С яркой критикой в адрес таких супругов выступал русский классик Л.Н. Толстой¹⁰⁷⁹.

Взгляд русского философа, знатока брачных отношений В.В. Розанова на характер супружеских отношений во время беременности относился к разряду исключительных. Он придерживался мнения, что нет никакой необходимости прерывать совокупления, так как их прекращение может привести к нервным срывам у женщин. *«А между тем женщина 30-ти лет, с прерванными привычными совокуплениями, – есть что-то еще более страдальческое и несчастное, нежели девица 17 лет до совокуплений: ибо известно, что... всякая беременная, покинутая ласками мужа, есть соломенная вдова на девять месяцев»*¹⁰⁸⁰, – писал он в известном произведении «Люди лунного света». Философ опровергал позицию врачей, которые указывали, что исполнение супружеского долга во время беременности ослабляет силы матери.

Противоречивость врачебных предписаний и реального положения дел доказывают супружеские признания, которые изобилуют откровениями об активной половой жизни во время беременности. Женщина-врач Е.С. Дрентельн не без удивления писала: *«Занимаясь акушерством в течение многих лет и имея перед собой довольно большой материал для наблюдения, меня чрезвычайно поражало то обстоятельство, что многие беременные женщины не только не уклоняются от супружеских ласк, но даже ищут их»*¹⁰⁸¹. Она указывала на то, что некоторые из ее интеллигентных пациенток жаловались на сильное половое влечение, сопровождаемое всю беременность. При этом она подчеркивала, что в народной среде, в отличие от высших классов, накладывалось табу на сношения во время беременности. Несмотря на запреты, женщины в положении признавались о преследовавших их страстных желаниях. В чрезвычайно редком источнике – интимном дневнике А.В. Половцова, содержались прямые указания на то, что супруги во время беременности практиковали «осторожные» «пивво» (сексуальные отношения). Он описал первый опыт интимных отношений с женой после того, как

¹⁰⁷⁹ Толстой Л.Н. Послесловие к Крейцеровой сонате. Собр. соч. в 22 т. Т. 12. М.: Худ. лит., 1982. С. 199.

¹⁰⁸⁰ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 76.

¹⁰⁸¹ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 114.

стало известно о ее положении: *«Утро. Ну, теперь давай пиво (К.). Подушку подложили под мошонки. Вкладывать м. было трудно, чтобы не надавливать на живот. К. было немного больно. «Д. заросла» (К.). Я все время держался на руках и совсем не надавливал на живот. У Кати не было. Я слишком боялся. У меня удовлетворение было, но жалко, что не взаимно»*¹⁰⁸². При этом Половцов подчеркивал, что с наступлением беременности жена признавалась в обостренных желаниях близости и сама просила об этом¹⁰⁸³. Длительные перерывы в нормальных сексуальных отношениях приводили к тому, что вскоре после деторождений женщины вновь беременели. *«Я помню, как после рождения Мишучика – Миша радостно протянул мне объятия, восклицая – тоненькая, опять тоненькая! Ох теперь!»*¹⁰⁸⁴ – вспоминала дворянка, намекая на разгоревшуюся страсть мужа.

Либерально настроенные врачи не рекомендовали входить в «половые сношения» первые 3 месяца беременности и 4 месяца до предполагаемых родов, то есть советовали ограничить сексуальные отношения двумя месяцами второго триместра. Известный автор учебника по акушерству (многократно переиздавался) Н.И. Побединский считал, что у беременных женщин *«половые сношения должны быть оставлены или совершаться крайне редко»*¹⁰⁸⁵. Будучи большим реалистом в половых вопросах, он допускал сексуальные отношения на протяжении всего срока беременности, кроме последних двух месяцев.

Изучение семейных фотографий, получивших повсеместное распространение к началу XX века, демонстрирует отсутствие снимков дворянок в видимом положении беременности. Несмотря на популярность семейных портретов, фотографий родителей с младенцем на руках или одного младенца, сохранялось традиционное табуирование вида беременных, накладывающее негласный запрет на визуальное закрепление облика дам в положении. Это позволяет имплицитно предполагать, что образ беременной женщины по-прежнему

¹⁰⁸² ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. 14.

¹⁰⁸³ *«В 3-м часу К. меня разбудила: «Я хочу пиво». М. тотчас же вскочил и готов был стоять два часа. Девчурка мокрая. М. делал свое дело отлично, но вышло плохо вследствие того, что тело мое не касалось ее клитора. К. хотела прислониться к клитору, но тогда бы было опасно...»* (ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. 14об-15).

¹⁰⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 19.

¹⁰⁸⁵ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1918. С. 66.

считался сакральным, его изображение – сугубо интимным, а значит, в широких кругах недопустимым.

Доказательством депривации вида беременной стал спор, возникший в 1880-х годах в педагогических кругах¹⁰⁸⁶. Следует отметить, что новым явлением в повседневной жизни города было занятие беременных женщин профессиональным трудом, среди которого доминировало учительство. Большая часть учительниц женских гимназий – дворянки. Зачастую учительство являлось единственным средством их содержания, в связи с чем, находясь в положении, они продолжали работать. Возможность трудиться беременным давал министерский циркуляр от 28 августа 1880 года, по которому замужество не являлось препятствием для учительства, однако там была существенная оговорка: *«В отдельных случаях, если семейные обязанности препятствуют какой-либо учительнице с успехом исполнять прежние обязанности по службе, то вопрос об оставлении ее при гимназии должен быть решен для каждого случая отдельно»*¹⁰⁸⁷. Появление беременных учительниц в гимназиях было воспринято неоднозначно со стороны мужчин.

Вполне серьезно в конце XIX века обсуждался вопрос об «уместности» в стенах учебных заведений вида беременных женщин. В МНП стекались мнения различных педагогических советов женских и мужских гимназий. Одни резко критиковали учительство беременных, высказывались мысли о неспособности женщины с детьми должным образом исполнять свои рабочие обязанности; другие защищали «естественный» вид беременных, который, по их мнению, не может внушить учащимся вредных мыслей. В правилах приема в некоторые учебные заведения, дающие профессиональные навыки, подчеркивалось недопущение к обучению беременных, даже на курсы повивального искусства, которые, казалось бы, были непосредственно связаны с беременностью и родами. Несмотря на повсеместный допуск учительниц в положении к преподаванию, в 1910-х годах Санкт-Петербургская городская управа приняла постановление, запрещавшее замужним женщинам занимать должности учительниц в городских училищах в

¹⁰⁸⁶ Русская женщина на государственной и общественной службе. Сборник постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности русских женщин на службе / сост. А. Полянский. М.: изд. С. Скимунта, 1901.

¹⁰⁸⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 573. Л. 2-2об.

связи с возможной беременностью, материнством и неспособностью исполнять профессиональные обязанности на должном уровне. Это вызвало бурную реакцию со стороны образованной части женщин. Известная врач М. Волкова явилась основательницей «Общества охранения здоровья женщины». Главная цель организации состояла в отмене запрещающего закона. М. Волкова писала: *«Стремление к материнству сильно развито в каждой нормальной и нравственной женщине, и раз чувство это искусственно подавляется жизненными условиями – это отражается крайне неблагоприятно на всей нервной системе данной женщины и кладет печать грусти и пессимизма на ее мировоззрение, а эти качества вряд ли составляют желательное явление для педагогической деятельности. Материнские же обязанности и заботы, несомненно, делают женщину более вдумчивой, серьезной, а это все качества крайне желательные для педагогической деятельности»*¹⁰⁸⁸. Результатом дискуссии явилось признание облика беременной женщины вполне естественным, а замужество – не препятствующим преподавательской деятельности. Кроме этого, преподавательницы средних учебных заведений получили льготы декретного отпуска. На время родов они оформляли отпуск по болезни с сохранением содержания на период до двух месяцев, при необходимости брали дополнительный неоплачиваемый отпуск. Этот факт демонстрировал разрушение традиционного табуирования беременности, ограничивавшего деятельность женщин высшего сословия. Новые рекомендации для беременных содержали указание на то, чтобы женщина не оставляла свой привычный образ жизни, за исключением тяжелой и изнурительной работы.

3.2.4. Беременность вне брака, бездетность, abortивные практики в дворянской среде

Проникновение идей феминизма, появление эмансипированных особ дворянского происхождения не могли сломить традиционного представления о неполноценности бездетной женщины, о недопустимости беременности и родов вне брака. Не только общественная мораль осуждала бесплодие, но и врачебное сообщество, вопреки здравому смыслу, резко отзывалось о женском бесплодии. Вместо сочувствия – пренебрежение и острая критика в адрес несчастных женщин.

¹⁰⁸⁸ Первый женский календарь на 1912 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1913. С. 36-37.

Еще в 1870-х годах В.В. Дерикер, личный доктор великих княжон, писал: *«Женщина, не давшая жизни новому существу и оставшаяся бесплодной, – существо неполноценное и не достигшее своего назначения»*¹⁰⁸⁹. Подобная позиция была закономерна эпохе. Официальный дискурс, вопреки эмансипационному движению, определял женщине исключительно роль жены и матери. Другие гендерные роли попросту не рассматривались в качестве полноценных или сколь бы то ни было важных. Соответственно, если женщина по объективным или субъективным причинам не имела детей (никто не отмечал разницу между тем, сама ли женщина не хочет рожать или она физиологически бесплодна), то она не исполняла своего «священного» долга, становясь неполноценной и в конечном итоге «недочеловеком». Нетерпимость к бездетности позволялась даже в научных медицинских публикациях. Акушер, доктор медицины Снегирев отмечал: *«Родовая функция есть самая главная и существенная, ибо прямое назначение женщины есть деторождение, и если женщина не имеет этой функции, то ее должно рассматривать, как несовершенно развитого субъекта»*¹⁰⁹⁰.

Врачи часто не могли определить причину бесплодия у женщин. Несмотря на данный факт, именно женщине ставилась в вину неспособность забеременеть, в то время как возможность мужского бесплодия практически не рассматривалась. Тот же В.В. Дерикер отмечал: *«При такой неизвестности обвинение обыкновенно падает на женщину. Мужчина, если не бессилен, редко бывает бесплоден»*¹⁰⁹¹. Неспособность мужчины к воспроизводству потомства (это касалось исключительно импотенции, другие заболевания медицинская наука не могла обнаружить) могла стать причиной обращения женщины в Духовную консисторию с ходатайством о разводе. В частности, потомственная псковская дворянка Васильева, прожив 3 года в браке, требовала в Духовной консистории развода по причине неспособности супруга к зачатию: *«Узнав о болезни мужа, я категорически заявила ему, что он вследствие своей болезни не имел права жениться и что я с ним жить не могу»*¹⁰⁹². Таким образом, даже в вопросах

¹⁰⁸⁹ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 101.

¹⁰⁹⁰ Цит по: Марков Н. Четыре последовательных ложных беременности у одной и той же женщины // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 9. С. 1206.

¹⁰⁹¹ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 121.

¹⁰⁹² ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8163. 1912-1917. Л. 1.

зачатия вся ответственность падала на женщину, исключением, которое снимало с нее ответственность, была мужская импотенция.

Только в 1910-е годы врачебное сообщество обратилось к изучению физиологических и социальных причин женского бесплодия и способов борьбы с ним. В 1917 году гинеколог Ф.Н. Ильин теоретически обосновал возможность внедрения в отечественную гинекологическую и акушерскую революционной практики в области зачатия¹⁰⁹³ – искусственного оплодотворения женщин¹⁰⁹⁴. Его коллега С. Зарецкий полагал, что в России возможно проведение операции пересадки яичников¹⁰⁹⁵.

Мемуаристы дворянского происхождения, описывая те или иные семейства дореволюционной России, непременно подчеркивали, при наличии, статус «бездетной» женщины или супружеской пары. В своей классической работе, посвященной материнству, А. Рич отмечала, что фиксация статуса «бесплодности женщины» («barren woman») – проявление патриархатной системы, в которой женщина ассоциировалась исключительно с деторождением, ее неспособность родить воспринималась как важнейший недостаток¹⁰⁹⁶. Сложно судить наверняка о том, что чувствовали бездетные женщины, как они переживали свое состояние, так как субъективные источники умалчивают об этом. Неспособность забеременеть зачастую оборачивалась для женщины общественным осуждением или разводом. Об этом свидетельствуют документы Духовной консистории, в компетенции которой находились бракоразводные дела. Так, псковская дворянка В.П. Тычино видела основную причину измен мужа и его желания развестись в отсутствии у них детей: *«Между прочим, уже последние годы нашей еще совместной с ним жизни, полной для обоих нас тяжелых разочарований, муж мой совершенно перестал признавать меня своей женой и, пользуясь тем, что у нас никогда не было детей,*

¹⁰⁹³ Ильин Ф. Н. Искусственное оплодотворение в борьбе с бесплодием женщины. СПб.: Тип. «Орбита», 1917; Ильин Ф. Н. Искусственное оплодотворение в борьбе с бесплодием женщины // Журнал акушерства и женских болезней. 1917. №1-2; Искусственное оплодотворение как лучшее средство при лечении бесплодия. По доктору медицины Жерар. М.: Тип. Т. Дортман, 1914.

¹⁰⁹⁴ В данном случае имеется в виду процедура искусственной инсеминации, идея которой была известна еще с конца XVIII века, но практическое применение получила в США, Германии, Франции в начале XX века.

¹⁰⁹⁵ Зарецкий С. Пересадка яичников // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 9. С. 1235-1264.

¹⁰⁹⁶ Rich A.C. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976. P. 34.

*начал проводить большую часть времени вне дома и, насколько мне было уже тогда известно, забыв святость брака, стал позволять себе сношения с посторонними женщинами»*¹⁰⁹⁷. Осташковский дворянин А. Борисов требовал развода по причине бесплодия жены и *«ввиду неспособности ее к совместному жительству как жены вследствие болезни»*¹⁰⁹⁸. В личной переписке невестам и молодым женам чаще всего недвусмысленно желали здоровья (фактически речь шла о половом и репродуктивном здоровье), так как считалось, что *«от него по большей части зависит семейное счастье»* и возможность *«сохранить расположение мужа»*¹⁰⁹⁹.

Бесплодные дворянки в условиях преобладания патриархальных устоев стремились нивелировать свое положение. Если в первые годы совместной жизни женщинам не удавалось забеременеть, то семья могла взять на воспитание «приемыша», что в условиях развития дворянской филантропии конца XIX века было особенно актуальным¹¹⁰⁰. Кроме этого, бесплодные дворянки вполне лояльно относились к побочным связям своих мужей, зачастую принимали, воспитывали их внебрачных детей, «хлопотали» о будущем уже взрослых отпрысков¹¹⁰¹. Это касалось не только бесплодных женщин, но и матерей с многочисленным потомством¹¹⁰², что было ярким свидетельством доминирования патриархальной гендерной асимметрии. Дворянки среднего достатка, «обвешанные» детьми, погруженные в семейные заботы, не имевшие собственного заработка, могли знать о побочных «связях» мужа, терзаться этим, впадать в отчаяние, но пойти на развод так и не осмеливались. Их финансовая и психологическая зависимость, патриархальные взгляды на неполноценность «разведенки», двойная мораль, доминирующая в обществе на факт измены (мужчинам можно, женщине нельзя ни при каких обстоятельствах), становились непреодолимыми препятствиями на пути к личной свободе женщины, сохранению ее чести и достоинства.

¹⁰⁹⁷ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8155. Л. 1.

¹⁰⁹⁸ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8112. 1908. Л. 1.

¹⁰⁹⁹ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 15. Л. 140.

¹¹⁰⁰ Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия. Москва: Коктебель, 2010. С. 11; СМЗКП 35779/5. Л. 1об.

¹¹⁰¹ СМЗ. СОМ 8810. Л.4; СМЗ КП 30397/1. Л. 27.

¹¹⁰² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 74об.

Гораздо большему осуждению, нежели случаи бездетности, подвергались внебрачные беременности дворянок. Статистические данные о внебрачных детях вряд ли полны, так как многие женщины скрывали подобные факты своей биографии. К 1910 году доля незаконных рождений по России равнялась 2,3%, в городах эта цифра была существенно выше: 12,1% – в крупнейших, 8,8% – во всех остальных¹¹⁰³. Проследить статистику внебрачных беременностей в дворянском сословии невозможно за отсутствием таковых данных.

Отношение к внебрачным беременностям простых горожанок к началу XX века, особенно в центральной и западной частях России, было достаточно терпимым. Городской врач, знакомый с данным явлением не понаслышке, о таких женщинах писал: *«На забеременевшую вне брака в городе уже не так сильно, как в деревне, падает презрение окружающих, не так давит страх за свое положение... девушка-мать... уже слабее чувствует пятно позора, на которое так слабо реагирует и окружающая среда»*¹¹⁰⁴. Однако это касалось исключительно женщин из простонародья. Незаконная беременность аристократок продолжала восприниматься как преступление против великосветской морали. Так, мать в письме к дочери писала о дворянке, родившей «незаконно»: *«Советую тебе никогда не упоминать ее имени в обществе... да и при мне тоже, потому что эта падшая меня нисколько не интересует, и я ее к себе в дом никогда не пущу!»*¹¹⁰⁵. Несмотря на прогрессивные взгляды в отношении «свободной любви», отец В. Калицкой, узнав о внебрачной «близости» дочери с писателем А. Грином, отказался встречаться с нею, лишил ее родительских денег и попечительства. В своих воспоминаниях В. Калицкая цитировала слова отца: *«Он говорил... что я опозорила его, и что он меня стыдится. Что я теперь отрезанный ломоть... Незаконная связь моя, если о ней узнает бабушка, убьет меня»*¹¹⁰⁶. Провинциальная дворянка, услышав о внебрачной беременности знакомой, сообщала: *«Вы шутите, Аня?.. нам, русским, это дико слышать»*¹¹⁰⁷.

¹¹⁰³ Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 130.

¹¹⁰⁴ Цит по: Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 121.

¹¹⁰⁵ Жуковская Е.И. Записки. Воспоминания. М.: Аграф, 2001. С. 5.

¹¹⁰⁶ Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия. Москва: Коктебель, 2010. С. 33.

¹¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 1042. Оп. 1. Д. 49. Л. 133.

«Незаконнорожденные» вызывали брезгливое и пренебрежительное отношение в дворянском обществе. Это было связано не только с моральными нормами, но и с правовыми. Социальный статус внебрачных детей, несмотря на либеральное отношение законодателя в начале XX века к данному вопросу, был низким и в правовом отношении они были слабо защищены¹¹⁰⁸. Е. Жуковская описывала собственное детское восприятие детей, родившихся вне брака: «С самого раннего детства у меня с понятием о незаконном ребенке соединялось представление о каком-то страшном, омерзительном грехе»¹¹⁰⁹. Т.Л. Сухотина-Толстая на страницах своих мемуаров сообщала, что самым «страшным сном» ее юности был сон, связанный с рождением детей «незаконно», «неизвестно от кого»¹¹¹⁰. Героиня романа Н.А. Лухмановой «В отцов» дворянка Наталья Андреевна, узнав об ошибке, допущенной в процедуре венчания, от страха за грозивший сыну статус «незаконнорожденного», первым делом подумала о самоубийстве. Для нее появление внебрачного ребенка казалось самым ужасным событием, которое только могло случиться в ее жизни. Драматичная история любви юной Евы из романа поляка С. Жеромского «История греха» (это произведение, опубликованное в начале XX века, было весьма популярным среди россиянок) приводит к тому, что главная героиня, для которой незаконное рождение было ужаснее проституирования, решается на убийство новорожденного, дабы скрыть следы греха.

Несмотря на принадлежность к творческому бомонду начала XX века, в среде которого были распространены свободные нравы, Нина Петровская, забеременев от женатого Валерия Брюсова, решила на аборт. Свое решение она объясняла прежде всего тем, что ей тяжело представить себя с внебрачным ребенком на руках: «Судьба зло посмеялась, и случилось то, что можно обсуждать вдвоем просто и близко, без смущенья и боли только тогда, когда двое связаны не так, как теперь мы, когда две жизни слиты органически, как, например, твоя и ее»¹¹¹¹. Она несколько раз на страницах своего письма

¹¹⁰⁸ Николин Н.С. Внебрачные дети. Узаконение и усыновление с разъяснениями Сената и образцами прошений. М.: И.К. Оппокова, 1902.

¹¹⁰⁹ Жуковская Е.И. Записки. Воспоминания. М.: Аграф, 2001. С. 5.

¹¹¹⁰ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 348.

¹¹¹¹ Имеет в виду жену В. Брюсову И.М. Брюсову. (Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904–1913 / Сост. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. М., 2004. С. 524).

подчеркивала, что решилась на аборт, так как не получила соответствующей поддержки от В. Брюсова.

Внебрачную беременность скрывали всевозможными способами. Любопытна история Натальи Александровны Смирновой. Будучи дворянкой по происхождению, имея за плечами диплом домашней учительницы, она поступила на высшие медицинские курсы при Санкт-Петербургском военном госпитале. Во время обучения она забеременела от молодого человека, разделявшего революционные взгляды. Ее потенциальный жених, ввиду политической активности, был арестован. Находясь на последних месяцах беременности, она сочеталась законным браком с известным революционным деятелем Г.В. Плехановым, который хорошо знал осужденного¹¹¹². Н.А. Смирнова стала его первой женой в то время, когда под сердцем носила ребенка от другого человека. Можно только предполагать, что явилось основной причиной заключения брака: искренние чувства или дружеская помощь, спасающая юную девушку от позорного клейма. Однако тот факт, что они вскоре расстались, имплицитно подтверждает вторую версию. Н.А. Смирнова в 1889 году уехала в Духовщинский уезд Смоленской губернии, заняв там должность земского врача и заведующей женским отделением городской больницы. До конца своих дней она и ее ребенок продолжали носить законную фамилию Плехановых. Г.В. Плеханов вскоре сочетался повторным браком, в котором прожил всю свою жизнь.

С распространением идей свободной любви среди юных дворянок, начитавшихся новомодной литературы, появлялись те, для которых внебрачная беременность не была преступлением, а, напротив, своеобразным вызовом патриархальным гендерным порядкам. *«Надя говорит, что женщина не должна стыдиться ребенка от любимого, но не законного человека, я с этим тоже согласна»*¹¹¹³, – размышляла семнадцатилетняя девушка. Вопреки общественному осуждению рождение ребенка «вне закона» могли позволить себе «новые женщины» эпохи – эмансипированные особы, среди которых активистки женского

¹¹¹² РГАСПИ. Ф. 264. Д. 201. 4л.

¹¹¹³ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

движения, деятельницы революционных организаций, писательницы, врачи¹¹¹⁴. Модным веянием среди образованных эмансипированных дворянок становилась «связь» с мужчиной по любви, при этом семейный статус мужчины не всегда являлся помехой для близких отношений. Эти особы отстаивали право на «свободную любовь», снося все тяготы кривотолков. Во многом иллюстративна судьба Екатерины Павловны Майковой, жены известного литератора Владимира Майкова. Она пошла по стопам известной героини романа Н. Чернышевского «Что делать?». Е. Майкова пожертвовала семейными ценностями ради личного счастья. Ее поступок был безрассудным и больше напоминал сюжет литературного произведения, чем реальную историю. В 1860-х годах она порвала со спокойной, размеренной семейной жизнью. Являясь женщиной образованной, увлеченной идеями женской свободы, под влиянием зарождавшегося женского движения она, оставив мужа и детей (к тому времени их было трое – Евгения, Валериан, Владимир), сбежала со знакомым студентом Ф.В. Любимовым. От их союза на свет появился внебрачный сын. Схожим был поступок шестидесятницы Екатерины Степановны Гаршиной (матери писателя Вс. Гаршина), которая бросила мужа и детей ради любви к учителю П.В. Завадскому, разделявшему революционные взгляды. На страницах писем, дневников нередки упоминания о женщинах-писательницах, участницах общественных движений, учительницах, родивших детей вне брака. *«Известно ли вам, что, полюбив женатого человека, она сошлась с ним и родила внебрачное дитя?»*¹¹¹⁵ – вполне распространенная ситуация для поведения «новых женщин эпохи», защищавших идеи женской эмансипации и сексуальной свободы. В акте рождения ребенка вне брака, но от любимого человека эти дамы видели прежде всего «подвиг», суть которого – противостояние патриархальным взглядам на гендерное поведение. Что удивительно, на него решались не только юные особы, но и женщины почтенного возраста, уже состоявшиеся в качестве жен и матерей.

Среди общественных деятелей мало кто осмеливался становиться на защиту незаконнорожденных детей. С конца XIX века на страницах периодической

¹¹¹⁴ ОР РГБ. Ф. 375. Картон 2. Д. 1. Л. 14; СМЗ КП 30397/1. С. 27, С. 80; Николева М.С. Черты старинного дворянского быта // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С.173; РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 395. Л. 61об.

¹¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1042. Оп. 1. Д. 49. Л. 132.

печати, литературно-публицистических и философских произведений развернулась полемика в отношении внебрачных детей. Известный философ В.В. Розанов был одним из немногих, кто защищал их права. «Плод, коим является ребенок, – всегда законный»¹¹¹⁶, – писал он. Философ был убежден в необходимости избавиться от существующих терминов «внебрачный», «незаконный». В своих философских и публицистических работах он доказывал важность их законодательной защиты.

Российские феминистки начала XX века также выступали в поддержку матерей, родивших детей вне брака, указывая на важность противостояния патриархальным взглядам. Представительница либерального феминизма М. Вахтина в своих речах и статьях высказывалась в пользу крайней несправедливости общественного мнения в отношении матерей, имеющих внебрачных детей. Она была убеждена, что в большинстве случаев мать именно из-за страха позора и общественного осуждения оставляет ребенка или, что самое страшное, решается на его убийство. Кроме этого, Вахтина возмущалась отсутствием какого бы то ни было осуждения мужчины (отца), имеющего внебрачное дитя¹¹¹⁷. Ее соратницы М. Рогович, Л. Горовиц-Власова были убеждены, что государство и общественность должны не осуждать женщину с незаконнорожденным ребенком, а оказывать ей всестороннюю помощь¹¹¹⁸. Либеральные феминистки уже тогда понимали причину существовавших многочисленных преступлений против жизни детей. Они одними из первых выступали с инициативами разработки проектов оказания социальной поддержки одиноким матерям.

Между тем брак не всегда являлся гарантом «законных» рождений. Фриivolность нравов, распространенность адюльтера в дворянских семьях нередко давали повод мужьям усомниться в своем отцовстве. Так, муж А.А. Знаменской, заподозрив жену в связи с молодым юношей, отказывался признавать седьмого ребенка своей жены. Она писала: «Муж часто подходит и смотрит на него... У меня постоянно при этом звучит в ушах его фраза: «Так и знай, что это не мой

¹¹¹⁶ Розанов В.В. Семейный вопрос в России. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1903. С. 70, 375.

¹¹¹⁷ Вахтина М.Л. Большой вопрос // Женский вестник. 1909. № 4. С. 97-98.

¹¹¹⁸ Рогович М. Долг государства по отношению к матерям и детям // Женский вестник. № 2. С. 51; цит по: Трайнин В. На съезде криминалистов. Факты и впечатления // Русское богатство. 1914. № 4. С. 261.

сын!»¹¹¹⁹. Она же сообщала о существовании немалого количества внебрачных детей у своего мужа, рожденных в том числе от домашней прислуги.

Любопытна семейная история смоленского дворянина Сергея Федоровича Шарапова. Будучи уже состоявшимся литератором, он сочетался вторым браком с юной кокеткой Зинаидой Коровко. Их страстный роман и последующее супружество привели к рождению пятерых детей. Однако семейное счастье оборвалось разводом. Ударом для С.Ф. Шарапова явился тот факт, что он, со слов бывшей жены, не приходился отцом ни одному из детей, рожденных в законном браке.

Несмотря на большое количество «плодоизгнаний» в дореволюционной России, о существовании абортивной практики в дворянской и интеллигентной среде говорить сложно, ввиду отсутствия данных как в официальных документах, так и в источниках личного происхождения. В отчетах родильных отделений частных клиник и приютов не указывалось сословное состояние пациенток. В отличие от женщин из рабоче-крестьянской среды¹¹²⁰, дворянки не прибегали к «плодоизгнанию» как к основному средству избавления от нежелательной беременности. Однако нельзя утверждать о полном отсутствии абортов в жизни женщин из высших сословий. Редкие намеки в женских дневниках и воспоминаниях, публицистической и научной литературе дают основание предполагать, что абортивные практики в среде дворянства имели место быть. Л.Н. Толстой в 1880-е годы писал: *«... с помощью науки на моей памяти сделалось то, что среди богатых классов явились десятки способов уничтожения плода. И вот женщины-матери, одни из богатых классов, державшие в своих руках власть, выпускают ее для того, чтобы не уступить уличным девкам и сравняться с ними. Зло уже далеко распространилось и с каждым днем распространяется дальше и дальше, и скоро оно охватит всех женщин богатых классов, и тогда они сравняются с мужчинами и вместе с ними потеряют разумный смысл жизни»*¹¹²¹.

¹¹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 32.

¹¹²⁰ Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение деда акушерской помощи этому населению. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1903. С. 57; Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (вторая половина XIX – 30-е годы XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147-160.

¹¹²¹ Толстой Л.Н. Так что же нам делать? Собр. соч. в 22 т. Т. 16. М.: Худ. лит., 1983. С. 391.

Русского классика возмущало прежде всего то, что «грех», ранее приписываемый исключительно женщинам из простонародья, стал распространяться и в среде образованных, благовоспитанных дворянок.

Аборт как таковой в дореволюционной России был делом аморальным, незаконным, а следовательно, если и практиковался, то анонимно. Однако врачи отмечали присутствие «преступных выкидышей» в привилегированных слоях общества. В акушерской практике начала XX века присутствовали различные термины, обозначающие преждевременные роды: «привычный выкидыш» (речь шла о начале родового процесса, связанного с искусственным вмешательством, который приводил к сокращению матки на 1–6 месяце беременности) и «привычные преждевременные роды» (в отношении родового процесса после седьмого месяца беременности)¹¹²². Врач-гинеколог Я.Е. Выгодский в своем докладе на XII Пироговском съезде среди перечисленных причин увеличения абортов называл и такую: *«Крайняя изнеженность и избалованность многих женщин, принадлежащих по преимуществу к самым богатым и культурным классам населения»*¹¹²³. Тем самым он подтверждал существование «плодоизгнаний» в интеллигентных классах. Профессор М.Н. Гернет, выступая в 1914 году на съезде криминалистов, открыто констатировал: *«Женщины богатого класса имеют возможность высоким гонораром оплачивать риск уголовного преследования и с трудом, но находят врачей, производящих нужную операцию в соответствующих условиях»*¹¹²⁴. О повсеместном распространении абортов, в том числе среди аристократок, писал С. Елпатьевский: *«В круг его вовлечены богатые и бедные, города и деревни, производят себе выкидыши не только девушки, но и мужние жены – и даже трудно сказать, кто чаще производит выкидыши»*¹¹²⁵. Насколько данное явление было распространено, говорить не приходится за отсутствием соответствующей статистики.

¹¹²² Холмогоров С.С. Привычный выкидыш и привычные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 10. С. 1212-1218; Холмогоров С.С. Искусственные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 7-8. С. 989-999.

¹¹²³ Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая – 5 июня 1913. Вып. II. СПб., 1913. С. 375.

¹¹²⁴ Трайнин В. На съезде криминалистов. Факты и впечатления // Русское богатство. 1914. № 4. С. 257.

¹¹²⁵ Елпатьевский С. Самоистребление человечества: По поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 265.

В эгодокументах указания на произведенные аборты встречаются крайне редко. Об этом не принято было говорить, рассуждать, так как в подавляющем большинстве эти действия относились не только к незаконным, но и к аморальным. Чаще женщины могли указывать на то, что кто-то злоупотреблял этим. В личной переписке с В. Брюсовым Нина Петровская, с которым у нее был роман, писала о том, что их знакомая, актриса Лидия Дмитриевна Рындина, регулярно совершает аборты: *«Большинство женщин, вроде Лидии Дмитриевны, что в ужасе бегут туда, «где делают ангелов» по первому подозрению»*¹¹²⁶. Очевидно, что распространенность абортивных практик (*«большинство женщин»*) была характерна для творческого бомонда, среди которых актрисы, писательницы, жены, любовницы поэтов-серебрянников. Нина Петровская после длительного романа с женатым В. Брюсовым также решила прервать беременность. Свои противоречивые чувства она описала в письме к Брюсову в феврале 1910 года: *«...случившееся, конечно, кажется между нами чем-то таким, о чем стыдно говорить много, с чем нужно кончить как можно скорее, как с какой-то ошибкой, с недоразумением, с невольной виной, с неприятностью, которая вышла из меры тех, какие я могу тебе причинить»*¹¹²⁷. Она признавалась, что ее страшит (*«все холодеет внутри от ужаса»*) сама процедура плодизгнания – *«операция без хлороформа»*. Но в то же время Нина решила на аборт (*«Но если иначе нельзя и ты не хочешь, я сделаю так»*¹¹²⁸).

Узнав о своей беременности, Л.Д. Менделеева-Блок (жена А. Блока) признавалась в желании избавиться от плода (*«твердо решила устранить беременность»*¹¹²⁹). С этой целью она консультировалась у врачей и подруг, готовясь к тому, что на «третий месяц», как ей рекомендовали, она устранил ненавистное положение. После того как врачи отказали Любове Дмитриевне в незаконной услуге, она стала искать варианты подпольных абортов, знакомясь с объявлениями в «Новой газете», где *«опытные акушерки»* намекали на возможность проведения подобной процедуры. Очевидно, что в теневой акушерской практике, несмотря на строгость закона и уголовное преследование,

¹¹²⁶ Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904–1913 / Сост. Н.А. Богомоллова, А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2004. С. 528.

¹¹²⁷ Там же. С. 524-525.

¹¹²⁸ Там же. С. 529.

¹¹²⁹ Блок Л.Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 64.

аборты были распространенным явлением. В газетной хронике преступлений, как столичной, так и провинциальной, нередко публиковались статьи о раскрытии криминальной деятельности акушеров. Эти сообщения сопровождались описанием чудовищных подробностей незаконного промысла – обнаружением десятков захоронений младенцев в огородах этих самых акушеров.

В редких дневниках и письмах, принадлежащих дворянкам, содержится информация о желании «вытравить» ребенка. В частности, в дневнике М.А. Бекетовой передана сложная жизненная ситуация ее знакомой: *«Вдруг неприятный разговор, и потом Люба пришла к Але одна объясняться и призналась, что она беременна – не от Саши. Она была в отчаянии. Хотела вытравить ребенка, говорила, что это внешнее, ее не касается и пр.»*¹¹³⁰. Александра Знаменская указывала на то, что она *«глотала разную дрянь»*¹¹³¹, чтобы вызвать регулы. Это весьма любопытное и крайне редкое свидетельство, так как оно говорит в пользу существования абортивных практик на самых ранних сроках беременности. Однако что именно употребляли дворянки, как это отражалось на их состоянии и достигало ли желаемого результата, обнаружить в эго-документах не удалось. Указание на существование и употребление «плодогонных» средств растительного и животного происхождения удалось найти в работах медицинского характера. К таковым относили спорынью, можжевельник, корицу, чемерицу, ромашку, шафран, петрушку, буру, янтарную кислоту, лавровый лист, препараты ртути и др.¹¹³².

О высоком числе «плодоизгнаний» свидетельствовали как полицейские хроники, так и отчеты родовспомогательных заведений. В стационары часто привозили женщин с преждевременным родовым процессом, который мог начинаться уже на третьем месяце. Врачи родильных отделений в отчетах нередко указывали, что установить причины прерывания беременности им не удалось. Заметное увеличение таких пациенток в конце XIX века дает основание предполагать, что их выкидыши были результатом абортивных практик, произведенных самостоятельно или при помощи акушеров. В больницы же они доставлялись с наступлением осложнений после проведенных криминальных процедур.

¹¹³⁰ Бекетова М.А. Из дневника М.А. Бекетовой. М.: Правда, 1990.

¹¹³¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 20об.

¹¹³² Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 76.

Во многом легкость произведения аборт была обусловлена развитием и практическим применением знаний в области акушерства и гинекологии. В каждом учебнике по акушерству начала XX века размещались сведения об особенностях протекания и, что не менее важно в данном случае, искусственного возбуждения преждевременных родов¹¹³³. В учебнике Н.Н. Феноменова было приведено более двадцати способов возбуждения преждевременных родов и подробно описана операция искусственного выкидыша (*abortus artificialis*). Данные сведения могли явиться полноценной инструкцией для производства аборт. Несмотря на запрет, аборт зачастую делали под видом оперативной помощи при преждевременных родах и выкидышах, а также при медицинском подтверждении физиологических особенностей (узкий таз), слабости здоровья беременной (сердечно-сосудистые заболевания, чахотка, воспаления легких, нефрит и др.). Представительницы высших слоев общества обладали достаточными ресурсами, чтобы осуществить вполне квалифицированный аборт.

В автобиографической литературе (о чем писалось выше) можно найти намеки на осуществление подобных процедур, в то время как в художественной литературе встречаются подробно описанные сюжеты на эту тему. В рассказе Льва Гумилевского «Счастливый случай» (1915 г.) главная героиня Татьяна (бежала от богатого отца ради совместной жизни с учителем, разделявшим революционные взгляды), поддерживаемая гражданским мужем (Федором Костриным), решилась на аборт. Автор произведения подробно описал доступные женщинам варианты произведения плодоизгнания. Первоначально девушка изучила в местной газете частные объявления акушеров, среди которых, очевидно, услуга прерывания беременности пользовалась повышенным спросом. Затем Татьяна решилась «вытравить» ребенка посредством хинина, а позже, при неблагоприятном течении событий, направиться к акушерке. Федор с легкостью приобрел нужное средство, Татьяна без особых раздумий выпила содержимое флакона¹¹³⁴. Герои произведения достаточно спокойно отнеслись к совершаемому действию, тем самым автор подчеркнул типичность и распространенность данного явления. Главный герой

¹¹³³ Гофмейер М. Очерки основ гинекологических операций. СПб.: Изд. К. Риккера, 1893; Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902; Губарев А.П. Оперативная гинекология и основы абдоминальной хирургии. Ч. 1. М.: б/и, 1915; Отт Д. Оперативная гинекология. СПб.: Гос. тип., 1914.

¹¹³⁴ Гумилевский Л. Чужие крыши. М.: Советская Россия, 1991. С. 166.

едва смутился циничности производимой процедуры: *«Было немножко странно от соприкосновения с подлинной жизнью, в которой так легко и просто делались такие страшные вещи, как аборт»*¹¹³⁵. Татьяна испытывала страх только из-за того, что беременность могла не прерваться: *«Рядом с мыслями стояло непрерывное, чисто физическое ощущение страха перед тем, что должно с ней сделаться: сейчас ли – после выпитых капель, или потом, когда придется это сделать акушерке, или даже тогда, когда, несмотря ни на что, наступили бы роды»*¹¹³⁶. Ее страхи оправдались, необходимо было вмешательство специалиста. После некоторых раздумий супруги решили отказаться от услуг акушерки, так как опасались за исход ее манипуляций. Тогда Федор принял решения пойти к «докторам» и легально прервать беременность (*«в лечебнице по предписанию врачей»*). Он отметил, что для этого нужны *«особые показания»*, которые с легкостью были найдены: *«После недолгих раздумий старенький добрый доктор нашел у Тани перебои в сердце, зловещий шум в правом легком и стал писать протокол»*¹¹³⁷. Вскоре консилиум врачей одобрил прерывание беременности, несмотря на то что девушка находилась на четвертом месяце. Сама героиня удивлялась тому, как быстро, легко и без боли (благодаря использованию хлороформа) был произведен аборт.

Официально аборты производились исключительно при угрозе здоровью или жизни беременной между вторым и шестым месяцем беременности. Помимо сужения таза, хронических заболеваний, «неукротимую рвоту» также относили к показаниям для абортирования¹¹³⁸. Перед самой операций непременно собирался консилиум врачей, на котором обсуждались все аргументы и контраргументы, и принималось совместное решение. Подобные сюжеты нередко приводили врачи-акушеры из собственной практики. В частности, профессор Н.Н. Феноменов сообщал, что в 1886 году был приглашен на «товарищеское совещание» к «г-же П.», которая, находясь на пятом месяце беременности, была истощена вследствие неукротимой рвоты. Было принято решение произвести операцию искусственного

¹¹³⁵ Там же. С. 167.

¹¹³⁶ Там же. С. 176.

¹¹³⁷ Там же. С. 176.

¹¹³⁸ Горвиц М.И. О неукротимой рвоте беременных. СПб.: б/и, 1882.

выкидыша¹¹³⁹. В основе операции преждевременного выкидыша лежали манипуляции врача, направленные на разрыв плодного пузыря и вызывание искусственного сокращения матки¹¹⁴⁰.

Описание собственной беременности занимает существенную часть женской дворянской эгодокументалистики. Дворянки второй половины XIX века охотнее делились переживаниями, связанными с предстоящим материнством, нежели их предшественницы, что объясняется менявшимся в обществе отношением к материнству и материнским ролям. Состояние беременности дворянок сопровождалось сложными эмоциональными переживаниями.

Либерализация России, женское просвещение, женское движение и процесс эмансипации культивировали два основных типа поведения дворянок, связанных с проведением беременности. Первый тип олицетворял отказ от традиционной роли жены и матери в пользу активной публичной деятельности, интеллектуального и профессионального развития. Дворянки этого типа не исключали полностью социальной роли жены и матери, прибегая к отложенному (отсроченному) материнству. Молчаливый протест дворянок против предписанного обществом обязательного замужества, многочисленных беременностей, раннего материнства являлся серьезным ударом против гендерных стереотипов патриархального общества. С другой стороны, сокращение количества деторождений, неактуальность светской жизни в провинции позволяли дворянкам сконцентрироваться на своей беременности, относясь к ней не как к очередному, а как к уникальному событию. В связи с этим второй тип олицетворяли «идейные родители», «ответственные матери», практиковавшие особо внимательное отношение к беременности и предстоящему материнству. В их практиках, связанных с беременностью, тесно переплелись традиционное предродовое поведение, а также активное освоение достижений медицины в сфере проведения беременности, заботы о репродуктивном здоровье. Дворянки, находясь в положении, отвлекались от привычного им образа жизни, полностью концентрируясь на собственном теле. Внутриутробное развитие плода стало

¹¹³⁹ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 80.

¹¹⁴⁰ Отт Д. Оперативная гинекология. СПб.: Гос. тип., 1914; Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 65-104.

рассматриваться в качестве важной части физиологического, интеллектуального, нравственного развития и даже воспитания ребенка.

На протяжении второй половины XIX века происходила десакрализация состояния беременности, которая из глубоко интимного акта в жизни женщины превращалась в процесс, предполагавший сосредоточение сил как самой женщины, членов ее семьи, так и представителей «экспертного» сообщества – врачей, акушеров. Репродуктивные способности, женское тело становились объектом для врачебного наблюдения и контроля. Происходил процесс «интенсификации тела» (М. Фуко¹¹⁴¹) дворянки и медикализации ее состояния. Врачебный патронаж беременных, доступный обеспеченным слоям населения, становился символом нового, «сознательного» отношения женщин к материнским обязанностям. С одной стороны, благодаря собственной фертильности женщина усиливала свое влияние в гендерной системе в общества; с другой – женское влияние постепенно ограничивалось исключительно сферой репродукции, все иные области ее бытия признавались второстепенными.

С актуализацией концепции «сознательного материнства», ростом числа «детоцентристских» семей, распространением популярной медицинской литературы дворянки стали уделять значительное внимание подготовке к будущим родам и материнству. Врачебный патронаж беременных, сдача анализов, чтение специальной медицинской литературы, новый рацион питания, особые приспособления для сохранения красоты тела («нагрудники», «набрюшники», «бандажи»), подготовка к родам (покупка гигиенических принадлежностей, обезболивающих, «наборов для родов»), новые манипуляции с собственным телом (подготовка к лактации, предупреждение растяжек) отражали трансформацию повседневности беременных дворянок в сторону медикализации. Несмотря на существенные изменения в проведении беременности в жизни дворянок индустриальной России, сохранялись традиционные практики диагностики беременности и определения даты родов, табуирования вида женщин в положении, ограничения их передвижений, безразличного отношения к признакам шевеления плода, продолжительного ношения корсетов.

¹¹⁴¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 227.

Поведение женщин во время беременности, их переживания во многом были обусловлены двумя важнейшими факторами: количеством деторождений, характером взаимоотношений с мужем, а иногда и с матерью. Главное отличие от современного восприятия события рождения ребенка состоит в том, что столетие назад к беременности и разрешению от бремени относились не как к чудесному событию, а как к болезни, требовавшей немедленной врачебной помощи. Состояние беременности актуализировало сложные эмоциональные переживания, среди которых страх собственной смерти и смерти ребенка, деперсонализация женского «Я», боязнь появления больного ребенка. Просвещенные дворянки, склонные к рефлексивным размышлениям, впадали в депрессивное состояние, когда осознавали всю тяжесть традиционного гендерного порядка. Имея за плечами опыт родов, переживая все последствия послеродового восстановления, погруженные в уход за детьми, дворянки воспринимали новую беременность зачастую не с радостью, а со страхом и отчаянием.

Официальный медицинский дискурс, общественная мораль продолжали выражать нетерпимое отношение к бездетности. Неспособность забеременеть в большинстве случаев рассматривалась в качестве женской проблемы. Беременность вне брака традиционно относилась к тягчайшему преступлению против нравственности, в связи с чем внебрачную беременность дворянки старались скрыть всевозможными способами. Новой тенденцией в репродуктивном поведении дворянок стало появление «плодоизгнаний», которые в условиях роста акушерских знаний и медиализации приобретали форму аборт по медицинским показаниям, «преждевременных родов» и «выкидышей».

ГЛАВА IV. РОДИНЫ В ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Рождение ребенка – одно из переломных событий в бытии любого человека; в судьбе же женщины, если ей довелось стать матерью, оно определенно делит жизнь на *до* и *после*. Дореволюционный отечественный врач Елизавета Дрентельн писала: *«Нет сомнения, что тахітит напряжения сил женщины связан с моментом родов, а потому совершенно справедливо считать этот акт кульминационным пунктом физической деятельности женского организма и вместе с тем самым критическим моментом ее жизни»*¹¹⁴². С позиций эссенциалистского подхода родовой акт относится к важнейшему телесному опыту женщины, в котором одновременно создается и выражается женская сущность. Теоретики психоанализа полагают, что родовой процесс оказывает существенное влияние на женскую психику и гендерное самосознание. Беременность, роды и послеродовое состояние они связывают с развитием женской сексуальности. Карен Хорни, известная ученица и последовательница З. Фрейда, в противовес теории кастрации сформулировала концепцию зависти мужчин к способности женщин рожать (*«испытывать наслаждение, в котором отказано мужчине»*)¹¹⁴³.

Мишель Фуко считал родовой процесс апогеем сексуальной жизни женщины. Психоаналитик, представительница направления постмодернизма Юлия Кристева наделяла акт воспроизводства потомства особым содержанием, в результате которого происходит отделение собственного «Я», избавление от женского нарциссизма и превращение женской сексуальности в сексуальность материнскую. Наконец, в ходе родового процесса, по мнению Ю. Кристевой, женщина обретает «ключи свободы», которые недоступны мужчинам. В одном из своих многочисленных интервью она лаконично определила, в чем состоит «привилегия» женщины-матери. По мнению Ю. Кристевой, мать острее чувствует «главные акты инициации», так как в процессе деторождения задействовано ее

¹¹⁴² Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книг-во Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 81.

¹¹⁴³ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 30-31.

тело. Для матери появление на свет ребенка, с точки зрения философа, «не просто откладывание смерти, это еще и высшая свобода». Отталкиваясь от понятия свободы, которое включает в себя способность «начинать», «зачинать», а не нарушать запреты и границы, Ю. Кристева обосновывает тезис владения матерями «ключом к свободе»: *«Истинная свобода, учит нас современная философия от Канта до Хайдеггера, – не бунт, а инициирование, начинание как поступок. Прототип такой свободы – акт рождения»*¹¹⁴⁴. Таким образом, по мнению Ю. Кристевой, рождение ребенка – это перерождение самой женщины, овладение ею трансцендентальной свободой и преодоление смерти.

Традиционно родильную обрядность в России изучали этнографы¹¹⁴⁵. Однако высшие слои общества, не маркируемые народной культурой, выпадали из поля исследовательского интереса. Родильные практики как предмет междисциплинарных работ стали рассматриваться благодаря развитию психоаналитического, социологического подходов, а также «антропологии рождения» (anthropology of birth). В контексте данного исследования последнее направление с методологической стороны представляется особенно важным.

В 1970–1980-х годах зарубежные этнографы и антропологи обратились к анализу родового процесса за гранью традиционных культур. Современные роды в

¹¹⁴⁴ Kristeva J. The Maternal Body // Freiburger. 1979. № 2. S. 79-84; Кристева Ю. Интервью // <http://doctornet.ru/article/yuliya-kristeva-materinstvo-eh-to-strast> (дата обращения 02.03.2014).

¹¹⁴⁵ Харузина В. Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и об уходе за детьми // Этнографическое обозрение. 1906. № 1-2. С. 98; Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. (По матер. собр. в Тульск., Веневском и Каширск. у.) // Этнографическое обозрение. 1895. № 4; Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891; Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Изд-во Восточная литература, 1999; Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 9-30; Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогорский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи... С. 92-106; Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 17-25; Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2001; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001; Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 40; Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (вторая половина XIX – 30-е годы XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147-160; Мухина З.З. Процессы социализации русской крестьянской девочки в пореформенной европейской России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 36-51; Мухина З.З. Послеродовой период в жизни крестьянки пореформенной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 7-17.

родильных отделениях и клиниках они рассматривали в качестве модифицированного обряда перехода, характерного для традиционных культур. Этнограф Б. Джордан, основываясь на многочисленных полевых наблюдениях, а также на интервью с беременными и роженицами, в 1978 году опубликовала уникальную работу, в которой рассмотрела родовспоможение в контексте четырех культур¹¹⁴⁶. Роды для Б. Джордан, а также Э. Окли представлялись важнейшей кросс-культурной и биосоциальной практикой человечества¹¹⁴⁷. Крупнейшим специалистом данного направления выступает также Р. Дэвис-Флойд. Она изучала символические проявления процедур, связанных с современными родами и родовспоможением¹¹⁴⁸. В 1990-е годы под ее редакцией вышла книга «Роды и авторитетное знание...», в которой она объединила результаты исследований ученых-этнографов, антропологов, психологов, социологов, врачей, произведенных в 16 различных обществах и культурах¹¹⁴⁹. В книге сделан акцент на важности междисциплинарного подхода в изучении «антропологии родов». Исследовательница впервые заострила внимание, чего не было сделано в работе Б. Джордан, каким образом, по каким каналам происходило формирование биомедицинской, технократической модели деторождения. Р. Дэвис-Флойд полагала, что технократическая модель родов символизировала победу культуры над природой. В конечном итоге, по мнению ученого, это привело, как ни парадоксально, к «воспроизводству патриархата», при котором женские тела рассматриваются в качестве слабых, требующих вмешательства биомедицинских технологий, созданных и контролируемых мужчинами¹¹⁵⁰.

Изучение родового акта в качестве важной части развития и воспроизводства культуры, обращение к изучению трансформации эмоциональных

¹¹⁴⁶ Jordan B. *Birth in Four Cultures: A Cross-cultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden and the United States*. Long Grove: Waveland Press, 1978.

¹¹⁴⁷ Jordan B. *Authoritative Knowledge and Its Construction* // *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives*. Berkeley: University of California Press, 1997; Oakley A. *Becoming a Mother*. Oxford: Martin Robertson, 1979; Oakley A. *The Captured Womb: A History of the Medical Care of Pregnant Women*. New York: Basil Blackwell, 1984.

¹¹⁴⁸ Davis-Floyd R.E. *Birth as an American Rite of Passage*. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1992; Davis-Floyd R.E. *The Ritual of Hospital Birth in America*. // *Conformity & Conflict. Readings in Cultural Anthropology*. / Ed. by James P. Spradley, D.W. McCurdy. New York, 1994.

¹¹⁴⁹ *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives* / Ed. by R. Davis-Floyd, C. Sargent California: University of California Press, 1997.

¹¹⁵⁰ Davis-Floyd R.E. *Birth as an American Rite of Passage*. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1992. P. 152.

переживаний рожениц, отношения к телесности было продолжено в 90-е годы¹¹⁵¹. Новаторской была работа А. Бэнкс, где она анализировала модификацию родильных практик и сопровождавших ее предметов материальной культуры (в частности, стульев для роженицы)¹¹⁵². Она отметила важную деталь в эволюции родовспоможения: переход в начале XIX века от естественных родов, где главными действующими лицами были роженица и акушерка, к медикаментозным родам с доминированием мужчин врачебной профессии. С развитием медицинских знаний, с осознанием экономической выгоды этих процедур, с медикализацией родов роженицы, по мнению исследовательницы, стали восприниматься в качестве «хрупких инвалидов» (*fragile invalids*), которым требовались специфичные манипуляции и уход. Следует отметить, что для специалистов (историков, антропологов и даже акушеров), изучавших трансформацию родовспоможения, был характерен вывод об усилившемся мужском контроле над естественными женскими практиками. Врач и историк медицины Ф. Бродски, например, подчеркивала, что с тех пор, как роды были перенесены из домашнего пространства женщин в больницы, женщины потеряли больше, чем они приобрели¹¹⁵³. Автор критически отзываясь о современных практиках акушерства, считая их противоестественными.

В 1990-е годы отечественные антропологи также принялись изучать современную родильную обрядность. Среди лидеров данного направления Е.А. Белоусова и Т.Б. Щепанская. Они рассматривали родовспоможение в качестве особого обряда и элемента городской культуры¹¹⁵⁴. Е.А. Белоусова полагала, что

¹¹⁵¹ Gelis J. *History of Childbirth: Fertility, Pregnancy and Birth in Early Modern Europe*. Wiley, 1996.

¹¹⁵² Banks A. *Birth Chairs, Midwives, and Medicine*. Jackson, Mississippi: Press of Mississippi. 1999.

¹¹⁵³ Brodsky Ph. *The Control of Childbirth: Women Versus Medicine Through the Ages*. London: McFarland & Co, 2008.

¹¹⁵⁴ Белоусова Е.А. Родовая боль в антропологической перспективе // *Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры*. Вып. 6. 1998; Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура: Дис. канд. культуролог. наук. М., 1999; Белоусова Е.А. Родильный обряд // *Современный городской фольклор* / Ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 339-370; Belousova E. *The Natural Childbirth' Movement in Russia: Self-Representation Strategies* // *Anthropology of East Europe Review*. 2002. № 20 (1). Р. 11-18; Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 5. С. 15-27; Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // *Мифология и повседневность*. Вып. 3. СПб. 1999. С. 389-423; Щепанская Т.Б. Сокровенное материнство // *Секс и эротика в русской традиционной культуре*. М. 1996; Щепанская Т.Б. О материнстве и власти // *Мифология и повседневность*. Вып. 1. Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 г. СПб., 1998.

медикализация родов негативно сказывается на самоощущениях роженицы, которая теряет контроль над собственным телом и своими переживаниями. Своеобразной кульминацией в изучении родинного обряда отечественными этнографами и социологами стала публикация в 2001 году научного сборника «Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры» (составитель Е.А. Белоусова)¹¹⁵⁵. Авторы рассматривали родильные практики в пределах традиционных культур в качестве одного из обрядов переходного цикла, в результате которого происходило не только рождение ребенка, но и символическое рождение матери. Т.Б. Щепанская, Т.А. Круглякова анализировали современные родильные практики, соотнося их с традиционной родинной обрядностью. В 2000–2010-е годы антропологию современного рождения активно принялись изучать отечественные социологи (Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина, Е.А. Бороздина, Д.В. Михель). Их интересовали характер переживаний рожениц, взаимодействия пациенток с врачами, процесс медикализации родов и др.

В существующих отечественных работах по «антропологии рождения», как правило, анализируются либо традиционные практики, либо современное родовспоможение в соотнесении с традиционной обрядностью. За гранью исследовательского интереса оказались высшие слои российского общества в историческом прошлом. Исключение составляли гендерные историки, которые затрагивали проблему родовспоможения в контексте частной истории¹¹⁵⁶.

Основная цель данной главы состоит в изучении практики родов в высших слоях российского общества пореформенной России как особого обряда, сформировавшегося под влиянием традиционных ритуалов, а также новейших медицинских тенденций в сфере родовспоможения. Я исхожу из убеждения, что «рождение матери», под которым подразумевается предродовой акт, сами роды и послеродовой период – важнейший эпизод в жизни женщины, который требует тщательного изучения для понимания как самой женщины в ту или иную эпоху, так и создаваемого ею пространства (культуры).

¹¹⁵⁵ Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001.

¹¹⁵⁶ Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010; Веретенко В.А. Дворянская семья и государственная политика (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009.

Такая закрытая и субъективно переживаемая сторона женского бытия, как разрешение от бремени, репрезентирована в эгодокументах второй половины XIX – начала XX века, среди которых особо значимы женские интимные дневники и, в меньшей степени (поскольку более ориентированы на публичность), письма и воспоминания. Нужно отметить, что дворянки второй половины XIX века, в отличие от своих предшественниц, гораздо чаще описывали роды. Почему их матери игнорировали важнейший телесный опыт, в то время как дочери уже не могли обойти вниманием данный эпизод жизни? Это было связано с трансформацией гендерного порядка и формированием культа «истинной матери». Ввиду распространения средств контрацепции и частичного получения дворянками репродуктивной свободы рождение детей стало восприниматься не как многократно повторяющийся акт, а как уникальное событие, требовавшее словесной фиксации. С развитием представлений о «сознательной матери» дворянки с особым трепетом стали подходить к беременности и родам, о чем не забывали писать на страницах собственных дневников.

Основываясь прежде всего на женских нарративах, я пыталась репрезентировать родильный обряд в высших слоях российского общества. Наиболее полные описания родового акта были обнаружены в 19 женских и мужских текстах¹¹⁵⁷. Помимо источников личного происхождения, эвристически ценны и литературные произведения. В чем уникальность родовспоможения в данной социальной среде и можно ли говорить о существовании особой родильной обрядности дворянства? Какое влияние оказала медиализация родов на жизнь дворянки? Как словесно и психологически оформляли женщины подготовку к важнейшему событию в своей жизни и как впоследствии о нем вспоминали и его оценивали? Как пересекались в этой области традиции, а порой предрассудки и новации, в том числе привнесенные из-за рубежа, включая новые приемы помощи в акушерстве? Отвечая на эти вопросы, мне хотелось бы «выписать» страницы, связанные с деторождением, из истории родовспоможения и истории медицины и

¹¹⁵⁷ Среди источников как опубликованные дневники и воспоминания (Е.А. Дьяконовой, А.Г. Достоевской, С.А. Толстой, М.А. Бекетовой, М.К. Тенишевой, Т.Л. Сухотина-Толстой, И.Д. Голицыной, Е.М. Чеховой, Л.Д. Менделеевой-Блок, Е.И. Жуковской), так и архивные материалы из 7 личных фондов (дневники, письма и воспоминания В.П. Багриновской, А.А. Знаменской, Е.Н. и А.В. Половцовых, З.В. Араповой, Е. Селиковой, Трубниковых, О.И. Олоховой, Юсуповых).

вписать их в широкий культурный контекст, контекст российской женской культуры и женской истории начала XX века.

4.1. Родильные практики и процесс медикализации деторождения в дворянских семьях

4.1.1. Организация домашних родов

Во второй половине XIX – начале XX века процессе подготовки дворянок к родам и непосредственно родинах слились воедино традиционный опыт, сформировавшийся в народной среде, а также активно проникавшие в эту сферу научные знания. Опираясь на материалы эгодокументов, медико-статистические отчеты провинциальных и столичных врачей, частных родильных приютов, можно выделить три основные формы проведения родов, которые реализовывались в дворянской среде. Несмотря на развитие знаний в области акушерства и гинекологии, открытие все большего числа стационарных родильных отделений, наиболее распространенными являлись домашние роды с приглашением профессиональных врачей или акушеров. На всем протяжении XIX века продолжали бытовать традиционные («по старинке») для дворянской среды роды с участием повивальных бабок (в мемуаристике их нередко называли «бабушками»). В крайне редких случаях дворянки прибегали к родам в условиях государственных или частных стационаров (родильных приютов, лечебниц, родильных отделений).

Оценить, насколько часто в профессиональной деятельности местных докторов случалась помощь роженицам «на дому», невозможно: нет статистики (хотя частнопрактикующие врачи и должны были отчитываться за проведенные акушерские операции), строгости контроля этого вида деятельности, как и многих других, в России не было. В то же время существовала общая городская и земская статистика, которая убедительно демонстрирует преобладание родов «на дому» по сравнению с родами в стационаре. В качестве иллюстрации служат отчеты Воскресенского пункта Юхновского уезда (ранее входил в состав Смоленской губернии, позже относился к Тверской области) за 1913 год. Несмотря на наличие родильных отделений и приютов, было зафиксировано 395 домашних родов при

217 стационарных¹¹⁵⁸. Врач из Саратовской губернии Н.М. Какушкин в 1917 году, характеризуя родовспоможение в губернском городе, отмечал, что семьи с достатком в подавляющем большинстве прибегали к домашним родам, устраивая у себя на дому «*уголок акушерской клиники*»¹¹⁵⁹. Практически все авторы учебников по акушерству, в том числе оперативному, написанных в начале XX века, предполагали, что осуществление серьезных оперативных процедур может происходить как в стационарах, так и на дому¹¹⁶⁰. Для российских дворян, равно как и для западноевропейского нобилитета, рожать вне дома было немыслимо и неприлично¹¹⁶¹. Считалось, что новорожденный непременно должен появиться в доме своих родителей.

Одной из особенностей подготовки дворянок индустриальной России к родам стало предродовое просвещение, в особенности это касалось «новых матерей» эпохи. Накануне родов впервые рожавшие женщины стремились как можно больше узнать о предстоящих испытаниях. Если раньше их знания ограничивались сообщениями более опытных подруг и родственников, то с появлением значительного количества научно-популярной литературы о беременности и родах дворянки охотно самообразовывались в данном вопросе. Анализ книжного рынка в России конца XIX века показывает, что число публикаций на тему акушерства стремительно выросло и особо популярными стали работы врача Владимира Николаевича Жука. Его книга «Мать и дитя» (впервые была опубликована в 1881 году) многократно переиздавалась и имела широкое распространение¹¹⁶². Он являлся автором многочисленных работ, раскрывавших особенности проведения беременности, подготовки к родам, грудного вскармливания, ухода за новорожденными. Так, молодая дворянка сообщала, что она самым внимательным образом изучила ту часть книги В.Н.

¹¹⁵⁸ Отчет Юхновской земской управы по содержанию больниц // Журналы 50 Очередного Юхновского уездного земского собрания. 3–5 ноября. Смоленск: Губ. тип., 1914. С. 46.

¹¹⁵⁹ Какушкин Н.М. Новые пути в деле родовспоможения в г. Саратове // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 151.

¹¹⁶⁰ Крассовский А.Я. Оперативное акушерство. М.: б/и, 1885; Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902; Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1918; Губарев А.П. Оперативная гинекология и основы абдоминальной хирургии. Ч. 1. М.: б/и, 1915; Отт Д. Оперативная гинекология. СПб.: Гос. тип., 1914.

¹¹⁶¹ Нибицер И. Опасные сексуальности: История тела и сердца // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 57.

¹¹⁶² Жук В.Н. Мать и дитя. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1881.

Жука, где он описывал родовой процесс¹¹⁶³. В условиях низкой половой просвещенности интеллигентных девушек, незнания элементарных вопросов женской гигиены (в семье об этом говорить было не принято) книги о физиологии родов воспринимались читательницами как откровения и непререкаемые источники знаний. С развитием гендерного самосознания, женского просвещения стремление высших слоев общества к знаниям отразилось и на телесных практиках. В сфере репродукции отсутствовала трансляция опыта от матери к дочери. В связи с этим научная литература становилась единственным источником сакральных для аристократок знаний.

При благоприятном стечении обстоятельств дворянки предпочитали рожать в собственном усадебном доме. Даже при постоянном жительстве в городе с приближением родов дворянки удалялись в имение (если такового не было, то в имение родителей), где в спокойной обстановке ожидали начала схваток. Несмотря на развитие стационарной медицинской помощи, именно домашнее пространство считалось самым подходящим для разрешения женщины от бремени. В традиционной родильной обрядности «родимому» месту, где встречаются мать и младенец, уделялось особое внимание¹¹⁶⁴. В народе считалось, что оно может оказать существенное влияние на судьбу ребенка. Если среди крестьян присутствовала маргинализация «родимого» места¹¹⁶⁵, роженица нередко выбирала «нежилое, периферийное, отдаленное» место (баня, хлев, подполье), то в дворянской среде роды происходили, если тому ничего не мешало, в супружеской спальне. Спальня превращалась в аксиологический центр, где во всех смыслах зарождалась новая жизнь (осуществлялись акты зачатия и рождения).

Важной частью предродового периода являлось приготовление комнаты роженицы, в которой должен был появиться новорожденный. Если дом имел анфиладную планировку, выбор падал на наиболее просторную, отдаленную от кухни и детской (дабы дети не становились случайными свидетелями) комнату.

¹¹⁶³ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 149.

¹¹⁶⁴ Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 9-30; Головин В.В. Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи... С. 31-61.

¹¹⁶⁵ Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи... С. 15-16; Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 89-91.

Заблаговременно до наступления родов специальным образом подготавливали комнату для роженицы: выносили все лишнее, меняли постельное белье, выбивали тюфяки, подушки и перины, подчас красили или обклеивали заново стены¹¹⁶⁶. Обычная кровать могла превратиться в «операционное ложе». Кровать выставляли посреди комнаты, чтобы обеспечить доступ к роженице, застилали ее клеенкой. Акушерки, присутствуя на домашних родах, нередко практиковали роды в кресле¹¹⁶⁷. Как правило, для этого использовалось обычное домашнее кресло, специально для этого приспособленное (застилали клеенкой и чистой тканью). Считалось, что полусидячая поза облегчает родовую деятельность. В связи с тем, что предсказать точную дату родов было невозможно, накануне предполагаемых родов кипятили большое количество воды (эти процедуры могли повторяться ежедневно в течение недели, а то и двух), меняя ее через день, дабы к моменту прибытия акушерки или врача имелась вода хорошего качества в достаточном количестве, готовили значительное число чистого белья. В ожидании схваток женщины стремились всевозможными способами отвлечь себя. Они шили белье для новорожденного, вязали, читали, наводили порядок, раскладывали белье.

Накануне родов дворянки старались подготовить все необходимые приспособления, которые могли бы потребоваться во время родов. С ростом медикализации родового процесса требования к предродовой подготовке рожениц увеличились. Акушеры отмечали, что *«если женщина не в состоянии ничего приготовить к родам, то лучше уж ей идти рожать в родильный дом»*¹¹⁶⁸. Столичные магазины, а также некоторые аптеки имели в продаже *«на случай внезапно наступающих родов»* специальный *«ящик для родов»*, где содержались все необходимые предметы: подкладное судно, Эсмархова кружка, биде, бандажи, перевязочные средства, клеенки, вата и др.¹¹⁶⁹. Состоятельные семьи могли позаботиться о приобретении *«акушерской сумки»*, куда входили все актуальные инструменты для работы акушерки.

Одним из традиционных предродовых ритуалов был семейный молебен, призванный защитить роженицу. Молились особым святым, связанным с

¹¹⁶⁶ Первый женский календарь на 1902 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 326.

¹¹⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. 34.

¹¹⁶⁸ Монин Л.М. Беременность и роды. Популярное изложение физиологии и диеттики беременных, рожениц, родильниц и новорожденных. СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1905. С. 64.

¹¹⁶⁹ Объявление // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 46.

материнством и детьми. Одна немолодая дворянка накануне родов родственницы писала: *«Я очень верю в мощную помощь родилицам Св. Евросиньи... Посоветуйте отслужить там о родильнице молебен»*¹¹⁷⁰. Речь шла о Ефросинье – жене Д. Донского, чей брак и чье материнство был символом любви и супружеской верности. Напоминал традиционную подготовку к родам в народной среде и процесс снятия с роженицы всех стесняющих повязок, развязывания тесемок, поясов, раздевания до исподней сорочки.

За неделю до предполагаемых родов формировалось особое окружение роженицы, состоявшее из родственников, а также из специалистов, способных оказать акушерскую помощь. В большинстве случаев к разрешавшейся от бремени дочери приезжала мать. Ее отсутствие на родах объяснялось исключительными обстоятельствами, препятствующими приезду: болезнью, природными катаклизмами, чрезмерной удаленностью. В письме к дочери, например, мать извинялась, что не может прибыть на роды, так как *«здоровье отца очень плохо»*¹¹⁷¹. Среди дворянок бытовало поверье о недопустимости конфликтов с матерью (в том числе со свекровью) перед родами. Сторонники психоанализа объясняют подобные представления тем, что по мере приближения родов у женщины оживают страхи детства, чувство вины перед матерью (при его наличии) рождает опасение материнского проклятия, которое приведет к гибели роженицы или ее дитя¹¹⁷². Дворянки верили, что ссора окажет негативное воздействие на сами родины и на новорожденного. Об этом повествовала М.К. Тенишева в своем дневнике: *«Как раз перед моими родами муж поссорился с матерью. Мы перестали видеться. Во время моих страшных мучений, длившихся четверо суток, я вдруг вспомнила одно старинное поверье: если перед родами не примириться с матерью, не разродишься. Тут же я просила доктора телеграфировать ей в Любань, что я прошу ее благословения и жду на крестины. Она ответила доктору: «Скажите Николаевым решительный ответ: крестить не буду». Меня это страшно огорчило, и спустя несколько часов у меня объявилась родильная*

¹¹⁷⁰ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 8. Л. 109.

¹¹⁷¹ ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 34. Л. 11об

¹¹⁷² Бовуар С. де. Второй пол. М.-СПб.: Прогресс, Алетеия, 1997. С. 572.

горячка»¹¹⁷³. Это обстоятельство волновало княгиню больше, чем сам процесс родов.

На родах могли находиться более опытные подруги роженицы, которые оказывали всевозможную помощь акушерке. Самыми важными лицами, несомненно, были врачи и акушерки. В условиях доминирования домашних родов они превращались в могущественных покровителей семьи, от которых зависело супружеское и семейное счастье. Привлечение на роды врача или акушера/акушерки, чьи услуги оценивались в несколько раз выше, чем услуги повитух, считалось выражением благосостояния семьи. Учитывая большое количество родов в жизни женщины, дружбой с врачами и акушерами особенно дорожили. С ними консультировались во время беременности, накануне родов. Л.Н. Толстой называл их *«новыми, важными лицами»* для каждой семьи.

4.1.2. Традиционные техники родов и новые акушерские практики врачей, акушеров/акушеров, «бабок»/повитух

Накануне родов на жительство в усадьбу приглашали акушерку (акушера) или повивальную бабку. Документальные источники пестрят подобными упоминаниями. В 1860–1870-х годах дворянки из состоятельных семейств зачастую обращались к иностранным специалистам, которых самостоятельно «выписывали» из Европы. Иностранные акушерки, чьи услуги за рубежом оплачивались все хуже (поскольку там рожать многие горожанки уже предпочитали в больницах, туда именно и уходили работать знавшие родильное дело специалисты¹¹⁷⁴), регулярно приезжали в российские города с оказанием соответствующих услуг. Они давали об этом рекламные объявления в местных газетах.

Считалось, что уровень европейской медицины и подготовки специалистов несравненно выше отечественного. Кроме того, к концу XIX века в Европе активно стала использоваться анестезия при помощи эфира или хлороформа (впервые примененная в конце 1840-х гг.), несмотря на христианское убеждение в том, что

¹¹⁷³ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. С. 38.

¹¹⁷⁴ Bardet J.-P., Lynch K. A., Mineau G.-P., Hainsworth M., Skolnick M. La Mortalité maternelle autrefois, une étude comparée (de la France de l'Ouest à l'Utah // Annales de démographie historique. Démographie historique et condition féminine. Paris: Mouton, 1981. P. 31-48.

дочери Евы должны принимать страдания и относиться к ним как к должному¹¹⁷⁵. В России же обезболивание применялось скорее на полях сражений при проведении срочных операций ампутации (впервые – в годы Крымской войны), думали о мужчинах¹¹⁷⁶; о женщинах отечественные врачи, введившие изобретение Н.И. Пирогова во врачебную практику, вспоминать не спешили. Во Франции повитухи обвиняли врачей в том, что тем не хватает терпения, и они слишком быстро прибегают к помощи хирургических щипцов¹¹⁷⁷; в нашем же отечестве врачи и повитухи на рубеже XIX–XX веков часто не имели ни того, ни другого.

«Выписать» заграничную акушерку было весьма дорогим удовольствием. В письме к беременной дочери, датированном 1878 годом, мать указывала, что *«при теперешнем курсе... эта затея будет стоить более 500 рублей»*¹¹⁷⁸. Эта сумма могла приближаться к годовому окладу земского врача или гимназического учителя. Поэтому даже в богатых семьях с конца 1870-х годов наблюдался отказ от иностранных специалистов в пользу отечественных. С конца XIX века важным аргументом стало появление неплохой подготовки акушеров в России¹¹⁷⁹, о чем быстро пошла молва: *«Хороших ученых повивальных бабок у нас множество, не только в Москве, но в каждом городе... и ведь благополучно рожают»*¹¹⁸⁰, – отмечалось в личной переписке. В пореформенной России, ввиду развития профессионального женского образования, акушерки и повивальные бабки имели хорошую подготовку. Они пришли на смену доморощенным сельским повитухам.

По инициативе властей с 1880-х годов повсеместно, даже при провинциальных родильных отделениях земских и городских больниц, стали открываться курсы повивального искусства. В частности, при Смоленской земской больнице в 1882 году состояло около 10 учениц, которые параллельно получали теоретические знания и практические навыки. Спустя год они сдавали экзамен на

¹¹⁷⁵ Wolf J.H. Deliver Me from Pain: Anesthesia and Birth in America. New York: JHU Press, 2011.

¹¹⁷⁶ Уваров Б.С. Вклад Н. И. Пирогова в развитие хирургического обезболивания // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 1985. Т. 135. № 11. С. 19-22.

¹¹⁷⁷ Leguay F., Barbizet C. Blanche Edwards-Pilliet, femme et médecine, 1858–1941. Le Mans: Editions Sennepanes, 1988 – книга о выдающемся французском враче, настояниями которого было введено обезболивание при родах.

¹¹⁷⁸ ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

¹¹⁷⁹ Первая доктор медицины в области акушерства – В.А. Кашеварова-Руднева (автор множества книг, в том числе и «Гигиены женского организма» (1892) – высоко оценила прогресс в области подготовки акушеров в последнее десятилетие XIX в. См.: И. Б. Доктор медицины г-жа Кашеварова-Руднева // Ставропольские Губернские Ведомости. 1871. № 19. С. 3.

¹¹⁸⁰ ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

звание повитух¹¹⁸¹. Впоследствии провинциальные земства стали отказываться от практики подготовки повитух по причине открытия профессиональных учебных заведений в столице и крупных губернских городах. В начале XX века подобные учреждения функционировали в Санкт-Петербурге (Еленинский повивальный институт, Императорский Санкт-Петербургский клинический повивальный институт, Суворовское училище повивальных бабок), в Москве (Долгоруковское училище для повивальных бабок); также были основаны акушерские и повивальные курсы при женских родильных приютах (Санкт-Петербургского родовспомогательного заведения, Мариинского родовспомогательного дома, Александрийского приюта, Воспитательного дома в Москве и др.), в которых в течение от года до двух лет желающие получали профессиональные теоретические и практические навыки¹¹⁸².

Судя по рекламным объявлениям провинциальной прессы 80–90-х годов XIX века, распространенным явлением был приезд в губернские города столичных акушеров. Они снимали квартиры, в которых могли предоставлять услуги роженицам, при этом подчеркивая свой профессионализм в деле родовспоможения. *«АКУШЕРКА ГАРБУЗОВА, приехавшая из Москвы и служившая там при одной из больниц в продолжение нескольких лет, предлагает роженицам свои услуги. Особ же, почему-либо не желающих родить дома, может принять у себя»*¹¹⁸³, – одно из многочисленных рекламных объявлений об акушерских услугах в провинциальной газете.

Акушерка приезжала в усадьбу за неделю, а то и за месяц до предполагаемых родов, стараясь наладить контакт с роженицей. *«У нее уже живет акушерка, такая милая, симпатичная особа... Она ожидает числа 10-го»*¹¹⁸⁴, – писала в письме к мужу некая О. Тидеман¹¹⁸⁵. О том же сообщала С.А. Толстая: *«Жила у меня акушерка, полька, воспитанная и учившаяся при Дерптском университете акушерству... Звали ее Марья Ивановна Абрамович... Марья*

¹¹⁸¹ Медицинский отчет по Смоленской губернской земской больнице за 1883 г. / Сост. Н.П. Энгельгардт. Смоленск: Губ. тип., 1884. С. 28.

¹¹⁸² Первый женский календарь на 1902 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 180-182.

¹¹⁸³ Реклама // Смоленский вестник. 1882. № 107. Л. 4.

¹¹⁸⁴ Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидемана (фон дер Бек) / Ред. Л.Л. Степченкова. Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 24.

¹¹⁸⁵ Там же.

*Ивановна принимала всех моих детей, кроме одного, к которому не поспела»*¹¹⁸⁶. Дворянки стремились отыскать свободную акушерку, определив ее на временное жительство к себе в усадьбу, дабы та не отвлекалась на свою основную работу или на других рожениц.

К выбору специалистов подходили с особым вниманием. Доверяли исключительно «проверенным», тем, кто ранее принимал роды в той же семье или кого рекомендовали родственники и знакомые. В личной дворянской переписке часто встречаются упоминания о «достойных акушерах», авторы нередко спрашивали совета друг у друга, к кому лучше обратиться. Супруги Волконские много рассуждали о российских акушерах, выделяя при этом два типа: честные, говорящие роженице только правду, и тех, кто стремился представить все в радужном свете, скрывая реальное положение дел¹¹⁸⁷. Сами супруги так до конца и не определились, какой тип лучше и предпочтительнее для роженицы и ее семьи. Среди аргументов в пользу того или иного акушера встречались следующие: *«руки золотые»*, *«знаток своего дела»*, *«был у меня на трех родах»* и др. Доверяли также акушерам и врачам с солидной акушерской практикой, работавших в стационарных родильных отделениях. З. Шарапова при выборе акушерки на третьи роды писала: *«Я Анну Ивановну в этот раз не возьму... Я беру ту, которая принимала у Саши и Любы Васильевых. Живет она в Мариинском Родильном доме, и после 10 июля совсем свободна, потому что у них начинается ремонт, и она может приехать ко мне заранее»*¹¹⁸⁸.

Если же акушерка – на удачу – проживала близко, то ее могли позвать при непосредственном наступлении схваток. К этому часто прибегали семьи, жившие в городе. Заблаговременно приглашать специалиста не было смысла, если с наступлением схваток можно было за короткое время доставить его к роженице, при условии существующей договоренности. А.А. Знаменская сообщала в дневнике, что как только почувствовала себя *«скверно»*, – *«послала за бабкой»*¹¹⁸⁹. При наступлении схваток Е.С. Кавос (вошедшая в историю нашего искусства как художница и график, участница выставок передвижников) *«написала письмо»*

¹¹⁸⁶ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8.

¹¹⁸⁷ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 21об.

¹¹⁸⁸ ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1027. Л. 7.

¹¹⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 29.

акушерке¹¹⁹⁰. Однако риск при этом был высок, так как рабочий день акушеров был достаточно загруженным и непредсказуемым. Нередко застать дома специалиста, даже если с ним имелась договоренность, было не просто, о чем повествовал Григорий Петрович Волконский в письме к матери: *«Вчера вечером акушерку не застал дома. Пошел сегодня в 11 ч и также не застал. Оставил свою карточку и просил зайти сегодня до 8 вечера. Пока ее нет. Очевидно, она на практике где-нибудь»*¹¹⁹¹.

Состоятельные семьи, дабы получить квалифицированную помощь, вместо акушерки приглашали врача или одновременно акушерку и врача. Княгиня Ирина Дмитриевна Татищева указывала, что при рождении ее сестры в имении Ворганово Смоленской губернии, когда наступили схватки, *«позвали молодого доктора»*¹¹⁹². Провинциальная тверская дворянка Трубникова в письме к отцу сообщала: *«Сегодня в час дня приехала к нам Лидия Ивановна, во время же родов была только бабка с Егоровной»*¹¹⁹³. С.А. Толстая вспоминала: *«К вечеру из Тулы приехал доктор Шмигарио... за ним послали по просьбе акушерки, которая видела, что роды очень затягиваются...»*¹¹⁹⁴. Е.С. Кавос при наступлении родов вначале пригласила акушерку, а чуть позже женщину-врача. На плечи акушерки возлагалась ответственность за правильное течение предродового процесса. Если она видела осложнения, то убеждала семью роженицы пригласить доктора. Об этом решении она могла сообщить накануне родов. В обеспеченных семьях была распространена практика посещения акушеркой женщины на последнем месяце беременности. Она проводила физиологический осмотр, делала соответствующие замеры (данные заносятся в особый акушерский дневник), давала инструкции по устройству комнаты роженицы и выносила решение о необходимости присутствия на родах врача.

В том случае, если медицинский персонал был в шаговой доступности, то использовался и такой вариант: при ухудшении общего самочувствия, наступлении схваток звали акушерку, врач мог на протяжении дня заглядывать к роженице, определяя степень готовности к родам и контролируя действия акушерки.

¹¹⁹⁰ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 9. Л. 184.

¹¹⁹¹ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 9. Л. 39.

¹¹⁹² Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М.: Айрис-пресс, 2005. С. 13.

¹¹⁹³ ТГОМ НА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹¹⁹⁴ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8 .

Окончательно доктор приезжал с началом родового процесса, и акушерки ему подчинялись, выполняя все приказы и не имея толком возможности откликнуться на потребности женщин. Врач-акушер Н.Н. Феноменов в своей практике применял способ общения с акушерками при помощи записок. Он настоятельно рекомендовал акушеркам, повивальным бабкам, посылающим за врачами, в записке излагать все подробности родового процесса, дабы врач мог заранее определить какие инструменты, медикаменты ему будут необходимы¹¹⁹⁵.

В отношении родов, протекавших на дому, закон не имел особых инструкций. Врачи и акушерки освобождались от обязанности отчитываться за принятые роды перед кем бы то ни было. В то же время в законе содержались статьи, призывавшие к ответственности акушерок и врачей в случае оказания неквалифицированной помощи, что в современной медицине относится к разряду «врачебных ошибок». В «Уложении о наказаниях 1885 года» в статье 870 особо отмечалось, что в случае допущения акушерками, повивальными бабками во время принятия родов *«по незнанию своему более или менее важных ошибок»* они лишались права заниматься акушерской практикой, *«доколе они не выдержат нового испытания»*¹¹⁹⁶. Повивальная бабка подвергалась аресту до трех месяцев, если, *«находясь при трудных родах, предпримет такую операцию, для которой она обязана ... требовать помощи акушера или врача»* (статья 877). В связи с этим при возникновении осложнений, дабы снять с себя груз ответственности, акушерки привлекали врачей. В том случае, если врач не являлся на призыв акушерки, закон предусматривал наложение на него высокого штрафа.

От профессионализма акушерки зависели жизни матери и ребенка, здоровье рожениц и характер послеродового восстановления. Ольга Олохова, повествуя о своих беременностях и родах, отмечала, что при первых родах к ней были приглашены акушерка и врач, о квалификации которых она ничего не знала. В итоге ее роды превратились в тяжелейшие мучения. Сама акушерка комментировала: *«Мы с доктором сделали все, чтобы вас уморить, да Господь бог спас вас»*¹¹⁹⁷. Родовой процесс затянулся, а послеродовое восстановление продолжалось несколько месяцев. По вине некомпетентности акушерки не удалось

¹¹⁹⁵ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 24.

¹¹⁹⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. М.: Гос. тип., 1892. С. 489.

¹¹⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

наладить грудное вскармливание. На следующие роды она приглашала акушерку, которую ей рекомендовали знакомые, обойдясь без врача, присутствие которого на родах ей показалось бесполезным.

В распоряжении акушерок был традиционный набор инструментов и специальных средств: кружка, маточный и клистирный наконечники, подкладное судно, вата, марля, ножницы для перевязки пуповины, холодная кипяченая вода, кипяток, иногда средства для снятия боли. Врач располагал более широким набором перевязочных, лекарственных средств акушерских принадлежностей, позволявшим производить оперативные процедуры на дому. В условиях домашних родов остро стояла проблема асептики и антисептики. Известные гинекологи в своих учебных пособиях не раз подчеркивали, что часто акушерки и врачи не только не дезинфицируют акушерские принадлежности, но даже не моют руки перед родами пациенток¹¹⁹⁸. Профессор Н.Н. Феноменов настоятельно призывал врачей, принимавших роды на дому, не использовать специальных сумок для перевозки инструментов, а заворачивать их в обычную простыню. Перед началом родового процесса он убеждал акушерок и врачей тщательным образом кипятить инструменты непосредственно в доме роженицы.

Поведение аристократок перед родоразрешением, судя по их автодокументальным текстам, было пассивным, они полностью подчинялись командам акушерок или врачей. Новой предродовой манипуляцией, свидетельствовавшей о медикализации родового процесса, было принятие роженицей ванны, после которой акушерка проводила очищение кишечника беременной. Для дворянок данная процедура была в новинку. Столь откровенные действия с их телом вызывали страх и удивление¹¹⁹⁹. Роды происходили на кровати, реже в кресле. Ряд специалистов в собственной практике применяли укладывание роженицы поперек кровати, считая, что поперечная постель обеспечивает наилучшее положение (спинно-ягодичное) роженицы¹²⁰⁰. С наступлением схваток роженицам разрешалось встать, даже немного походить, но затем их укладывали на кровать, приподнимая верхнюю часть туловища для лучшего напряжения мышц брюшного пресса. По аналогии с народной традицией

¹¹⁹⁸ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 21-28.

¹¹⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 170об-177; ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 56. Л. 154-160.

¹²⁰⁰ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 18.

к кровати рожавшей женщины акушерки привязывали полотенце, держась за которое, роженица усиливала потуги. Некоторые врачи использовали специальный «ногoderжатель», который в условиях отсутствия помощников выполнял функцию фиксатора ног роженицы, создавая при этом комфортные условия для работы акушера¹²⁰¹. В условиях стационара распространен был «ногoderжатель Отта». Непосредственно перед родами акушерка омывала тело роженицы, живот накрывала салфеткой или марлей, на ноги надевались чистые чулки, что считалось неотъемлемым атрибутом.

Одной из инноваций в условиях домашних родов было робкое применение средств обезболивания и наркоза. Дворянки быстрее, чем обычные горожанки (тем более крестьянки) стали ставить перед докторами вопрос о легком обезболивании. Однако эта практика встречалась не так часто, как в Европе. В начале XX века простейшие средства могли находиться в «акушерском наборе», более дорогие покупались мужьями заранее или во время родов в аптеках и аптечных магазинах. В употреблении врачей и акушеров были хлороформ, морфий, эфир, «веселящий газ» (закись азота), а также кокаин, опиум и даже гипноз, о чем сообщали врачи и сами роженицы¹²⁰². Новые способы применения кокаина были использованы доктором Н. Мансуровым. При болезненных маточных сокращениях он смазывал кокаином слизистую носа, что приводило к уменьшению болей. Он подтвердил теорию западных акушеров о том, что *«воздействие на слизистую оболочку носа путем рефлекса передается и на половую сферу, точно так же, как установлено и обратное влияние»*¹²⁰³. Известный в России акушер-гинеколог профессор Н.Н. Феноменов убеждал коллег, ссылаясь на свой длительный опыт практической работы, что наилучшим наркозом является применение хлороформа в сочетании со смазыванием слизистой носа роженицы 2% раствором кокаина и впрыскиванием под кожу раствора морфия¹²⁰⁴. Профессор Н.И. Побединский рекомендовал

¹²⁰¹ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 18, 24; Бубличенко Л.И. Практические указания для устройства родильного приюта. Пг.: Гос. тип., 1915. С. 6-7.

¹²⁰² Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1915. С. 111-112; Боткин Я.А. Гипнотизм в гинекологии и акушерстве. М.: Тип. В. Рихтер, 1897; РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 171об.

¹²⁰³ Мансуров Н. О влиянии смазывания кокаином половых точек в носу для обезбоживания родов // Акушерка. 1899. № 8. С. 225-226; Пликус Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 10. № 19-20. С. 309.

¹²⁰⁴ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 13.

отказаться от впрыскивания кокаина в спинномозговой канал, указывая на большую эффективность его в виде влагалищных тампонов. Указания на применение обезболивающих содержались в художественной литературе того времени, а также в женских дневниках. Так, в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Константин Левин с началом родов жены (Кити) едет за доктором, по пути собираясь приобрести в аптеке опиум. При этом провизор долго не соглашался продать ему препарат, только сбивчивые объяснения Левина о тяжелых родах Кити, о настоятельных рекомендациях доктора убедили его.

Современные философы, изучающие влияние феномена боли на развитие человечества, выделяют оборотную сторону анальгезии для экзистенциального опыта человека и его культурной истории. Они считают, что попытки тотального физического контроля боли, несмотря на расширение хирургического горизонта, устранение опасности болевого шока и летального исхода оперируемых в конечном итоге приводят к редуцированию и обесцениванию жизни¹²⁰⁵. Применение анальгетиков во время родов становилось привилегией для женщин из обеспеченных слоев общества, которые страховали себя от чрезвычайной боли. Однако этот процесс отдалял женщин от традиционного естественного переживания родового процесса. Благополучное течение схваток, потуг, появление плода и выход последа все менее и менее зависели от самой роженицы. Квалифицированные специалисты, обезболивание, новые инструменты и манипуляции – вот главные действующие лица нового родильного акта. Роженица в этом процессе все чаще занимает второстепенное место. Несомненно, профессионализм специалистов, возможность ослабить боль – благо цивилизации. Но игнорирование самой роженицы в этом процессе, очевидно, обесценивает саму жизнь с самого ее первого дыхания.

Если роды затягивались, акушерка или врач могли ускорить процесс. Проводились операции искусственного возбуждения родов. Чаще всего решались на искусственный разрыв плодного пузыря, что, как известно, могло привести к рождению ребенка «в рубашке» (с остатками плодного пузыря на лице, что было опасно для первого вдоха младенца). Прокалывания осуществлялись не только специальными инструментами (маточным зондом), но и при помощи вязальной

¹²⁰⁵ Куксо К.А. Без боли. Очерк генезиса массовой анальгезии // Человек. 2013. № 6. С. 87.

спицы, иглы, шпильки или просто пальца. Тем же самым занимались акушеры в просвещенной Европе, однако довольно скоро такое ускорение было приравнено к впрыскиванию в матку мыльной воды – то есть спровоцированному выкидышу¹²⁰⁶.

Изучение дворянской автодокументалистики показывает, что, несмотря на наличие профессиональной врачебной помощи, женщины чаще обращались к акушеркам и повитухам и даже «бабкам», оставляя врача на самый тяжелый случай. Врач В.Н. Жук отмечал, что около 90% родов в интеллигентных семьях России производятся при помощи акушеров без привлечения врачей¹²⁰⁷. Даже на роды первых лиц государства чаще приглашали акушеров. В частности, когда разрешалась первенцем Мария Федоровна, позвали «м-ль Михайлову»¹²⁰⁸. На родах у Александры Федоровны (жены Николая II) также присутствовали, исключая самого мужа, только женщины: свекровь, родственница Элла и акушерка¹²⁰⁹. Показательны первые роды С.А. Толстой (жены писателя), которые принимала акушерка, в то время как врач находился в другой комнате, готовый, при возникновении затруднений, прийти на помощь. Зачастую врач играл роль «зрителя» и только в исключительных случаях вмешивался в работу акушеров. Сложно найти однозначное объяснение данному факту. Во-первых, сам процесс родов относился к традиционной женской практике, главной участницей которой на протяжении веков была повитуха, а впоследствии более образованная акушерка. Во-вторых, не стоит сбрасывать со счетов особый моральный подтекст родового процесса: благовоспитанные, к тому же первородящие дворянки искренне смущались мужчин-врачей, предпочитая им специалистов женского пола. Однако найти дипломированного врача-женщину было сложно, поэтому врачам предпочитали акушеров. О том, что к врачам-мужчинам, не только принимавшим роды, но и вообще осматривавшим женщин, было много претензий, доказывали скандальные случаи конца XIX века, связанные с гимназическими врачами. Известность получили жалобы дворянок в отношении училищных врачей-мужчин,

¹²⁰⁶ К 1910 году метод впрыскивания стал широко распространенным: врачи и акушерки практически в открытую предлагали свои услуги производства таким образом абортов на поздних стадиях беременности (Shorter E.A. *History of Women's Bodies*. Harmondsworth: Penguin, 1984. P. 182-190).

¹²⁰⁷ Жук В.Н. *Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении*. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 434.

¹²⁰⁸ Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 47.

¹²⁰⁹ Там же. С. 171.

проводивших регулярные осмотры учениц. В итоге в 1908 году МНП распорядилось принимать на врачебные должности женских гимназий преимущественно женщин. Если профессиональный врачебный осмотр девочек вызывал такие тревоги у родителей, то можно предположить, что присутствие постороннего мужчины вносило явный дискомфорт для роженицы. Не стоит сбрасывать со счетов материальный фактор, вызов врача стоил значительно дороже, нежели акушерки и повитухи. К тому же считалось, что акушерки более опытны, чем врачи. Е.С. Кавос, пригласив на роды и акушерку и женщину-врача, с горечью вспоминала: «... но потом я очень жалела, что за ней послала. Можно было отлично и без нее; она была очень неприятная, придирчивая к Долиной (акушерка: Прим. автора) и с ней ссорилась – и расходов меньше»¹²¹⁰.

Заметные изменения в окружении рожениц стали происходить в первые десятилетия XX века. Все чаще среди лиц, присутствовавших на родах, были врачи. Предпочтение все также отдавалось женщинам-врачам, но их количество было ничтожным, поэтому у постели рожавшей оказывались мужчины медицинской профессии. Так потерпела крах традиционная форма женской солидарности; дворянки первыми потеряли независимость в репродуктивной сфере: мужчины-врачи, считалось, все знали лучше. Барьеры благопристойности рухнули стремительно: если во времена Бориса Годунова врач, расспрашивавший женщину о ее самочувствии, был изгнан как бесстыжий проходимец, то в начале XX века дворянка, желавшая родить, обращалась к доктору, ее новому «природному» защитнику. Это надежное доказательство того, что происхождение данного табу в русской культуре имело характер культурный, нежели «природный». Понятно, образованные женщины сами постепенно приобщились к медицинской практике, но получение ими доступа к профессии было тогда в России в далеком будущем¹²¹¹.

¹²¹⁰ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 9. Л. 184.

¹²¹¹ Эйгорн И.В. История женщин-врачей. М.: Унив. тип., 1884; Вольнопрактикующий доктор. Могут ли быть женщины врачами в России? // Петербургский вестник. 1861. 9 ноября; Любина Г.И. Сестры Гортынские в поисках жизненного пути // Частное и общественное: гендерный аспект. Ярославль-М., 2011. Т. 1. С. 516-519; Шестова Т.Ю. Первые женщины-врачи // Женская история и современные гендерные роли. Переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. С. 315-321.

После появления на свет новорожденного в течение получаса акушерка или врач контролировали выход «детского места» (последа). Нередко эта процедура требовала квалифицированной помощи. В.П. Багриновская так описала это странное для нее действие: *«Как странно, что он стал плоский. Но спина болит еще нестерпимо. Еще что-то теплое и мягкое скользит по ногам – «место, место» – порывисто говорят женщины. А чувствую, что какая-то горячая, густая волна хлынула из меня»*¹²¹². В стационаре распространенным явлением было «операционное пособие» под названием «ручное отделение последа», о чем свидетельствуют отчеты губернских больниц¹²¹³. Эта процедура могла проводиться и в случае домашних родов при достаточной квалификации врача или акушера. А.А. Знаменская писала: *«Родила трудно, чуть не умерла. Место вытаскивали руками, если бы не Максимов, я бы непременно сгибла»*¹²¹⁴. Источники личного происхождения свидетельствуют, что в дворянской среде исчезало особое отношение к последу, уходили в прошлое ритуалы, связанные с ним (захоронение, высушивание и сохранение)¹²¹⁵. Он воспринимался в качестве побочного продукта родовой деятельности, а не как особый предмет для символических действий.

Специалист, принимавший роды, проводил первые манипуляции с новорожденным. Практика приглашения педиатра на роды в дворянскую семью почти не встречалась. В отличие от народных обрядов, где пуповину новорожденному перерезал отец, в дворянских семьях это была, вероятно, малозначимая и формальная медицинская процедура. О ней не пишут ни счастливые отцы, ни родившие дворянки. Из врачебных отчетов известно, что при перевязке пуповины распространение получил гипс (*«скорее сушит гангренизирующийся остаток пуповины и удаляет зловоние при отпадении жирных и мокнущих пуповин»*)¹²¹⁶. Далее следовала процедура очищения ребенка. Наиболее безопасным и полезным для новорожденного считалось обмывание с натирание его тельца сырым яичным желтком (вместо мыла). Обмывание ребенка

¹²¹² РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 172.

¹²¹³ Отчет о деятельности Смоленской губернской земской больницы за 1898 г. / сост. С.А. Александров. Смоленск: Губ. тип., 1899. С. 44.

¹²¹⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 51.

¹²¹⁵ Головин В.В. Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи... С. 34; Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи... С. 72-73.

¹²¹⁶ Сутугин В.В., Воздвиженский Г.М. Краткий исторический очерк устройства Московского родовспомогательного заведения и медицинский отчет за 1888 г. М.: б/и, 1889. С. 25.

также не носило символического смысла, превращаясь исключительно в гигиеническую процедуру.

Несмотря на возросшую научную подготовку акушеров и сельских повитух, среди них нередко встречалась средневековая процедура «правки» ребенка. Суть манипуляций состояла в том, что акушерка, если находила какие-либо анатомические изъяны на теле ребенка (угловатую голову, асимметрию рук или ног, кривизну в спинке или грудке), то с помощью рук прибегала к нажимам и поглаживанию, словно вылепливая идеальные пропорции новорожденного. В описании послеродовых манипуляций «бабки», принимавшей роды в крестьянской семье, дореволюционная исследовательница О.П. Семенова-Тян-Шанская, указывала: *«Бабка купает младенца..., при этом бабка иногда «расправляет» головку младенца, придавая ей руками более округлую форму. Поправляют и носик, если он приплюснутый»*¹²¹⁷. Учитывая, что те же «бабки» нередко принимали роды у дворянок, можно предполагать, что подобные практики производились на дворянских детях. Даже в популярном труде по гигиене В.Н. Жука содержатся следующие указания: *«Только после первой ванны необходимо внимательно осмотреть новорожденного, чтобы убедиться, все ли части тела его сформированы, нет ли каких-нибудь неправильностей и, в случае нужды, принять все меры к устранению их, если только это возможно»*¹²¹⁸. Американская исследовательница К. Калверт в своей знаменитой книге «Дети в доме», описывая родины в американских семьях конца XVII века, также упоминала о данной процедуре акушеров. Она объясняла подобное поведение убежденностью общества, что новорожденный – это «комочек плоти», который необходимо преобразовать в настоящего человека¹²¹⁹. И если, по мнению американского историка, данная традиция исчерпала себя на Западе к началу XX века, то в провинциальной России подобные манипуляции с телом новорожденного продолжали встречаться, равно как и тугое пеленание, которое также было призвано придать правильную форму всем частям тела малыша. В связи с этим в

¹²¹⁷ Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана» / Записки Императорского РГО по отделению этнографии. Т. 39. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. С. 36.

¹²¹⁸ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 315.

¹²¹⁹ Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: НЛЮ, 2009. С. 31.

популярных медицинских пособиях авторы настойчиво продолжали указывать на недопустимость «вытягивания», «распрямления» ножек и ручек ребенка¹²²⁰.

В случае затруднения проходимости плода врач, в том числе и при домашних родах, все чаще прибегал к особым акушерским операциям. Наиболее частыми были «поворот на ножку», разрыв плодного пузыря, разрез половой щели, нередко приходилось вытаскивать ребенка при помощи «щипцов» (операция наложения щипцов), применение которых негативно сказывалось на младенце. При возникновении тяжелых патологий в родах врачи могли произвести на дому операцию эмбриотомии, состоящую в процедуре внутриутробного раздробления плода. Однако зачастую врачи были не готовы к подобной манипуляции из-за отсутствия специальных инструментов¹²²¹. В автодокументалистике рожденные при помощи «щипцов» дети нередко назывались «испорченными». Детей, появившихся на свет раньше срока, а также с ослабленным здоровьем, некрасивых называли «плохими» и «недоносками» (данный термин употреблялся даже в научной литературе). А.А. Знаменская писала о рождении седьмого по счету ребенка: «Он родился плохой, больной, некрасивый»¹²²². К категории «нежизнеспособных» детей относили рожденных до 28-й недели, при росте ниже 40 см и весе меньше 1500 г. Нормальным (доношенным) считался мальчик в среднем весом 3330 г и девочка весом 3220 г, при росте 50 см. Крупным считался ребенок 4000–4500 г. В мемуарах встречались сообщения о рождении детей до 5 кг («ребенок большой, весу 10 фунтов»)¹²²³. Детей свыше 5000 г относили к категории «чрезмерно развитых» и «детей-великанов»¹²²⁴. Например, крупные дети рождались в семьях российских императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. Долгожданный сын Алексей весил 4660 г при росте 58 см¹²²⁵, а их

¹²²⁰ Дернова-Ярмоленко А.А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенком. М.: Тип И.Н. Кушнерева, 1912. С. 18.

¹²²¹ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 26-27.

¹²²² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 45об.

¹²²³ ТГОМ НА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹²²⁴ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1915. С. 218.

¹²²⁵ Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М.: Вагриус, 1998. С. 7; Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Изд. Центрполиграф, 2010. С. 29; Танаков А.И. Династия Романовых: акушерский анамнез (часть II: от Екатерины II до Александры Федоровны) // Журнал акушерства и женских болезней. 2007. № 4. С. 103

первая дочь Ольга при росте 55 см имела вес в 4500 г (10 фунтов)¹²²⁶. Очевидно, что при субтильности императриц подобные размеры ребенка были смертельно опасны для матери.

Несмотря на развитие знаний в сфере гинекологии, распространение операций «чревосечения», нередко семьям по настоянию врача приходилось делать выбор между жизнью роженицы и потенциального дитя. В воспоминаниях И.Д. Голицыной сохранился сюжет, датируемый концом XIX века: *«Когда начались роды, позвали молодого доктора. Через некоторое время он вышел из комнаты роженицы, отвел моего отца в сторону и сказал, что надо быть готовым пожертвовать матерью или ребенком. Следует сделать выбор»*¹²²⁷. В конечном итоге все закончилось благополучно – ни мать, ни ребенок не пострадали. Этот сюжет демонстрирует готовность врача в неприспособленных условиях, в домашней обстановке, произвести кесарево сечение. Несмотря на распространенность данной процедуры в акушерской практике стран Западной Европы и США, в России «кесарское сечение» проводилось крайне редко, зачастую с мертвой женщиной¹²²⁸. В связи с этим о каждом отдельном случае чревосечения врачи подробно сообщали в научных публикациях¹²²⁹. В провинциальных городах кесарево сечение делалось еще реже, чем в столичных городах. К примеру, в родильном доме имени З.Ф. Могилевцевой в Брянске с 1910 по 1914 годы было сделано 4 операции чревосечения, то есть в среднем по одной операции в год¹²³⁰. Акушер В.В. Потеенко проанализировал все известные ему случаи чревосечения на живой женщине в российских родильных стационарах за три десятилетия. Собранные им данные позволяют установить, что подавляющее большинство пациенток – крестьянки и мещанки. Из 159 описанных случаев

¹²²⁶ Дневник императора Николая II. Берлин: Слово, 1923. С. 111.

¹²²⁷ Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М.: Айрис-пресс, 2005. С. 13.

¹²²⁸ Вахтин Н. Исторический очерк развития хирургической помощи роженицам // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 11. С. 1298-1322.

¹²²⁹ Столыпинский В.А. Случай кесарского сечения при относительных показаниях // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 11. С. 1362-1363; Прокопьева Г.С. Три случая кесарского сечения // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 12. С. 1677-1685; Потеенко В.В. 4 кесарских сечения // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 7-8. С. 989-999.

¹²³⁰ Деятельность родильного дома им. З.Ф. Могилевцевой за 1914 г. и сравнительно за пятилетний период со дня открытия его 1 мая 1910 г. Брянск: Тип. Я.Н. Подземского, 1915.

только 3 относились к дворянкам¹²³¹. Кесарево сечение не практиковалось при домашних родах. Ни в автодокументальных свидетельствах женщин, ни во врачебных отчетах не удалось найти информации о реально проведенной процедуре кесарева сечения в домашних условиях. Разумеется, этот факт не исключает существования подобных операций в частной врачебной практике. В учебниках по акушерству начала XX века авторы допускали возможность проведения «кесарского сечения» на дому¹²³².

4.1.3. Роды в условиях родильных стационаров

С развитием земской и городской медицины при больницах повсеместно открывались родильные отделения. В губернских городах функционировали платные родильные приюты и лечебницы, рассчитанные на состоятельную публику. Несмотря на этот факт, общий процент женщин, пользовавшихся услугами профессиональных медицинских кадров в условиях стационара, был незначительным. По данным статистических отчетов за 1913 год, из 96 177 беременных Смоленской губернии больничной помощью сумели воспользоваться чуть более 2 000 женщин, то есть 2% рожениц¹²³³.

Сложно согласиться с выводами В.А. Верemenко, полагавшей, что в начале XX века все большее число дворянок обращалось в родильные стационары, а домашнее акушерство уходило в прошлое¹²³⁴. Статистические данные данного процесса не подтверждают. Представительницы привилегированного сословия упорно не желали обращаться в родильные отделения, продолжая рожать дома. Основные пациентки стационаров – женщины из социальных низов (прислуга, ремесленницы, работницы), дворянки встречались там крайне редко. Согласно медицинским отчетам родовспомогательного заведения Императорского Московского воспитательного дома, в 1870-е годы около 5–10% рожавших

¹²³¹ Потеенко В.В. 159 случаев чревосечений // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 11. С. 1521-1553; Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 12. С. 1685-1710.

¹²³² Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 25, 332.

¹²³³ Шверин Т.В. Состояние и деятельность земско-медицинских учреждений за 1913 г. // Сведения о заразных больных и деятельности медицинской организации в Смоленской губернии. 1914. № 6. С. 13-18.

¹²³⁴ Верemenко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 73-83.

приходилось на долю дворянок, (ежегодно до 300 человек)¹²³⁵. Наибольший процент рожениц – крестьянки и мещанки. По данным Смоленской земской больницы, в конце 1880-х годов дворянок, воспользовавшихся услугами родильного отделения, было не более 8%¹²³⁶. Этот показатель был существенно ниже в родильных отделениях Воронежа¹²³⁷. Ситуация существенным образом не изменилась к 1910-м годам, о чем свидетельствуют отчеты родильных отделений. К примеру, в 1915 году среди пациенток родильного дома имени З.Ф. Могилевцевой в Брянске дворянок было зафиксировано не более 5%¹²³⁸. Л.И. Бубличенко, изучавший родовспоможение в Петрограде в 1915 году, пришел к выводу, что около 40% рожениц, пользовавшихся услугами стационаров, относилось к социальным низам (прислуга, ремесленницы, работницы). В отношении дворянок и *«лиц интеллигентных профессий»* исследователь указал, что их был *«сравнительно ничтожный процент»*¹²³⁹. Обращение дворянок к услугам стационарных родильных отделений объяснялось различными факторами. Во-первых, это было вызвано экономическими причинами. К родам в стационаре прибегали обедневшие дворянки и дворянки средней руки. К началу XX века далеко не все из них имели усадьбы, рожать в тесных городских квартирах было не принято. К тому же приглашение на дом врача или акушерки было недешевым удовольствием (в среднем 50 рублей за роды, что могло составлять месячный заработок врача или педагога гимназии). С другой стороны, прибегать к анонимному рождению в больнице заставляло «незаконное» положение (внебрачная беременность) рожавшей. Учитывая распространенность этой практики, в родильных стационарах рожениц ранжировали на *«законных»* – рожали в браке, *«незаконных»* – вне брака, *«секретных»*, – основное требование которых состояло в сокрытии факта их беременности и родоразрешения. Зачастую количество «незаконных» и «секретных» рожениц превышало число «законных». В

¹²³⁵ Медицинский отчет родовспомогательного заведения Императорского Московского воспитательного дома за 1876 и 1877 г. М.: Изд. Моск. гор. думы, 1878. С. 9.

¹²³⁶ Медицинский отчет по Смоленской губернской земской больнице за 1883 г. Смоленск: Губ. тип., 1884. С. 27.

¹²³⁷ Петров М.В. Отчет за 19 лет по родильному отделению Воронежа // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 9. С. 670-684.

¹²³⁸ Деятельность родильного дома им. З.Ф. Могилевцевой за 1914 г. и сравнительно за пятилетний период со дня открытия его 1 мая 1910 г. Брянск: Тип. Я.Н. Подземского, 1915. С. 3.

¹²³⁹ Бубличенко Л.И. Родовспоможение в Петрограде и его роль в охране материнства и детства // Охрана материнства и детства. 1916. № 1. С. 74.

частности, по данным родовспомогательного отделения Московского воспитательного дома за 1887 год, 57,9% рожениц приходилось на долю незамужних, а значит, «незаконных»¹²⁴⁰. По данным Санкт-Петербургского родовспомогательного отделения в 1880-е годы до 65% женщин являлись незамужними¹²⁴¹.

Воспользоваться услугами «секретных» родов могли далеко не бедные роженицы. Так, в 1902 году в родовспомогательном отделении Санкт-Петербурга за пребывание в секретных номерах необходимо было заплатить 40–45 рублей за 9 дней, что в 8 раз превышало плату за нахождение в общих «законных» и «незаконных палатах». Этот факт дает основание предполагать, что среди «секретных» рожениц было немало дворянок, желавших скрыть факт своей «незаконной» беременности.

Другой существенной причиной обращения в стационар являлась возможность получения более квалифицированной помощи. Согласно больничной документации провинциальных родильных отделений, туда прибывали в основном роженицы с осложнениями. По данным 1887 года, около 84% рожениц поступали в родильное отделение Московского воспитательного дома с *«вполне развившимся ходом родов»*¹²⁴², что косвенно подтверждает факт обращения в стационар при возникновении осложнений. Большинство прибывших женщин приходилось на долю повторно рожавших (более 70%). Это свидетельствовало в пользу того, что женщины, имевшие опыт домашних родов, все больше и больше отдавали предпочтение профессиональной стационарной акушерской помощи. В медицинских отчетах нередко сообщалось о доставленных женщинах, *«измученных продолжительными родами, требующих оперативной помощи»*¹²⁴³. В качестве примера можно привести описание родового процесса прибывшей женщины,

¹²⁴⁰ Медицинский отчет о состоянии родовспомогательного заведения Императорского Московского воспитательного дома за 1887 г. / сост. Г.М. Воздвиженский, В.В. Сутугин. М.: Изд. Моск. гор. думы, 1888. С. 5-6.

¹²⁴¹ Медицинский отчет Санкт-Петербургского родовспомогательного заведения за 1889 год // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 7-8. С. 521-546.

¹²⁴² Медицинский отчет о состоянии родовспомогательного заведения Императорского Московского воспитательного дома за 1887 г. / Сост. Г.М. Воздвиженский, В.В. Сутугин. М.: Изд. Моск. гор. думы, 1888. С. 5-6.

¹²⁴³ Сутугин В.В., Воздвиженский Г.М. Краткий исторический очерк устройства Московского родовспомогательного заведения и медицинский отчет за 1888 г. М.: Изд. Моск. гор. думы, 1889. С. 30.

рожавшей уже в пятый раз: «25 января, в 9 часов утра поступила роженица, 32 лет. Околоплодный пузырь прорван бабкой 23 января на дому до прибытия, матка открыта на 1,5 пальца, плод в I затылочном положении. Найдено: $t=38,8$, живот сильно вздут и чувствителен, отек легких. Рвота постоянная. Несмотря на возбуждающие, роженица через 13 часов после поступления умерла, не разрешившись»¹²⁴⁴. Прошло двое суток с начала родов, прежде чем женщина обратилась за профессиональной врачебной помощью. При необходимости осуществления кесарева сечения роженицу также доставляли в стационары, так как врачи были противниками осуществления подобных манипуляций на дому. «Производство операции должно быть предпринимаемо в клиниках, родильных домах и больницах, словом – там, где имеется под руками все, что нужно, согласно современным требованиям», – писал о «чревосечении» известных российский акушер¹²⁴⁵.

Дворянки, как правило, пользовались платными палатами. Прямые указания на это в отчетах медицинских учреждениях отсутствуют. Однако с учетом того, что содержание в платных палатах было очень дорогим, число рожениц дворянского происхождения практически всегда совпадало с количеством занятых платных палат.

Характер наблюдения за роженицами в стационаре несколько отличался от современной практики. Прибывших женщин встречал дежурный, в случае «незаконной» беременности разрешение на размещение давал сам врач. Женщинам выписывался билет, в котором сообщалось, в какие сроки она должна будет прибыть рожать. «Секретные» роженицы оставляли запечатанный конверт, в котором помещались сведения о себе (имя, место жительства). Если роды заканчивались благополучно, то конверт возвращали женщине, если нет – вскрывали и оповещали родственников. После посещения дежурного роженицы направлялись в приемную, где их осматривали и (в случае необходимости) проводили процедуру «очищения». Как правило, здесь они раздевались и оставляли собственную одежду, облачаясь в больничное белье. Женщин принимали в родильное отделение при наступлении схваток. Заблаговременно

¹²⁴⁴ Там же. С. 7-8.

¹²⁴⁵ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 332.

никого не оставляли, если, конечно, речь не шла о размещении в платные палаты. Многие из беременных не успевали добраться до стационаров, роды проходили в буквальном смысле «в дороге», в связи с чем в медицинских отчетах выделялась категория «уличных родов». Если женщина выбирала одиночные платные палаты (которые стоили достаточно дорого), то ее могли принять и накануне до предполагаемых схваток.

Замужние дворянки средней руки, выбрав роды в стационаре, заранее договаривались о предоставлении им одиночной палаты, куда их отвозили мужа при приближении срока¹²⁴⁶. Отделения для «законных», «незаконных», «секретных», больных рожениц были разделены. Плата за услуги разительно отличалась, «незаконные» роженицы платили в 1,5–2 раза больше «законных». В условиях стационара женщины и их новорожденные обеспечивались всем необходимым: посудой, бельем, одеждой. Среди детского белья значились распашонки, пеленки, «подгузки», свивальники. Выписка женщин из родильных отделений происходила, согласно больничным инструкциям «...не прежде, как состояние их здоровья то позволяет и, по возможности, не ранее 9–10 дней»¹²⁴⁷.

В условиях родильного стационара самыми распространенными акушерскими процедурами и операциями были: наложение щипцов Лазаревича (инструмент для извлечения плода, представляющий собой прямые щипцы с параллельными браншами), поворот «на ножку», чревосечение, эмбриотомию (раздробление плода с последующим его извлечением через родовые пути). В современной гинекологии акушерскую манипуляцию поворот «на ножку» не применяют, заменив его кесаревым сечением. В прошлом «поворот» использовался при косом и поперечном положении плода. Сама процедура состояла во введении акушером руки в полость матки, поиск и захват ножки плода, поворот плода «на ножку» и извлечение. Данная манипуляция была достаточно опасной, ее частым результатом становилась смерть роженицы или младенца.

В дворянской автодокументалистике описания родов в стационаре встречаются крайне редко. Их удалось обнаружить в литературных воспоминаниях Татьяны Фохт-Ларионовой, воспоминаниях Л.Д. Менделеевой-Блок, дневниках

¹²⁴⁶ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 40. Л. 22об-23.

¹²⁴⁷ Устав родовспомогательного и учебного родовспомогательного заведений им Ф.В. Чижова. Кострома: уезд. губерн. тип., 1902. С. 8.

А.А. Алексеевского¹²⁴⁸. О своем рождении в 1900 году Т. Фохт-Ларионова сообщала, что появилась она в частной родильной лечебнице на Никитском бульваре. Ссылаясь на слова матери, она указывала, что роды были очень тяжелыми, у новорожденной был обнаружен «родимчик», вследствие чего они с матерью провели в больнице длительное время¹²⁴⁹. Нередко обратиться в стационар заставляло сложное течение родов. Тяжелую картину родового процесса описывала Л.Д. Менделеева-Блок: *«Четверо суток длилась пытка. Хлороформ, щипцы, температура сорок, почти никакой надежды, что бедный мальчик выживет... Я лежала: передо мной была белая равнина больничного одеяла, больничной стены. Я была одна в своей палате и думала: «Если это смерть, как она проста...». Но умер сын, а я нет»*¹²⁵⁰. Она испытала все возможные осложнения, сопровождавшие роды: неправильный выход ребенка, требующий наложения щипцов (что особенно пугало рожениц), родильную горячку после родов, отсутствие молока и, самое страшное, гибель ребенка.

Тот факт, что в столице и провинции к началу XX века широкое распространение получали частные «родильные приюты», «родовспомогательные лечебницы», «убежища для рожениц», услуги в которых были не дешевы, можно предполагать, что состоятельные дворянки прибегали к помощи их специалистов. Только в одной столице частный прием вели в начале XX века свыше 120 врачей-акушеров¹²⁵¹. Особую известность приобрела роскошная акушерская клиника, открытая в 1904 году на Васильевском острове известным акушером, принимавшим роды у императрицы, Д.О. Оттом. Минимальная плата в частных родильных приютах составляла 15 рублей в сутки, однако чаще всего оплата определялась *«по взаимному соглашению их с учредителем»*¹²⁵². В столичных частных родовспомогательных заведениях плата за роды и шестидневное

¹²⁴⁸ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 40. Л. 22об-23.

¹²⁴⁹ Фохт-Ларионова Т. Воспоминания Т. Фохт-Ларионовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т. XI]. С. 643.

¹²⁵⁰ Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен: б/и, 1979. С. 67.

¹²⁵¹ Самгин И.Я. Адресная книжка врачей, дантистов, акушеров, лечебных заведений и аптек г. Москвы. М.: Тип. Н.И. Куманина, 1903. С. 80-82.

¹²⁵² Устав женской лечебницы с родильным отделением врача М.А. Амчиславского в Харькове. Харьков: Тип. Х.М. Аршавской, 1898. С. 8.

содержание доходила до 50–60 рублей¹²⁵³. Нередко при этих заведениях располагался штат кормилиц, услугами которых могли воспользоваться женщины. В рекламном объявлении Смоленской акушерки М.А. Богдановской-Лукиной читаем: *«Имеет комнаты для беременных рожениц и родильниц со всеми удобствами, а также доставляет и кормилиц»*¹²⁵⁴. Акушерки предоставляли услуги «секретным роженицам», а также принимали детей *«на присмотр»*, видимо, тех, от которых отказывались родители: *«Акушерка Клюквина в Вязьме предлагает помещение и уход за женщинами, приезжающими за советами к докторам, а также принимает секретных рожениц и заботу о детях»*¹²⁵⁵. Учитывая повышенную анонимность, они пользовались большой популярностью. В связи с отсутствием отчетов частных родильных отделений сложно говорить о количестве дворянок, пользовавшихся их услугами.

Помимо родов в стационаре, родильные отделения больниц предлагали такую услугу, как «роды на квартирах» («квартирные родовспоможения»). Этой услугой преимущественно пользовались социальные низы. Специально закрепленные за тем или иным районом города акушерки могли прибывать к роженицам для оказания профессиональных услуг. Акушерки в данном случае исполняли «участковую деятельность», которая была предписана их обязанностями. При неразвитости участкового медицинского обслуживания выезд акушерок являлся чуть ли не единственной формой подобной деятельности. Чем было продиктовано существование подобной практики? Вероятно, тем фактом, что родовой акт для большинства женщин являлся традиционным действием. Женщина легче переносила роды в домашнем пространстве, при поддержке родных. Итак, к родам в стационаре обращались женщины при неправильных и нежеланных родах, в случае акушерских отклонений, показаниях к экстренным операциям, в случае незаконного рождения, а также при отсутствии средств на оплату труда акушерки или врача.

¹²⁵³ Реклама / Самгин И.Я. Адресная книжка врачей, дантистов, акушеров, лечебных заведений и аптек г. Москвы. М.: Тип. Н.И. Куманина, 1903. С. 5.

¹²⁵⁴ Реклама // Смоленский вестник. 1903. № 5. С. 1.

¹²⁵⁵ Реклама // Смоленский вестник. 1882. № 63. С. 4.

4.1.4. Послеродовой период в жизни матери

Завершение родового процесса знаменовало наступление родильного периода в жизни женщины, когда из роженицы она превращалась в родильницу. Послеродовое восстановление у дворянок протекало, как правило, непросто и хлопотно. Этот период, по мнению врачей, длился до 8 недель. В начале XIX века в дворянских семьях после появления на свет очередного отпрыска были распространены массовые визиты родственников, сопровождавшиеся обильным общением, поздравлениями, вручением подарков. С.А. Толстая, рожая в 1860-х годах первенца, вспоминала, что в ночь сразу после родов все домочадцы были разбужены. В родильную комнату вносили шампанское, все пили за здоровье матери и новорожденного¹²⁵⁶. Ее родственница, присутствовавшая там, также свидетельствовала: *«Подали шампанское и ходили поздравлять ее, я настояла, чтобы и меня пустили»*¹²⁵⁷. На протяжении второй половины XIX века в организации послеродового периода дворянок под влиянием настойчивых увещаний врачей наблюдались значительные перемены. Исчезали шумные поздравления и визиты, вместо этого родильница и ребенок изолировались от посторонних лиц на несколько недель, а то и месяцев. Главный аргумент врачей состоял в необходимости профилактики занесения различных инфекций. В крестьянских семьях открытость послеродового периода, по сообщению этнографов, сохранялась вплоть до начала XX века¹²⁵⁸.

На время восстановления родильницы в обеспеченных семьях нанимали особый персонал: сиделку для женщины и (в случае необходимости) кормилицу для новорожденного. Нередко работу сиделки предлагали акушеркам и повитухам, удачно принявшим роды. За отдельную плату вести наблюдение за восстановлением женщины могли врачи и акушеры, которые ежедневно навещали своих подопечных. После первых родов Александры Федоровны (жены Николая II) за ее уходом и развитием ребенка вели тщательный контроль известнейший акушер-гинеколог Дмитрий Оскарович Отт и акушерка Е.К. Гюнст. Они проводили

¹²⁵⁶ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. №8 / <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm> (дата обращения 24.12.2013).

¹²⁵⁷ Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной поляне. Тула: Тульское книжное издательство, 1958.

¹²⁵⁸ Дроздов М.А. Из этнографии Смоленской губернии. Крестины // Смоленский вестник 1896. № 43. С. 2.

осмотры императрицы, присутствовали при кормлении, купании ребенка, измеряли, взвешивали его. Акушерка оставалась при Александре Федоровне на протяжении трех месяцев¹²⁵⁹.

Е.С. Кавос сообщала, что после родов акушерка приходила 17 раз, женщина-врач – 10 раз¹²⁶⁰. В.П. Багриновская длительное время не хотела отпускать акушерку, так как ее присутствие прибавляло уверенности в собственных силах. Она описывала свое тяжелое состояние после того, как настало время расставания с акушеркой: *«Присутствием акушерки еще снималось с меня бремя ответственности, но вот она ушла и не придет больше. Я лежа смотрю ей вслед и удивляюсь, почему же она не взяла с собой мальчика?»*¹²⁶¹.

Данная практика существенно отличала Россию от Западной Европы: там к началу XX века приходящие медсестры и няньки стали такими же, как и акушерки, подчиненными врачей, буквально их прислугой. Там к ним никто не прислушивался – они были лишь исполнительницами воли обученных врачей¹²⁶²; в России же повитухи и няньки все еще сумели сохранить некоторую независимость и существенно помогали женщинам после родов, опираясь на свой опыт женской профессиональной помощи.

В тех семьях, где отношения между супругами были теплыми, муж мог сам заботиться о здоровье жены, проводя дни напролет у ее постели. В семье Половцовых Анатолий Викторович после очередных родов жены оказывал ей всевозможную помощь. Он следил за общим состоянием ее организма, измерял температуру, кормил, давал ей лекарства¹²⁶³. Можно сказать, это свидетельствовало о появлении в высших образованных слоях общества «нового супружества», в рамках которого мужа не перекладывали миссию заботы на плечи нанятого персонала (как это практиковалось в самых просвещенных странах Европы¹²⁶⁴). Врач или акушерка оставляли для мужей подробные инструкции по уходу за

¹²⁵⁹ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Изд. Центрполиграф, 2010. С. 14.

¹²⁶⁰ ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 9. Л. 155.

¹²⁶¹ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 174.

¹²⁶² Ripa Y. L'Histoire du corps, un puzzle en construction // Histoire de l'éducation. 1988. V. 37 (January). P. 47-54.

¹²⁶³ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9. Л. 36-37.

¹²⁶⁴ Henry L. Mortalité des hommes et des femmes dans le passé // Annales de démographie historique. 1987. P. 87-118.

родильницей. Понятно, что на плечи акушеров был возложен спектр более интимных и менее приемлемых для мужчин операций (помощь в омовении, в том числе половых органов, помощь при очищении кишечника, которому придавалось тогда большое значение, бандажирование бинтами живота и т. д.).

В отличие от малообеспеченных женщин в городе и особенно в деревне, дворянки могли себе позволить длительное послеродовое восстановление. И чем больше было средств на него, тем более капризной могла быть в этот период недавно родившая. Императрица Александра Федоровна после рождения дочери Ольги долго восстанавливалась. Она настолько плохо себя чувствовала, что первое время после родов вынуждена была передвигаться в особом инвалидном кресле¹²⁶⁵. Для восстановления здоровья она регулярно принимала соляные ванны. После первых родов княжны Ирины Юсуповой, племянницы императора, ее состояние резко ухудшилось, в результате чего она вынуждена была около года восстанавливать здоровье. Т.Л. Сухотина-Толстая после сложных родов (два рожденных ребенка оказались мертвыми) отмечала, что весь год ее преследовали болезни, оправиться от родов ей было крайне тяжело: *«Здоровье мое сильно расшатано, всю осень я хвораю: то бронхит, то колит, то ангина. А главное, почки больны, есть маленький нефрит и разные уремические проявления»*¹²⁶⁶.

От нескольких недель до месяцев женщины проводили в постели, набираясь физических и душевных сил. Даже при внешнем благополучии родильницы ей назначался абсолютный постельный режим (в среднем продолжительностью до двух недель), не предполагавший даже незначительных передвижений. Спустя неделю постельного режима женщинам позволялось послушать легкое чтение, но рекомендовалось избегать чрезмерных разговоров. Несмотря на удачные роды, Е.Н. Половцова чувствовала себя крайне тяжело. На пятый день после родов ее муж писал: *«Катя сильно слаба. Грудь сильно набухли. Температура 38,4 градусов»*¹²⁶⁷.

¹²⁶⁵ Николай II записал в дневнике от 18 ноября 1895 года: *«Сидел у Аликс, которая каталась в подвижном кресле и даже побывала у меня»*. (Дневник Николая II. М., 1991. С. 114)

¹²⁶⁶ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 424.

¹²⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. 18.

Графиня П.С. Уварова отмечала, что ее муж очень удивлялся, когда доктор сообщил, что *«раньше 15 дней нельзя будет покинуть постели»*¹²⁶⁸. После двух недель, проведенных в кровати, дворянка писала: *«Я сегодня первый раз встала с постели. У меня закружилась голова, я упала бы, если не ...»*¹²⁶⁹. В отношении собственного состояния дворянки часто употребляли слово «плохая». Провинциальная дворянка спустя 3 недели после родов писала: *«Силы мне немного стали изменять... Физически пока сил хватает, но нравственно я разбита до нельзя, а я так слаба, что как сама выкупаю Котю, то хоть ложись, спины не чувствую»*¹²⁷⁰. Вероятно, причиной длительного восстановления являлись большие кровопотери, инфекции и постродовая депрессия. Несмотря на развитие учения об асептике и антисептике¹²⁷¹, эти знания не так стремительно проникали в сферу домашних родов, что приводило к инфицированию организма родильницы и ее длительному восстановлению.

М.К. Тенишева упоминала о недельной «родильной горячке»: *«Я поправлялась очень медленно. По приказанию доктора моя бабка, добродушная, но вульгарная женщина, осталась при мне сиделкой»*¹²⁷². О недельном «жаре» сообщала и А.А. Знаменская¹²⁷³. «Родильная горячка» – общее название тяжелого послеродового состояния женщины, выражавшегося в инфицировании организма. Эта патология, согласно дневниковым записям дворянок и свидетельствам врачей, являлась распространенной при домашних родах, в связи с ограниченностью средств асептики и антисептики. В родильных отделениях «родильная горячка» практически не встречалась. А.А. Знаменская указывала, что только спустя 3 месяца после родов ей *«сделалось лучше»*¹²⁷⁴. Тяжелейшее послеродовое состояние описывала Ольга Олохова, которая впервые смогла взять на руки дочь, когда ей

¹²⁶⁸ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 55.

¹²⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 51об.

¹²⁷⁰ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 26.

¹²⁷¹ Введенская Е.И. К вопросу об асептике и антисептике в гинекологии: дис. на степень д-ра медицины. Петроград, 1916; Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 21-28; Губарев А.П. Обеззараживание. Правила, приемы и средства очистки и обеспложивания, применяемые в гинекологической клинике. М.: б/и, 1910; Сангер М. Асептика в гинекологии и акушерстве. СПб.: Практическая медицина, 1896.

¹²⁷² Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. С. 38.

¹²⁷³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 51.

¹²⁷⁴ Там же. Л. 30 об.

исполнилось 5 месяцев. Почти 2 месяца родильница пролежала на спине, родные были уверены в ее скорой смерти¹²⁷⁵.

В том случае, если постродовых патологий не наблюдалось, врачи настаивали провести не менее десяти суток в постели, при этом первые два дня необходимо было лежать на спине, с третьего-четвертого дня разрешалось ложиться на бок и вставать. На протяжении 5–6 суток запрещалось сидеть. В комнату родильницы рекомендовалось впускать только самых близких родственников. Объяснялось это не столько опасностью занесения инфекции, сколько профилактикой душевного расстройства женщины: *«Должно сколько возможно удалять лишних посетителей и пустое любопытство, потому что между прочими легко могут попасться такие лица, которые сами по себе произведут неприятное впечатление, или такие, которые надоедят болтовней, передадут известие некстати, сообщат новость не во время»*¹²⁷⁶, – отмечал врач. Среди запрещенных процедур значилось чтение книг, так как считалось, что излишняя умственная работа также оказывает негативное влияние на восстановительный процесс. Что касается прогулок, то врачи их разрешали спустя месяц после родов при условии благоприятного течения послеродового периода¹²⁷⁷.

Послеродовой период в жизни дворянской женщины все больше медиализировался. Им на помощь приходили новейшие средства медицины и фармацевтической промышленности. Эти нововведения были призваны сохранить красоту женского тела и снизить возможность появления гинекологических патологий. Все чаще на страницах научных и научно-популярных журналов можно было встретить рекламу обезболивающих средств, помогавших, как обещали производители, снять послеродовые боли. В частности к таковым относилось специализированное болеутоляющее средство «Mammin-Poehl Ovariw-Poehl Aspirin», применявшееся также при дисменорее и аменорее¹²⁷⁸.

С целью увеличения сокращения матки, предотвращения всевозможных гинекологических отклонений, а также для профилактики «вислого живота» сразу после родов акушерка накладывала женщине что-то похожее на давящую повязку

¹²⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

¹²⁷⁶ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 271.

¹²⁷⁷ Первый женский календарь на 1902 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 326.

¹²⁷⁸ Реклама // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 12. С. 1677-1686.

из обычного бинта. Распространение получил специально сконструированный академиком А.Я. Красовским брюшной бинт, он же именовался бандажом. В ходу также были «набрюшники», которые носили и во время беременности в качестве бандажа. «Набрюшник» надевали на четвертый день после родов, оставаясь в нем на протяжении нескольких месяцев. Для многожды рожавших одной из существенных проблем становился «отвислый» живот. В связи с этим среди дворянок все чаще стал использоваться профилактический бандаж, сконструированный отечественной акушеркой Е. Андреевой. Именно женщина-врач предложила использовать не обычные плотные, а вязаные (растягивающиеся) бинты, комбинируя их с обычными. Бандаж застегивался спереди и заканчивался вязаными короткими панталончиками. Во имя сохранения фигуры его назначали носить на протяжении полугода после родов. Цены на данные изделия были высоки – от 5 рублей и выше (то есть стоили столько же, сколько 2 кг красной икры или офицерский ранец в 1913 году¹²⁷⁹). Данная конструкция получила широкое распространение в Европе под названием «русский бандаж».

В гигиенических целях применяли «дамские гигиенические подушки», используемые женщинами как во время регул, так и в послеродовой период. Не только столичные, но и провинциальные газеты пестрели объявлениями о продаже соответствующей текстильной продукции. «Гигиенические подушки» можно было приобрести в аптекарских магазинах. Они продавались спрессованными в пакетики по 6–12 штук, их цена составляла от 80 коп. до 2 р. Средства интимной гигиены могли быть вязаными, из бумажной ткани, а также из «древесной сулемовой ваты»¹²⁸⁰. Ввиду экономии предлагались «дамские подушки» многоразового использования, в рекламных объявлениях подчеркивалось удобство их стирки. Для родивших женщин к «гигиеническим подушкам» рекомендовалось приобретать «дамский пояс» для их поддержания. Пояс был изготовлен из «высококачественной резины», цена которого варьировалась от одного до двух рублей. Наиболее распространенными были изделия доктора Фюрста, включавшие небольшой «набрюшник», к которому на особых застежках прикреплялась

¹²⁷⁹ Бородин Л.И., Валетов Т.Я. Измерение и моделирование динамики неравенства в оплате труда промышленных рабочих в России в начале XX в. / <http://new.hist.asu.ru/biblio/keh/bv.shtml> (дата обращения 12.12.2014).

¹²⁸⁰ Реклама // Смоленский вестник. 1889. № 12. С. 4

подушечка с сулемною ватой. По сообщениям отечественных акушеров, в конце XIX века среди женщин высшего сословия имел распространение «*регулоприемник Perioden-Taschen*», состоявший из коротких сетчатых панталон, к которым был пришит резиновый мешок. Цены на данный товар были высоки – от 10 рублей.

Подводя итоги, следует отметить, что родильные практики, сложившиеся в дворянской среде России, в немалой степени характеризует национальную культуру деторождения. Образ жизни дворянок столь же выразителен для понимания русской женской повседневности, сколь и детали быта простолюдинок. Под влиянием практического внедрения новых достижений в акушерстве и гинекологии, повышения уровня подготовки отечественных врачей, коммерциализации материнства в дворянском сословии на протяжении второй половины XIX века формировалась отдельная культура рождения, для которой были свойственны особые процедуры, действия, состав участников. Сложно говорить о складывании отдельной родильной обрядности в среде дворянства, уместно характеризовать данное явление, как процесс стереотипизации их поведения¹²⁸¹ и выработки определенных универсалий в сфере деторождения.

К основным чертам родин в дворянской среде начала XX века можно отнести следующие: распространение домашних родов; ограничение призыва на роды профессиональных врачей (их присутствие не означало непосредственного участия в родовом процессе), предпочтение отдавалось акушеркам; относительно слабая (по сравнению со странами Западной Европы и США) медиализация родовой деятельности; роженице отводилась пассивная роль; обязательное присутствие мужа на родах; физически и психически женщины были не готовы к предстоящему событию; роды проходили сложнее, чем в других социальных группах; послеродовое восстановление затягивалось; сохранялась процедура «правки» ребенка; для восстановления дворянки прибегали к новейшим изобретениям (болеутоляющие, «набрюшники», бандажи, «гигиенические подушки», «дамские пояса», «регулоприемники»). Домашние роды в дворянских семьях оказались сферой пересечения традиционных практик (отказ от

¹²⁸¹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 8.

стационарной медицинской помощи, появление на свет ребенка в домашней обстановке, семейные молитвы накануне родов, избегание мужского окружения на родах, привлечение повитух, вера в приметы, молебны, «правка» ребенка) и инноваций, связанных с развитием научного знания (предродовое просвещение на основе специальной медицинской литературы, приобретение накануне родов особых медицинских приспособлений, призыв профессиональных врачей и акушеров, использование современных болеутоляющих, применение новейших средств, облегчавших послеродовое восстановление). Вследствие медиализации репродуктивного поведения дворянок, беременность и роды стали рассматриваться в качестве патологии, особого болезненного состояния, требовавшего интенсивного вмешательства представителей врачебного сообщества.

Домашнее пространство у дворян считалось самым подходящим для разрешения женщины от бремени. Если среди крестьян присутствовала маргинализация «родимого» места, роженица нередко выбирала нежилое, периферийное место (баня, хлев, подполье), то в дворянской среде роды происходили в супружеской спальне. Спальня превращалась в аксиологический центр, где во всех смыслах зарождалась новая жизнь. Роженица и ее семья накануне предполагаемого события должны были самостоятельно подготовить все необходимые для родов атрибуты и приспособления (родильную комнату, средства гигиены, специальные медицинские предметы, а иногда и инструменты), а также договориться с врачом, акушеркой или повитухой. В условиях доминирования домашних родов акушеры превращались в могущественных покровителей семьи, от которых зависело супружеское и семейное счастье. Привлечение на роды врача или акушера/акушерки, чьи услуги оценивались в несколько раз выше, чем услуги повитух, считалось выражением благосостояния семьи. Предпочтение отдавалось женщинам-врачам и акушеркам, ввиду особого морального подтекста родового процесса: благовоспитанные, к тому же первородящие дворянки искренне смущались мужчин-акушеров, предпочитая им специалистов женского пола.

Послеродовое восстановление у дворянок протекало, в отличие от крестьянок, непросто и хлопотно. На время восстановления родильницы в обеспеченных семьях нанимали особый персонал: сиделку для женщины и кормилицу для новорожденного. Послеродовой период у дворянок все больше

медикализовался. Им на помощь приходили новейшие средства медицины и фармацевтической промышленности. Эти нововведения были призваны сохранить красоту женского тела и снизить возможность появления гинекологических патологий.

В дворянских семьях исчезали символические ритуалы, сопровождавшие родовой процесс в крестьянской среде; обрядовая сторона играла все меньшую роль. Контроль над родами переходил в руки квалифицированных специалистов, которые вместо ритуалов использовали современные медицинские средства и манипуляции. Шла апробация новой технократической модели родов, когда тело становилось объектом медицинских манипуляций и апробаций в большей мере, нежели объектом контроля его хозяйки. Медиализация родов, формирование технократической модели родовспоможения оказывали существенное влияние на поведение самой роженицы, от которой мало что зависело; ее состояние, действия, тело находились под полным контролем экспертов. Несмотря на развитие стационарной медицины, открытие родильных отделений, дворянок среди пациенток практически не было. В дворянской автодокументалистике описания родов в стационаре встречаются крайне редко.

4.2. Гендерные различия в восприятии и эмоциональном переживании родов

4.2.1. Легитимация родового акта в женских нарративах

За исключением последних двух десятилетий¹²⁸² чувства были в нашей науке предметом интереса специалистов иных, в основном негуманитарных, наук, а потому исследователи прошлого от них открещивались. Обращение к автобиографиям – женским автобиографиям прошлого – позволяет поставить вопрос, ранее в отечественной исторической антропологии не ставившийся: вопрос об эмоциональной составляющей процесса рождения детей. Существующие исследования, в которых уделяется внимание эмоциональным переживаниям

¹²⁸² Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Ред. Я. Плампера, Ш. Шахад и М. Эли. М.: НЛЮ, 2010; Текуева М.А. Мир интимных переживаний в традиционной культуре адыгов // Научная мысль Кавказа. 2007. № 3. С. 60-69; Морозов И.А. «Мужские слезы» и эмоции пограничных состояний // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. М.: Изд-во «Индрик», 2007.

родового акта, посвящены преимущественно традиционным или современным родам¹²⁸³. С этой точки зрения дворянская повседневность изучалась крайне мало, преимущественно на материале XVIII века¹²⁸⁴. Антропология рождения в высших слоях российского общества на рубеже XIX–XX веков практически не рассматривалась¹²⁸⁵. Эмоциональную составляющую и ее проявления исследователи никогда не ставили в центр своего изучения; предметом исследовательского наблюдения были традиции, ритуалы, предметный мир, но не эмоции. В данном случае предметом изучения будут проявления эмоций представительницами и представителями высших слоев российского общества пореформенной России.

Дворянки пореформенной России на страницах дневников и воспоминаний стали охотнее делиться описанием собственных родов по сравнению со своими предшественницами. Родильный акт в глазах самих женщин получил определенную степень легитимации благодаря научному дискурсу о сути материнства и важности подготовки к нему. Создавая образ «идеальной матери»,

¹²⁸³ Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2009; Rivkin-Fish M.R. *Women's Health in Post-Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 2005; Тёмкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 321–336; Листова Т.А. Ребенок в русской семье. Рождение. Крещение. 2-я половина XIX–XX в. // Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка. М., 1995. С. 8–59; Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001. С. 236–266; Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15–27; Белоусова Е.А. Родовая боль в антропологической перспективе // *Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры*. 1998. Вып. 6. С. 48–59; Пушкарёва Н.Л., Мухина З.З. Дородовой период и роды в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно Центральных губерний) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Вып. 22. № 7. С. 160–168.

¹²⁸⁴ Kuxhausen A. *From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Eighteenth-Century Russia*. University of Wisconsin Press, 2013; Пушкарёва Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 93–103; Белова А.В. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. С. 29–48.

¹²⁸⁵ Веретенко В.А. Оказание акушерской помощи дворянкам России во второй половине XIX – нач. XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 3. С. 138–144; Мицюк Н. «Соня опять беременна, а Маня завидует». Деторождение в жизни дворянок пореформенной России // Родина. 2013. № 7. С. 136–138; Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Домашние роды в российских дворянских семьях (конец XIX – начала XX в.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 167–183; Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (к истории российской дворянской повседневности конца XIX – начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия История. Политология. 2015. № 13. Вып. 35. С. 133–142.

так называемые «эксперты» (врачи, литераторы, педагоги) придавали значимость традиционным материнским практикам, наделяя их биологическую сущность особым социальным значением. Тем самым они выводили из тени описательства табуированные самими женщинами темы, связанные с интимными женскими практиками, важнейшее место из которых занимали роды. В.П. Багриновская, оставившая наиболее подробные (из обнаруженных) повествования о родах, как раз указывала на то, что побуждающим мотивом для нее стали слова писателя Г.И. Успенского, который критиковал женщин за отсутствие подробных описаний чувств, испытываемых во время родов¹²⁸⁶. Важно и то, что изображение родильного акта и сопутствующих ему эмоциональных переживаний свидетельствовало в пользу изменявшегося гендерного порядка: в обществе стала доминировать идеология «обособленных сфер». Женское пространство, несмотря на эмансипацию и феминизацию, стало ассоциироваться исключительно с домом и материнством, к чему так неистово стремились создатели образа «сознательной матери». Дворянки стали концентрироваться вокруг собственного (женского) антропологического опыта, связанного с деторождением.

Прочитав не один десяток женских текстов конца XIX–начала XX века, в которых аристократки описывали собственную беременность и роды, удивляет нетипичное для современных женщин отношение к предстоящему событию: его просто боялись. Похоже, никто из авторов не романтизировал беременность, а уж тем более разрешение от бремени. Никто из женщин радостно не восклицал, узнав о зарождении новой жизни. Единственное чувство, которое женщины испытывали и о котором писали – страх. Если сам акт близости с мужем воспринимался дворянками как что-то «животное», «гадостное», «свинское»¹²⁸⁷, то сам процесс дарования жизни казался тем более страшным по своей близости к животному миру. В описании родов превалировали формулировки, подчеркивавшие страдания роженицы. Для благородных дам, романтических созданий, воспитанных в лучших традициях, первые роды являлись вторым драматичным потрясением в их жизни после дефлорации. Они ни физически, ни психически не были готовы к

¹²⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 171.

¹²⁸⁷ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 25-34; РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 115об–116; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 346.

предстоящим испытаниям. В связи с этим, характеризуя собственные чувства, они нередко ассоциировали себя с Другим, как правило, животным.

Современные исследователи боли как явления полагают, что при болевых приступах тело всегда воспринимается в парадоксальном модусе свое-чужое¹²⁸⁸. Даже при легких болевых ощущениях, по мнению специалистов, тело превращается в объект, который пытается осмыслить и рационализировать сознание. Среди наиболее часто встречающихся описаний своего состояния: «бесконечные мучения», «страдала, как смертельно раненная», «животная боль», «кричала, как безумная»¹²⁸⁹, «страшные мучения»¹²⁹⁰, «ужасные страдания»¹²⁹¹. Несмотря на доброжелательную атмосферу домашних родов, которую создавали домашние в дворянской среде, и мужчины, и женщины воспринимали роды как пограничное (жизнь/смерть) состояние, причем – как и в традиционной культуре¹²⁹² – роды рассматривались, скорее, как умирание, а не возрождение. Мысль о приближавшейся смерти, ее предчувствие было свойственно практически всем авторам текстов. В особенности это касалось тех, чей первый опыт беременности и родов был неудачным. *«Вот так, должно быть, умирают!»*¹²⁹³ – размышляла, рожая третьего ребенка, молодая дворянка. *«О, это были страшные мучения, я молила Бога, чтобы мне умереть поскорее»*¹²⁹⁴, – описывала свое состояние другая женщина. А.А. Знаменская, будучи в пятый раз беременной, признавалась: *«Нынче мне часто является мысль о смерти. Не суждено ли мне умереть нынешними родами?... Умирать хорошо... Как не хочется умирать»*¹²⁹⁵. Иные образованные женщины, адекватно оценивая опасность, в преддверии родов составляли завещание и, ища понимания и сочувствия у мужей, признавались, как

¹²⁸⁸ Куксо К.А. Без боли. Очер генезиса массовой анальгезии // Человек. 2013. № 6. С. 82.

¹²⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 12. Картон 1. Д. 1. Л. 5.

¹²⁹⁰ Дьяконова Е.А. Дневник Е. Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 194; Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. С. 182-183.

¹²⁹¹ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8 / <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm>; Бекетова М.А. Из дневника М.А. Бекетовой. М.: Правда, 1990.

¹²⁹² Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 40; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. С. 208.

¹²⁹³ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 46об.

¹²⁹⁴ Дьяконова Е.А. Дневник Е. Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 194.

¹²⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 27, 28.

Е.Н. Половцова: *«Я ужасно боюсь смерти. Родной мой, мне хочется жить и жить»*¹²⁹⁶.

Перенесенные роды могли полностью изменить мировоззрение женщин, оставляя в стороне все романтические мечтания о жизни. Преодоление посттравматического состояния, шок от произошедшего (в особенности, если роды были с осложнениями) приводили к тому, что матери, которые прежде были сентиментальными особами, пересказывали собственные роды в сухих, лишенных возвышенности словах. Ранее романтическая девушка Оля Олохова свои первые, тяжелейшие роды описала резко, коротко, буквально телеграфным стилем: *«Роды были тяжелые – 36 часов. Место приросло. Его отдирали и видно не начисто, так как начался жар, горячка, потом закупорка вен. Ноги опухли, как бревна и как бревна лежали неподвижно, долго, долго... 3 месяца, из них 6 недель на спине...»*¹²⁹⁷. Очевидно, что в данном случае доминировало желание стереть все нечеловеческие переживания, выпавшие на ее долю.

За редким исключением дворянки характеризовали свои роды как «тяжелые» или «трудные». Врачи тоже отмечали, что родовой процесс у женщин образованного класса чаще, чем у работниц и крестьянок, протекает с осложнениями. Во многом это было обусловлено образом жизни дворянок, физической слабостью их организма, нетренированностью мышц, изнеженностью. Несмотря на культивирование врачебным сообществом «сознательного материнства», святости материнского долга, описание самого родильного акта в ряде работ дореволюционных авторов напоминает характеристику тяжелобольного человека, требующего серьезной врачебной помощи. В частности, тяжелое впечатление оставляет характеристика родов в медицинском труде женщины-врача Елизаветы Дрентельн, в котором описание роженицы и родильницы можно сравнить с повествованием о раненом человеке: *«Обилие ранений, зияний родовых путей, скопления кровяных масс и частей отпадающих ушибленных тканей – все это располагает, с одной стороны, к занесению в родовые пути микробов, с другой – благоприятствует размножению последних, вследствие чего легко наступает гниение и разложение находящихся здесь органических масс, а иногда и*

¹²⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 645. Л. 48.

¹²⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 140-140об.

всасывание продуктов гниения в общие соки организма родильницы. Этим, как известно, обуславливаются жестокие послеродовые заболевания, местного и общего характера, нередко ведущие к смерти... Если прибавить к этому более или менее значительные разрывы и ранения, ведущие впоследствии к различным смещениям, выпадению матки... растяжению стенок живота и ослаблению брюшных мышц...»¹²⁹⁸. Беременность, родовой процесс, кормление грудью Е. Дрентельн характеризовала не иначе как «немалая доза серьезных страданий», которые ничем не могут быть устранены. Для нее деторождение являлось выражением колоссальных физических, духовных и психических затрат, требовавшихся от женского организма. Состояние беременности, родовой акт под влиянием врачебного дискурса стали рассматриваться в качестве патологии, требовавшей вмешательства и участия врача. Данная тенденция была характерна для стран Западной Европы и США при переходе от традиционной к биомедицинской модели родов¹²⁹⁹.

Во многом сложность родов аристократок была обусловлена генетическими факторами и их образом жизни. Физиологически дворянкам, по сравнению с крестьянками, было труднее рожать, поскольку из поколения в поколение браки заключались в своем кругу, и женщины оставались наследственно субтильными. Вес дворянок в возрасте 20–40 лет составлял в среднем 55 кг, в то время как дети у них рождались не маленькие, около 3500–4000 г. Желание выставить напоказ грудь и выпрямить позвоночник так, чтобы радовать мужской глаз, плохо коррелировало с формированием организма будущей матери; многие женщины думали не о том, как им придется рожать, а о том, как поразить будущих мужей захватывающим зрелищем осиных талий. Ношение деталей одежды, немислимых в народной среде – корсета, стягивавших подкройных лифов с прокладкой китовым усом, использование многочисленных шнуровок, стискивавших грудь и талию, негативно сказывалось на репродуктивной функции этих женщин¹³⁰⁰. Искривление костей грудной клетки оставалось эпидемией, а нежный цвет лица – неоспоримым

¹²⁹⁸ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 85.

¹²⁹⁹ Ehrenreich B., English D. For her own good: Two centuries of the experts' advice to women. New York: Anchor, 2005.

¹³⁰⁰ Пушкарёва Н.Л. "Обморок лягушки" или "бараний окорок"? Одежда русских женщин XIX – начала XX в. Очерк четвертый // Родина. 1995. №. 10. С. 81-87.

критерием красоты: дамы стремились сохранить перламутровость кожи редким пребыванием на открытом воздухе. Между тем им и до, и после родов свежий воздух был так же необходим, как и младенцам.

В редких случаях дворянки сообщали о легких родах. Провинциальная дворянка писала: *«Роды прошли благополучно...»*¹³⁰¹. Ее современница сообщала: *«Утром родился у меня сынок Николай. Все прошло благополучно»*¹³⁰². Во многом женская оценка родов зависела от продолжительности схваток, которые длились от нескольких часов до четырех суток, как, например, у княгини М.К. Тенишевой¹³⁰³. Нередко одной и той же женщиной роды переносились по-разному. Как правило, третьи и последующие рождения были более быстрыми. А.А. Знаменская, описывавшая тяжелое появление на свет первенца, рождение пятого ребенка характеризовала так: *«Благополучно и скоро»*¹³⁰⁴.

В описании собственных родов присутствовала высокая степень депривации женского «Я». Зачастую женщины рассматривали себя не как субъект страдания, а как источник боли и мучений для окружающих. Повествуя о родах, дворянки заостряли внимание на том, что чувствовал муж, как вели себя родители и родственники, а не на своих ощущениях. А.Г. Достоевская во время болезненных схваток боялась тревожить спящего мужа, которому, как она считала, непременно нужно было выспаться. Разрешаясь от бремени, она, несмотря на сильные боли, волновалась в первую очередь о супруге: *«Помимо обычных при акте разрешения страданий, я мучилась и тем, как вид этих страданий действовал на расстроенного недавними припадками Федора Михайловича. В лице его выражалось такое мучение, такое отчаяние, по временам я видела, что он рыдает, и я сама стала страшиться, не нахожусь ли я на пороге смерти, и, вспоминая мои тогдашние мысли и чувства, скажу, что жалела не столько себя, сколько бедного моего мужа, для которого смерть моя могла бы оказаться катастрофой»*¹³⁰⁵.

Зинаида Арапова в своем дневнике вспоминала, как страдали ее близкие родственники, ни слова не говоря о собственных ощущениях и испытанной боли:

¹³⁰¹ ТГОМ НА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹³⁰² ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 25.

¹³⁰³ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. С. 38.

¹³⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31.

¹³⁰⁵ Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. С. 183.

*«И во время этих страшных страданий я все время видела дорогое, бледное как смерть лицо Арапки, измученные лица мама и папа, и мне от этого было легче страдать. В 4 часа дня, когда началось смеркаться, Татуся родилась. Я никогда не забуду в эту минуту лица Арапки... Я повернула голову к Арапке и увидела его глаза, сияющие, ласковые, полные слез»*¹³⁰⁶. С.А. Толстая, вспоминая рождение одного из многочисленных детей, также концентрировалась на описании поведения мужа, а не на собственных переживаниях¹³⁰⁷. Данный факт говорит в пользу существовавшего традиционного для патриархального мира зависимого положения женщины в семейной иерархии, где самовосприятие, оценки и взгляды на значительные события, даже из сферы абсолютно женской, были подчинены мужской субъективности.

Окончание родового процесса не избавляло женщину от страхов, связанных с собственным состоянием и здоровьем новорожденного. Россия лидировала среди стран Европы по уровню детской смертности. По статистическим данным Московской губернии, в 1880–1890 годах на первом месяце жизни погибало около четверти младенцев, до года не доживали 40–50% детей¹³⁰⁸, в провинциальных губерниях дело обстояло еще хуже. Следует отметить, что высокая смертность касалась прежде всего детей из беднейших классов. Установить уровень младенческой смертности в дворянских кругах невозможно за отсутствием соответствующей статистики. Однако из биографий дворянок, их дневников и мемуаров видно, что осложненные роды зачастую приводили к гибели ребенка. Среди наиболее частых причин внутриутробной смерти плода – внутриматочные инфекции, воспалительные процессы стен матки (эндометрит). Т.Л. Толстая, мучаясь от многочисленных мертворождений, сообщала, что ее доктор исследовал плаценту, в результате чего установил эндометрит¹³⁰⁹.

В личных документах (дневниках, письмах, воспоминаниях), принадлежавших дворянкам второй половины XIX – начала XX века, нередко содержались описания родов, но они фрагментарны, отрывочны, коротки. Ценной

¹³⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 12. Картон 1. Д. 1. Л. 5-6.

¹³⁰⁷ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. №8 / <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm> (дата обращения 14.12.2014).

¹³⁰⁸ Куркин А.П. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг. М.: Изд-во губ. земства, 1902. С. 2; Эрисман Ф.Ф. Курс гигиены. Т. II. М.: б/и, 1887. С. 92-93.

¹³⁰⁹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979.

находкой явился обнаруженный в РГАЛИ дневник В.П. Багриновской (жены композитора М.М. Багриновского), где она самым подробным образом воспроизвела картину родов¹³¹⁰. Частный случай эмоциональных переживаний деторождения, представленный на страницах «текста роженицы», позволяет репрезентировать мир женской субъективности.

Пытаясь охарактеризовать свой опыт родов, В.П. Багриновская откровенно признавалась в сложности описания болевого процесса. Являясь представительницей образованного класса, подходившая ко всему, даже к родам, основательно и подготовлено, накануне предстоящего испытания она, как и многие в ее время, зачитывалась книгами В.Н. Жука о беременности, родах и уходе за младенцем. Когда женщина почувствовала наступление схваток, то самообладание ее не покинуло, так как она была уверена, что, как и в какой последовательности нужно делать. В ее словах нет ни тени паники: *«...я добросовестно приготовилась по Жуку – книга о родах и воспитании. Стала готовить себе кровать. Постелила клеенку, велела поставить самовар и затопить ванну»*¹³¹¹.

В лучших традициях обеспеченных семейств на роды были одновременно приглашены два специалиста: доктор и акушерка. Спокойствие роженицы подкреплялось тем, что уже несколько недель акушерка проживала в доме Багриновских. Схватки начали ночью, тотчас же прибыл доктор. В.П. Багриновская старалась зафиксировать все действия, сопровождавшие наступление родового акта, словно цепляясь за каждый момент этой жизни, в предчувствии своего конца. Она описывала до мельчайших подробностей, как с акушеркой «устраивала» кровать, как застилала ее клеенкой, как отдавала распоряжения вновь и вновь кипятить воду (в самоваре). При помощи мужа роженица приняла теплую ванну, после которого акушерка очистила ей кишечник и «готовую» уложила на кровать.

В.П. Багриновская признавалась, что перед родами она не испытывала страха, так как еще толком не знала, чего конкретно ожидать. Начало родов запечатлелось в ее сознании как ужасающий по своей боли, уродующий тело и душу акт: *«Но как описать боль? То-то и ужасно, что сила ее превращает человека в животное, чувствуешь одно свое тело, а души будто и нет совсем...*

¹³¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 170об-177.

¹³¹¹ Там же. Л. 171.

больно, болит крестец, устали ноги, которых нельзя вытянуть, они зябнут и дрожат. Лицо горит, все тело обливается потом, хочется вскочить, уйти, а боль опять железным кольцом обьяла поясницу, теряешься так, что и крикнуть не догадаешься... ужасное чувство, как будто вся превращаешься в одну пружину, выдавливающую из себя что-то постороннее, руки судорожно вцепляются в полотенце, подбородок прилип к груди»¹³¹². В тексте роженицы содержалось уподобление себя Иному – животному, это помогало ей осмыслить все то, что приходилось впервые испытывать.

Врач и акушерка применяли различные манипуляции для облегчения боли роженицы и ее страданий: предлагали обезболивающее (давали нюхать эфир), с целью усиления потуг к спинке кровати привязывали полотенце. Роженица бралась за него и изо всех сил тянула полотенце на себя. Когда появилась головка ребенка, акушерка отделила нижнюю часть тела женщины простыней, тем самым исключив из ее поля зрения непосредственный выход на свет ребенка. Чем была обусловлена подобная процедура? Можно только предполагать, что эта деталь была призвана предохранять психику женщины от тягостных переживаний, могущих довести ее до бессознательного состояния. Во время родов акушерка несколько раз меняла белье роженицы, промывала ее родильные органы, предотвращая опасность инфекционного заражения, так как родильная горячка была одним из неприятнейших явлений послеродового периода.

В. Багриновская признавалась, что она настолько была измученной, что даже не почувствовала, что родила. Сразу же после выхода ребенка акушерка показала его матери. Описывая свое состояние, она отмечала, что испытывала очень сильные, неведомые ранее ощущения. Родильный акт завершился появлением на свет мальчика и перерождением женщины в мать: *«Мальчик, мальчик... Красненькая, крошечная рожица и закрытые глазки, двигающиеся губки и щечки, похожие на перезревший персик. Может быть, для мужчин все это некрасиво, но волна новой, никогда не испытанной нежности бросается в грудь, руки сами тянутся к крошке, и, прижав его к себе, первый раз испытываешь умиротворяющую полноту жизни. Это все, больше ничего не будет»¹³¹³.*

¹³¹² Там же. Л. 171об.

¹³¹³ Там же. Л. 172-173.

М.М. Багриновский, по свидетельствам жены, принимал самое активное участие в родах: он «бегал» за доктором, доставал нужные лекарства, в том числе обезболивающие средства. Но вынести самое главное – родовой акт, он оказался не в силах. Мужа поместили в соседнюю комнату, где он мог слышать все, что происходило с женой. Его поведение во многом напоминало то, как вел себя Константин Левин в романе «Анна Каренина». М. Багриновский то терял сознание, то приходил в себя от ужаса происходившего и собственной беспомощности. После того как крики жены утихли и на свет появился ребенок, муж, сраженный собственными переживаниями и невозможностью их рационального объяснения, упал в обморок. Акушерке приходилось следить одновременно и за родильницей, и за ее мужем.

Если первые роды В.П. Багриновская описывала подробно, эмоционально, то последующие характеризовала в нескольких словах: «...боялась я меньше, чем в первый раз, и вообще все прошло просто и буднично»¹³¹⁴. На третьих родах она указывала, что вообще не волновалась¹³¹⁵. Это очередной раз подтверждает тот тезис, что в условиях неограниченной женской фертильности, большого количества деторождений беременность, роды и материнство переставали быть чем-то особенным, превращаясь в будничную рутину. В связи с этим, надо понимать, что «сознательное материнство» не могло родиться в условиях патриархальной семьи, в отсутствие репродуктивной свободы. Последняя в конечном итоге играла большую роль в трансформации отношения матерей к собственным детям и материнским обязанностям.

4.2.2. Мужское восприятие родов, зарождение «сознательного отцовства»

Устойчивой тенденцией родин в дворянских семьях стало присутствие мужа на родах непосредственно в родильной комнате, в то время как в условиях доиндустриальной России, согласно мемуарной литературе и свидетельствам врачей, муж находился в отдельных покоях, ожидая разрешения жены. Если муж отличался повышенной чувствительностью, его помещали в соседнюю комнату, чтобы он мог слышать, но не видеть происходящего. Эта тенденция присутствия и

¹³¹⁴ Там же. Л. 179.

¹³¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 18.

соучастия мужа на родах была не столько отголоском народных практик¹³¹⁶ (кувады)¹³¹⁷, сколько элементом зарождения «сознательного отцовства». Отсутствие мужа на родах считалось ненормальным и даже оскорбительным прежде всего для самой роженицы и являлось доказательством мужней нелюбви. И если на Западе в окружение роженицы попадали исключительно женщины¹³¹⁸, то в России, в семьях образованных горожан и тем более в дворянской среде, присутствие мужа непосредственно в родильной комнате было нормой. Современные специалисты убеждены, что как для женщины этот период (особенно при первой беременности и первых родах) является переходным, превращающим ее в мать, так и для мужчины должно пройти перерождение и гармоничное появление отца в ходе совместных переживаний беременности и родов¹³¹⁹.

Если свидетельства женщин о присутствии мужей на родах встречаются часто, то найти описание эмоциональных переживаний мужчин оказалось не так просто. Подобные тексты – находка для исследователя. Роды не являлись подходящим предметом для мужских нарративов. Их авторы сосредоточивались на репрезентации внешних, рациональных, символических проявлений жизни, игнорируя глубоко интимные иррациональные вопросы. Пожалуй, наиболее известными из этого ряда явились заметки императоров Александра III и Николая II (на момент написания они находились в статусе цесаревичей), впервые введенные в научный оборот историком А. Бохановым. Тот факт, что сам император присутствовал на родах жены, фиксируя эти события в своих дневниках, свидетельствовал о важности этих практик в жизни мужа и отца. Помимо записей Александра III и Николая II, в моем распоряжении оказались откровенные дневники Анатолия Викторовича Половцова, хранящиеся в РГИА и ОР РНБ, где он

¹³¹⁶ В крестьянских семьях муж редко присутствовал на родах. Однако в ряде местностей (на юге России в среде казачества, в Полесском крае) мужья принимали активное участие, не только помогая роженице, но и имитируя родовой процесс.

¹³¹⁷ Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 69; Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины... С. 109; Баранов Д.А. Мужские «роды» (этнографический факт и его интерпретации) // Мужской сборник. Вып. 2 / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарёва. М.: Лабиринт, 2004.

¹³¹⁸ Reed R.K. Birthing Fathers: The Transformation of Men in American Rites of birth. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2005; Абрамс Л. Формирование женщины новой эпохи 1789–1918. М., 2011. С. 130

¹³¹⁹ Полюда Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 126-128.

подробно повествовал обо всех нюансах родового процесса жены. Самым известным литературным изображением родового акта глазами мужчины (К. Левина) является сцена, приведенная Л.Н. Толстым в романе «Анна Каренина». Опираясь на эти и некоторые другие источники, представляется возможным репрезентировать роль мужа на родах и характер его эмоциональных переживаний.

Анализ истории родов в царских семьях XIX века показал, что впервые активное участие в этом процессе принимал цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр III)¹³²⁰. При первых родах Марии Федоровны в 1868 году он окружил ее заботой. Цесаревич в записке к матери писал: *«Милая душка, Ма! Сегодня утром, около 4 часов, Мими почувствовала снова боли, но сильнее, чем вчера, и почти вовсе не спала. Теперь боли продолжаются, и приходила м-ль Михайлова, которая говорит, что это уже решительно начало родов. Мими порядочно страдает по временам, но теперь одевается, и я ей позволил даже ходить по комнате»*¹³²¹. Последняя фраза письма свидетельствует о степени властного превосходства мужа над женским телом, присвоившего себе право «позволять». При чтении этих интимных бумаг современного читателя поражает широта участия в сугубо частном, даже не семейном, а женском деле родственников по мужской линии. Разродиться Мими помогали психологически не только свекровь, но и свекор (император Александр II). *«Мама с Папой приехали около 10 часов... Мими уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 ½ жена перешла в спальню на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Мими очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в 3 ½ пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем...»*¹³²². В том, что в таком государственном деле, как рождение наследника, участвовало много сочувствующих, нет ничего удивительного¹³²³. Важно, что на просьбу жены муж откликается (*«Минни умоляет*

¹³²⁰ Танаков А.И. Династия Романовых: акушерский анамнез (часть II: от Екатерины II до Александры Федоровны) // Журнал акушерства и женских болезней. 2007. № 4. С. 94-104.

¹³²¹ Цит по: Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 48.

¹³²² Там же.

¹³²³ Историк И. Зимин, изучавший повседневную жизнь императорского двора, полагал, что традиция присутствия многочисленных родственников на родах императриц (в соседней комнате) восходила ко временам Средневековья. Они должны были удостовериться в «истинности» родов и

меня не выходить от нее») и подробно фиксирует в дневнике происходившее с ним и женой в день родов. Сопереживание и приятие – свидетельство особой значимости родового акта в восприятии образованного и образцового семьянина. *«Что за радость была – это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно»*¹³²⁴, – записал наследник престола. Пережитые минуты оказали огромное влияние на будущего императора, который был известен как любящий, заботливый отец и муж. Схожие антропологические переживания представлены в записях Николая II, который также присутствовал рядом с женой во время родов. Вот так он описал в своем дневнике первые роды Аликс: *«Вечно памятный для меня день, в течение которого я много-много выстрадал! Еще в ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях – бедная! Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 часов дорогая Мама приехала из Гатчины; втроем с ней и с Эллой находились неотступно при Аликс. В 9 часов ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно... Когда все волнения прошли и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся!»*¹³²⁵.

Женские дневники и воспоминания пестрят упоминаниями об активной поддержке супруг мужьями во время родового процесса. В период продолжительных схваток и родов жены Ф.М. Достоевский все время был рядом, чем изрядно удивил иностранную акушерку (роды проходили за границей). Анна Григорьевна Достоевская по этому поводу писала: *«Акушерка сказала мне, что за всю свою многолетнюю практику ей не приходилось видеть отца новорожденного в таком волнении и расстройстве, в каком был все время мой муж»*¹³²⁶. Европейские мужья вели себя сдержаннее, в комнаты к роженицам их не пускали, их криков и стонов они не слышали. С.А. Толстая отметила также присутствие мужа на ее первых родах: *«Левочка все время был со мной, я видела, что ему было очень жаль меня, он так был ласков, слезы блестели в его глазах, он обтирал*

наследника. (Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 8).

¹³²⁴ Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 48.

¹³²⁵ Дневник императора Николая II. Берлин, 1923. С. 111.

¹³²⁶ Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. С. 185.

*платком и одеколоном мой лоб, я вся была в поту от жары и страданий, и волосы липли на моих висках; он целовал меня и мои руки, из которых я не выпускала его рук, то ломая их от невыносимых страданий, то целуя их, чтобы доказать ему свою нежность и отсутствие всяких упреков за эти страдания»*¹³²⁷. Несомненно, пережитые чувства отразились на его концепции материнства и представлениях о роли женщины в обществе. Известно, что Л.Н. Толстой явился одним из популяризаторов «сознательного материнства», полагая, что основное биологическое и социальное призвание каждой женщины – быть матерью-воспитательницей. Кроме этого, присутствие на родах существенно расширило телесный опыт Льва Николаевича, который смог так ярко и так противоречиво изобразить роды Кити в романе «Анна Каренина».

Л.Н. Толстой описал двадцати двух часовые роды Кити (описание растянулось на несколько глав, с XIII по XVI, седьмой части) в восприятии Константина Дмитриевича Левина, который считается самым автобиографичным героем романа. Для К. Левина рождение ребенка явилось сильнейшим эмоциональным переживанием. Толстой, видимо опираясь на собственный антропологический опыт, предлагает читателю прочувствовать все то, что ощущает мужчина на родах: *«Прислонившись головой к притолоке, он стоял в соседней комнате и слышал что-то никогда не слышанное им: визг, рев и он знал, что это кричало то, что было прежде Кити. Уже ребенка он давно не желал. Он теперь ненавидел этого ребенка. Он даже не желал теперь ее жизни, он желал только прекращения этих ужасных страданий... Он потерял сознание времени»*¹³²⁸.

Несмотря на то что сам родовой процесс для Левина оказался экстремальной ситуацией (впадал в отчаяние, терял чувство времени, рьяно молился, будучи неверующим человеком, находился в забытии), он явился активным участником происходившего (пытался настроить себя, поддержать жену, долго разыскивал доктора, исполнял все его указания, покупал опиум в аптеке, являлся к рожаящей жене по первому зову, держал ее за руку во время схваток). Мужчине, пребывающему в рациональном символическом мире, было невообразимо тяжело смириться со всей драматичностью, иррациональностью

¹³²⁷ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8 / <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm> (дата обращения 17.09.2013).

¹³²⁸ Толстой Л.Н. Анна Каренина. СПб., 1994. С. 530-532.

происходившей сцены. Он пытался взять себя в руки, настроиться, бороться с захватывавшими его эмоциями, но, очевидно, что все его усилия терпели фиаско: *«Левин приготовился на то, чтобы, не размышляя, не предусматривая ничего, заперев все мысли и чувства, твердо, не расстраивая жену, а, напротив, успокаивая и поддерживая ее храбрость, перенести то, что предстоит ему. ... Левин в воображении своем приготовился терпеть и держать свое сердце в руках часов пять, и ему это казалось возможно...»*¹³²⁹.

Весь противоречивый спектр чувств и эмоций, захвативших К. Левина, демонстрировал, что присутствие мужчины на родах становилось важнейшим жизненным опытом, недоступным в обычной мужской жизни, где доминировали рационализм и самообладание. Роженица находилась в состоянии «перехода». Перевоплощение происходило и для мужчины, который превращался в отца, что заставляло его переосмыслить весь накопленный ранее жизненный опыт: *«И вдруг из того таинственного и ужасного, нездешнего мира, в котором он жил эти двадцать два часа, Левин мгновенно почувствовал себя перенесенным в прежний, обычный мир, но сияющий теперь таким новым светом счастья, что он не перенес его. Натянутые струны все сорвались. Рыдания и слезы радости, которых он никак не предвидел, с такою силой поднялись в нем, колебля все его тело, что долго мешали ему говорить»*¹³³⁰.

В описании родов глазами Левина воплотилось амбивалентное отношение самого Л.Н. Толстого к женской сущности. Кити в процессе родов представлялась Левину то святой, мученицей, то животным, чье лицо искажено страшной гримасой, чей голос похож на визг зверя. В сознании Левина не могли сосуществовать два образа возлюбленной: Кити, которую он боготворил – легкая, нежная, веселая, благоухающая красавица, и Кити, которая стонала, редела, в муках производя на свет «что-то», чего он, как признавался, уже не хотел.

Литературовед Элизабет Фогель полагает, что в изображении сложных чувств Левина отразилась загадка женского в мужском восприятии, от которого ускользает понимание происходящего. В итоге, по мнению исследовательницы, роды, а вместе с ними и женственность в представлении мужчины вытесняются из

¹³²⁹ Там же. С. 528.

¹³³⁰ Там же. С. 533.

области рационального и мистифицируется¹³³¹. Кроме этого, Э. Фогель полагала, что амбивалентное изображение роженицы (ассоциации то со святой, то с животным) является отражением страхов мужчины. Переживая сильнейшее потрясение, Левин связывает Кити с Другим, *«чтобы с помощью ее образа вербализировать свои чувства»*¹³³².

Объяснение двойственности мужского взгляда в отношении женской субъективности было дано авторитетным французским психоаналитиком и философом Жаком Лаканом. В семинаре «Куртуазная любовь как анаморфозис» он выделил противоречивое восприятие мужчинами образа Прекрасной Дамы – Вечная Женственность и Радикальное Зло¹³³³. Он полагал, что с того момента, как Прекрасная Дама становится достигаемой, она гибнет в сознании мужчины, превращаясь в Зло. Для Левина столкновение с Реальностью в лице родового акта, сопровождаемого нечеловеческой болью, привело к гибели взлелеянного им образа прекрасной, неземной Кити. Он воспринимал начавшиеся роды не иначе как «погибель», равно как и для женщины роды всегда ассоциировались со смертью. Он искренне не понимал, почему доктор не торопился, почему предлагал ему «попить кофею» перед отъездом к роженице. Л.Н. Толстой настолько внимателен к эмоциональному переживанию Левина в момент родов жены, что у читателя может сложиться впечатление, что именно он находится в более суровом положении и его переживания гораздо сильнее, чем то, что чувствовала роженица: *«Но после этого часа прошел еще час, два, три, все пять часов, которые он ставил себе самым дальним сроком терпения... и он все терпел, потому что больше делать было нечего, как терпеть, каждую минуту думая, что он дошел до последних пределов терпения и что сердце его вот-вот сейчас разорвется от сострадания»*... Он припал головой к дереву кровати, чувствуя, что сердце его разрывается. Ужасный крик не умолкал, он сделался еще ужаснее и, как бы дойдя до последнего предела ужаса, вдруг затих. Левин не верил своему слуху, но нельзя было сомневаться: крик затих, и слышалась тихая суетня, шелест и торопливые дыханья, и ее

¹³³¹ Фогель Э. Модели материнства в романе Льва Николаевича Толстого Анна Каренина (1873–1877) // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 202.

¹³³² Там же. С. 203.

¹³³³ Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализом. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 98-99.

*прерывающийся, живой и нежный, счастливый голос тихо произнес: «Кончено»*¹³³⁴.

Несмотря на всю экстремальность, драматичность и противоречивость ситуации в мужском восприятии, Л.Н. Толстой акцентирует внимание читателя на процедуре перерождения и «самоочищения» его героя: он терзается своим поведением накануне, его душу наполняют страх и отчаяние, он практически находится в бессознательном состоянии во время схваток жены. Страдания Левина заканчиваются ощущением нечеловеческого счастья, охватившего его в момент прекращения мучений жены и появления на свет нового существа.

Уникальным документальным свидетельством мужского восприятия родов явились дневниковые записи и письма Анатолия Викторовича Половцова, хранящиеся в различных архивах Санкт-Петербурга (РГИА, ЦИАСПб, ОР РНБ). В них подробнейшим образом описывались беременность, роды и послеродовое состояние жены. Половцова волновала не столько эмоциональная сторона дела, сколько фактическая. Будучи историком, он старался зафиксировать весь процесс до мельчайших подробностей, разложить его по минутам. Например, на вторых родах жены он, подобно врачу, без сантиментов отмечал время схваток, появления ребенка, выхода последа: *«Начало родов 27 ноября 1886 г. в 5 утра. Воды прошли в 11.45 дня. Плод родился в 12.10 дня. Выхождение последа 12.45. Роды продолжались всего 7 ч 45 м. Температура до родов 37,3»*¹³³⁵.

При первых родах он фиксировал все, что происходило в их семье, как вела себя жена накануне родов, что делала, о чем говорила и даже думала. К сожалению, часть дневника, где он непосредственно описывал первые роды жены, не удалось найти. В моем распоряжении оказалось только предродовое повествование, но и оно свидетельствует о крайне внимательном отношении мужа к состоянию жены.

На роды были приглашены одновременно доктор Попова и акушерка Нарович, что свидетельствовало о большой степени ответственности супругов, которые считали, что все должно пройти идеально под контролем лучших врачей. Специалисты прибыли с наступлением схваток. А. Половцов указывал, что доктор

¹³³⁴ Толстой Л.Н. Анна Каренина. СПб., 1994. С. 532.

¹³³⁵ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.

не находился постоянно с роженицей, в течение дня периодически навещая их семью. Женщина-врач осматривала Екатерину Николаевну, определяла положение плода, степень раскрытия матки, отдавала распоряжения акушерке и вела контроль над проделанными ею манипуляциями. А. Половцов чрезвычайно подробно описывал все действия акушерки, не пропуская подробностей, даже самых интимных. Акушерка подготовила ванну, после приема которой роженице впервые был сделан клистир, не давший особого результата, что зафиксировал наблюдавший за всем муж («вылилась только окрашенная вода», – писал он). Роженица расположилась на твердой кровати в специально подготовленной комнате. А. Половцов неотступно находился при жене, отмечая по минутам изменявшееся ее состояние: *«Схватки продолжались почти аккуратнo через 10 мин... Затем были потуги в 8.27, 8.35, 8.43, 8.55, 9.4. Нарович по сердцебиению предположила, что девочка... Кровать твердую приготовили с клеенкой... В комнате была мамаша... которая радовалась, что завтра будет бабушкой... Боли усиливаются... Послали за Поповой... 5.10. Попова исследует. Головка подвинулась. Открытие прибавилось на ½ пальца, всего на 2 ½ пальца... По уходу Поповой проветрили комнату... В течение дня продолжались схватки... Катя легла в постель, вязала, просматривала афиши, газеты...»*¹³³⁶. Для снятия сильных болей роженице давали капли опия, заранее приобретенные в аптеке¹³³⁷.

Впервые из солидного объема изученных документов мне встретилось настолько подробное описание родов. Муж не просто присутствовал рядом, он стремился быть активным участником процесса. Его интересовали мельчайшие подробности, вплоть до цвета воды после клистира. Если роды глазами Левина были переданы Толстым крайне сложно, противоречиво, то в данном реальном случае поведение А. Половцова представляло совершенно иную картину. Его не страшил вид измученной жены, ее стоны не раздирали его мозг и душу. Он был сконцентрирован на действии, на самом процессе, а не на собственных переживаниях. Безусловно, поведение Половцова нельзя назвать типичным для мужчин того времени. Он демонстрировал новый образец мужа и отца, который

¹³³⁶ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 154-160.

¹³³⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 55. Л. 31-34.

сознательно присутствует на родах жены, чтобы получить бесценный опыт в своей жизни, быть сопричастным к таинству рождения.

Об активной поддержке мужа сообщали княгиня И.Д. Голицына, дворянки З.В. Арапова, В.П. Багриновская и многие другие¹³³⁸. Зачастую на родах муж выступал в качестве ассистента врача (помогал держать ноги роженицы, успокаивал ее, подавал нужные инструменты, выступал в роли посыльного). Однако ряд врачей выступали категорически против ассистирования мужей: *«В помощники не следует брать ближайших родственников роженицы, особенно мужа. Обыкновенно, в самый нужный и важный момент присутствие духа и самообладание оставляют их, и они не только не оказывают никакой помощи, но прямо-таки мешают оператору»*¹³³⁹.

Таким образом, присутствие мужа во время родов было не из ряда вон выходящим событием, а обычным явлением в дворянских семьях, в отличие, например, от крестьянских семей. В дневниках дворянки подчеркивали, что близость мужа на родах значительно облегчала им переживание боли. Появление на свет новорожденного вызывало бурю эмоций как у молодых, так и у опытных отцов. В частности, Е.М. Чехова приводила в воспоминаниях устные свидетельства своего отца: *«Ты родилась в 5 часов утра. Когда я услышал первый твой крик, то от новизны и духовной усталости выбежал на улицу и помчался куда глядели глаза. Был мороз. Не помню, каким именно образом я оказался сидевшим на холодных ступенях Губернского казначейства...»*¹³⁴⁰.

Сравнивая женские и мужские «родильные тексты», важно отметить кардинальное их отличие. Женщина (роженица) акцентировала внимание на пережитых чувствах, описывала собственные страдания и переживания окружающих. Она была погружена в аффективный мир эмоций, страха, боли. Мужчину заботил реальный мир действий, поэтому в описании Половцова нет места для эмоций. Он был сосредоточен на цифрах, акушерских манипуляциях и их эффектах. В данном случае уместно согласиться с трактовкой Юлии Кристевой в отношении символического текста мужчины (рационального, с выраженной

¹³³⁸ НИОР РГБ. Ф. 12. Картон 1. Д. 1. Л. 5; Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М.: Айри-Пресс, 2005; РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 171–173.

¹³³⁹ Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. С. 212.

¹³⁴⁰ Чехова Е.М. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981.

системой значений) и семиотического повествования женщины (производство знания не контролируется функцией сознания). В то же время описанный Толстым взгляд Левина на роды не является типично мужским «текстом», так как акцент в нем сделан на эмоциональной, болевой стороне происходящего. Чувства, присущие Левину, скорее напоминают то, что могла бы испытывать женщина (даже сама роженица), глядя на себя со стороны.

Изучение «текстов рожениц» демонстрирует легитимацию важнейшей телесной практики в жизни женщины не только в женском письме, но и на уровне гендерного самосознания. Дворянки второй половины XIX – начала XX века на страницах дневников и воспоминаний охотнее делились описанием собственных родов по сравнению со своими предшественницами. В женском автобиографическом письме происходила десакрализация описания родов во многом благодаря научному дискурсу о сути материнства и важности подготовки к нему. Поскольку основной патриархатный гендерный порядок эрозировал очень медленно, постольку самосознание себя как главных героинь описываемых событий приходило к женщинам крайне редко. Они оставались во власти традиции, согласно которой их собственные чувства и переживания были вторичными по отношению к переживаниям их мужей.

В представлении дворянок роды превращались в «метафору смерти». Для благородных дам, воспитанных в лучших традициях, первые роды являлись вторым драматичным потрясением в их жизни после дефлорации. Основными чувствами рожениц были страх смерти, сравнение себя с животным, деперсонализация. Причина женских страхов (в особенности при первых родах) крылась в низкой сексуальной, материнской социализации, травматическом опыте дефлорации и высоком уровне материнской смертности при родах. Среди наиболее часто встречающихся описаний своего состояния: «бесконечные мучения», «страдала, как смертельно раненная», «животная боль», «кричала, как безумная», «страшные мучения», «ужасные страдания». Несмотря на доброжелательную атмосферу домашних родов, дворянки воспринимали роды как пограничное (жизнь/смерть) состояние, причем роды воспринимались, скорее, как умирание, а не возрождение. За редким исключением дворянки характеризовали свои роды как

«тяжелые» или «трудные». Врачи тоже отмечали, что родовой процесс у женщин образованного класса чаще, чем у работниц и крестьянок, протекает с осложнениями. Окончание родового процесса не избавляло женщину от страхов, связанных с собственным состоянием и здоровьем новорожденного.

Необычайно важным для понимания особенностей семейных отношений, в том числе в обстоятельствах родов и послеродового восстановления, было привлечение материалов мужской автодокументалистики и обнаружение факта привычности и нормальности присутствия супруга и даже его психологического участия в таком женском деле и процессе, как роды. Если в народной среде кувада тоже весьма красноречиво характеризует славянскую и русскую традицию, то в дворянской среде соучастие мужей, их сопереживание страданиям жен было элементом формирования «нового отцовства». Российские мужчины гораздо раньше супругов из стран Западной Европы и США стали принимать активное участие в течение родового процесса своих жен. (В западной историографии считается, что право присутствовать на родах европейские и американские мужчины отвоевали в 70-е годы XX века¹³⁴¹). У жен этих «новых отцов» существовала явная потребность осмыслить свои телесные практики, уделить больше внимания самообразованию накануне родов, поскольку матери все так же мало делились опытом со своими дочерьми. Расширить свой кругозор образованным дворянкам помогала литература, в том числе на иностранных языках, консультации с профессионалами.

¹³⁴¹ Reed R. *Birthing Fathers: The Transformation of Men in American rites of Birth*. New Brunswick. London: Rutgers University Press, 2005. P. 104-135.

ГЛАВА V. ИЗМЕНЕНИЯ В МАТЕРИНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: АНТРОПОЛОГИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ *МАТЬ-ДИТЯ*

Изучая материнскую повседневность в тот или иной исторический период важно учитывать две важнейшие составляющие данного явления: то, какие требования выдвигало общество к «идеальным матерям», и то, какие эмоциональные переживания при этом характеризовали материнское существование. В русском языке отсутствуют эквиваленты этих различных сторон одного и того же понятия. В английском языке, напротив, сосуществуют термины «motherhood» и «mothering». Первый означает материнство как социальный институт, в то время как второй подразумевает материнские действия, практики и переживания. В пореформенной России сложились благоприятные условия для формирования в высших слоях общества материнства в качестве важнейшего социального института (motherhood) и особой женской культуры (mothering). Деторождение, помимо биологической функции женщины, превращалось в одну из ее значительных социальных ролей. Ряд зарубежных исследователей называют трансформацию института материнства в буржуазный век *«модернизацией ухода за детьми»*¹³⁴², идейными проповедниками которой явились «эксперты» – врачебное и педагогическое сообщество. Профессор философии из Великобритании Энди Байфорд полагал, что в российском обществе утверждалась новая идеология родительства, основанная на активном сотрудничестве матерей и отцов в воспитании детей с врачами, педагогами и психологами¹³⁴³.

Активное обсуждение вопросов, связанных с охраной материнства и детства в российском обществе, возникло во второй трети XIX века. На протяжении 1890–1910-х годов было опубликовано огромное количество научных

¹³⁴² Kelly C. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven, CT: Yale University Press, 2007. P. 359; Байфорд Э. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8 / <http://www.nrgumis.ru/> (дата обращения 01.04.2014).

¹³⁴³ Byford A. Professional Cross-Dressing: Doctors in Education in Late Imperial Russia (1881–1917) // Russian Review. 2006. Vol. 65. № 4. P. 586–616; Байфорд Э. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. №8 / <http://www.nrgumis.ru> (дата обращения 02.04.2014).

и научно-популярных работ, адресованных молодым матерям (априори считалось, что мать в деле воспитания неопытна), в которых рассматривались различные проблемы, связанные с реализацией материнских ролей в социуме. Врачебное сообщество выступало единым фронтом в борьбе с крайними проявлениями невежества в уходе за детьми. Их полемика сосредотачивалась вокруг правильного вскармливания детей (в пользу самостоятельного грудного кормления, правильного введения прикорма, условий соблюдения элементарной санитарии, времени кормлений), характера пеленания (по данному вопросу мнения разделились между сторонниками и противниками пеленания, однако все признавали вредность тугого пеленания), особенностей детской одежды, специфики устройства детской комнаты, целесообразности процедур закаливания и др. Специалисты критиковали интеллигентных родителей за чрезмерное привлечение к уходу за детьми наемного персонала. Их главным аргументом была невежественность нянь, кормилиц и важность материнской близости для гармоничного развития ребенка.

Социально конструируемый «экспертами» образ «нового материнства» призывал дворянок к полной самоотдаче и превращению их в «профессиональных матерей» – также экспертов в своем деле. От «профессиональной матери» требовалось, чтобы она все свободное время посвящала детям: сама кормила, одевала их; гуляла, играла с ними; контролировала деятельность нянь (при их наличии); следила за всеми сторонами развития ребенка (физическим, умственным и нравственным здоровьем). О попытках формирования «профессиональных матерей» убедительно свидетельствовали многочисленные инициативы со стороны врачей и педагогов 1910-х годов, связанные с открытием разного рода просветительских центров: школ, выставок и музеев материнства. Впервые под руководством квалифицированных педиатров были сняты короткометражные фильмы о правильном уходе за новорожденными. Женщина должна была принести себя в жертву ради материнства, предполагающего воспитание достойных граждан своей страны.

Кульм материнства, сформированный к началу XX века, многочисленные предписания «экспертов» «идеальным матерям», несомненно, оказали существенное влияние на практики материнства в высших слоях российского

общества. Дворянки доиндустриальной России в большинстве случаев не пересекались со своими новорожденными детьми. Заботы о младенцах лежали на кормилицах, нянках, сиделках и прочем нанятом персонале. Мать, восстановившись после родов, вливалась в активную светскую жизнь, занималась своими повседневными заботами (разъездами, устройством дома, приемом гостей, покупкой новых нарядов). Она была, если не брать во внимание исключительные случаи, «редкой гостьей» в детской. Весь уход за детьми был устроен так, что ребенок и мать не нуждались друг в друге.

Ситуация существенно изменилась во второй половине XIX века. Однако переход от «безразличного» к «сознательному материнству» происходил не всегда так быстро, как того желали «эксперты». Факт появления многочисленных научно-популярных работ по уходу за детьми вовсе не говорил в пользу реального применения матерями советов, рекомендаций, озвученных многочисленными авторами. Даже современники замечали существовавшую пропасть между «врачебными поучениями» и реальным положением дел в семьях. Авторы «Энциклопедии семейного воспитания и обучения» писали: *«В семье среднего русского обывателя воспитание ведется не так слепо. До некоторой степени считаются с гигиеной, понемногу вводят то новое, что рекомендуется врачами и педагогами. Но это новое, сплошь и рядом, уживается с самыми неразумными, самыми вопиющими остатками старого. Легко встретить семью, где детей осторожно кормят строго выбранной пищей, но наказывают побоями, шлепками за всякую мелочь; или ребенка не свивают, укладывают спать в просторном конвертике, но на всю ночь оставляют во рту его резиновую соску и т. п.»*¹³⁴⁴.

Для дворянок второй половины XIX века было характерно различное отношение к собственным материнским обязанностям, что позволяет выделить особые материнские типы: от женщин, исключавших деторождение из своей жизни, до тех, кто приносил себя в жертву во имя исполнения материнских обязанностей. Но к началу XX века в общественном сознании и в женском восприятии окончательно утвердился культ «сознательной матери».

¹³⁴⁴ Энциклопедия семейного воспитания и обучения / Сост. Н.В. Казмина. 1908. Вып. 55. СПб.: Тип. Е. Евдокимова. С. 39.

Материнство превращалось в сосредоточение осмысленных, рациональных практик, требовавших от дворянок напряжения сил, специальной подготовки и самопожертвования. Представительницы интеллигентных классов, с одной стороны, ограничивали количество деторождений в своей жизни, но с другой – подходили к вопросам ухода и воспитания за уже немногочисленными детьми куда более сознательно, чем их предшественницы. Желанный ребенок, по мнению специалистов, неминуемо превращается «в объект родительской заботы и стойкой привязанности»¹³⁴⁵. Культивирование в общественном сознании образа «сознательной матери» приводило к значительным последствиям: дворянки воспринимали деторождение как способ быть полезными обществу; в исполнении материнских обязанностей они стремились отыскать свою гендерную идентичность; существенные трансформации стали происходить в сфере ухода за детьми; наблюдался процесс единения матерей с «экспертами» (врачами, педагогами); осуществлялась профессионализация матерей. Зарождалось так называемое «экспертное материнство»¹³⁴⁶. Дети превращались в объект материнской заботы. М. Сабашникова, вспоминая свое детство, отмечала, что их (детей) воспринимали «удобными объектами» ухода, а они, в свою очередь, безропотно подчинялись родительским действиям: *«Во всем, что касалось внешних процедур, я чувствовала себя чем-то вроде маленького божка, над которым совершаются всевозможные торжественные церемонии. Все происходило медленно, вдумчиво – кормили ли нас, одевали или вели гулять»*¹³⁴⁷.

Мать-дворянка становилась активным участником в жизни собственных детей начиная с их рождения. Дореволюционные педиатры разделяли жизнь детей на 5 периодов. Новорожденными считались дети от рождения до 6 недель (в народе – до сорокового дня). Младенчество длилось до 7–9 месяцев, то есть до тех пор, пока не начинался процесс прорезывания зубов¹³⁴⁸. Затем следовал период «первого детства», который продолжался вплоть до трехлетнего возраста и

¹³⁴⁵ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 119.

¹³⁴⁶ Роткирх А. Мужской вопрос: Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 141.

¹³⁴⁷ Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 11.

¹³⁴⁸ У детей позапрошлого столетия первые зубы появлялись достаточно поздно. Можно предположить, что это было связано с характером питания детей и нехваткой определенных элементов (например, кальция).

заканчивался появлением всех 20 молочных зубов. Его сменяли «второе детство» и отрочество. Таким образом, жизнь детей до года затрагивали первые три периода его развития. Именно в этом возрастном промежутке происходили значительные изменения, связанные с взаимодействием матери и ребенка.

В формировавшейся материнской культуре существенное место заняли сложные чувственно-эмоциональные переживания молодых матерей, о чем убедительно свидетельствуют женские эгодокументы. Для одних дворянок (их становилось все больше) появление на свет ребенка оборачивалось сложным и противоречивым процессом раскрытия материнских инстинктов, формированием материнской ответственности; для других («дам света», нигилисток, феминисток) – приводило к отрицанию материнских ролей и бегства от предназначенной миссии. В настоящей главе речь пойдет исключительно о тех дворянках, которые пытались примерить на себя роль «идеальной матери». Раскрывая сущность этого типа женщин, я надеюсь, мне удастся доказать, что именно в данный период происходило рождение материнства в современном понимании. Это означает, что оно превращалось из исключительно биологической способности женщины в ее важнейшую социальную роль, сопряженную с соответствующими психическими переживаниями.

Казалось бы, превозношение материнских практик – естественной женской сущности – должно было благоприятно сказаться на самоощущениях женщины-матери, способствуя утверждению гармонии между ее биологическим и «социальным телом» (М. Фуко)¹³⁴⁹. В то же время недостижимость идеала «сознательной матери», разрыв между амбициозными стремлениями юности (получить образование, трудиться, заниматься наукой или творчеством) и ограниченным существованием «идеальной семьянинки» порождали сложную гамму эмоциональных переживаний аристократок, недоступную их предшественницам. В настоящей главе я также намерена раскрыть различные типы матерей, выявить, насколько легко осуществлялся переход от «безразличного» к «сознательному материнству», что при этом чувствовала мать-дворянка, приносила

¹³⁴⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 206.

ли идеология «сознательного материнства» им счастье, какие переживания сопровождали «новых матерей»?

5.1. Типы материнского поведения дворянок во второй половине XIX – начале XX века

Либерализация и модернизация России, зарождавшиеся изменения социальных ролей дворянской женщины в обществе, значительные перемены в традиционном семейном укладе, процесс женской эмансипации не могли не отразиться на представлениях молодых дворянок о собственной фертильности и матримониальных функциях. Если для дворянок XVIII – середины XIX века материнство было неотъемлемой частью их повседневности, важнейшим телесным опытом¹³⁵⁰, то положение дел кардинально изменилось в пореформенной России. Замужество и, как следствие, беременность, роды, материнство становились не единственным жизненным сценарием для женщин. Пореформенная Россия давала дворянкам возможность выбора в поиске собственной идентичности.

Пестроту материнских портретов в России второй половины XIX века стали замечать современники¹³⁵¹. Впервые русская литература, как классическая, так и бульварная, представила читателю палитру женских типов и образов, по-разному относящихся к собственной фертильности и уже родившимся детям. В своих публицистических работах Л.Н. Толстой, характеризуя женщин из «богатых классов», выделил «столь различные» типы современниц. К первой группе он относил дворянок с традиционным для своего круга поведением, характеризуя их как женщин, занятых *«своими талями, турнюрами, прическами и пленительностью для мужчин и против своей воли, по недоглядке, с отчаянием»* рожавших детей и отдающих их кормилицам. Увлеченных науками и знаниями он называл – *«те..., которые ходят на разные курсы и говорят о психомоторных центрах и дифференциации и тоже стараются избавиться от рождения детей с тем, чтобы не препятствовать своему одурению, которое они называют развитием»*. Эти типы, по мнению русского классика, были противоестественными для женской природы. В своих литературных и публицистических произведениях

¹³⁵⁰ Белова А.В. «Четыре возраста женщины» Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–середины XIX вв. СПб.: Алетейя, 2010. С. 348.

¹³⁵¹ В.Т. Современные женщины // Исторический вестник. 1897. Т. 67. С. 287-323.

он яростно защищал идеи святости материнского долга, будучи убежденным, что материнство для каждой женщины является единственным «Богом положенным» трудом. К третьей группе он причислял *«сознательных матерей»*, которые *«имея возможность избавиться от рождения детей, прямо, сознательно подчиняются этому вечному, неизменному закону, зная, что тягость и труд этого подчинения есть назначение их жизни»*¹³⁵².

Типы русских женщин по отношению к материнским ролям выделила женщина-врач Елизавета Сергеевна Дрентельн, отмечая при этом однообразие мужского полового типа и разнообразные половые типы женщин, тесно связанные с деторождением и кормлением грудью¹³⁵³. Она указывала на существование нормальных женщин, женщин с атрофированным половым и материнским инстинктами и женщин с усиленным половым чувством. Дрентельн не могла объяснить существование амбивалентного отношения женщин к материнским ролям, подчеркивая пугавшую ее тенденцию ослабления материнского чувства у одних (связывала с сокращением числа деторождений в их жизни, употреблением средств, ограничивавших беременность, и осуществлением абортных практик) и появление *«страстного, почти болезненного отношения»* к детям – у других¹³⁵⁴. Известная деятельница российского женского движения Евгения Ивановна Конради в пронзительной работе *«Исповедь матери»* выделила несколько материнских поведенческих стратегий: *«матери-кукушки»*, бросавшие своих детей на руки прислуги ради яркой светской жизни; *«матери-наседки»* – полностью растворившиеся в домашних делах, зачастую неразумно опекая своих детей; *«ученые матери»*, оставлявшие своих детей свекровям, бабушкам ради научных трудов; а также матери, увлеченные новыми веяниями правильного ухода за детьми, читавшие педиатрические, педагогические труды и пытавшиеся применить научные идеи в воспитании собственных детей¹³⁵⁵.

Современные исследователи, рассматривая женщин индустриальной России, обходят стороной неоднозначные типы русских матерей. В то же время материнство становилось той сферой, через призму которой женщины

¹³⁵² Толстой Л.Н. Так что же нам делать? Собр. соч. в 22 т. Т. 16. М., 1983. С. 391-392.

¹³⁵³ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книг-во Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 172-177.

¹³⁵⁴ Там же. С. 186.

¹³⁵⁵ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 14-16.

реализовывали собственные представления о гендерной идентичности, отрицая или всецело принимая потенциальные материнские роли. Амбивалентное отношение женщин доиндустриальной России к собственной фертильности заметила классик отечественной гендерной истории Н.Л. Пушкарёва, выделив два типа матерей: дворянки, для которых материнство становилось содержанием всей их жизни, и женщины, чье поведение было слабо связано с деторождением¹³⁵⁶. Вскользь дихотомичное отношение русских дворянок было отмечено в работе американской исследовательницы Б. Энгель, которая указывала на существование дворянских семей с большим количеством детей и дворянок, которые во имя радикальных убеждений отказывались становиться матерями¹³⁵⁷.

Однако типажи матерей во второй половине XIX – начале XX века отличались существенным разнообразием¹³⁵⁸. Согласно перформативной теории гендерной идентичности (Дж. Батлер), гендерное поведение формируется в результате многократных перформативных действий (*performative acts*). В данный исторический отрезок времени группы дворянок, игнорируя запросы общества в отношении женского, конструировали собственную, а в конечном итоге и новую для гендера идентичность. Многократность повторения этих практик (*«практика повторного означивания»*¹³⁵⁹) приводила к их закреплению в культурном контексте начала XX века и к изменению гендерной системы в обществе. Важным аспектом в формировании новой гендерной идентичности (*«переосмысления идентичности»* по Дж. Батлер) оказывалось отношение женщин к собственной фертильности и исполнению ими материнских функций.

Цель настоящей главы состоит в ранжировании российских дворянок второй половины XIX – начала XX века в соответствии с их репродуктивным поведением и характером исполнения материнских ролей. Это позволит глубже понять те изменения, которые происходили в среде российских женщин и в гендерной системе (Г. Рубин) в целом. Я исхожу из тех убеждений, что в данную

¹³⁵⁶ Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX в. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 246.

¹³⁵⁷ Engel B. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia / B. Engel. Cambridge: 1983. P. 10.

¹³⁵⁸ Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2. С. 17-29.

¹³⁵⁹ Butler J. Bodies That Matter: On Discursive Limits of "Sex". New York: Routledge, 1993. P. 145.

эпоху происходило «рождение» материнства в современном его понимании; формировался тип женщины, представительницам которого впервые за всю женскую историю удавалось совместить две противоборствующие сферы своего бытия – частного и публичного, что выразилось в появлении *«универсальных матерей»* (термин автора). Кроме этого, меня интересует, каким образом в эпоху нигилизма, феминизма, модернизма и декадентства мужчинам под лозунгом *«сознательности»* удалось вновь «возвратить» часть женщин в лоно семьи, ограничивая сферу их деятельности супружеством и материнством.

Основываясь на эгодокументах, биографических сведениях дворянок¹³⁶⁰, существовавших литературных женских образах, а также описаниях современниц педагогами и врачами, можно выделить четыре основных типа женщин по отношению к материнству. При этом их взгляды на предмет деторождения могли быть диаметрально противоположными: от полного отрицания до восприятия его своим *«святым долгом»*.

5.1.1. «Новые женщины» эпохи (феминистки и нигилистки) в пользу отсроченного материнства или его отрицания

К первому типу дворянок можно отнести тех, для кого репродуктивные функции отошли на второй план. Классик психоанализа К.Г. Юнг считал, что отрицание материнства для женщины, несмотря на всю противоречивость этого акта природе, является одним из древнейших *«архетипов материнства»*¹³⁶¹. Эти, преимущественно юные дворянки, либо полностью отказывались от замужества, деторождения, либо прибегали к отсроченному материнству¹³⁶². Согласно подходу социального конструирования гендера, нет исключительно женских или мужских ролей – общество создает определенные запросы и стереотипы в отношении *«мужского»* и *«женского»* поведения. В то же время классик антропологии М. Мид полагала, что материнский инстинкт настолько силен, что его способны нивелировать исключительно *«сложные социальные установки»*¹³⁶³. Для появления

¹³⁶⁰ Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-70.

¹³⁶¹ Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

¹³⁶² Юкина И. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура. Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Изд-во СПб философ. общества, 2001. С. 118-126; Юкина И.И. Нигилистки // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С. 47-52.

¹³⁶³ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 314.

данного типа женщин В России должны были сложиться определенные социально-культурные предпосылки.

Впервые в мужских «текстах» в рамках «женского вопроса» (Н.Г. Чернышевский, Н.В. Шелгунов, М.Л. Михайлов, Н.И. Пирогов) были озвучены идеи о новых горизонтах для представительниц женского пола и соответственно стали пересматриваться их биологические функции, связанные с замужеством и материнством.

Социальное конструирование нового типа женщин продолжилось на страницах литературных и публицистических работ 1850–1860-х годов¹³⁶⁴. М.Л. Михайлов в своей знаменитой статье «Женщина, их воспитание и значение в семье и обществе», опубликованной в 1860 году в журнале «Современник», озвучил новый взгляд на гендерные роли в обществе. Он был убежден, что материнство не должно занимать всю жизнь женщины, оценивая деторождение в качестве кратковременного периода в ее судьбе¹³⁶⁵. Русские классики создавали женские образы, противоречившие идеалу пушкинской Татьяны. Так, главная героиня романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна стала кумиром для многих молодых эмансипированных женщин 1860-х годов, стремившихся к независимой, свободной и деятельной жизни. В 1864 году вышло в свет произведение Н. Лескова «Некуда», где автор противопоставил Елизавету, нигилистку, вошедшую в состав столичной коммуны, Евгении, ставшей заботливой матерью и женой. В то же время в опубликованной тогда же пьесе «Зараженное семейство» Л.Н. Толстой крайне карикатурно изобразил эмансипированных женщин и нигилисток. Подобные сюжеты нашли отражение в произведениях «Синий чулок» М.П. Чехова, «Обрыв» И.А. Гончарова, «Взбаламученное море» Ф.Ф. Писемского, «Трудное время» В.А. Слепцова и многих других.

Популярная в дореволюционной России писательница Н.Д. Хвощинская в повести «Пансионерка» (1860 г.) описала жизненный путь своей героини Леленьки¹³⁶⁶, поднявшейся от обычных интересов провинциальной барышни (беспечной, нацеленной на замужество) до стремления к новым горизонтам –

¹³⁶⁴ Kaminers J. Women with a Thirst for Destruction: The Bad Mother in Russian Culture. Northwestern University Press, 2014

¹³⁶⁵ Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4. С. 476.

¹³⁶⁶ Хвощинская Н.Д. Повести и рассказы. М.: Гослитиздат, 1963.

образованию, социальной активности. Леленька порвала с традиционными семейными ценностями, навсегда отрекшись от своего биологического предназначения. Примечательно, что поиск новой женской идентичности в этом произведении и ряде других начинался с отказа героини от собственной семьи, а стремление самоутвердиться реализовывалось вне семейно-ролевых функций. В публицистике радикально прозвучал голос ученого-экономиста, феминистки по своим взглядам Марии Николаевны Вернадской, которая в нашумевшей статье «Женский труд» защищала внесемейные роли женщины¹³⁶⁷.

Вскоре сами женщины, преимущественно дворянки по происхождению, стали переосмысливать роль женщины в обществе, реальными действиями нарушая предписанное женщинам поведение. Они совершали новые перформативные практики, состоящие в игнорировании всего нарочито женского (минимизировали свой туалет, не пользовались драгоценностями и пышными яркими нарядами, отрицали нормы традиционной светской морали, отказывались искать себе удачную «партию» и проч.), тем самым ломая существовавшие гендерные стереотипы в обществе. Дореволюционный философ В.В. Розанов, публиковавший многочисленные работы по проблеме пола, иронично описывал этот тип девушек: «...Ходит на курсы, на митинги, спорит, ругается, читает, переводит, компилирует. «Синий чулок» с примесью политики, или политик с претензией на начитанность... И мужа ей совсем не нужно, она скучает с ним, убегая неудержимо в «общественные дела», в разные организации»¹³⁶⁸.

Современная исследовательница женского феминизма Ирина Юкина полагала, что сам по себе женский нигилизм выражался, прежде всего, «в *эпатаже общества своим образом жизни и своим внешним видом*»¹³⁶⁹. Модным веянием среди представительниц их круга стали фиктивные браки (С. Ковалевская, А.М. Евреинова), которые давали возможность замужним дамам уехать за границу. Увлеченные произведениями Жорж Санд (в 60-е годы их называли «жоржзандистками»), драмами Ибсена, «*новые женичины*» защищали примат свободы в личной жизни. Их социальное поведение являлось формой девиации по

¹³⁶⁷ М.Н. Женский труд // Экономический указатель. 1858. № 60.

¹³⁶⁸ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 51-52.

¹³⁶⁹ Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. М.: Историческая книга, 2007. С. 133.

отношению к традиционному жизненному сценарию, предписанному благовоспитанным девушкам. Помимо того, что брак и материнство были для этих женщин категориями потусторонними, В. Розанов отметил другую любопытную деталь: он полагал, что их чаще притягивают представительницы своего пола¹³⁷⁰.

Отказ от материнства впервые стало практиковать молодое поколение 1860-х («шестидесятницы»). По мнению И. Юкиной, семья стала восприниматься молодежью *«как препятствие к личной свободе»*¹³⁷¹. И.С. Кон, характеризуя женщин XX века, отмечал появление тенденций, враждебных «детоцентризму»: *«Социально-политическая эмансипация женщин и все более широкое их вовлечение в общественно-производственную деятельность делает их семейные роли, включая материнство, не столь всеобъемлющими...»*¹³⁷². Материнству «шестидесятницы» противопоставили получение научного образования, в том числе профессионального, социальную активность. Вопреки тому, что экспертное сообщество в лице врачей-мужчин упорно связывало отсутствие материнской любви, материнского инстинкта с врожденной преступностью и врожденной идиотией (Ч. Ломброзо, В. Тарновский), представительницы данной категории настойчиво претворяли в жизнь собственные сценарии. В их представлении мать – это, прежде всего, «самка», ограничившая возможность духовного роста и саморазвития. В этой связи современные исследователи констатируют высокую степень корреляции между уровнем образования, публичной активности женщины и числом деторождений в ее жизни (Б.М. Бим-Бад)¹³⁷³.

Либерально настроенные феминистки Н.В. Стасова, М.В. Трубникова считали правильным посвятить себя личному совершенствованию, борьбе за женские права, чем отдаться служению семье и детям. Многие из них оставались бездетными, либо ограничивались рождением одного – двоих детей. Известная в начале XX века писательница Елена Александровна Колтановская в собственных сочинениях («Женские силуэты», «Женщина в драмах Ибсена», «Брюсов о женщине») также пропагандировала новый тип женщины. Будучи убежденной в

¹³⁷⁰ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 52.

¹³⁷¹ Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. М.: Историческая книга, 2007. С. 125.

¹³⁷² Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academia, 2003.

¹³⁷³ Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010. С. 13.

том, что материнство делает женщин пассивными, препятствует их личному самосовершенствованию, «враждебно творческим зовам»,¹³⁷⁴ она, несмотря на замужество, так и не стала матерью. Отказ от материнства для молодых дворянок («дочерей»), по мнению известной исследовательницы женской истории Б. Энгель, становился новой жизненной стратегией¹³⁷⁵. Отечественный мыслитель И.С. Кон указывал на наличие трех важнейших зависимостей, во многом определяющих жизнь женщины XX века, – «биологической», «социальной» и «психологической»¹³⁷⁶. «Шестидесятницы» разрывали традиционную зависимость от физиологических функций, связанных с продолжением рода (беременность, рождение детей), а также зависимость от последующей связи с детьми в период лактации, кормления грудью («социальная зависимость»), ради освоения иных сфер деятельности.

Под впечатлением поступка Веры Павловны, героини романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», шестидесятница Екатерина Павловна Майкова (жена Владимира Майкова, брата известного поэта А.Н. Майкова, подруга И.А. Гончарова) без особых угрызений совести оставила своих троих детей, мужа, сбежав с молодым учителем Ф.В. Любимовым, стремясь вырваться за пределы «узенького семейного мирка»¹³⁷⁷. От их гражданского союза родился ребенок, от которого Екатерина Павловна поспешила вновь себя освободить, отдав его на воспитание некой М. Линдблом¹³⁷⁸. Отвергая собственное материнство, Майкова увлекалась написанием рассказов, которые публиковала в детских журналах. В подобных поступках проявлялась амбивалентность морали «новых женщин». Они могли воспитывать словом чужих детей, трудиться на их благо, в то время как собственных детей бросали на произвол судьбы. Мало кто из дворянок решался на столь авантюрный шаг в жизни, как реальное бегство, но значительная их часть, судя по дневниковым записям, мечтали об этом. Вполне добропорядочные матери

¹³⁷⁴ Колтоновская Е.А. Женские силуэты (писательницы и артистки). СПб.: М.В. Попов, 1912. С. IX.

¹³⁷⁵ Engel B. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia. Cambridge: 1983. С. 8.

¹³⁷⁶ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С. 43.

¹³⁷⁷ Чемена О.М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. М.: Наука, 1966. С. 56.

¹³⁷⁸ Володина Н. Воспоминания Е.П. Майковой: опыт житнетворчества // University of Toronto Academic Electronic Journal in Slavic Studies / <http://www.utoronto.ca/tsq/28/volodina28.shtml#top> (дата обращения 22.10.2013).

семейств выражали глубокую неудовлетворенность однообразной семейной жизнью, «закисанием» в браке и неспособностью «ни к какой общественной деятельности»¹³⁷⁹. Чтение современной популярной прозы рождало желание посвятить себя другому делу (образованию, профессиональному труду, филантропии).

Следует отметить, что в это самое время на Западе стали появляться идеи «сознательного материнства», которые не разделяли русские шестидесятницы, считая их враждебными женской свободе и равноправию. Современные отечественные исследователи (Н.Л. Пушкарёва, И.И. Юкина, С.Г. Айвазова) основную причину такого положения дел видят в том, что для первых русских феминисток самым важным был вопрос не личного, женского освобождения, а освобождения России от феодально-абсолютистского строя¹³⁸⁰. Об этом же писали зарубежные ученые А. Линденмайер и Р. Стайтс¹³⁸¹. В связи с этим концепция «сознательного материнства» казалась русским феминисткам первой волны неуместной и потусторонней. Как отмечает Р. Стайтс, в первые несколько десятилетий после либеральных реформ в России происходил «настоящий семейный переворот»¹³⁸².

Апологетом нового типа женщин, отказавшихся от естественной для того времени роли матери и супруги, были активные участницы народнического и революционного движения, во многом нигилистки по взглядам, Вера Николаевна Фигнер, Вера Ивановна Засулич, Софья Львовна Перовская, Ольга Спиридоновна Любатович, Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (названная «бабушкой русской революции»). Первые три женщины никогда не состояли в браке и не имели детей. В их воспоминаниях вопросы, связанные с собственной

¹³⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 73.

¹³⁸⁰ Pushkareva N.L. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk: M. E. Sharpe. 1997. P. 219; Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 69; Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2-3. С. 32-37; Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. М.: Историческая книга, 2007. С. 321; Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. М.: РИК Русанова, 1998.

¹³⁸¹ Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women 's History. 1993. Vol. 5. №. 2; Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860 поныне 1930. М.: РОССПЭН, 2004.

¹³⁸² Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 156.

фертильностью и исполнением матримониальных функций, полностью отсутствуют. Известно, что О. Любатович таскала ящики с взрывчаткой во время беременности. Беременность и рождение детей, по сути, являлись «побочным» результатом ее деятельности. Холодность матери к первенцу привела к тому, что девочка заболела менингитом и умерла. Вскоре О. Любатович родила вторую девочку, которую поспешила оставить знакомой на воспитание. Е. Брешковская, находясь в положении, активно участвовала в *«хождении в народ»*. Еще грудного ребенка она отдала в бездетную семью брата и занялась революционной деятельностью¹³⁸³.

Как относиться к подобным проявлениям кажущейся женской жестокости? Эти примеры доказывают не столько аморальность поведения матерей-революционерок, сколько чрезвычайную сложность в совмещении двух противоречивых сфер женского бытия. Материнство, уход за детьми «привязывал» женщину к домашнему очагу, делая ее зависимой от потребностей своего чада, заставляя целиком и полностью отдаваться материнскому долгу, ежеминутно быть ответственной за жизнь и здоровье маленького человека. В этой рутинной ежедневной работе нет места приключениям, опасностям, равно как и нет ощущения величины, исторического значения своих действий. Революционная деятельность, напротив, рождала дух авантюризма и неповторимости осуществляемой деятельности. Кроме того, как и ребенок, она требовала полной самоотдачи, вплоть до самопожертвования. Дух революционной романтики и авантюризма, непредсказуемость завтрашнего дня не сочетались с ответственной и размеренной жизнью матери. Оказавшись между двумя детищами – реальным ребенком и борьбой за изменение социальной реальности, – «новые женщины» эпохи (нигилистки, радикально настроенные женщины, а также феминистки) в большинстве случаев делали выбор в пользу собственных идейных убеждений. О.С. Любатович, к примеру, считала, что люди, посвятившие себя революционной деятельности, как солдаты «под градом пуль», должны оставаться одни, полностью отдаваясь выбранному делу¹³⁸⁴.

¹³⁸³ Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

¹³⁸⁴ Wood E.A. *The Baba and the Comrade*. Indiana University Press, 1997. P. 23.

Сложно установить, что на самом деле испытывали матери-революционерки, бросавшие своих детей. Женской революционной автодокументальной прозе не свойственны откровения о частной (семейной) жизни, словно для авторов текстов данная часть жизни была лишней, второстепенной, не заслуживающей внимания. При поверхностном рассмотрении их биографий складывается впечатление, что подобный выбор давался им легко. Но это не так. Скрупулезное изучение дневников и воспоминаний этих женщин доказывает обратное. А.М. Коллонтай отмечала, что ей было невероятно сложно оставить собственного четырехлетнего сына. Она трогательно описывала, как нежно целовала спящего ребенка, навсегда уходя из дома. Пожалуй, точнее всего мучительность выбора матери-революционерки выразила Екатерина Брешковская: *«Конфликт между любовью к ребенку и любовью к революции за освобождение России стоил мне многих бессонных ночей. Я знала, что не могу быть одновременно заботливой матерью и революционеркой. Это несовместимо. Или одно, или другое целиком овладеет мной»*¹³⁸⁵.

О личной драме Екатерины Константиновны писала Александра Знаменская, укрывавшая «бабушку русской революции» в собственном доме в Симбирской губернии. Е.К. Брешковская рассказывала, как тяжело ей далась встреча с уже взрослым сыном, которого она последний раз видела в десятилетнем возрасте. Находясь на каторге, революционерка мечтала о свидании с ним. Мать по многу раз представляла картину их встречи, и эта мысль согревала ее. Когда, наконец, ее мечта осуществилась, то сердце матери, по свидетельству А.А. Знаменской, было разбито. Этот трогательный эпизод в жизни революционерки она пересказала в собственном дневнике: *«После 30 лет каторги, за время которой она ни разу не виделась с сыном, они встретились. Хотели понять друг друга и не сумели, и сын, уходя от матери, сказал ей на прощанье: «Я вижу, мама, что ты недовольна мной... но что же поделать». «Я не недовольна, – с горечью ответила мать, – но я вижу, что мы чужие друг другу и это мне тяжело!»*¹³⁸⁶. Приведенные свидетельства позволяют опровергнуть мнение о том, что

¹³⁸⁵ Цит по: Копршилова А. Радость революции вместо радости материнства // Русское слово. 2005. № 3 / <http://www.ruslo.cz/articles/137/>; Wood E.A. The Baba and the Comrade. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 23.

¹³⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 26-26об.

деятельницы революционного движения были лишены материнских чувств, отрицая и презирая их. Очевидно, что для Е.К. Брешковской разлука с сыном, неспособность наладить теплые отношения стали глубочайшей личной драмой, о которой та не переставала сожалеть, чувствуя в том свою вину.

Для многих представительниц либерального феминизма начала XX века материнские роли также занимали второстепенное место. Эпоха модерна культивировала новый тип благородной женщины, который предполагал, по словам Н.Л. Пушкарёвой, отказ от *«традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности»*¹³⁸⁷. Известная участница женского движения, член партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, несмотря на то что являлась матерью двух детей (Соня и Аркадий), в своих многочисленных автодокументальных сочинениях практически никогда не упоминала об их рождении и воспитании¹³⁸⁸. Известные участницы женского движения О.А. Шапир, А.Н. Шабанова также не рассматривали деторождение в качестве важного телесного опыта. О. Шапир была убеждена в том, что биологическая обусловленность к деторождению выступает главной причиной неравенства полов¹³⁸⁹. В известном феминистском журнале «Союз женщин», издательницей которого была М.А. Чехова, анонимный автор писала о женщинах, которые «тяготятся» исполнением домашних обязанностей – воспитанием детей, домоводством, заботами об удобствах членов семьи, чувствуя себя в этой сфере *«совершенно непригодными»*¹³⁹⁰. Она называла таких *«тоскующих в одиночестве»*, страдающих женщин, запертых в исключительно семейном кругу, *«женщинами предрассветной поры»*. Автор полностью не отрицала материнства, считая, что ему на смену должно прийти «новое материнство», в котором женщина – прежде всего свободная личность, располагающая всеми средствами быть матерью и развивать собственную субъективность.

¹³⁸⁷ Пушкарёва Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С.10.

¹³⁸⁸ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищев. М.: РОССПЭН, 2012. 1111с

¹³⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 12.

¹³⁹⁰ А. Женские силуэты предрассветной поры // Союз равноправия. 1909. № 11. С. 17-44.

На страницах женских дневников фиксировались новые предпочтения дворянок. Об этом писала активная участница женского движения либерального толка Надежда Васильевна Стасова: *«Для меня исчезло очарование семьи, своей собственной, я почувствовала любовь ко всемирной семье; это стало моим идеалом, я с ним и умру!»*¹³⁹¹. Ее родственница, дворянка Елена Дмитриевна Стасова, известная большевичка, считала семью темницей, вырвавшись из которой можно заняться настоящим делом¹³⁹². Инесса Арманд, прочитав в 15 лет «Войну и мир», была страшно разочарована судьбой Наташи Ростовской, которая, по ее мнению, превратилась в «самку». На страницах личных документов И. Арманд признавалась, что для нее смысл жизни состоит не в материнстве и замужестве, а в том, чтобы «стать человеком»¹³⁹³. В феминистском духе она порвала связь с собственной семьей, посвятив себя общественной деятельности.

Лидер социалистического и женского движения, дворянка по происхождению Александра Михайловна Коллонтай после рождения сына оставалась верной женой и матерью в течение четырех лет, затем оставила семью, включившись в революционную борьбу. Ей принадлежат строки: *«Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день... Как только маленький сын засыпал, я целовала его мокрый от пота лобик, плотнее закутывала в одеяльце и шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина»*¹³⁹⁴. Для Коллонтай любовь к собственному ребенку представлялась формой эгоизма. Она воспринимала замужество и материнство как нечто ограничивающее свободу женщины. В 1909 году Александра Михайловна писала: *«Чтобы стать действительно свободной, женщина должна сбросить тяготеющие на ней путы современной, отжившей, принудительной формы семьи... При современных, обычаях и законом утвержденных, формах семейного уклада женщина страдает не только как человек, но и как жена, и как мать»*¹³⁹⁵. Для многих активисток социально-политического движения, нигилисток по своим убеждениям, материнство становилось помехой на пути дела всей их жизни.

¹³⁹¹ Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. С. 387.

¹³⁹² Стасова Е.Д. Воспоминания. 1969. М.: Мысль, С. 16.

¹³⁹³ Арманд И. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С. 247.

¹³⁹⁴ Либкинд Б. О женщинах. Ч. 2 / <http://www.photokonkurs.com/liebkind/stihi/rezenzii/Ozhen2.htm> (дата обращения 14.12.2013).

¹³⁹⁵ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909. С. 111.

Отвечая на вопрос половой переписи, проводившейся в Томском университете, о пользовании противозачаточными средствами, один из студентов-революционеров заметил, что *«беременность удаляет женщину от политической и духовной жизни, лишает ее возможности быть членом общества»*¹³⁹⁶. Данная мысль, озвученная неизвестным революционером, была типична для молодых представителей революционного класса.

В женских «текстах» начала XX века все чаще появлялась не просто критика материнских ролей, но и их отрицание, граничащее с ненавистью. Известный антрополог М. Мид считала материнскую заботу и привязанность к ребенку «глубоко заложенными» природой в каждой женщине, что если они и отрицаются, то по причине извращения запросов общества в отношении женского поведения. Ей принадлежит утверждение: *«Женщины... по своей природе являются матерями, разве что их специально будут учить отрицанию своих детородных качеств. Общество должно исказить их самосознание, извратить врожденные закономерности их развития, совершить целый ряд надругательств над ними при их воспитании, чтобы они перестали желать заботиться о своем ребенке...»*¹³⁹⁷. Современные психиатры страх женщины перед материнством отождествляют со страхом кастрации у мужчины¹³⁹⁸.

Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок, дочь гениального русского химика и жена известного поэта А. Блока, не скрывала, что с ранней юности мысли о материнстве были для нее ненавистными. Она писала: *«Ничего так не ненавижу на свете, как материнство»*¹³⁹⁹. В отличие от революционерок, оставлявших своих детей, Менделеева-Блок категорически не желала становиться матерью.

Схожие рассуждения о материнстве переполняли страницы феминистских журналов. Так, в понимании одной из читательниц «Женского вестника» госпожи Тюменцевой, материнские заботы препятствуют развитию в женщине свободной личности, превращая ее в *«пошлую», «скудную самку, вечно дрожащую за своих*

¹³⁹⁶ Цит по: Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 355.

¹³⁹⁷ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 315.

¹³⁹⁸ Полюда Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 128.

¹³⁹⁹ Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. С. 64.

детенышей, в своем безотчетном эгоизме заедающую жизнь семьи и своего мужа»¹⁴⁰⁰. Детей Тюменцева называла «позором» и «вечным проклятием» для женщины. Чем объяснялась столь высокая ненависть к материнству и детям – сказать сложно. Но на рубеже XIX–XX веков женщины стали открыто демонстрировать отвращение к традиционным материнским ролям; отрицание деторождения становилось для многих проявлением своей инаковости.

Симпатизировавшая социал-демократам В. Холмогора опубликовала статью с критикой главной героини популярного в Европе романа Д. Риша «Бесплодная». Холмогора полностью разделяла пренебрежение персонажей романа к деторождению. Позиция же госпожи Дервильи, которая мечтала стать матерью, привела читательницу-феминистку в ярость: *«Духовная индивидуальность г-жи Д., по-видимому, еще не настолько окрепла, чтобы бороться с зоологическими инстинктами, а они, притаившись в сфере бессознательного, совершенно поглотили ее интеллект. Особенно бросается в глаза несостоятельность теоретических убеждений героини, ее неспособность подняться до понимания общих идей»*¹⁴⁰¹. Речи героини Холмогора называла *«невнятным лепетанием о материнстве»*. Сама же феминистка защищала идею свободного материнства, отрицая укоренившийся образ погруженной в семейную жизнь многодетной матери. Холмогора дала достаточно емкое и точное определение «свободному материнству»: *«производить потомство в наилучшую пору своей жизни и, главное, тогда, когда в ней самой [женщине] назрела эта потребность»*¹⁴⁰².

Тенденция отказа от материнства была распространена среди представительниц различных сословий. Р. Стайтс в своей известной книге о женском движении в России утверждал, что в анкете, распространенной в 1912 году среди студенток, четверть из них отрицательно отзывалась о замужестве и материнстве¹⁴⁰³. Юная Н.А. Миротворская, дочь священника Рязанской губернии, писала в дневнике: *«Я живу интересной, удовлетворяющей меня жизнью. А что несет с собой брак? ... беременность, роды, воспитание ребенка... А воспитание*

¹⁴⁰⁰ Иванова Ищите женщину в русской литературе // Женский вестник. 1910. № 1. С. 16.

¹⁴⁰¹ Холмогора В. «Бесплодная» по поводу романа Даниэля Риша // Женский вестник. 1911. № 2. С. 39.

¹⁴⁰² Там же. С. 40.

¹⁴⁰³ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 256.

ребенка, особенно в первое время, так много отнимает времени у женщины! Я не могу представить себе, что я буду чем-нибудь связана, не могу пойти туда, куда хочу, поехать, куда тянет. Я хочу быть свободной! Замужество – это цепи...»¹⁴⁰⁴.

По очевидным причинам (финансовая обеспеченность, наличие образования, доступность контрацепции) женщины из высших классов общества могли успешнее реализовать эту тенденцию.

Между тем далеко не всем дворянкам удавалось сделать свободный выбор, отказавшись от традиционного женского сценария. Психиатр с мировым именем Х. Дойч, изучавшая женскую психологию в 1920-е годы, определила психическую норму для современниц через понятия «зависимости» и «жертвенности»¹⁴⁰⁵. Как полагала исследовательница, в повседневной жизни женщина должна приспосабливаться к традиционным социальным ролям во имя обеспечения своей «нормальной» психологической идентичности. Осознавая свою неполноценность вне брака, выйдя замуж, дворянки прощались с девичьими грезами, полностью растворяясь в заботах о домашних делах. В то же время брак, дети не приносили удовлетворения, следствием чего становились бесконечные душевные терзания. Чувство безысходности и бессмысленности не покидало их. Психиатры, изучавшие феномен женской истерии с конца XIX века, все чаще приходили к выводу, что частыми причинами этих состояний являлись подавленные, репрессированные желания¹⁴⁰⁶.

Женские эгодокументы, приоткрывшие дверь в мир экзистенциальных мыслей и эмоциональных переживаний своих авторов, раскрывают частую репрессированную женскую индивидуальность. А.И. Успенская, сестра известной народоволки В. Засулич, впоследствии участница революционного движения, будучи на девятом месяце беременности, стыдилась своего положения: *«Мне стыдно было осознавать, что у меня есть личная жизнь, личные интересы»*¹⁴⁰⁷. С.А. Толстая обреченно характеризовала свою жизнь как бесконечную цепь материнства: *«Описание моей жизни делается все менее и менее интересно, та*

¹⁴⁰⁴ Миротворская Н.А. Две тетради. М.: Галерея СТО, 2010. С. 182.

¹⁴⁰⁵ Deutsch H. The Psychology of Women, Volume 2: Motherhood, Grune & Stratton, 1959.

¹⁴⁰⁶ Фрейд З. Фрагмент анализа истерии (история болезни Доры) // Фрейд З. Избранное. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 177-336.

¹⁴⁰⁷ Успенская А. Воспоминания шестидесятицы // Былое. 1922. № 18. С. 33.

*сводится все к одному и тому же: роды, беременность, кормление, дети...»*¹⁴⁰⁸. Вся семейная жизнь Толстой складывалась из попыток убедить себя в том, что рождение детей, их воспитание, любовь к ним и мужу – основное ее предназначение. Однако роль жены и матери не делала ее счастливой; желание чего-то другого, более существенного, более персонифицированного в своей жизни, позволявшего самоутвердиться как личность, не покидало жену русского классика.

Схожие размышления были представлены на страницах дневника А.А. Знаменской, вся семейная жизнь которой складывалась из бесконечных, зачастую нежеланных, беременностей, родов, кормлений¹⁴⁰⁹. Только после гибели мужа-тирана, когда дети стали самостоятельными, она смогла заняться тем, что ей действительно представлялось интересным, – благотворительностью и общественно-политической деятельностью.

Елизавета Дьяконова, автор известного «Дневника русской женщины», критиковала сестру за то, что она сразу же после замужества забеременела, поставив крест на своей мечте – получении высшего образования: *«С первых же дней сестра была беременна. Она такая бесхарактерная. Он стал убеждать ее, что теперь нечего и думать о курсах, что я фантазерка и учусь совершенно напрасно. Вместо того чтобы ехать жить в Петербург, взял место в N... Так и пошла жизнь сестры в узком домашнем быту...»*¹⁴¹⁰. С сожалением о таких женщинах писала активистка женского движения Евгения Ивановна Конради. В «Исповеди матери» она рассказывала о юных барышнях, свою юность посвятивших учению, поступивших в университеты, стоически терпевших тяжелые условия жизни на съемных квартирах, урезавших себя во всем, даже в обедах, ради образования, но рождение детей ставило крест на всех их планах, превращая амбициозных девушек в «куриц-наседок».

Сам факт беременности и рождения детей воспринимался ими обусловленным природой, свойственным всему животному миру, а потому никак не выделявшим жизнь конкретной женщины. Т.Л. Сухотина-Толстая замечала в

¹⁴⁰⁸ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8. С. 123.

¹⁴⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 27.

¹⁴¹⁰ ОР РГБ. Ф. 375. Картон 2. Д. 1. Л. 4; Дьяконова Е.И. Дневник Е.И. Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 322.

дневнике: *«Так много предстоит радостных событий, женитьбы, рождение детей, что, кажется, эти события и составят самую жизнь, но это – опасный обман. Если родители проживут и нарожают детей, не имея цели жизни, то они отложат только вопрос о цели жизни и то наказание, которому подвергаются люди, живущие, не зная зачем, они только отложат это, а не избегут, потому что придется воспитывать, руководить детей, а руководить нечем. И тогда родители теряют свои человеческие свойства и счастье, сопряженное с ними, и делаются племенной скотиной»*¹⁴¹¹.

Кроме субъективных источников, о новых предпочтениях женщин свидетельствовали и вполне объективные статистические материалы. Современный демограф А.Г. Вишневский заметил, что на протяжении пореформенного пятидесятилетия происходили наибольшие изменения в брачном поведении населения. Анализируя статистические данные, он констатировал тенденцию увеличения возраста вступления в первый брак, повышения доли женщин, остающихся незамужними. Согласно переписи населения 1897 года, последнюю группу составляли более 15% горожанок в возрасте 30–39 лет и более 11% – в возрасте 40–49 лет¹⁴¹². А.Г. Вишневский отметил еще одну особенность матримониального поведения населения: росло количество женщин, которые, овдовев, отказывались заключать повторный брак. По мнению исследователя, данное обстоятельство свидетельствовало в пользу роста *«независимости, самостоятельности, гражданского самосознания русской женщины»*¹⁴¹³. Эмансипация женского населения особенно быстро проходила в крупных городах. Дореволюционный исследователь В. Михневич в работе «Язвы Петербурга» обнажил социальные пороки столичного города. Он отмечал «антисемейный» характер Петербурга 1880-х годов, в котором все большее число молодых людей предпочитали браку и семье свободный образ жизни. Этот город Михневич находил раем для юных «эмансипе»: *«Для женщин, обреченных на одиночество и*

¹⁴¹¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. С. 60.

¹⁴¹² Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 117.

¹⁴¹³ Там же. С. 119.

эмансипированных от брачных уз, Петербург может считаться самым удобным и самым заманчивым из всех русских городов»¹⁴¹⁴.

Негативное восприятие беременности могло быть продиктовано не только феминистскими взглядами женщин, но и вполне тривиальной причиной – отсутствием привязанности и даже ненавистью к мужу. О существовании подобной установки писали известные психологи и психиатры (Х. Дойч, М. Кляйн, Т. Бреннан и др.). С одной стороны, свое отношение к браку дворянки проецировали на потенциального ребенка от этого союза. К примеру, С.В. Дрыжакова, презиравшая собственного мужа, тяготилась материнством, так как в детях находила черты нелюбимого человека: *«Дети совсем не слушают меня; я только вижу, как проявятся то в одном, то в другом черты В.Н. Василий Николаевич – ее муж. – Прим. авт.)... – всей этой вражеской силы для меня. Что делать? Видеть в них повторенье моих врагов?»*¹⁴¹⁵. Мемуаристка Е.И. Жуковская писала: *«Вскоре по отправке этого вида, к ужасу своему, я убедилась, что беременна... Я только в том случае могу любить ребенка, если мой муж никогда его не увидит»*¹⁴¹⁶. Двадцатилетняя Ольга Лопухина, размышляя о своем браке, ужасалась одной только мысли иметь ребенка от нелюбимого человека: *«Я нахожу, что это ужасно иметь ребенка от человека, которого не любишь»*¹⁴¹⁷. С другой стороны, нелюбовь мужа, постоянные унижения и даже акты бытового насилия, исходившие от него, рождали у женщины ненависть к себе беременной и будущему ребенку. В подобных семейных союзах они теряли собственную субъективность, мученически исполняя роль жертвы. Зачастую их самооценка была продиктована позицией и взглядами мужа. А.А. Знаменская, стыдившаяся себя беременной, писала: *«Он видел только перед собой несчастную фигуру, с вздутым животом, ленивую, апатичную, с безобразной рожей»*¹⁴¹⁸. Будучи матерью семерых детей, она признавалась, что материнство явилось не тем, чего она ожидала. Каждая новая беременность воспринималась ею как неотвратимое наказание.

¹⁴¹⁴ Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сущинского, 1886. С. 396.

¹⁴¹⁵ Дневник моей бабушки С.В. Дрыжаковой, 1900–1943 / Ред. Е.Н. Дрыжаковой. СПб.: Пушкинский дом, 2012. С. 247.

¹⁴¹⁶ Жуковская Е.И. Записки. Воспоминания. М.: Аграф, 2001.

¹⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 499. Л. 99об.

¹⁴¹⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 35об.

Женщины данной категории на практике или в теории считали, что они могли бы реализоваться вне семьи, занимаясь образованием, профессиональной деятельностью, участвуя в феминистском и революционном движении. Расширившиеся горизонты публичной деятельности делали приватную сферу семейной жизни, брак и следовавшее за ним материнство для женщины не единственным жизненным сценарием. В распространившейся эмансипированной литературе культивировался новый тип женщины. Даже в работах медицинского характера нередко встречался призыв восстать против положения *«безвольной рождающей машины»*¹⁴¹⁹. Все чаще на страницах своих дневников юные барышни высказывали мысли о нежелании вступать в брак. Женщины этой категории либо априори отрицали материнство, либо полагали, что оно, в силу различных причин (необходимость самостоятельно заработать на хлеб, обеспечить себя и потомство, получить высшее образование), должно быть отсроченным, в связи с чем не спешили заключать браки. Эмансипация дворянской женщины, вышедшая далеко за рамки столичного общества, вводила материнство в ранг ограничивавшей публичное самовыражение женщины, депривировавшей иные жизненные сценарии. В данном случае уместно привести слова известного отечественного ученого Б.М. Бим-Бада, который отмечал, что *«женщина, выступающая в роли живой машины для рождения детей, практически не имеет шансов на социальное освобождение, ей крайне трудно получить хорошее образование и практически невозможно построить успешную профессиональную карьеру»*¹⁴²⁰. В то же время в России параллельно расширению феминистских идей наблюдался противоположный процесс – переход от «безразличного» к «сознательному» материнству.

5.1.2. Идеал «сознательной матери» дворянок-домохозяек

Автодокументалистика начала XX века свидетельствовала о появлении особого типа дворянок, для которых материнство было не просто желанным событием, они прилагали много усилий для подготовки к этой роли. Дворянки XVIII – середины XIX века воспринимали беременность как неизбежное, регулярно повторяющееся событие. Это приводило к тому, что материнство

¹⁴¹⁹ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 179.

¹⁴²⁰ Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010. С. 71.

являлось единственной значимой сферой женской повседневности. Классик отечественной гендерной истории Н.Л. Пушкарёва, характеризуя русских женщин XVIII века, в отношении материнства писала: *«Материнство оставалось для абсолютного большинства женщин ценностью вне моды и вне времени»*¹⁴²¹. Однако эта «ценность» имела условный характер, так как ей женщины не могли больше ничего противопоставить. Исполнение материнских ролей не сопровождалось сложными эмоциональными переживаниями, дворянки практически никогда не описывали собственную беременность, роды, опыт кормления грудью. Рождение детей рассматривалось как часто повторяющееся, неотвратимое, отягощенное страхом смерти событие. По мнению А.В. Беловой, это приводило к тому, что женщины не придавали материнству *«особо ценностного значения по сравнению с другими, реже переживавшимися, физиологическими и психологическими состояниями»*¹⁴²². Ребенок воспринимался существом неполноценным, к его смерти, которая была частым явлением, относились достаточно спокойно. Мать-дворянка доиндустриальной России отказывалась от самостоятельно грудного вскармливания, не ухаживала за новорожденным, предоставив все эти хлопоты нанятому персоналу. Известный антрополог М. Мид полагала, что данные факторы приводят к инвертированности материнского инстинкта¹⁴²³. Взрослые дочери с большим благоговением вспоминали своих кормилиц, нянечек (часто называя их «вторыми матерями»), а не родных матерей. Материнство для большинства дворянок ограничивалось биологическими характеристиками – актом зачатия и рождения. К тому же само общество относилось к материнству сдержанно, не приветствуя в дамах света *«чрезмерного увлечения материнскими обязанностями»*, относя его к девиантному поведению¹⁴²⁴.

В связи с рационализацией репродуктивного поведения дворянок второй половины XIX века, сокращением количества беременностей и родов в их жизни

¹⁴²¹ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ладомир, 2012. С. 65.

¹⁴²² Белова А.В. «Четыре возраста женщины» Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. СПб.: Алетейя, 2010. С. 360; Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45-63.

¹⁴²³ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 314.

¹⁴²⁴ Мартианова И.Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII – первой половине XIX века) // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 9.

материнство становилось уникальной практикой, требовавшей от дворянок физического, эмоционального, интеллектуального сосредоточения. Поэтому на страницах женских дневников второй половины XIX века широко представлены эмоциональные переживания беременностей. В дворянской среде наблюдался процесс отхождения от «безразличного материнства» к «осознанному», наполненному гаммой положительных эмоциональных переживаний и активной подготовкой к будущему материнству. Юная дворянка после неудачных первых родов писала: *«Мне хочется ужасно опять забеременеть. Неужели у меня не будет детей?»*¹⁴²⁵. Молодая особа в начале XX века откровенно высказывалась: *«Я страстно хочу быть женщиной и матерью, оба эти чувства одинаково сильны во мне. Выйду замуж, если даже недостаточно буду любить. Если муж и жена духовно родственны и понимают друг друга – хорошо. Нет этого – придется обойтись. Главная цель ведь в удовлетворении половых и материнских инстинктов и избавления от одиночества»*¹⁴²⁶. Для нее материнство представлялось женской формой полезности обществу, ее гендерная идентичность реализовывалась исключительно в «осознанном материнстве», браке, основанном на взаимной любви или удовлетворении полового инстинкта.

Существовали и другие причины трансформации института материнства, связанные с изменившимися требованиями общества в отношении женского поведения. Французская исследовательница Элизабет Бадинтер, изучавшая практики материнства с XVII до XX веков в Западной Европе, доказала социально-конструктивистскую природу материнских ролей. Она была убеждена в мифологизации материнских ролей, отмечая их корреляцию с запросами общества на соответствующую женскую роль. Э. Бадинтер полагала, что в начале XIX века в Европе оформился культ «сладостной материнской любви» и «материнской ответственности»¹⁴²⁷. Этот запрос, по мнению исследовательницы, стал своеобразной демографической концепцией государства, нуждавшегося в положительной динамике воспроизводства населения. Появление «сознательного материнства» в индустриальную эпоху Э. Бадинтер связывала с богатыми слоями

¹⁴²⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 22об.

¹⁴²⁶ Цит по: Гордон Г. Брак и проституция в суждениях современной молодежи // Новая жизнь. 1913. № 2. С. 196.

¹⁴²⁷ Badinter E. Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX. Paidós. 1991. P. 117, 121; 272.

общества, для которых оно становилось своеобразным веянием моды. (Об общественном детерминизме женских ролей писали А. Рич в книге «Рожденная женщиной», Н. Чодороу в работе «Воспроизведение материнства», К. Хорни в «Женской психологии»)¹⁴²⁸.

Б. Энгель в своем известном труде «Дочери и матери...» полагала, что в России «сознательное материнство» не получило распространения, как на Западе. Несмотря на то что материнство являлось важнейшей социальной функцией женщин высших сословий, по мнению исследовательницы, сами матери-дворянки «не фокусировались» на собственных детях, не делая их центром собственной жизни, в отличие от европейек и американок, для которых дети становились сосредоточением их семейной жизни. Причину данного явления она видела в отсутствии крепкого среднего класса, представительницы которого могли стать достойными восприемницами идей «сознательного материнства». Она подчеркивала, что процесс разорения дворянства, либерализация страны приводили к тому, что молодые дворянки матримониальным ролям предпочитали активную социальную деятельность – трудовую, общественно-политическую¹⁴²⁹. Однако Б. Энгель в своих научных изысканиях опиралась на источники личного происхождения, принадлежавшие известным российским феминисткам, для которых априори семья была чуждой сферой. Изучение широкого круга личных документов, принадлежавших рядовым дворянкам, позволяет сделать обратный вывод: концепция «осознанного материнства» в теории и на практике укреплялась в среде высших классов. Таким образом, идея «сознательного материнства» имела общеевропейское распространение, с той лишь разницей, что в России она появилась на полвека позже.

Появлению «сознательных матерей» среди дворянок можно найти психологическое объяснение. Общеизвестным фактом в тенденции развития брачных союзов в высших слоях общества явилось отхождение от «брака по расчету» к «браку по любви». Традиционный брак, *«основанный на совместном*

¹⁴²⁸ Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59; Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976; Chodorow N. The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender. Berkley-Los Angeles: University of California Press, 1978.

¹⁴²⁹ Engel B. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 9-12.

ведении хозяйства, воспитании детей и законодательных актах, регулирующих брачно-семейные отношения»¹⁴³⁰, утрачивал свои позиции. Решающую роль стали играть чувства невесты и сексуальное влечение супругов. Эмансипация любви в супружеской жизни не могла не повлиять на отношение женщин к материнству и детям. Выдающийся французский психоаналитик, философ, лингвист, мать троих детей Юлия Кристева обосновала категорию «материнской страсти»¹⁴³¹, которая в ее представлении являлась сублимацией женской сексуальности.

Во второй половине XIX века в России происходило «рождение» материнства в современном его понимании, так как именно в данный период сложились необходимые для этого предпосылки. Во-первых, в самом обществе получила теоретическое обоснование идея святости материнского долга. Во-вторых, образованные женщины, заключавшие браки по любви, стали относиться к материнству как к важнейшей сфере собственной реализации. В коллективном сознании российского общества созрели предпосылки для превращения дворянки-любовницы в дворянку-мать, не лишенную сексуальности. В психоанализе существует теория проекции, согласно которой субъект бессознательно переносит свои внутренние импульсы, эмоции на другой объект¹⁴³². Дворянки, все чаще рожая от любимых мужчин, с особым трепетом относились к детям, проецируя на них чувства, адресованные мужу. В связи с этим на страницах личных документов переживания беременности и деторождения, радости материнства переплетались с описанием взаимоотношений с мужем¹⁴³³. З. Арапова после появления на свет дочери писала: *«То, чего я ждала с таким трепетом, с такой радостью, – совершилось. У меня родилась дочь, маленькое, бесконечно дорогое олицетворение моего Арапки. Да, она на него удивительно похожа. Это меня не удивляет, так как я знала, что иначе и быть не может – слишком страстно я этого хотела и*

¹⁴³⁰ Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010. С. 31.

¹⁴³¹ Лейбин В.М. Материнская страсть и сексуализация материнства // Новое в психолого-педагогических исследованиях 2011. № 2. С. 152-159; Кристева Ю. Интервью / <http://doctornet.ru/article/yuliya-kristeva-materinstvo-eh-to-strast> (дата обращения 15.12.2014).

¹⁴³² Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М.: Просвещение, 1993; Лаплаш Ж., Понталис Ж. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.

¹⁴³³ ОР РГБ. Ф. 12. Картон 1. Д. 1. Л. 2-5; Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. С. 181-184.

*желала этого до безумья, я знала, что природа так и совершит это»*¹⁴³⁴.

Контраргументом этого довода может служить утверждение, что в среде низших сословий браки и раньше заключались скорее по любви, нежели по расчету, однако «идейных» родителей там не наблюдалось. В отличие от этих категорий женщин, дворянки, располагая несравненно большими возможностями (возможность не работать, денежное довольствие, высокий уровень образования), могли полностью посвятить себя воспитанию детей.

Еще одним психологическим фактором появления «сознательного материнства» явилось распространение самостоятельного грудного вскармливания. Современные педиатры, перинатальные психологи убеждены в большом влиянии самостоятельной лактации на развитие материнского инстинкта и материнской любви. Новые телесные практики, испытанные дворянками, привязывали их к новорожденному, влияя на материнские чувства, заботу и последующее с ним обращение.

Пропаганда «истинного материнства» в России базировалась на западных концептах, а также на национальных представлениях о святости образа матушки Руси (мать как духовная сила народа). Благородство образа матери культивировали на страницах печатных изданий врачи (В.В. Дерикер, В.Н. Жук, Е.А. Покровский, М.И. Волкова, М.И. Манасеина, Г.И. Гордон, В.П. Герасимович, С.Ф. Воюцкий, Е.С. Дрентельн и многие другие), писатели (Л.Н. Толстой создал собственную концепцию «истинного материнства»), педагоги, психологи, государственные деятели, философы, журналисты, педагоги и художники, которые все чаще изображали сцены из повседневной жизни заботливых матерей. Даже среди «новых женщин» эпохи, феминисток появлялись защитницы «сознательного материнства» (Е.И. Конради). Материнство стало рассматриваться не только как биологическая функция женщины, но и как ее важнейшая социальная роль. На страницах высокой литературы, публицистических произведений, периодических изданий многочисленные авторы доказывали, что кем бы ни была интеллигентная женщина в реальной жизни (благотворительницей, врачом, учительницей, писательницей, переводчицей и проч.), если она не являлась при этом матерью, то

¹⁴³⁴ РГБ. Ф. 12. Картон 1. Д. 1. Л. 5.

все ее *«труды и усилия к расширению поля деятельности бесплодны»*¹⁴³⁵. Мужчины признавали за женщиной возможность социально реализовываться в том случае, если она уже состоялась как жена и мать. Материнство становилось не только правом, но и важнейшей обязанностью каждой женщины.

Почему же к созданию образа идеальной матери активно подключились широкие круги общественности от консерваторов до феминисток? Материнский дискурс находился вне политической, партийной, профессиональной, идеологической принадлежности ораторов. В условиях разрушения ценностей и принципов патриархальной семьи, внутри которой осуществлялся контроль над женским телом и его репродуктивной функцией, распространения антиматеринской риторики в контексте феминистского дискурса, контроль над женским телом перешел из семьи к авторитетным «экспертам» (философам, писателям, врачам, педагогам, психологам). Именно они стали проповедовать идеи святости материнства. Первоначально «эксперты» ограничивались призывами к женщинам развивать материнский инстинкт. Затем они указывали на его недостаточность для воспитания детей и необходимость профессионализации матерей, то есть снабжения их соответствующей теоретической подготовкой.

Можно представить, какое впечатление на дворянок производил тот факт, что теперь вопросы, казалось бы, исключительно женского естества, интимные по своей сущности, долгое время табуированные, стали предметом для общественных дискуссий, в центре которых стояли авторы-мужчины. Ярким литературным воплощением представлений Л.Н. Толстого о материнстве стала Наташа Ростова. На ее примере он демонстрировал, какой наиболее верный выбор должна была сделать каждая женщина в своей жизни. Прежде активная, обольстительная и неугомонная светская барышня после замужества по воле русского классика превратилась в заботливую мать, полностью растворившуюся в семейных хлопотах. *«Трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу... В обществе молодую графиню видели мало, и те, которые видели, оставались ею недовольны»*¹⁴³⁶. Авторитет опытных врачей, классиков

¹⁴³⁵ Фаррар Ф.В. Семейный очаг. Мужчины и женщины. СПб.: Изд-во И.Л. Тузова, 1898. С. 148.

¹⁴³⁶ Толстой Л.Н. Война и мир // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3, 4. М., 1996. С. 235.

русской литературы не мог не отразиться на популяризации типа новой, «сознательной матери».

Дворянки, прежде безразличные к материнству, увлеченные светской жизнью, приемами и визитами, страдавшие постоянными мигренями, нервными расстройствами и истощениями, стали переключаться со своего Эго на собственных детей и их воспитание. Женщины весьма быстро восприняли идеологию «сознательного материнства», сформулированную мужчинами. Для дворянок она стала выражением истинной женственности и их особого предназначения. По мнению К. Хорни, способность женщины приспосабливаться к желаниям мужчины – типичная их психологическая особенность¹⁴³⁷. О такой перемене в характере и поведении своей матери повествовала В.П. Багриновская. Она отмечала, что внезапно (речь шла о конце 1880-х годов) ее мать, в прошлом не баловавшая детей своим присутствием, стала чрезвычайно внимательна к ним, увлеклась педагогической литературой и пыталась применять полученные знания на своих уже взрослых детях¹⁴³⁸. Этот частный пример иллюстрирует, насколько резко идея «сознательного материнства» могла входить в повседневную жизнь аристократок, меняя их традиционное отношение к собственным детям.

Формирование «новых матерей» осложнялось отсутствием у дворянок второй половины XIX века соответствующего родительского примера. Теоретики и знатоки женской психологии (К. Хорни, Н. Чодороу) полагают, что «воспроизводство материнства» базируется на копировании материнского поведения дочерьми¹⁴³⁹. Дворянки 1860–1890-х годов в большинстве случаев были лишены теплых взаимоотношений с матерями. Воспитанием детей занимались посторонние люди. В условиях модернизации материнства, превращения его в важнейшую социальную роль женщины – дворянки второй половины XIX века находились в сложных условиях, так как им зачастую приходилось не «воспроизводить материнство», а его заново воссоздавать.

¹⁴³⁷ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 28.

¹⁴³⁸ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 120-121.

¹⁴³⁹ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 142; Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006.

Каков же портрет «новых матерей» в индустриальной России? Учитывая тот факт, что сама по себе эта идея зародилась на Западе в конце XVIII века, то ее первыми адептами стали представители верхушки дворянского общества, российские аристократки (великие княжны, графини, женщины из знатных семейств, увлекавшиеся просветительскими идеями). К этой плеяде относились, например, императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна, графиня П.С. Уварова, А.Г. Достоевская, С.А. Толстая. В 1880–1890-е годы идея «сознательного материнства» глубоко проникла в повседневную жизнь рядовых провинциальных дворянок.

«Сознательное материнство» не имело никаких шансов прижиться в среде крестьянства и городских низов. Наиболее восприимчивыми к этой идее оказались дворянки. Во-первых, по экономическим причинам. Несмотря на разорение поместного дворянства, представительницы даже самых необеспеченных семей могли позволить себе не работать, нанять домашнюю прислугу и целиком раствориться в подготовке к рождению ребенка и в уходе за ним. Мать-крестьянка или мать-работница не имела никакой возможности посвятить себя детям, так как от ее трудовой деятельности нередко зависело выживание семьи. Во-вторых, эта идея могла «прорасти» исключительно в среде образованной, представители которой охотно понимали и перенимали новые педагогические веяния и рекомендации врачей.

В многочисленных научно-популярных изданиях по уходу за детьми, появившихся в конце XIX века, врачи упорно обосновывали важность и необходимость выполнения каждой матерью своего «святого долга». Материнство называлось «высшей привилегией женщин», источником «благородных чувств» и «наивысшей радости»¹⁴⁴⁰. Наблюдался процесс зарождения «экспертного материнства», материнские практики попадали под контроль медицины и других экспертных систем. Во второй половине XIX века на страницах многочисленных женских журналов материнская тема стала одной из важнейших. Даже в феминистском «Женском календаре», издававшемся Прасковьей Ариян, регулярно публиковались сведения на тему беременности и родов. Популярность и

¹⁴⁴⁰ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 1040.

открытость информации о материнстве приводили к тому, что «сознательные матери» много читали о правильном ведении беременности, подготовки к родам, современных тенденциях в кормлении, особенностях одежды и пеленания малыша, режиме и т.д. Е.И. Конради так характеризовала подобные увлечения матерей: *«Вы зарываетесь в популярно-медицинские сочинения, в разные руководства к физическому уходу за детьми. Вы приобретаете самые твердые, непоколебимые убеждения насчет вредности пеленания, вы доподлинно узнаете, в какие промежутки времени должно было происходить кормление, вы приучаетесь смотреть на обычай таскать детей на руках как на вредный предрассудок и не сомневаетесь, что приучите своего ребенка с первых же дней рождения самостоятельно копошиться возле вас в кроватке или на ковре, пока вы будете заняты своим делом»*¹⁴⁴¹.

Со времен Екатерины II на государственном уровне в качестве основной цели женского образования провозглашалась подготовка достойных жен и матерей. Спустя век, впервые заявленная на государственном уровне цель женского просвещения нашла отражение в восприятии самими женщинами материнства как особой социальной и духовной миссии. М.И. Манасеина, Е.И. Конради, Е.Н. Водовозова видели в образованности женщины непременное условие ее успешного материнства. Функция матери отныне состояла не только в биологическом акте воспроизводства, но и в воспитании достойного гражданина страны. Для многих рядовых дворянок России ценность получения образования связывалась с предстоящим рождением и воспитанием детей. А.А. Знаменская, имея двух дочерей, рассуждала: *«Нынче у меня часто является сознание своей плохой научной подготовки и необходимости во всестороннем образовании. Это образование нужно мне как матери»*¹⁴⁴². Себя она называла не иначе как «разумная нянька».

«Новые матери» все чаще романам предпочитали научную литературу, в которой объяснялись насущные вопросы в отношении воспитания детей, характера взаимоотношения с ними, особенностей развития их психики. В одном из писем к дочери женщина просила привезти «Педагогическую психологию» П.Ф. Каптерева,

¹⁴⁴¹ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 2.

¹⁴⁴² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 23.

предлагая устроить совместное чтение и разбор основных моментов его педагогической теории¹⁴⁴³. «Новые матери», как правило, были хорошо теоретически подготовлены к рождению ребенка. Они штудировали популярную медицинскую литературу по вопросам рождения и ухода за детьми. Об этом они сообщали на страницах собственных дневников. Самым популярным автором был врач-просветитель Владимир Николаевич Жук. Женщины в положении не раз заявляли о своем намерении во всем следовать рекомендациям авторитетного врача. В широком распространении были труды М. Манасеиной, Е.А. Покровского.

Большую популярность приобрели «материнские дневники», в которых родительницы фиксировали собственное состояние от беременности до рождения ребенка, а затем особенности ухода за ним. В многочисленных архивах хранятся отрывки из дневников неизвестных дворянок, где они подробно делились своими переживаниями материнства¹⁴⁴⁴. В 1910-е годы приобрели известность «профессиональные» (принадлежали врачам, педагогам и педологам) родительские дневники, авторы которых на собственных примерах учили читателя тому, как правильно составлять дневник. Среди наиболее известных опубликованных «материнских дневников» – Е. Кричевской, А.А. Дерновой-Ярмоленко, а также «отцовский дневник» А.Ф. Левоневского¹⁴⁴⁵.

Следует отметить тот факт, что «сознательные матери», вопреки призывам самостоятельного воспитания детей, не могли обходиться без прислуги. Дворянки даже из семей со средним достатком непременно обзаводились няньками. Круглосуточный уход за малолетними детьми считался непомерной нагрузкой для женщины-аристократки. Несмотря на штат прислуги, «новая мать» полностью контролировала весь процесс ухода за детьми, их воспитание и образование.

¹⁴⁴³ ОР РНБ. Ф. 601. № 1658. Л. 17.

¹⁴⁴⁴ Е.Б. Из дневника матери // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 29-42; № 2. С. 17-34; ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-14; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 30; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 32.

¹⁴⁴⁵ Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911; Левоневский А.Ф. Мой ребенок. Наблюдения над психическим развитием мальчика в течение первых четырех лет его жизни. СПб.: О. Богданова, 1914; Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери: Записки о душевном развитии ребенка от рождения до 7-летнего возраста. М.: Практические знания, 1916; Кричевская Е. Моя Маруся: Записки матери. Пг.: Тип. Р. Шварца, 1916; Ивѣ В. Из дневника отца // Психология и дети. 1917. № 6-8. С. 5-79; Соколов Н. Жизнь ребенка (по дневнику отца). М.: Тип. Н. Желудковой, 1918.

«Росла окруженная няньками и мамками, но мама не спускала с меня глаз»¹⁴⁴⁶, – вспоминала Ольга Сваричовская.

Таким образом, в профессиональном сообществе утверждалась концепция «истинного материнства», согласно которой мать становилась одним из специалистов по уходу за детьми. Интеллигентная женщина превращалась в просвещенную мать, которой словом и делом должны были помогать «эксперты». Новая «истинная мать» в изображении современников – асексуальная, самоотверженная, приносящая в жертву собственные устремления ради своих детей. Удивительным фактом в истории женщин высшего сословия явилось то, что в век эмансипационного движения, борьбы женщин за свои права, возросших запросов на новые формы гендерной идентичности в образовательной и профессиональной сферах существенно изменялось отношение дворянок к материнству – от безразличного к осознанному.

В оценке концепции «сознательного материнства» в зарубежных исследованиях присутствуют две противоположные точки зрения. По мнению одних, капиталистическая промышленная экономика XIX века принесла «идеологию обособленных сфер», в результате концепт «сознательного материнства» окончательно погрузил женщин в мир домашних дел. Профессор гендерной истории Л. Абрамс отмечала: *«Подобная идеология, ограничивающая права и возможности женщины, оправдывала культ домашнего очага и так называемой истинной женственности, воцарившийся в жизни среднего класса, но одновременно, как ни странно, давала женщинам ощущение особого предназначения. Они чувствовали моральное превосходство в индустриальной цивилизации, пропагандируя свою женскую культуру, формирующуюся вокруг церкви, дома и благотворительности»*¹⁴⁴⁷. Во второй половине XIX века в России мир дворянской повседневности также разделился на женский, связанный с материнством, домашним бытом, и мужской, подразумевающий чиновничью службу, земскую и общественную деятельность. Все это приводило к «закрепощению» женщины семьей, материнством и домашним хозяйством.

¹⁴⁴⁶ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 60б.

¹⁴⁴⁷ Абрамс Л. Формирование женщины новой эпохи 1789–1918. М.: ВШЭ, 2011. С. 12.

В то же время в европейской историографии присутствует другая точка зрения, согласно которой идеология «сознательного материнства» существенно повысила социальный статус женщины в обществе. В частности, профессор философии из Великобритании Энди Байфорд, анализируя эволюцию родительства в России, отмечал тот факт, что женщина из просто матери превращалась в мать-«эксперта», мать-воспитательницу, что способствовало общей феминизации женщин¹⁴⁴⁸. Немецкий литературовед, славист Элизабет Фогель также полагала, что статус матерей значительно повысился в российском обществе к началу XX века¹⁴⁴⁹. Однако свои выводы исследователи делали преимущественно на изучении опубликованных источников: произведений русской классической литературы, «поучений» врачей и педагогов. Собираательные образы матерей, представленные на страницах русской классики, зачастую существенно отличались от реальных женщин и их повседневных практик.

Воспоминания многих дворянок свидетельствовали в пользу того, что материнство становилось для них тяжелой ношей, особенно в том случае, если семья не имела достаточных средств для найма прислуги. Воспитанные в аристократическом духе изнеженные создания должны были самостоятельно выполнять все работы по уходу за детьми и содержанию дома. Образованные женщины благодаря ярким призывам сторонников материнского воспитания часто приносили в жертву свои мечты и планы на будущее ради того, чтобы в настоящем быть «хорошей матерью». При характеристике «новых матерей» «эксперты» (врачи, писатели, педагоги) все чаще употребляли словосочетание «истинное материнство»¹⁴⁵⁰, которое несло на себе высокую степень оценочной нагрузки. Поведение матери, которое отклонялось от предписанных стандартов, превращало ее в «неистинную мать». Создатели концепта «сознательной матери» редуцировали материнское поведение, сводя его к схематично прописанному стандарту.

¹⁴⁴⁸ Байфорд Э. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования / http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=572 (дата обращения 12.12.2014).

¹⁴⁴⁹ Фогель Э. Модели материнства в романе Льва Николаевича Толстого Анна Каренина (1873–1877) // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 197.

¹⁴⁵⁰ Гинденс Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 54–71.

Изучив не один десяток женских дневников, разбросанных по многочисленным архивам России, я пришла к выводу, что концепция «сознательного материнства» была манящей иллюзией, создаваемой прежде всего экспертами-мужчинами, в реальной жизни терпящей фиаско. «Истинная мать» – мать, которую в идеале мечтали видеть рядом с собой мужчины-сыновья, но не мужчины-мужья. Несмотря на многочисленные попытки российских аристократок следовать всем советам «экспертов», апологетов «сознательного материнства», в большинстве своем они заканчивались неудачно. Л.Н. Толстой в художественных и публицистических произведениях, изображая портрет идеальной матери, в собственной семейной жизни столкнулся с тем, что его жена не смогла исполнять все предписанные им функции. Е.И. Конради, раздающая щедрые советы о том, как должна себя вести настоящая мать, многое из сказанного не смогла реализовать в собственной жизни. Следует учитывать еще один важный аспект – экзистенциальный опыт «новых матерей». Приносило ли им счастье всепоглощающее материнство? Удавалось ли им полностью проявить свою гендерную идентичность в кругу семьи? Многочисленные дневники женщин свидетельствуют о том, что, полностью отдаваясь материнству, следуя всем советам и рекомендациям, в конечном итоге они не чувствовали себя счастливыми. На всем протяжении жизни их соблазняла мысль о других жизненных сценариях и другой Я. Кроме этого, женщины признавались, что, полностью посвящая себя уходу за детьми, они становились неинтересными мужьям. Как следствие, – семейные ссоры, адюльтер и ощущение собственной несостоятельности. Это наводит на мысль, что «истинное материнство» невозможно сконструировать Извне кому бы то ни было. Быть истинной матерью, очевидно, не означает следования предписанным указаниям. Материнский опыт и связанные с ним переживания индивидуализированы. В связи с этим «истинное», «осознанное» материнство должно прежде всего конструироваться Изнутри, сообразно с интеллектуальными, этическими, психическими особенностями развития каждой женской личности. В этом отношении феминистки, революционерки, оставлявшие детей, были более честны перед собой, чем аристократки, пытавшиеся окружить своих чад заботами, но ощущавшие себя при этом глубоко несчастными.

5.1.3. Концепт «универсальная мать» (попытки совместить материнство и профессиональную карьеру)

В среде российских феминисток сформировалось амбивалентное восприятие материнства¹⁴⁵¹. В то время как одни исключили материнские роли из своей жизни, другие обосновали позитивную роль материнства. В ответ на тезис мужчин о том, что беременность, кормление, воспитание детей отнимает у женщины чрезвычайно много сил¹⁴⁵², следствием чего является ее неспособность реализоваться в иных сферах деятельности, феминистки предложили идею реальности совмещения материнства с профессиональной активностью, доказывая ее состоятельность в теории и на примере собственной жизни. Появление такого типа дворянок было продиктовано набором определенных предпосылок и условий. С одной стороны, высокий уровень образования, возросшие потребности в определении собственной идентичности открывали женщинам различные поприща для деятельности. Зачастую низкий достаток семьи заставлял замужних женщин, вопреки канонам традиционного общества, работать. С другой стороны, эмоциональная привязанность к мужу, любовь к немногочисленным детям превращали ее в заботливую хозяйку и мать. Важную роль в таких супружеских парах играл муж (отец). Нарушая патриархальный принцип разделения сфер деятельности на исключительно женскую и мужскую, он активно вмешивался в процесс воспитания детей. Кроме этого, минимальное использование труда прислуги давало возможность дворянкам успешно сочетать домашние дела с общественной деятельностью. Итак, в данный период началось формирование «интенсивного материнства» (термин Шарон Хейс¹⁴⁵³), представительницы которого демонстрировали оптимальное равновесие между частным и публичным в своей жизни. «Интенсивное материнство» предполагало не только невероятные

¹⁴⁵¹ Следует заметить, что впервые противоположную позицию феминисток в отношении материнства заметила Л. Умански, которая изучала восприятие материнских ролей западными феминистками 1960-х годов (Umansky L. Motherhood Reconceived. Feminism and the legacies of the sixties. New York University Press, 1996. P. 16-52).

¹⁴⁵² В качестве яркой иллюстрации данного тезиса – разговор, приведенный в дневнике молодой матери, между врачом и акушеркой на ее родах. Провинциальный доктор спорил с акушеркой, обосновывая собственные андроцентричные взгляды. Врач был уверен, что женщина не способна совместить материнство с профессиональным трудом. Он был убежден в том, что ей попросту не хватит сил на это. «Вот куда уходит ваше женская сила и энергия, – говорил доктор, осматривая и перевертывая новорожденную, – а на мужскую работу не хватит у вас ни времени, ни сил», – утверждал он (РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 69).

¹⁴⁵³ Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996.

усилия слабого пола в реализации собственных планов, но и трансформацию семейных отношений, репродуктивного поведения населения и рационализацию сексуальности. На смену отрицания материнства пришли идеи отсроченного материнства, рационализации деторождения (ограничения его числа, повышения брачного возраста, применения средств контрацепции и даже легализации абортов), активного привлечения мужчин к уходу за детьми, освоения общественных форм воспитания детей (детские сады). Все это должно было облегчить участь работающей женщины-матери.

Одной из первых деятельниц, которая в своих работах и на примере собственной жизни (воспитывала 6 детей и вела активную социальную деятельность) отстаивала идеи гармоничного совмещения частного и публичного в жизни женщины, была Аделаида Семеновна Симонович. Она высоко ценила роль матери в воспитании детей: *«Первыми природными воспитателями являются родители, и по преимуществу в первое время жизни ребенка – мать; от матери исходит жизнь ребенка; от матери он получает первые ласки и улыбки, от матери он слышит первые звуки, слова и речи. Мать, будучи постоянно с ребенком, с самого рождения, знает лучше всех все его нужды, понимает его лучше и скорее других. Любовь детей к родителям, завязывающаяся таким образом, есть причина нравственного влияния матери на ребенка»*¹⁴⁵⁴. Будучи заботливой матерью, А.С. Симонович не переставала трудиться: активно поддерживала своего мужа во врачебной деятельности, помогала принимать и лечить детей бедных семей, бесплатно раздавала лекарства крестьянам. Уже тогда она осознавала, что на помощь ее современницам с прогрессивными взглядами и желанием одновременно быть матерью и заниматься профессиональным трудом должны прийти общественные формы воспитания детей, особенно в том случае, если у женщин отсутствовали средства к содержанию прислуги. Она писала: *«Женщина должна работать не для одной семьи, а для всех»*¹⁴⁵⁵. Ей принадлежала идея организации в Петербурге в 1866 году первого детского сада для детей

¹⁴⁵⁴ Симонович А.С. Кто может быть воспитателем? // Детский сад. 1867. № 11-12. С. 389.

¹⁴⁵⁵ Цит по: Грицай Л.А. Проблема материнства и материнского воспитания детей в трудах представительниц российского женского движения конца XIX – начала XX // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 67.

интеллигентных матерей, занимавшихся различными профессиями¹⁴⁵⁶. А.С. Симонович явилась также автором большинства статей в выпускавшемся ею с 1867 года педагогическом журнале «Детский сад». Ее взгляды во многом опережали свое время (по этой причине основанные детские сады не пользовались значительным успехом), прогрессивная часть женского общества стала активно развивать эту идею с начала XX века.

М.К. Цебрикова в 1870 году в «Предисловии к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» высказала мысль о том, что интеллигентные матери вполне бы могли самостоятельно кормить грудью и заниматься профессиональным трудом¹⁴⁵⁷. Кроме этого, она выразила предположение, что женщины имели бы возможность реализовывать свое право на личное счастье в то время, когда дети находились бы под опекой общественных форм воспитания (детских садов). Ее идея была ориентирована на интеллигентных женщин, занимавшихся научной, писательской, благотворительной деятельностью: *«Общественная и научная деятельность – не фабричная работа, которая занимает 10 – 12 часов в сутки; она займет при разумном устройстве общества не более 6 – 8 часов, то есть, менее того времени, которое с туалетом, визитами занимают у женщин их так называемые обязанности к обществу»*¹⁴⁵⁸. Она считала, что профессиональная самореализация матери никак не отразится на детях, напротив, обеспечит семейное счастье. В этом отношении Цебрикова сравнивала матерей с отцами, которым трудовая деятельность не мешает воспитывать детей. Ее идея была оригинальна для российского эмансипационного дискурса 1870-х годов. Многие сторонницы женского движения стали говорить об этом спустя 30 лет. Процесс отхождения части семейных функций к государству (в деле воспитания и образования детей), по мнению современных исследователей, естественный процесс при переходе от традиционного общества, где доминировала патриархальная семья, к обществу индустриальному.

Схожие мысли были высказаны в конце XIX века Е.И. Тихеевой, Е.И. Конради. Основываясь на личном опыте, Е.И. Конради выразила убеждение, что

¹⁴⁵⁶ Симонович А.С. Очерк моей педагогической деятельности. М., Хочу умереть в России. М.: Жизнь и мысль, 2010. С. 24.

¹⁴⁵⁷ Цебрикова М.К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» /<http://www.owl.ru/win/books/rw/f1.htm> (дата обращения 05.05.2014).

¹⁴⁵⁸ Там же.

современная мать из высших классов, при желании и соответствующем подходе, может успеть все: заниматься трудом (она имела в виду интеллектуальный труд), кормить грудью ребенка, принимать активное участие в его воспитании, поддерживать домашнее хозяйство. *«Что касается кормления, я не думаю, чтобы тут существовал непримиримый антагонизм; при известном запасе доброй воли, мать в большинстве случаев может выкормить ребенка сама, не замыкаясь для этого в четырех стенах детской...»*¹⁴⁵⁹, – писала она.

Известных женщин, успешно сочетавших материнство, профессиональную и творческую деятельность, во второй половине XIX века было не так уж мало. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова успешно сочетала материнство, замужество и активную, вначале совместно с мужем, а затем самостоятельную, археологическую деятельность. А.П. Философова благодаря счастливому браку и поддержке мужа могла реализоваться на ниве общественной деятельности (она являлась лидером женского движения, выступала в пользу развития женского образования, занималась филантропией), будучи при этом матерью девяти детей. О ней сохранилось любопытное свидетельство, демонстрировавшее ее сильные материнские чувства. Ее внучка З.А. Трубецкая сообщала, как однажды Анна Павловна собиралась на великосветский бал с участием самого императора. Она долго готовилась к этому событию. На ней было шикарное черное бархатное платье. Но вдруг прибыл гонец и сообщил, что в открытых ею ночлежных квартирах обварили ребенка, а доктора нет. Анна Павловна не раздумывая вскочила с гонцом в повозку и помчалась спасать незнакомого ей ребенка, забыв о грандиозном мероприятии¹⁴⁶⁰.

Мария Васильевна Трубникова, писательница, феминистка, несмотря на несчастливый брак и малое понимание со стороны мужа, была преданной женой и хорошей матерью, о чем свидетельствовали ее дети в оставленных воспоминаниях¹⁴⁶¹. После вынужденного развода, оставшись с четырьмя детьми, она приложила все усилия, чтобы обеспечить их будущее. М. Трубникова зарабатывала на жизнь переводами и литературной работой.

¹⁴⁵⁹ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 352.

¹⁴⁶⁰ Трубецкая З.А. Достоевский и А.П. Философова // Русская литература. 1973. № 3. С. 116-118.

¹⁴⁶¹ Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. Воспоминания. М.: Гос. изд-во, 1928.

Анна Николаевна Энгельгардт – деятельница женского движения, журналистка, писательница, книготорговец, по отзывам современников и исследователей ее творчества¹⁴⁶², была прекрасной матерью. Е.А. Штакеншнейдер в дневнике подчеркивала, что А.Н. Энгельгардт «*нежная мать*», «*заботливая, даже слишком*»¹⁴⁶³.

Софье Васильевне Ковалевской занятия научной деятельностью не мешали состоять в браке и воспитывать дочь. То же самое можно сказать о супружеской чете смоленских дворян Шредерс, которые получили известность на ниве просветительской деятельности; дворян Поповых, занимавшихся издательской и меценатской деятельностью, и многих других¹⁴⁶⁴. Женщины подобного типа встречались как в кругу столичной интеллигенции, так и среди провинциалок.

Принципы женской универсальности стали настойчиво раскрываться в научно-популярной литературе, предназначенной для женщины. В начале XX века в России был издан уникальный труд «Женщина в семейной и социальной жизни»¹⁴⁶⁵. Книга начиналась красноречивой фразой: «*Начало двадцатого столетия приветствует нас новым идеалом женщины*»¹⁴⁶⁶. Составители данной работы разделяли ту точку зрения, что «новая женщина» должна быть непременно прогрессивной матерью (следовать всем новейшим тенденциям в воспитании детей), хорошей хозяйкой, иметь соответствующее духу времени образование, а также реализовываться в профессиональной сфере. Авторы предлагали различные направления публичной деятельности для интеллигентных матерей: быть учительницей, издательницей, писательницей, врачом, сестрой милосердия, участвовать в женском движении (филантропическом или феминистском).

Даже среди апологетов «сознательного материнства» были те, кто не ограничивал женскую сферу деятельности рамками обязанностей матери, понимая, что женщина должна иметь возможность реализовываться как личность. Об этом

¹⁴⁶² Мазовецкая Э.И. Анна Энгельгардт (Санкт-Петербург II половина XIX века). СПб.: Академический проект, 2001; Погребная В.Л. Проблемы эмансипации женской личности в русской критике и романах Н.Д. Хвощинской (60–80-е годы XIX столетия). Запорожье: ЗГУ, 2003. С. 100.

¹⁴⁶³ Из дневников Е.А. Штакеншнейдер (1880–1886) // Голос минувшего. 1919. № 1-4. С. 181.

¹⁴⁶⁴ Мицюк Н.А. «Новая идейная дворянская семья» в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. / Общество. Гендер. История: сборник статей II Всероссийской научной конференции с международным участием. Ноябрь 2012. Липецк, 2012. С. 62-67.

¹⁴⁶⁵ Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901.

¹⁴⁶⁶ Там же. С. 1.

писала врач А.А. Дернова-Ярмоленко, которая активно пропагандировала близость матери к ребенку. Она отмечала, что, удовлетворяя все потребности детей, не нужно забывать о нуждах самой матери. Женщина, по мнению врача, должна избегать как всепоглощающего материнства, так и безразличия в отношении детей. *«Будет крайностью, если мать променяет детскую на кабинет ученого или на арену общественной деятельности, но не меньшей несообразностью было бы отнять у женщины матери право быть человеком мыслящим и имеющим интересы вне детской»*¹⁴⁶⁷, – писала она. А.А. Дернова-Ярмоленко отметила еще одну важную деталь: эволюция материнских ролей в семье и обществе невозможна без изменений в институте отцовства. Ее тезис о том, что мужьям следует активно помогать женам в деле воспитания детей, подрывал как каноны патриархального общества, так и концепцию «разделения сфер» на исключительно мужскую и женскую, возникшую в условиях индустриального общества.

С одной стороны, традиционные представления о первостепенности детородной функции женщины, культ «сознательной матери», с другой, популярность феминистских идей, – все это рождало стремление быть «универсальной женщиной» посредством интенсификации своей деятельности. Страстное желание одновременно быть матерью и «полезной» для общества становилось предметом девичьих размышлений. Ольга Лопухина в 20 лет так представляла свою идеальную жизнь: *«У меня есть идеал человека и идеал жизни, банальный, и глупый, и обыкновенный, но все-таки мой идеал, я хотела бы полюбить человека спокойного и серьезного, выйти за него замуж, иметь детей и век свой остаться хорошей и порядочной женщиной, приносить пользу не только своим детям, но и всем окружающим, делать добро и чувствовать, что не даром живешь на свете»*¹⁴⁶⁸. Идея «быть полезной обществу» увлекала все большее количество образованных девушек¹⁴⁶⁹, при этом представление о сути «полезности» могло быть совершенно различным. Женские дневники убедительно свидетельствуют, что желание быть хорошей матерью и развиваться как личность вне семейной жизни разделяли не только эмансипированные женщины, но и

¹⁴⁶⁷ Дернова-Ярмоленко А.А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенком. М.: Тип И.Н. Кушнерева, 1912. С. 11.

¹⁴⁶⁸ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 499. 1896. Л. 99.

¹⁴⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 113. Л. 15об.

простые провинциальные дамы. А.А. Знаменская пришла к выводу, что материнство не дает ей ощущения собственной состоятельности и полезности для общества. Она всеми силами стремилась заниматься еще чем-то, что определяло бы ее как личность. В своих воспоминаниях Александра Знаменская так характеризовала этот сложный период в своей жизни: *«Затем через каждые год и восемь месяцев у нас являлось прибавление семьи, что, впрочем, не мешало мне заниматься и школой, и лечением больных крестьян, огородом, парниками и садом»*¹⁴⁷⁰. Она не понимала, почему провинциальное общество критично относится к ее филантропической деятельности, считая, что она не должна «забрасывать» своих детей, занимаясь «не своим делом». *«Детей я очень люблю, но они не составляют для меня, как первые дети, все в жизни. У меня есть своя, личная жизнь, и мне тяжело без нее»*¹⁴⁷¹, – писала она.

Очевидно, что в связи с активной общественной, научной или профессиональной деятельностью женщины данного типа отказывались от многочисленных деторождений. Как правило, «универсальные матери» имели не более трех детей, что свидетельствовало в пользу вхождения в их жизнь средств, ограничивающих фертильность супругов. Таким образом, принципы репродуктивной свободы и рационализации сексуальности являлись существенными в реализации сценария «универсальных супругов».

С особой силой проблема женского труда, женской самореализации и материнства стала звучать с начала XX века под влиянием новой волны женского движения. Идея совмещения материнства с профессиональным трудом получила защиту в рамках деятельности таких обществ, как «Союз равноправности женщин», «Русское женское взаимоблагодетельное общество», «Союз женщин»; поднималась на I Всероссийском женском съезде (1908 г.), а также активно обсуждалась в контексте социалистической доктрины. Одна из секций съезда была посвящена проблеме экономического положения женщин и вопросам этики в семье и обществе¹⁴⁷². Среди активных защитниц данных идей были видные деятельницы либерального направления в женском движении: А.Н. Шабанова,

¹⁴⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 4об.

¹⁴⁷¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 11об.

¹⁴⁷² Юкина И.И. Первый всероссийский женский съезд // Вы и Мы. Диалог женщин. М., 1998. № 6. С. 13-16.

А.П. Философова, О.А. Шапир, Е.Н. Щепкина, Е.М. Чехова, М.И. Покровская, Е.А. Чебышева-Дмитриева, А.В. Тыркова. Сторонники либерального и радикального феминизма сходились в одном: женщина должна получить возможность совмещать рождение детей с активной социальной деятельностью; в этом ей должно оказывать реальную помощь государство посредством открытия общественных форм призрения детей, разработки мер по защите материнства и младенчества, социального страхования и проч. На фоне разгоравшихся дискуссий отечественные врачи стали предлагать законопроекты по охране материнства. Одним из таковых явился проект В.П. Герасимовича.

Приверженка радикального феминизма, дворянка по происхождению А.М. Коллонтай еще в условиях царской России теоретически обосновывала собственное видение проблем материнства в научной работе «Общество и материнство», опубликованной в 1916 году. Она была убеждена, что *«среди многочисленных проблем, выдвинутых современной действительностью, едва ли найдется вопрос большей важности для человечества, большей жгучести и настоятельности, чем рожденная крупнокапиталистической системой хозяйства проблема материнства»*¹⁴⁷³. Она полагала, что система государственного социального страхования материнства и детства позволит женщинам разрешить *«тяжелый конфликт между вынужденным профессиональным трудом женщины с ее обязанностями как представительницы пола, как матери»*¹⁴⁷⁴. Однако А.М. Коллонтай была убеждена, что проблема совмещения материнства и профессионального труда является таковой только для рабочей среды, обеспеченные же «классы» минуют сложную дилемму выбора.

Страстные попытки женщин состояться в качестве матери, одновременно занимаясь общественно полезным трудом и реализуясь как личность, находили активную критику со стороны «экспертов» (врачей, педагогов). Они всевозможными способами доказывали невозможность и пагубность подобного совмещения. Главный аргумент, приводимый специалистами: мать не достигнет положительного результата ни в одной из сфер, а ребенок не получит самого главного – материнской любви, а значит, пострадает его физическое, нравственное

¹⁴⁷³ Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг.: Жизнь и знание, 1916.

¹⁴⁷⁴ Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Издательство политической литературы, 1972. С. 161.

и психическое здоровье. Известный врач Евсей Яковлевич Гинденс убеждал женщин, что невозможно одновременно быть любящей, заботливой матерью и думать о хлебе насущном. *«Нельзя одновременно делать много разных работ, из коих каждая требует себе всецело и полного посвящения, полной отдачи. Нельзя правильно кормить грудного ребенка через 3–4 ч... и в то же время уходить на работу на 6–8 ч и более подряд. Невозможно дать ребенку в достаточном количестве и необходимого качества пищу, если сама мать переутомлена физически и умственно»*¹⁴⁷⁵. В конечном итоге он ограничивал основные функции женщины рождением, кормлением и воспитанием детей.

Анонимный автор в журнале «Семейное воспитание» опубликовал статью о пагубности совмещения материнства и профессиональной деятельности. В качестве «жизненного аргумента» он приводил историю «про мальчика Рому». Его мать – студентка, которая решила продолжать учиться и при помощи няни воспитывать ребенка. Автор рассказа анализировал «страшные» последствия такого выбора – проблемы в психическом развитии ребенка, обусловленные поведением матери. Однако его доводы – капризы, непослушность, неаккуратность малыша – не убедительны¹⁴⁷⁶. Мать, пытавшуюся совместить обучение и воспитание дитя, он называл «измученной» и «несчастной». В конце статьи автор пришел к выводу, что женщины должны отказаться от всего во имя материнства.

Очевидно, что «интенсивное материнство» предполагало изменение поведенческих стратегий дворянки. Она должна была отойти от традиционного образа русской барышни, не переносящей тяжелую работу, проводящей дни в праздном отдыхе, страдающей от постоянных недомоганий. Многие из юных дворянок мечтали быть и матерью, и деятельницей, но далеко не у всех это получалось. А.М. Коллонтай реально оценивала их положение в книге «Общество и материнство»: *«Для большинства представительниц умственного труда всех категорий возникает мучительный выбор между материнством и призванием, любимым делом и младенцем. Совмещение при существующем укладе жизни почти невозможно, и лишь редкие исключения среди женщин могут без ущерба*

¹⁴⁷⁵ Гинденс Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 56-57.

¹⁴⁷⁶ М.П. История одного мальчика. К вопросу о ненормальностях детского возраста // Семейное воспитание. 1914. № 2. С. 45-54.

для дела или для ребенка дробить свои силы между обоими родами обязанностей. Сколько жизненных драм возникает на этой почве, сколько душевных сил женщин тратится на тщетные попытки разрешения этого конфликта!»¹⁴⁷⁷.

Таким образом, тип «универсальной супруги» и «деятельницы» мог быть реализован исключительно при наличии соответствующих условий: репродуктивной свободы женщины, обеспеченности семьи, которая могла бы пользоваться услугами наемного персонала, тем самым освобождая мать для общественно полезной деятельности, или комплекса государственных мер по поддержке института материнства. Именно последнее стало особенно актуальной темой в политическом и общественном дискурсе 1910-х годов. Либеральные и радикальные феминистки активно защищали идею государственной помощи материнству (введение социального страхования, открытие сети детских садов, предоставление отпусков по беременности и уходу за ребенком и проч.).

5.1.4. «Безразличные матери»: «дамы света» и другие социальные типы

Несмотря на эволюцию материнских практик во второй половине XIX века, среди любительниц светской жизни, столичных дам полностью не исчезло пренебрежительное отношение к материнским обязанностям. И если нигилистки, феминистки отрицали деторождение в связи с невозможностью совмещения революционной деятельности и функций матери, то представительницы этого типа попросту не желали жертвовать своей красотой, сексуальной привлекательностью и независимостью в повседневной жизни. Е.И. Конради считала, что большинство великосветских дам-матерей первой половины XIX века *«забрасывали своих ребят для балов, для заграничного празднотшания, для будуарных интриг»¹⁴⁷⁸*. В. Михневич нелицеприятно отзывался о светских дамах Санкт-Петербурга 1880-х годов: *«Хорошо известно, с какой бессердечной брезгливостью относятся многие светские женщины к материнству и к своим детям. Полагая, что они созданы исключительно для «света», для успехов на его паркете, безмятежного пользования его удовольствиями, женщины этой категории видят в материнстве какую-то неприятную, нелепую случайность, становящуюся помехой в их*

¹⁴⁷⁷ Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг. Жизнь и знание, 1916. С. 96.

¹⁴⁷⁸ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 15.

истинном признании салонной сильфиды. Сама беременность для них – жестокое несчастье, так глупо и уродливо безобразящее их стройные, изящные формы»¹⁴⁷⁹. Авторы дневников, повествуя о своих родителях 1860–1870-х годов, отмечали, что в их детском сознании образ матери зачастую напоминал сказочную героиню: легкую, красивую, в изысканных нарядах, изредка появляющуюся в детской комнате.

Писательница Серебряного века Л. Зиновьева-Аннибал признавалась, что ее мать «с обычной житейской моралью» практически не вмешивалась в воспитание дочери, предоставив его целиком гувернантке. *«Матери пришлось отдать меня почти всецело на попечение гувернантки: общественное положение ее требовало вести открытый образ жизни ради старших детей. Мое детство протекло в детской и учебной довольно одиноко... Мать я видела редко, в жизни семьи участия почти не принимала»*¹⁴⁸⁰. Дворянка Я. Львова, повествуя о собственном отце, пересказала его спор с «одной бездетной дамой», жившей ради своего удовольствия, в котором она доказывала, что *«жизнь создана для наслаждения»*¹⁴⁸¹. Известная феминистка и врач М.И. Покровская называла утвердившуюся тенденцию в половых отношениях высших слоев общества эротоманией: *«Есть немало лиц, которые буквально поработены эротизмом»*¹⁴⁸².

В сознании этой группы женщин доминировало особое отношение к светской жизни, посредством которой формировалась их женская идентичность и проявлялась женская сексуальность. В психоанализе присутствует теория (Х. Дойч, Ю. Кристева¹⁴⁸³), согласно которой в женской психике существует противопоставление материнства сексуальности, где материнские чувства являются сублимацией ее сексуальности. Беременность, материнство могут рассматриваться как помеха бурной интимной жизни, депривирующей сексуальность. Соответственно женщины этой категории оценивали беременность как крайне нежелательное явление, заботы о детях препоручались многочисленной

¹⁴⁷⁹ Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сущинского, 1886. С. 396.

¹⁴⁸⁰ Вячеслав Иванов и Лидия Шварсала. Первые письма // НЛЮ. 2007. № 88 / http://az.lib.ru/z/zinowxewaannibal_1_d/text_0030.shtml (дата обращения 15.03.2014).

¹⁴⁸¹ Львова (Симонович) М. Хочу умереть в России. М.: Жизнь и мысль, 2010. С. 40.

¹⁴⁸² ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.

¹⁴⁸³ Deutsch Helene. The Psychology of Woman. Vol. 2. New York: Grune and Stratton, 1945.

прислуге (кормилицам, няням, боннам, гувернанткам). Однако если в первой половине XIX века салоны, балы, светские визиты доминировали в частной и публичной жизни дам, то их влияние на образ жизни дворянок в пореформенной России значительно уменьшилось.

Разница состояла и в том, что великосветских дам начала XIX века за «оставление» своих детей никто не осуждал, все воспринимали эту практику естественной. В условиях пореформенной России такое поведение вызывало общественную критику. Отстраненный от материнства тип светских дам все чаще диссонировал с новыми формирующимися представлениями общества на суть женского. Юная Евгения Шахматова была поражена матерью своей подруги: *«Александра Васильевна – женщина алчная, властолюбивая, бессердечная и менее всего – мать. Мне даже трудно представить себе ее матерью, ласкающей своего ребенка»*¹⁴⁸⁴. Девушка возмущалась прежде всего тем, что в женском образе было так мало материнского. Быть женщиной и матерью одновременно, неразделенность этих категорий все чаще отражалась в представлениях юных дворянок.

Складывалась парадоксальная ситуация. Русская литература и публицистика воспевали противоречивые женские типы. С одной стороны, врачи, литераторы, религиозные философы защищали образ святого материнства, но с другой – в классической и бульварной литературе авторы изображали совершенно иных женщин: ярких, свободных от предрассудков и великосветской морали, сексуальных, зачастую бездетных, живущих в мире страсти и любви¹⁴⁸⁵. Не так однозначны оказались литературные типы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Очевидно, что в Анне Карениной («Анна Каренина»), Настасье Филипповне («Идиот»), Наталье Васильевне («Вечный муж»), Анне Сергеевне фон Дидериц («Дама с собачкой») превалировала страстная черта их натуры, нежели материнские инстинкты. Русские классики представили женские образы, не подавлявшие свою сексуальность, бросающие вызов нормам общественной морали, позволявшие себе свободу чувств вопреки замужеству. В романах Н.Д. Хвощинской «В ожидании лучшего», «Недавнее» представлены образы страстных женщин – Катерины Алексинской и Надежды Боровицкой. Они увлечены светской

¹⁴⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 113. Л. 18.

¹⁴⁸⁵ Новополин Г.С. Порнографический элемент в русской литературе (1907–1908). СПб.: Книжный склад М.М. Стасюлевича, 1909.

жизнью, несмотря на замужество, придают флирту. Писательница изобразила своих героинь безразличными матерями. Одна не обращает никакого внимания на дочь, другая спокойно переживает смерть собственного ребенка. Отрицание материнских ролей, беспечная жизнь в погоне за новыми романами вызывали критику как у читателей XIX века, так и у современных исследователей. В.Л. Погребная, например, отнесла этих женщин к типу «эгоистки-эмансипе»¹⁴⁸⁶.

Среди литературных персонажей все чаще появлялись «новые девушки», которые нашли в себе смелость отдаться любовному чувству, но в дальнейшем их угрызения совести были настолько велики, что в конце концов разыгрывается драма. Историк женского образования, феминистка Е. Лихачева отмечала: *«Наши современные романисты и драматурги стараются рисовать новый тип женщины – женщину, которая «осмелилась», но все-таки под конец становится опять жертвой своего соблазнителя: это девушка, поддающаяся своему инстинкту, но после падения впадающая в глубочайшее отчаяние, ни будучи в состоянии справиться ни с собой, ни с осуждением окружающей среды»*¹⁴⁸⁷. Она критиковала подобные образцы поведения, считая, что девушка также имеет право на свободу в половой жизни, как и мужчина, и требования половой морали должны быть одинаковыми.

Следует отметить и еще важную особенность. Если для Ч. Ломброзо излишняя сексуальность была формой биологической девиации, проявлением женского извращения, то в русской литературе, как художественной, так и научной, раскованность женщин в сексуальной сфере, предпочтение бурной эротике материнству стали рассматривать как выражение особой женской индивидуальности, как ее ответ на вызов эмансипирующейся современности.

В 1909 году редакция «Женского вестника» попыталась выяснить, какой литературный образ женщины ближе всего россиянкам. Редакторы обратились к читательницам с двумя вопросами: *«Кто из новейших писателей наиболее верно и ярко изображает в художественной литературе типы современной русской женщины? В каком художественном произведении лучше всего выражены*

¹⁴⁸⁶ Погребная В.Л. Проблемы эмансипации женской личности в русской критике и романах Н.Д. Хвощинской (60 – 80-е годы XIX столетия). Запорожье: ЗГУ, 2003. С. 190-195.

¹⁴⁸⁷ Лихачева Е. Опасный возраст // Женский вестник. 1911. № 4. С. 100-101.

*стремления новой русской женщины?»*¹⁴⁸⁸. Ответы поразили всех. Среди образчиков не было ни одной «тургеневской героини», чистой, святой, невинной девушки. Женщины выбирали радикальные типажи: независимых в сексуальной сфере, раскрепощенных, свободолюбивых, а иногда и надломленных, попавших в тяжелый круговорот жизни. Абсолютное лидерство заняло произведение А. Вербицкой «Ключи счастья» (было задумано как гимн сексуальной свободе) и ее героиня Маня. Среди претенденток на лидерство – Анна Каренина. Читательницы называли также мрачное по содержанию произведение Станислава Жеромского «История греха»¹⁴⁸⁹. Главная героиня повести Ева – девушка с невероятно сложной судьбой, приведшей ее на панель. Однако в этом произведении удивляет не столько сюжет, он как раз таки стал классическим, сколько нелицеприятное описание материнства. Женщина с ненавистью смотрит на себя беременную, ей невыносимо и отвратительно это положение. Автор лишает героиню материнского инстинкта, что в конечном итоге приводит ее к инфантициду.

Противоречивые модели материнства были представлены в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». С одной стороны, Кити, Долли – идеальные матери, трепетно заботившиеся о своем состоянии во время беременности, самостоятельно кормящие грудью, полностью отдающиеся детям в вопросах ухода, отказавшиеся от кормилиц и нянек. С другой, Анна – «плохая», «эгоистичная» мать, предохранявшаяся от новых беременностей, мало обращающая внимание на своего ребенка, передавая его на руки многочисленной прислуги. Для русского классика, считавшего семью символом обновления России, именно «новая» мать была ответственна за общественное усовершенствование. При этом взгляды классика на сущность идеальной женщины-матери не всегда разделяли читательницы. Современный немецкий литературовед Элизабет Фогель убеждена, что попытка Л.Н. Толстого изобразить «идеальную» мать (Кити), противопоставляя ее матери «эгоистичной» (Анне), «не увенчалась успехом»¹⁴⁹⁰. Несмотря на то что образ Анны Карениной, по замыслу автора, должен был демонстрировать недостойность поведения матери, именно к ней читательницы

¹⁴⁸⁸ Иванова Ищите женщину в русской литературе // Женский вестник. 1910. № 1. С. 15.

¹⁴⁸⁹ Жеромский С. История греха. Пермь: Капик, 1993.

¹⁴⁹⁰ Фогель Э. Модели материнства в романе Льва Николаевича Толстого Анна Каренина (1873–1877) // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 208.

относились с особой симпатией. У многих благовоспитанных читательниц Анна Каренина вызвала внутреннее беспокойство, тяжелые размышления. Этот персонаж произвел буквально революцию в сознании большинства девушек. Так, одна из них признавалась на страницах дневника, что до прочтения романа «Анна Каренина» она смотрела на роль женщины, ее призвание глазами пушкинской Татьяны. В свою очередь, Анна Каренина явилась для многих *«большим переполохом»*¹⁴⁹¹.

В небольшом рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание», опубликованном в 1916 году, представлен удивительный тип молодой девушки. Ольга Мещерская, представительница благородного сословия, гимназистка, в свои 15 лет без тени смущения заигрывает с мужчинами, с радостью лишая себя девственности. Несмотря на аморальность поведения юной дворянки, трагичную концовку рассказа, образ героини, манящий, страстный, вызывает положительные эмоции у читателя. В другом его рассказе «Солнечный удар» главная героиня отдается захлестнувшему ее чувству с совершенно незнакомым мужчиной. В повести А.И. Куприна «Яма» главные героини – проститутки. Не только откровенные сцены удивляли современников, но то, что свою повесть он посвятил матерям и юношеству¹⁴⁹². В

Бурные дискуссии среди россиянок вызвал французский роман-дневник К. Михаэлис «Опасный возраст». Главная героиня – сорокадвухлетняя женщина – жаждет ласки, доказывая своими поступками, что женщины наравне с мужчинами имеют право на удовлетворение половых потребностей. В России были как защитницы героини К. Михаэлис, так и противницы. Е. Лихачева возмущалась разразившейся критике в адрес автора: *«Большинство наших женщин так незрелы именно по отношению к половому вопросу, они считают чуть ли не позором о нем говорить, хотя это один из важнейших вопросов, на котором зиждется существование всего человечества»*¹⁴⁹³. В то же время ряд читательниц обвиняли главную героиню в вульгарном эротоманстве¹⁴⁹⁴.

¹⁴⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

¹⁴⁹² Покровская М.И. Русская яма // Женский вестник. 1910. № 2. С. 37-41.

¹⁴⁹³ Лихачева Е. Опасный возраст // Женский вестник. 1911. № 4. С. 100-101.

¹⁴⁹⁴ Орловская М. Но где она, звезда моя? (по поводу романа «Опасный возраст» Карин Михаэлис) // Женский вестник. 1911. № 5-6. С. 129-132.

Легализация сексуального инстинкта, табуированных половых вопросов откровенно были изображены в резонансных произведениях Л.Н. Андреева («В тумане», «Бездна»), М.П. Арцыбашева («Санин», «Ужас»), Ф. Сологуба (трилогия «Творимая легенда») и т.д. СобираТЕЛЬНЫЙ образ современных женщин представлен в рассказе Ольги Руновой «Ничего святого». Зарубежная исследовательница Л. Энгельштейн в своей знаменитой работе по истории сексуальной культуры в России писала об этих героинях: *«Героини рассказа... жаждут развлечений и удовольствий, хотят модно и красиво одеваться, быть сексуально привлекательными; их основное занятие – это поиск мужей и любовников, которые могли бы их содержать. Они пользуются противозачаточными средствами и рассматривают аборт в качестве средства, которое просто необходимо для женщин»*¹⁴⁹⁵.

Провокационным по своему содержанию явился роман Л. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda». Одна из героинь цинично размышляла о печали матери (Веры), потерявшей своего ребенка: *«А если бы вы видели, как она изводилась, когда умер у нее этот грудной ребенок! Что такое грудной ребенок? Кусок мяса, по-моему. Но она пила воду из колодца кладбищенского, чтобы приобщиться червям»*¹⁴⁹⁶.

Роковые женщины, неординарные женские типы вызывали устойчивый интерес у читающей публики. Большим спросом пользовались исторические работы, посвященные частной жизни женщин прошлого, – куртизанок, фавориток, возлюбленных великих исторических личностей и даже проституток¹⁴⁹⁷. В частности, на русском языке несколько раз переиздавалось сочинение французского историка Генриха Кока «История знаменитых куртизанок»¹⁴⁹⁸. Оригинальным по форме и содержанию явилось сочинение Сергея Ивановича Фонвизина, потомка автора известного произведения «Недоросль». Будучи

¹⁴⁹⁵ Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 356.

¹⁴⁹⁶ Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три уroda. М.: Информ.-изд. фирма "Мистер Икс", 1994.

¹⁴⁹⁷ Дубинский М.И. Женщины в жизни великих и знаменитых людей. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1900; Иванов Л.Л. Замечательные женщины с древнейших времен до наших дней. СПб.: Тип. Пантелева, 1906; Дюфур П. История проституции во Франции. СПб.: Пушк. скоропеч, 1908; Дюфур П.. История проституции романских, германских и славянских народов. СПб.: Пушк. скоропеч, 1907.

¹⁴⁹⁸ Кок Г. История знаменитых куртизанок. М.: Тип. Ф. Югансонъ, 1872.

официальным лицом (занимал должность полтавского вице-губернатора, дослужился до звания коллежского советника), он увлекался литературой, опубликовал популярные среди читающей публики «Записки свободной женщины»¹⁴⁹⁹. Светская дама О.В. Палей, мать многочисленного семейства, прочитав эту книгу, писала: «*Читала вслух «Свободная женщина» фон-Визина, ну и книга!*»¹⁵⁰⁰. Автор претендовал на знатока женской психологии и женского образа мыслей. Повествование велось от лица эмансипированной женщины (в форме дневниковых записей), что само по себе оригинально. С.И. Фонвизин изобразил женщин, которые по разным причинам не желали иметь детей. Мать героини произведения Наталья была крайне расстроена своей беременностью, так как не представляла себя вне бурной светской жизни. Впоследствии она оставила дочь, развелась ради свободных любовных отношений. Став взрослой девушкой, Наталья не смогла найти понимания в отношениях с матерью. При всей непохожести на мать она также не желала иметь детей, но уже по другой причине. Главная героиня была увлечена феминистскими идеями, отрицая традиционные женские роли жены и матери.

Женщины подобного типа все чаще встречались в реальной жизни. Нетипичное поведение демонстрировала Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок, жена А. Блока. В собственных дневниковых записях «*И было, и небылицы...*»¹⁵⁰¹ она предельно откровенно повествовала о своей страсти, эмоциональных переживаниях и сексуальных отношениях. Менделеева-Блок была не только возлюбленной и женой великого русского поэта, но и реальным воплощением блоковской музыки и прекрасной Дамы. Этот приписанный мужем образ святой, бестелесной вдохновительницы раздражал Любовь Дмитриевну. Всем своим поведением она стремилась преодолеть навязанный ей образ и найти собственную женскую субъективность. Зарубежные исследователи полагают, что разглашение Л.Д. Менделеевой-Блок своих внебрачных связей с мужчинами было одной из форм протеста против навязанной ей роли «*десексуализированного идеала*

¹⁴⁹⁹ Фонвизин С. Записки свободной женщины. Пг.: Тип. "Энергия", 1915.

¹⁵⁰⁰ ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 27. Л. 9об.

¹⁵⁰¹ Блок Л.Д. И было, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979.

женственности»¹⁵⁰². Она описывала не высокую платоническую любовь, а земную, телесную.

Легализуя право на сексуальность, свободу телесных практик, независимость от стереотипов гендерного поведения, Любовь Дмитриевна патологически боялась становиться матерью. Современные исследователи полагают, что страх незапланированной беременности – один из наиболее актуальных женских страхов¹⁵⁰³. Выходя замуж, Менделеева-Блок просила мужа никогда не заводить детей. Все же забеременев, не находила себе места, отчаянно пытаясь осуществить аборт. Родившаяся девочка вскоре умерла. Свое отрицание материнства она объясняла желанием сосредоточиться на собственной личности, развиваться интеллектуально, духовно, эстетически. Любовь Дмитриевна была убеждена, что с рождением ребенка женщина больше не принадлежит себе, а значит, перестает быть личностью. В то же время ее безразличное отношение к себе во время беременности дает основание предполагать, что Л. Менделеева-Блок опасалась потерять контроль над собственным телом, лишиться его привлекательности. Создавая новый конструкт женственности, она стремилась освободить себя от навязанных штампов, с одной стороны, противостоя образу прекрасной Дамы, а с другой – отрицая традиционное представление о женщине-матери. По мнению канадской исследовательницы Д. Престо, подобное поведение жены, смерть их ребенка оказали особое влияние на творчество А.А. Блока, в котором нашло воплощение трепетное и драматичное изображение материнства (смерть ребенка становилась символом драматичности)¹⁵⁰⁴. В конечном итоге стремление Л. Менделеевой-Блок к собственной свободе выражалось не в творческом акте, созидании, а в бегстве от предписанных поведенческих сценариев.

Схожее поведение демонстрировала главная героиня произведения Л. Гумилевского Татьяна. Она рассуждала о том, что не желает иметь детей. Девушка,

¹⁵⁰² Шоре Э. «Ничего так ненавижу на свете, как материнство...». Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Л.Д. Менделеевой-Блок / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 238.

¹⁵⁰³ Павлова О.Н. Страхи современной женщины. Психоаналитический взгляд // Человек. 2014. №. 5. С. 44.

¹⁵⁰⁴ Presto J. Beyond the flesh. A. Blok, Z. Gippius and the symbolist sublimation of Sex. Wis.: University of Wisconsin Press, P. 60-62.

забеременев, также стала активно искать способ избавиться от своего состояния. Татьяна яростно защищала примат женской свободы в отношении деторождения: *«Я не хочу, не хочу... – мысленно спорила она с кем-то. – Никто же не может меня насильно заставить иметь ребенка. Я не могу, не могу. Пусть аборт сделают, пусть все, что хотят, только не это, только не это»*¹⁵⁰⁵.

Анна Ахматова откровенно признавалась в том, что она «дурная мать». Сложные отношения с мужем Николаем Гумилевым, противоречивость собственной натуры, поиски собственного «Я», творческая деятельность, частые любовные увлечения отдаляли ее от материнских забот¹⁵⁰⁶. Совсем маленького сына (ему в то время исполнился год) она отправила в Бежецк к свекрови Анне Ивановне Гумилевой, которая стала настоящей воспитательницей Льва. Создатели документального цикла телепередач «Ты сын и ужас мой» называют это событие в жизни Анны Андреевны и ее сына «первым шагом на пути их разлук», приведших к напряженным, драматичным отношениям. Дальнейшее ее отстранение от сына было вызвано тем, что вследствие обнаруженного у нее туберкулеза врачи временно запретили Анне видеться с ребенком¹⁵⁰⁷. В то же время болезнь не мешала ей писать стихи, флиртовать с мужчинами и влюбляться. В литературном творчестве, письмах дореволюционного периода она крайне редко упоминала о сыне и материнстве. Несмотря на то что каждое лето она старалась проводить в Слепнево, события детской ее особенно не волновали.

Однако далеко не все «дамы света» отрицали материнство. Если для одних дети были помехой на пути поиска собственного счастья, то для других дети становились средством для достижения амбициозных целей. Известная столичная дама Ольга Валериановна Палей, будучи замужем и имея детей, продолжала кокетничать, флиртовать и завоевывать сердца нравившихся ей мужчин. Ее судьба – не типичная как для своего времени, так и для того круга, из которого она происходила. Она пошла на авантюрный шаг: состоя в браке с генералом Эрихом фон Пистолькорс, Ольга Палей забеременела и родила троих детей от своего поклонника – великого князя Павла Александровича. Близкие отношения с

¹⁵⁰⁵ Гумилевский Л. Чужие крыши. М.: Советская Россия, 1991. С. 176.

¹⁵⁰⁶ Драматизм отношений с сыном представлен в документальном фильме режиссера Л. Гладковой (автор сценария Н. Попова) «Дорогами разлук» из телевизионного цикла «Ты сын и ужас мой. Анна Ахматова и Лев Гумилев», вышедшего на экраны в 2005 году.

¹⁵⁰⁷ Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014. С. 94.

мужчиной из императорской фамилии позволили ей добиться развода с мужем и выйти замуж за своего обожателя и отца ее новых детей. Произошедшее событие привело к скандалу. Это не означало, что члены императорской фамилии, да и сам император, не имели любовниц и фавориток, но столь откровенные отношения, закончившиеся браком, наносили удар по самым святым ценностям – браку, семье, материнству. Под напором окружения император вынужден был отказать молодоженам в проживании на территории России. В итоге беременная Ольга Палей вместе с мужем покинули Россию. Детей же от прежнего брака она оставила на родине со своей матерью. В собственном дневнике она крайне редко упоминала о них. Показательна сцена приезда к ней матери с детьми. Младший сын очень тяжело перенес дорогу. Ольга Палей хладнокровно описывала встречу детей и болезнь сына: *«В 3 ч 16 мин они приехали: мама, девочки чудные, а Бэби вынесли из вагона бледного, его рвало в вагоне и на станции и несколько раз вечером»*¹⁵⁰⁸.

На смену салонной культуре пришла новая эстетика модернистов и символистов. По мнению Л. Энгельштейн, первая русская революция с особой силой актуализировала «половой вопрос»: *«Жажда эротики, которая одновременно стимулировалась и подавлялась нетерпимым к ней старым режимом и которая временно отошла на второй план во время революции, вышла теперь на авансцену общественной жизни, не встречая препятствий на своем пути»*¹⁵⁰⁹. Проблема секса стала открыто дискутироваться различными представителями общественной мысли и сфер деятельности: либералами, радикальными лидерами, врачами, юристами, церковниками, педагогами и психологами. Особое звучание сексуальная риторика приобрела в контексте «женского вопроса». В популярной литературе того времени с возрастающим интересом писатели обращались к раскрытию женских типов, отстаивавших сексуальную свободу женщин. «Новые женщины» все чаще официальному браку предпочитали гражданский, семья и материнство не являлись целью их сожительства. Вера Калицкая, повествуя об отношениях с известным писателем Александром Грином, сообщала, что их сознательным решением явилось совместное жительство без вступления в брак, что являлось преступлением в

¹⁵⁰⁸ ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14. Л. 74.

¹⁵⁰⁹ Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 219.

глазах ее интеллигентного отца. Все чаще неприятным участником супружеской жизни становился адюльтер, причем не только со стороны мужа, но и со стороны благовоспитанных жен. Легализация сексуальности, эротизм в поведении были свойственны и для провинциальных замужних дворянок. Личная переписка смолянки З. Шараповой и ее мужа С.Ф. Шарапова, известного публициста, демонстрирует крайнюю форму этого явления. Состоя в браке, она не ограничивала себя в сексуальном общении с другими мужчинами. Развязка была драматичной для С.Ф. Шарапова, который не подозревал, что все рожденные дети в их браке не являются ему родными¹⁵¹⁰.

Русские символисты (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, М.И. Цветаева и др.) в своей этике пола рассматривали высокую любовь между двумя интеллектуальными одухотворенными личностями (не обязательно разного пола), которая не имела ничего общего с продолжением потомства. Они воспели любовные чувства, устраняя при этом из своих теорий все, что было связано с материнством и детьми¹⁵¹¹. В противовес традиционным семейным отношениям поэтессы Серебряного века, подобно древнегреческой поэтессе Сапфо, воспевали высокую однополую (лесбийскую) любовь¹⁵¹². М. Цветаева в своем известном «Письме к Амазонке», лирическом цикле «К подруге» признавалась, что единственной преградой на пути этих отношений становится невозможность их воплощения в ребенке. *«Ребенок: единственная уязвимость, рушащая все дело. Единственное, что спасает дело мужчины. И человечества»*¹⁵¹³, – писала она Софии Парнок.

Эпоха декаданса сделала сферу половых отношений доступной и открытой для обсуждения. Новая половая мораль набирала в свои ряды все большее число адептов. Зинаида Гиппиус также являлась «новой женщиной» эпохи. Она отвергала традиционные взгляды на гендерные отношения. В своих дневниках она, несмотря

¹⁵¹⁰ ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1040.

¹⁵¹¹ Naiman E. Historectomies: On the Metaphysics of Reproduction in a Utopian Age / Sexuality and the Body in Russian Culture / S. Sandler. Stanford: Stanford University Press, 1993. P. 256.

¹⁵¹² Бинсвангер К. Тема материнства в *Mon frère feminine* Цветаевой / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 219; Жук О. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России XX века. М., 1998. С. 74.

¹⁵¹³ Цветаева М.И. Письмо к Амазонке / Собрание соч. в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза, статьи, эссе, переводы. М., 1994. С. 492.

на замужество, описывала частые увлечения другими мужчинами и женщинами. О бисексуальности З. Гиппиус писали авторитетные исследователи (И.С. Кон, Р. Стайтс, Л. Энгельштейн, Дж. Престо). Увлечение игрой в бисексуальность становилось своеобразной модной, эпатирующей тенденцией столичной богемы. Тема лесбийской любви была открыто представлена в произведении неординарной писательницы Серебряного века – официальной жены Вячеслава Иванова Лидии Зиновьевой-Аннибал – «Тридцать три уroda» (1906 г.). Содержание книги противоречило моральным устоям общества, следствием чего стал арест всего тиража издания.

Возникновение подобного типа женщин современники связывали с влиянием мужского образа жизни и поведения. По мнению дореволюционного женщины-врача Е.С. Дрентельн, раскованные в сексуальной сфере женщины имеют *«предпочтительную наследственность со стороны мужчин»*¹⁵¹⁴. Появление все большего числа свободных в сексуальной сфере женщин она ставила в вину мужскому образу жизни, который был «настолько заразительным», что приобрел наследственность в женском существе. Е.С. Дрентельн писала: *«Мы встречаем этот тип, довольно часто, в старых дворянских, родовитых семьях, где жизнь женщины, в особенности ее воспитание, протекает вдали от реальной жизни и здоровых деревенских впечатлений, среди угодливости, безделья и богатства. Окруженные чрезмерной заботливостью и любовью, получая образование, имеющее целью пленение мужчин, такие женщины рано созревают физически, отличаются крайней впечатлительностью и возбудимостью... Ревнивые и властные, тяготящиеся домашними заботами и детьми, эти женщины и в замужестве остаются любовницами по преимуществу... Девушки подобного типа особенно сильно волнуют мужчин, так как удовлетворяют непосредственным запросам их природы»*¹⁵¹⁵. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, созидаемый разными социальными силами (церковью, литературой, философами, педагогами и врачами) культ семьи, святости материнства, с другой – полное отрицание старого гендерного порядка,

¹⁵¹⁴ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книг-во Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 174.

¹⁵¹⁵ Там же. С. 220.

традиционных гендерных ролей и девиация женского матримониального поведения.

Данный тип женщин вызывал острую критику со стороны церкви, врачебного сообщества и классиков русской литературы. Известный отечественный врач Д. Жбанков называл женщин из высших классов, не желавших иметь детей, «развращенными», а их образ жизни – «саморазрушительным». Он был убежден, что половая жизнь ради удовольствия, а не ради репродукции обязательно приведет к вырождению нации. Подобные взгляды разделял Л.Н. Толстой и отцы церкви.

На смену безобидному семейному адюльтеру и внебрачному сожителю во имя высоких идеалов (собственной свободы) стали приходить вполне циничные формы гендерных сексуальных отношений, основанные на экономическом факторе и расчете. Не только в низших городских слоях, но и в среде дворянской появлялось все больше «содержанок», которые откровенно предлагали себя состоятельным мужчинам в так называемых «брачных объявлениях». В 1909 году по этому поводу А.М. Коллонтай писала: *«Свадьбы, совершаемые по газетным объявлениям, – нечто столь обычное, что моральное чувство щепетильного буржуа и не думает возмущаться»*¹⁵¹⁶. Женщины из высших классов, желавшие познакомиться с мужчинами-покровителями, как правило, намекали в объявлениях на возможность скорых интимных отношений, не забывая при этом отметить важность толстого кошелька избранника. Предложения могли исходить от совсем юных барышень: *«Красивая, интересная барышня 16 л., без прошлого, из хорошей семьи, желает познакомиться с миллионером или с очень богатыми господином. При возможности и желании – брак. Ответ исключительно на серьезные письма. Адрес: Москва, Леонтьевский пер., дом Хрипковой, Брачная Газета для Т.А.Б. заказными письмами, предъявит. квит. № 1001»*¹⁵¹⁷. Женщины, обладавшие приятными внешними данными, без тени стеснения предлагали себя состоятельным мужчинам: *«СУДЬБА дала мне корректную внешность – изящной брюнетки с блестящими выразительными глазами, дала мне острый ум, находчивый язык и... больше ничего!.. если не считать неутолимой жажды света*

¹⁵¹⁶ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909. С. 122.

¹⁵¹⁷ Объявления // Брачная газета. 29 мая 1910. С. 2.

и простора! Ах, как хочется жизни, блестящей как фейерверк, искрящейся как шампанское, любви жгучей как солнце юга, любви глубокой как таинственное дно бушующего моря!.. Чтобы достигнуть этого, я ищу мужа богатого, не глупого, не неврастеника, каких так много в наш больной век, а понимающего красоту жизни, понимающего и умеющего ценить прелести женского ума и женской улыбки. Предложения только серьезные адресовать: Москва, 19-е почтовое отделение, предъявителю рублевого кредитн. билета № 169145»¹⁵¹⁸. Циничность объявлений не может не поражать современника. Желавшие познакомиться предельно точно перечисляли те качества и параметры, которые они искали в своих половинках.

К этой же категории дворянских женщин можно отнести тех, чье поведение отличалось крайней степенью девиации, – аристократки, оказавшиеся на панели. Среди проституток дворянок было ничтожное количество, но сам факт занятия этим трудом женщин из благородного сословия говорил о многом. В 1889 году из 4220 столичных проституток 46 были дворянками¹⁵¹⁹. Согласно статистическому обследованию 1897 года, из 143 проституток Санкт-Петербурга 5 признались в том, что являются дворянками. Среди причин, побудивших их проституировать, основной была крайняя нужда. Молодые женщины дворянского происхождения, лишенные каких бы то ни было источников существования, не имевшие особых профессиональных навыков, призванных обеспечить их жизнь, пополняли ряды публичных женщин. Встречались случаи, когда дворянки буквально шантажировали органы местного самоуправления. Псковская дама Анастасия Александровна Антонович в обращении к губернатору жаловалась на тяготы своего существования. При отсутствии работы и сбережений она нанялась к богатому господину служанкой. Основное содержание ее просьбы сводилось к финансовой поддержке со стороны властей, в ином случае дворянка сетовала на то, что вынуждена будет *«идти по пути разврата»*¹⁵²⁰. Кроме нужды в качестве причины проституирования женщины называли *«собственное желание»*¹⁵²¹.

¹⁵¹⁸ Объявления // Брачная газета. 7 февраля 1909. С. 3.

¹⁵¹⁹ Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга, по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. СПб.: Первая скоропечатня «Надежда», 1896. С. 21.

¹⁵²⁰ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3010. Л. 140.

¹⁵²¹ Ильяхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М.: Новый хронограф, 2008. С. 540.

Можно предположить, что сама по себе проституция являлась для страстных женских натур, зажатых в рамки великосветской морали, способом обретения собственной свободы в сексуальной сфере. Впервые новый взгляд на суть проституции предложил врач В. Тарновский. В его трактовке публичная женщина *«не только покидает свою семью, чтобы конкурировать на рынке в получении выгоды, но и занимает место мужчины-сеятеля, причем ее активность контрастирует с пассивностью несчастных мужчин, которые позволили себе увлечься ею»*¹⁵²². Он в духе биологического детерминизма Ч. Ломброзо, который выделил категорию «врожденных проститутток»¹⁵²³, считал, что тягость к проституции не столько социально обусловленный фактор, сколько врожденное качество женщины («предрасположенность к пороку», «нравственное помешательство», «нравственный идиотизм»). В. Тарновский был убежден в женской сексуальной пассивности, а их приобщение к торговле собственным телом – крайней формой извращения. Современные исследователи феномена проституции в регионах России также отмечают существование нестандартных причин проституирования в условиях царской России. Современный историк С.Ю. Малышева указывала, что среди них были те, кто видел в подобном образе жизни освобождение от *«невыносимой домашней несвободы»*¹⁵²⁴.

Под влиянием значительных социально-экономических и политических процессов, модернизации и либерализации общества, развития научного и публицистического дискурсов о сути материнства среди дворянок к началу XX века оформились четыре основных типа женского поведения, связанных с пониманием «материнского долга» и степенью ответственности (или безответственности) в вопросах материнского воспитания. Полный отказ от биологически предопределенных функций демонстрировали «новые женщины» эпохи, не просто участницы женского движения первой волны, но именно нигилистки и революционерки. Их пример доказывал невозможность совмещения для женщин столь различных социальных ролей: «сознательного материнства»,

¹⁵²² Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 141.

¹⁵²³ Ломброзо Ч. Женщина – преступница или проститутка. М.: Попурри, 2012.

¹⁵²⁴ Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 52.

погруженности в семью и в воспитательный процесс и занятий общественно-революционной деятельностью.

Раскрепощение женской сексуальности, десакрализация половых вопросов в начале XX века способствовали рождению другой поведенческой стратегии – «безразличных матерей», для которых материнство становилось препятствием на пути реализации свободы их женской чувственности. Свои личные цели они ставили превыше материнского долга и материнской ответственности.

Культивирование в общественном сознании «святости материнства» привело к появлению особого типа «сознательных матерей» – образованных, погруженных в воспитательный процесс, ставивших немногочисленных детей в центр своей семейной жизни. Формирование «новых матерей» осложнялось отсутствием у дворянок пореформенной России соответствующего родительского примера. В условиях модернизации материнства, превращения его в важнейшую социальную роль дворянки второй половины XIX века находились в сложной ситуации, так как им приходилось не «воспроизводить материнство», а его заново воссоздавать.

Важным отличием в развитии «сознательного материнства» в России по сравнению с Западом было то, что основными восприимчивыми этой идеи стали не буржуазные слои общества, число которых в социальной структуре было незначительным, а представительницы российского дворянства. Женщины данной категории в силу своей образованности, наличия свободного времени могли реализовать себя в качестве «добродетельной матери». Рецепция идей «сознательного материнства» зачастую зависела не столько от территориального проживания (город/усадьба), финансовых возможностей и степени знатности (аристократичности) дворянских семей, сколько от характера образованности и идеологической ориентации дворянских женщин. В среде просвещенных дворянок зарождалось также «экспертное» и «профессиональное» материнство, выраженное в стремлении исполнять материнские роли, строго ориентируясь на специальную медицинскую литературу, в тандеме с «экспертами» (акушерами, гинекологами, педиатрами, педагогами), постоянно наблюдая за физиологическими, интеллектуальными, нравственными особенностями развития ребенка и фиксируя эти сведения в особых «родительских дневниках». «Экспертное» и

«профессиональное» материнство распространялось в обеспеченных, образованных дворянских семьях, проживавших, как правило, в городской среде. Именно эти факторы создавали условия для постоянного контакта с врачами, педагогами, предоставляли возможность покупать достаточно дорогие товары, предназначенные для проведения беременности, подготовки к родам, послеродового восстановления, ухода за ребенком.

Изучение многочисленных материнских текстов доказывает, что концепты «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства не способствовали росту в обществе материнской власти, о чем часто пишут зарубежные историки, а оказались манящей иллюзией, создаваемой прежде всего экспертами-мужчинами, терпящей фиаско в реальной жизни. Полностью отдаваясь материнству, следуя всем советам и рекомендациям экспертов, в конечном итоге матери-дворянки не чувствовали себя счастливыми.

В женском феминистском дискурсе сосуществовали две противоположные оценки материнства. Эмансипированные дворянки рассматривали материнские роли в качестве ограничивавших женскую свободу и самовыражение, относя их к важнейшему средству «привязывания» женщин к семье и дому. Другая часть эмансипированного сообщества видела в материнстве превосходство женщины над мужчинами, уникальную возможность личного развития, обретения собственной гендерной идентичности.

Вследствие распространения идей женской эмансипации, роста женского самосознания, включения части дворянок в профессиональную деятельность, а также популярности «детоцентристской» риторики и культа «сознательного материнства» формировался тип «универсальных матерей». Его представительницы на собственном примере доказывали возможность совмещения материнства с активной публичной деятельностью, профессиональной реализацией, преодолевая утверждавшийся в гендерной системе российского общества принцип разделения сфер деятельности на исключительно мужские и женские. Этот процесс был немыслим без рационализации женской сексуальности.

5.2. Мать-дворянка между личными устремлениями и общественными предписаниями

5.2.1. Сложность и противоречивость эмоциональных переживаний «новых матерей»

Репрезентировать мир материнских чувств и переживаний позволяют исключительные по своему характеру материалы – личные дневники, в которых женщины с относительной периодичностью в формате «здесь и сейчас» излагали свои противоречивые мысли и ощущения. Мне удалось проанализировать около 100 материнских дневников и записей дневникового характера, среди которых как опубликованные, принадлежавшие известным дворянкам эпохи, так и записи никому не известных женщин дворянского происхождения. Дневники не предназначались для публичного чтения (хотя встречались и такие)¹⁵²⁵. Они были ориентированы не во Вне, а во Внутрь, раскрывая сложные пласты женской личности.

Согласно женской автодокументалистике, появление на свет новорожденного становилось важнейшим событием в жизни дворянок второй половины XIX века. С особым трепетом дворянки описывали рождение первенцев. *«Сейчас... долго стояла перед ним на коленях, слезы душат меня от радости, что у нас есть сын»*¹⁵²⁶, – писала молодая мать. Наиболее откровенно самоощущения дворянки, впервые ставшей матерью, описаны в автобиографической работе известной либеральной феминистки Евгении Ивановны Конради «Исповедь матери» (1876 г.). Она признавалась, что находилась в растерянности и смятении, когда впервые увидела новорожденного: *«Перед вами не кудрявый и толстощекий baby, которого вы высмотрели себе в кипсэках, а красненькое бесформенное существо, неуклюже закутанное в хорошие вещицы, вынутые из комода»*¹⁵²⁷.

Появление на свет первенца становилось пограничным событием, разделявшим жизнь просто женщины от жизни матери. Для Е.И. Конради, представительницы либерального крыла феминизма в России, писательницы и

¹⁵²⁵ Например, дневники дочери Л.Н. Толстого Татьяны Сухотиной-Толстой, которые регулярно прочитывал отец, и дочь, разумеется, была в курсе. Мария Башкирцева, Елизавета Дьяконова вели свои дневники и думали об их возможной публикации.

¹⁵²⁶ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 28.

¹⁵²⁷ Конради Е.И. Исповедь матери / Сочинения в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 4.

журналистки, открытие в себе материнских чувств было непростым событием. Она сравнивала себя с маленькой растерянной девочкой, не вполне готовой к исполнению столь важной миссии. Ее описание первых чувств материнства выражалось в противоречивых терминах и словосочетаниях: *«безграничное изумление», «весело», «жутко», «неловко, точно девочке, в первый раз надевшей длинное платье»*. *«Вы еще не решаетесь выговорить вслух эти слова, которые всего несколько часов тому назад не имели бы смысла: «мой сын» или «моя дочь»; но вы повторяете их про себя, стараетесь привыкнуть к ним»*, – так характеризовала свое самоощущение активная деятельница женского движения¹⁵²⁸. Судьба Е.И. Конради была нетипичной для активисток общественно-политических движений. Большинство из них семейную жизнь, материнство отодвигали на второй план. Они могли рассуждать о роли женщины-матери в обществе, никак не подкрепляя эти идеи реальными примерами из собственной жизни. Е.И. Конради, находясь на пике популярности, будучи блестящей журналисткой, лидером женского движения, участвуя в многочисленных проектах, в мгновение бросила все дела ради своего сына-студента, который тяжело заболел. Она отправилась вместе с ним за границу, тщетно пытаясь вылечить его от чахотки. Смерть сына отвернула ее от любых форм публичной деятельности¹⁵²⁹. Вопреки ее феминистским взглядам, активному поиску новых форм гендерной идентичности, она признавалась, что материнство в ее жизни являлось приоритетной практикой. Это доказывает написанная Е.И. Конради удивительная работа *«Исповедь матери»*, где она изложила трепетные переживания, связанные с рождением и воспитанием детей, а также выразила готовность отречься от всего ради спасения умирающего дитя.

Проявление осознанных материнских чувств у дворянок происходило не всегда в момент рождения ребенка. В.П. Багриновская признавалась, что почувствовала в себе Мать только после вынужденной месячной разлуки со своими детьми: *«Увидя этих крошек, я падаю на колени, горячо, горячо прижимаю их к сердцу и встаю с пола уже не романтической девушкой, ищущей любви, а*

¹⁵²⁸ Там же. С. 4.

¹⁵²⁹ Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. С. 170.

Мамой»¹⁵³⁰. Теоретики психоанализа (З. Фрейд, К. Хорни) убеждены в том, что часто «отношения матери с родителями находят отражение в ее установке по отношению к детям»¹⁵³¹. Эту же идею обосновала американская исследовательница Н. Чодороу в книге «Воспроизводство материнства»¹⁵³². Под «воспроизводством» она понимает копирование поведенческих сценариев матерей их дочерьми. В России положение осложнялось тем, что «новые матери» не получили в собственных родительских семьях образца материнского поведения, актуального в пореформенной России. Об отсутствии открытости между матерями и дочерьми, препятствовавшей материнской социализации девочек¹⁵³³, писали известные деятельницы начала XX века – М.И. Покровская, Е.С. Дрентельн, Н.А. Лухманова¹⁵³⁴. Неподготовленность женщин к браку и материнству в связи со спецификой семейного воспитания отмечала Эмма Голдман, известная американская феминистка, до 16 лет проживавшая с семьей в России¹⁵³⁵. Среди современных исследований, пожалуй, только в единственной работе Б. Энгель «Матери и дочери. Интеллигентные женщины России девятнадцатого века» было отмечено отсутствие эмоциональной привязанности между матерями и дочерьми дворянского происхождения, что, по мнению историка, повлекло за собой легкость оставления революционерками своих родительских семей¹⁵³⁶.

Противоречивость ситуации состояла в том, что вопреки существовавшим стереотипам гендерного поведения, согласно которым женщина рассматривалась исключительно с позиций ее материнского предназначения, материнская

¹⁵³⁰ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 14об.

¹⁵³¹ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 142.

¹⁵³² Chodorow N. Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978.

¹⁵³³ Под «материнской социализацией» я понимаю приобщение девочек к материнской субкультуре, получение определенного опыта, связанного с будущими материнскими практиками. В случае обычной нуклеарной семьи основными агентами материнской социализации выступают родители, которые своими действиями демонстрируют типичные образцы поведения.

¹⁵³⁴ Покровская М.И. О половом воспитании и самовоспитании. СПб.: П.П. Сойкина, 1913; Сообщение // Женский вестник. 1913. № 2. С. 63; Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 228; Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. М.: Д.Е. Ефимов, 1904. С. 50.

¹⁵³⁵ Голдман Э. Брак и любовь // Феминизм в общественной жизни и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 230-233.

¹⁵³⁶ Engel B.A. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

социализация фактически отсутствовала. Она имела крайне стихийный характер. В отличие от тезиса известных психоаналитиков и социолога Н. Чодороу о феномене «воспроизводства материнства», в России эта схема во второй половине XIX века была нарушена. Каждое новое поколение дворянок самостоятельно создавало, а не «воспроизводило» собственный конструкт материнства, гораздо более ориентируясь на предписания «экспертов», нежели на примеры собственной родительской семьи и поведения матери.

Для дворянок рождение первенца означало реализацию своего основного предназначения. Вопреки феминизации и эмансипации, в обществе довлела патриархальная идеология, предписывавшая женщине исключительные роли жены и матери. Личная переписка дворянок-матерей буквально утопает в обсуждении своих детей и проблем, связанных с их развитием и воспитанием. Более опытные матери спешили поделиться с молодыми дворянками особенностями ухода за новорожденными. *«Не заживает пупок», «родничок сильно пульсирует», «нет зубов», «не прибавляет в весе», «начала ходить», «говорит немного»* – темы, которые становятся главными заботами в жизни молодых матерей¹⁵³⁷.

Может показаться, что переход от «безразличного материнства» к «сознательному» происходил легко и непринужденно. Но это не так. Материнство в современном его понимании рождалось в муках. Переход от обычной праздной, эгоцентричной жизни дворянок к жизни, наполненной тяжелыми заботами и большой ответственностью за жизнь Другого (ребенка), был для многих из них сложным и даже драматичным. Многие из них не были готовы к этому событию ни физически, ни психологически. На смену беззаботным девичьим томлениям, романтическим размышлениям, частым нервным срывам приходили тяжелые материнские будни, сопровождавшиеся высокой степенью ответственности, чувством страха за жизнь и здоровье нового человека, который становился смыслом жизни для матери. *«Медленно потянулись дни выздоровления, но силы вернулись, а покой исчез навсегда. Каждое дыхание крошки, тревожный писк – все это стало частью моей жизни, все меня волновало и пугало»,* – писала молодая мать¹⁵³⁸.

¹⁵³⁷ ТГОМ НА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.

¹⁵³⁸ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 173об.

Освоение дворянками роли «сознательной матери», переход в новый для себя статус часто сопровождался большими разочарованиями. Если в научно-популярной литературе «эксперты» воздавали хвалу материнским обязанностям, то в реальной жизни они давались женщинам с невероятными усилиями. Педиатр и гигиенист В.В. Гориневский в серии статей «Письма к интеллигентным матерям», опубликованным на страницах журнала «На помощь матерям», описывал сложность будней «новых матерей», акцентируя внимание прежде всего на самоощущениях женщин: *«Прежде вы пользовались гораздо большей свободой: вы были немного светской женщиной... Теперь вам просто некогда всем этим заниматься, у вас не хватает физических сил на то, чтобы выполнить широкую программу ваших теперешних обязанностей, начертанную вами же самими и выполнение долго хозяйки и матери-воспитательницы налагает на вас эти нравственные цепи»*¹⁵³⁹. Зачастую дворянки пытались убедить себя в важности исполнения материнского долга, хотя в реальной жизни этого не ощущали. Таких женщин В.В. Гориневский называл *«рабами своего чувства долга»*. В то же время создателями «должного» материнского поведения были врачи и педагоги, чьи завышенные требования приводили к страданиям, неуверенности и фрустрации «новой матери». Эти «внушения» могли затянуться на несколько десятилетий, сомнения в правильности выбранного пути не покидали дворянок. Тверская дворянка Софья Алексеевна Трубецкая не без сожаления сравнивала себя с «курицей»: *«Я встаю в 8 часов... после обеда опять-таки с девочками мы идем гулять куда-нибудь подальше, а мальчики по этой же дороге, только дальше, едут верхом. Я в отношении мальчиков начинаю быть похожа на курицу, высидевшую утенка...»*¹⁵⁴⁰. Она признавалась, что рождение все новых детей окончательно поставило крест на ее личной жизни. *«Перейду теперь к моей личной жизни, которая вся поглощена моим сыночком – такой он славный»*¹⁵⁴¹, – одна из записей ее дневника. А.А. Знаменская, которая еще в юности сформулировала цель своей жизни, как необходимость быть полезной обществу, с некоторым разочарованием признавалась позже, что ее «полезность» ограничивается исключительно рождением и воспитанием все новых и новых детей. Ее современница – известная

¹⁵³⁹ Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 12-13.

¹⁵⁴⁰ ГАТО. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

¹⁵⁴¹ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 9об.

писательница Л.Д. Зиновьева-Аннибал в письме к подруге сообщала о тяготах материнства: *«К вечеру, ты знаешь, как отчаянно я устаю. А днем с 8-ми утра я как в котле киплю: все работа работу погоняет и оглянуться, и одуматься, и в себя прийти нет времени... я все налаживаю и накачиваю на новый, ладный путь со всею заботой и старанием... Но уходят и все силы, все чувства, и все мысли»*¹⁵⁴².

Если рождение первых детей женщины встречали с трепетом, восхищаясь переменами, происходившими в их жизни, то с каждым последующим ребенком их энтузиазм уменьшался. В.П. Багриновская, родив третьего ребенка, писала: *«А у меня, к ужасу моему, родилась еще девочка Ольга. Первый раз возроптала я на судьбу, не щадившую ни сил моих, ни здоровья»*¹⁵⁴³. Следующая беременность (четвертая по счету) была для нее подобна приговору. Схож характер повествования в дневниках А.А. Знаменской. Отказ от контрацептивов (по незнанию или в силу моральных соображений) превращал жизнь «новых матерей» в тяжелое испытание.

Изучение женской субъективности, эмоциональных переживаний материнства дворянками, опираясь на их дневники и воспоминания, демонстрирует, что дворянки редко самоидентифицировали себя с хорошей матерью и счастливой автономной личностью. Роль жены и матери для многих дворянок превращалась в облагороженный вариант семейного рабства. Весьма показательное материнское наставление только что вышедшей замуж дочери, сделанное в начале XX века: *«Нельзя спорить и ссориться с мужем, пойми, что ты его раба, должна полностью терпеть все, чтобы не потерять его любви»*¹⁵⁴⁴. Женщины не могли отказаться от исполнения супружеских обязанностей. Это приводило к тому, что они нередко испытывали ненависть и отвращение к мужьям, о чем повествовали на страницах собственных дневников. С.В. Дрыжакова признавалась в том, что ее семейная жизнь – это сплошной фарс: *«У меня они отняли все, чем я жила. Вас. Ник. никогда не узнает меня – мы друзья с виду, и я честно исполняю мою должность жены, хозяйки и друга, насколько это надобно. – Лгунья? А не быв лгуньей, что ты имела?.. Ничего не хочу, ничего и не могу*

¹⁵⁴² Иванов В., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М.: НЛЮ, 2009. С. 639.

¹⁵⁴³ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 46об.

¹⁵⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 181об.

*хотеть — так мало в жизни «вкуса»»*¹⁵⁴⁵. Такое существование чрезвычайно тяготило молодую женщину.

Несмотря на трансформацию гендерной системы, расширения возможностей для публичной деятельности дворянок, они продолжали психологически зависеть от мужчин (мужей), приспосабливаясь к их представлениям об идеальной супружеской жизни. В том случае, если дворянкам не удавалось ограничивать число деторождений (использовать практики предохранения), признаки новой беременности часто приносили не радость, а разочарование. Вынужденное материнство усугубляло психическое состояние женщины. Рождение все новых детей ослабляло женский организм. Истории болезней дворянок свидетельствуют о значительном числе хронических заболеваний. Бессилие перед болезнями и смертью детей продолжало усугублять эмоциональный фон матерей.

Психический фон и самоощущение дворянок осложнялись тем, что исполнение ими материнских ролей было связано с многочисленными поведенческими ограничениями, сопровождалось постоянно присутствующим чувством страха и неудовлетворенностью настоящим. Традиционные атрибуты поведения представительниц дворянского сословия, такие как флирт, кокетство, осуждались. Мать ассоциировалась с понятиями «рассудительность», «спокойствие», «размеренность», «верность», «асексуальность». Даже факт ношения молодой матерью кружевного белья считался дурным тоном. Т. Фохт-Ларионова вспоминала: *«Рядом с нами жила молодая пара супругов с грудным ребенком. Мать моей подруги, когда увидела на их участке развешанное на веревке сохнувшее кружевное белье, сказала, что порядочные женщины такое белье не носят»*¹⁵⁴⁶.

Женщины с ужасом думали о предстоящих родах и послеродовом восстановлении. Матери-дворянки, привыкшие в юности проводить неограниченное время за собственным туалетом, создавая романтический, изящный образ, тяжело переживали за свой внешний вид после рождения все новых детей.

¹⁵⁴⁵ Дневник моей бабушки С.В. Дрыжаковой, 1900–1943 / Ред. Е.Н. Дрыжаковой. СПб.: Пушкинский дом, 2012. С. 241.

¹⁵⁴⁶ Фохт-Ларионова Т. Воспоминания Т. Фохт-Ларионовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. 2001. [Т. XI]. С. 651.

Обвислый живот, потеря упругости груди, выпадение волос, пигментация кожи – все это вызывало беспокойство у молодых матерей. За достаточно короткий промежуток времени романтические, образованные девушки превращались в постоянно переживавших, неудовлетворенных настоящим матерей. Особенности материнского существования ярко иллюстрируют слова М. Фуко, который писал: *«Мать, с ее негативным образом «нервной женщины», конституирует наиболее зримую форму этой истеризации»*¹⁵⁴⁷. Интеллигентные матери индустриальной России не могли быть тем, кем потенциально могли бы стать, а к роли «истинной матери» многие по объективным причинам были не готовы. Они разрывались между тем, кем должны были стать, и тем, кем мечтали. Каковы же причины столь серьезных противоречий в жизни дворянок? Почему они, следуя предписаниям «идеальной матери», в конечном итоге оказывались несчастными?

Основная причина крылась в незрелости социальных, и в особенности семейных, институтов, способных обеспечить реализацию идеалов материнства. Чрезвычайно резко менялась женская дворянская повседневность после рождения детей в условиях социального конструирования образа «сознательной матери». Их никто не готовил к этой миссии в детстве и юности, поэтому столь неожиданными и тяжелыми казались им материнские обязанности. Их предшественницы все тяготы материнства разделяли с многочисленной прислугой, но теперь общество требовало от самой дворянки всецелого исполнения материнских ролей. Дворянок, не привыкших к физическим нагрузкам, уход за детьми изматывал, тем самым лишая удовольствия от выполнения «святого долга». К тому же отсутствовала трансляция опыта ухода за детьми от матери к дочери. Дочери, выросшие в окружении кормилиц, нянек, гувернанток, знали об обязанностях «истинной матери» только в теории, со страниц научно-популярной литературы.

Существенной причиной неготовности дворянок к миссии «истинных матерей» был гендерный порядок в обществе. Общее зависимое положение женщины от мужчины, в том числе и психологическое, приводило к тому, что ведущую роль в самоощущениях молодой матери продолжали играть чувства мужа (новоиспеченного отца). Женщины не могли быть свободны в реализации

¹⁵⁴⁷ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 206.

собственных сценариев материнства. Их материнское самоощущение коррелировало с отношением мужа к ней и детям. Женщины мучились от сложности совмещения в себе роли жены-любовницы (кокетки) и жены-матери. С одной стороны, общество создавало новый тип матери – жертвенной, отрекшейся от плотских удовольствий и радостей светской жизни. С другой – проза жизни была такова, что муж в большинстве случаев терял интерес к жене, увлекавшейся заветами «идеального материнства». Часто молодые матери, посвящавшие свою жизнь детям и дому, страдали от того, что становились «неинтересными» себе и мужу. *«Но мой-то роман кончился, я была жена, мать и хозяйка, а не любящая царица души»*¹⁵⁴⁸, – с горечью констатировала мать троих детей. После третьих родов дворянка с разочарованием обнаружила, что муж даже не обнял и не посмотрел на нее. Е.Н. Половцова, очевидно, догадывалась о подобном развитии событий, откровенно признавалась, что, несмотря на любовь к ребенку, ей важнее близость и чувства мужа: *«Я останавливаю себя и все-таки плачу, горько плачу, мой Толя. Тебе этого не понять. Моя жизнь только в тебе! Теперь я вижу, что ни Борис, ни Борисовка (имение, Прим. авт.) не могут мне заменить Буся»*¹⁵⁴⁹.

Драматизм переживаний матери-аристократки, балансировавшей между семьей, детьми и желанием личного роста, ярко представлен на страницах мемуаров Софии Андреевны Толстой. Она откровенно писала о разрывавших ее чувствах: *«В этой занятой жизни первых годов моего замужества самое тяжелое для меня было, когда вдруг без всякого удовлетворения в этой области просыпалась во мне потребность жизни духовной или жизни в искусстве»*¹⁵⁵⁰. С рождением новых детей «истеричность» ее состояния усугублялась. Она признавалась в частых нервных срывах, в душащих ее приступах плача, в сильной тоске по юности, вспышках патологической ревности к мужу. Софья Андреевна убеждала себя вновь и вновь, что не имеет права на мысли за пределами материнства. Это доставляло женщине немало страданий: *«Я желаю, чтобы никогда не пробуждалось во мне это чувство, которое тебе, поэту и писателю, нужно, а мне, матери и хозяйке, только больно, потому что отдаться ему я не*

¹⁵⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 29.

¹⁵⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 31об.

¹⁵⁵⁰ Толстая С.А. Моя жизнь // Журнальный зал. 1998. № 9 / <http://magazines.russ.ru/authors/t/stolstaya/> (дата обращения 05.06.2014).

могу и не должна»¹⁵⁵¹. Она воспринимала материнство как собственный крест, «глушила в себе все способности», вынужденно отказываясь от искушения Другой жизни, наполненной творчеством и интеллектуальной деятельностью.

Образованность женщин, широта кругозора приводили к желанию личностного роста, самовыражения за пределами супружеских и материнских ролей. Активистка женского движения, писательница Анна Николаевна Энгельгардт вспоминала, что вскоре после замужества и рождения детей испытывала крайнее неудовлетворение настоящим: *«Я увидела, что одной семейной жизнью не удовлетворяюсь»*¹⁵⁵². Ей повезло, так как муж оказывал всевозможную поддержку жене. В ходе долгих поисков себя, метаний между детьми и публичной деятельностью она признавалась, что ей удалось обрести собственную идентичность: *«Я продолжала метаться (духом, конечно), хотя у меня уже было трое детей... путем долгих мук и долгого кипения в котле выработала, наконец, свое собственное мирозерцание, свои собственные незаимствованные напрокат веру и убеждения. Они достались мне дорогой ценой, но зато они и прочны»*¹⁵⁵³.

Если для аристократок доиндустриальной России исполнение материнских ролей невозможно было представить без корпуса прислуги (кормилицы, няни), то в пореформенной России появлялось все больше дам, вынужденных самостоятельно заниматься детьми. Я сознательно указываю «вынужденно», так как нередко это происходило не по инициативе самих женщин. Из воспоминаний С.А. Толстой и ее детей известно, что Лев Николаевич первоначально запрещал жене пользоваться услугами кормилиц и нянь. Подобные свидетельства нередко содержались и в других женских дневниках. Отказ от прислуги был продиктован экономическим фактором, а также идейными соображениями родителей относительно материнской близости. Важно и то, что мужья могли ограничивать своих жен «помощницами» ради снижения социальной активности супругов. Всецелое погружение женщин в уход за ребенком не могло позволить ей заниматься собой и любимыми делами, будь то благотворительность, профессиональная деятельность или активная светская жизнь. Провинциальная дворянка, молодая мать, тратившая много

¹⁵⁵¹ Там же.

¹⁵⁵² РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 343.

¹⁵⁵³ Там же.

времени на благотворительность и меценатство, не могла понять, почему ее муж беспричинно выставил за дверь няню (в прошлом кормилицу). В своем дневнике она записала: *«Он обругал, оскрамил Надежду Николаевну... сделал НН невозможной жизнь у нас, объявил, что не желает, чтобы она была при его детях... и вот я, благодаря его капризу, остаюсь без нужного, полезного человека, человека настолько преданного, настолько привязанного к семье, что она была как член ее. Почему же не протестовала я, почему не заявила, что я так не хочу?»*¹⁵⁵⁴. Мужчины боялись чрезмерной публичной активности своих жен. Дискурс экспертов об «истинной матери» оказался чрезвычайно удобным для ограничения независимого поведения просвещенных аристократок. Вопреки распространению либеральных идей, феминизации части общества, в России, так же как и в Европе, наблюдался процесс разграничения сфер в жизни супругов: для жены – семейное поприще и воспитание детей, для мужа – деловая активность, обеспечение семьи.

Женщина больше не принадлежала себе. Ее повседневная жизнь растворялась в заботах о домочадцах. Классик психоанализа, философ Эрих Фромм полагал, что подобные переживания, связанные с ощущением *«собственной неполноценности, никчемности и беспомощности»*¹⁵⁵⁵, свидетельствовали о мазохистских чертах личности. О мазохистском характере материнства ранее писала Карен Хорни¹⁵⁵⁶. Недостижимый идеал «истинной матери» приводил к тому, что женщина теряла собственное личное пространство, полностью концентрируя свою жизнь вокруг ребенка. В конечном счете концепция «идеальной матери» не приносила женщинам счастья, так как делала их одинокими и зависимыми.

Важным условием для существования «идеальных матерей» было появление «новых отцов», активно помогавших своим женам, посвящавших свое свободное время детям, не дистанцировавшимся от семейных и домашних дел. Новый тип отцовства демонстрировали русские императоры и наследники престола. Цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр

¹⁵⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 12-12об.

¹⁵⁵⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 2000. С. 176.

¹⁵⁵⁶ «Специфическое удовлетворение, которое ищет и находит женщина в половой жизни и в материнстве, носит мазохистский характер... Процесс деторождения дает ей бессознательное удовлетворение, также как и материнские обязанности по отношению к ребенку» (Хорни К. Женская психология. СПб., 1993. С. 180-181)

III) после рождения первенца практически каждое утро начинал с того, что направлялся к младенцу¹⁵⁵⁷. Николай II ежедневно проводил время с новорожденной Ольгой, о чем делал записи в своем дневнике¹⁵⁵⁸. Он присутствовал на купаниях малышки, на первых пробах ее грудного вскармливания.

Анна Григорьевна Достоевская не могла нарадоваться проявлению нежных отцовских чувств у Федора Михайловича. В своих воспоминаниях она описывала, что муж регулярно присутствовал при купании девочки, помогал при пеленании новорожденной (*«сам завертывал ее в пикейное одеяльце и зашпиливал его английскими булавками»*), часто носил ребенка на руках, укачивал его перед сном, нередко сам вставал ночью к плачущему дитя, давая жене отдохнуть, пел девочке песни, разговаривал с трехмесячным ребенком¹⁵⁵⁹. А.Г. Достоевскую приятно удивляло, что ее муж не чурается ухода за грудным ребенком.

Показательно семейство Половцовых. Анатолий Викторович с самого рождения ребенка вел пристальный контроль за его физиологическим, нравственным и умственным развитием. Он самостоятельно, а также при помощи жены, ежедневно фиксировал то, что происходило с Кириллом, в особом дневнике ребенка¹⁵⁶⁰. Отец распорядился завести дневник до того времени, как «родительские дневники» стали пропагандировать отечественные врачи. На основании антропологических показаний он строил графики роста сына. А.В. Половцов не погружался в повседневные хлопоты, однако каждый вечер читал книги детям, со старшими детьми вел интеллектуальные беседы, заботился о покупке развивающих игрушек. Еще один пример. В семье Левоневских с рождением сына муж старался контролировать уход за ним, фиксируя особенности развития ребенка в дневнике, который был составлен в свободной форме. При этом он отдавал распоряжения жене по всем вопросам, связанным с уходом за маленьким Димой. Он мог даже развлекать малыша, играя ему на скрипке¹⁵⁶¹.

Примеры этих семей показывают, что «сознательное отцовство» и «сознательное материнство» – это не равнозначные понятия. Здесь также

¹⁵⁵⁷ Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 49-50.

¹⁵⁵⁸ Дневник императора Николая II. Берлин: Слово, 1923. С. 11-14.

¹⁵⁵⁹ Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. С. 187.

¹⁵⁶⁰ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13.

¹⁵⁶¹ Левоневский А.Ф. Материалы о психическом развитии ребенка в течение первого года его жизни // Русская школа. 1909. № 3. С. 151-176.

присутствовало разделение сфер деятельности и ответственности. Гендерные стереотипы в отношении мужского и женского поведения препятствовали тому, чтобы отец, к примеру, разделял с женой рутинную работу по уходу за детьми (пеленал, купал дитя, менял ему одежду, вставал к нему ночью, кормил его и т.д.). «Сознательные отцы» делали выбор в пользу «благородной», «интеллектуальной возни» со своими чадами. Зачастую «сознательное отцовство» выражалось в том, что отец игнорировал взгляды жены на вопросы воспитания, считая ее некомпетентной в данной области. В итоге вместо партнерских отношений мужа и жены выстраивалась жесткая иерархия, где муж (отец) распоряжается, как нужно организовывать уход за ребенком, воспитывать его, а жена (мать) трепетно исполняет все указания. «Сознательного отца» можно сравнить со стратегом, в то время как мать являлась солдатом, ежедневно борясь за жизнь, здоровье детей, их правильное развитие. Подобная ситуация («сознательное отцовство»), внешне воспринимавшаяся как позитивная тенденция, на самом деле превращалась в депривацию матерей. Женщина-мать лишалась самостоятельности и свободы в реализации материнских ролей.

Примеры проявления «сознательного отцовства» встречались крайне редко. Большинство мужей жило по старым правилам традиционных патриархальных семей с их жестким разделением обязанностей и отстраненностью мужчин от «возни» с детьми. Жена полностью погружалась в заботы о детях, в то время как муж основную часть времени проводил вне дома. Провинциальная дворянка Лиза Селикова писала о собственной беспомощности, выражая крайнее состояние отчаяния и безнадежности: *«Заботы и занятия с Леликом гораздо сложнее и труднее, тем более, что в деле воспитания мой муж не помощь, а помеха, его характер всегда был тяжел, но теперь он стал еще несравненно хуже... мне очень-очень трудно. Да поможет мне бог справиться с делом свыше моих сил»*¹⁵⁶². В итоге миссия «сознательной матери» без соответствующей поддержки мужа была крайне тяжела для дворянок. Они должны были подчиняться и «принадлежать» мужу, детям, полностью обеспечивая их будни, в то же самое время теряя собственную личностную идентичность. *«Недоверие к себе, вера в авторитет и разум других – мамы и Миши, в конце концов развратили их, сделали*

¹⁵⁶² ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 24об.

*меня больным ребенком в их глазах и действительно лишили меня всякой воли и самостоятельности»*¹⁵⁶³, – писала В.П. Багриновская.

По причине того, что «сознательное отцовство», будучи крайне редким явлением, не поспевало за «сознательным материнством», это приводило к росту напряженности внутри семьи. Мужчина, рассматривавший свою жену как человека, чья жизнь полностью посвящена ему, с появлением детей сталкивался с «враждебной атмосферой» переключения женской заботы на ребенка. Несомненно, это вносило разлады в супружескую жизнь. Самоощущения таких дворянок были рефлексивны, их переполняли размышления о бессмысленности собственной жизни.

В частности, В.П. Багриновская писала о ревности мужа к первенцу: *«Эта новая любовь поглотила меня настолько, что много лет спустя Миша рассказал мне, что единственный раз в жизни ревновал меня – именно к сыну!»*¹⁵⁶⁴. По признаниям Багриновской, этот факт являлся помехой в осуществлении ею материнских чувств. Женщина могла насладиться близостью со своим ребенком (брала его в свою постель) только в отсутствие мужа¹⁵⁶⁵.

А.А. Знаменская подчеркивала, что появление детей сделало мужа чрезвычайно раздражительным к ней самой: *«Редкий день проходит, чтобы муж не наговорил мне резкостей и много-много обидных слов»*¹⁵⁶⁶. С рождением третьего ребенка ее отношения с мужем особенно накалились. В воспитании детей он не принимал никакого участия. Ее современница описывала в дневнике схожее поведение своего мужа: *«Вообще нервы его ужасны... Раздражается, плачет, нервничает и жалок он мне до боли, и самой мне очень тяжело жить на свете»*¹⁵⁶⁷.

Сферы частного и публичного в семьях дворян разделялись рамками дома и профессиональной деятельности. С либеральными реформами 1860-х, распространением земской деятельности и государственной службы мужья все больше отдалялись от семейного очага. Семейный быт приобретал типичные

¹⁵⁶³ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 182.

¹⁵⁶⁴ Там же. Л. 174об.

¹⁵⁶⁵ *«Когда муж уехал, она перевела ребенка к себе в комнату с кроваткой»*, – писала В.П. Багриновская (РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 174об).

¹⁵⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 30об.

¹⁵⁶⁷ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 23.

очертания: муж занят на службе, жена погружена в уход за детьми и их воспитание. Тверская дворянка признавалась, что с появлением в их семье ребенка муж все чаще проводил время вне дома: *«Живем все как всегда, я больше дома, а Коля больше в клубе и в обществе – ну да уже я теперь привыкла к этому и сама изредка бываю в обществе с ним, но это меня все менее и менее волнует, тем более что, бывая в обществе, приходится делать лишние платья и т.д., а с другой стороны, жить совсем отдельной жизнью от мужа неудобно по многим причинам»*¹⁵⁶⁸. Для нее единственное положительное оправдание сложившейся ситуации – отсутствие необходимости шить себе новые платья, которые столь необходимы для светских визитов. В более поздних письмах она признавалась в разочаровании семейной жизнью: *«По правде сказать, я от жизни ничего не жду хорошего, ни счастья, ни спокойствия, ни отрады. Одного молю у Бога – дай мне силы и терпения... Я, собственно, в жизни одна. Поддержки нет и ждать не от кого и неоткуда»*¹⁵⁶⁹.

Софья Андреевна Толстая также отмечала, что Лев Николаевич крайне сдержанно вел себя с собственными малолетними детьми, не играя с ними и даже не держа их на руках. Характеризуя его отношения с первенцем, она писала: *«Лев Николаевич никогда не брал на руки Сережу. Он радовался, что у него сын, любил его по-своему, но относился к нему с каким-то робким недоумением. Подойдет, посмотрит, поκληчет его – и только. "Фунт", – вдруг назовет он сына, глядя на его продолговатый череп. Или скажет: "Сергулевич", почмокает губами и уйдет...»*¹⁵⁷⁰. Об этом же вспоминала их старшая дочь Татьяна: *«Отец же никогда не бывал нежен к очень маленьким детям...»*¹⁵⁷¹.

В заметке провинциальной газеты начала XX века современный отец характеризовался как член семьи, который особо не вмешивается в воспитательный процесс, и является «редким гостем» в детской. Автор считал данное явление закономерным ввиду крайней занятости мужчин: *«При всем желании отцов заниматься сколько-нибудь воспитанием собственных детей, они, отцы, при современных условиях жизни лишены всякой возможности удовлетворить эту*

¹⁵⁶⁸ Там же.

¹⁵⁶⁹ Там же. Л. 23-24об.

¹⁵⁷⁰ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8.

¹⁵⁷¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. С. 31.

*настоятельную потребность. Большую часть дня родитель занят общественной службой для заработка средств к жизни, возвращается он домой разбитый, усталый и ему уже не до детей»*¹⁵⁷². Таким образом, наиболее распространенным поведением молодых отцов по отношению к малолетним детям и женам было отстранение и прикрытие служебной или иной деятельностью. Женщины, в лучшем случае окруженные кормилицами и нянями, оставались наедине со своей ответственностью за жизнь и здоровье малолетних детей.

5.2.2. «Родительский дневник» как средство профессионализации матерей и репрезентации их повседневности

Одним из доказательств того, что от «новых матерей» требовали профессионального исполнения своих обязанностей, что им вменяли функцию квалифицированных «экспертов» в вопросах развития собственных детей, являлась популяризация практики ведения *«родительских дневников»*. Речь в данном случае идет не о простых автобиографических дневниках, где женщины в свободной для себя форме фиксировали бы любые проявления развития собственного чада, а о профессионально составленных дневниках, соответствовавших определенной «экспертами» структуре.

Попытки осмыслить и интерпретировать содержание данного исторического источника предпринимались в немногочисленных работах. Одним из первых в этом ряду Энди Байфорд, профессор из Великобритании¹⁵⁷³, который пришел к выводу, что их появление было обусловлено внедрением педагогических знаний в российские семьи и отражало процесс модернизации ухода за детьми. Отечественный историк из Санкт-Петербурга В.А. Верemenko, основываясь на дневнике Е.С. Зарудной-Кавос, полагала, что практика делать записи о развитии собственных детей была вызвана трансформацией дворянского семейного воспитания¹⁵⁷⁴. Моя исследовательская задача состоит в том, чтобы рассмотреть

¹⁵⁷² В родительском кружке // Смоленский вестник. 1903. № 24. С. 2.

¹⁵⁷³ Byford A. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Russian review. 2013. Vol. 72. № 2. P. 212-241; Байфорд Э. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8.

¹⁵⁷⁴ Верemenko В.А. Родительский дневник как элемент новой системы дворянского семейного воспитания в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере дневника Е.С. Зарудной-

феномен родительских дневников как с позиции «экспертов», способствовавших профессионализации родительства, так и с позиции «пациента» (Р. Портер¹⁵⁷⁵), в данном случае матери и отца. Расширение эмпирической базы за счет извлеченных из архивов дневниковых записей родителей XIX–начала XX века позволит определить, что побуждало матерей вести подробные наблюдения за своими детьми, как родительские дневники изменили жизнь российской дворянской семьи и прежде всего матерей, насколько эта практика была распространенной, и может ли она явиться свидетельством модернизации родительства.

Современные исследователи полагают, что мода на родительские дневники пришла в Россию из Западной Европы¹⁵⁷⁶. В 1890-е годы на русский язык был переведен труд выдающегося немецкого физиолога и психолога Тьерри Вильяма Прейера «Душа ребенка», где именитый автор пропагандировал метод фиксации наблюдений за своими детьми¹⁵⁷⁷. Отечественный психолог Н.Н. Ланге, увлеченный идеями немецкого ученого, в опубликованных лекциях также указывал на важность дневниковых записей. Он полагал, что эти дневники могут быть представлены в виде «календарей» и «помесечных» записей речевого развития ребенка. Н.Н. Ланге был убежден, что такие записи особенно полезны для родителей, так как помогут им направлять воспитательный процесс и для психологов, так как профессиональный анализ данных записей будет способствовать развитию знаний о детской психологии¹⁵⁷⁸. Знаменитая книга «Душа ребенка» стала образцом для многих отечественных педиатров, которые начали активно призывать родителей, и прежде всего матерей, вести соответствующие дневники.

Изучение автобиографических документов, извлеченных их архивных фондов, позволяет усомниться в том, что родительские дневники исключительно результат подражательства российских дворянских семей Западу. Попытки вести наблюдения за развитием своих детей россияне демонстрировали значительно

Кавос) // Воспитание: возможности, реалии, перспективы: мат. науч.-практ. конф. / Ред. Н.В. Поликутина. Бокситогорск, 2012. С. 44-48.

¹⁵⁷⁵ Porter R. The Patient's View: Doing Medical History from Below // Theory and Society. 1985. Vol. 14. P. 175-198.

¹⁵⁷⁶ Byford A. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Russian review. 2013. Vol. 72. № 2. P. 212-241.

¹⁵⁷⁷ Прейер В. Душа ребенка. СПб.: Изд. А.Е. Рябченко, 1891.

¹⁵⁷⁸ Ланге Н.Н. Душа ребенка в первые годы жизни. СПб.: Журн. "Рус. школа", 1892. С. 53.

раньше. В отличие от сочинения Т. Прейера эти работы не были опубликованы, так как предназначались для семейного чтения. Наиболее ранний из обнаруженных родительских дневников датировался 1830 годом. Он носил трогательное название – «Замечания об Мишеньке»¹⁵⁷⁹. Автором записей явился Виктор Андреевич Половцов (1803–1866 гг.), русский военный инженер, филолог и педагог. Тщательным образом он фиксировал характер нравственного, физиологического и умственного развития сына. Его исследовательская тетрадь была полна графиков (составлялись каждую неделю), которые отражали анатомическое и физиологическое состояние ребенка. Особое внимание отец обращал на его здоровье, записывая любые проявления недомоганий сына. Обнаруженный исторический источник свидетельствует о существенных изменениях в традиционном укладе дворянской семьи. Во-первых, он ставит под сомнение устоявшуюся в историографии точку зрения, что в дворянских семьях первой половины XIX века отцы не принимали участия в уходе за малолетними детьми¹⁵⁸⁰. Во-вторых, представленный дневник дает основание говорить о появлении семей «детоцентристского» типа. В-третьих, что не менее важно, данный источник позволяет оценить положение матери-дворянки в семье. Несмотря на то, что В.А. Половцов тщательно фиксировал данные о развитии собственного сына, непосредственный уход за ним, сами наблюдения осуществляла мать, что было не частым явлением в дворянской среде. Традиционно все заботы о малолетних детях брала на себя нанятая прислуга, мать дистанцировалась от новорожденного, занимаясь больше собственным туалетом и выездами. В представленном случае – относительно ранняя попытка сформировать новый тип жены и матери, полностью погруженный в процесс ухода за ребенком и его воспитание. Муж в данной ситуации выступал в роли «эксперта», призванного координировать действия жены.

Сходен по содержанию родительский дневник другого поколения семьи Половцовых, составленный в 1880-х годах. Записи были сделаны сыном В.А.

¹⁵⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2192. Оп. 1. Д. 10.

¹⁵⁸⁰ Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. С. 418-429; Веретенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX–начало XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009. С. 494-526; Engel B.A. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 62-86.

Половцова – Анатолием Викторовичем Половцовым и его женой Екатериной Николаевной. На обложке дневниковой тетради содержалась трогательная надпись: *«Кирюша Половцов. Весу во мне 4515 гр, т.е. 11 фунтов и 16 гр, мама молодцом!»*¹⁵⁸¹. Родители настолько внимательно подходили к физическому развитию малыша, что измерения его веса осуществлялись даже ночью. Для того чтобы иметь представление о характере прибавки, отец распорядился проводить взвешивание после каждого кормления и даже после купания. Жена следовала всем указаниям мужа, тщательно внося записи о сыне. В итоге на страницах дневника запечатлены подробнейшие подсчеты прибавок и убавок веса, количества выпитого молока и проч. Отца интересовали мельчайшие подробности развития их сына, включая особенности стула. Первая улыбка, первое слово, перенесенные болезни, игрушки – обо всем этом писали родители. Супруги внедряли новейшие рекомендации педиатров: вовремя прививали оспу наилучшей вакциной; регулярно проверяли молоко кормилицы на степень жирности; закаливали малыша; придерживались графика введения прикорма¹⁵⁸². По стилю изложения родительский дневник Половцовых производит впечатление научного (медицинского и педагогического) текста. Желание документировать каждый шаг ребенка демонстрировало ценность детства в восприятии родителей конца XIX века. В записях Половцовых нашло место описания противоречий, связанных с грудным вскармливанием. На протяжении второй половины XIX века врачебное сообщество предписывало женщинам интеллигентных классов отказаться от услуг кормилиц и самостоятельно налаживать лактацию¹⁵⁸³. Записи Екатерины Николаевны Половцовой подтверждают насколько сложно дворянкам давалась естественная для материнского организма процедура¹⁵⁸⁴. Несмотря на свою убежденность в исключительной пользе материнского молока, ввиду неспособности жены к подвигу кормления по старинке была взята кормилица. Помимо того, что отец вел дневники своих малолетних детей, он приучил повзрослевших детей самостоятельно заполнять дневники. Его дочь Ксения настолько увлеклась ежедневными описаниями, что, будучи десятилетней

¹⁵⁸¹ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

¹⁵⁸² РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9.

¹⁵⁸³ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 169.

¹⁵⁸⁴ ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. 18.

девочкой, за год исписала тетрадь в более чем 800 листов¹⁵⁸⁵. Отец считал, что если ребенок ежедневно записывает все то, что с ним происходит, это оказывает благотворное влияние на его развитие.

Таким образом, зачастую проводниками идей о важности ведения родительских дневников были отцы семейств, заставлявшие своих жен-аристократок вести самостоятельный уход за новорожденным без привлечения наемного персонала. Известным свидетельством этому явились также взаимоотношения Льва Николаевича Толстого с супругой Софьей Андреевной после рождения детей. Несмотря на сложности самостоятельно вскармливания, муж запрещал жене пользоваться услугами кормилиц, выступал против найма няни, всевозможными способами ограничивая жизнь Софьи Андреевны пространством детской¹⁵⁸⁶. Матери-аристократки охотно подчинялись предъявляемым мужьями требованиям, полагая что тем самым они реализуют свое истинное предназначение и гендерную идентичность¹⁵⁸⁷.

В начале XX века стали появляться «профессиональные родительские дневники», составленные не родителями-любителями, а врачами и педагогами. Они существовали в двух формах: в форме рекомендательного дневника, где авторы описывали, как следует вести наблюдения, и в форме образцового дневника-наблюдения за собственным ребенком.

В распространении родительских дневников следует видеть две стороны. С одной стороны, они были призваны восполнить отсутствие регулярного педиатрического наблюдения (патронажа). Об этом открыто говорил врач К.И. Поварнин с трибун Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества¹⁵⁸⁸. Мать в своей повседневной заботе о малышах должна была реализовывать функции детского врача, педагога и писателя одновременно. Более двух веков российские власти бились над вопросом производства «новой породы людей». Движимая просветительскими идеями Екатерина II считала, что этой цели

¹⁵⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 601. № 1569. 872л.

¹⁵⁸⁶ Толстая С.А. Записки прошлого. Воспоминания и письма / Ред. С.Л. Толстого. М.: Кооп. изд-во «Север», 1932; Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980.

¹⁵⁸⁷ Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. №2. С. 17-29.

¹⁵⁸⁸ Журнал общего собрания Всероссийского Попечительства по охране материнства и младенчества, 6 марта 1916г. // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 32-54.

послужат закрытые учебные заведения (воспитательные дома, институты благородных девиц), в которых дети изолировались от родителей и попадали в руки «экспертов» в деле воспитания. В пореформенной России суть модернизации воспитания заключалась не в том, чтобы изолировать детей от родителей (данная форма оказалась чрезмерно затратной для государства), а превратить родителей (прежде всего мать) в профессионала, в «эксперта» воспитательного процесса. Именно в этот период появилось значительное число научно-популярной литературы об уходе за детьми, их воспитании, призванной изменить отношение матерей к своим обязанностям. «Дневник ребенка» назывался врачами и педагогами «лучшей книгой», которую когда бы то ни было могла написать женщина¹⁵⁸⁹. Матерям вменялось скрупулезно заполнять дневник, составлять схемы, таблицы, графики, где помещалась бы информация о росте, весе малыша, его пище, первых слогах, произносимых ребенком и т.д.

В условиях отсутствия регулярного педиатрического патронажа, существования дорогих услуг частнопрактикующих врачей матери зачастую поручалось составлять дневник, а в редкие приходы педиатра она отчитывалась перед ним за проделанную работу. При такой форме патронажа педиатр навещал новорожденного значительно реже, что экономило семейный бюджет. Он осматривал ребенка, давал рекомендации по уходу за ним, выписывал лекарства, основываясь на собственных наблюдениях и записях матери. Страницы некоторых женских дневников сохранили сведения о подобных наблюдениях¹⁵⁹⁰. В дневниках графини С.Ф. Вонлярлярской содержались подробные описания антропометрии младенца, характера его кормлений, активности, сна ребенка в неонатальном периоде. Графиня вносила данные о пропорциях младенца на первом месяце жизни: *«Вес 4150, рост 55–56, головка I–36 см, II–35, III–34,5, плечиков – 39, груди – 36, тазика – 33»*. Она тщательно записывала особенности физиологического развития малыша, его поведения, объемы выпитого молока: *«1,2,3-й день по рождению ничего ненормального в состоянии новорожденной не замечалось; 4-е сутки – слабит часто, помалу, зеленою. Ночью сильно беспокоилась. Кормила графиня, кормилица 2 раза ночью; 5-е сутки – с вечера слабило 6 раз; 6-е сутки*

¹⁵⁸⁹ Розеггер П. Мать, пиши свою лучшую книгу // Семейное воспитание. 1914. № 8-9. С. 43.

¹⁵⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 55. Л. 1-14; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 30; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 32.

новорожденная сосала от кормилицы всего 1 раз. Беспокойна от 3 ночи до 9 утра. 7-е сутки – беспокойна ночью, 1 ч – сосала кормилицу, 2 ч 30 мин – кричала, 3–4 ч – заснула, 4 ч – сосала у кормилиц, 6 ч – кормила графиня. Спала до 9 ч 20 мин. Общее состояние удовлетворительное... Днем: кушала в 12.15 – 80 гр., уснула в 2 ч, 3.45 – съела 70 гр, 5 ч – 70 гр, отрыгнула, 6.30 – 85, 8 ч – 70 гр, 9 ч – ванны, 10 ч – сон. Всего за сутки 445 гр»¹⁵⁹¹.

«Родительские дневники», помимо педиатрических и педагогических задач, несли и другую, не менее важную миссию. Дневниковые наблюдения основательно «привязывали» мать к ребенку, за цикливали ее на любых проявлениях его развития. Из естественной женской функции они превращали уход за младенцем в профессиональный труд, нацеленный на публичность. Многие дворянки считали своей прямой обязанностью следить за физиологическим развитием ребенка. Даже если они не вели отдельных дневников ребенка, в своих личных дневниках молодые матери часто делали соответствующие записи. *«Я всегда детей мерила и записывала их рост...»*¹⁵⁹², – сообщала мать шестерых детей. Главная цель измерений состояла в проверке того, достаточно ли дети потребляют молока, хватает ли им пищи для нормального развития. Теперь недостаточно было «родительского чутья» в отношении естественного или отклоняющегося от нормы развития малыша. Возникла настоятельная потребность взвешивать, измерять, вычислять. Подобные записи для женщин становились своеобразным свидетельством их принадлежности к плеяде «сознательных матерей». Ежедневные измерения нередко вызывали тревогу у женщин, усугубляя их и без того нервное состояние. *«Он ужасно огорчает меня своим весом и беспокойством... Не знаю, отчего он падает эти дни»*¹⁵⁹³, – волновалась молодая мать. О таких матерях Л.Н. Толстой в «Крейцеровой сонате» отзывался неодобрительно, считая, что, родив дитя, они пребывают в необоснованном состоянии постоянной тревоги, пытаются отыскать у ребенка несуществующие заболевания.

Известный российский врач, популяризатор правильного ухода за детьми В.Н. Жук в издании 1892 года известной работы «Мать и дитя» поместил приложение под названием «Дневник матери» («Альбом матери»). Он полагал, что

¹⁵⁹¹ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-3.

¹⁵⁹² ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.

¹⁵⁹³ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 27-28.

«материнские дневники» – средство, позволяющее объединить усилия профессионального сообщества и матерей в деле развития и воспитания детей. В его представлении идеальная картина ухода за ребенком должна была выглядеть следующим образом: мать старательно все записывает, врач интерпретирует записи, дает советы и рекомендации. Образец материнского дневника, предложенный Жуком, был достаточно сложным, имел характер научного документа, так как содержал различные параметры для наблюдений. Прежде чем характеризовать развитие малыша, необходимо было собрать сведения о здоровье родителей ребенка и о протекании предродового периода (в том числе данные о наличии наследственных заболеваний, одежде, которую носила мать, будучи в положении, о длительности ношения корсета). По сути, В.Н. Жук предлагал матерям заняться собиранием анамнеза, причем не только своего, но и всех членов семьи. Все это было призвано составить наиболее полную картину о характере, особенностях развития новорожденного. Врача интересовали особенности воспитания родителей, место их проживания, образования, возраст, начало менструационного цикла у будущей матери и т.д. Что касается наблюдений за ребенком, то матери вменялось фиксировать буквально все стороны его жизни: физическое развитие (делать замеры веса и роста каждую неделю), особенности вскармливания, количество выпитого молока (даже ночью), стул ребенка, введение прикорма, особенности одежды ребенка, характер эмоциональных проявлений и многое другое¹⁵⁹⁴. В образцовом «альбоме» В. Жука предлагались варианты составления графиков физиологического развития ребенка. По многим параметрам образцовый дневник В. Жука являлся прообразом современных медицинских карт беременных и детей первого года жизни.

Врач, педагог, редактор журнала «Семейное воспитание» Августа Александровна Дернова-Ярмоленко полагала, что абсолютно все родители обязаны вести дневник наблюдений за собственными детьми (*«дело каждого родителя – вести дневник»*)¹⁵⁹⁵. Для нее материнство – профессиональный труд, в связи с чем она убеждала читательниц, что каждая из них должна начать работать в качестве

¹⁵⁹⁴ Жук В.Н. Дитя. Дневник матери. Альбом для записи наблюдений над физическим развитием ребенка. Первые три года жизни. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892.

¹⁵⁹⁵ Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Тип. И.Н. Кушнерева, 1911. С. 1.

матери «сознательно и продуктивно»¹⁵⁹⁶. Врач выступала с инициативой обобщения данных и проведения научного исследования. Она обратилась к матерям с просьбой присылать ей копии заполненных дневников. А.А. Дернова-Ярмоленко выделила основные правила ведения родительского дневника. Она полагала, что записи должны быть точными, полными, изображающими дитя в естественных условиях. Родители с точностью «фотографического аппарата» были призваны фиксировать все проявления жизнедеятельности своего ребенка на бумаге. Женщина-врач настаивала на периодичности ведения дневника (делать записи не реже одного раза в неделю) и правдивости повествования. Главную ценность материнских записей А.А. Дернова-Ярмоленко, подобно классикам психоанализа, видела в возможности отыскать «*корень многих поступков*» уже взрослого человека¹⁵⁹⁷. В отличие от «альбома» В.Н. Жука, составленного по тематическим разделам, А. Дернова-Ярмоленко предложила вести дневник по хронологическому принципу, начиная с первого дня жизни новорожденного. Августа Александровна выделила шесть важнейших принципов ухода за новорожденным: ребенок должен вскармливаться грудью матери; не стеснять малыша в его движении; укачивание для него вредно; в комнате должно быть достаточно света и воздуха; не брать без нужды ребенка на руки; не беспокоить его без повода.

Помимо поучений детских врачей, вменявших матерям заводить детские дневники, в разных журналах стали появляться дневники, составленные педиатрами, где они фиксировали наблюдения за развитием собственных малышей. В 1910-е годы были опубликованы профессиональные материнские и отцовские дневники Е. Кричевской, А.А. Дерновой-Ярмоленко, Н.И. Гавриловой, А.Ф. Левоневского, Н. Соколова и др.¹⁵⁹⁸. Их появление было продиктовано

¹⁵⁹⁶ Там же. С. 5.

¹⁵⁹⁷ Дернова-Ярмоленко А. Как писать дневники. Практические заметки // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 46.

¹⁵⁹⁸ Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Тип. И.Н. Кушнерева, 1911; Е.Б. Из дневника матери // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 29-42; № 2. С. 17-34; Левоневский А.Ф. Мой ребенок. Наблюдения над психическим развитием мальчика в течение первых четырех лет его жизни. СПб.: Тип. О. Богданова, 1914; Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери: Записки о душевном развитии ребенка от рождения до 7-летнего возраста. М.: Практические знания, 1916; Кричевская Е. Моя Маруся: Записки матери. Пг.: Тип. Р. Шварца, 1916; Ивѣ В. Из

развитием медицинских, психологических и педиатрических знаний. Эти дневники призваны были стать реальным примером того, как нужно вести идеальные наблюдения и записи за ребенком.

В одном из номеров журнала «Семейное воспитание» 1914 года был опубликован образцовый дневник, составленный женщиной-педагогом Е.Б.¹⁵⁹⁹. Предложенный дневник имел характер истории болезни с хорошо собранным анамнезом, близким по содержанию к современным медицинским (больничным) картам детей. Мать в строго научной форме документировала особенности развития дочери (Веры) от рождения до года. Автор пользовалась оригинальной методикой ведения дневника. Он заполнялся не по хронологическому принципу, а по проблемному. Среди выделенных тем – «желудочно-кишечные отправления», «кормление», «сон», «болезни», «развитие двигательной сферы», «развитие слуха», «развитие зрения», «игры и занятия». Каждый из разделов заполнялся матерью ежемесячно. В «Предварительных замечаниях» дневника были приведены развернутые сведения о здоровье и вредных привычках родителей и их родственников.

Одним из первых отцовских дневников, опубликованных на страницах периодической печати, стал дневник четырехлетних наблюдений А.Ф. Левоневского за своим сыном Дмитрием. В отличие от профессиональных дневников, где строго фиксировались антропометрические данные ребенка, этот дневник отличается эмоциональной окрашенностью. А. Левоневский не проводил регулярных измерений и взвешиваний сына, как рекомендовалось врачами. Он сам признавался, что его записи лишены строгой систематичности. В то же время он описывал особенности содержания ребенка, его поведение, игры и собственные отцовские переживания¹⁶⁰⁰. Все это делает его дневник более глубоким по содержанию и ценным для изучения.

дневника отца // Психология и дети. 1917. № 6-8. С. 5-79; Соколов Н. Жизнь ребенка (по дневнику отца). М.: Тип. Н. Желудковой, 1918.

¹⁵⁹⁹ Е.Б. Из дневника матери. Ребенок в первый год жизни // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 29-42; Е.Б. Из дневника матери. Ребенок в первый год жизни // Семейное воспитание. 1914. № 2. С. 17-24.

¹⁶⁰⁰ Левоневский А.Ф. Материалы о психическом развитии ребенка в течение первого года его жизни // Русская школа. 1909. № 3. С. 151-176.

Опубликованные родительские дневники дают обширный материал для педагогических, психологических и медицинских работ (о физиологии детей, развитии мышления, речи, игровых навыков). Особый научный характер «материнских дневников» был вскользь замечен зарубежным исследователем Э. Байфордом. Он отмечал, что «родительские дневники» располагались «на границе» между новым зарождавшимся типом воспитания в дворянских семьях, относящихся к среднему классу, «профессионализацией» воспитательного процесса и развитием научных знаний о правильном уходе за детьми и их воспитании¹⁶⁰¹. Одним из существенных недостатков профессиональных материнских дневников было отсутствие записей о самоощущениях, эмоциональных переживаниях самих матерей. В конечном итоге дневники, призванные организовать труд матерей, обесценивали их опыт и переживания, так как делали мир материнских чувств второстепенным на фоне показателей физиологического, психического развития детей.

Таким образом, родительские дневники и записи приобрели широкое распространение в начале XX века. С одной стороны, это сугубо интимные записи, относящиеся к разряду эгодокументов и эмотивов, позволяющих современным исследователям изучать переживания матерей и отцов прошлого¹⁶⁰². С другой стороны, их появление и распространение пролонгировалось профессионалами (врачами, психологами, педагогами), что дает основание анализировать процесс конструирования экспертным сообществом нового, «сознательного» родительства и семей «детоцентристского» типа.

5.2.3. Трудности внедрения практики самостоятельного грудного вскармливания у дворянок

История грудного вскармливания – неотъемлемая часть мировой женской истории, антропологии женского тела, тема, рожденная гендерными исследованиями прошлого, новой социальной историей и историей

¹⁶⁰¹ Byford A. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Russian review. 2013. Vol. 72. № 2. P. 241.

¹⁶⁰² Reddy W.M. Against Constructionism. The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. Vol. 38. № 3. P. 327-351; Bailey J. Parenting in England 1760–1830: Emotion, Identity, and Generation. Oxford, Oxford University Press, 2012.

повседневности¹⁶⁰³. В европейской и американской науке к истории грудного вскармливания на протяжении последнего полувека обращаются не только историки и социологи, но так же антропологи, демографы, гигиенисты, специалисты по истории медицины¹⁶⁰⁴, и лишь в отечественной историографии эта тема пока остается практически неразработанной (за исключением недавно защищенной диссертации Е.В. Колгановой, в которой один из параграфов посвящен социальной защите кормилиц)¹⁶⁰⁵. Мне представляется важным проанализировать тенденции в развитии грудного вскармливания в высших слоях российского общества, кормиличного дела на рубеже XIX–XX веков, выявить специфику взаимоотношений между кормилицами и их нанимателями в условиях медиализации дискурса материнства и конструирования в общественном сознании нового образа «сознательной матери». Почему, несмотря на все старания врачебного сообщества, количество дворянок, самостоятельно вскармливавших своих детей существенно не увеличилось, а число женщин, настроенных продавать свою способность к лактации в указанное время не только не уменьшилось, но сам промысел даже приобрел немало новых сторонниц среди матерей?

В дворянских семьях доиндустриальной России женщины не практиковали самостоятельное грудное вскармливание. Известно, что когда жена цесаревича Александра Мария Александровна в 1842 году выразила готовность самой вскармливать ребенка, то ее муж решительно выступил против¹⁶⁰⁶. Большой переполох в высшем обществе наделало желание великой княгини Марии Павловны, жены великого князя Владимира Александровича, самой кормить новорожденного сына Александра (на дворе стоял уже 1875 год). Поскольку кормление грудью считалось проявлением близости к миру животных и дикарей

¹⁶⁰³ Schiebinger, Londa. *Nature's Body. Gender in the Making of Modern Science*. Boston: Beacon Press. 1993. P. 69.

¹⁶⁰⁴ Fildes V.A., *Breasts, Bottles, and Babies: A History of Infant Feeding*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1986; Apple R.D. *Mothers and medicine: a social history of infant feeding, 1890–1950*. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1987; Baumslag N., Michels D. *Milk, Money and Madness*. New York: Greenwood Publishing Group, 1995; Borsay A., Hunter B. (eds) *Nursing and Midwifery in Britain since 1700*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2012; Bernice L. Hausman *Mother's Milk: Breastfeeding Controversies in American Culture*. New York: Routledge, 2003; Golden J. *Social History of Nursing America: from Breast to Bottle*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

¹⁶⁰⁵ Колганова Е.В. *Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв.* Автореф. дисс. к.и.н. М., 2012.

¹⁶⁰⁶ Яковлева А.И. *Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй. Воспоминания. Дневники*. СПб.: Пушкин. фонд, 1995. С. 98.

(еще в XVIII веке считалось, что «прекрасная система Жан-Жака Руссо, многие правила которой были заимствованы у дикарей, еще не была известна в России», а потому считалось, что «матери не обязаны кормить детей грудью»¹⁶⁰⁷), постольку лишь самые бедные дворянки, родив дитя, обходились без кормилиц. История русских женщин доиндустриального времени пестрит историями о «грудной горячке» (мастите): перетягивание груди сразу после родов с целью остановить лактацию, нередко заканчивалось высокой температурой, а подчас и смертью.

Подобный подход сохранялся до 70–80-х годов XIX века. В отношении светских дам Санкт-Петербурга исследователь городской жизни В. Михневич писал: *«Когда уже ребенок явился на свет, то светская женщина, обыкновенно, совсем его не знает и щепетильно отстраняется от него до мелочей, ради соблюдения своего салонного престижа, своей свободы»*¹⁶⁰⁸. Он подчеркивал: *«Она никогда не станет кормить дитя своей грудью. Как можно! Это испортит изящную округленность ее бюста, истощит ее и причинит худобу»*¹⁶⁰⁹. Известная русская феминистка, писательница М.К. Цебрикова в 1870 году рассуждала о том, что для большинства *«изнеженных барынь»* обязанность *«проснуться раз два ночью покормить ребенка»* является мучительной и невыносимой. Она лишала их сил и повышала общую нервозность состояния¹⁶¹⁰.

Однако к концу XIX века таких дам становилось все меньше. Даже в среде вполне состоятельных и именитых дворянок, графинь, княжон все чаще практиковалось самостоятельное грудное вскармливание. В частности, российская императрица Александра Федоровна (жена Николая II) после появления на свет первенца в 1895 году (дочери Ольги) была полна намерений самостоятельно кормить грудью. Ее поведение являлось новаторским для первых леди государства. Ее муж в личном дневнике с чувством гордости за жену описал тщательность ее подготовки к предстоящему кормлению. Специально для этого Александре Федоровне в помощницы была определена кормилица с собственным сыном.

¹⁶⁰⁷ Чичагов П.В. Записки адмирала, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал // Великороссы. Вып. 2. М.: Товарищество совет. писателей, 1992. С. 13; ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2619. Л. 4.

¹⁶⁰⁸ Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сушинского, 1886. С. 397.

¹⁶⁰⁹ Там же.

¹⁶¹⁰ Цебрикова М.К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» / <http://www.owl.ru/win/books/rw/f1.htm> (дата обращения 02.06.2014).

Прежде чем приложить к груди новорожденную дочь Ольгу, императрица «упражнялась» кормить ребенка кормилицы. *«Аликс опять провела день во второй комнате, дочка лежала с ней рядом. Была первая проба прикармливания к груди, что окончилось тем, что Аликс очень удачно стала кормить сына кормилицы, а последняя давала молоко Ольге. Пресмешно!»*¹⁶¹¹. Опыт кормления оказался неудачным, впоследствии императрица была вынуждена отказаться от своего намерения¹⁶¹². Известно также, что она самостоятельно кормила грудью своего пятого ребенка, долгожданного мальчика. Очевидно, что ее поведению придавалось особое значение, так как в опубликованном после рождения Алексея официальном бюллетене подчеркивалось, что императрица сама кормит грудью наследника¹⁶¹³.

В начале XX века дворянки уже не могли позволить себе высказываться против самостоятельного грудного вскармливания, а напротив, активно защищали его на уровне теоретических рассуждений, реже на практике. В светских и семейных беседах они нарочито подчеркивали, что женщину, лишаящую младенца материнского молока, сложно называть матерью¹⁶¹⁴. Самостоятельное грудное вскармливание становилось проявлением нового (сознательного) отношения дворянок к материнским обязанностям.

Чем был вызван столь резкий поворот во взглядах матерей-дворянок? Этому можно найти двоякое объяснение. С одной стороны, литературная и научная общественность пропагандировала важность материнской близости к ребенку, особенно в первый год его жизни (прежде дворянки избегали общения с ними в этом возрасте). Еще в начале 1870 года придворный врач В.В. Дерикер указывал на то, что женщина родившая, но не кормящая самостоятельно своего ребенка, – мать наполовину¹⁶¹⁵. Педагог М. Безобразова отмечала, что женщина, отказавшаяся от лактации, препятствует развитию в себе материнской любви (инстинкта)¹⁶¹⁶. В общественном сознании настойчиво культивировалась мысль о священном долге

¹⁶¹¹ Дневник императора Николая II. Берлин: Слово, 1923. С. 111-112.

¹⁶¹² Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 55.

¹⁶¹³ Там же. С. 29.

¹⁶¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 36. Л. 77.

¹⁶¹⁵ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 169.

¹⁶¹⁶ Безобразова М. О материнской любви // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 8-9.

каждой матери вскармливать своего ребенка. Матерей-дворянок не только призывали к самостоятельной лактации, но и стремились обучить этой новой практике. В рамках Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества регулярно издавались популярные брошюры, раскрывающие специфику грудного вскармливания («Как следует кормить грудного ребенка, когда у матери не хватает молока», «Как приготовить ребенка к отнятию от груди», «Как ходить за грудным ребенком и вскармливать его» и др.). Известный врач Н.В. Ястребов предлагал ввести в школьный курс предмет по детской гигиене, в рамках которого планировалось пропагандировать самостоятельное грудное вскармливание. Активное участие врачей в пропаганде материнского кормления было обусловлено объективными причинами: большой смертностью новорожденных (даже в дворянских семьях), а также участвовавшими случаями заражения кормилицами вскармливаемых ими детей.

Если в Англии под воздействием моральных увещаний «кормиличный бизнес» с середины XIX века пошел на убыль¹⁶¹⁷, а в США к началу XX века стал просто редкостью¹⁶¹⁸, то в России, напротив, дворянки не спешили отказываться от привилегии нанимать помощницу¹⁶¹⁹. В связи с этим доктора (В.Н. Жук, Е.А. Покровский, С.Ф. Воюцкий, Н.В. Ястребов) пытались вразумить женщин, приводя аргументы в пользу благотворного влияния грудного вскармливания не столько на младенца, сколько на саму мать, ее физическое и нравственное здоровье. В частности, в популярном среди дам «Женском календаре» врач указывал на то, что *«...у кормящей женщины лучшие совершается обратное развитие половых органов, а это уменьшает шансы обычных заболеваний матки»*¹⁶²⁰. Грудное вскармливание, считалось, может излечить давнишние женские болезни, омолодить женский организм и даже, что было немаловажным, сильнее привязать мужа к жене. Лишь единицы из врачебного сообщества писали о естественных издержках грудного вскармливания для самой матери. Женщина-врач Е.С.

¹⁶¹⁷ Fildes V.A., *Breasts, Bottles, and Babies: A History of Infant Feeding*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1986. P. 152.

¹⁶¹⁸ Golden J. *Social History of Nursing America: from Breast to Bottle*. Cambridge: Cambridge University Press. 1996.

¹⁶¹⁹ Я решила, что не буду кормить сама ожидаемого ребенка. Возьму кормилицу, так как чувствую настоящую потребность в отдыхе», – писала провинциальная дворянка А.А. Знаменская (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 50об).

¹⁶²⁰ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб.: Труд, 1908. С. 294.

Дрентельн отмечала, что частое кормление грудью приводит к «мучительным и иногда опасным заболеваниям грудных желез»¹⁶²¹. Без прикрас она связывала данный телесный опыт со страданиями, болезненностью и разного рода «ненормальностями» в дальнейшей жизни женщин. В Европе дело обстояло иначе. Врачи, пропагандируя грудное вскармливание, перечисляли многочисленные доводы в пользу здоровья новорожденного, ограничиваясь описанием преимуществ для матери¹⁶²².

Создавая культ самостоятельного грудного вскармливания среди матерей высших сословий, доктора нападали с критикой на тех, кто пренебрегал этой практикой. Женщин обвиняли в невыполнении своей естественной обязанности, а кормилиц, поступавших к ним в услужение, называли преступницами: *«Пусть же после того матери подумают, как нехорошо они поступают, бросая своих детей, чтобы поскорее наняться в кормилицы к чужим детям!.. Пусть такие матери понимают, что они виновницы смерти своих детей, что они делают самый великий грех, который может сделать женщина, отступая от данного ей Богом закона»*¹⁶²³. В глазах научной (медицинской, педагогической) общественности мать, которая «уклонялась» от кормления своего дитя, превращалась в плохую мать, «бесстыжую» и даже «грешницу».

«Экспертами» была подмечена и другая, не менее важная область для критики независимого репродуктивного поведения дворянок. Теоретики отмечали безнравственность женщин, бравших кормилицу, так как они лишали чужое дитя матери и обрекали якобы его на гибель. Активная участница Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, феминистка З.О. Мичник в своих статьях уделила этому вопросу особое внимание. Она писала: *«Удивительно, как часто интеллигентная, образованная женщина, с большой чуткостью относящаяся ко всяким этическим вопросам, переступает с легким сердцем по отношению к собственному ребенку и к ребенку кормилицы элементарные требования этики! Интеллигентная женщина не должна забывать, что, отнимая кормилицу от ее ребенка, она покупает собственное удобство и спокойствие*

¹⁶²¹ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 85.

¹⁶²² Badinter E. Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX. Barcelona.: Paidós. 1991. P. 167.

¹⁶²³ Покровский Е.А. Об уходе за малыми детьми. М.: Посредник, 1910. С. 20.

ценою жизни человеческого существа»¹⁶²⁴. Данный аргумент, ставивший в вину матерям-дворянкам потенциальную гибель безвинного дитя, наносил серьезный удар по традиционному репродуктивному поведению женщин высшего общества.

Матери-дворянки начала XX века под напором многочисленных врачебных аргументов выражали свою решимость отказаться от услуг кормилиц. Врачи, писатели, публицисты заявляли о прочно вошедшей в повседневную жизнь дворянской матери новой для них телесной практике. Известная писательница Н.А. Лухманова писала, выражая при этом удивление, что лично знакома со многими молодыми интеллигентными матерями, которые могли бы нанять кормилицу, но пытаются самостоятельно вскармливать собственных детей¹⁶²⁵. В женских дневниках этого периода фиксировалась убежденность дворянок самим кормить детей грудью. Е. Дьяконова в 20 лет записала: *«Природа сама назначила женщину быть кормилицей собственного ребенка: надо кормить это существо. Женщина готова исполнить свои обязанности»*¹⁶²⁶. Тверская дворянка в дневнике отмечала: *«Здоровьем своим я очень довольна и хочу непременно сама кормить»*¹⁶²⁷.

Эта сфера женского бытия стала настолько значимой для дворянок, что они непременно подчеркивали факт самостоятельной лактации в своих дневниковых записях. С.А. Толстая после первого удачного опыта вскармливания коротко записала в дневнике: *«Начала я да и выкормила свою Таню»*¹⁶²⁸. А.А. Знаменская упоминала: *«Кормлю сама»*¹⁶²⁹. Представляется, что это воспринималось если не как подвиг, то как особое достижение благородных женщин, которое выделяло их в качестве «идеальной матери» и добропорядочной супруги. В 1910-е годы самостоятельное грудное вскармливание в дворянской среде было настолько распространенным, что перестало быть чем-то из ряда вон выходящим, превратившись в естественную часть повседневности молодой матери.

¹⁶²⁴ Мичник З.О. Об естественном и искусственном вскармливании грудных детей // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 2. С. 44; Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регулировки // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 469-480.

¹⁶²⁵ Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. М.: Д.П. Ефимов, 1904. С. 49-50.

¹⁶²⁶ Дьяконова Е.И. Дневник Елизаветы Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912.

¹⁶²⁷ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30.

¹⁶²⁸ Толстая С.А. Моя жизнь // Журнальный зал. 1998. № 9 / <http://magazines.russ.ru/authors/t/stolstaya/> (дата обращения 05.05.2014).

¹⁶²⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383 Л. 30.

Итак, основной причиной обращения дворянок к самостоятельному грудному вскармливанию был сконструированный «экспертами» запрос на важность и необходимость существования данной телесной практики в жизни каждой женщины.

Не стоит сбрасывать со счетов экономический фактор. Процесс «оскудения дворянства», разорение помещного землевладения, разложение патриархальной семьи – объективные факторы, приводившие к тому, что интеллигентные супруги не в состоянии были отыскать достойную по цене и «качеству» кормилицу. Личная переписка дворянок демонстрирует, каких трудов стоило найти кормилицу, особенно в провинции¹⁶³⁰. Как столичная, так и провинциальная пресса пестрела разоблачительными заметками о нерадивости нанятых женщин. Авторы статей наперебой сообщали о том, что кормилицы в повседневной практике часто используют снотворное, нечистоплотны, могут прикладывать руку в отношении младенцев и др. Все эти факторы способствовали формированию убеждения дворянок в необходимости самостоятельного кормления грудью.

В редких случаях адептами грудного вскармливания могли быть «идейные» мужья и отцы. Просвещенные по части медицинской и педагогической, они убеждали (а иногда и заставляли) своих благородных жен самим кормить ребенка. В известной супружеской паре Толстых Лев Николаевич запрещал жене прибегать к услугам кормилицы, считая это преступлением. С.А. Толстая в своих воспоминаниях подчеркивала, что муж запрещал нанимать няню, «строго требовал» самостоятельно вскармливать новорожденных. С некоторым разочарованием она отмечала, что беспрекословно повиновалась Льву Николаевичу, считая все его указания непогрешимыми и «*несомненно хорошими*»¹⁶³¹. Ее дочь, вспоминая свое детство, писала о матери: «...она всегда кормит грудью какого-нибудь маленького...»¹⁶³².

Самостоятельное грудное вскармливание становилось новым телесным опытом для дворянок. В откровенном письме к беременной родственнице дворянка советовала непременно самой кормить грудью, видя в этом прежде всего факт

¹⁶³⁰ ГАТО. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 8. 8л.

¹⁶³¹ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. №8 / <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm> (дата обращения 06.04.2014).

¹⁶³² Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. С. 45.

«величайшего наслаждения» и «самой приятной обязанности матери»¹⁶³³. Об испытанном «наслаждении» писала Е. Половцова¹⁶³⁴. Она очень печалилась после того, как спустя месяц самостоятельного грудного вскармливания была вынуждена отказаться от этой практики из-за состояния здоровья. Свои первые впечатления от прикладывания ребенка к груди описывала В.П. Багриновская: *«Вот мое дитя приникло к моей груди. Мы оба еще не умеем понять друг друга, но когда дело налаживается, блаженная исчерпывающая тишина наполняет не только душу, но все нервы, все жилы и мускулы»*¹⁶³⁵. Дворянки могли настолько «увлечься» самостоятельным грудным вскармливанием, что попытки 6–8 месячного ребенка отказаться от сосания груди приводили матерей к серьезным нервным расстройствам. Княжна С.П. Шувалова впадала в отчаяние по той причине, что ее восьмимесячный сын, которому был введен прикорм, стал реже «брать» грудь. Эта тема стала предметом ее многочисленных писем к родственникам и знакомым. На одно из писем свекровь, пытаясь утешить невестку, отвечала: *«...я говорила с их няней, она уверяет, что с ней было ровно то же самое и тоже 8-ми месяцев. Две недели она не брала грудь у кормилицы, из-за боли в деснах, а затем опять начала брать по-прежнему»*¹⁶³⁶. Е. Половцова, отняв ребенка от груди, жаловалась мужу: *«А знаешь, больше всего чем я огорчаюсь? Тем, что Боря совсем не мой, я мучаюсь, Толя»*¹⁶³⁷. В данных случаях не совсем ясна подоплека материнских переживаний. То ли действительно женщины получали удовольствие от новых телесных практик, осваивая необычную для них сферу материнской сексуальности, то ли под действием соответствующих «политик тела» (М. Фуко) происходила «имплантация» материнского удовольствия, культивируемого многочисленными «экспертами». В итоге женщины убеждали себя и окружающих (сознательно и бессознательно) в своей принадлежности к передовому разряду «истинных матерей», с радостью и трепетом практиковавших самостоятельное грудное вскармливание.

Новой телесной практикой в жизни кормящей дворянки становилась особая гигиена груди, которая включала «*мытье сосков*» после каждого кормления,

¹⁶³³ ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 34. Л. 11об.

¹⁶³⁴ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 58. Л. 95.

¹⁶³⁵ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 172.

¹⁶³⁶ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

¹⁶³⁷ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 58. Л. 95.

прикладывание примочек из миндального масла. Дабы не раздражать нежную кожу сосков, практиковалось прикладывание к ним кусочков ткани и даже скорлупы грецкого ореха¹⁶³⁸. Нередко кормящих матерей мучали различные заболевания груди, сопровождающиеся ее затвердением и резкой болью. Женщины, примерявшие на себя роль истинной матери, продолжали терпеть дикую боль и кормить. В этом, очевидно, они видели свой святой долг и подвиг. Тяжелые муки вскармливания описывала С.А. Толстая. Она отмечала, что при возникновении заболеваний груди доктор прописывал ей *«пластырь Виго без ртути»* и *«для сосцов раствор ляниса (1 гр на 1 унц воды)»*¹⁶³⁹.

Состоятельные кормящие матери охотно пользовались различными изобретениями европейской промышленности, облегчавшими процесс грудного вскармливания. Женские *«грудодержатели»* только входили в обиход, поэтому многие дамы обходились без особого нижнего белья. Кормящие матери часто использовали простые по форме и изготовлению грудные повязки из салфеток или платков. Они завязывались особым образом – так, что бы выполнять функцию поддержки молочных желез. В продаже имелся грудной бинт, который напоминал примитивный бюстгальтер. Ввиду простоты изготовления грудной повязки сшить такое изделие могла любая портниха. Дабы защитить одежду от протекания, часто под нее подшивали клеенку.

Для разработки молочной железы состоятельным россиянкам стало доступно европейское изобретение – «грудной насос» для отсасывания молока. «Грудной насос» состоял из резинового шарика, стеклянной трубки, которая накладывалась на сосок, и резервуара, куда стекало молоко. В употреблении были также насосы, предполагавшие отсасывание губами.

Несмотря на критику врачей, многие дворянки по образцу крестьянских семей давали новорожденному соску. Часто этот факт объяснялся тем, что кормилицы, няньки, считавшие соску неизменным атрибутом в жизни грудного ребенка, без протестов со стороны родителей приучали малыша к ее употреблению. Нередко сами дворянки, начитавшись медицинских трудов, где обосновывалась важность сосательного рефлекса для малыша, давали ему соску. В этом случае их

¹⁶³⁸ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 267.

¹⁶³⁹ Толстая С.А. Моя жизнь // Журнальный зал. 1998. № 9 / <http://magazines.russ.ru/authors/t/stolstaya/> (дата обращения 05.05.2014).

соска отличалась от традиционной крестьянской тем, что кисею (особая материя) не набивали разной едой (сало, хлеб), а обмакивали ее в сахарную воду и часто меняли. Резиновые соски встречались не часто.

В дореволюционных инструкциях по грудному вскармливанию, в отличие от современных, указывалось на необходимость попеременного вскармливания: пока женщина кормит одной грудью, молоко поступает в другую. Кроме этого, согласно врачебным предписаниям и признаниям самих матерей, кормление происходило в большинстве случаев не по требованию, а строго по часам. В инструкциях для матерей значилось: *«Научить ребенка есть в определенное время составляет первый педагогический прием мыслящей матери»*¹⁶⁴⁰ или *«Кормить ребенка надо только в указанное время... Для ребенка крайне вредно, если его кормить не в строго определенные промежутки времени»*¹⁶⁴¹. Отучить ребенка от ночного кормления старались как можно быстрее. В женских записных книжках, очевидно по настоянию врачей, молодые матери скрупулезно записывали часы кормления детей.

Врачи рекомендовали сохранять грудное вскармливание до 8–12 месяцев, уточняя, что оно должно длиться до появления первых зубов у ребенка. Считалось, что более длительное кормление грудью приносит для матери и дитя больше вреда, чем пользы¹⁶⁴². При этом в мемуаристике присутствуют указания на продолжительность грудного вскармливания от нескольких дней до 3,5 лет¹⁶⁴³. По свидетельствам врачей (В.Н. Жук, И.К. Стрельбицкий), подавляющее большинство интеллигентных матерей не выдерживало длительных кормлений, заканчивая их к 6 месяцам. При этом ими назывались совершенно различные причины: нехватка молока, его испорченность, отказ самого ребенка брать грудь и т.д.¹⁶⁴⁴.

¹⁶⁴⁰ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 509.

¹⁶⁴¹ Шестакова О.А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб.: Тип. "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1910. С. 14.

¹⁶⁴² Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1918. С. 118.

¹⁶⁴³ Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидемана (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 18; Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой. М.: Искусство, 2001. С. 4, 170.

¹⁶⁴⁴ Жук В.Н. Почему многие матери не кормят грудью детей? // Акушерка. Кн. 6. № 11-12. С. 178-182.

Грудное вскармливание добавляло в женское существование нервозность, усугубляя сложные эмоциональные переживания матерей-дворянок. Этот телесный опыт вносил крайне противоречивые ощущения в их жизнь. Многие из женщин, ратовавших за материнское вскармливание, крайне быстро отказывались от него. Нередко опыт самостоятельного кормления доставлял дворянкам невероятные страдания.

В сложном положении находилась Софья Андреевна Толстая. Для нее, привыкшей к размеренной, роскошной жизни, материнство явилось настоящим потрясением. Она не была готова ни физически, ни психически к ожидавшим ее нагрузкам. Из 13 детей по воле мужа 11 она кормила сама. Чего ей это стоило, передала в своих воспоминаниях старшая дочь Софьи Андреевны: *«Как сейчас, вижу ее с ребенком на руках, с запрокинутой головой и сжатыми зубами, чтобы скрыть, что ей больно»*¹⁶⁴⁵. Она искренне сочувствовала матери, которая под воздействием мужа пыталась самостоятельно наладить лактацию, несмотря на то что эта телесная практика сопровождалась серьезными болями: *«Отец пожелал, чтобы жена не только сама кормила своего первенца... но и обходилась без помощи няни. Это было тяжелым требованием для молодой, неопытной женщины, воспитанной в известной роскоши. Кормление грудью, причинявшее матери мучительную боль, было все же прервано, но только лишь после того, как убедились в полной необходимости этого»*¹⁶⁴⁶. Сама Софья Андреевна признавалась, что, вопреки сильной боли в груди, она продолжала кормить дочь Татьяну: *«Опять стала мне грозить грудница, сделалось затвердение в груди, подрезались сосцы, кормить Таню было очень больно»*¹⁶⁴⁷. Несмотря на любовь к матери, дочь называла ее положение *«добровольным материнским рабством»*. Зависимое положение женщины внутри семьи приводило к тому, что даже вопреки серьезным физическим страданиям, она не могла перечить воле мужа, продолжая заниматься тяжелым, а подчас и невыносимым для себя делом.

Нервозность матери-дворянки, следовавшей всем заветам «экспертов», усугублялась всевозможными ограничениями во время грудного вскармливания.

¹⁶⁴⁵ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. С. 366.

¹⁶⁴⁶ Там же. С. 364-365.

¹⁶⁴⁷ Толстая С.А. Моя жизнь // Журнальный зал. 1998. № 9 / <http://magazines.russ.ru/authors/t/stolstaya/> (дата обращения 05.05.2014).

Врачи настоятельно рекомендовали соблюдать нравственную и физиологическую гигиену. Нравственная гигиена предписывала женщинам избегать сильных потрясений и волнительных состояний. Считалось, что гнев, испуг, возбуждение кормящей матери непременно передадутся с молоком ребенку, результатом чего может стать резкое ухудшение его самочувствия. Кормящая мать должна была придерживаться строгой диеты. Ей были противопоказаны сырые овощи и фрукты, бобовые. Существовал полнейший запрет на употребление вина, кислого, соленого, острого и т.д.¹⁶⁴⁸.

Медицинские запреты распространялись на интимную сферу супружеских отношений. Российские доктора, также как и европейские врачи¹⁶⁴⁹, советовали женщинам воздерживаться от исполнения *«супружеских прав»*, полагая, что половая невоздержанность приведет к порче грудного молока и чрезмерно истощит силы матери. Сексуальная сфера отношений при помощи всевозможных научных наставлений и материнских предписаний являлась областью для внешнего контроля (в данном случае государственного). Если в Средние века главным ограничителем половой активности граждан выступала церковь, то в условиях индустриального общества эту функцию на себя взяла наука в лице всезнающих «экспертов». Врачи продолжали определять рамки естественности и противоестественности, нормы и не нормы в половой жизни граждан, вновь и вновь доказывая принцип материнской асексуальности. Сексуальные связи с кормящей матерью были причислены к разряду перверсий. В начале XX века врачи категорично заявляли, что «половые сношения» во время кормления грудью противоестественны и даже «незаконны». Л.Н. Толстой в «Послесловии к Крейцеровой сонате» указывал на то, что *«невоздержание во время беременности и кормления... губит телесные, а главное – душевные силы женщины»*¹⁶⁵⁰.

Надо отметить, что сфера интимных отношений оказалась той областью, где запросы «экспертов» явно не совпадали с интересами людей. Судя по личным

¹⁶⁴⁸ Первый женский календарь на 1902 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1903. С. 329; Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидемана (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 32.

¹⁶⁴⁹ Fildes V.A., *Breasts, Bottles, and Babies: A History of Infant Feeding*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1986.

¹⁶⁵⁰ Толстой Л.Н. Послесловие к Крейцеровой сонате / Собр. Соч. в 22т. Том 12. М.: Худ. лит., 1982. С. 198.

документам, супруги часто нарушали предложенные морализаторами предписания. Практикующие врачи отмечали, что подавляющее большинство их пациенток, невзирая на грудное вскармливание, вело активную половую жизнь¹⁶⁵¹. Некоторые из них в интимных беседах с подругами сетовали на то, что, несмотря на лактацию, им удавалось забеременеть. Либерально настроенные гинекологи были не столь категоричны в вопросах половой жизни супругов. Они допускали сексуальные отношения между ними, указывая на необходимость соблюдения двухчасового перерыва перед кормлением ребенка. *«Не следует давать груди немедленно после события»*¹⁶⁵², – писал известный врач В.В. Дерикер.

Самостоятельное грудное вскармливание становилось «святой обязанностью» в жизни каждой интеллигентной женщины. Принуждение к грудному вскармливанию можно отнести к одной из «политик тела» (М. Фуко), призванной контролировать женскую фертильность и сексуальность, посредством заданных извне стандартов. Дворянка лишалась привилегии быть свободной от ежечасной связи с младенцем. В сложившихся условиях женщина не могла просто так отказаться от самостоятельной лактации, она вынуждена была искать веские доводы, рациональные объяснения для поведения, осуждаемого обществом. Дворянки продолжали отказываться от самостоятельного грудного вскармливания, но при этом непременно ссылались на рекомендации врачей. Врач становился всемогущим повелителем, дававшим женщине «ключи от свободы». Многочисленные материнские дневники подтверждают тот факт, что дворянки пытались освоить самостоятельное кормление новорожденных, но по различным причинам вскоре отказывались от своего намерения.

Пренебрежение дворянок доиндустриальной России к самостоятельному кормлению грудью было продиктовано тремя основными причинами. Во-первых, на грудное вскармливание смотрели как на процесс неблагородный, приближавший высокородных барышень к животному миру. Во-вторых, изнеженным дворянкам, рожавшим чуть ли не каждые два года, было не под силу самостоятельно выкармливать детей, так как этот процесс был сопряжен с постоянной физической привязанностью к ним, что ограничивало свободу женщин

¹⁶⁵¹ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. С. 114.

¹⁶⁵² Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 275.

и вставало на пути ведения активной светской жизни. В-третьих, многие дворянки не желали жертвовать красотой собственного тела. Таким образом, если дворянки и прибегали к самостоятельному грудному вскармливанию, то в исключительных случаях.

Ситуация существенно изменилась в пореформенной России. Создавая новый идеал матери, «эксперты» (врачи, педагоги, писатели) вводили кормление грудью в ранг первой и важнейшей обязанности каждой женщины. Они нападали с критикой на матерей-дворянок, которые пользовались услугами кормилиц. Отказ от налаживания лактации без существенных на то оснований стал называться изжившим себя «*предрассудком*»¹⁶⁵³. Его весьма быстро приписали к разряду противоестественных. Самостоятельно кормить грудью становилось не просто модной тенденцией, но и святой обязанностью женщины. При изучении диспутов о «сознательном материнстве» складывается впечатление, что «экспертов» волновало не столько здоровье детей, сколько раздражал факт независимого поведения женщин, в связи с чем если дворянки уклонялись от исполнения своего святого долга, то уже по совершенно иным причинам, нежели их предшественницы. Подробный анализ этих причин позволяет выявить приоритеты в жизни матерей-дворянок индустриальной России и тяжесть перехода от «безразличного» к «сознательному» материнству.

На VIII Пироговском съезде доктор И.К. Стржельбицкий выступил с любопытным докладом, в котором очертил основные причины, по которым женщины отказываются от самостоятельного грудного вскармливания. Он исследовал матерей преимущественно из интеллигентной среды. Результаты его наблюдений оказались неожиданными. Единицы из опрошенных признавались в том, что сами не захотели налаживать лактацию без видимых на то физиологических или анатомических причин. Многие женщины обвиняли врачей и акушеров, отмечая, что именно они рекомендовали им отказаться от этой практики. Подавлявшее большинство матерей приводили расплывчатые объяснения, среди которых были следующие: «молока в грудях было мало», «молоко было плохое», «ребенок не брал грудь», «надо было уходить из дому» и т.д.¹⁶⁵⁴.

¹⁶⁵³ Там же. С. 273.

¹⁶⁵⁴ Жук В.Н. Почему многие матери не кормят грудью детей? // Акушерка. Кн. 6. № 11-12. С. 178.

Женщина-врач А.А. Дернова-Ярмоленко указывала на то, что в подавляющем большинстве нежелание интеллигентных женщин связывать себя узами кормления было вызвано необходимостью большого напряжения сил, а также «*постоянного сидения дома*»¹⁶⁵⁵. Е.И. Конради приводила любопытный пример из жизни столичной дамы, которая пыталась самостоятельно кормить своего ребенка, не бросая при этом участия в активной светской жизни. Она продолжала ездить по театрам, салонам, посещала балы, делала визиты, в то время как грудной ребенок оставался дома на руках нянек. Дворянка установила правило: как только ребенок просыпался и требовал кормления, за ней посылали гонцов. В конечном счете подобная изобретательность не принесла удобства ни ребенку, ни матери, следствием чего стал наем кормилицы. Этот случай демонстрирует переходное состояние матери-дворянки индустриальной России. Светские дамы не желали бросать прежний образ жизни, но в то же время считали важным исполнять свой материнский долг.

Безусловно, среди причин отказа от лактации присутствовали вполне естественные. Надо заметить, что матерей никто не обучал тому, как правильно прикладывать новорожденного к груди. Традиционно дело обстояло так: после родов акушерка подносила новорожденного к груди матери, в дальнейшем матери оставались один на один со своей проблемой. Многие из них просто не справлялись с этой обязанностью, толком не овладев техникой грудного вскармливания. В этом отношении показательна история Е.Н. Половцовой. После рождения первенца молодая женщина и ее муж были убеждены, что она будет самостоятельно кормить ребенка. Но подобная нагрузка показалась Е. Половцовой чрезвычайно тяжелой. Первые кормления муж описывал так: ребенка приложили к груди, он пососал, потом уснул, когда же проснулся, то мать, ссылаясь на крайнюю усталость, просила отдыха. А. Половцов зафиксировал диалог мужа и жены в собственном дневнике: «*Хочешь покормить ребенка (Я)? Разве он проснулся? ... Это очень утомительно, хоть немного отдохнуть (К). Сон часа 2. Ребенок сперва покричал, потом спал*»¹⁶⁵⁶. Несмотря на свою убежденность в исключительной

¹⁶⁵⁵ Дернова-Ярмоленко А.А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенком. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. С. 51.

¹⁶⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. 18.

пользе материнского молока, ввиду неспособности жены к подвигу кормления по старинке была взята кормилица.

Кормление часто сопровождалось болезнями груди, от непривычных нагрузок молоко вообще могло пропадать. Врачи, исследовавшие эту тенденцию, приходили к выводу, что заявление матерей-аристократок типа *«молока в грудях мало»* в большинстве случаев объяснялось неправильным использованием физиологических возможностей грудной железы кормящими женщинами. Опираясь на женские эгодокументы и отчеты врачей, складывается представление, что с такой проблемой сталкивались многие дворянки. Даже Е.И. Конради, активно защищавшая идею материнского грудного вскармливания, писала: *«На беду я не знала другого обстоятельства: именно, что молока у меня было мало, и что ребенок ни разу не мог насосаться досыта. Будучи постоянно впроголодь, он кричал, был беспокоен...»*¹⁶⁵⁷. В итоге ее опыт кормления закончился через два с половиной месяца. Она вынуждена была нанять кормилицу.

Существование данной проблемы дало основание некоторым именитым докторам предположить, что у дворянок произошли определенные мутации, вызванные нежеланием нескольких поколений женщин из привилегированного сословия самостоятельно вскармливать своих детей¹⁶⁵⁸. В то же время «достаточность» или «недостаточность» молока в первые дни после родов оценивали сами женщины или акушеры, далекие от вопросов грудного вскармливания. Никаких специальных манипуляций для увеличения лактации матерями не производилось (то ли по незнанию, то ли по нежеланию). Ситуацию, складывавшуюся вокруг грудного вскармливания, лаконично передал врач Е.Л. Сковский в диалоге (приведен в его книге) с недавно родившей интеллигентной женщиной. Он писал: *«Почему вы не кормите сами?» – спрашиваете вы у матери? «Да у меня было мало молока». – «Сколько же дней прошло после родов?» Вам отвечают: «5, 6 или 7» ... «А вы применяли что-либо, чтобы увеличить количество молока? Откуда вы знаете, что у вас молока мало? Почему вы не прибегли к смешанному кормлению?» – и тому подобными вопросами закидываете вы мать. Из ответов вам делается ясным, что больших попыток к продолжению*

¹⁶⁵⁷ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 353.

¹⁶⁵⁸ Жук В.Н. Мать и дитя. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 805.

кормления матерью не делалось, и, когда ребенок несколько дней кричал (быть может, вовсе не от голода, а от колик), и мать заявила, что у нее молока мало, к тому же она нервна и малокровна, акушерка после некоторых попыток, а то и без них, забинтовала ей груди и перевела ребенка на грудь кормилицы...»¹⁶⁵⁹.

Одной из причин недостаточности молока была излишняя худоба дворянок, в особенности из аристократических слоев. Во многом значительная потеря веса родильницы могла быть вызвана той диетой, которую прописывали врачи и акушерки. Питание молодой матери было чрезмерно скудным, состоящим из нежирной, жидкой, кашеобразной пищи. В связи с этим многие матери физиологически не могли самостоятельно вскармливать своих малышей. Лишь в конце XIX века отечественные врачи стали доказывать вредные последствия такого подхода, убеждая вводить в рацион родильниц больше белковых и углеводных продуктов.

Нередко дворянки, вопреки своему желанию, вынуждены были отказываться от лактации. Существенными причинами являлись физиология женского бюста и длительность послеродового восстановления. Из дневников Николая II известно, что Александра Федоровна долго мучилась, пытаясь наладить самостоятельное грудное вскармливание. Новорожденная отказывалась брать грудь, в связи с чем пришлось звать кормилицу¹⁶⁶⁰. Ее современница, провинциальная дворянка, несмотря на страстное желание, также вынуждена была отказаться от самостоятельного кормления по причине длительного послеродового восстановления и совершенной неготовности к этой телесной практике. В отсутствие профессиональной помощи опыты по кормлению превращались в настоящую пытку. *«Кормить я не могла, грудь акушерка мне не приготовила, за 3 дня сделались ранки на сосках, и я, больная, не могла выдержать эту боль»*¹⁶⁶¹, – писала молодая мать.

Зачастую вследствие ношения тугих корсетов у дворянок наблюдалось такое физиологическое явление, как впалость сосков (*«негодные соски»*), что становилось существенным препятствием на пути грудного вскармливания. В

¹⁶⁵⁹ Скловский Е.Л. К вопросу о борьбе с детской смертностью. Киев: Тип. т-ва Н.А. Гирич, 1906. С. 2-3.

¹⁶⁶⁰ Дневник императора Николая II. Берлин: Слово, 1923. С. 112.

¹⁶⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

учебниках по акушерству врачам рекомендовалось непременно проводить осмотр грудных желез у беременных женщин, дабы определить возможность самостоятельного вскармливания еще до рождения дитя. *«Сосок должен выступать над поверхностью грудной железы; плоские, а особенно вдавленные внутрь соски не пригодны для вскармливания ребенка»*¹⁶⁶², – писал профессор акушерства Н.И. Побединский. В редких случаях врачи могли рекомендовать аристократкам использовать оловянные колпачки.

«Родильная горячка», маститы, трещины сосков (*«изъязвление сосков»*), всевозможные инфекционные заболевания также приводили к отказу женщин от самостоятельного кормления. В этом случае врачи рекомендовали женщинам прекратить эксперименты и искать кормилицу. *«У матери была наемная кормилица, так как врачи запретили матери кормить своих детей грудью»*, – вспоминал Н.З. Краевский¹⁶⁶³. Провинциальная дворянка в письмах к родственнице подчеркивала: *«Я взяла кормилицу, самой мне действительно нельзя кормить»*¹⁶⁶⁴. Со временем число инфекционных заболеваний, которые прежде считались запретными для кормления (например, ангина, тиф, ревматизм), сужалось. К болезням, однозначно препятствовавшим кормлению, относили туберкулез, тяжелые заболевания сердца, почек. Среди существенных причин для отказа специалисты называли чахотку, «падучую болезнь» (эпилепсию), душевные болезни.

Отказ от самостоятельного грудного вскармливания был также продиктован многочисленными родами, которые приводили к истощению женского организма. Дворянки, самостоятельно кормившие первых детей, нередко впоследствии отказывались от этого. А.А. Знаменская, ожидая восьмого ребенка, писала: *«Я решила, что не буду кормить сама ожидаемого ребенка. Возьму кормилицу, так как чувствую настоятельную потребность в отдыхе»*¹⁶⁶⁵. Мать в письме к дочери, положительно отзываясь о ее предыдущем опыте самостоятельного кормления (*«выкормила девочку»*), отмечала, что при ее теперешнем здоровье *«грешно»* и *«неблагоразумно»* даже думать о материнском

¹⁶⁶² Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1915. С. 47.

¹⁶⁶³ СМЗ КП 30397/1. Л. 2.

¹⁶⁶⁴ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30.

¹⁶⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 50об.

вскармливания¹⁶⁶⁶. Мать советовала дочери «отдохнуть», а последующих детей вновь начать кормить самостоятельно. Таким образом, общая слабость женского организма становилась одной из существенных причин отказа от материнского кормления.

Встречались случаи, когда, напротив, первых детей дворянки доверяли вскармливать кормилице, а последующих кормили самостоятельно. Графиня П.С. Уварова для первенца нанимала кормилицу, в то время как второго ребенка «кормила... сама, справляясь с делом отлично»¹⁶⁶⁷. Известная детская писательница Клавдия Лукашевич, вспоминая свое детство, также указывала на то, что ее выкормила «няня из бутылочки», а младшую сестру мать уже самостоятельно кормила¹⁶⁶⁸. Данный факт мог быть продиктован «тяжелым опытом» общения с кормилицами, а также отсутствием достаточных средств для найма. Очевидно, что существенной причиной перехода к самостоятельному грудному вскармливанию было культивирование в общественном сознании образа «сознательной матери». Грудное вскармливание все чаще становилось самостоятельным выбором дворянки.

Однако складывалась парадоксальная ситуация. Несмотря на то что большинство дам соглашалось с необходимостью материнского кормления, «кормиличный промысел» не шел на убыль. Напротив, с начала XX века наблюдалось значительное повышение спроса на услуги кормилиц. Врач В.П. Герасимович писал: *«Деятельная пропаганда детских врачей, настаивающая на долге каждой матери не лишать младенца своей груди, мало принесла еще результатов; спрос на кормилиц растет, и этот так называемый «кормиличный промысел» развивается все шире»*¹⁶⁶⁹.

Дворянки приспосабливались к менявшимся запросам, предъявляемым обществом к «истинной матери». Они не спешили отказываться от привилегии не кормить грудью, для многих из них эта обязанность была чрезмерно

¹⁶⁶⁶ ГАСО. Ф. 201. Д. 34. Л. 11об, 12.

¹⁶⁶⁷ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 60.

¹⁶⁶⁸ Лукашевич К.В. Мое милое детство: Автобиографическая повесть к моим читателям. М.: Сибирская благовонница, 2011. С. 8.

¹⁶⁶⁹ Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регуляции // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 469-470.

обременительной. Однако они уже не могли признаться в этом открыто даже на страницах собственных дневников. Дворянки, в особенности проживавшие в городе, стремились научно обосновать свой отказ посредством получения столь необходимых врачебных заключений о невозможности самостоятельного грудного кормления. Диагнозы докторов нередко были надуманными, но они снимали ответственность с матерей, вызывая скорее не осуждение, а сочувствие в их адрес.

Доктор Д.М. Глаголев отмечал, что в большинстве из встречавшихся в его практике случаев кормилицы нанимались не по причинам, связанными с состоянием здоровья матери, а из нежелания молодых дворянок *«закабалить себя на целый год дома»*. Он утверждал, что страх перед невозможностью выезжать к гостям, посещать театры, «вечера» вставал на пути самостоятельного вскармливания собственных детей. Кроме этого врач, как и многие из его коллег, подчеркивал, что кормление ребенка для дворянок воспринималось в качестве чрезмерно «хлопотного дела», которое было обременено постоянной близостью с ним, необходимостью вставать ночью, наносило урон красоте женского бюста. В конечном итоге, многие дворянки, по мнению врача, делали выбор в пользу кормилицы и беззаботной спокойной жизни¹⁶⁷⁰.

В документах личного происхождения присутствуют указания на нестандартную для сегодняшнего дня причину, по которой врачи запрещали самостоятельное грудное вскармливание, – *«порчу молока»*. Данное понятие условное, не всегда соответствовавшее реальному положению дел. Дореволюционные врачи выделяли различные основания для установления диагноза: *«плохие нервы»*, *«истощение сил»*, *«слабость организма»* матери, а также половые отношения во время кормления и начавшиеся регулы. Подобные объяснения могли быть предъявлены вследствие низкой компетентности врачей и акушеров в вопросах грудного вскармливания. Л. Селикова в письме отмечала, что ее постродовой период отличался повышенной раздражительностью (вероятно, имела место послеродовая депрессия), и врачи рекомендовали ей отказаться от лактации (*«При всем этом кормить ребенка было бы для него вредно»*)¹⁶⁷¹. М.А. Бекетова также указывала на любопытную причину отказа своей родственницы:

¹⁶⁷⁰ Глаголев Д.М. К вопросу о кормилицах. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1896. С. 2.

¹⁶⁷¹ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30.

*«Она заболела от горя, плакала, томилась и должна была прекратить кормление ребенка, потому что у нее испортилось молоко»¹⁶⁷². Несмотря на развитие медицинской науки, в начале XX века даже врачи считали, что «душевные расстройства» портят молоко, в результате чего оно становится вредным для младенца. Среди называемых причин были неявные и вполне надуманные. Врач Н. Миллер считал, что существенным основанием для отказа от лактации является *«отвращение ребенка к материнскому молоку»¹⁶⁷³*. Между тем известные популяризаторы грудного вскармливания В.Н. Жук, И.К. Стржельбицкий были убеждены в том, что «плохое молоко» может быть только в том случае, если ребенок не прибавляет в весе или худеет¹⁶⁷⁴. Других «доказательств» они не приводили.*

Очевидно, что в большинстве приводимых случаев дворянки пытались найти научное оправдание своему нежеланию налаживать лактацию. В соответствии с этим ответственность за их отказ перекладывалась с самих женщин на врачей или членов семьи. Об этой уловке женщин-аристократок писал еще Ж.Ж. Руссо в своем известном произведении *«Эмиль, или О воспитании»*. Он был уверен в надуманности большинства отказов: *«Я видел не раз мелкие уловки молодых женщин, которые прикидываются желающими кормить детей своих. Они умеют так устроить, чтоб их поторопили отказаться от этой прихоти: они ловко впутывают в дело супругов, врачей, особенно матерей. Муж, осмелившийся согласиться, чтоб его жена кормила своего ребенка, был бы пропащим человеком, его принимали бы за убийцу, который хочет отделаться от жены»¹⁶⁷⁵*. Е.И. Конради сравнивала ситуации, часто возникавшие в связи с решением вопроса о вскармливании ребенка, с «фарсом». По мнению известной публицистки, разделявшей феминистские взгляды, вначале мать-дворянка заявляла о страдании «малокровием» и «нервами», что она бы не против, но ей крайне вредно будет самой кормить ребенка. Ей вторил доктор, который добавлял, что мать не имеет права рисковать собой, она должна беречь силы, которые ей пригодятся для воспитания дитя. Муж соглашался со всеми доводами врача, энергично

¹⁶⁷² Бекетова М.А. Шахмотово. Семейная хроника. Л.: Петроград, 1930.

¹⁶⁷³ Миллер Н. Женское молоко и выбор кормилиц. М.: Изд. тип. А.А. Карцева, 1888. С. 163.

¹⁶⁷⁴ Жук В.Н. Почему многие матери не кормят грудью детей? // Акушерка. Кн. 6. № 11-12. С. 184.

¹⁶⁷⁵ Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Педагогические сочинения: в 2-х т. / Ред. Г.Н. Джибладзе. Т. 2. Кн. 1. М.: Педагогика, 1981.

поддерживая жену. Затем он направлялся на поиски кормилицы. В личной переписке, на страницах дневников дворянки старались особо отметить, что им «действительно» нельзя самим кормить грудью, при этом выражая сожаление данному факту. Все та же Е.И. Конради, характеризуя поведение матерей-дворянок 1870-х годов, писала: *«Если послушать маменек, которые нанимают к своим детям кормилиц, то... ни одна... не сознается вам, что она взяла кормилицу просто потому, что нашла это более удобным для себя; нет, она не перестает сокрушаться о том, что не может кормить сама... следует подробный перечень всех физических невозможностей, заставивших ее отказаться от исполнения такого отрадного долга»*¹⁶⁷⁶.

Даже на страницах художественных произведений отражались случаи неудачных попыток дворянок самостоятельного кормления. Собрав якобы доказательства о плохом молоке, дворянка получала необходимый совет доктора брать кормилицу. В «Крейцеровой сонате» Позднышев со злостью повествовал о заключениях таких докторов: *«Доктора эти, которые цинически раздевали и ощупывали ее везде, за что я должен был их благодарить и платить им деньги, – доктора эти милые нашли, что она не должна кормить, и она на первое время лишена была того единственного средства, которое могло избавить ее от кокетства»*¹⁶⁷⁷. Основываясь на личном опыте, популярная в начале XX века писательница Н.А. Лухманова в рассказе «В отцов» описывала безосновательный запрет врача на материнское вскармливание: *«Ни просьбы, ни слезы Наташи не помогли: доктор поддержал вполне Степана Прохоровича, и Наташе не позволено было кормить»*¹⁶⁷⁸.

Современницы сообщали, что нередко беременные дамы заранее «подговаривали» своих докторов, дабы они вынесли вердикт о невозможности грудного вскармливания. Эти случаи являются прямым доказательством того, что, вопреки популярности идей самостоятельного кормления грудью, для многих дворянок этот опыт был нежеланным.

Таким образом, главными причинами отказа дворянок от самостоятельного грудного вскармливания были физиологические, анатомические проблемы и

¹⁶⁷⁶ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 346.

¹⁶⁷⁷ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М.: Худ. лит., 1965. С. 187.

¹⁶⁷⁸ Лухманова Н.А. Тринадцать рассказов. СПб: М.В. Попов, 1901. С. 213.

заболевания; отсутствие компетентной врачебной помощи; нежелание самой матери. Несмотря на увещания врачей, дворянки не спешили отказываться от найма кормилицы. Данная телесная практика была чрезвычайно тяжелой даже для тех, кто относил себя к «сознательным матерям».

При отказе от материнского вскармливания врачи прописывали дворянкам особую диету, следствием которой должно было стать снижение лактации. Женщины употребляли слабительные средства (английскую и Глауберову соль) для скорейшей остановки отделения молока. Считалось также, что они способны вывести молоко из материнского тела. Традиционной практикой являлось бинтование груди. Дворянки накладывали тугие повязки, сжимавшие грудь, что в скором времени приводило к прекращению лактации. В ходу были примочки и припарки, пропитанные вяжущим раствором. В начале века на российском рынке появились «грудные насосы» (прототипы современных молокоотсосов), которые могли существенно облегчить положение женщины, не желавшей самостоятельно вскармливать ребенка. В женских дневниках присутствуют упоминания о специальных «машинках», помогавших сцеживать молоко¹⁶⁷⁹.

5.2.4. Мать и кормилица: проблемы взаимодействия и статусно-ролевые паттерны

В случае отказа от самостоятельного грудного вскармливания дворянки прибегали к услугам кормилиц. Нередко в автобиографической литературе их называли «мамками». Е.И. Конради иронично именовала кормилиц «двуногими коровами», а вскармливаемых ими детей – «выкормышами». Отношение к «мамкам» со стороны врачебного сообщества было противоречивым. С одной стороны, они называли «кормиличный промысел» безнравственным. Но, с другой стороны, те же врачи, в случае отказа матери от самостоятельного грудного вскармливания, признавали, что лучшей заменой материнского молока является молоко кормилицы¹⁶⁸⁰.

После того как во врачебной среде возникло движение борьбы с детской смертностью, в адрес нанимателей кормилиц посыпалась острая критика. Их обвиняли в нравственной и социальной перверсии. Матерям-дворянкам ставили в

¹⁶⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 5об.

¹⁶⁸⁰ Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901. С. 23.

вину гибель детей кормилиц, которых те вынужденно оставляли для заработка. В частности, об этом писал врач С.Ф. Воюцкий. Из 88 опрошенных им женщин дети умерли у 72. Его удивлял тот факт, что интеллигентные, нравственно и эстетические развитые дамы пренебрежительно относятся к детям нанятых кормилиц, считая их смерть естественным явлением¹⁶⁸¹. «Кормиличный промысел» называли «жестоким обычаем». В.П. Герасимович сравнивал его с проституцией, в связи с тем, что *«предметом торга, купли и продажи является самое светлое человечества – материнская любовь и право ребенка на мать»*¹⁶⁸². По мнению женщины-врача З.О. Мичник, вопрос о кормилицах в России достиг своей остроты и требует *«сознательной и планомерной борьбы»*¹⁶⁸³. Она полагала, что наем кормилицы может быть оправдан только в том случае, если она поступала в услужение вместе со своим собственным дитем, к чему и призывала женщин из интеллигентного класса.

Следует отметить любопытную тенденцию. Вопреки общественной критике с середины XIX века «кормиличный промысел» приобрел самое широкое распространение. Практика использования кормилицы для грудных детей перешла и в другие, более или менее обеспеченные семьи (купеческие, мещанские и даже крестьянские). Дореволюционный врач писал: *«Теперь чуть ли не всякая относительно достаточная семья, – чиновника, получающего 1500–2000 рублей жалования, более или менее зажиточного купца, – не обходятся без кормилиц, раз имеют детей»*¹⁶⁸⁴. В то же время количество дворянок, прибегавших к услугам кормилиц, уменьшалось. Невозможно сослаться на абсолютные цифры за отсутствием соответствующей статистики. Однако женские дневники, письма свидетельствуют, что все большее число дворянок по сравнению с их предшественницами отказывались от кормилиц в пользу самостоятельного кормления или прибегали к использованию искусственного вскармливания.

Несмотря на осуждение «кормиличного промысла», врачи признавали, что его невозможно запретить из-за особенностей социально-экономического строя,

¹⁶⁸¹ Воюцкий С.Ф. Жестокое обычай // Врач. № 19. С. 546.

¹⁶⁸² Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регуляции // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 471.

¹⁶⁸³ Мичник З.О. Об естественном и искусственном вскармливании грудных детей // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 2. С. 47.

¹⁶⁸⁴ Цит по: Колганова Е. Смертельное молоко // Родина. 2010. № 7. С. 146-148.

выраженного в существовании резкой разницы в материальном обеспечении различных социальных групп. Они предлагали не запрещать, а законодательно регламентировать деятельность кормилиц. В сложных условиях военного времени врач В.П. Герасимович, прежде критиковавший «кормиличный промысел», разработал проект, призванный регулировать наем кормилицы. Врач полагал, что государство должно обеспечить три важных условия: 1) взять под свою защиту ребенка кормилицы; 2) оградить ребенка нанимателей от заражения кормилицей; 3) оградить и кормилицу от заражения от вскармливаемого ребенка. Он полагал, что этически правильным было бы разрешить нанимать кормилицу только в том случае, если ее собственному ребенку исполнилось полгода. Этот срок, по мнению врача, мог быть снижен до 1,5 месяцев, если кормилица принимается на работу с собственным ребенком¹⁶⁸⁵.

Найти хорошую кормилицу было делом не всегда простым даже для семей вполне состоятельных. Если в крепостнической России помещики имели возможность выбрать действительно наилучшую по необходимым качествам женщину (как правило, из своих крепостных), так как лично знали потенциальных кормилиц, то в пореформенной России «кормиличное ремесло» приобрело характер товарно-денежных отношений. Наниматель зачастую не был застрахован от недоброкачественных услуг, в связи с чем поиск кормилицы превращался в тяжелое, нервное мероприятие для всех членов семьи.

Подыскивать кормилиц начинали заранее (как правило, на последних месяцах беременности). Их подбирали с большой осторожностью из крестьянской, реже мещанской среды. Одним из важнейших свойств потенциальной кормилицы был достаток молока. Наилучшим свидетельством качества кормилиц являлось состояние здоровья малыша, а также характер его физиологического развития: достаточные прибавки в весе и росте, прорезывание зубов без значительных задержек, хороший цвет кожи, стул и сон ребенка. На второй план отходили все иные характеристики. Например, мать-дворянка описывала внешне неприятную кормилицу – некрасивую, малорослую, называя ее «бракованной». Однако нанимаемая женщина имела главное достоинство – огромный запас «превосходного

¹⁶⁸⁵ Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регуляции // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 483-484.

молока»¹⁶⁸⁶. Кормилица другого семейства описывалась как чрезмерно бледная, без передних зубов. Но после длительных поисков выбор остановился именно на ней, так как она располагала достаточным количеством молока¹⁶⁸⁷. Внешний вид кормилицы, ее нравственные качества, интеллектуальные способности зачастую играли незначительную роль для нанимателей.

«Сознательные родители» настолько внимательно подходили к выбору кормилицы, что прибегали к помощи лабораторной диагностики, которая стала доступна для столичных жителей. В частности, Анатолий Викторович Половцов специально отправлял пробы грудного молока потенциальных кормилиц в Аничкову аптеку М. Юргенса для установления степени его жирности. В заключении одного из проведенных исследований значилось: *«Исследование женского молока за № 7686. Удельный вес 1,0328. Содержание жира 3,56%. Определено по способу Гайдлена. В нормальном молоке удельный вес 1,030–1,033. Содержание жира 2,0–3,5%»*¹⁶⁸⁸. Установив, что молоко жирное, родители просили кормилицу перед каждым кормлением сцеживаться, чтобы в пищу ребенка не попадало самое жирное молоко.

В связи с распространением в русской деревне сифилиса врачи настоятельно рекомендовали, прежде чем брать кормилицу, обследовать ее у доктора¹⁶⁸⁹. Доктор Черногоубов, исследовав 845 женщин Московского бюро для найма кормилиц, пришел к заключению, что у *«6% оказалось имеющими явные признаки сифилиса, а у 120 можно было подозревать его в скрытом периоде»*¹⁶⁹⁰. Врачи настаивали на необходимости проведения основательного осмотра, в том числе гинекологического. Врач М. Манасейна критиковала производимые осмотры *«через платье»* кормилицы, указывая, что это бесполезное занятие. Она убеждала потенциальных нанимателей кормилицы показывать ее гинекологу, который должен внимательно исследовать половые органы женщины при помощи зеркал, *«во избежание сифилитического заражения»*¹⁶⁹¹. Некоторые доктора

¹⁶⁸⁶ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

¹⁶⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 1.

¹⁶⁸⁸ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9. Л. 31.

¹⁶⁸⁹ Якубович В. Показанию к взятию кормилицы и правила ее выбора // На помощь матерям. 1894. № 7. С. 293–298.

¹⁶⁹⁰ Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регулировки // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 476.

¹⁶⁹¹ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. С. 107.

рекомендовали нанимателям проводить лабораторное исследование крови кормилицы на реакцию Вассермана.

«Уложение о наказаниях» 1885 года содержало нормы, предполагавшие уголовное наказание для кормилиц, заведомо знавших о своей болезни и заразивших ребенка. Максимально возможным наказанием был арест на 8 месяцев. Однако доказать факт преднамеренного заражения было чрезвычайно сложно. Одним из исключительных случаев явилось дело московского инженера Фалеева, который подал в суд на крестьянку Марию Горбунову, которая, будучи кормилицей их ребенка, заразила его сифилисом¹⁶⁹². Следствие представило нелицеприятные картины «кормиличного промысла»: несоблюдение кормящими женщинами элементарных правил гигиены и аморальность их поведения. В то же время потенциальные кормилицы никак не были защищены от заражения со стороны своих нанимателей, от которых не требовалось никаких справок о состоянии здоровья ребенка и членов семьи. Несмотря на появление случаев венерических заболеваний среди дворянства, считалось, что интеллигентные классы априори не имеют данного порока, так как «более развиты». О существовании двойных стандартов в этой области писал известный врач, публицист Д.Н. Жбанков: *«Меня всегда поражала такая чудовищная несправедливость: имущим классам разрешается, даже узаконивается, требование врачебного свидетельства от прислуги и кормилиц, а сами хозяева и их больные дети могут безнаказанно заражать, например, кормилиц!»*¹⁶⁹³.

Помимо достатка молока, хорошего здоровья, идеальная кормилица должна была *«как можно более походить на мать ребенка»*¹⁶⁹⁴. Что означало столь странное требование? Дворянки были убеждены: сходство, даже внешнее, «мамки» с родной матерью ребенка благоприятно отразится на младенце. Большую роль играл и срок родов кормилицы, он должен был быть максимально приближенным к дате рождения ребенка в хозяйской семье. Е.И. Конради так описывала основные требования, предъявлявшиеся к «мамке»: *«Нужно, чтобы она была чернобровая и*

¹⁶⁹² ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 20. Д. 491. Л. 88об, 95об; ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 20. Д. 490. Л. 63-64, 77об; ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 20. Д. 493. Л. 48об; ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 20. Д. 494. Л. 68; ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 20. Д. 495. Л. 32об.

¹⁶⁹³ Цит по: Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 214.

¹⁶⁹⁴ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. С. 107.

*полногрудая, не худая и не жирная, не слишком молодая и не слишком старая... В довершение всех достоинств – хронологическое: сама кормилица родила всего два месяца тому назад, – значит, молоко ее как раз подходит к новорожденному»*¹⁶⁹⁵. Просвещенным по медицинской части матерям было хорошо известно, что молоко женщины, родившей полгода назад, опасно для новорожденного из-за разницы в составе и жирности. Найти мать, чьи роды совпадали бы с датой рождения ребенка в нанимаемой семье, было невероятно сложно. В связи с этим врачи рекомендовали родителям следить за тем, чтобы перед кормлением кормилица сцеживала молоко, дабы уменьшить его жирность¹⁶⁹⁶. Нередко родители опасались чрезмерно крутого нрава, невежественности нанимаемых женщин, так как считалось, что эти качества окажут негативное влияние на характер и умственные способности ребенка. Состоятельные родители могли позволить себе обращать внимание на темперамент, внешние данные (телосложение, рост, цвет волос и глаз) кормилиц. Наилучшим для нее считался возраст 20–35 лет.

Когда удовлетворить столь высокие требования было невозможно, наниматели выдвигали в основном требования физиологического характера: хорошее телосложение, отсутствие таких заболеваний в анамнезе, как золотуха, малокровие, бугорчатка, сифилис, хорошие зубы и глаза, отсутствие опухолей желез¹⁶⁹⁷. М.В. Сабашникова, вспоминая кормилицу, подчеркивала ее крепкий и здоровый вид: *«Ее здоровое крепкое тело, казалось, излучало силы жизни»*.¹⁶⁹⁸ При выборе кормилицы врачи рекомендовали тщательно осмотреть состояние ее кожи. Чистые, лишенные бледности кожные покровы считались свидетельством хорошего здоровья кормилицы, которое являлось основной гарантией качественного грудного молока¹⁶⁹⁹.

С конца XIX века в дворянские семьи кормилицу все чаще стремились брать вместе с ее собственным ребенком, дабы сохранить душевное спокойствие

¹⁶⁹⁵ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 336.

¹⁶⁹⁶ *«А.Е. предписала, чтобы мамка отсасывала машинкой молоко каждый раз перед кормлением, чтобы Бори не попадало слишком жирное молоко, так как он все-таки на 3–4 недели моложе сына мамки»* (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 5об).

¹⁶⁹⁷ Первый женский календарь на 1899 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб.: Труд, 1899. С. 75; Первый женский календарь на 1902 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб.: Труд, 1902. С. 329.

¹⁶⁹⁸ Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 10.

¹⁶⁹⁹ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 24об; Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 54.

матери. Графиня П.С. Уварова писала о кормилице: «...пока оставляем ее ребенка, черноглазого и чернобрового»¹⁷⁰⁰. Врачи настойчиво рекомендовали не разлучать потенциальных кормилиц с их собственными детьми, так как это могло негативно сказаться на количестве и качестве материнского молока. Они приводили пугающие свидетельства того, как разлучение кормилицы с ее собственным ребенком или же его смерть приводили к гибели вскармливаемого ребенка. *«Известны случаи, где, вследствие испуга, гнева или горести матери, у ребенка делались судороги, оканчивающиеся иногда смертью»*¹⁷⁰¹, – отмечала женщина-врач. Даже в императорскую семью Николая II кормилиц предпочитали брать с их детьми. Известно, что крестьянка Ксения Воронцова, вскармливавшая первую дочь Александры Федоровны, поступила на услужение с собственным новорожденным, который нередко брал грудь у самой императрицы¹⁷⁰².

Кроме этого, для многих «сознательных матерей» важна была этическая сторона вопроса, которая стала активно обсуждаться в профессиональном сообществе. В частности, Е.И. Конради писала: *«Беря кормилицу для своего ребенка, вы тем самым, отнимаете мать у другого ребенка и, в большинстве случаев, покупаете жизнь и здоровье своего детища ценою смерти другого маленького существа»*¹⁷⁰³. Об этой ситуации она знала не понаслышке. Ее личный опыт общения с первой кормилицей был неудачен. Проработав два месяца, кормилица «затосковала» по своему ребенку, несмотря на то что он находился в «десяти минутах ходьбы». В итоге кормилица отказалась от своего промысла, возвратившись к родному дитя. Врачи настоятельно советовали брать кормилицу вместе с ее родным ребенком, указывая на то, что *«кормилицу, любящую своего ребенка, всегда будет преследовать мысль об этом своем ребенке, отнятом от ее груди для вскармливания другого»*¹⁷⁰⁴. Подобные случаи были не редкостью. Л. Зиновьева-Аннибал в 1889 году в «Северном вестнике» (под фамилией Шварсалон) опубликовала один из своих первых рассказов – «Неизбежное зло». В нем она

¹⁷⁰⁰ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 54.

¹⁷⁰¹ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Третья, 1870. С. 107.

¹⁷⁰² Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Изд. Центрполиграф, 2010. С. 55.

¹⁷⁰³ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 342.

¹⁷⁰⁴ Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901. С. 24.

описала драматизм «кормиличного промысла». Главная героиня рассказа крестьянка Авдотья была вынуждена вскармливать барского ребенка, в то время как ее собственный малыш умирал¹⁷⁰⁵. В литературе и личной переписке встречались достаточно циничные советы брать в кормилицы женщину, чей ребенок умер, чтобы у матери не было нужды разрываться между своим и чужим ребенком.

В связи с осложнением самостоятельных поисков кормилиц, в столице и провинции получили распространение частные конторы, предоставлявшие на выбор кормилиц или осуществлявшие их поиск по заявленным нанимателями требованиям¹⁷⁰⁶. Одним из первых частных учреждений по прииску кормилиц в России стало «Пристанище для кормилиц», основанное в 1840 году в Москве хирургом Вендерихом. О популярности данных учреждений свидетельствовал тот факт, что кормилиц к рожденному наследнику Алексею в семье Николая II подбирала акушерка Софья Сергеевна Защегринская, содержательница «Приюта кормилиц и грудных детей» в Петербурге. Она посетила более 100 деревень в Тверской губернии. Отобранные ею крестьянки подверглись тщательному осмотру лучших акушеров и педиатров (лейб-педиатром И. Коровиным и лейб-акушером Д.О. Оттом). Окончательное решение о приеме кормилиц было принято после сдачи ими анализов мочи и молока¹⁷⁰⁷.

К концу XIX века в столичных городах появилось достаточное количество частных контор, специализировавшихся на «кормиличном промысле». В Санкт-Петербурге, например, действовали «бюро кормилиц», которые в среднем за 10 рублей оказывали соответствующие услуги. Зачастую цена нанимаемых женщин оборачивалась в несколько раз дороже заявленной суммы, так как потенциальные кормилицы могли запросить добавочную плату в виде сарафанов, рубашек, передников и полотенец, ссылаясь на то, что они не располагают чистой новой одеждой. Приюты для кормилиц предлагали услугу вскармливания ребенка в стенах заведения в среднем за 30 рублей в месяц. «Мамку» можно было взять на короткое время, вплоть до нескольких часов. Нередко ее нанимали на время

¹⁷⁰⁵ Шварсалон Л. Неизбежное зло // Северный вестник. 1889. № 8. С. 111-138.

¹⁷⁰⁶ Правила для приютов кормилиц и для вскармливания и воспитания грудных детей // Медицинский департамент. Циркуляры. 1870–1899 гг. 2-е делопроизводство. СПб., б/г.

¹⁷⁰⁷ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 53.

отъезда или болезни кормящей матери¹⁷⁰⁸. При этом именно частные конторы выступали гарантом здоровья и добросовестности своего персонала. В Москве в 1881 году было основано «*Бюро для осмотра кормилиц*», при котором врачи скрупулезно проверяли верхнюю и нижнюю части женщин, их слизистые, лимфатические узлы и проч. Тщательный осмотр потенциальных кормилиц показывал, что только четверть из них была вполне здорова и могла заниматься соответствующим промыслом. В провинции кормилиц могли предоставлять частнопрактикующие акушерки, частные родильные приюты, родильные отделения при земских больницах.

Частные заведения, предоставлявшие услуги кормилиц, как правило, содержались акушерками. Они имели сеть «вербовщиков», в обязанности которых входило разыскивать матерей, готовых поступить на услужение. Среди мест приискания потенциальных кормилиц были близлежащие деревни, родильные отделения. Особенно ценились женщины, чей новорожденный погибал, так как в этом случае они могли свободно исполнять свои функции. Популярность «кормиличного промысла» приводила к появлению профессиональных кормилиц, поведение которых выходило за рамки нравственного. Е.И. Конради описывая «мамку», взятую из Воспитательного дома, отмечала, что она бесконечно рожала и беременела только ради того, чтобы поступить кормилицей к состоятельным нанимателям. При этом никто толком не знал о судьбе рожденных ею детей¹⁷⁰⁹.

Выбор клиентами кормилиц мог сопровождаться циничными действиями. Женщину рассматривали как «товар», поэтому иногда процесс выбора напоминал покупку коровы или другой домашней скотины. В частных конторах была распространена практика, когда перед клиентами, решившими воспользоваться услугами кормилиц, выстраивали женщин, которым оголяли грудь, при этом клиентам разрешалось «ощупать» потенциальных кормилиц. Владелица приюта демонстрировала напор грудного молока, его цвет и прочие характеристики. Часто выбирать кормилицу приглашали специалистов. В семье Половцовых, например, кормилицу «приискивал» знакомый врач: «*Взята мамка Анна Михайловна*

¹⁷⁰⁸ Линд М.В. Мои записки / Публ. Н.М. Линд-Прохоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. С. 597-649. [Т. XII]. С. 604.

¹⁷⁰⁹ Конради Е.И. Исповедь матери / Сочинения в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 355.

Комарова. Выбрала ее А.Е. Попова, утром в заведении Мейзер»¹⁷¹⁰. В данном случае семейный врач выступал в роли независимого эксперта, который являлся гарантом качества приобретенного «товара».

Частные бюро являлись также посредниками между сторонами в случае возникновения споров и конфликтных ситуаций. Именно частные учреждения стали вводить в практику сбор рекомендаций на каждую кормилицу от предыдущих нанимателей. Рекомендации, а также сроки работы записывались в особые книжки, которые кормилицы предъявляли при поступлении на новое место работы. Длительное время «кормиличный промысел» не попадал под юрисдикцию ни одной нормы права. Большое количество частных учреждений, предоставлявших услуги кормилиц, отсутствие единообразия в их деятельности привели к тому, что в 1893 году медицинский департамент издал циркуляр, регламентирующий деятельность частных контор. Содержательницы должны были иметь как минимум звание акушерки или повивальной бабки, получить разрешение на открытие приютов от врачебного управления. Потенциальные кормилицы должны были быть осмотрены городским врачом. Он уделял особое внимание и условиям содержания женщин. Только после этого конторам выдавали специальное свидетельство на право предоставлять соответствующие услуги¹⁷¹¹.

Однако «качество» кормилиц, предлагаемых частными акушерками, врачи нередко критиковали. В частности, врач В.Н. Жук в своей известной работе по уходу за детьми, опираясь на собственный опыт, так описал процесс подбора акушерками потенциальных кормилиц: *«Содержательница приюта бежит по родильным домам, городским приютам и выбирает там для себя подходящих женщин, соблазняя неопытных цветным с позументами сарафаном. Затем, когда родильница выпишется, ее отправляют в какой-нибудь угол... Известные часы она должна была проводить в приюте, где ее немного приличнее одевают, поят жидким чаем и кормят овсянкой. Если своего ребенка она отправила, то ей дают по очереди чужих детей, чтобы молоко не пропало. Таким образом, собирается на показ 5–6 и более приходящих кормилиц. Здесь, в этой школе, неопытная научается от товарок житейской мудрости. Содержательница приюта держит*

¹⁷¹⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 1.

¹⁷¹¹ Правила для приютов кормилиц и для вскармливания и воспитания грудных детей // Медицинский департамент. Циркуляры. 1870-1899 гг. СПб., С. 1.

у себя одну-двух кормилиц, все же остальные – приходящие, живут по трущобам, вместе с самым подозрительным людом. И этих-то женщин определяют на места, забывая, что каждая из них рискует ежедневно заразиться сифилисом...»¹⁷¹².

Большие сомнения относительно хорошего «качества» кормилиц в специальных учреждениях выражал В.П. Герасимович. Он считал их исключительно коммерческими заведениями, хозяева которых номинально исполняют процедуры по медицинской проверке своего «товара»: *«Женщины подвергаются медицинскому осмотру, часто, впрочем, номинальному: исследуется количество и качество молока... в лучшем случае наблюдение очень поверхностно и кратковременно и, с точки зрения современных требований науки, вовсе не гарантирует здоровья кормилицы, особенно со стороны сифилиса, тем более, что реакция Вассермана большей частью не производится, а ребенок кормилицы, осмотр которого может дать указания на здоровье матери, остается в деревне»¹⁷¹³*. В. Герасимович предлагал, чтобы бюро кормилиц открывались и регламентировались государственными органами власти. Однако власти отказывались принимать участие в поддержке «кормиличного промысла». Так, в 1911 году Московский городской врачебный совет не согласился на устройство образцового приюта для кормилиц, не желая поощрять «безнравственный промысел».

Специалисты рекомендовали матерям неустанно следить за кормилицами: размещать детскую поближе от своей комнаты; проверять их в ночное время, не берут ли они в свою постель дитя; делать неожиданные визиты, дабы предотвратить возможность жестокого обращения с грудничком. В данном случае материнская сознательность проявлялась в качественном наблюдении за кормилицами. Авторы убеждали женщин в том, что ни одна даже самая опытная кормилица не заменит материнского ухода. Мать должна была следить за правильным питанием младенца, отучать кормилиц и нянек от использования сосок, от чрезмерного кутания дитя, проверять, не посещает ли «мамка» питейных мест. Материнский контроль также был призван ограничить сексуальные

¹⁷¹² Жук В.Н. Мать и дитя. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 769.

¹⁷¹³ Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регуляции // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. Стб. 480.

отношения нанятой женщины. В связи с тем, что врачи запрещали половые отношения во время кормления (считалось, что это портит молоко), «сознательные родители» стремились регулировать эту сферу жизни кормилицы. К тому же велика была опасность заражения какой-либо венерической болезнью, которая могла бы с легкостью передаться ребенку. «Сознательные матери» вмешивались в область интимной гигиены нанятого персонала. Много тревог вызывали внезапно начинавшиеся у кормилицы регулы, которые в то время считались противопоказанием для лактации. «Мамки» тщательно скрывали факт наступления менструации, так как опасались увольнения. Показателен случай в семье Половцовых. Ребенок внезапно заболел. Мать заподозрила, что молоко испортилось, решив, что у кормилицы началась менструация. Она незамедлительно удостоверилась в этом, проверив нижние юбки кормилицы: *«Утром у меня промелькнула мысль посмотреть мамино белье, нет ли у нее кровей. Я остолбенела от ужаса, увидав, что мое предположение оправдалось! Итак, у кормилицы регулы и как раз еще во время прорезывания зубов! Страшная вещь! Ребенок может ужасно заболеть»*¹⁷¹⁴. Е.Н. Половцова с сожалением констатировала, что выбор кормилицы был неудачным, так как ее молоко быстро испортилось в связи с наступлением регул¹⁷¹⁵. Поведение матери по отношению к кормилице в данном случае демонстрировало то, что к ней относились не как к полноценной личности (субъекту), а исключительно как к источнику молока (объекту). Даже вопросы сугубо интимные становились предметом для обсуждения ее нанимателей.

К перемене кормилицы прибегали крайне редко. Считалось, что это навредит грудничку, при этом гарантии того, что новая кормилица будет лучше, ни у кого не было. Наниматели могли терпеть и многое позволять кормилицам: несносность характера, употребление бранных слов, бесцеремонность, постоянные запросы в покупке того или другого, дерзость по отношению к нанимателям, другой прислуге и даже вредные привычки. Графиня П.С. Уварова, характеризуя кормилицу, отмечала такие качества, как «ленивость», «вспыльчивость»,

¹⁷¹⁴ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 25.

¹⁷¹⁵ «Да, снова повторяю: наш выбор кормилицы очень неудачен – она очевидно больна, и молоко ее испортилось после того, как появились регулы» (ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 83об).

сварливость¹⁷¹⁶. Е.И. Конради указывала, что кормилица, перешедшая на роль няни, часто пропадала в кабаках¹⁷¹⁷. Смоленский помещик Н.З. Краевский указывал, что кормилица их семейства нередко была в нетрезвом состоянии, родители находили ее в кабаках, несмотря на это, она продолжала кормить ребенка¹⁷¹⁸. Вопреки недовольству поведением кормилиц родители опасались ругаться с ними, так как были убеждены, что ярость, злоба кормящей непременно плохо скажется на малыше.

Любопытной практикой в состоятельных семьях было распределение обязанностей по уходу за ребенком между матерью, кормилицей и няней. Эта область находилась на пересечении традиций, сложившихся в дворянских семьях, и новаций, обусловленных развитием медицинских знаний и формированием идеологии «сознательного материнства». Данная сфера демонстрировала пестроту типов взаимоотношений: от полной передачи всех забот за новорожденным нанятому персоналу, до желания аристократок активно контролировать процесс ухода за ребенком.

Обеспеченные семейства могли прибегать к услугам нескольких кормилиц, дабы гарантировать полноценное питание малышу. Сразу же после появления на свет малыша ему в услужение поступали одновременно кормилица и няня. Графиня П.С. Уварова вспоминала: «...приглашаем немку няньку, принимаем выбранную рекомендованным немцем доктором кормилицу»¹⁷¹⁹. В обязанности кормилицы входило кормление, все остальное возлагалось на плечи няни. Однако это не исключало привлечения кормящей женщины к другим домашним делам. Ей могли вменять в обязанность убирать детскую, выполнять некоторые функции нянечки (гулять с ребенком, укачивать его и др.) и даже заниматься приготовлением пищи. В том случае, если семейный бюджет был ограничен, то супруги отказывались от услуг няни. Сама мать выполняла функции по уходу за новорожденным.

¹⁷¹⁶ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 55.

¹⁷¹⁷ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 356.

¹⁷¹⁸ СМЗ КП 30397/1. Л. 2.

¹⁷¹⁹ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 54.

В тех семьях, где господствовали патриархальные порядки, мать дистанцировалась от новорожденного, всецело препоручая заботы о нем кормилице и няньке. «Сознательные матери» стремились как можно активнее участвовать в уходе за своим чадом, но не всегда были готовы ко всем издержкам материнского труда. В связи с этим наблюдалось любопытное разделение обязанностей между нанятым к ребенку персоналом и матерью. Вопреки своим прогрессивным взглядам на суть материнского воспитания для многих аристократок ночные кормления были непосильной ношей. Поэтому часто молодая мать ночью отдыхала, а к ребенку вставала кормилица. Добросовестность исполнения ею обязанностей могла контролировать няня, которая вставала к плачущему ребенку, поила его, а в случае необходимости будила кормилицу. Сохранились воспоминания престарелой няни, в которых она нелестно отзывалась о кормилицах: *«За кормилицами-то тоже глаза нужны. Душевности в них мало. Проснется ночью-то младенец, станет кричать; вскочит она с постели, да люлькой в стену бац... Нешто долго младенца убить?»*¹⁷²⁰. Встречались ситуации, когда дворянки кормили самостоятельно ребенка, но при нехватке молока на выручку приходила кормилица. Ночью к ребенку могли перемененно вставать или мать, или кормилица. Так, в дневнике графини С.Ф. Вонлярлярской сохранились упоминания об особенностях кормления младенца: *«1 ч. – сосала кормилицу..., 2 ч. 30 мин. – кричала..., 4 ч. – сосала у кормилицы, 6 ч. – кормила графиня»*¹⁷²¹. В дневное время суток мать могла много времени проводить с ребенком, гулять, играть с ним, самостоятельно кормить его. В дворянских семьях со средним и низким достатком к услугам няни прибегали, как правило, тогда, когда потребность в кормилице отпадала.

Нередко кормилица оставалась в семье в качестве няньки. В семействе Половцовых, например, после того, как ребенка отняли от груди, кормилица стала выполнять обязанности второй няньки (помимо нее была взята специальная нянька), контролирующей питание и кормление ребенка¹⁷²². *«Она жила у нас от моего рождения и еще долго после моего выхода замуж»*¹⁷²³, – писала о своей няне

¹⁷²⁰ Холопы (рассказ няни З. Корецкой // Родина. 1914. № 11. С. 169-172.

¹⁷²¹ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 32.

¹⁷²² РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

¹⁷²³ ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

Оля Олохова. Встречались случаи межпоколенного перехода кормилицы на роль няни. Так, молодая дворянка сообщала: *«Няней его была моя кормилица Аннушка, маленькая, бледная женщина с большими голубыми глазами и тонким профилем»*¹⁷²⁴. В подавляющем большинстве случаев матери-дворянки не могли обойтись без няни, оказывающей существенную помощь женщинам в уходе за малолетними детьми.

Личная переписка дворян свидетельствует о том, сколько трудов они прикладывали для поиска достойной няни. Помимо физического и душевного здоровья, она должна была быть компетентна в вопросах ухода за детьми. Большинство нянь опиралось на собственный жизненный опыт, полученный в рамках крестьянской или мещанской семьи. Для многих дворян обхождение с их чадом по примеру обращения с детьми из простонародья было неприемлемым. Княжна Ирина Юсупова сокрушалась при поиске няни: *«Идеальных нянь на свете нет, у каждой есть свои недостатки. Я думаю, что она должна теперь понять, что Бэби гораздо слабее других детей, и что ее нельзя вести по шаблону, а если нет, то придется искать другую, которая, я думаю, все равно лучше не будет»*¹⁷²⁵.

Женщина-врач г-жа Черномордик критично отмечала, что в российских дворянских семьях зачастую нет толком ни матерей, ни нянек. Она настойчиво рекомендовала прекратить брать в качестве нянек *«старых, опытных, которыми не надо было бы уже руководить»*, так как они *«жадны, грязны, косно-невежественны и для своего спокойствия прибегают к разным снадобьям вроде маковой настойки, усыпляющей детей»*¹⁷²⁶. В научно-публицистической литературе того времени содержались разного рода сообщения о жестокостях кормилиц и нянек. Описывались случаи детских смертей и разного рода увечий, причиненных наемным персоналом (смерть по неосторожности, в результате заражения инфекционными болезнями, избиения); сообщалось об использовании «чудовищных» манипуляций с ребенком, среди которых – потирание пениса малыша с целью его быстрее усыпления. Врачи уверяли, что таким образом

¹⁷²⁴ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 174об.

¹⁷²⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2611. Л. 54об.

¹⁷²⁶ Цит по: Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. М.: Д.П. Ефимов, 1904. С. 49.

няни прививают детям страсть к онанизму, которого все так опасались в начале XX века, считая его формой серьезного отклонения.

Если родители с почтением относились к кормилице, то ребенок сильно привязывался к няне, которая зачастую по близости и теплоте общения заменяла мать. В раннем детстве дети сильнее радовались няне, чем родителям, так как с ней они ассоциировали все первые удовольствия, получаемые от жизни (прием пищи, игра, прогулки). Слово «няня» ребенок мог произносить раньше слова «мама», о чем с досадой сообщали матери в своих мемуарах. В связи с этим дворяне всегда очень трепетно относились к бывшим няням. Няня была для них второй мамой.

В то же время медицинская и педагогическая литература настойчиво проповедовала курс на «осознанное материнство». Мать должна была стать активным участником всех процессов, связанных с ее детьми. С распространением идеологии «идеального материнства» многие дворянки с ревностью относились к близкому общению кормилиц, нянь с их ребенком. Так, одна из просвещенных матерей, вычитавшая где-то, что дитя привязывается к источнику его первых наслаждений — к кормилице, практиковала следующее: в то время, когда кормилица исполняла свои обязанности, ей закрывали лицо платком, а мать все время кормления стояла, наклонившись над ним, дабы ее черты лица ассоциировались у грудничка с наслаждением сосанья¹⁷²⁷.

Молодых матерей расстраивал факт привязанности малыша к посторонним лицам, однако обойтись без них женщины не могли. Это становилось причиной сложных эмоциональных переживаний матери-дворянки. Женщины зачастую становились заложницами своего положения. Молодая мать в письме к мужу жаловалась на «тягость» своего существования из-за того, что она не чувствовала полной свободы во взаимоотношениях с первенцем: *«А знаешь, больше всего чем я огорчаюсь? Тем, что Боря совсем не мой. Я мучаюсь, Толя, да, родной мой, это так. Мне все обидно, чтобы мамка ни делала, я все, все исполняла бы сама с наслаждением. Я ужасно этим мучаюсь, Толя»*¹⁷²⁸. Ее волновал тот факт, что ребенок спокойнее себя чувствовал рядом с кормилицей и няней, с ней же он капризничал. Она хотела, что бы сын принадлежал только ей, не желая разделять

¹⁷²⁷ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 341.

¹⁷²⁸ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 645. Л. 71об.

его любовь и привязанность с чужими людьми. Однако полностью посвятить себя заботе о новорожденном женщина не могла себе позволить ввиду крайней усталости.

Труд кормилицы в крестьянской среде считался завидным, так как он гарантировал хорошие условия проживания, отменное питание и доброе расположение хозяев чуть ли не до самой старости. В свою очередь для многих деревенских женщин, а также для бедных горожанок вскармливание детей состоятельных семей могло стать своеобразным социальным лифтом. Оплата труда кормилиц значительно превышала плату за любые другие работы крестьянской женщины. В средней полосе России кормилица получала 60–120 рублей в год, при условии полного содержания. Она обеспечивалась одеждой, все ее запросы в покупке тех или иных вещей, даже украшений («янтарное ожерелье», «парчовый кокошник»), удовлетворялись. В дневниках семейства Половцовых приведено описание типичного поведения кормилицы в первый рабочий день. Екатерина Николаевна сообщала, что после удачного прикладывания ребенка к груди кормилицы в этот же вечер нанятая женщина направилась «*покупать сарафаны*»¹⁷²⁹. Традиция ношения кормилицами сарафанов с кокошниками, вероятнее всего, пошла от царской семьи. С конца XVIII вплоть до 1917 года кормилиц наследников российского престола облачали именно в этот вариант одежды. С 1882 года в столице функционировал магазин, специализирующийся на продажах «*русских платьев для кормилиц*», принадлежавший И.Е. Матвееву, а затем И.Е. Кинееву¹⁷³⁰. Обеспеченные дворянские семьи уделяли особое внимание тому, как выглядели кормилицы. Кормилица могла гулять с младенцем, сопровождать мать с ребенком в различных поездках, выходах, ее внешний вид был показателем благосостояния семьи.

Кормилица питалась с хозяйского стола, ей отводилась самая лучшая и здоровая пища. Статус кормилицы в дворянских семьях был чрезвычайно высоким, особенно в сравнении с другой прислугой. Она занимала одно из самых почетных мест в иерархии домашнего персонала, так как зачастую с ней были связаны

¹⁷²⁹ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 2.

¹⁷³⁰ Магазин русских платьев для кормилиц И.Е. Матвеева. Прейскурант. СПб. Тип. И. Рапопорта. 1892. 4с.

трогательные моменты младенчества дворянского чада, а также от нее во многом зависела жизнь новорожденного.

По окончании срока службы кормилице преподносили дорогой подарок в знак благодарности. К ней относились уважительно, ей оказывали покровительство, не отказывали в личных просьбах даже спустя годы. Образчиком отношений к кормилицам была императорская семья. Например, крестьянка Винницкого уезда Александра Негодова-Крот, кормившая наследника Алексея (сына Николая II) всего лишь три месяца, получила пожизненную пенсию, «приданное» на сумму около 1000 рублей. На протяжении всех последующих лет бывшая кормилица обращалась со всевозможными просьбами, которые спешно удовлетворялись. Современный историк И. Зимин, изучивший новые документы об отношениях членов императорских семей с кормилицами, высказывал предположение, что первая кормилица цесаревича (имел в виду кормилицу А. Негодову-Грот) «эксплуатировала жизненную удачу трех месяцев 1904 года»¹⁷³¹ на протяжении всей жизни.

Для бывших кормилиц всегда были открыты двери нанимателей. Она могла «проведывать» выкормленного ею ребенка, писать поздравительные письма в адрес членов семейства. Зачастую это делалось не из-за привязанности к ребенку, а для того, чтобы сохранить связь с дворянской семьей, которая в случае чего могла бы помочь ей материально или оказанием протекции. Доказательством тому являются многочисленные частные случаи, приведенные на страницах личной переписки. Так, Н. Ширяева, кормилица первых двух детей смоленских дворян Волконских (Софьи и Григория), писала: *«Имею честь поздравить Вас и Ваше уважаемое семейство с Высочоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения... и поздравляю Вас с новорожденной дочерью...»*¹⁷³². Позднее она же обращалась с откровенной просьбой помочь ей материально: *«Осмеливаюсь Вам писать, что у меня нет денег на молоко и сапог нет... в церковь Божью не в чем пойти и не с чем на свечичку. Остаюсь Ваша кормилица, всегда помнящая и молящаяся за вас»*¹⁷³³. Эта просьба и сам характер обращения может показаться

¹⁷³¹ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 57.

¹⁷³² ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 15. Л. 238.

¹⁷³³ Там же. Л. 239.

дерзким со стороны уже бывшей кормилицы. Однако подобные послания считались вполне уместными и были распространены. Не удалось обнаружить ни одного случая, чтобы бывшая кормилица получила отказ в своей просьбе.

Статус кормилицы, даже в прошлом, давал ей возможность рассчитывать на помощь не только той семьи, в которой она выкармливала ребенка, но и в кругу родственников. В письме к кузену князь указывал: *«Сегодня ко мне явилась некая женщина вся в слезах... прося дать ей хоть на дорогу. Она приехала в Москву искать места и, не находя его, голодает теперь. Так как своими показаниями она точно доказала, что она кормилица Павлика, то я дал ей 10 р.»*¹⁷³⁴. С бывшими кормилицами держали связь на протяжении всей жизни «хозяев». За ними надолго закреплялось звание кормилицы, о ней упоминали не иначе, как «*кормилица того-то*». Они, спустя многие годы службы, могли обращаться с просьбами «пристроить» их собственных детей в учебные заведения, на работу или удачное место воинской службы¹⁷³⁵. Так, в прошлом кормилица обращалась к давним работодателям: *«Его взяли из запаса вольноопределяющим... Мать его старая болезненная женщина очень просит Вашу Светлость не можете ли вы перевести его куда-нибудь поближе в Петроград или в Москву»*¹⁷³⁶.

Кормилица становилась в буквальном смысле частью семьи, что позволяло ей на протяжении всей жизни надеяться на патронаж со стороны бывших нанимателей. Мемуаристка М. Башкирцева сообщала, что она, будучи взрослой девушкой, навещала свою первую кормилицу, которая ее кормила всего лишь на протяжении трех месяцев¹⁷³⁷. Даже столь короткий срок гарантировал бывшим кормящим женщинам уважение со стороны членов семьи.

Эмоциональные переживания матери-дворянки второй половины XIX – начала XX века были крайне противоречивыми. Изучение материнских практик, идеологии материнства, озвученной сообществом «экспертов», демонстрирует, что в этот период формировался институт материнства в современном его понимании. Женщины из привилегированного сословия находились в наиболее выгодных

¹⁷³⁴ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 9. Л. 131.

¹⁷³⁵ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.

¹⁷³⁶ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 57об.

¹⁷³⁷ Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой. М.: Искусство, 2001. С. 170.

условиях (в силу своей образованности, высоких моральных качеств, относительной обеспеченности) для рецепции идеологии «истинного материнства». Педагоги, врачи, литераторы посредством всевозможных «политик тела», нравственных призывов идеализировали материнство, вводя его в ранг особого женского предназначения. Происходил процесс «профессионализации» материнства, вследствие чего мать, наравне с врачами и педагогами, превращалась в «эксперта» воспитательного процесса. Прежде основная миссия замужних дворянок ограничивалась природным актом деторождения; воспитание детей не входило в круг их обязательных занятий, оно перекладывалось на плечи многочисленной прислуги. В новых условиях матерям-дворянкам приписывали роли кормилиц, воспитательниц, педагогов, врачей. Дети должны были стать центром их жизни, сосредоточением всех физических, эмоциональных, нравственных свойств и качеств. Защитники концепта «идеального материнства» предписывали женщинам не просто проводить дни напролет со своими детьми, но и «профессионально» соблюдать свои материнские обязанности посредством изучения соответствующей литературы, бесконечных врачебных консультаций, наблюдения за детьми и составления «родительских дневников». Женщин убеждали в том, что это их истинное и единственное предназначение. В распространении «родительских дневников» следует видеть две стороны. С одной стороны, они были призваны восполнить отсутствие регулярного педиатрического патронажа, с другой – привязать мать к ребенку, делая его центром материнского существования.

Борьба с традиционно практиковавшимся привлечением кормилиц в семьи дворян совпала со временем начала активного социального конструирования образа «сознательной матери». Вопреки врачебным убеждениям о важности материнского вскармливания как для здоровья дитя, так и его матери, несмотря на объявление этой практики в медицинском и публичном дискурсах святой обязанностью каждой женщины, «кормиличный промысел» в России не угас даже в начале XX века, в том числе и во время быстрого распространения детских смесей. Дворянки в большинстве своем не были готовы отказаться от услуг кормилиц (как по причине неспособности самостоятельно проводить грудное вскармливание из-за физиологических особенностей организма, нехватки молока,

заболеваний груди, так и по причине нежелания обременять себя новой телесной практикой). Многие из них выражали глубокое желание самостоятельно вскармливать собственных детей, но впоследствии свой отказ и наем кормилиц объясняли настоятельными рекомендациями врача. Даже попытки дворянок наладить самостоятельное грудное вскармливание не означали полного отказа от услуг кормилиц (особенно в ночное время, когда выполнение этой женской обязанности выглядело особенно утомительным). Процесс найма кормилиц все больше медиализировался (медицинские осмотры кормилиц, сдача анализов крови и молока) и коммерциализировался (открытие частных бюро по подбору кормилиц).

На практике подавляющее большинство «новых матерей», тщетно следовавших всем заветам «экспертов», не выдерживали подобного ритма жизни. При рождении первенцев многие из них на страницах собственных дневников выражали готовность самостоятельно кормить грудью, вставать ночью к ребенку, контролировать его рост, вес, состояние здоровья, следовать всем новейшим педагогическим веяниям. Столкнувшись в реальности со всем грузом материнских забот, не готовые к ним ни физически, ни психически, они впадали в отчаянное состояние. Неудовлетворенность собой, семейной жизнью, мужем усугублялась с рождением все новых детей. Существовавшие противоречия в жизненных идеалах, целях и потребностях приводили к нервным срывам дворянок и возраставшему разочарованию семейной жизнью. Интеллектуально, нравственно, эстетически развитые женщины не могли полностью реализовать себя посредством одного только материнства. В итоге, погоня за завышенными требованиями в отношении материнского поведения депривировала женскую личность, обесценивала ее богатые внутренние качества. В России судьба женщины-матери, борющейся за возможность стать личностью, отличалась особой тяжестью и повседневным драматизмом. «Загадка женственности»¹⁷³⁸ (Б. Фридан) в виде культивирования особого материнского предназначения на практике оборачивалась для многих женщин подавлением собственной личности, собственных устремлений. *«Я столько хочу, и я все могу, у меня столько всякой силы... А сиди, корми, нянчай,*

¹⁷³⁸ Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1993.

*ешь, сти – и больше ничего»*¹⁷³⁹, – писала двадцатилетняя Софья Толстая. В этих словах – все противоречие женской души, вся тягость эмоциональных переживаний Личности и Матери.

Женщины не имели возможности совместить радости материнства и личностную самореализацию ввиду незрелости форм государственной поддержки и стереотипов в отношении гендерного поведения. Зачастую дворянкам приходилось делать выбор между материнством и общественной деятельностью. В связи с этим подавляющее большинство деятельниц в сфере науки, литературы, искусства, женского и филантропического движения отказывались от деторождения или существенно ограничивали его. Женщины не имели возможности совместить в себе «идеальную мать» и гармонично развитую личность. В жертву они приносили либо одно, либо другое. Это не означало, что материнство ставило крест на личных устремлениях женщины. Это говорило в пользу того, что для существования «нового материнства» отсутствовали иные, кроме концепта «идеального материнства» и готовности женщин приносить себя в жертву, условия. Для гармоничного развития института материнства необходимы были определенные гарантии со стороны государства, появление нового отношения отцов к своим обязанностям и изменение гендерных стереотипов в обществе.

5.3. Модернизация материнской заботы и предметного мира ребенка

История детства – самостоятельная область исследования, институализированная благодаря французской антропологической школе, в целом, и труду французского историка Филиппа Арьеса¹⁷⁴⁰, в частности. К настоящему времени в западной историографии присутствует значительное количество работ, воссоздающих различные аспекты детства в исторической перспективе. По причине существования жестких идеологических установок советского времени и методологического кризиса в социальных науках в первое постсоветское десятилетие история детства в России не привлекала внимание отечественных

¹⁷³⁹ Толстая С.А. Моя жизнь // Журнальный зал. 1998. № 9 / <http://magazines.russ.ru/authors/t/stolstaya/> (дата обращения 05.06.2014).

¹⁷⁴⁰ Aries P. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon, 1960.

ученых. Авторами первых работ в этой области стали зарубежные специалисты (А.В. Wachtel, С. Kelly, J. Harwin, L. Kirshenbaum)¹⁷⁴¹. Только в последние два десятилетия российские ученые обратились к изучению истории и антропологии детства (И.С. Кон, О.Е. Кошелева, А.А. Сальникова, Г.А. Комарова, И.В. Синова, В.А. Верemenков, И.Ю. Мартианова и др.)¹⁷⁴².

В настоящей главе я не ставлю цели всесторонне изучить феномен детства в высших слоях российского общества во второй половине XIX – начале XX века. Ребенок как субъект исторического привлекает мое внимание исключительно с позиции его взаимосвязи с матерью, то есть до тех пор, пока он составляет с ней неразрывное целое, находясь в симбиотической стадии развития. Выдающийся американский социолог Н. Чодороу утверждала, что воспроизводство материнства начинается «с отношений мать-младенец на самом раннем этапе детского развития»¹⁷⁴³. Педиатр с мировым именем Д.В. Винникотт указывал на отсутствие такого существа, как младенец, отмечая, что его бытие – это проекция материнской заботы. Известный отечественный антрополог Т.Б. Щепанская, характеризуя культуру материнства, полагала, что она интенсивна в проявлении во время беременности, после рождения ребенка и весь период младенчества¹⁷⁴⁴. В этой

¹⁷⁴¹ Wachtel A.B. The battle for childhood: creation of a Russian Myth. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990; Kelly C. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven: Yale University Press, 2007; Harwin J. Children of the Russian State, 1917–1995. London: Aldershot, 1996; Kirshenbaum L. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia: 1917. 1932. New York: Routledge, 2001.

¹⁷⁴² Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academia, 2003; Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. М.: Феникс+, 2001; Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М.: УРАО, 2000; Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007; Сальникова А.А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М: НЛО, 2011; Комарова Г.А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН, 2014; Бокова В.М. Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М.: Ломоносовъ, 2011; Душечкина Е.В. Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002; Костюхина М. «Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр». М.: НЛО, 2013; Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – нач. XIX в. Дис. канд. ист. наук. Краснодар. 2010; Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014; Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. Вып. 2 (22). С. 108-116; Верemenко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.

¹⁷⁴³ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. С. 72.

¹⁷⁴⁴ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 16.

связи особо пристальное внимание я обращаю на изучение взаимоотношений матери и младенца. Меня интересует, как исторически менялись эти отношения, каким образом эволюционировал уход за ребенком в первый год его жизни, как трансформировался предметный мир только что родившегося дитя. И наконец, мое внимание привлекает повседневность матери во второй половине XIX – начале XX века, которая предполагает репрезентацию ее мира чувств и переживаний.

Появление идеологии «нового материнства» оказало существенное влияние на материнских практиках дворянок. В то время, когда биологические тяготы материнства уменьшились (меньшее число деторождений в жизни женщины, облегчение родового процесса), на плечи матерей легла ответственность за гармоничное развитие дитя; уход за ребенком приобретал ярко выраженную эмоциональную окраску. Сообщество «экспертов», в лице классиков русской литературы, врачей, юристов, чиновников, требовало от женщины не только исполнять свое биологическое предназначение (рожать), но и особого «сознательного» поведения во время беременности, накануне и после родов, правильного, сопряженного с научными знаниями ухода за младенцем и воспитания. На смену апатичного отношения к детям, отстраненности дам высшего сословия от их воспитания приходила новая семейная концепция. Происходил процесс, который известный французский историк Ф. Арьес в отношении европейских семей Нового времени описывал так: «*Семья организуется вокруг ребенка*»¹⁷⁴⁵. Отечественный социолог С.И. Голод полагал, что с конца XIX века в России наблюдалось формирование семьи нового типа – детоцентристского, который характеризовался «*повышением роли частной жизни, интимности и ценности детей*»¹⁷⁴⁶.

Идеология «сознательного материнства», культ «истинной матери» в скором времени привели к тому, что дети становились главным смыслом жизни родителей. Известный педагог начала XX века Елизавета Николаевна Водовозова называла их в собственных работах не иначе как «*господа дети*»¹⁷⁴⁷. Женские дневники и мемуары пестрят описаниями времени, проведенного с детьми.

¹⁷⁴⁵ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1999. С. 11.

¹⁷⁴⁶ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 118.

¹⁷⁴⁷ Водовозова Е.Н. Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1891. С. 90.

Повседневная жизнь матери-аристократки была пронизана заботами о ребенке, ее мысли, эмоциональные переживания, страхи концентрировались вокруг дитя. Век назад невозможно было представить подобной ситуации. Дети были на задворках семейной жизни и частной истории.

Итак, к началу XX века в высших слоях российского общества сформировалась культура родительства, основанная на активном участии матери, реже отца, в воспитании детей. Матери старались вооружиться новейшими педагогическими и медицинскими знаниями для обеспечения правильного развития ребенка и сохранения его физического и нравственного здоровья, окружить своих чад лучшими предметами обихода, одеждой, пищей, уберечь от всевозможных болезней. Контакт матери с педиатром приобретал регулярный характер, являясь при этом одним из доказательств материнской сознательности.

5.3.1. Зарождение педиатрического патронажа: тандем «сознательной матери» и врача

В работах по истории медицины появление педиатрического патронажа традиционно связывали с советской системой здравоохранения¹⁷⁴⁸. В зарубежных и отечественных социологических и феминистки ориентированных антропологических исследованиях утверждение врачебного патронажа на протяжении XX века объясняется распространением технократической (биомедицинской) модели родовспоможения¹⁷⁴⁹. Историки, обратившиеся к изучению проблемы охраны материнства и детства в России, акцентируют внимание на социальные низы, взаимодействие матери, врача и ребенка рассматривалось в основном на примере рабоче-крестьянской среды¹⁷⁵⁰. Из

¹⁷⁴⁸ Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества. М.: Изд-во Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954; Леви М. История родовспоможения в СССР. М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1950; Микиртичан Г.Л. Основные этапы и направления развития отечественной педиатрической науки и практики. Дисс... д-ра мед. наук. Л., 1991.

¹⁷⁴⁹ Davis-Floyd R.E. The Technocratic Body: American Childbirth as Cultural Expression // Social Science and Medicine. 1994. Vol. 38. № 8. P. 1125-1140; Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital" // Slavic Review. 2010. Vol. 69. № 3. P. 701-725; Тёмкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 321-336.

¹⁷⁵⁰ Белоножко Е.П. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX – начало XX вв. Дисс.... д-ра ист. наук. Б.М., 2001; Яковенко Т.Г. Охрана материнства и младенчества во второй половине XVIII – начале XX вв.: на материалах Санкт-Петербурга. Дис...канд. ист. наук. СПб., 2008; Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. Дис...канд. ист. наук. М., 2012.

исследовательского поля ученых совершенно выпали дворянские семьи, специфика медицинских практик, характер отношения с сообществом экспертов в данной социальной прослойке. Проведенный анализ автобиографических документов, историй болезней, врачебных отчетов начала XX века демонстрирует, что впервые в России педиатрический патронаж возник в конце XIX века в высших слоях российского общества.

Идеология «сознательного материнства», профессионализация матерей приводили к тому, что женщины в повседневных заботах о детях все чаще доверяли не своему внутреннему чувству, советам знакомых, а специалистам – квалифицированным педиатрам. «Новой матери» было тяжело вынести весь груз ответственности за жизнь и здоровье малолетнего дитя. Смерть ребенка из естественного события («*Бог прибрал, и слава Богу*») превращалась в трагедию для всей семьи и, прежде всего, матери, которая отдавала ему все свободное время, все свои силы, всю себя. Страх перед детскими болезнями и их последствиями, недостаток знаний в сфере ухода за новорожденными приводили к тому, что женщины спешили разделить миссию «идеальной матери» с профессионалами. Это явилось одной из причин зарождения педиатрического патронажа (организованное наблюдение за воспитанием и развитием грудного ребенка в домашней обстановке) и консультирования в аристократических и интеллигентных семьях. Формировался тандем в лице озабоченной развитием своего чада матери и частнопрактикующего врача.

По объективным причинам, ввиду нехватки квалифицированных специалистов и неразвитости служб педиатрической помощи, в России этот процесс развивался не так стремительно, как на Западе. Если к началу XX века в странах Западной Европы и США был налажен медицинский патронаж над новорожденными¹⁷⁵¹, то в России он являлся привилегией высших слоев общества, проживавших в крупных городах. Врач Зинаида Осиповна Мичник (вопросам охраны материнства и младенчества она посвятила всю свою жизнь) в 1916 году писала, что, вопреки всем проводимым мерам, грудной ребенок все еще не

¹⁷⁵¹ Imhof A. La Surmortalité des femmes mariées en âge de procréation: un indice de la condition féminine au XIXe siècle // Annales de démographie historique. 1981. pp. 81-87; Leguay F., Barbizet C. Blanche Edwards-Pilliet, femme et médecine, 1858–1941. Le Mans: Editions Cenomanes, 1988; Davis-Floyd R.E. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1992.

является объектом всесторонней социальной помощи¹⁷⁵². Уход за детьми в большинстве российских семей основывался на традиционных знаниях. Несмотря на появление благотворительных организаций, предоставлявших услуги бесплатного врачебного консультирования матерям с грудными детьми, врачебный патронаж в большинстве случаев оставался крайне дорогостоящей услугой, которой могли воспользоваться исключительно состоятельные семьи.

Впервые полноценный педиатрический патронаж был сформирован в императорской семье. При этом настоящая педиатрическая служба появилась сравнительно поздно – в середине 1870-х годов, до этого за здоровьем императорских детей следили семейные врачи, не имевшие специализации в области детских болезней. Педиатрическую службу в императорской семье возглавлял лейб-педиатр Карл Андреевич Раухфус с 1876 по 1915 годы (вплоть до своей кончины).

Несмотря на то что современники называли врача в дворянских семьях «случайным гостем»¹⁷⁵³, практика призыва педиатра к своим детям стала все чаще встречаться. Обеспеченные родители перед появлением на свет малыша договаривались с врачом, который за соответствующую плату брал обязательство навещать мать и дитя. В начале XX века в Москве насчитывалось около 220 частнопрактикующих педиатров, охотно соглашавшихся осуществлять патронаж над новорожденными детьми в семьях состоятельных родителей¹⁷⁵⁴. Патронаж могли доверить не только педиатрам, но и семейному врачу и, что удивительно, акушерке, принимавшей у женщины роды. Например, в семью Половцовых на протяжении нескольких недель после рождения малыша приходила акушерка, которая осматривала новорожденного и оценивала состояние его здоровья: *«А.Е. смотрела Борису пупок, в порядке, надо только немного прижечь ляписом..., нашла, что он простудился..., предписала помазать нос и в носу глицерином»*¹⁷⁵⁵.

¹⁷⁵² Грудной ребенок еще не занял в сознании общества самостоятельного положения, еще не сделался для попечения общества самодовлеющей единицей (Мичник З.О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 29).

¹⁷⁵³ Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 4. С. 173.

¹⁷⁵⁴ Самгин И.Я. Адресная книжка врачей, дантистов, акушеров, лечебных заведений и аптек г. Москвы. М.: Тип. Н.И. Куманина, 1903. С. 91-94.

¹⁷⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 2об.

Доктор контролировал физиологическое развитие новорожденного, характер восстановления матери, особенности грудного вскармливания, детского питания и стула. Он диагностировал те или иные заболевания, прописывал для лечения соответствующие лекарства, проводил регулярные измерения младенца. Смоленская дворянка Т. Волконская писала мужу: *«В среду доктор взвешивал нашего молодца бибиса. Он теперь весит 6870 гр., т.е. прибавляет около 21 гр. в день»*¹⁷⁵⁶. Врач И.К. Стрельбицкий указывал на то, что к нему часто обращались интеллигентные женщины *«за профессиональным советом»*, связанным с вопросами правильного ухода и кормления детей¹⁷⁵⁷.

В том случае, если частные посещения педиатра были невозможны (семья могла проживать в усадьбе), то использовались другие формы контроля над развитием детей, основанные на получении заочных консультаций специалистов. В частности, педиатры начала XX века советовали родителям заводить специальные дневники, куда бы они вносили сведения об особенностях физиологического, нравственного и психического развития своих детей (*подробнее см. в гл. 5.1.2.*). На первых месяцах жизни педиатры рекомендовали матерям производить измерения роста и веса малыша. В дневник необходимо было ежедневно вносить сведения о характере кормлений, об особенностях стула, обо всех случаях возникавших недомоганий. По приезду в усадьбу доктор изучал все записи о ребенке, осматривал его, после чего давал те или иные рекомендации.

Существовал и другой способ патронажа новорожденных. Если жена с детьми проживала в усадьбе, а муж регулярно выезжал в город на службу, то именно он мог посещать педиатра для получения ответов на все интересовавшие вопросы, связанные с уходом за новорожденным. Так, А.В. Половцов, заботившийся о правильном развитии первенца, регулярно консультировался у педиатра. В одном из писем жене он сообщал: *«Вчера я долго говорил с Александрой Эдуардовной, она нашла, что Боря ужасно развит (умственно, что и нехорошо) сильно впечатлителен и нервен»*¹⁷⁵⁸. Если раньше большинство дворянок в поисках советов по уходу за детьми обращались в письмах к знакомым

¹⁷⁵⁶ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.

¹⁷⁵⁷ Жук В.Н. Почему многие матери не кормят грудью детей? // Акушерка. Кн. 6. № 11-12. С. 178-182.

¹⁷⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 83.

и родственникам, то теперь «новые матери» предпочитали заочно консультироваться у специалистов. Наблюдался процесс медиализации ухода за детьми.

В начале XX века проблема педиатрического патронажа стала настолько актуальной в российском обществе, что ее начали активно обсуждать на государственном уровне. Она рассматривалась в качестве важнейшего средства по борьбе с детской смертностью, которая в России была наивысшей в Европе. Врач П.И. Куркин, исследовавший смертность детей в относительно благополучной Московской губернии, указывал, что на первом году жизни в 1883–1897 годы погибали около 47% младенцев (при этом в ряде уездов смертность доходила до 60%)¹⁷⁵⁹. В провинциальных городах ситуация обстояла еще хуже¹⁷⁶⁰. Уберечь своих детей от ранней смерти не получалось даже в императорских семьях, несмотря на то, что их окружали лучшие педиатры¹⁷⁶¹. Обращение властей к развитию врачебного патронажа было связано с трансформацией гендерной системы и становлением институтов гражданского общества. Теперь на материнство смотрели как на святую обязанность каждой женщины, в нем видели форму женского общественно-полезного труда. Подобный подход требовал от государства охраны и поддержки данного «женского труда», в том числе в виде врачебного консультирования матерей и педиатрического патронажа.

Сложно согласиться с выводами зарубежных исследователей Р. Стайтса и А. Линденмайер, которые полагали, что российские власти приступили к решению проблемы охраны материнства и детства без должного на то обсуждения в обществе. Напротив, власти обратились к реформам в этой области под напором общественных инициатив. Обсуждение вопросов о консультативной помощи беременным женщинам и матерям с грудными детьми параллельно шло в различных инстанциях. За короткий промежуток времени появилось значительное число проектов по развитию педиатрических служб, предложенных как частными лицами, так и членами благотворительных организаций. Даже многие феминистки

¹⁷⁵⁹ Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг. М.: Изд-во губ. земства, 1902. С. 4.

¹⁷⁶⁰ Георгиевский П.И. Об изучении смертности младенцев до года // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 104–122; Сабурова А.С. Отчего умирают в деревнях маленькие дети // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 128–137.

¹⁷⁶¹ Императрицы Мария Александровна и Мария Федоровна каждая лишились по двое детей.

первой волны, известные «шестидесятницы», начинали свою общественную деятельность с оказания социальной помощи матерям и детям. Вопрос об организации педиатрических консультаций разрабатывался также местными органами власти (Петербургскими и Московскими городскими думами). Наконец, этот вопрос получил развитие внутри Ведомства учреждений императрицы Марии. Активное обсуждение данной проблемы привело к тому, что с 1912 года она стала предметом рассмотрения центральных органов власти, превращаясь в стратегическое направление государственного реформирования.

Практически все педиатры, выступая на собраниях и съездах различных организаций, говорили о важности развития врачебного патронажа грудных детей. Педиатр З.О. Мичник в 1916 году составила проект, где подробно расписала характер и условия организации врачебного патронажа¹⁷⁶². Она полагала, что здоровье грудных детей должно было стать важнейшим объектом государственной политики. З. Мичник считала необходимым подготовить педиатров, миссия которых состояла бы в том, чтобы входить *«в самую тесную связь с каждой отдельной матерью, изучить быт и условия ее жизни, условия развития каждого ребенка, приобрести доверие матери, сделать ее другом и советчиком, показать ей и научить ее, как при данных условиях, в данной обстановке, при данных индивидуальных качествах ребенка наилучшим образом обставить уход за ребенком, помочь ей в этом»*¹⁷⁶³. Зинаида Осиповна выступала против расширения приютов и убежищ для малолетних детей, выражая убеждение в необходимости оказания реальной помощи матерям и семьям. Она считала, что денежная поддержка матерей, организация врачебного патронажа станут действенными мерами по профилактике сиротства. С конца XIX века было опубликовано большое количество научных (например, «Курс детских болезней» В.П. Жуковского) и научно-публицистических работ (большой популярностью пользовались работы В.Н. Жука), посвященных уходу за младенцами и гигиене беременных и рожениц.

¹⁷⁶² Мичник З.О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 28-55; Мичник З.О. Городской и сельский патронаж // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 3. С. 259-278.

¹⁷⁶³ Мичник З.О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 43.

Авторы доказывали насущную необходимость введения врачебных консультаций для молодых матерей и патронажа над грудными детьми¹⁷⁶⁴.

Впервые педиатрический патронаж в качестве бесплатной и общедоступной услуги получил практическую реализацию в рамках различных филантропических обществ, комитетов, члены которых ставили себе цель борьбы с детской смертностью и оказания помощи беднейшим родителям и их детям¹⁷⁶⁵. «Капли молока» явились одними из первых организаций этого типа. В России данные общества появились в начале XX века (первая «Капля молока» была открыта в Петербурге врачом В.О. Губертом в 1901 году) по примеру западных организаций (впервые возникли в 1880-х годах в США, широкое распространение получили во Франции). К 1910-му году функционировало около 40 одноименных обществ по всей России. «Капли молока» были ориентированы на снабжение нуждавшихся матерей бесплатным молоком, в связи с чем основной акцент в работе был сделан на открытие молочных кухонь. Искусственное питание, преимущественно стерилизованное молоко животного происхождения, реже молочные смеси, бесплатно раздавалось как в самих организациях, так и поставлялось в аптеки. Право на бесплатное молоко имели матери (с детьми до двухлетнего возраста), не имеющие возможности самостоятельно кормить грудью. Помимо этого в обществах практиковались бесплатные консультации населения по вопросам грудного вскармливания, осмотр педиатрами вскармливаемых детей, наблюдение за их физиологическим развитием и состоянием здоровья.

Например, члены Киевского общества «Капля молока» не только организовывали молочные кухни, но и предлагали профессиональные консультации матерям, а также практиковали выдачу денежных пособий кормящим матерям и женщинам на последнем месяце беременности¹⁷⁶⁶. В обществе г-жи М.Н. Ольсен-Нобель в Петербурге осуществлялся регулярный осмотр детей педиатрами. При этом после каждого приема врач отмечал в особых журналах возраст родителей, их состояние здоровья, количество родов и характер их протекания. В отношении детей педиатр фиксировал: «...Здоровы ли они...

¹⁷⁶⁴ Финкельштейн Л.О. Консультации для грудных детей. Киев: Тип. АО "Петр Барский", 1913.

¹⁷⁶⁵ Винярский. Необходимость общественной охраны материнства и грудного ребенка в бедных слоях населения // Акушерка. 1913. № 12.

¹⁷⁶⁶ Устав Киевского общества «Капля молока». Киев, 1912. С. 3.

*Часто ли хворали и чем... Когда начали ходить. Когда и как прорезывались зубы. Не было ли у них родимчика, облысения затылка, течи из ушей, кожных заболеваний. Как они вскармливались. Доношен ли принесенный ребенок. Когда начали его прикармливать и как его кормят в настоящее время. Какое состояние кишечника его теперь (Показывается грязная пеленка)»*¹⁷⁶⁷. Помимо сбора сведений о ребенке, который осуществлялся со слов матери, врач проводил осмотр дитя, отмечая особенности его развития, фиксировал «*окружность головы, груди, живота, величину роста, вес, питание, окраску видимых слизистых оболочек, железы*» ребенка, обращал внимание на наличие проявлений золотухи и рахита¹⁷⁶⁸. В обществе практиковался прием детей педиатром 2 раза в месяц. Врач взвешивал малыша, осматривал его грязные пеленки, дабы убедиться в отсутствии кишечных заболеваний. Педиатр также проводил работу с матерями, посвящая их в особенности правильного ухода за грудными детьми. Если обнаруживалось, что ребенок не здоров, то матерям бесплатно выдавались лекарства. В рамках общества проводилась вакцинация от оспы. Если наблюдаемый ребенок болел, то матери вменялось немедленно являться на прием к врачу для постановки диагноза и назначения правильного лечения.

Согласно статистическим отчетам обществ, первоначально их услугами пользовалось небольшое число матерей. К примеру, при открытии «Капли молока» М.Н. Ольсен-Нобель было записано 25 матерей, желающих, чтобы за их детьми был установлен патронаж. Но уже через год «*доверие матерей постепенно увеличилось*», и число младенцев возросло в 10 раз¹⁷⁶⁹. Организаторы обществ отмечали, что женщины с возрастающим интересом записывались на консультации врачей, а затем увлеченно разъясняли полученные сведения своим знакомым. В «Капле молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель в практику стал внедряться патронаж новорожденных детей. Эта обязанность лежала на помощнице врача, которая регулярно должна была посещать матерей на дому, чтобы следить за

¹⁷⁶⁷ Шестакова О.А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб.: Тип. "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1910. С. 9.

¹⁷⁶⁸ Там же.

¹⁷⁶⁹ Там же. С. 16-17, 20.

правильностью исполнения предписаний врача¹⁷⁷⁰. Фактически помощница врача исполняла функции патронажной сестры.

Существенных результатов на ниве педиатрического консультирования удалось достигнуть филантропическим организациям Харькова. В 1906 году здесь был сформирован институт помощи материнству, включивший в себя специальную больницу для грудных детей, «Капли молока», а также Бюро помощи матерям. Данные общества преследовали цель оказания широкой социальной поддержки женщин с детьми. При этом использовался индивидуальный подход при формировании клиентской базы. Например, характер работы в Бюро был таков: дамы-патронессы бюро после скрупулезного изучения нуждавшихся в помощи семей рекомендовали врачам-педиатрам конкретных родительниц с грудными детьми; выносили решение о необходимости их материальной поддержки¹⁷⁷¹. Кроме этого, членам семей, имеющих малолетних детей, оказывалась помощь в поиске работы, временного убежища, выделялись продукты питания, одежда. Матери получали пособие на ребенка на время кормления грудью с тем условием, чтобы не менее двух раз в месяц они приходили на прием к педиатру.

Таким образом, многое из того, чем занимались общества (бесплатные консультации, регулярность осмотра детей, бесплатная выдача лекарств, вакцинация, патронаж новорожденных) напоминало хорошо организованную систему по уходу за грудными детьми. Это дает основание считать «Капли молока» одними из первых в России обществ, осуществлявших функции регулярного бесплатного педиатрического патронажа. Со временем именно врачебные консультации и патронаж грудных детей были признаны врачебным сообществом наиболее эффективными способами борьбы с детской смертностью. Многие врачи, сотрудничавшие с «Каплями молока», были убеждены в необходимости открытия консультативных центров для беременных, матерей с грудными детьми при каждом существующем гинекологическом, родильном отделении больниц, акушерском учебном заведении¹⁷⁷².

¹⁷⁷⁰ Там же. С. 10.

¹⁷⁷¹ Троицкий И.В. Охрана материнства в Харькове // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 153.

¹⁷⁷² Доклад Комиссии Киевского общества детских врачей об устройстве консультаций для грудных детей. Киев: б/и, 1906. С. 7.

В столице была сделана попытка организации молочных кухонь при родильных приютах за счет городских средств. Активную деятельность в этом направлении проводил председатель Петербургской санитарной комиссии врач А.Н. Оппенгейм. Однако государственных отделений «Капли молока» функционировало ничтожное количество по причине нехватки городских средств. В преддверии войны столичные власти обсуждали вопрос об открытии при городских попечительствах специальных пунктов для бедных матерей под названием «Помощь матери», где производились бы медицинские осмотры, взвешивания ребенка, оспопрививание¹⁷⁷³. Кроме этого, был разработан проект об учреждении городских консультаций для матерей и грудных детей. При этом авторы проекта полагали, что врачи должны посещать родильные приюты города и убеждать матерей обращаться в консультации. Идея тесной связи консультаций для матерей с родильными отделениями была новаторской и прогрессивной для своего времени. Но она не получила широкого практического применения. До 1917 года в Петрограде были открыты 7 консультаций подобного типа¹⁷⁷⁴. С 1910 года организация молочных кухонь осуществлялась при родильных учреждениях Петербурга, состоящих под покровительством Ведомства императрицы Марии. При них также открывались амбулатории, где любая мать могла получить врачебный совет по уходу за новорожденным¹⁷⁷⁵. В Москве также активно обсуждались проекты создания консультаций для грудных детей. В 1908 году по инициативе врача Г.Н. Сперанского была основана первая консультация при Абрикосовском родильном доме¹⁷⁷⁶. В 1912 году он участвовал в открытии в Москве Первого дома грудного ребенка с лечебницей, консультацией, молочной кухней и яслями. Московские врачи пошли дальше своих коллег из Петербурга. Они выступали против случайной консультативной помощи матерям, будучи убежденными, что педиатр должен вести всесторонний контроль за развитием детей вплоть до достижения ими годовалого возраста. При консультации предполагалась бесплатная выдача молока для бедных матерей, состоятельным

¹⁷⁷³ Известия Петроградской городской Думы. 1915. № 37. С. 629.

¹⁷⁷⁴ Микиртичан Г.Л. Развитие поликлинической помощи детям в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Дисс.... канд. мед. наук. Л., 1981. С. 30, 36.

¹⁷⁷⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 919. Л. 4.

¹⁷⁷⁶ Микиртичан Г.Л. Основные этапы и направления развития отечественной педиатрической науки и практики. Дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1991.

родителям оно выдавалось за плату. К началу Первой мировой войны в Москве было открыто 5 таких консультаций.

Кроме «Капли молока», созданных на западный манер, в России были организованы различные по характеру общества, ставившие себе цель помогать матерям в уходе за их грудными детьми. В Москве, например, функционировало «Общество охраны материнства» доктора А.Н. Рахманова. В разных городах России открывались частные учреждения по борьбе с детской смертностью, которые вели тесную работу с матерями и их новорожденными.

Следует подчеркнуть, что все те, кто так или иначе обсуждал вопрос об охране материнства и младенчества, имел в виду, прежде всего, самые незащищенные категории – матерей, занятых фабричным и крестьянским трудом. Дворянки и их малолетние дети не рассматривались в качестве тех, кто нуждался бы в бесплатном медицинском патронаже. Смертность дворянских детей была существенно ниже. Считалось, что при необходимости они самостоятельно могут воспользоваться услугами частнопрактикующих врачей за соответствующую плату. Однако далеко не все дворянские семьи могли позволить себе врачебный патронаж. Проблема детской смертности была особенно актуальна в среде мелких и средних дворян, разночинной интеллигенции. Врачи отмечали, что молодые матери как из бедных классов, так и вполне состоятельных, не имеют правильных представлений об уходе за новорожденными, доверяясь полностью предрассудкам «кумушек», «бабушек», «соседок»¹⁷⁷⁷. В связи с этим специалисты все чаще указывали на необходимость организации медицинского патронажа не только для самых нуждающихся, но и для всех категорий населения. В частности, с таким проектом выступил педиатр Е.Я. Гинденс¹⁷⁷⁸. В ряде обществ была сделана попытка привлечения в клиентскую базу матерей из интеллигентных классов (в Киевском и Одесском обществах «Капли молока»)¹⁷⁷⁹. Косвенные данные также свидетельствовали, что дворянки прибегали к услугам «Капли молока». В отчетах Петербургского общества имелось указание на то, что прислуга брала молоко для

¹⁷⁷⁷ Доклад Комиссии Киевского общества детских врачей об устройстве консультаций для грудных детей. Киев: б/и, 1906. С. 5.

¹⁷⁷⁸ Гинденс Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. Стб 58.

¹⁷⁷⁹ Отчет Киевского общества «Капля молока» за 1913 год. Киев: б/и, 1914. С. 16-17; Гершензон А.О. Медицинский отчет о деятельности Консультаций и «Капли молока» Общества попечения о больных детях г. Одессы в 1915 г. Одесса: Экономич. тип., 1916. С. 16-17.

«детей своих барынь»¹⁷⁸⁰. Врачи, работавшие в консультациях, отмечали, что их услугами все чаще пользовались женщины из культурных слоев общества¹⁷⁸¹.

На государственном уровне актуальность проблемы охраны материнства и младенчества была признана в 1910-е годы. По инициативе властей были образованы специальные комиссии, цель которых состояла в разработке проектов по оказанию всесторонней консультативной помощи матерям и их детям. Практическим результатом обсуждений явилось создание в 1913 году *Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества*. Среди прочих вопросов Попечительство должно было реализовывать программу педиатрической помощи населению, в основе которой – оказание консультативной помощи молодым матерям и охрана здоровья детей грудного возраста. Несмотря на военное время, в многочисленных губерниях России (Петроградской, Новгородской, Калужской, Тверской, Тульской, Саратовской и др.) начали действовать консультации под эгидой Попечительства. Большинство из них открывалось при родовспомогательных заведениях. Консультации должны были участвовать «в пропаганде грудного кормления, разъяснении матерям значения кормления грудью, поощрении матерей к нему и устранении, по возможности, к нему препятствий»¹⁷⁸². Кроме этого, в рамках Попечительства впервые была озвучена мысль об организации врачебного патронажа над матерями и грудными детьми. В документах он именовался «просветительским патронажем на дому». Суть его состояла в том, чтобы осуществлять «надзор за грудными детьми на дому подготовленными интеллигентными лицами – патронажными сестрами»¹⁷⁸³. В круг обязанностей сестер входило: «1) распространить путем посещений на дому идею консультаций ..., 2) изучить быт и условия жизни населения вообще, грудного младенца в частности..., причины того или иного состояния развития каждого данного ребенка в отдельности, 3) наиболее широко индивидуализировать советы врачей по уходу за ребенком и его кормлению,

¹⁷⁸⁰ Известия С.-Петербургской городской Думы. 1910. № 43. С. 2133.

¹⁷⁸¹ Труды первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге (27–31 Декабря 1912 года). СПб.: Орг. Ком., 1913. С. 53.

¹⁷⁸² Отчет о деятельности попечительства по охране материнства и младенчества за 1914. Пг.: б/и, 1915. С. 17; Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Пг., 1917. С. 87.

¹⁷⁸³ Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 90.

применительно к данным условиям жизни и обстановки, 4) в тех местах, где патронаж органически связан с консультацией, контролировать и следить, как применяются данные врачом советы, помогать матерям и учить их на деле»¹⁷⁸⁴. Таким образом, речь шла об организации консультативной помощи и системном надзоре за матерью и грудным ребенком современного типа. Данные нововведения удалось применить только в нескольких районах Петрограда. За год патронаж велся над 2862 матерями и их малолетними детьми.

Итак, вопрос о существовании организованной педиатрической помощи молодым матерям стал активно обсуждаться в условиях пореформенной России. Практические шаги на пути реализации многочисленных проектов по поддержке материнства и младенчества осуществляли в основном филантропические организации. В то время как в столичных городах получили распространение педиатрические консультации и частично врачебный патронаж, в провинции, ввиду крайнего недостатка средств, организованная педиатрическая служба продолжала оставаться исключением. Кроме этого общественные и государственные силы были ориентированы на оказание помощи беднейшим матерям, мать-дворянка не рассматривалась в качестве объекта государственной педиатрической помощи. Потребность в привлечении многочисленных ресурсов по формированию системы врачебной и социальной помощи всем без исключения матерям в России назрела к началу Первой мировой войны. Эти проекты стали обсуждаться на уровне столичной власти и органов местного самоуправления, но так и остались, по очевидным причинам, в статусе обсуждаемых.

5.3.2. Предметный мир грудного ребенка: одежда, игрушки, мебель.

Модернизация института материнства приводила к тому, что ребенок становился не просто центром материнской жизни, он требовал особого пространства, наполненного значимыми для детства предметами. К. Калверт, изучавшая культуру раннего детства в истории США, отмечала: *«Общество создало... концепцию детства, определив и выразив его характеристики через множество материальных вещей»¹⁷⁸⁵.* В индустриальной России существенные изменения происходили в окружении детей: в характере используемой мебели, в

¹⁷⁸⁴ Там же. С. 90.

¹⁷⁸⁵ Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: НЛЮ, 2009. С. 137.

употребляемой одежде, в специфике детских игрушек. Матери-дворянки всерьез озаботились обеспечением правильного развития своего малыша. Их стремление соответствовать идеалам материнства приводило к погоне за самыми лучшими детскими принадлежностями, способными обеспечить здоровое развитие и комфорт ребенка. Детская превращалась в сцену, на которой разворачивалось противостояние между традиционными атрибутами детского обихода и новейшими изобретениями зарождавшейся детской промышленности.

Сразу после рождения ребенка его помещали в отдельную комнату – детскую. Для нее выбирали хорошо отапливаемое, солнечное помещение. Изучение планов и описаний дворянских усадеб и городских квартир показывает, что детскую стремились расположить как можно дальше от шумной кухни, а также на противоположной стороне (или на другом этаже) от спальни родителей и кабинета отца. Пространство супругов и пространство детей строго разграничивалось. Несмотря на трепетные чувства к детям, родительская спальня оставалась сакральным местом, скрытым от их глаз. Родоначальник направления истории детства французский исследователь Ф. Арьес полагал, что замыкание семьи в домашних стенах, *«защищающих от проникновения посторонних»*, было призвано формировать особое личное пространство членов семьи. В данном случае речь шла о создании интимного пространства супружеской жизни¹⁷⁸⁶.

Сакрализация супружества приводила к тому, что дети не должны были становиться случайными свидетелями интимных подробностей жизни родителей. Мать не могла позволить себе появиться перед детьми в неподобающем для аристократки виде, как например, в ночной рубашке. От детей старались скрыть любые проявления супружеских отношений.

Особую роль в разграничении домашнего пространства играла практика домашних родов, доминировавшая в дворянской среде. В большинстве случаев спальня превращалась в *«уголок акушерской клиники»*¹⁷⁸⁷. С началом родового процесса у матери детей «запирали» в детской, откуда они не имели возможности увидеть интимных действий и услышать неподобающих звуков. Данный подход приводил к тому, что во взаимоотношениях родителей с и детьми, несмотря на

¹⁷⁸⁶ Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. С. 21.

¹⁷⁸⁷ Какушкин Н.М. Новые пути в деле родовспоможения в г. Саратове // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 151.

либерализацию нравов, распад патриархальной семьи с ее жесткими нравами, продолжали существовать значительные барьеры. В особенности это негативно сказывалось на девочках, которые, ввиду такого разграничения, имели смутное представление о характере супружеской жизни и материнских ролях. Из женских дневников и воспоминаний становится ясно, что авторы часто вплоть до замужества не имели представления о том, как появляются на свет дети.

В 1910-е годы среди профессионального сообщества врачей появились те, кто выступал с критикой расположения детских комнат. Наиболее радикально настроенные призывали вовсе отказаться от детских. Педиатр А.А. Дернова-Ярмоленко была убеждена, что ребенок до года должен непременно находиться в комнате матери, что будет способствовать его гармоничному развитию.

В семьях с многочисленным потомством существовало несколько детских. Как правило, до 7–9-летнего возраста не наблюдалось половой сегрегации, девочки и мальчики содержались совместно¹⁷⁸⁸. В дальнейшем происходило разделение комнат по половому признаку. При наличии старших детей новорожденные размещались в особой комнате, куда помимо его кровати помещали кровати кормилицы и няни, при наличии таковых. Если между детьми была существенная разница, то их также селили в разные комнаты, группируя по возрасту. О характере размещения брата и сестры сообщала В.П. Багриновская: *«Наутро мы узнали, что у нас родился брат. Ему отвели особую комнату, где он жил с няней 2 года, после которых у него явилась сожительница Ольга»*¹⁷⁸⁹. С.В. Ковалевская, вспоминая о раннем детстве, писала: *«Детская наша так и рисуется перед моими глазами. Большая, но низкая комната. Мы все трое спим в детской... Несколько поодаль стоит большая нянина кровать, над которой висит целая гора перин и пуховиков. Это – нянина гордость»*¹⁷⁹⁰.

Вопреки утвердившейся идеологии «сознательного материнства», ресурсов, ее поддерживавших, было недостаточно. В частности, детские магазины являлись большой редкостью. Только обеспеченные дворянки крупных городов могли позволить себе покупать необходимые для жизни новорожденного предметы. В конце XIX века фармацевтическая компания Р.Р. Келлера одна из немногих в

¹⁷⁸⁸ Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 8-9.

¹⁷⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 26об.

¹⁷⁹⁰ Ковалевская С.В. Воспоминания моего детства. М.: Современная Россия, 1989. С. 5.

стране производила детские пеленальные столики, детские конвертики. М.А. Мамонтова явилась основательницей исключительного магазина – «Детское воспитание», который располагался в столице. В магазине были представлены всевозможные товары для детей: подгузники, смеси, одежда, средства гигиены для новорожденного и матери, игрушки и проч. Р.Р. Келлер, М.А. Мамонтова были единственными отечественными производителями, представляющими свою продукцию на международных гигиенических выставках. С конца XIX века в Санкт-Петербурге был также открыт магазин «Мать и дитя». В рекламном объявлении сообщалось, что его основная цель – *«прийти на помощь матерям в выборе гигиенически полезных предметов, относящихся к семейному воспитанию, к уходу за больным и здоровым ребенком, а также за женщиной в период ее материнства»*¹⁷⁹¹. В магазине продавалась мебель для детской, детская одежда, игрушки, питание, измерительные приборы, выбрать которые помогал врач.

Обстановка детской комнаты, вопреки рекомендациям врачей, часто комплектовалась из старой мебели, отслужившей свою службу. *«В детской стояли наши три постели, наши книжки и игрушки, стол, стулья и старый рояль... Это была большая комната, дающая тремя окнами на восток и тремя на юг, тут же стояли диван и 4 кресла, обитые красным шелком, но поставленные туда, как отжившие свой век»*¹⁷⁹², – описывала собственную комнату одиннадцатилетняя Женья Шахматова. Специальная функциональная мебель для детей встречалась не часто даже в семьях вполне состоятельных. Традиционно в комнате помещались детские кроватки, стульчики, столы, нередко сделанные местными столярами.

Мебель для новорожденных могла состоять как из новейших изобретений, так и приспособлений, которые можно было встретить в крестьянских домах. Среди мебели фигурировали корзинки, колыбельки, кроватки, качалки («качки»), люльки, коляски, пеленальные столики, «грядки», стульчики, «каталки», «ходульки» («стоянки»). Детскую кроватку, люльку, коляску, пеленальный столик не покупали заранее. Это объяснялось, с одной стороны, высоким процентом мертворождений, а с другой, боязнью пустых детских спальных принадлежностей, устойчиво сохраняющейся до наших дней. Так, провинциальная дворянка О.О.

¹⁷⁹¹ Объявление // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 46.

¹⁷⁹² РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 109. Л. 10об-11.

Тидеман сообщала, что кроватки у них не было до тех пор, пока ребенку не исполнилось полгода¹⁷⁹³.

Если в XIX веке имели распространение люльки, изготовленные усадебными мастерскими (перед родами традиционно дворянки направлялись в усадьбу), то к началу XX века на смену им пришли покупные кроватки, хотя по привычке их продолжали именовать «люльками». В дворянских семьях наблюдался повсеместный отказ от детских люлек, которые подвешивались к потолку. Это происходило в том числе по причине их активной критики со стороны врачебного сообщества. Педиатры доказывали вредное влияние люлек (наиболее распространенный аргумент: чрезмерное укачивание негативно сказывается на нервной системе ребенка) и приводили примеры их частого опрокидывания. Дворянки, окруженные помощницами (кормилицами, няньками), имели возможность следовать настоятельным требованиям врачей. В крестьянских семьях, напротив, самой распространенной детской мебелью продолжали оставаться люльки (зыбки). Из-за высокой занятости матерей-крестьянок удобство пользования люлькой (легко качать ребенка и заниматься еще каким-нибудь делом) не могло быть опровергнуто аргументацией врачей.

Покупные кроватки были деревянными, реже железными. Непременным условием детской кроватки было наличие «стенок», которые были не сплошными, а решетчатыми. Зачастую, чтобы ребенок не мог пролезть сквозь прутья решетки (расстояние между ними могло быть достаточно большим), между ними помещали сетку со шнуровкой. В продаже имелись кроватки «для спокойных» и «для беспокойных детей». В комплекте последних имелась рама (нередко ее заменяла плетеная панцирная сетка), которая помещалась поверх кроватки. На российском рынке появлялись кроватки с поднимающимся дном, рассчитанные на разный возраст малыша. Отыскать такие изделия было не просто, так как они изготавливались только в Москве и Одессе. В прошлое уходили детские перины, распространение получили детские тюфяки, набитые травой, мочалом, шерстью. Наиболее дорогие детские тюфяки имели набивку из конского волоса. Даже в императорской семье Николая II дочери спали не на перинах, а на волосяных

¹⁷⁹³ Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 40.

матрацах¹⁷⁹⁴. Поверх тюфяка укладывали клеенку, затем простыню. Дворянки часто самостоятельно изготавливали чехлы для детской кровати в целях предупреждения механических повреждений ребенка и сохранения тепла.

Распространение имели также «колыски», которые в отличие от кровати были значительно ниже. В мемуаристике их нередко называли «качалками». Софья Волконская делилась в письме к мужу: «*Между прочим, купили качалку в детскую... 15 рублей*»¹⁷⁹⁵. Вместо ножек «колыска» крепилась на двух дугах в виде полумесяца. В обедневших дворянских семьях их изготавливали самостоятельно из деревянного ящика, к которому прибивали две изогнутые палки. Обеспеченные столичные семьи могли позволить себе новинки фабричной детской мебели. В конце XIX века, например, популярность получила колыбелька на висячих рессорах Петербургской фабрики Сан-Галли. Она представляла собой смесь деревянной колыбельки с народной зыбкой, но в отличие от них кровать размещалась на длинных ножках. Цена такого изделия была чрезмерно велика – от 40 рублей и выше.

Для детей первого месяца жизни врачи (В.Н. Жук, А.А. Дернова-Ярмоленко) рекомендовали использовать «детскую корзинку» («корненатку»), плетеную из прутьев ивы, лозы, вербы или камыша. Она часто применялась для переноса грудного ребенка во время прогулок. Выпуск таких корзинок был поставлен на поток. В частности, одним из производителей был петербургский предприниматель Бейер. Несмотря на свою простоту, эти изделия стоили достаточно дорого, их цена варьировалась от 10 до 15 рублей. В том случае, если мать затруднялась приобрести детскую корзинку, В.Н. Жук рекомендовал использовать обычную бельевую корзину, над которой необходимо было произвести ряд манипуляций. Врач рекомендовал ее тщательно вымыть, высушить, сшить для нее специальный чехол во избежание повреждения ручек и ножек малыша. В.П. Багриновская, во всех подробностях описавшая собственные роды, сообщала: «*Мальчика уносят и кладут в чистую белую корзинку с легкой кисейной занавеской – все по Жуку*»¹⁷⁹⁶.

¹⁷⁹⁴ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 77.

¹⁷⁹⁵ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

¹⁷⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 173.

Детские коляски покупали редко по причине их дороговизны. Ко всему прочему коляски на протяжении второй половины XIX века в России были дефицитным товаром. Их промышленное производство на Западе было налажено только с 1860-х годов¹⁷⁹⁷. Дворянки средней руки могли только мечтать о них. Поэтому весьма часто с детьми гуляли на руках. В дворянских семьях функцию переносчика детей во время прогулки могли выполнять няни или кормилицы. С появлением детских колясок в продаже жены нередко уговаривали мужей купить «колясочку», указывая на то, что гулять с ребенком на руках очень неудобно¹⁷⁹⁸. Детская коляска, приобретенная в магазине, была аристократическим атрибутом. В отличие от детской кровати, она являлась публичным предметом детской обстановки, позволявшим матери демонстрировать степень семейного благосостояния, собственной «сознательности» и заботы о своем ребенке.

В связи с тем, что кровати и коляски стоили не дешево, распространенной практикой в дворянских семьях стал обмен детскими принадлежностями. Эта тенденция прослеживалась даже в состоятельных семьях. Известно, например, что в императорских семьях детские принадлежности, в том числе мебель, передавались «по наследству» от старших детей к младшим. Находясь за границей, княжна Голицына телеграфировала матери: *«Доехали благополучно просим прислать скорее кровать Николы какой ответ насчет колясочки леди джорджина очень нужно обнимаем»*¹⁷⁹⁹.

Детские коляски имели разнообразные формы и размеры. Смастерить простую коляску было под силу усадебным столярам и плотникам, поэтому часто на фотографиях можно было увидеть примитивные варианты колясок. На некоторых фотографиях они напоминали телегу на двух больших колесах. Функции первого ряда колес выполняли взрослые, которые фактически «запрягались» в нее. Коляски, которые необходимо было тянуть, были более дешевыми, в отличие от тех, которые можно было толкать. Наиболее распространенной формой, судя по изученным фотографиям, была трехколесная (сзади два колеса, спереди одно). К самым простым и дешевым коляскам относили

¹⁷⁹⁷ Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: НЛЮ, 2009. С. 211.

¹⁷⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 14; ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

¹⁷⁹⁹ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 749.

обыкновенные тележки (корзинки), поставленные на ось. Колыбель коляски чаще была сплетена из прутьев, поэтому напоминала просторную корзину. В дорогих вариантах колыбель, скорее, походила на «экипаж», чем на обычную корзину. Эти коляски дополнялись рессорами, которые смягчали сотрясение «экипажа», а также крытым верхом, защищающим от дождя и солнца. Укладывать малышей в них рекомендовали с полугода. Коляски предназначались не только для уличных прогулок, но и для передвижения, укачивания маленьких детей внутри дома, пространство которого позволяло сделать это.

Найти в продаже пеленальные столики (пеленышники) было крайне тяжело. Например, в 1893 году на Первой Всероссийской гигиенической выставке в Москве данный товар был представлен исключительно компанией Р.Р. Келлера. В связи с этим пеленальные столики часто были изготовлены усадебными мастерами. Еще одним атрибутом обихода «разумных матерей» были детские весы, с помощью которых мать измеряла ребенка, фиксируя результаты в особую тетрадь. Данные записи были важным основанием для врачебного заключения о характере развития малыша и достаточности его питания.

При рождении детей раньше срока (их называли «недоноски»), а также при их незначительном весе (менее 2500 г) врачи советовали вместо кровати устраивать специальные, хорошо утепленные спальные места. Элементарными жизнеподдерживающими приспособлениями для недоношенных детей, которыми могла бы воспользоваться каждая мать, были грелки, размещавшиеся по периметру кровати. Европейские врачи рекомендовали устраивать постель ребенка в цинковой ванночке, поставленной в большую по размеру деревянную ванну, наполненную теплой водой¹⁸⁰⁰. В России продавались медные «ванночки Креде», специально сконструированные для детей, рожденных раньше срока. Новинкой английской медицинской промышленности, предназначенной для жизнеподдержания недоношенных детей, были шкафы-грелки («кувезы»). Их рекомендовали использовать, если комнатная температура была чрезвычайно низкой. Однако в большинстве случаев недоношенные дети умирали по причине некачественного ухода. Одним из первых заведений для недоношенных

¹⁸⁰⁰ Ахелис Т., Блох И., Бельше В. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни / Ред. А.С. Догеля, А.Н. Шабановой. Т. 2. СПб.: Просвещение, 1917. С. 465.

детей в России явился Городской приют для недоносков Петербурга, основанный в 1901 году. Медицинский персонал пытался выходить детей, весящих свыше 1000 г. Несмотря на чрезвычайно малый вес и примитивность жизнеподдерживающих технологий, удавалось сохранить жизнь небольшому числу детей. При весе от 1000 до 1500 г выживали 30–40% детей¹⁸⁰¹.

Когда ребенку исполнялось 8–9 месяцев, в некоторых дворянских семьях приобретали или изготавливали на заказ так называемые «грядки» – огражденное пространство, где дети могли бы ползать и учиться ходить (эквивалент современным детским манежам). «Грядки» представляли собой сколоченный больших размеров ящик без крышки, обитый внутри мягкой подкладкой и тканью. Если позволяло домашнее пространство, то «грядки» конструировали иначе. Для них выделялась целая комната, как правило, соседняя с детской. Половина или четверть комнаты огораживалась невысокой стенкой из тонких досок, которые затем 2-3 раза оббивали войлоком, а сверху натягивали клеенку. Плюсы такой конструкции были очевидны: ребенок находился в безопасности, ему предоставлялось много свободы; держась за края, он мог самостоятельно учиться хождению. Ценность данного предмета детского обихода состояла и в том, что мать, поместив в него ребенка, могла заниматься своими делами. Если родители не обладали специальными приспособлениями, то для тренировки ползанья и хождения на полу огораживали пространство с помощью подушек. В начале XX века на российском рынке появились «детские манежики», имеющие простую конструкцию, достаточно удобные и компактные. Эти приспособления напоминали широкую лестницу, которая сгибалась в двух местах. Манеж приставлялся к стене и в итоге получалось огороженное квадратное пространство, куда размещался ребенок. Специальные крепления делали конструкцию устойчивой.

Следует отметить, что отношение родителей к приобретению детьми ранних навыков сидения, ходьбы было неоднозначным. Стремление некоторых семей к тому, чтобы как можно быстрее поставить малыша на ножки, очевидно, присутствовало. Они прибегали к использованию «каталок», куда ребенок помещался в стоячем положении. В употреблении было также обычное полотенце,

¹⁸⁰¹ Гартъе Э.Э. Из деятельности городского приюта для недоносков в Петрограде // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 1. С. 69-70.

которое продевали под руками ребенка, тем самым придерживая его при обучении навыкам хождения¹⁸⁰². Между тем другая часть родителей, напротив, стремилась ограничить преждевременное физическое развитие малыша. Это выражалось в том, что матери не поощряли раннего сидения, ползания и хождения. Ребенка могли усаживать только с 7 месяцев. К тому же стремление детей ползать, ходить было нелегко реализовать, в особенности если оно приходилось на холодное время года. Боясь застудить ребенка, матери не пускали их на пол. Единственным местом для маневров оставалась кровать.

Гардероб новорожденного формировался заблаговременно, до рождения ребенка. Как правило, последние месяцы беременности, которые Е.И. Конради называла *«веселыми хлопотами приготовления»*, *«поэзией интимной жизни»*, *«поэзией чепчиков и блуз»*, дворянки проводили в покупке, шитье и сборе одежды для младенца. В известной работе «Исповедь матери» она описывала трепетные приготовления матери к встрече с младенцем: *«Ящик комода наполняется разными принадлежностями детского приданого; вы, быть может, никогда не бравшая иголку в руки, просиживаете целые часы с сосредоточенным вниманием над шитьем какой-нибудь долгополой блузы с вершковым лифом и с крошечными буфами вместо рукавов»*¹⁸⁰³.

Купить специальную одежду для новорожденных было сложно, так как детские магазины встречались исключительно в крупных городах, поэтому ее шили самостоятельно. Гардеробу младенца стали уделять все больше внимания. Даже врачи (Е.А. Покровский, А.Н. Филиппов, В.Н. Жук) в своих научных трудах по уходу за детьми нередко приводили образцы выкроек одежды для новорожденных. Состоятельные дворянки могли заказать одежду в ателье, которых было предостаточно как в столичных, так и в провинциальных городах, а также препоручить пошив прислуге. Однако, согласно мемуарной литературе, устойчивую тенденцию имело приготовление белья самими дворянками или членами семьи. Нередко мать беременной дворянки шила значительную часть младенческого гардероба. В письме к дочери, например, мать спрашивала: *«Напиши, пожалуйста, не нужно ли чего-нибудь твоему будущему маленькому, я*

¹⁸⁰² Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 13.

¹⁸⁰³ Конради Е.И. Исповедь матери / Сочинения в 2-х т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Прохорова, 1899. С. 2.

бы приготовила»¹⁸⁰⁴. Шитье одежды для новорожденного становилось отвлекающим и успокаивающим ритуалом беременных дворянок (шили в основном на последних месяцах беременности). В источниках ее называли «приданным» ребенка¹⁸⁰⁵.

Подготовка младенческого гардероба носила интимный, сакральный характер, особенно если речь шла о рождении первенца. Следует заметить, что дворянки были хорошо знакомы с навыками шитья. В провинциальных городах среди них были популярны курсы по кройке и шитью, которые открывались при ателье и модных мастерских. Е.Н. Половцова писала о том, как многие вечера проводила в шитье младенческого белья «на машинке»¹⁸⁰⁶. Однако, в связи с отсутствием выкроек в модных журналах, впервые рожавшим дворянкам было сложно определить фасон и размер белья для новорожденного. Тверская дворянка Лиза Селикова повествовала о том, как она ходила в гости к знакомым, имевшим маленьких детей, чтобы посмотреть на одежду и «расспросить», что и в каком количестве нужно шить: *«В июне жду себе маленькую детку и теперь готовлю ему парадное, так весело работать... не знаю какой величины чего надо кроить. Одни говорят одно, другие другое, а мне самой кажется третье, я все хожу к знакомым, у которых есть дети и смотрю, но мне что-то все не нравится...»*¹⁸⁰⁷. Она же указывала на то, что часть одежды ей шьет мать: *«Рубашечки мне мама делает... нагруднички, да фуфаечки..., а кроватное белье я сделаю по постельке. Так меня занимают эти приготовления»*¹⁸⁰⁸. О шитье «приданого» матерью сообщала С.А. Толстая: *«А детское приданое, сшитое и посланное моей матерью к рождению ребенка, не поспело, а было еще в дороге»*¹⁸⁰⁹. Свекровь также могла оказывать помощь в подготовке одежды для малыша. Н. Гумилев в письме к беременной жене (А. Ахматовой) сообщал, что его мать нашла множество

¹⁸⁰⁴ ГАСО. Ф. 201. Д. 34. Л. 12об.

¹⁸⁰⁵ Новицкий В. Об уходе за ребенком в первые дни его жизни // На помощь матерям. 1894. № 6. С. 239.

¹⁸⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 57.

¹⁸⁰⁷ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

¹⁸⁰⁸ Там же. Л. 5.

¹⁸⁰⁹ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. №8 / <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm> (дата обращения 13.12.2013).

рубашечек и пеленок¹⁸¹⁰. Одежду для будущего новорожденного, даже в семьях вполне состоятельных, могли передавать из родственных семей.

При рождении ребенка его минимальный гардероб состоял из полотняных и бумазейных рубашечек-распашонок (10–20 штук), треугольных косынок (или четырехугольных платков) и набора полотняных или бумазейных пеленок. Женщинам рекомендовалось иметь большое количество пеленок, достигающее в некоторых руководствах до «7 дюжин»¹⁸¹¹ (84 штуки). В то время как на Западе практиковался отказ от пеленания, в России оно оставалось традиционной практикой, имея повсеместное распространение. Т.Л. Сухотиной-Толстой, видевшей в детстве бесконечные пеленания своих братьев, казалось, что она помнит свои ощущения, когда ее пеленала мать: «...помню себя туго спеленатой, негнущейся куклой, которую берут, поддерживают рукой под голову, так как единственное место, которое еще может перегибаться, – это шея...»¹⁸¹². Большинство отечественных педиатров было сторонниками умеренного пеленания. Устойчивое сохранение традиционной практики может быть объяснено различными причинами. Во-первых, экономическим фактором. Пеленки стоили значительно дешевле, для их шитья не требовалось специальных навыков. С другой стороны, многослойное пеленание в условиях сурового российского климата сохраняло тепло, столь необходимое новорожденному. Для младенца, находящегося в больших, нередко плохо отапливаемых комнатах усадьбы, велика была опасность подхватить простуду, последствия которой могли быть плачевными. Существовала особая техника пеленания ребенка. Первоначально его облачали в детскую одежду – распашонки, при этом рукава полотняной рубашечки вдевали в бумазейную для того, чтобы максимально быстро надеть ребенку сразу обе рубашечки. Распашонки были без пуговиц, иногда с завязывающимися тесемками, с короткими рукавами, их надевали спереди назад. В холодную погоду ребенка вначале облачали в распашонку из легкой материи, затем в точно такую же, но уже из более теплого материала (бумазеи, фланели)¹⁸¹³. Они так и оставались не застегнутыми. Главное требование, предъявляемое к распашонкам, –

¹⁸¹⁰ Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014. С. 50.

¹⁸¹¹ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Третья, 1870. С. 58.

¹⁸¹² Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. С. 37.

¹⁸¹³ Новицкий В. Об уходе за ребенком в первые дни его жизни // На помощь матерям. 1894. № 6. С. 239-247.

закрывать животик, но не заходить ниже его. Существовали особые *«русские распашонки»*, предполагающие кройку с минимальным количеством рубцов.

Прообразом современных подгузников были треугольные косынки-пеленки, нередко именуемые «подгузки». Под ягодицы ребенка широкой стороной клали треугольную косынку и два конца этой широкой стороны выкладывали на животик, третий конец проводили между ножками ребенка и также выкладывали на животик. Таким образом, дореволюционные подгузники являлись обычным куском материи, который после правильного пеленания превращался в свободные панталончики. В состоятельных дворянских семьях прибегали к использованию так называемых «одноразовых бумажных подстилок», напоминающих современные подгузники. Впервые подобное изобретение в России экспонировалось на московской выставке в 1882 году фирмой «Нюрнберг». «Бумажные подстилки» были сделаны из оческов, остававшихся после хлопчатобумажной пряжи, и имели вид белой пропускной бумаги, в которую, как и в «подгузки», заворачивали ребенка. Цена их составляла в среднем 20 копеек за 10 штук. Однако отыскать бумажные подгузники в продаже было делом непростым.

После того как грудного ребенка облачали в распашонки, «подгузки», наставал черед пеленания. Вначале малыша вместе с ручками закрывали в полотняную, а затем в теплую пеленку или пикейные покрывальца (утолщенное хлопчатобумажное пике с легким начесом на изнанке)¹⁸¹⁴. Существовал способ отдельного пеленания ручек к туловищу, который рекомендовали врачи¹⁸¹⁵. Ручки завертывали в особый «подручник», в таком состоянии их вытягивали и с помощью этой же пеленки прижимали к туловищу. Вплоть до начала XX века в отечественных учебниках по акушерству присутствовали подробные рекомендации по пеленанию новорожденных. Среди аргументов в пользу этой процедуры значились: профилактика искривления позвоночника, пупочных грыж, излишнего напряжения мускулатуры и проч. На совесть запеленатый ребенок напоминал мумию, он не имел ни малейшей возможности пошевелиться.

В работах по акушерству 1910-х годов специалисты все чаще настаивали на отказе от тугого пеленания. Известный профессор Н.И. Побединский рекомендовал

¹⁸¹⁴ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб.: Труд, 1908. С. 293.

¹⁸¹⁵ Жук В.Н. Мать и дитя. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 560.

не пеленать туго, а так, чтобы грудь ребенка не стягивало, он мог бы производить движения ручками и ножками. Перед пеленанием врач рекомендовал надевать ребенку кофточку. Критично Н.И. Побединский отзывался о практиках бинтования, рекомендуя использовать специальные детские конверты, которые только входили в употребление¹⁸¹⁶. Женщина-врач А.А. Дернова-Ярмоленко также настойчиво рекомендовала матерям облачать новорожденного в распашонку и завертывать его в бумажную пеленку вместе с головкой, избегая тугого пеленания¹⁸¹⁷.

Несмотря на критику врачей, в употреблении встречался «свивальник», по форме напоминавший широкий бинт. «Свивальником», использование которого было широко распространено в крестьянской среде, ребенка обматывали поверх пеленок, начиная от груди до лодыжек. Он был призван продолжить «правку» ребенка. Среди матерей, особенно в народной среде, бытовало устойчивое убеждение, что тугое пеленание, «свивальник» способствуют выпрямлению ручек и ножек младенца. Если на Западе еще с конца XVIII века врачи выступали в пользу отказа от использования «свивальников», в России открыто об этом начали говорить спустя 60–70 лет. Известный детский врач М. Манасейна в 1870 году писала: *«...я не только не считаю свивальник необходимым, а напротив того положительно убеждена, что свивальник совершенно излишен и во многих случаях крайне вреден»*¹⁸¹⁸.

Дворянки, подверженные влиянию западных тенденций, отходили от традиционного тугого пеленания, «свивания» и кутания детей. Но даже убежденные сторонницы западных тенденций ухода за новорожденным, вопреки здравому смыслу, прибегали к длительному пеленанию. В частности, известная либеральная феминистка Е.И. Конради признавалась, что не могла обойтись без пеленания¹⁸¹⁹. Вместо «свивальников» все чаще употребляли детские конверты («пакеты», «тюфячки»), куда помещали ребенка в пеленках, реже в одних распашонках¹⁸²⁰. Детский конверт состоял из матрасика и подстилки, защищающей

¹⁸¹⁶ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1915. С. 125.

¹⁸¹⁷ Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911.

¹⁸¹⁸ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. С. 63.

¹⁸¹⁹ Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х т. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. С. 6.

¹⁸²⁰ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб.: Труд, 1908. С. 293.

от протекания. Однако в провинции найти в продаже детские конверты не представлялось возможным. Они продавались в специализированных столичных магазинах. Как правило, конверты были богато декорированы, в связи с чем стоили «безобразно дорого»¹⁸²¹.

В моду входила свободная, легкая одежда. В вестернизированных дворянских семьях у грудных детей кроме пеленок имелась одежда, в которую их облачали по праздникам. Наиболее распространенными и практичными считались длинные платьица. Как правило, они состояли из лифа с юбочкой. Их надевали как мальчикам, так и девочкам. Одежда детей до года никак не ранжировалась по признаку пола. Когда ребенку исполнялось полгода-год, его облачали в длинные платьица-рубашки, которые становились его повседневной одеждой. Их покрой был чрезвычайно прост: просторная косая блуза. Платьица также не ранжировались по гендерному принципу, являясь универсальной одеждой. «*Мальчиков следует одевать первые годы так же, как и девочек*»¹⁸²², – отмечалось в популярной педиатрической литературе. «*Помню брата Мишу, которого тогда водили в платьицах*»¹⁸²³, – вспоминала провинциальная дворянка. О.О. Тидеман в письмах к мужу сообщала о шестимесячной дочери: «*Олечка сегодня нарядилась первый раз в платье, я ей сшила голубенькое – ужасно к ней идет!*»¹⁸²⁴. Главным аргументом в пользу женского типа одежды (платьиц) для детей до года было ее удобство.

Когда ребенок начинал ползать, его гардероб, помимо длинных рубашечек, дополнялся «нитяными чулочками» и «полотняными шароварами» (пantalончиками), которые могла сшить любая мать. Они кроились из двух прямоугольных кусков материи. В сущности, детские шаровары походили на юбку с зашитым наглухо посередине подолом¹⁸²⁵. К.В. Лукашевич, описывая свое детство, отмечала: «*Я помню, в детстве мы ходили в особенных платьях: очень коротких и пышных, а из-под них выглядывали длинные-предлинные, до самых*

¹⁸²¹ Жук В.Н. Мать и дитя. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 575.

¹⁸²² Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Третья, 1870. С. 189.

¹⁸²³ Афанасова (Колюбакина) Н.А. Жизненный путь. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 2.

¹⁸²⁴ Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 8.

¹⁸²⁵ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Третья, 1870. С. 187.

*ступней, панталоны с оборками и кружевами»*¹⁸²⁶. Зимой ребенку поверх них надевали более теплые, фланелевые шаровары. Следует заметить, что в гардероб девочек панталончики входили не так легко и просто, как в мужской. В данном случае наблюдалось столкновение норм светского этикета, предъявляемого к дамскому гардеробу (штаны считались неподобающей для женщин одеждой как в России, так и в странах Западной Европы¹⁸²⁷), и увещаний врачей. По мнению американки К. Калверт, специалиста в области истории раннего детства, *«главным возражением против того, чтобы девушки носили панталоны, было опасение, что они начнут вести себя как мужчины и пользоваться их привилегиями»*¹⁸²⁸. Нередко девочек одевали только в длинные платья, при этом ноги оставались оголенными. Штанишек для детей до года не было вовсе.

Окраска одежды никак не выдавала половой принадлежности детей. Как правило, она имела белый цвет. Мать, желая подчеркнуть пол ребенка, использовала различные тесемки и ленты (красные или розовые для девочки, голубые или синие для мальчика) на чепчике, рубашечках и даже для нательного крестика¹⁸²⁹. Кроме этого, одежду для девочек могли украшать кружевами и вышивкой. Однако подобный декор встречался и на одежде мальчиков. В частности, на одной из своих детских фотографий (1862 г.) великий князь Сергей Александрович предстает в длинном платье нежных тонов, украшенном декоративными цветами¹⁸³⁰. В его облике ничто не выдает половой принадлежности.

Дворянки спешили облачить юных дочерей в традиционную одежду девочек-дворянок, несмотря на все ее неудобства. Европейские бонны в дворянские семьи завезли детские «корсетки», которые, вопреки врачебным запретам, повсеместно встречались в обиходе вплоть до конца XIX века. Что касается обуви, то ребенку надевали вязанные тапочки. Когда дети начинали стоять

¹⁸²⁶ Лукашевич К.В. Мое милое детство: Автобиографическая повесть к моим читателям. М.: Сибирская благовонница, 2011. С. 6.

¹⁸²⁷ Нибицер И. Опасные сексуальности: История тела и сердца // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 55.

¹⁸²⁸ Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: НЛО, 2009. С. 146.

¹⁸²⁹ Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. М.: Д.П. Ефимов, 1904. С. 7.

¹⁸³⁰ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. С. 107.

и ходить, им шили на заказ (найти в продаже было практически невозможно) мягкие матерчатые башмачки на кожаной подошве.

Таким образом, одежда для детей до года не имела гендерных признаков. Гардероб ребенка обоих полов был универсальным, вбирая в себя удобные детали женской (платьяца) и мужской одежды (панталончики).

Каждый новый месяц жизни малыша матери встречали с трепетом. В моду входило отмечать импровизированные дни рождения для детей до года. С появлением в России товаров для малолетних детей все чаще обеспеченные матери приобретали своим малышам игрушки. О.О. Тидеман писала о дочери: *«Вчера ей исполнилось полгода, так я хотела ей игрушку подарить»*¹⁸³¹. Врачи и педагоги стали призывать матерей избегать «мертвых», «скучных», «пошлых» предметов¹⁸³². Среди игрушек фигурировали в основном погремушки («побрякушки»), мячи (популярными были разноцветные мячи на ниточках), разноцветные шары, прорезыватели для зубов (преимущественно в форме костяного кольца), волчки. Часто над кроваткой малыша подвешивали разноцветные вязаные или деревянные шары. Ребенок с радостью забавлялся с ними. Для игр детям давали обычные предметы: ложки, клубки ниток, пуговицы, материю, ленты, бумагу, коробочки, домино, карты, книги и даже спички. Из игрушек для детей до года встречались разноцветные деревянные яйца, сконструированные по типу матрешек, а также сами матрешки. Их количество доходило до 11 штук. Детские принадлежности были сделаны из натуральных материалов: шерсти, дерева. В продаже появлялись резиновые игрушки, которые были более практичными и гигиеничными. В специализированных магазинах можно было приобрести небольшие деревянные игрушки-предметы (посуду, мебель).

На российском рынке стали появляться развивающие игрушки. Для грудных детей наибольшую популярность приобрели «фребелевские шары». Их создатель – известный немецкий педагог Фридрих Фребель, воспитательная система которого, в том числе идея организации детских садов, оказалась чрезвычайно популярной в России. Ф. Фребель предложил *«шесть даров»* для

¹⁸³¹ Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 23.

¹⁸³² Лабунский Вл. Детские игры и игрушечки // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 6-28; Бокин П.Н. Подвижные игры. Руководство для родителей, воспитателей и самих учащихся. М.: Изд. А.Ф. Маркс, б/г.

детей раннего возраста. Первое место в этом ряду занимали шары («мячи»), которые самостоятельно могла изготовить любая мать. Главное требование – мячи должны были быть разноцветные и висеть на ниточке. С помощью нехитрых приемов мать должна была обучать ребенка цветам, показывая и пряча шары (при этом необходимо было приговаривать: «*Есть мячик – нет мячика*»), знакомить его с утверждением и отрицанием, раскачивая шарик в воздухе, – с пространственными представлениями¹⁸³³. Среди следующих «даров» значились: деревянный шар, куб и цилиндр; куб, разделенный на восемь кубов; кубик, состоящий из восьми плиток; кубик, разделенный на двадцать семь маленьких кубиков¹⁸³⁴.

Для разглядывания новорожденным предлагали цветные лоскутки материи, яркую бумагу, чуть позже предметы, издающие звуки (в одном из пособий по уходу за младенцами рекомендовались «*чирикающая птица*» и «*колокольчик из закаленной стали*»)¹⁸³⁵. Не имея возможности приобретать специальные развивающие игрушки, «сознательные матери» предлагали своим детям коробочки разных размеров и цветов, которые они внимательно рассматривали, открывали и закрывали, укладывая туда другие предметы.

Интерес общества к детским игрушкам воплотился в инициативе Педагогического музея учительского дома в г. Москве провести первую выставку детских игрушек. Основная ее цель состояла в изучении современной детской игрушки, ее улучшении с психологической точки зрения. Предполагалось организовать несколько отделений выставки: фабричные игрушки, произведенные как в России, так и за границей; кустарные игрушки; игрушки, имеющие этнографический интерес, а также игрушки самодельные¹⁸³⁶.

Несмотря на появление все большего числа игрушек для грудных детей, «эксперты» в большинстве своем не рекомендовали матерям чрезмерно возбуждать психику ребенка. Родителей убеждали в том, что это негативно скажется на его развитии. Поэтому с детьми до года мало играли, до полугода старались даже не разговаривать. В популярной статье начала XX века автор рекомендовал молодым

¹⁸³³ Матерям о детях // Женщина. 1909. № 23. С. 18-20.

¹⁸³⁴ Коджаспирова Г.М. История образования и педагогической мысли. М.: Владос, 2005. С. 90.

¹⁸³⁵ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. С. 170-171.

¹⁸³⁶ Разные сведения и сообщения // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 184.

матерям: *«Не следует с ним разговаривать, подносить к его глазам блестящие предметы и вообще искусственно и преждевременно развивать и развлекать его»*¹⁸³⁷. Об этом же писала знаменитая женщина-врач А.А. Дернова-Ярмоленко¹⁸³⁸. Педиатры рекомендовали воздержаться не только от излишних эмоциональных бесед и игр, но и от игрушек, считая их праздной прихотью родителей. *«Нужно зорко следить за окружающими и устранять все то, что только может сильно влиять на ребенка. Самое разумное – предоставлять дитя самому себе, не развлекая и не раздражая его навязыванием каких-нибудь игрушек и вообще того, что интересует более взрослого»*¹⁸³⁹, – писал врач В.Н. Жук.

5.3.3. Искусственное вскармливание как альтернатива «кормиличному промыслу»

При отсутствии возможности практиковать самостоятельное грудное вскармливание и привлекать кормилицу прибегали к искусственному кормлению. Существенным аргументом в пользу этого явились многочисленные случаи заражения грудных детей кормилицами. С конца XIX века врачи все чаще стали высказываться о том, что проводимое по определенным правилам искусственное вскармливание может стать неплохим заменителем материнскому молоку¹⁸⁴⁰. Не желая подвергать ребенка потенциальной угрозе, многие дворянки отдавали предпочтение искусственному вскармливанию. Еще одной причиной была недостаточность грудного молока у матери, поэтому нередко доктора рекомендовали прибегать к смешанному кормлению. Отказ от услуг кормилиц и переход к искусственному вскармливанию мог быть обусловлен и идейными соображениями супругов. В частности, в семействе Толстых при рождении первенца Лев Николаевич наотрез запретил жене брать кормилицу (у Софьи Андреевны не оказалось молока). Великий русский писатель был убежден в аморальности «кормиличного промысла». Он настоял вскармливать ребенка коровьим молоком¹⁸⁴¹.

¹⁸³⁷ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1908. С. 302.

¹⁸³⁸ Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. С. 5.

¹⁸³⁹ Жук В.Н. Мать и дитя. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 1039.

¹⁸⁴⁰ Иванов В.М. Детская смертность и значение «Капли молока» в борьбе с нею. Новочеркасск: Дон. печатник, 1911. С. 13; Брейтман М.Я. Питание и вскармливание детей с современной точки зрения. СПб.: Журн. Соврем. Медицина и гигиена, 1907.

¹⁸⁴¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. С. 364-365.

Традиционным средством искусственного вскармливания являлось коровье молоко. Некоторые из докторов были убеждены, что парное молоко гораздо лучше молока наемной кормилицы, так как корова не передаст опасных болезней ребенку, дурно не повлияет на характер, нрав и умственные способности малыша¹⁸⁴². Однако далеко не все разделяли такую позицию. Врачи указывали на то, что по составу коровье молоко разительно отличается от материнского по причине высокого содержания казеина и сахара. Они советовали пользоваться молоком ослиц и кобыл. В.Н. Жук активно пропагандировал использование козьего молока. Он приводил многочисленные примеры того, как обыкновенная коза «вскармливала» крестьянских детей. В. Жук сообщал, что в начале XX века среди столичной интеллигенции, преимущественно врачей, образовался кружок с целью открытия «*питомника для вскармливания бедных детей*»¹⁸⁴³. При этом сам процесс состоял в прикладывании младенцев к сосцам альпийских коз, которые для этой цели были выписаны в Петербург. Врач-просветитель призывал родителей делиться опытом вскармливания детей козьим молоком и присылать фото своих «кормилиц». Однако козье молоко являлось редкостью, отыскать ослиное молоко в районах Центральной и Северо-Западной России было практически невозможно. В источниках личного происхождения найти свидетельства употребления в пищу кобыльего молока вовсе не удалось. В связи с этим коровье молоко, несмотря на критику со стороны специалистов, было наиболее предпочтительным.

К выбору «молочницы» (так называли женщину, поставляющую молоко, а также саму корову) подходили с особой осторожностью. Нежелательным была смена «молочницы». О.О. Тидеман писала мужу: «*Менять Оле молоко нельзя, гостить нельзя куда ехать, и вот не знаю, как мне к тебе-то выбраться*»¹⁸⁴⁴. Перед употреблением молоко кипятили. В зависимости от возраста ребенка, его разводили кипяченой водой, а также сахарным сиропом (тростниковым, свекловичным) и различными отварами. Подобные процедуры были призваны обеспечить наибольшую питательность молока и его лучшее усвоение. Наиболее распространенными отварами для разведения являлись рисовый, овсяный,

¹⁸⁴² Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 185.

¹⁸⁴³ Жук В.Н. Мать и дитя. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. С. 982; Жук В. Козье молоко – лучший заместитель женского // Акушерка. 1902. Кн. 2. № 3-4. С. 57-58.

¹⁸⁴⁴ Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидемана (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 18.

ячменный, геркулесовый и толокняный. В аптеках и аптекарских магазинах в продаже имелась специально приготовленная овсяная или ячменная крупчатая мука, которую примешивали к коровьему молоку или разводили водой. При этом овсяная мука давалась детям, страдающим поносами, в то время как ячменная для детей со склонностью к запорам. Конечный продукт получался достаточно питательным, поэтому его иногда называли «мучным супом». Для улучшения пищеварения малыша в приготовленную смесь могли добавлять известковую воду.

С 1900-х годов в употребление входили специальные приборы для стерилизации молока, произведенные за границей. Если первоначально они были доступны исключительно для семей обеспеченных (привозили из-за границы), то перед Первой мировой войной эти приборы свободно продавались в аптекарских магазинах. Они широко использовались в деятельности молочных кухонь, открытых различными филантропическими организациями (самые известные – «Капли молока»). Иностранные приборы имели распространение до начала 1920-х годов, а затем были заменены на аналоги советского производства¹⁸⁴⁵. До революции наиболее популярными были приборы Сокслета и Гиппиуса. Первый предназначался для обеззараживания молока при вскармливании детей грудного возраста, второй – для пастеризации. Они состояли из металлического сосуда и стеклянных флаконов с резиновыми затворами. Аппарат размещался на огне, под действием которого происходила пастеризация.

Стерилизованное молоко не являлось полноценной пищей. Коровье молоко вызывало многочисленные желудочные расстройства у младенцев, нередко являясь причиной их смерти. Врачи объясняли данный факт тем, что казеин, находящийся в молоке, при кипячении становился плохо перевариваемым. О непереносимости лактозы в то время педиатры ничего не знали. Однако для многих родителей выбор был не велик: либо обрекать дитя на желудочные колики, несварение, либо отказаться от кипячения и подвергнуть ребенка еще большей опасности заражения кишечной инфекцией. В связи с высоким риском употребления в пищу коровьего молока (особенно для детей до года), некоторые детские врачи настаивали

¹⁸⁴⁵ Игнатов Н.К. Питание детей всех возрастов в связи с применением суррогатов и заменой одних продуктов другими. М.: Госуд. мед. изд-во, 1922. С. 40-41.

нанимать кормилицу: *«Он велел им взять кормилицу, ибо стерилизованное молоко не может дать ребенку силы»*¹⁸⁴⁶, – писала дворянка.

Другая часть врачебного сообщества советовала матерям прибегать к использованию искусственного питания (смеси). Суррогаты для искусственного питания имели распространение в Европе еще в XVI веке. Новорожденным давали в пищу разведенные в воде арроруты – крахмальную муку, добываемую из корневищ различных растений. Чем только ни пытались кормить новорожденных. В середине XIX века в Европе были врачи, проводившие опыты вскармливания «курином молоком», которое получалось в результате разведения куриных яиц в воде (одно яйцо на 100 г воды)¹⁸⁴⁷. Европейские врачи XIX века, трудящиеся над производством идеального состава искусственных смесей, напоминали средневековых алхимиков. Результаты их трудов к концу XIX века стали иметь коммерческий успех. Конкуренция была высокой. Зарубежные фабриканты пытались убедить своих покупателей, что именно их продукт самый оптимальный для детского питания.

На российском рынке начала XX века был предоставлен широкий выбор детских смесей. Они отличались разнообразием производителей, составом и даже консистенцией. Лидером по продажам явилась швейцарская компания Nestle, основанная в 1866 году кулинаром Анри Нестле. Одним из наиболее распространенных товаров этой марки была «молочная мука». Она продавалась в жестяных банках стоимостью 1-2 рубля. Единственным официальным («законным») агентом в России по поставке товаров Nestle считался Александр Венцель, о чем сообщал соответствующий штампель на банках. Впервые в российской провинции «молочная мука» появилась в начале 1880-х годов¹⁸⁴⁸. Ее продажа сопровождалась широкой рекламой как в столичных, так и губернских газетах. В качестве примера – типичное рекламное объявление: *«Детская молочная мука Нестле для вскармливания грудных детей. Самое лучшее из всех донныне изобретенных средств, заменяющих материнское молоко; оно питательно и удобоваримо. Цена жестянки 1р 50к»*¹⁸⁴⁹. «Молочная мука» продавалась в

¹⁸⁴⁶ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

¹⁸⁴⁷ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. С. 113.

¹⁸⁴⁸ Реклама // Смоленский вестник. 1882. № 52.

¹⁸⁴⁹ Реклама // Смоленский вестник. 1893. № 11. С. 4.

торговых домах и аптекарских магазинах. В состав молочных смесей входили молоко, пшеничная мука, сахар. Врачи указывали на то, что до четырех месяцев данный товар не пригоден детям в связи с высоким содержанием крахмала. Фирма Nestle поставляла также сгущенное молоко (оно иногда называлось «конденсированным» и «швейцарским молоком», по месту своего изобретения), которое разводили кипяченой водой и давали детям. Врачи указывали на непригодность данной пищи для малолетних детей.

Судя по рекламным объявлениям, пособиям по уходу за детьми и фармацевтическим книгам, на российском рынке распространенной была сравнительно дорогая молочная смесь Бидерта. В отличие от предыдущих продуктов ее можно было давать новорожденным. Бидерт, вероятно, одним из первых начал выпускать смеси, предназначенные для детей разного возраста. На каждой упаковке был нанесен номер (от I до VI), дабы мать могла с легкостью определить нужную для ее малыша смесь. Для месячного ребенка смесь включала 1/8 литра сливок, 1/8 – воды, 15 г молочного сахара. Существовало VI номеров смеси, из которых I предназначался для новорожденных, а последний для здоровых годовалых детей. Производители смеси впервые ранжировали свою продукцию не только по возрасту, но и по «крепости» детей («для больных», для «крепких»)¹⁸⁵⁰. Помимо молочных смесей Бидерта, в России имели распространение его сливочные смеси, которые включали сливки, молоко, воду и молочный сахар.

Кроме компании Nestle и молочной смеси Бидерта на российском рынке встречались «детская пища Тейнгарда», молочная мука Гербера, мука Меллина (Mellins food), питательное средство (мука) Нивса (Neave's food), овсяная мука Кнорра, растительное молоко для вскармливания грудных детей Ламана, детская мука Ю.Ф. Мартинсенса, белково-молочная смесь Engel'я, либиховский молочный суп для младенцев и питательный порошок Либиха, солодовый суп Розенталя. Особую популярность приобрела «детская мука». Рекламные объявления заверяли покупателей, что благодаря сложности состава мука станет прекрасным и полноценным заменителем материнского молока. В состав детской муки, помимо молока, могли входить пшеничные сухари, любая обжаренная мука, солод, сахар, яйца, масло какао. Молочную муку Нивса рекомендовалось использовать в

¹⁸⁵⁰ Русский фармацевтический мануал / Сост. А. Клинге. Т. III. Пг.: Изд. К.Л. Риккера, 1915. С. 44.

качестве вспомогательного питательного средства для ослабленных детей, находящихся на грудном вскармливании. Производители молочной муки Меллин утверждали, что их продукция *«крахмала не содержит... приготовлена на свежем коровьем молоке, представляет лучшее пищевое вещество для самых малых детей и по своему составу близко подходит к материнскому молоку»*¹⁸⁵¹. Также в рекламных объявлениях встречалась молочная мука Куфеке, сухари Орреля, изготовленные из молока, муки, солода, сахара, предназначенные для детей старше четырех месяцев.

Для популяризации своего товара («молочная мука Куфеке» впервые была выпущена в 1880 г.) доктор Р. Куфеке написал работу по уходу за детьми, где активно пропагандировал собственную продукцию в качестве самого лучшего заменителя материнского молока. Его труд имел широкое распространение. Будучи переведенным на русский язык, он бесплатно высылался по почте всем желающим. Р. Куфеке снабдил свою работу подробной инструкцией по приготовлению питательной смеси, которую иногда называли «супом». Приготовление «супов» Куфеке было несколько трудозатратным делом. В необходимых пропорциях в воду добавляли той или иной «детской муки», помешивая, варили в течение 20 минут. Полученную коричневую массу с запахом солода смешивали с коровьим молоком или водой. Р. Куфеке обещал, что употребление его смеси избавит ребенка от расстройств пищеварения, худобы, поносов и запоров. Р. Куфеке использовал излюбленный рекламный прием того времени: в конце книги приводил многочисленные свидетельства докторов медицины о благотворном влиянии его изобретения.

В конце XIX века в России появился аналог европейским молочным смесям *«суррогат Келлера»* (Keller'a). *«Детская молочная пища»* производилась на фабрике *«Товарищества Р. Келлер и Ко в Москве»*. Солодово-молочный суп Келлера врачи прописывали матерям, дети которых страдали различными желудочно-кишечными заболеваниями. В рекламных объявлениях отмечалось: *«Не есть подражание общеизвестным сортам детской муки, а представляет собой своеобразное питательное средство, составленное самым рациональным образом»*.

¹⁸⁵¹ Реклама / Самгин И.Я. Адресная книжка врачей, дантистов, акушеров, лечебных заведений и аптек г. Москвы. М.: Тип. Н.И. Куманина, 1903.

*по новым научным данным и отличающееся высокой питательностью, приятным вкусом молока и весьма легкою усвояемостью...*¹⁸⁵². Полигоном для испытаний молочной смеси Келлера стал Воспитательный дом в Москве, о чем сообщалось в рекламных объявлениях. Кроме этого, смесь была одобрена ведущими врачами страны – профессором Военно-Медицинской академии (возглавлял кафедру детских болезней), педиатром Н.П. Гундобиним, главным доктором Николаевской Детской больницы Санкт-Петербурга Н.Л. Вяжлинским, которые, как указывалось в рекламных объявлениях, *«производили над этой молочной пищей наблюдения»*. Среди отечественной продукции также встречались сгущенное молоко и молочная смесь акционерного общества «Фармакон», шоколадной фабрики «Миньон» и фабрики Козлова «Альфа». Они не уступали по цене импортным аналогам. Средняя цена за фунт смеси – 1 рубль 20 копеек.

С момента появления молочных смесей в России вплоть до начала XX века значительная часть врачебного сообщества подвергала жесточайшей критике суррогаты молока и в целом искусственное вскармливание, приводя многочисленные случаи смерти детей, их отравления и приобретения тяжелейших заболеваний. Педиатры признавали искусственное кормление *«огромным социальным злом»*¹⁸⁵³. Активная критика искусственного молока способствовала пропаганде самостоятельного грудного вскармливания и исполнения женщинами, в том числе и дворянками, своих естественных функций. Однако если в XIX веке многие отечественные врачи выступали с резкой критикой искусственного вскармливания, называя его *«противоестественным»*, то к началу Первой мировой войны детские молочные смеси нашли повсеместное распространение в России¹⁸⁵⁴. Их можно было свободно приобрести в аптеках или аптекарских магазинах как в столице, так и в провинциальных городах. Детское питание мгновенно стало прибыльным для многих международных компаний. Коммерциализация грудного вскармливания вела к тому, что и в России, и на Западе именно смеси стали основными конкурентами естественного

¹⁸⁵² Реклама // Смоленский вестник. 1908. № 85. С. 4.

¹⁸⁵³ Гершензон А.О. Общество попечения о больных детях г. Одессы. Медицинский отчет о деятельности Консультаций и «Капли Молока» в 1908 году. Одесса: Экономич. тип., 1909. С. 10.

¹⁸⁵⁴ Доклад комиссии по вопросу о кормиличном промысле, естественном и искусственном вскармливании // Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным комитетом съезда. Т.3. СПб., 1913.

вскармливания¹⁸⁵⁵. Нередко даже в состоятельных семьях молочные смеси и «супы» предпочитали кормилицам. Активное внедрение отечественных детских смесей происходило под патронажем Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. В условиях Первой мировой войны это было велением времени¹⁸⁵⁶. Врачи не могли одновременно критиковать «кормиличный промысел» за безнравственность и настаивать на аморальности использования молочных смесей. Их выбор, в конечном итоге, оказался на стороне детских смесей, которые стали важной составляющей вскармливания детей до года. В случае нездоровья ребенка педиатры могли рекомендовать сменить используемую смесь. Так, доктор семейства Юсуповых советовал молодой матери княжне Ирине Александровне: «... вместо Нестле – детскую пищу Тейнгарда, т.к., по его словам, она менее других способствует развитию у детей английской болезни, а у Беби уже живот слишком большой»¹⁸⁵⁷.

Детское питание стало прибыльным бизнесом, спрос на него ежегодно возрастал. Российские газеты, журналы пестрели объявлениями о «наилучших» питательных смесях.

Повсеместное распространение искусственного питания происходило благодаря открытию молочно-заготовительных станций. Они способствовали развитию культуры искусственного вскармливания. В условиях Первой мировой войны Попечительством об охране материнства и младенчества в Петрограде была учреждена молочно-заготовительная станция, которую возглавил А.Д. Зотов. В рамках Попечительства организовывались молочные кухни, молочно-заготовительные станции, питательные пункты, а также под руководством женщин-врачей (А.В. Поповой, О.А. Шестаковой) велась подготовка «ученых нянь», специализирующихся на диетике питания детей грудного возраста¹⁸⁵⁸. Программа курса отражала важнейшие достижения науки того времени. Сестер учили правильной стерилизации детских бутылочек и сосок, наиболее

¹⁸⁵⁵ Baumslag N., Michels D. Milk, Money and Madness. New York: Greenwood Publishing Group, 1995.

¹⁸⁵⁶ Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. Т. 17. № 4. С.61-64.

¹⁸⁵⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2611. Л. 42об-43.

¹⁸⁵⁸ Попова А.В. Опыт снабжения детским молоком г. Петрограда, организованный Всероссийским Попечительством об охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 74-90.

оптимальному разведению молока (свекловичным, тростниковым сиропом, соком и др.), методике вскармливания. Их знакомили с составом и способом применения известных суррогатов молока (Нестле, Куфеке, Мелинсфорд)¹⁸⁵⁹.

Планы организаторов станций были амбициозны. Они полагали повсеместно в России создать молочно-питательные учреждения, в которых по доступным ценам будут продаваться детские молочные смеси и коровье молоко, полученное в специально организованных фермах¹⁸⁶⁰. С этой целью в тяжелейших условиях военного времени для молочно-заготовительной станции Попечительства из Лифляндии были выписаны особые породы коров. Только за первый год деятельности было отпущено различным учреждениям и частным лицам 178139 рожков молока и молочно-питательных смесей, а также 11546 бутылок молока¹⁸⁶¹. Помимо заготовки коровьего молока на молочно-заготовительных станциях стали широко применять детские смеси. В специальной лаборатории проводились исследования различных сортов детских смесей. Для более скрупулезного анализа результаты посылались в городскую химическую лабораторию. Исследования показали, что отечественное искусственное детское питание ничем не уступает заграничным аналогам¹⁸⁶².

Однако большинству прогрессивных для того времени идей в области ухода за грудными детьми так и не суждено было сбыться. В официальных документах и отчетах указывалось: *«Возникшая война направила все силы Попечительства в сторону других задач – помощи семьям запасных, имеющим малолетних детей»*¹⁸⁶³.

5.3.4. Повседневные заботы матери по сохранению жизни и здоровья ребенка

Здоровье грудного ребенка становилось главной ценностью в жизни матери. Если в дворянских семьях доиндустриальной России высокая детская

¹⁸⁵⁹ Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 46.

¹⁸⁶⁰ Там же. С. 5.

¹⁸⁶¹ Там же. С. 9.

¹⁸⁶² Попова А.В. Опыт снабжения детским молоком г. Петрограда, организованный Всероссийским Попечительством об охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 86-88.

¹⁸⁶³ Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 57.

смертность компенсировалась большим количеством деторождений и к потенциальной гибели ребенка родители были готовы, то с сокращением числа детей в семьях жизнь каждого из них приобретала особую значимость. Здоровье ребенка становилось не просто предметом повседневных забот матери, а характеризовало ее как «хорошую» или «плохую» мать.

Особое внимание родители уделяли обряду крещения. Зачастую крестили на 7–8 день после родов. Однако, если ребенок, был слаб, то старались окрестить еще раньше, дабы он не умер некрещенным. Считалось, что после физического рождения необходимо было реализовать духовное рождение ребенка. В некоторых воспоминаниях отмечается, что сразу после появления новорожденного посылали за священником. Н.З. Краевский писал, что молодые помещицы Смоленской губернии нередко одновременно посылали за акушерками и священниками¹⁸⁶⁴. М.К. Тенишева, еще не родив, приглашала свекровь на крестины: *«Тут же я просила доктора телеграфировать ей в Любань, что я прошу ее благословения и жду на крестины»*¹⁸⁶⁵. В крестильном обряде дворян переплетались формальные и неформальные стороны. С особым вниманием подходили к выбору кумы и кума, зачастую это были уважаемые родственники. Крестными могли быть бабушки, дедушки и даже прабабушки и прадедушки новорожденного. Графиня П.С. Уварова вспоминала: *«Наступает день крестин: крестным отцом должен был быть дед мой..., а крестной матерью – моя мать...»*¹⁸⁶⁶. В качестве крестных родителей выбирали самых уважаемых для семьи людей. В письменных приглашениях стать крестными приводились трогательные просьбы. Провинциальная дворянка писала: *«Уважаемый князь!... Мы бы хотели усилить доброе о Вас воспоминание разрешением Вашим быть зачисленным Крестным отцом моего сына...»*¹⁸⁶⁷.

Крестные родители не скупились на предстоящие крестины. Они полностью оплачивали все расходы, связанные с крещением, преподносили щедрые подарки. «Денежный подарок» мог достигать до нескольких сотен (в то время это составляло полугодовое жалование гимназической учительницы).

¹⁸⁶⁴ СМЗ КП 30397/1. Л. 36.

¹⁸⁶⁵ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. С. 38.

¹⁸⁶⁶ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 55.

¹⁸⁶⁷ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 173.

Провинциальный дворянин в письме к матери сообщал: *«Я дал ему денежный подарок для моей крестницы в 100 р.»*¹⁸⁶⁸. Зачастую кумовья заочно давали согласие на крещение, присылали деньги, сами же крестины проходили без их участия. Подобный сюжет нашел отражение в воспоминаниях племянницы великого русского писателя А.П. Чехова. Ее отец в письме к родственникам указывал: *«Девочку окрестили вчера. Тебя записали кумой, Антона - кумом. Большое тебе спасибо за чепчик и ризки, а главное - за то, что ты согласилась у нас крестить. ... Очень бы хотелось, чтобы ты повидала свою крестницу... Антошу записали кумом и за его счет на все крестины, вместе со крестом, израсходовали 11 рублей»*¹⁸⁶⁹.

Процедура крещения могла проходить в неожиданных местах. Нередко крестили не в церкви, а дома, боясь застудить новорожденного. Даже в условиях провинциальных городских больниц, несмотря на нехватку помещений, при родильных отделениях были предусмотрены помещения для крещения новорожденных.

При возникновении даже самых безобидных недугов у детей жизнь матери наполнялась страхами. Страх, нервозность и истеричность были вечными спутниками «сознательных матерей». Подобные чувства можно объяснить как внешними факторами – культом «истинного материнства», сконструированного «экспертами», так и внутриличностными причинами, связанными с противоречивостью женской психики. Теоретики психоанализа склонны видеть в материнских страхах проявление женского бессознательного. Карен Хорни полагала, что сверхзаботливое отношение матери к ребенку, сопровождаемое постоянными страхами, – проявление конфликта любви и ненависти¹⁸⁷⁰. С одной стороны, женщина-аристократка индустриальной России видела в ребенке смысл своего существования. С другой, подсознательно воспринимала его как источник собственных страданий, ограничивающий ее женскую свободу.

Семейная переписка была наполнена сообщениями о здоровье детей, болезнях, рецептах по излечению тех или иных недугов. Лиза Селикова

¹⁸⁶⁸ Там же. Л. 13об.

¹⁸⁶⁹ Чехова Е.М. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981.

¹⁸⁷⁰ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 145.

писала о сыне: *«Мой Леля без меня и здоровым не может остаться, а теперь и подавно, тем более что няня у меня такая глупая плакса, что во время болезни Лели она не была мне помощницей. Я все буквально делала сама и ни на минуту не отходила от своего мальчика»*¹⁸⁷¹. В личной переписке дворян строки «дети здоровы» непременно образом дополнялись сочетанием «слава Богу».

Изучение материнских дневников как профессиональных (дневников ребенка), так и личных (эпистолярных), показывает, что дети до года болели тяжело и часто. В качестве иллюстрации – отрывок материнского дневника, в котором были сделаны записи о болезнях дочери Веры: *«4 мес. – 4, 5, 6 января температура поднималась до 39», «5 мес. – 17-25 января легкий кашель и насморк, повышение температуры, до 39, покраснение глаз», «7 мес. – небольшой насморк», «8 мес. – сильный насморк», «9 мес. – жар под 39», «10 мес. – желудочно-кишечное расстройство, присоединился насморк, температура поднялась до 39», «12 мес. – желудочно-кишечное расстройство, жар, насморк...»*¹⁸⁷².

Идеальный грудной ребенок характеризовался следующим образом: *«У здорового грудного ребенка глазки блестят, личико, полное, круглое, тельце упитанное, плотное, кожа туго натянута, упруга, ягодицы плотны, выпуклы, сон у ребенка спокойный, аппетит ровный, моча прозрачная, почти без запаха, выделяется не менее 8 раз в сутки. Испражнения кашицеобразные, 2-3 раза в день, золотисто-желтого цвета; запах их очень слабый, кисловатый, не противный»*¹⁸⁷³. «Худоба» детей до года считалась признаком их плохого здоровья. В характеристике «прелестного» ребенка непременно указывалось его полнота, «крепость», упитанность: *«Видел их маленькую: одно слово прелестная: смуглая, красная, загорелая, большая»*¹⁸⁷⁴. «Человек с весом»¹⁸⁷⁵, – шутливо называла мать своего новорожденного. Графиня П.С. Уварова вспоминала о первенце: *«Все идет хорошо: маленький – здоровый, крепкий ребенок»*¹⁸⁷⁶. Полнота ребенка для родителей являлась доказательством его здоровья, поэтому нередко они не

¹⁸⁷¹ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 21об.

¹⁸⁷² Е.Б. Из дневника матери. Ребенок в первый год жизни // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 33-34.

¹⁸⁷³ Первый женский календарь на 1908 г. / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1908. С. 294.

¹⁸⁷⁴ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

¹⁸⁷⁵ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

¹⁸⁷⁶ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 55.

понимали, отчего болеет ребенок, если он такой «толстый»¹⁸⁷⁷. Идеалом ребенка считались изображения младенцев на картинах художников итальянского Возрождения. Показательной стала история в одном из дворянских семейств. Нянечки, тетки, кормилицы до того боялись «истощения» десятимесячного ребенка, что составили особую диету питания, состоящую из молока, *«сколько ребенку угодно было»*, трех яиц, мясного сока и сухарей. Ребенок был чрезмерно полным, его запрещалось брать из кровати, не приветствовались игры с ним, он лежал неподвижно. Однако это не мешало демонстрировать младенца в качестве образца здоровья, силы и превосходного развития¹⁸⁷⁸. Врачи выступали с критикой чрезмерного питания младенцев, нередко впустую доказывая, что младенческая полнота чревата многочисленными физиологическими нарушениями.

Для укрепления детского здоровья вестернизированные врачи рекомендовали проводить процедуры закаливания уже с новорожденными детьми. В семье Половцовых, например, ребенка регулярно купали в воде с температурой не выше 30 градусов. Однако подобные практики были скорее исключением, чем правилом. Согласно мемуарной литературе, родители в большинстве своем настороженно относились к купанию в прохладной воде и к прогулкам в холодное время года. Матери опасались острых респираторных заболеваний, которые нередко приводили к осложнениям. В связи с этим для них было легче вовсе отказаться от осенних и зимних прогулок, чем подвергать ребенка риску. В ряде сообщений отмечалось, что детей выводили на улицу только в середине апреля (*«когда просохла земля»*)¹⁸⁷⁹. *«Прошел март месяц. Мы еще не выходили из комнаты»*, – сообщала в своем дневнике десятилетняя Евгения Шахматова. В некоторых семьях на прогулку с детьми отправлялись только в мае, после утверждения теплой погоды. Считалось, что мороз губителен для неокрепшего организма. А.В. Половцов, сторонник закаливания, удивлялся утверждениям жены: *«Катя уверяет, что «ходить», гулять ему можно будет лишь с марта, когда установится погода»*¹⁸⁸⁰. Однако он не сопротивлялся ее решению. Другая мать в дневнике сообщала, что дочь впервые была вынесена на улицу 6 апреля в

¹⁸⁷⁷ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

¹⁸⁷⁸ Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. С. 42.

¹⁸⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 109. Л. 4.

¹⁸⁸⁰ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13. Л. 9об.

семимесячном возрасте¹⁸⁸¹. Этот факт подтверждают и визуальные источники. На дореволюционных фотографиях невозможно обнаружить дворянских детей до года на фоне зимнего пейзажа. Даже в некоторых отечественных медицинских работах отмечалось: *«Если ребенок родился поздней осенью или зимой, то, при нашем климате, выносить его на улицу невозможно»*¹⁸⁸². Если детей и выводили зимой на улицу, то их нещадно кутали. Будучи взрослой, женщина вспоминала зимние прогулки ее раннего детства как нескончаемые мучения: *«Сверх платья натягивались кофточки и платочки; на ноги – пары две шерстяных чулок, гамаши, меховые сапожки и галоши, на голову – чепцы, барашковые шапочки, башлыки и еще платочки; и когда мы превращались в бесформенные массы, мама нас благословляла, и мы, медленно перекатываясь, шли гулять»*¹⁸⁸³. Схоже по содержанию описание М. Сабашниковой: *«Прежде всего надевали теплые фланелевые панталоны, за ними следовали теплые меховые сапожки, доходившие до колен и застегивавшиеся целым рядом пуговиц. На плечи надевался шелковый платок, а на него – ватное пальто, у меня еще и с пелеринкой, такое толстое, что рукава так и оставались растопыренными. На руки надевались варежки. Меховая шапочка покрывалась еще башлыком... Капюшон обшивался серебряным или золотым галуном, а верхушка украшалась кисточкой. Его длинные концы перекрещивались под подбородком и завязывались сзади на спине. Так закутанные, мы едва могли двигаться и поневоле шагали медленно, торжественно»*¹⁸⁸⁴. При этом на улице детям запрещалось разговаривать, кричать, дышать ртом, дабы не подхватить болезнь. Результат подобных снаряжений не заставлял себя долго ждать – дети простужались.

Не столько прогулки в холодную погоду таили опасность заболеваний, сколько условия, в которых содержались дети: плохо отапливаемые помещения, сквозняки, холодный пол, характер детской одежды. В зимнее время в комнатах усадьбного дома температура в среднем не превышала 13–16 градусов. Особенно холодно было на полу (несмотря на то, что его старались утеплить – обкладывали

¹⁸⁸¹ Е.Б. Из дневника матери. Ребенок в первый год жизни // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 34.

¹⁸⁸² Манасеева М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Третья, 1870. С. 150.

¹⁸⁸³ Б-ъ С. Воспоминания (Психологические этюды) // Русская школа. 1911. Кн. 4. С. 170.

¹⁸⁸⁴ Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. С. 11.

коврами и затыкали большие щели), поэтому грудных детей держали постоянно в кроватках или на диванах.

При наличии достаточной площади в доме для осенне-зимних прогулок выделяли отдельную комнату без отопления (террасу), которую регулярно проветривали. В летнее время популярность приобрели воздушные ванны для совсем маленьких детей. А.Г. Достоевская, находившаяся с мужем за границей, записала в дневнике: *«Мы, по настоящему совету доктора, каждый день вывозили нашу дорогую крошку в Jardin des Anglais, где она и спала в своей колясочке два-три часа»*¹⁸⁸⁵. Вероятно, для молодой матери эта практика была в новинку, так как она признавалась, что следовала наставлениям европейского доктора. На фотографиях начала XX можно увидеть снимки малышей (уже сидящих, но еще не умеющих ходить), ползающих (нередко полностью раздетых) по специальному покрытию на лужайке усадебного дома под пристальным надзором матери или няни.

Важным периодом для каждой матери являлось отучение ребенка от груди и введение прикорма. В позициях педиатров по данному вопросу не было единства. Если одни настаивали на раннем введении, то с начала XX века все большее число детских врачей рекомендовали не использовать прикорм до девятого месяца¹⁸⁸⁶. Согласно мемуарной литературе, большинство матерей старались приучить детей к «общему столу» чуть ли не в первый год их жизни. Во многом это было связано с представлением о правильном питании грудных детей в крестьянской среде, из которой часто в дворянские семьи попадали кормилицы. Нередко сами врачи рекомендовали вводить прикорм с первых дней жизни. В частности, известный в XIX веке врач В.В. Дерикер советовал новорожденным давать слабый мясной бульон. Его рецепт был достаточно оригинальным: *«Советую варить равные доли говядины и телятины, по 15 золотников, в полутора бутылках воды, в продолжение шести часов; остудив, сняв жир и, слегка посолив, смешивать с равными долями с молоком и водою. Эту смесь можно давать ребенку с первых дней жизни»*¹⁸⁸⁷. В интеллигентных семьях, так же как и в крестьянских, ребенка

¹⁸⁸⁵ Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. С. 187.

¹⁸⁸⁶ Шестакова О.А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб.: Тип. "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1910. С. 14.

¹⁸⁸⁷ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. С. 186.

пытались накормить «твердой пищей» как можно раньше. *«На каждом шагу мы видим, что всякая женщина, независимо от того, достаточно ли у нее грудного молока или нет, – считает обязательным прикармливать ребенка как можно раньше, коровье молоко считается часто несущественной пищей; по мнению крестьян, молоко питье, пища же должна быть непременно осязательная, твердая»*¹⁸⁸⁸, – писал дореволюционный врач П.Ф. Кудрявцев. В ряде источников отмечалась целесообразность введения прикорма на сороковой день жизни малыша посредством добавления хлеба в бульон или молоко¹⁸⁸⁹. Дворянка О.О. Тидеман в переписке с мужем жаловалась на плохое состояние дочери, сопровождаемое расстройством стула и вздутием живота. В возрасте шести месяцев ребенок уже ел *«жидкую манную кашку»* (на коровьем молоке), *«бульон»*, при этом врач рекомендовал *«через неделю в бульон подмешивать сырой желток, а потом и яичко давать и котлеточку»*¹⁸⁹⁰. Врачи настаивали на введении *«яйца всмятку»* в рацион трехмесячного ребенка, что было вызвано необходимостью профилактики рахита (в настоящее время яичный желток заменяет синтетический витамин «Д»). Прикорм составляли различные каши, «рисовые отвары», которые, ввиду сложности их измельчения, плохо переваривались в организме полугодовалого ребенка. Например, мать, описывая характер питания своей десятимесячной дочери, указывала, что в ее рацион помимо грудного молока входили манная каша на бульоне, геркулесовое печенье, кисель из сушеных фруктов, яичный желток, печеное яблоко, сырые яблоки и груши, мясная котлетка¹⁸⁹¹.

Введение прикорма часто сопровождалось болезнями малыша и серьезными нарушениями его стула. Страницы материнских дневников пестрят описаниями проблем, связанных с пищеварением ребенка. При возникновении запоров детям ставили клизмы с добавлением борной кислоты. В особо тяжелых случаях врачи прописывали приемы магнезии. В летнее время в детский рацион

¹⁸⁸⁸ Кудрявцев П.Ф. Деревенские ясли-приюты в Симбирской губернии летом 1899 г. Сызрань, 1900. С. 25-26

¹⁸⁸⁹ Веремченко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 20.

¹⁸⁹⁰ Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. С. 40.

¹⁸⁹¹ Е.Б. Из дневника матери. Ребенок в первый год жизни // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 32.

старались добавить больше ягод и фруктов. Очевидно, столь частые кишечные расстройства являлись следствием нарушения элементарной гигиены и неправильного введения прикорма. Дореволюционный врач П.Ф. Кудрявцев называл желудочно-кишечные катары и поносы у детей грудного возраста бытовой болезнью русского православного населения¹⁸⁹². Согласно общегосударственной статистике, ежегодно от желудочно-кишечных заболеваний умирало около 1 млн. детей до года, в то время как от оспы – 60 тысяч¹⁸⁹³.

Питание детей до года вызывало множество тревог у родительниц. Свекровь в письме к невестке писала: *«Дорогая Соня, сейчас узнала по письму Гриши (и по прилагаемой записке М-те Пегелу), что у тебя заботы о питании твоего младенца; пожалуйста, не беспокойся...»*¹⁸⁹⁴. Расстройство желудка младенцев лечили также теплом, диетой, при поносе часто давали касторовое масло («касторку»)¹⁸⁹⁵. В типичном рецепте врача содержалось: *«Пока держится понос, лучше живот ребенка держать в тепле (пока компресс, а потом – фланель), строго соблюдать диету и беречь от простуды»*¹⁸⁹⁶. Однако среди рецептов и назначений встречались не вполне традиционные средства. Для лечения поноса, при наличии рвоты у младенцев, применяли «коньяк» (!). Из рецепта врача: *«Если рвоты больше нет, то коньяк нужно перестать давать. Как только понос прекратится, можно давать цельное кипяченое молоко...»*¹⁸⁹⁷. При «катаре кишек» вместо пищи прописывали поить водой с белком и сахаром¹⁸⁹⁸.

Введение прикорма в рацион ребенка вызывало физиологические проблемы у кормящей матери. Из личной переписки дворянок видно, что значительная часть женщин страдала заболеваниями груди. Это было вызвано, прежде всего, тем, что ребенок, потребляя новую пищу, уже не нуждался в таком количестве грудного молока. Дворянки редко прибегали к сцеживанию молока, следствием чего являлось появление маститов. В одном из писем пожилая женщина, несмотря на

¹⁸⁹² Кудрявцев П.Ф. Деревенские ясли-приюты в Симбирской губернии летом 1899 г. Сызрань, 1900. С. 24.

¹⁸⁹³ Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. Пг.: Гос. тип., 1917. С.31.

¹⁸⁹⁴ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

¹⁸⁹⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2611. Л. 31.

¹⁸⁹⁶ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 114.

¹⁸⁹⁷ Там же. Л. 115.

¹⁸⁹⁸ Левоневский А.Ф. Материалы о психическом развитии ребенка в течении первого года его жизни // Русская школа. 1909. № 3. С. 161.

свою «неопытность» (видимо, не имела опыта самостоятельного грудного вскармливания), давала советы молодой матери: *«Позаботься с Гришей о том, чтоб исполнить для себя все, что нужно относительно сбавки молока, чтобы груди у тебя не болели»*¹⁸⁹⁹. При этом, что любопытно, забота о «женском здоровье» и «сбавке молока» адресовалась, в том числе и мужу.

С особым беспокойством молодые матери ожидали появления первых зубов у ребенка. Согласно народным поверьям, плохой приметой считалось рождение детей с зубами. В научно-популярной литературе начала XX века содержались изуверские рекомендации родителям: *«Зубы появляются иногда уже на 3-м месяце, но бывают случаи, когда ребенок рождается с зубами; в последнем случае следует немедленно удалить их»*¹⁹⁰⁰. Темы, связанные с прорезыванием зубов, занимали существенное место в личной переписке дворянок. Начитанность и осведомленность молодых матерей относительно развития дитя приводила к чрезмерным и необоснованным волнениям. Как правило, беспокойство вызывало позднее появление первых зубов и их прорезывание не по расписанию¹⁹⁰¹. Часто встречались жалобы женщин на то, что у годовалых детей отсутствовали зубы. Вероятно, это было связано с нехваткой витаминов или проявлениями рахитизма.

Для облегчения боли и лучшего прорезывания зубов детям давали различные металлические предметы, изделия из слоновой кости и гуттаперчи. В качестве болеутоляющего средства использовались народные средства: «фиалковый корень» (корневище ириса), который применяли в высушенном виде, а также мед (им смазывали десны). В аптекарских магазинах стали появляться специальные приспособления для прорезывания: «кольца для ребенка», выполненные из гуттаперчи; различные «гремушки». В аптеках также можно было приобрести специальные мази для облегчения боли. В их состав часто входил опий¹⁹⁰², поэтому врачи указывали на небезопасность данных средств. При затрудненном прорезывании зубов западные врачи делали надрезы на десне

¹⁸⁹⁹ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 26об.

¹⁹⁰⁰ Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901. С. 76.

¹⁹⁰¹ «Сегодня у Бори прорезался второй зуб, только сегодня, тогда как он должен был прорезаться еще 2 недели тому назад», – писала Е.Н. Половцова (ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 29об-30).

¹⁹⁰² ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 55. Л. 31.

ребенка. Однако о существовании подобных практик в России сведений найти не удалось.

К распространенным недугам, приносящим беспокойства молодым матерям, относились физиологическая желтуха новорожденных, именуемая в личной переписке «желтушка», и «английская болезнь» (рахит). Эти заболевания встречались довольно часто как в народе, так и высших слоях общества. «Желтушку» лечили преимущественно народными средствами, в частности, – настойкой корня ревеня¹⁹⁰³. *«Встала довольно рано, приняла ревенные капли Бибису»*¹⁹⁰⁴, – писала княжна С. Волконская. Современные фармацевтические препараты, устраняющие желтушность новорожденных, также производят на основе этого растения. Частые случаи рахита у детей из обеспеченных семей современная наука может объяснить широким употреблением в пищу коровьего молока, результатом чего становилась плохая усвояемость кальция и фосфора у новорожденных. К признакам рахита обыватели относили «тонкие ножки и ручки», кривые нижние конечности, «ненормальную величину головы», «вздутие животика»¹⁹⁰⁵. Неприятным спутником первого года жизни ребенка была молочница, с которой родители легко справлялись. Кроме протирания ротовой полости соленой водой прибегали к смазыванию бурой. От гнейса («родимой грязи») также легко избавлялись при помощи втирания сала в волосистый покров ребенка и чесания его головки гребешком¹⁹⁰⁶.

Среди распространенных инфекционных заболеваний на первом году жизни были бронхит, ангина, круп, коклюш. Много хлопот матерям доставлял детский кашель, который часто заканчивался различными осложнениями. Медикаментозное лечение кашля встречалось редко. В большинстве случаев детям давали пить сахарную воду и ставили горчичники¹⁹⁰⁷.

Еще одной проблемой для молодых матерей становились частые кишечные инфекции у детей и расстройства стула. При появлении признаков кишечной инфекции уже тогда матери знали четкий алгоритм действия: обильно поить и не кормить. Вместо простой воды детям предлагали сахарную воду, а также

¹⁹⁰³ Жуковский В.П. Курс детских болезней. СПб.: Изд-во. Бр. Башмакова, 1908. С. 73.

¹⁹⁰⁴ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

¹⁹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 102.

¹⁹⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 14-18.

¹⁹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 378. Л. 106-7.

магнезию. Для облегчения боли в животе его намазывали «русским маслом» и обворачивали материей.

При малейшем проявлении болезни, будь то сыпь или кашель, матери впадали в крайне тревожное состояние. Обеспечить ребенка квалифицированной педиатрической помощью было непростым делом даже в императорской семье. Когда у будущего императора Александра III заболел одиннадцатимесячный сын Александр (второй по счету), то все остальные заботы семьи отошли на второй план. Родители дни напролет проводили в комнате ребенка. Даже день рождения императора Александра II (дедушки малыша) проходил в тягостной атмосфере¹⁹⁰⁸. Однако ни лучшие приглашенные врачи, ни молитвы императорской семьи не спасли ребенка, который вскоре умер.

Беспомощность перед возникающими заболеваниями, дефицит педиатрической помощи превращали существование «новой матери» в постоянно истерическое существование. Е.Н. Половцова, описывая свое состояние во время простуды ребенка (первенца), отмечала, что испытала настоящий ужас: *«Не могу описать тебе своего ужаса, не могу передать своего чувства! Ничего подобного в жизни я еще не переживала... Я была близка к потере сознания»*¹⁹⁰⁹. Другая дворянка, вспоминая свое детство, отмечала, что мать их любила *«странный любовью»*, что выражалось не в духовной близости, а в постоянных переживаниях за их здоровье. *«Она постоянно боялась, чтобы мы не простудились или не объелись..., когда я или брат бывали больны, трудно себе и вообразить, что творилось у нас в доме»*¹⁹¹⁰, – писала она. Страх за жизнь и здоровье детей был настолько сильным, что в случае малейшего недомогания родители посылали за доктором (разумеется, при существовании такой возможности). Т.Л. Сухотина-Толстая, дочь известного русского классика, приводила любопытный эпизод из своего детства. Когда на ее лице и лице брата появилась легкая сыпь, мать тотчас же пригласила врача, несмотря на отсутствие у детей температуры и бодрое состояние¹⁹¹¹. Осмотрев своих пациентов, врач диагностировал аллергию, успокоив Софью Андреевну отсутствием кори. Врач в глазах обеспокоенных матерей,

¹⁹⁰⁸ Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 50.

¹⁹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 85об.

¹⁹¹⁰ Б-ъ С. Воспоминания (Психологические этюды) // Русская школа. 1911. Кн. 4. С. 159.

¹⁹¹¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. С. 97.

пребывающих в постоянно нервном состоянии, превращался в гаранта их спокойствия. Предчувствие смерти, страхи за жизнь и здоровье ребенка не покидали матерей. В связи с этим в женских воспоминаниях рассказы о заболеваниях детей часто сопровождались указаниями о том, что ребенок «*чуть не умер*». Во время лечения детей матери-аристократки, как правило, все заботы по уходу за ним брали на себя, не доверяя прислуге. Мужья зачастую оставались в стороне, не оказывая существенной поддержки своим женам¹⁹¹².

Отсутствие квалифицированной педиатрической помощи приводило матерей к разочарованию в медицине и докторам¹⁹¹³. Найти спасение многие пытались в традиционных способах лечения – народной медицине. Популярным веянием стало увлечение гомеопатией.

Несмотря на развитие педиатрии, уровень смертности детей был высоким. Ни мать-крестьянка, ни мать-аристократка не могли уберечь своих детей от коварных болезней. Если матери начала XIX века избегали описания их смерти, то женщины второй половины XIX века стремились подробнейшим образом запечатлеть это событие. Смерть ребенка перестала восприниматься как естественное событие, которого не избежать. Отдавая все силы ребенку, самостоятельно вскармливая его, ухаживая за ним, матери острее переживали любые формы недомоганий своего чада, а его смерть превращалась в настоящую драму. Смерть становилась одновременно и вызовом для «новой матери» и ее трагедией. Основные причины столь сильных эмоциональных переживаний – сокращение числа детей в дворянских семьях (жизнь каждого из них приобретала особую ценность) и распространение «новых», сверхзаботливых матерей, вся жизнь которых была связана с воспитанием детей. Корреляция между количеством детей в семьях и тяжестью материнских переживаний, вызванных гибелью детей, не абсолютна, но она явно прослеживалась. В качестве свидетельства – восприятие смерти собственного ребенка многодетной матерью Софьей Андреевной Толстой. В семье Толстых было 13 детей, двое из которых умерли. Смерть Пети осенью 1873 года мать описала в письме к родственнице достаточно сдержанно: «*Что это*

¹⁹¹² «Тут она горько жаловалась на папу, оставлявшего ее одну возиться с больными детьми и уходившего по вечерам то в клуб, то в гости», - вспоминала о матери В.П. Багриновская (РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 20).

¹⁹¹³ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 75; ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.

было – бог знает. Больше всего похоже на круп. Началось хрипотой, которая усиливалась все более и более, и через двое суток унесло его... умер этот веселый толстенький мальчик и остался такой же полный, кругленький и улыбающийся, каким был при жизни. Страдал он, кажется, мало, спал очень много во время болезни, и не было ничего страшного – ни судорог, ни мучений. И за то, слава богу»¹⁹¹⁴. Лев Николаевич в письмах признавался в тяжести потери, но при этом отмечал, что эта жертва – меньшее из возможных зол («эта смерть легче всех и для всех»¹⁹¹⁵). Слова русского классика, отца семейства звучат достаточно цинично, повествование матери также не окрашено эмоциональностью. Сложно представить, что чувствовали родители столь многочисленного семейства. Скорее всего, большое число детей притупляло родительское горе.

Настроения матерей-дворянок 1860–1870-х годов были противоречивы. Светские дамы, дамы света и вообще все те, для кого материнские обязанности уступали перед соблазном светской жизни, сравнительно спокойно относились к болезням и смертям детей. В.П. Багриновская, вспоминая свое детство, удивлялась поведению матери. В то время когда тяжело заболел брат Боря, мать продолжала вести активную светскую жизнь. Ребенок лежал один в комнате с высокой температурой (40), бредил, стонал, а мать тем временем собиралась на вечернюю прогулку со своим новым кавалером. Приехав запоздно, веселая, в добром расположении духа, она нашла своего сына уже мертвым, о чем ей сообщили перепуганные старшие дети. По воспоминаниям дочери, произошедшее крайне расстроило мать, она была вся в слезах, не находила себе места, но быстро успокоилась. Приехавшая мать (бабушка детей) подбадривала дочь, отмечая, что в ее тяжелом положении (без мужа, угроза нужды) произошедшее – не самый плохой вариант: *«Полно, Катя, слава Богу, Бог прибрал, развязал и тебя и его. Ну что бы ты стала делать, если бы он вырос идиотом»*¹⁹¹⁶.

Подобные рассуждения скорее отличали крестьянскую среду, где в условиях многочисленных семейств и постоянной нужды смерть детей часто воспринималась как «божественное избавление». Врач А.С. Сабурова, имевшая богатый врачебный опыт работы в деревнях, писала о матерях-крестьянках:

¹⁹¹⁴ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. С. 157.

¹⁹¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 94об.

«Многие жаждут смерти своих детей, и не всегда по бедности, часто по нежеланию с ними возиться, и дети до 5–6-летнего возраста не представляют для них никакого интереса... и, когда они больны, они радуются, что может быть «Бог приберет». Поэтому они равнодушны и к уходу за ними, и к несчастным случаям, и к заразе, эпидемиям, так что увещевания беречь детей остаются словами»¹⁹¹⁷.

Иная картина переживаний представлена в интеллигентных семьях начала XX века. Страницы женских дневников, где они изливали свои чувства, содержат тяжелые описания материнского горя. Порой эти описания доходили до высокой степени самоистязания. Беспомощность перед обстоятельствами, самобичевание матери представлены в дневнике Александры Знаменской. Она подробно описала смерть своих детей. Положение заботливой матери было особенно драматичным, так как за короткий промежуток времени скоротечно скончались сразу четыре ребенка. Это событие она описывала спустя годы: *«В 1883 году скарлатина с дифтеритом вырвали у нас сразу в течение одного месяца 1 сына и 3 дочерей. Погибли 2 старшие девочки..., в которых я вкладывала всю силу души своей. Я думала, что с их смертью умерла и я. Я была близка к сумасшествию. Чувство полного одиночества давило меня... Муж не только не помогал мне переносить мое горе, но усугублял его разными придирками и несправедливостями... Три понедельника подряд из нашего дома выносили по детскому гробику. В Симбирске я хоронила десятилетнюю Маню, а в Анненкове муж в это время хоронил трехлетнюю Лиду и годовалого Колю, а меньше чем через год от дифтерита умерла вторая дочь Надя... Катастрофа была ужасная»¹⁹¹⁸.* Несчастная мать признавалась, что готова была покончить жизнь самоубийством, но только оставшиеся в живых дети останавливали ее. Она описывала, как в минуты отчаяния убегала из дому на могилы детей, как мучилась в одиночестве, без какой бы то ни было поддержки, как тщетно пыталась найти ответ на вопрос: «За что?». Подробно повествуя о болезнях и смертях детей, мать стремилась сохранить о них память, не дать себе забыть мельчайшие подробности жизни бесценных для нее существ.

¹⁹¹⁷ Сабурова А.С. Отчего умирают в деревнях маленькие дети // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 128.

¹⁹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 4об-5, 22-22об.

Гибель малолетних детей, в которых «новые матери» вкладывали все силы, посвящая им свою жизнь, приводила женщин в отчаяние. В.П. Багриновская не могла поверить словам врача, который утверждал, что шансов на выздоровление у ребенка нет. Дети умирали медленно, на глазах несчастных матерей: *«С закрытыми глазками с бледным личиком она глухо стонет, а мы с Мишей бессильно ворочались на своих жестких кроватях, зная, что и любовь и наука бессильны... Ну пусть ей суждено умереть, но зачем же ужасные, безграничные муки»*¹⁹¹⁹.

В семье Половцовых, несмотря на тщательный уход, приглашение лучших докторов, внимательность родителей к здоровью ребенка, после длительной болезни умер первенец Боря. Родители стоически вынесли горе, повинуясь судьбе. Отец А.В. Половцов подробнейшим образом описал последний день из жизни сына. Я позволю себе привести отрывок из отцовского повествования: *«30 июля. 1884 г. Я пишу эти строки в кабинете. До меня долетают из спальни тихие стоны нашего первенца и единственного сына... Боря еще жив, но часы его, по-видимому, сочтены. К сильному слизисто-кровоавому поносу, который мучает его уже 2 недели, с 16 июля, присоединился на днях нефрит, острое воспаление почек. Надежды, кажется, нет вовсе. Врач говорит, что на выздоровление все-таки еще 25 % шансов, но это говорится, кажется, только для утешения. Мы с Катей совершенно приготовились к кончине нашего ненаглядного ангела-сына. Мы смиренно преклонимся перед неистовыми судьбами промысла, если Ему будет благоугодно взять у нас наше сокровище... Катя разделяет этот взгляд вполне. Поэтому мы сравнительно покойны... И за что только страдает так этот ангел во плоти? Эти тихие стоны надрывают душу. Я всеми силами стараюсь не поддаваться суеверным предположениям и гаданиям... Пока наш Боря еще жив, мне хочется хоть приступить к продолжению и может быть к заканчиванию его дневника... День кончины нашего первенца, нашего Бори. Бори Половцова не стало. Господь призвал к себе его безгрешную душу... Теперь 9 ч вечера. В зале лежит на столике в матросском платьице, все в цветах дорогое тело ненаглядного Бори. А я сижу в кабинете с Анной, той хорошей, доброй няней, которую так безгранично любил Боря..., и мы вспоминаем все, что было еще так недавно, было еще так*

¹⁹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 49.

*хорошо»*¹⁹²⁰. Спустя месяц после гибели сына мать напишет: *«А как скучно по Боре, милый Толя! Так все его напоминает! До какой степени мне странно, что его нет, не могу и выразить тебе! Я ловлю себя очень часто на том, что воображаю, что он здесь, сейчас придет с Анной или я иду укладывать его спать и т.д.»*¹⁹²¹.

Важным аргументом в пользу того, что дети становились центром материнского существования, а их смерть – тяжелейшей из трагедий, было появление в России жанра посмертных детских фото. Первые фотоснимки мертвых детей, сделанные по просьбе родителей, возникли на Западе¹⁹²². Вскоре подобная практика появилась в России. Следует отметить, что первое указание на желание запечатлеть образ мертвого ребенка было связано с семьей Александра Александровича (будущего императора Александра III). Второй ребенок Марии Федоровны Александр тяжело заболел (видимо, простуда) и умер в 11 месяцев. Горю матери не было предела, которая за несколько дней осунулась и постарела. К мертвому ребенку пригласили известного художника Ивана Крамского, который сделал карандашный рисунок умершего Великого князя¹⁹²³. Эта практика, очевидно, имела широкое распространение. В Смоленском художественном музее, к примеру, хранится работа неизвестного художника, на которой он изобразил купеческую семью. Вместе с родителями располагались дети, в том числе уже умерший мальчик. На другой картине художник Л.С. Горовиц сделал посмертный портрет Изабеллы Потоцкой (1887 г.). На нем во весь рост изображена красивая молодая девушка с пронзительным взглядом. Художник использовал краски темных тонов, на фоне которых бледное лицо девушки притягивает взгляды зрителя.

Фотография явилась продолжением существовавшей практики изображать на семейных портретах умерших детей. Посмертные фото имели широкое распространение и представляли композиционное разнообразие. Однако этот жанр фотографии и саму практику посмертных фото в России никто не изучал.

¹⁹²⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 103об-108об.

¹⁹²¹ ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 136об.

¹⁹²² Среди исследователей, коллекционеров фотографий присутствует точка зрения, что данная традиция зародилась в викторианской Англии (наиболее известная коллекция находится в архиве Бернса), а затем распространилась по всей Европе, США и в России / <http://sneznybars.livejournal.com/6906.html> (дата обращения 21.12.2013).

¹⁹²³ Боханов А. Мария Федоровна. М.: Вече, 2013. С. 189.

Просмотр нескольких десятков посмертных фотографий, представленных в сети Интернет, позволяет сделать вывод о том, что родители нарочито стремились придать мертвым детям вид живых. Их наряжали в лучшие платья, усаживали на фоне игрушек, даже размещали между живыми детьми, – все ради того, чтобы продлить их живое существование, запечатлеть их последние мгновения. Посмертные фотографии явились новой коммеморативной практикой, доступной широким слоям общества.

Появление материнства как особого социального института, сопровождаемого сложными психическими переживаниями женщин, выражалось в существенных трансформациях взаимоотношений между матерью-дворянкой и ее грудным ребенком. Размеренная, спокойная жизнь девушки-дворянки после замужества и рождения детей превращалась в существование, наполненное беспокойствами и страхами. Вследствие новой формировавшейся идеологии «сознательного материнства» на мать обрушивалось огромное число долженствований и обязательств, к которым она не была подготовлена. Прежде материнство являлось областью частной жизни, на протяжении второй половины XIX века оно приобретало характер публичных действий и становилось сферой социальной деятельности женщины.

Существование большинства матерей замыкалось на ребенке. Они отвечали за его жизнь и здоровье, сложно переживая любые возникавшие отклонения от нормы у ребенка. Низкая доступность педиатрической помощи, отсутствие квалифицированного лечения и соответствующих медикаментов, а также многочисленные заблуждения в отношении правильного ухода за грудным ребенком приводили к тому, что смерть детей была постоянной спутницей семейной жизни. Если в многодетных крестьянских семьях на гибель ребенка смотрели относительно спокойно, то для матери-дворянки детская смерть, в условиях сокращения числа деторождений и возросших требований к ее поведению, превращалась в тяжелейшую драму, отнимавшую у нее главный предмет материнской заботы и деятельности. Даже в начале XX века сложно было отыскать дворянскую семью, которой бы не коснулась трагедия детской смерти.

Страх перед смертью ребенка, осознание своей беспомощности приводили к тому, что мать стремилась заручиться поддержкой квалифицированного педиатра. В условиях распространения семей «детоцентристского» типа, «сознательного материнства» в обеспеченных дворянских семьях стал зарождаться педиатрический патронаж. Формировался тандем «ответственной матери» и частнопрактикующего педиатра. Они направляли совместные усилия в борьбе за жизнь и здоровье новорожденных. В дворянской среде были выработаны различные формы реализации врачебного патронажа и консультирования. Данная тенденция свидетельствовала о процессе «профессионализации» материнства. Мать все более доверяла не народным приметам, народной медицине, советам родственников, а научным знаниям. При недоступности частых посещений педиатра «родительские дневники» становились связующим звеном между родителями и врачами.

Практические шаги на пути реализации многочисленных проектов по поддержке материнства и младенчества осуществляли в основном филантропические организации. В то время как в столичных городах получили распространение педиатрические консультации и частично врачебный патронаж, в провинции, ввиду крайнего недостатка средств, организованная педиатрическая служба продолжала оставаться исключением. Кроме этого, общественные и государственные силы были ориентированы на оказание помощи беднейшим матерям, мать-дворянка не рассматривалась в качестве объекта государственной педиатрической помощи. Потребность в привлечении многочисленных ресурсов по формированию системы врачебной и социальной помощи всем без исключения матерям в России назрела к началу Первой мировой войны. Эти проекты стали разрабатываться на уровне столичной власти и органов местного самоуправления, но так и остались, по очевидным причинам, в статусе обсуждаемых.

Трансформация материнства, культ ребенка в дворянских семьях совершили «революцию» в предметном мире новорожденного. «Сознательная мать» была озабочена тем, чтобы окружить ребенка новинками европейской и отечественной промышленности, выпускающей детские товары. Революционные изменения происходили в младенческом питании. Широкое распространение искусственного вскармливания было обусловлено как борьбой с «кормиличным

промыслом», так и стремлением врачебного сообщества противостоять высокой младенческой смертности, вызванной плохим питанием. Медикализация материнства, выражавшаяся в желании матерей следовать врачебным наставлениям, одобрителное отношение отечественных педиатров в начале XX века к молочным детским смесям также способствовали росту популярности искусственного детского питания. В сложных условиях военного времени формировалась культура детского искусственного вскармливания. Появление на отечественном рынке многочисленных и разнообразных детских принадлежностей свидетельствовало в пользу устойчивого на них спроса. В то же время предметный мир младенца явился сферой, где сосуществовали как новейшие, так и традиционные средства и практики. Несмотря на модернизацию быта новорожденных, не происходило полное замещение консервативных способов ухода за ним. С одной стороны, присутствовали новейшие тренды: детская мебель, призванная обеспечить самостоятельность передвижений («грядки», манежики), отказ от небезопасных качалок в пользу детских корзинок, колыбелей; частые прогулки на коляске; отказ от «свивальников» и распространение свободной детской одежды; популярность развивающих игрушек. С другой стороны, продолжали существовать средневековая практика пеленания, призванная «править» ребенка; использоваться ходунки; годовалых девочек облачали в типичную одежду для взрослых дам (употребление корсетов, платьиц с декольте, пренебрежение детскими панталончиками), практиковалось раннее введение прикорма и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всесторонний анализ существующей зарубежной и отечественной научной литературы по проблеме антропологии и истории материнства, а также изучение значительного числа женских эгодокументов, материнских нарративов, детских и девичьих «текстов», «текстов рожениц», предметов материальной культуры и визуальных изображений, историй болезней, медицинских отчетов позволили прийти к следующим выводам.

История, антропология и этнология материнства – важнейшая составная часть материнских исследований, характеризующихся крайней междисциплинарностью. Невозможно изучать, описывать, анализировать материнские практики прошлого без соответствующих знаний в области антропологии, этнографии, истории, психологии, социологии, демографии. Впервые motherhood studies были актуализированы в США и в странах Западной Европы. В исторических работах материнские практики рассматривались не автономно, а во взаимосвязи с социально-экономическими, культурными тенденциями развития того или иного общества. Особое внимание уделялось изучению трансформации материнской повседневности, эмоциональных переживаний матерей прошлого. История и антропология материнства в западной историографии была призвана восполнить значительные пробелы гендерной истории, раскрыть социальную значимость женщин, репрезентируя важную часть их повседневности. Существенное влияние на характер, методологию, источниковую базу историко-антропологического изучения материнства оказали социологические, филологические, психоаналитические работы. К настоящему времени история материнства в зарубежной историографии представлена разнообразием тем и широтой применяемых методов и подходов.

Впервые исследования по истории материнства в России были опубликованы зарубежными учеными. Особых результатов русисты достигли в изучении практик советского материнства. Анализ существующих отечественных работ по материнству продемонстрировал их фрагментарность и разбросанность по различным областям знаний. Мать России до сих пор не стала полноценным субъектом исторического. Определенные шаги в этом направлении были сделаны

представителями гендерной и повседневной истории (Н.Л. Пушкарёва). Концептуальные исследования по проблеме родительства и отчасти материнства в России были опубликованы в рамках философского (В.А. Рамих), антропологического (Т.Б. Щепанская, Т.А. Листова, Т.Ю. Власкина), социологического (С.И. Голод, Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина), педагогического (Б.М. Бим-Бад), психологического (В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова) подходов. Диссертационные работы были защищены исключительно по проблемам истории охраны материнства и детства. В остальных случаях ученые обращались к материнству как вспомогательной области, иллюстрирующей тенденции в истории детства, женской повседневности и сексуальности, развитии социальной политики, семейных традиций. В то же время благодаря успехам гендерной истории, исторической этнографии, культурной и социальной антропологии, медицинской антропологии, актуализации новых исследовательских методов и источников в современных отечественных исследованиях созрели предпосылки для выделения материнской темы в качестве самостоятельного направления междисциплинарного научного поиска.

Противоречивость запросов в отношении материнского поведения, в условиях буржуазной модернизации, либерализации российского общества, развития движения женской эмансипации, медиализации частной жизни, противостояния консервативных, либеральных и радикальных течений в общественной жизни, отразилась на появлении различных идеалов материнского поведения. К началу XX века в России сформировался культурный императив материнства, включивший в себя представления о «сознательном» (осознанное и активное участие матери в уходе за ребенком и его воспитании, отказ от услуг кормилиц, особое внимательное отношение к беременности и подготовки к родам), «экспертном» (тесный контакт матери с представителями «экспертного сообщества» — врачами, педагогами; акушерские, гинекологические и педиатрические заключения приобретали особую важность в материнской повседневности), «профессиональном» (материнские обязанности рассматривались в качестве наиболее оптимального женского труда; матерям предписывалось изучать научную литературу, связанную с воспитанием детей, вести «родительский дневник», посещать специализированные курсы и выставки), «свободном»

(свобода репродуктивного поведения женщины, рационализация женской сексуальности), «расширенном» (представительницы демонстрировали успешное сочетание материнства с профессиональной деятельностью), «социально-интегрированном» (помощь матерям в уходе за ребенком и его воспитании оказывали различные социальные учреждения), «интенсивном» (мать погружена в воспитательный процесс, исполнение материнских обязанностей эмоционально насыщено, при этом на ее плечи ложится немалая доля финансового обеспечения семьи) материнстве. Создателями концептов «нового материнства» стали представители «экспертного сообщества» – врачи, педагоги, литераторы, общественно-политические деятели, церковнослужители. Рецепцию новых запросов в отношении материнского поведения могли произвести исключительно дворянки, располагавшие временными и интеллектуальными ресурсами. Женщины из низших сословных групп, безграмотные в большинстве своем, занятые в ежедневной трудовой деятельности, не имели возможности стать адептами «нового материнства», в их среде сохранялись традиционные практики деторождения, ухода за детьми и их воспитания.

Материнство превращалось в важнейший социальный институт. Впервые публицисты, врачи, психологи и педагоги второй половины XIX века усиленно начали создавать новый идеал материнства. Мать в их представлениях должна была быть просвещенной в вопросах деторождения и воспитания, должна всю себя отдавать детям, обходиться без помощи прислуги, самостоятельно вскармливать ребенка, регулярно консультироваться с врачами, во всем следовать предписаниям специалистов. Возникшие концепты материнства были направлены не столько на заботу о здоровье ребенка, сколько на пропаганду соответствующих конструктов женского поведения и формирование новых стереотипов гендерного поведения в обществе. В дворянских семьях ребенок, окруженный штатом прислуги, был и прежде обеспечен полноценным уходом (по сравнению с другими социальными группами). Мать-дворянка после рождения очередного отпрыска отдалялась от дитя. Хотя сферы ее деятельности были ограничены, она могла заниматься светской жизнью, благоустройством дома, визитами, прогулками. Уход за ребенком не входил в круг важнейших обязанностей матери-дворянки. Ее миссия часто ограничивалась биологическим воспроизводством потомства. Это было

обусловлено не столько индивидуальными предпочтениями женщины, сколько запросами общества, которое не рассматривало материнские роли в качестве важнейшей социальной функции дворянки. С либерализацией России, развитием эмансипации перед дворянками открылся широкий горизонт для деятельности. Деторождение становилось не единственной сферой для реализации особого женского предназначения. Среди дворянок появлялись те, кто отказывался связывать свою жизнь с замужеством и материнством. Концепция «нового материнства» была призвана актуализировать в жизни дворянки материнские роли, которые стали рассматриваться в качестве ее особого гражданского долга перед государством и обществом, «привязать» ее к семье и дому, делая все другие формы деятельности второстепенными и малозначимыми.

Создаваемый культ матери содержал в себе две основные составляющие. С одной стороны, он способствовал превращению дворянок, для которых традиционно материнские роли ограничивались деторождением, в «сознательных матерей». Данный процесс в России происходил значительно позже, чем в странах Западной Европе, где подобные тенденции проявлялись уже с конца XVIII века. С другой стороны, риторика «экспертов» ограничивала женскую свободу, процесс эмансипации и возможность освоения иных форм гендерной идентичности. Женское тело, женская фертильность становились областью «экспертного» контроля. Врачи, литераторы, педагоги настойчиво пропагандировали идеологию всепоглощающего материнства, тем самым подвергая сомнению важность иных социальных ролей женщины. Под влиянием «экспертного» дискурса со второй половины XIX века в России конструировались стереотипы и стандарты идеального материнского поведения, вследствие чего была нарушена традиционная логика «воспроизводства» материнства.

Культу «сознательного материнства» противостояла идея «свободного материнства», возникшая в среде эмансипированных россиянок. Представительницы отечественного феминизма обосновали принцип репродуктивной свободы. Он был обусловлен не только желанием женщины реализоваться в других, кроме материнства, областях, но и существенными трансформациями социально-экономической системы. Разорение дворянских усадеб, разрушение патриархальных семей, рост числа разводов приводили к тому,

что дворянам все сложнее становилось содержать многочисленные семейства. В связи с этим они искусственно стремились ограничить количество деторождений. Под влиянием учения неомальтузианцев, идей западного феминизма со стороны эмансипированных россиянок, а также либерально настроенных врачей в 1880-е годы раздавались слабые доводы в пользу необходимости ограничения деторождения. Все чаще женщины заявляли о нежелании быть «рожающими машинами», полагая, что репродуктивное поведение требует рационального отношения. Они были убеждены, что «свободное материнство» – «ключ» к женской свободе. Их утверждения встречали жесткую критику со стороны традиционно настроенных «экспертов». Несмотря на это, статистические данные свидетельствуют, что принцип ограничения деторождения устойчиво входил в супружескую жизнь дворянства.

Стремление женщин к социальной самореализации повлияло на развитие идей «социально-интегрированного материнства». Первоначально представительницы либерального, а затем и радикального феминизма обосновывали важность государственной поддержки матерей. Они были убеждены, что открытие детских садов, введение различных материальных выплат облегчит миссию матерей и позволит им совмещать материнство с профессиональной деятельностью.

Отказ от материнских ролей стали демонстрировать представительницы революционного движения, нигилистки и отчасти феминистки, которые были уверены, что деторождение претит личностному самосовершенствованию. Скрупулезный анализ эгодокументов, принадлежавших женщинам данной категории, показал, что выбор между материнскими ролями и общественно-политической деятельностью был крайне сложным. Увлеченные собственными идеями, они не имели возможности совместить авантюризм всепоглощающей революционной борьбы с размеренной жизнью матери, ответственной в своих ежедневных рутинных практиках за жизнь и здоровье дитя. Отказ от семьи, деторождения являлся для них не жизненным принципом, а вынужденной мерой.

Новой тенденцией, хотя и чрезвычайно редкой, стало появление «универсальных матерей» среди дворянок, которым в силу различных причин удавалось совмещать счастливое материнство и профессиональную деятельность.

Универсализм матери-дворянки в условиях неразвитости форм социальной поддержки материнства и детства мог быть реализован благодаря появлению «нового отцовства», привлечению наемного персонала (нянь, кормилиц).

Противоречивость запросов в отношении женского поведения присутствовала на всех этапах материнской социализации. Воспитание дворянских девочек было ориентировано на развитие в них амбивалентных черт характера и поведения: быть непорочными в собственных мыслях и действиях, но при этом умело флиртовать. Любые знания в области сексуальных отношений свидетельствовали в пользу дурного воспитания девочек. Противоречивость идеалов женственности, в особенности в условиях либерализации нравов индустриальной России, приводила к различным отклонениям в психосексуальном развитии девочек. Юные невесты были совершенно не готовы к супружеской жизни и материнству. Девичьи дневники демонстрируют низкий уровень сексуального просвещения и материнской социализации их авторов. Большинство молодых женщин ничего не знали о процессе зачатия, вынашивания и протекания родового акта. Ограниченность общения девочек с представителями противоположного пола приводила к частому появлению однополых привязанностей в пубертатном периоде, выразившихся в феномене «девичьего обожания». Многочисленные эмоциональные запреты, непонимание тех физиологических явлений, которые с ними происходили в период пубертата, депривация девичьей сексуальности, смутные представления и страхи, связанные с будущей детородной функцией, – все это оказывало негативное влияние на реализацию материнских практик и приобретение материнской идентичности.

Вследствие либерализации страны, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, движения эмансипации, активизации публичной деятельности дворянок трансформировалось их репродуктивное, брачное и сексуальное поведение. Наблюдался процесс рационализации репродуктивного поведения дворянок, который выразился в повышении возраста первого деторождения, сокращении числа беременностей и родов в их жизни, а также в использовании средств, ограничивавших женскую плодовитость. Формирование нового типа рождаемости – естественный процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу. Ввиду общей социально-

экономической отсталости России он начался на полвека позже по сравнению со странами Западной Европы. В условиях индустриальной России женщина получила возможность самостоятельно контролировать собственную детородную функцию. Материнство становилось не вынужденным состоянием, безысходным следствием супружеской жизни, а осознанным, свободным выбором дворянок. В этой части интересы женщин и интересы врачей, пропагандировавших использование контрацепции, совпали. Данный процесс отражает положительное влияние медиализации, которая может рассматриваться не только в качестве утраты способности женщин влиять на свою жизнь, но и как важный процесс, позволяющий женщине выстраивать собственное материнское и репродуктивное поведение, основываясь на личном выборе. В отличие от стран Запада, где контрацепция считалась противоестественной, где она запрещалась, ее распространителей подвергали уголовному преследованию, в России именно врачи стали пропагандировать средства, ограничивавшие женскую и мужскую фертильность. Революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения, рационализация репродуктивных практик женщин приводили к трансформации института материнства и оказывали важнейшее влияние на формирование нового гендерного порядка в обществе. Наблюдался процесс медиализации женского репродуктивного поведения.

Новый тип рождаемости оказал существенное влияние на материнские практики россиянок. Деторождение все чаще становилось результатом сознательного и свободного выбора. «Безразличное» материнство сменялось желанными и эмоционально-насыщенными материнскими практиками. Прежде дворянки в автобиографических текстах редко описывали собственную беременность, рождение детей, а также время, проведенное с ними. Материнство оказывалось частью нерепрезентируемой повседневности. Рационализация женского репродуктивного поведения способствовала тому, что беременность и деторождение стали рассматриваться в качестве уникального опыта в жизни дворянки. Наблюдался процесс медиализации этих состояний, что повлияло на возникновение особого отношения дворянок к своему телу и его репродуктивной функции. Они все меньше доверяли собственным чувствам, все больше интересовались данными науки о характере протекания беременности, развития

плода, поведения во время беременности. Между тем недоступность квалифицированной помощи врачей, отсутствие развитого медицинского патронажа беременных, распространенность осложнений при вынашивании плода (часто из-за особенностей физиологии дворянок – их субтильность, неприспособленность к физическим нагрузкам), отсутствие достаточных сведений о собственном теле обуславливали многочисленные страхи беременных женщин (особенно, если речь шла о первых родах). Беременность в большинстве случаев ассоциировалась с тяжелым болезненным состоянием, граничившим со смертью. Женские переживания, связанные с деторождением, были сложны и противоречивы. Дворянок преследовали страхи собственной смерти, внутриутробной смерти ребенка, рождения уродливого дитя. Вопреки медикализации беременности, устойчиво сохранялись многочисленные традиционные практики, бытовавшие в народной среде (в определении сроков рождения, пола, особенностей предстоящих родов). Процесс «умирания» и деперсонализации беременной выражался в традиционных представлениях, включавших многочисленные табу: ограничение деятельности, передвижений, сексуальное воздержание, отказ от обычной одежды, избегание художественной фиксации образа и фотоизображений.

Несмотря на трансформацию патриархальной семьи, женскую эмансипацию, на беременность вне брака и бездетность продолжали смотреть со страхом и осуждением. Внебрачная беременность воспринималась в качестве преступления против великосветской морали. Это свидетельствовало в пользу доминирования патриархальной гендерной системы и существования гендерных стереотипов в отношении мужского и женского поведения. Свободу и независимость от традиционных гендерных устоев могли позволить себе лишь эмансипированные особы, «новые женщины» эпохи.

В дворянской среде во второй половине XIX века формировалась отдельная культура рождения, для которой были свойственны особые процедуры, действия, состав участников. Процесс деторождения, который относится к важнейшему этапу материнской инициации, явился областью, где разворачивалось противостояние традиций и новаций. Родильный акт в представлении самих женщин получил определенную степень легитимации благодаря научному дискурсу о сути

материнства и важности подготовки к нему. Дворянки начала XX века делали попытки рассказать о пережитой родовой боли и самом процессе родов (тем самым признавая его значимость в собственной жизни) в своих дневниках, в то время как их предшественницы избегали подобных откровений. Дворянки впервые стремились описать исключительно женский опыт, не представленный в «текстах» мужской культуры.

Вопреки распространению родильных отделений, предоставлявших квалифицированную акушерскую помощь, в дворянской среде продолжали доминировать домашние роды, в рамках которых шла апробация новой технократической (биомедицинской) модели родов. Процесс медикализации оказался не столь интенсивным, формирование новой технократической модели родов осложнялась живучестью традиционных практик родовспоможения. Процесс деторождения в дворянской среде явился сферой пересечения традиционных практик (доминирование домашних родов, избегание присутствия посторонних мужчин на родах, привлечение повитух, вера в приметы, молебны, процедура «правки» ребенка) и новаций, связанных с развитием научного знания (призыв профессиональных врачей и акушеров, использование современных болеутоляющих, применение новейших средств, облегчавших послеродовое восстановление). В зависимости от финансового положения семьи характер приглашенных специалистов мог существенно отличаться. Менее обеспеченные семьи пользовались услугами акушеров и даже повитух, семьи с достатком приглашали квалифицированного врача и акушерку. При этом врач-мужчина вмешивался в родовой процесс только в случае возникновения затруднений у акушерки. Он мог консультировать, навещать беременную женщину и роженицу, но на родах, в большинстве случаев, оказывались акушерки или женщины-врачи (которых было незначительное количество). Традиционный принцип табуирования интимной жизни дворянки вставал на пути распространения квалифицированной медицинской помощи. Практики обезболивания хотя и встречались, но не так часто, как на Западе. Существенным отличием в проведении дворянских родов было присутствие мужа непосредственно в родильной комнате. Он оказывал всевозможную помощь роженице, фактически являясь активным участником родового процесса. В крестьянской среде позиция мужа в данном процессе была

неоднозначной (в ряде губерний допускалось его присутствие, в других, напротив, воспринималось негативно). Зарубежная практика не предполагала присутствия мужчины непосредственно на родах. Активное соучастие мужей в ходе родового процесса явилось свидетельством зарождения «нового отцовства».

Родовой акт в большинстве случаев тяжело переносился дворянками. Послеродовое восстановление затягивалось. Тяжесть родов была обусловлена как неподготовленностью дворянок к данному процессу, так и физиологическими особенностями организма. В описании родов приобретало символическое сравнение себя с животными и безумными. Страх смерти был настолько велик, что дворянки накануне родов могли составлять завещания. В повествовании о собственных родах прослеживалась высокая степень депривации женского «Я». Зачастую дворянки рассматривали себя не как субъект страдания, а как источник боли и мучений для окружающих.

Под влиянием социального конструирования «нового материнства», а также вследствие медиализации частной жизни, «детоцентристской» политики пореформенного общества происходила модернизация ухода за детьми, оказавшая существенное влияние на характер взаимоотношений матери и грудного ребенка. Идеология «сознательного материнства», профессионализация матерей приводили к тому, что женщины в повседневных заботах о детях все чаще доверяли не своему внутреннему чувству, традициям, бытовавшим в сфере ухода за ребенком, наставлениям знакомых и родственников, а специалистам – квалифицированным педиатрам. Педиатрический патронаж только зарождался, но уже тогда тандем «сознательной матери» и врача становился символом «нового материнства». Мать разделяла ответственность за здоровье и жизнь своего ребенка с профессионалами.

Новой телесной практикой в жизни «сознательной матери» стало самостоятельное грудное вскармливание. Прежде дворянки относили грудное кормление к недостойному занятию, уподобляющему их животным. Наем кормилицы был естественным процессом. Создавая культ «сознательного материнства», профессиональное сообщество в лице врачей, педагогов, писателей вводило грудное кормление в ранг святой обязанности каждой женщины. Безосновательный отказ от самостоятельной лактации накладывал тень на состоятельность матери. Вопреки активно создававшемуся экспертным

сообществом культу самостоятельного грудного вскармливания вхождение данной практики в жизнь дворянок было сложным и противоречивым. Для дворянок эта телесная практика была чрезвычайно обременительной. Врачебные заключения стали важнейшим средством избавления дворянок от самостоятельного грудного вскармливания. Кормилицы продолжали играть существенную роль в дворянских семьях вплоть до начала XX века. «Кормиличный промысел» пошел на убыль с распространением высококачественного детского искусственного питания в виде молочных смесей.

«Профессионализация» матерей и их единение с «экспертным» сообществом привели к распространению «родительских дневников», которые стали выражением материнской «квалификации». Несмотря на то что широкого распространения дневники так и не получили, многие врачи позиционировали их в качестве «лучшей книги», которую когда-либо может написать женщина.

Трансформация института материнства оказала значительное влияние на модернизацию детства. Она выражалась не только в изменении отношения к ребенку и развитию «детоцентристских» семей, но и в существенных переменах материального пространства ребенка. Многочисленные новации происходили в окружении детей: мебели, игрушках, одежде. Внешний облик ребенка и его предметный мир становились символами материнской компетентности. Несмотря на модернизацию быта новорожденных, не происходило полного замещения консервативных способов ухода за ним. Продолжала существовать практика «правки ребенка», использовались небезопасные для жизни детей ходунки, матери стремились облачить годовалых девочек в типичную одежду для взрослых дам (употребление корсетов, платьев с декольте, пренебрежение панталончиками, которые воспринимались в качестве недостойной для девочек одежды), прибегали к раннему введению прикорма и др.

Изучение эмоциональных переживаний «новых матерей» эпохи демонстрирует противоречивое и сложное положение матери-дворянки, разрывавшейся между всепоглощающим материнством и личными устремлениями. Это отразилось на особо драматичном, болевом материнском письме. Женские дневники убедительно свидетельствуют, что, полностью отдаваясь материнству, дворянки ощущали себя глубоко несчастными. Состояния страха, нервозности,

фрустрации были вечными спутниками «сознательных матерей». Частые смерти детей, безучастность мужа в родительских вопросах, недостижимость идеала «сознательной матери», сокращение числа прислуги делали женщин чрезвычайно уязвимыми. Это оказывало существенное влияние на негативном восприятии себя в качестве жены и матери. Формирование «нового материнства» осложнялось отсутствием у дворянок второй половины XIX века соответствующего родительского примера. Принцип «воспроизводства» материнства был нарушен. Дворянки не готовили своих дочерей к миссии будущих жен и матерей. Переход от беспечной юности к тяготам материнства был для многих молодых дворянок настоящим потрясением, к которому они не были готовы ни физически, ни психически. Дворянкам приходилось заново создавать образец материнского поведения, так как пример поведения их собственных матерей разительно отличался от новых запросов общества. Имея огромный потенциал к интеллектуальной, профессиональной деятельности и личностному самосовершенствованию, дворянки зачастую не могли самореализоваться, ограничивая свое существование следованием долгу «сознательной матери».

Гармоничной реализации дворянок в качестве «сознательной матери», ощущению всех радостей материнства мешала незрелость социальных институтов, призванных облегчить бремя матери, и доминирование принципа «разделения сфер» в семейной жизни. Мужья в большинстве случаев дистанцировались от воспитания детей, их сферой самореализации становились общественная служба и публичные мероприятия. Требовались существенные изменения в гендерной системе общества, отец наравне с матерью должен был разделять радости и тяготы родительства; государство – формировать систему охраны материнства и детства, позволяющую женщине реализоваться как Мать и как Личность.

Таким образом, исследование материнства в дворянской среде на временном отрезке, связанном с важнейшими процессами в российской истории – индустриальным развитием, разрушением ценностей патриархального мира, либерализацией общества, женской эмансипацией, трансформацией социальных и гендерных ролей, продемонстрировало противоречивое и зависимое положение женщины в российской культуре и в обществе мужского доминирования, сложность легитимации эмоциональных переживаний материнства и материнской

сексуальности, тяжесть обретения собственной гендерной идентичности в условиях социального конструирования идеалов материнского поведения.

Анализ общественно-политического, медицинского, публицистического дискурсов, в которых раскрывались представления о «новом материнстве» и «идеальной матери», параллельное изучение субъективно воспринимаемой матерями-дворянками повседневности, представленной на страницах женских нарративов, показали, что в указанный исторический период происходило «рождение» материнства в качестве сложно переживаемого «изнутри» и противоречиво конструируемого «извне» социального института. Материнство приобретало черты социального (формирование культа материнства и многочисленных запросов в адрес материнского поведения), биологического (как важной части проявления женской идентичности в изучаемый период), медико-социального (области врачебного контроля), психического (связано с комплексом материнских переживаний вследствие недостижимости идеалов материнства) феномена.

Важно отметить, что проведенное исследование актуализировало депривированный в отечественной исторической науке источник – «материнские тексты», – ту часть женских эгодокументов, в которой женщины рассказывали не о важных исторических событиях, описывали не значимых исторических деятелей, а вели повествование о собственном антропологическом опыте материнства.

Наконец, изучение материнской повседневности прошлого – ключ к пониманию отечественной национальной традиции, женской, гендерной, социальной, повседневной истории России. Полноценное включение материнства в отечественные исторические и социоантропологические исследования в качестве самостоятельного предмета научного рассмотрения – новый важный шаг в развитии женской истории, новое выражение ее феминистского проекта, заставляющего признать самоценность объективного изучения женского социального и индивидуально-личного опыта посредством анализа субъективных переживаний. Без такого включения действительное обновление российского научного гуманитарного знания было бы, как мне представляется, неполным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

I. АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(ГАРФ, г. МОСКВА)

1. Ф. 618. Н.Ф. Карловой.
2. Ф. 1146. Волконских.
3. Ф. 613. О.В. Палей.
4. Ф. 516. Фонд Союза равноправия женщин
5. Ф. 1795. Фонд Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества
6. Ф. 919. Долгоруковых
7. Ф. 6404. М.П. Кайленской

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

(РГАДА, г. МОСКВА)

1. Ф. 1290. Юсуповых.
2. Ф. 1272. Нарышкиных.
3. Ф. 1271. Мятлевых.
4. Ф. 1288. Шуваловых.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЭКОНОМИКИ

(РГАЭ, г. МОСКВА)

1. Ф. 3. В.А. Варсонофьевой.
2. Ф. 328. Е.Н. Сахаровой-Вавиловой.
3. Ф. 19. Е.А. Молдавской.
4. Ф. 637. А.А. Чернова, М.И. Шульги-Нестеренко.

ЦЕНТР ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ДО 1917 г. ЦГАМ

(ЦХД ДО 1917 г. ЦГАМ, г. МОСКВА)

1. Ф. 1350. В.В. Рождественского.

2. Ф. 425. Фонд городского родильного дома им. Лепехина для рожениц и родилиц.

ЦЕНТР ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПОСЛЕ 1917 г. ЦГАМ

(ЦХД ПОСЛЕ 1917 г. ЦГАМ, г. МОСКВА)

1. Ф. 105. О.В. Сваричовской.
2. Ф. 178. М.Я. Дуван.
3. Ф. 141. Н.В. Румянцевой.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

(НИОР РГБ, г. МОСКВА)

1. Ф. 12. З.В. Араповой.
2. Ф. 219. Орловых-Давыдовых.
3. Ф. 375. Е.А. Дьяконовой.
4. Ф. 698. Е.П. Михайловой.
5. Ф. 749. Волковых.
6. Ф. 676. М.В. Черкасовой.
7. Ф. 801. Слезкиных.
8. Ф. 752. З.В. Денисьевской.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И

ИСКУССТВА (РГАЛИ, г. МОСКВА)

1. Ф. 2319. М.М. Багриновского.
2. Ф. 1042. А.А. Вербицкой.
3. Ф. 142. А.С. Глинки.
4. Ф. 1337. М.А. Даниловой.
5. Ф. 3114. С.В. Евгенова.
6. Ф. 318. Е.А. Масальско-Суриной.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РГАСПИ, г. МОСКВА)

1. Ф. 264. Г.В. Плеханова.
2. Ф. 262. В.И. Засулич.
3. Ф. 356. Е.Д. Стасовой.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ (РГВИА, г. МОСКВА)

1. Ф. 253. П.Н. Воронова.
2. Ф. 277. А.П. Альбрехт.
3. Ф. 297. Б.В. Адамовича.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
(РГИА, г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

1. Ф. 1654. Половцовых.
2. Ф. 1044. Сабуровых.
3. Ф. 1061. Толстых.
4. Ф. 1102. Коллекция документов разных лиц.
5. Ф. 1335. Фонд Российского общества защиты женщин. Оп. 1. Д. 4, 8,
10.
6. Ф. 1276. Фонд Совета министров.
7. Ф. 767. Фонд Всероссийского попечительства по охране материнства и
младенчества.
8. Ф. 1075. А.И. Философова. Оп. 2. Д. 24, 30.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
(ЦГИА СПб, г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

1. Ф. 2192. Половцовых.
2. Ф. 2212. А. Шнейдер.
3. Ф. 2114. А.И. Брюлловой.
4. Ф. 2192. М.И. Покровской.
5. Ф. 2313. О.И. Олоховой.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
(ОР РНБ, г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

1. Ф. 601. Половцовых.
2. Ф. 1086. Л.В. Шапориной.
3. Ф. 844. О.А. Шапир.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ГАСО, г. СМОЛЕНСК)

1. Ф. 121. С.Ф. Шарапова.
2. Ф. 113. Е.Н. Клетновой.
3. Ф. 201. Фонд коллекции документов дворян Смоленской губернии.
4. Ф. 108. Волконских.
5. Ф. 122. В.П. Волковой.
6. Ф. 1. Канцелярии Смоленского губернатора.
7. Ф. 1289. Фонд жандармского управления Смоленской губернии.
8. Ф. 2. Фонд Смоленского губернского правления.
9. Ф. 45. Фонд училищного ведомства Смоленской губернии.
10. Ф. 829. Фонд Смоленской Мариинской женской гимназии.
11. Ф. 819. Фонд Рославльской первой женской гимназии.
12. Ф. 55. Фонд Сычевской женской гимназии.
13. Ф. 369. Фонд Всероссийского земского союза.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
(ГАТО, г. ТВЕРЬ)

1. Ф. 1022. Фонд Аболешивых.
2. Ф. 1233. Фонд Кафтыревых.
3. Ф. 103. Фонд Тверской ученой архивной комиссии.
4. Ф. 1402. Фонд Лопухиных.
5. Ф. 1041. Фонд Суворовых.
6. Ф. 160. Фонд Духовной консистории Тверской губернии.
7. Ф. 12. Фонд Тверской Мариинской женской гимназии.

8. Ф. 13. Фонд частного женского учебного заведения А.А. Римской-Корсаковой.
9. Ф. 15. Фонд Тверской женской гимназии М.П. Янковской.
10. Ф. 14. Фонд Тверской женской гимназии М.А. Иллюминарской.
11. Ф. 59. Фонд Канцелярии Тверского губернского предводителя дворянства.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(ГАПО, г. ПСКОВ)

1. Ф. 20. Фонд канцелярии Псковского губернатора.
2. Ф. 39. Фонд Духовной консистории Псковской губернии.
3. Ф. 586. Фонд Тютчевых.
4. Ф. 7. Фонд Псковской Мариинской женской гимназии.

ФОНДЫ СМОЛЕНСКОГО МУЗЕЯ ЗАПОВЕДНИКА
(СМЗ КП, г. СМОЛЕНСК)

1. СМЗ КП 30397/1. Воспоминания М.Н. Краевского.
2. СМЗКП 35779/9. Письма Е. Карамзиной О.В. Каленовой.
3. СМЗ КП 30910. Письма Милы Догадкиной.
4. СМЗ КП 35835-70. Письма О.В. Вонлярлярской Н.А. Хомякову.
5. СМЗ КП 30745. Дневник Е. Клетновой.

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ.
НАУЧНЫЙ АРХИВ (ТГОМ НА, г. ТВЕРЬ)

1. Ф. 1. Фонд Тверской ученой архивной комиссии.
2. Ф. 6. А.К. Жизневского.
3. Ф. 7. В.И. Колосова.
4. Ф. 10. Трубниковых.
5. Ф. Р-48. С.А. Унковской.
6. Ф. Р-17. Римско-Корсаковых.
7. Ф. 4. Фонд Тверского дворянского депутатского собрания.
8. Ф. 9. Ф.Н. Глинки.

**ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ЭГОДОКУМЕНТЫ (ДНЕВНИКИ,
ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ), ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ АРХИВНЫХ И
МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ РОССИИ**

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

Письма Голицыной своей маме (ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 735, 745, 748, 749).

Дневники С.Ф. Вонлярлярской (ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 29, 30, 32).

Письма Е.А. Волконской (ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 307).

Дневники Ольги Валерьяновны Палей (ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 13, 14, 27).

Дневники Стахович (ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 2042).

Дневник Карловой (ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 39в).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА, г. Москва)

Дневники Ольги Мятлевой (урожд. Лопухиной) (РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498, 499).

Письма Н.В. Мятлеву от жены О.А. Мятлевой (РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 378).

Дневник Ольги Шуваловой (РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 505а).

Дневники Т.Н. Юсуповой (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3519).

Письма и телеграммы кн. И.А. Юсуповой к свекрови кн. З.Н. Юсуповой (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2611).

Химико-бактериологические анализы, сделанные Ф.Ф. и З.Н. Юсуповыми в лабораториях России (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3517).

Диагнозы доктора Энгельмана о состоянии здоровья З.Н. Юсуповой. 1863–1884 гг. (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2480).

Воспоминания Е.А. Нарышкиной (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088).

Российский государственный архив экономики (РГАЭ, г. Москва)

Личные дневники и дневниковые записи Веры Александровны Варсонофьевой (1897–1910 гг.) (РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 462).

Письма В.А. Варсонофьевой к мужу (РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 563).

Личные дневники Е.А. Молдавской (РГАЭ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 47).

Дневниковые записи Е.Н. Сахаровой-Вавиловой за 1904–1910 г. (РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8).

**Центр хранения документов до 1917 г. ЦГАМ
(ЦХД до 1917 г. ЦГАМ, г. Москва)**

Письма к В.В. Рождественскому (ЦХД до 1917. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 11).

**Центр хранения документов после 1917 г. ЦГАМ (ЦХД после 1917 г.
ЦГАМ, г. Москва)**

Дневниковые записи О.В. Сваричовской (ЦХД после 1917 г. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 11, 12, 18).

Письма Марии Яковлевны Дуван (ЦХД после 1917 г. ЦГАМ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 33).

Личные материалы Н.В. Румянцевой (ЦХД после 1917 г. ЦГАМ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1).

**Научно-исследовательский отдел рукописей Российской
государственной библиотеки (НИОР РГБ, г. Москва)**

Письма Прасковьи Михайловны Голицыной к Зинаиде Васильевне Араповой (НИОР РГБ. Ф. 12. Картон 2. Д. 9).

Дневник З.В. Араповой (НИОР РГБ. Ф. 12. Картон. 1. Д. 9. Д. 13).

Письма Орловой-Давыдовой к Орлову-Давыдову (НИОР РГБ. Ф. 219. Картон 18. Д. 30).

Письма Елизаветы Александровны Дьяконовой к Александру Александровичу Дьяконову (НИОР РГБ. Ф. 375. Картон 5. Д. 11).

Елизавета Александровна Дьяконова. «Дневник одной из многих» (ОР ОГБ. Ф. 375. Картон 1. Д. 1, 5, 6, 7).

Дневник Е.П. Михайловой (НИОР РГБ. Ф. 698. Картон. 1. Д. 15).

Письма к Марии Александровне Карповой (ур Бертье) (НИОР РГБ. Ф. 749. Картон. 1. Д. 16).

Дневники Зинаиды Васильевны Араповой (НИОР РГБ. Ф. 12. К. 1. Д. 1, 2, 6, 8).

Воспоминания Марии Зосимовны Холодковской (Карповой) (НИОР РГБ. Ф. 749. Картон. 1. Д. 42).

Дневник З. Денисьевской (НИОР РГБ. Ф. 752. К. 1. Д. 1).

Дневники О. Ереминой (Слезкиной) (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 3. Д. 57, 58, 59).

**Российский государственный архив литературы и искусства
(РГАЛИ, г. Москва)**

Воспоминания М.А. Даниловой (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 66).

Дневниковые записи Н.А. Копьевой семейно-бытового характера (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 20).

Дневники А.А. Знаменской (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383, 385, 395).

Автобиография А.А. Знаменской (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 40).

А.А. Вербицкая. Мои воспоминания (РГАЛИ. Ф. 1042. Оп. 1. Д. 49).

Е.П. Андреева. Записки о прошлом (РГАЛИ. Ф. 3114. Оп. 1. Д. 623).

Дневники Е.И. Шахматовой (РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 109, 113).

Дневниковые записи и автобиографические записки В.П. Багриновской (РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159, 160).

**Российский государственный архив социально-политической истории
(РГАСПИ, г. Москва)**

Письма Е.Д. Стасовой (РГАСПИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 5, 73, 75).

Письма Р.М. Плехановой (РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 121, 122, 160, 196).

Тетрадь В.И. Засулич с воспоминаниями биографического характера (РГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 8).

Воспоминания М.И. Успенской «Из детства и юности моей сестры В. Засулич» (РГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 74).

Переписка Е.Д. Стасовой личного характера (РГАСПИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 72).

Письма Е.Д. Стасовой (РГАСПИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 73, 75).

**Российский государственный военно-исторический архив
(РГВИА, г. Москва)**

Письма Е.Н. Вороновой к мужу П.Н. Воронову (РГВИА. Ф. 253. Оп. 1. Д. 10).

Письма Марии Викторовны Адамович (РГВИА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 424, 425).

Письма Н.А. Лухмановой сыну (РГВИА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 86).

Письма М.В. Адамович (РГВИА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 51, 424, 425).

Письма солдат, сестер милосердия к А.П. Альбрехт (РГВИА. Ф. 253. Оп. 1. Д. 3).

**Российский государственный исторический архив
(РГИА, г. Санкт-Петербург)**

Дневник А.В. Половцова о своем годовалом сыне Кирилле (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 13).

Записная книжка (дневник) Е.Н. Половцовой (Кравченко) (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1549).

Письма, дневники и записки Е.Н. Половцовой А.В. Половцову (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 3).

Дневник А.В. Половцова (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7).

Записи веса, графические кривые и цифровые к ним А.В. Половцова с результатами наблюдения (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9).

Дневники Н.А. Зыбиной (РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 658).

Дневники М.Н. Покровской (РГИА. Ф. 1061. Оп. 1. Д. 7).

Дневники А.А. Алексеевского (РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 40).

**Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб,
г. Санкт-Петербург)**

Замечания В.А. Половцова о физическом развитии, об умственных наклонностях своего сына М.В. Половцова (ЦГИА СПб. Ф. 2192. Оп. 1. Д. 10).

Дневник Александры Петровны Шнейдер с выдержками ее писем к сестре (ЦГИА СПб. Ф. 2212. Оп. 1. Д. 1).

Письма от Лидии Карловны Эрнст к Алине Ивановне Брюлловой (ЦГИА СПб. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 21).

Письма Нади к матери (ЦГИА СПб. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 36).

Рукописи М.И. Покровской (ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 9, 44).

Воспоминания О.И. Олоховой (ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1).

**Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
(ОР РНБ, г. Санкт-Петербург)**

Дневники А.В. Половцова 1881-1882 гг. (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 52, 53, 55, 56, 57, 58, 60, 65, 66).

Письма Екатерины Николаевны Кравченко А.В. Половцову (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 645).

Письма Анатолия Викторовича Половцова жене (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 1093).

Дневник Е.Н. Половцовой (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 947, 949, 950, 952).

Письма Екатерины Николаевны Половцовой к дочери Ксении Анатольевне (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 1658).

Дневник Ксении Половцовой (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 1169).

Записные книжки Ксении Половцовой (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 1572).

Дневник Л.В. Шапориной (ОР РНБ. Ф. 1086. Оп. 1. № 1).

Государственный архив Смоленской области (ГАСО, г. Смоленск)

Письма Марии Любарской к Сергею Федоровичу Шарапову (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1028).

Дневник матери С.Ф. Шарапова (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 9).

Переписка М.Ф. Головиной с С.Ф. Шараповым (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 158).

Письма Анны Михайловны Гальперсон (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1020).

Дневник С.Ф. Шарапова (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7).

Письма С.Ф. Шарапова А.И. Воеводиной, М.П. Ломоносовой, Н.И. Мердер, М.А. Любарской. 1889-1910. (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1039).

Письма Ломоносовой М.П. к С.Ф. Шарапову (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1044).

Письма Зинаиды Федоровны Шараповой (Коровко) (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1027).

Письма к Зинаиде Михайловне от С.Ф. Шарапова (ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1040).

Случайные заметки. Дневник Петра Васильевича (ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 43).

Записи дневникового характера Екатерины Клетновой (ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 63).

Письма Леонида и Аркадия Чижевских к матери Елизавете Семеновне Чижевской и сестре Ольге (ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 17).

Письма Н.А. Хомяковой (ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 34).

Письма родственников и друзей Н.А. Хомякову (ГАСО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 33).

Семейная переписка Смоленских дворян Волконских (ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 17).

Государственный архив Тверской области (ГАТО, г. Тверь)

Письма Лизы Селиковой Прасковье Ниловне Аболешевой (ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30).

Письма Е. Чебышевой тете П.Н. Аболешевой (ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 32).

Переписка А.В. Кафтыревой с родственниками и знакомыми (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2).

Письмо Софьи Алексеевны Трубецкой отцу Алексею Александровичу Лопухину (ГАТО. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 8).

Биография Н.П. Колосовой (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3234).

Письма Ларисы Филиппович к Жизневскому (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 561).

Государственный архив Псковской области (ГАПО, г. Псков)

Письма Ю. Ходневой (ГАПО. Ф. 586. Оп. 1. Д. 135).

Письма Н. Карамышевой (ГАПО. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1112).

Фонды Смоленского музея заповедника (СМЗ КП, г. Смоленск)

Воспоминания М.Н. Краевского (СМЗ КП 30397/1).

Письма Е. Карамзиной О.В. Каленовой (СМЗКП 35779/9).

Письма Милы Догадкиной (СМЗ КП 30910).

Письма О.В. Вонлярлярской Н.А. Хомякову (СМЗ КП 35835-70).

Дневник Е. Клетновой (СМЗ КП 30745).

Тверской государственный объединенный музей. Научный архив (ТГОМ НА, г. Тверь)

Дневник медицинской сестры А.А. Ждановой за 1914–1917 (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106).

Биографические материалы С.А. Унковской (ТГОМ НА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1).

Воспоминания С.А. Унковской (ТГОМ НА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 7).

Семейные письма писательницы Евгении Тур (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77).

Письма В.С. Мещерской (ТГОМ НА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69).

Письма Лидии и Натальи Еропкиных (ТГОМ НА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 49).

Письма графини Уваровой (ТГОМ НА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 104).

Письма М.А. Колосовой (ТГОМ НА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10а).

Дневник медицинской сестры (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106).

Письма М. Бодэ к А.П. Глинке (ТГОМ НА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4).

Семейная переписка Трубниковых (ТГОМ НА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1).

Биографические сведения Н.А. Римской-Корсаковой (ТГОМ НА. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 1).

Ученические тетради Н.В. Воскресенской (ТГОМ НА. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 4).

Письма о воспитании (ТГОМ НА. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 35).

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

II.1. ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ (ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ПЕРЕПИСКА)

1. «... ведь не безнадежность перед нами». Переписка Николая Бухариной и Надежды Лукиной. 1911-1914, 1922 годы / Сост. Ж. Артамонова. М.: АИРО-XXI, 2013. 320с.

2. Абаринова А.И. Воспоминания Абариновой // Исторический вестник. 1901. Т. 83. С. 213-224.
3. Авилова Л.А. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1984. 335с.
4. Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М.: Тип. т-ва И.Д.Сытина, 1912. 446с.
5. Андреева И. Неуловимое создание. Встречи. Воспоминания. Письма. М.: Совпадение, 2000. 129с.
6. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 560с.
7. Арманд И. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. 243с.
8. Афанасова (Колубакина) Н.А. Жизненный путь. СПб.: СПбГУ, 2005. 298с.
9. Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014. 416с.
10. Балобанова Е. Пятьдесят лет назад. Воспоминания институтки. СПб.: Тип. А. Александровна, 1913. 80с.
11. Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой. М.: Т-во Вольф, 1901. 539с.
12. Башкирцева М.К. Из дневника Марии Башкирцевой. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. 126с.
13. Бекетова М.А. Из дневника М.А. Бекетовой // Воспоминания об Александре Блоке / Сост. Е.П. Енишерлова и С.С. Лесневский. М.: «Правда», 1990. 700с.
14. Бекетова М.А. А. Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.: Петроград, 1925. 183с.
15. Бекетова М.А. Шахмотово. Семейная хроника. Л.: Петроград, 1930. 230с.
16. Белоозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. 1913. № 6.
17. Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М.: АСТ, 2010. 765с.
18. Блок Л.Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен: Кафка-Пресс, 1979. 103с.
19. Богданович Г.А. Любовь людей шестидесятых. Л.: Изд-во: Academia, 1929. 447с.
20. Богдановская В. Очерки, статьи и отрывки. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898.

21. Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М.: Современник, 1992. 316с.
22. Бородавская В. Н.В. Стасова // Исторический вестник. 1895. Т. 6. С. 561-572.
23. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка Брешко-Брешковская Е.К. о самой себе. Пг.: Изд-во Народная власть, 1917. 16с.
24. Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904–1913 / Сост. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 776с.
25. Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. Воспоминания. М.: Гос. изд., 1928. 220с.
26. Б-ъ С. Воспоминания (Психологические этюды) // Русская школа 1911. Книга 4. С. 155-176.
27. Быкова В.П. Записки старой смолянки, 1833–1878 г. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. 459с.
28. Васильева А. Дома и в институте // Русская школа. 1903. № 7-8. Отд. 1. С. 144-178; № 9. Отд. 1. С. 61-88.
29. Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1919 / предисл. Т.И. фон Меттерних. СПб.: Петербург. сезоны, 1995. 543с.
30. Ваховская В.И. Жизнь революционерки. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 23с.
31. Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. 282с.
32. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 2. М., 1960. 539с.
33. Водовозова Е.Н. Грезы и действительность. М.: Изд-во Задруга, 1918. 224с.
34. Водовозова Е.Н. Из заметок старой пансионерки. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1866. 210с.
35. Водовозова Е.Н. На заре жизни. Воспоминания. СПб.: Тип. Трудовой артели, 1911. 608с.
36. Волкова А.И. Воспоминания, дневники и статьи. Н. Новгород: Изд-во А.С. Вишнякова, 1913. 300с.

37. Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской. М., 1977. 95с.
38. Воспоминания Екатерины Ивановны Елагиной и Марии Васильевны Баэр // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив, [Т. XIV]. 2005.
39. Воспоминания и дневники XVIII–XX вв.: Указатель рукописей / Ред. С.В. Житомирской. М.: Книга, 1976. 538с.
40. Воцинникова Н. Семейные истории на фоне двух эпох. М.: Новый хронограф, 2012. 199с.
41. Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери: Записки о душевном развитии ребенка от рождения до 7-летнего возраста. М.: Практические знания, 1916. 234с.
42. Гиппиус З.Г. Дневник любовных историй // Гиппиус. З.Г. Дневники. Т. 1 / Ред. А.Н. Николукин. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 35-89.
43. Гиппиус З.Г. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003.
44. Голицына И.Б. Из России в Россию: воспоминания. М.: М/н отношения, 2001. 372с.
45. Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М.: Айрис-пресс, 2005. 210с.
46. Дернова-Ярмоленко А.А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенком. М.: Тип. И.Н. Кушнерева, 1912. 124с.
47. Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. 87с.
48. Дневник императора Николая II. Берлин: Слово, 1923. 272с.
49. Дневник моей бабушки С.В. Дрыжаковой, 1900-1943 / Ред. Е.Н. Дрыжаковой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2012. 720с.
50. Доброволицы. Сборник воспоминаний сестер милосердия / Сост. А.И. Солженицын. М.: Русский путь, 2001. 328с.
51. Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидемана (фон дер Бек). Смоленск: Край Смоленский, 2012. 184с.
52. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. 541с.

53. Драгневич Н.П. Из воспоминаний женщины-врача // Русское богатство. 1903. № 1. С. 61-74.
54. Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902 гг. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. 254с.
55. Е.Б. Из дневника матери. Ребенок в первый год жизни // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 29-42; № 2. С. 17-24.
56. Желиховская В.П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1912. 311с.
57. Желиховская В.П. Мое отрочество. Пг.: Изд. А.Ф. Девриена, 1915. 324с.
58. Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С. Тургенева. Тула: Тульск. книж. изд-во, 1961. 176с.
59. Жук В.Н. Дитя. Дневник матери. Альбом для записи наблюдений над физическим развитием ребенка. Первые три года жизни. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892. 162с.
60. Жуковская Е.И. Записки. Воспоминания. М.: Аграф, 2001. 311с.
61. Засулич В. Воспоминания. М.: Изд-во политкаторжан, 1931. 157с.
62. Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. 239с.
63. Иванов В., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М.: НЛО, 2009. 752с.
64. Из дневников Е.А. Штакеншнейдер (1880–1886) // Голос минувшего. 1919. № 1-4. С. 175-200.
65. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: в 4т. / Ред. П.А. Зайончковский. М.: Книга, 1979. Т. 3. 379с.
66. Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия-Москва: Издат. дом «Коктебель», 2010. 254с.
67. Каменская М.Ф. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1991. 382с.
68. Кардиналовская Т. Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб.: АДИА-М, 1996. 165с.
69. Карпинская Ю.П. Из «семейной хроники» // Исторический вестник. 1897. Т. 70. С. 853-870.

70. Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 576с.
71. Ковалевская С.В. Воспоминания моего детства. М.: Современная Россия, 1989. 300с.
72. Конради Е.И. Исповедь матери / Соч. в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1899. 672с.
73. Краузе Ф.О. Из записок детского врача // Медицина в России в годы войны и мира: новые документы и исследования / Ред. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 61-88.
74. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999. 287с.
75. Кричевская Е. Моя Маруся: Записки матери. Пг.: Тип. Р. Шварца, 1916. 126с.
76. Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. Тула: Тульское книжное издательство, 1958. 528с.
77. Левицкая А.В. Воспоминания Анны Васильевны Левицкой, урожденной Олсуфьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив [Т.] IX, 1999. С. 252-285.
78. Левоневский А.Ф. Материалы о психическом развитии ребенка в течение первого года его жизни // Русская школа. 1909. № 3. С. 151-176.
79. Левоневский А.Ф. Мой ребенок. Наблюдения над психическим развитием мальчика в течение первых четырех лет его жизни. СПб.: Тип. О. Богданова, 1914. 216с.
80. Лукашевич К. Заветное окно. М.: Православный паломник, 1997. 186с.
81. Лукашевич К.В. Мое милое детство: Автобиографическая повесть к моим читателям. М.: Сибирская благовонница, 2011. 204с.
82. Лухманова Н.А. Девочки. Воспоминания из институтской жизни. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1899. 213с.
83. Лухманова Н.А. Двадцать лет назад; Женские силуэты. (Воспоминания из институт. жизни) СПб.: Тип. А. Хомского и К°, 1894. 304с.

84. Львова (Симонович) М. Хочу умереть в России. М.: Изд-во «Жизнь и мысль», 2010. 445с.
85. Манакина З.К. Барышня-смолянка: Воспоминания З.К. Манакиной (1990 г.) / Публ. Н.А. Ландышевой // Женская судьба в России: Документы и воспоминания / Ред. Б.С. Илизарова; предисл. Т.М. Горяевой. М.: Россия молодая, 1994. С. 8-17.
86. Марина М. Головино // Русский архив. 1915. № 9-10. С. 48-59.
87. Марина М.М. Из семейной хроники минувшего века // Исторический вестник 1910. Т. 122. С. 184-206.
88. Махцевич В. Веселые будни. Из воспоминаний гимназистки. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1912. 203с.
89. Махцевич В. Хорошо жить на свете. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1906. 182с.
90. Мещерская Е.А. Китти: Мемуарная проза княжны Мещерской / Сост. и авт. вступ. ст. Г.А. Нечаев. М.: Радуга, 2001. 320с.
91. Миротворская Н.А. Две тетради. М.: «Галерея СТО», 2010. 296с.
92. Монахиня Амвросия (Оберучева). Записки старицы, получившей много милостей от Бога. М.: Новоспасский монастырь, 2009. 543с.
93. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 389-507.
94. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012. 1111с.
95. Николева М.С. Черты старинного дворянского быта // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9.
96. Новицкая В.С. Хорошо жить на свете. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1906. 186с.
97. Олицкая Е.Л. Мои воспоминания: в 2 кн. Кн. 1 / Обл. Н. И. Николенко. Frankfurt / М.: Посев, 1971. 318с.
98. Островская С.К. Дневник. М.: НЛЮ, 2013. 752с.
99. Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 508с.
100. Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. М.: Госполитиздат, 1963. 791с.

101. Пастернак Ж. Хожение по канату. М.: Три квадрата, 2010. 544с.
102. Пименова Э.К. Дни минувшие. Воспоминания. Л.-М.: «Книга», 1929. 193с.
103. Письма Н.А. Хомякова О.А. Вонлярлярской. 1890–1911. Собрание Смоленского музея-заповедника / Сост. А.И. Полулях. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объедин.», 2008. 175с.
104. Покровская М.И. Как я была городским врачом для бедных. (Из воспоминаний женщины-врача) / М.И. Покровская. СПб.: Общ. польза, 1903. 62с.
105. Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993. 312с.
106. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. 809с.
107. Соколов Н. Жизнь ребенка (по дневнику отца). М.: Тип. Н. Желудковой, 1918. 48с.
108. Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 507с.
109. Стасова Е.Д. Воспоминания. М.: Мысль, 1969. 285с.
110. Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. 143с.
111. Сулова А.П. Годы близости с Достоевским / Ред. С. Бахрушина, М. Цявловского. М.: Изд. Сабашниковых, 1928. 196с.
112. Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980. 527с.
113. Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1979. 559с.
114. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. 285с.
115. Толстая С.А. Записки прошлого. Воспоминания и письма / Ред. С.Л. Толстого. М.: Кооп. изд-во «Север», 1932.
116. Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8.
117. Толстой Л.Н. Письмо к Н.Н. Страхову от 19 марта 1879 // Собр. соч. в 22 т. М., 1984. Т. 17.
118. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? Собрание соч. в 22 т. Т. 16. М., 1983.
119. Трубецкая З.А. Достоевский и А.П. Филофова // Русская литература. 1973. № 3. С. 116-118.

120. Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Л.: Изд. Academia, 1929. 542с.
121. Тыркова А.В. Освобождение женщины. Пг., 1917. 16с.
122. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293с.
123. Унковская А. Воспоминания. Пг.: Изд. журнала «Вестник теософии», 1917. 263с.
124. Успенская А. Воспоминания шестидесятницы // Былое. 1922. № 18.
125. Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 томах. М.: Изд-во «Мысль», 1964. 439с.
126. Филатова А.В. Воспоминания учительницы. 1874–1907. М.: Работник просвещения, 1929. 112с.
127. Фохт-Ларионова Т. Воспоминания Т. Фохт-Ларионовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. 2001. [Т. XI]. С. 643-661.
128. Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детства и отроческих лет. М.: НЛО, 1999. 558с.
129. Холопы (рассказ няни З. Корецкой) // Родина. 1914. № 11.
130. Цветаева М.И. Письмо к Амазонке / Собрание соч. в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза, статьи, эссе, переводы. М., 1994. С. 484-497.
131. Цебрикова М.К. Из записок воспитательницы // Женское образование. № 5. С. 285-302.
132. Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М.: Вагриус, 1998. 189с.
133. Чарская Л.А. Записки институтки. М.: Республика, 1993. 382с.
134. Чехова Е.М. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1981. 361с.
135. Шапир О.А. Идеалы будущего // Труды Первого женского съезда. СПб., 1909.
136. Шварсалон В. Дневниковые записи // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М.: НЛО, 1995. 353с.
137. Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М-Л.: Academia, 1934. 856с.

138. Щепкина-Куперник Т.Л. Воспоминания. Дни моей жизни. М.: Захаров, 2005. 526с.

139. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени. Из воспоминаний старой институтки // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 127-215.

140. Яковлева А.И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкин. фонд, 1995.

II.2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА

141. Андреев Л.Н. Иуда Искариот. Рассказы. М.: ОЛМА-пресс, 2000. 349с.

142. Арцыбашев М.П. Санин. М.: СПб.: «Вся Москва», 1990. 313с.

143. Бунин И.А. Легкое дыхание. Рассказы. М.: Вагриус, 2002. 206с.

144. Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. 282с.

145. Вербицкая А.А. Ключи счастья. СПб.: Планета, 1993. 401с.

146. Гумилевский Л. Чужие крыши. М.: Советская Россия, 1991. 237с.

147. Жеромский С. История греха. Пермь: Изд-во Капик, 1993. 477с.

148. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три уroda. М.: Информ.-изд. фирма "Мистер Икс", 1994. 364с.

149. Кондратьев Л. Мерзкая девчонка // Семейное воспитание. 1914. № 2. С. 65-70.

150. Лухманова Н. Институтки: Сборник повестей. М.: ТЕРРА, 1997. 607с.

151. Лухманова Н.А. Тринадцать рассказов. СПб: М.В. Попов., 1901. 450с.

152. Мар А. Женщина на кресте. СПб.: Продолжение Жизни, 2004. 381с.

153. Рунова О.П. Летящие тени. Рассказы СПб.: Новь, 1912. 237с.

154. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914.

155. Толстой Л.Н. Воскресение; Крейцерова соната и др. рассказы Л.Н. Толстого. СПб.: Ясная Поляна, 1911. 720с.

156. Фонвизин С. Записки свободной женщины. Пг.: Тип. «Энергия», 1915. 259с.

157. Хвощинская Н.Д. Повести и рассказы. М.: Гослитиздат, 1963. 512с.
158. Чарская Л.А. Ее величество любовь. Роман из соврем. Событий. Петроград: б/и, 1915. 272с.
159. Чарская Л.А. Записки институтки. М.: Республика, 1993. 382с.
160. Чарская Л.А. Записки маленькой гимназистки. М.: Русский Хронограф, 2004. 222с.
161. Чарская Л.А. Лучшие повести для девочек. М.: АСТ Астрель, 2011. 765с.
162. Чарская Л.А. Начало жизни. М.: Захаров, 2002. 166с.
163. Чарская Л.А. Семья Лоранских. (Не в деньгах счастье); Дурнушка. (из жизни светской девушки) две повести. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1912. 128с.
164. Чарская Л.А. Соперницы. М.: АСТ Астрель, 2006. 204с.
165. Чехов А.П. Дама с собачкой. М.: Эксмо, 2013. 348с.
166. Шапир О.А. Собрание сочинений Ольги Шапир. Т. 2: Антиподы; На разных языках; Из семейной прозы. СПб.: б/и, 1910. 506с.
167. Шапир О.А. Собрание сочинений Ольги Шапир. Т. 5: Без любви; Бал; Две помолвки; Дети отказали; Двести тысяч. СПб.: б/и, 1911. 498с.
168. Шварсалон Л. Неизбежное зло // Северный вестник. 1889. № 8. С. 111-138.

II.3. ПУБЛИЦИСТИКА

169. «А се грехи злые, смертные...». Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X–первая половина XIX в.) / Ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Ладомир, 1999. 860с.
170. А. Женские силуэты предрассветной поры // Союз равноправия. 1909. № 11. С. 17-44.
171. Анзимилова М.Н. Женщина и ее судьи. СПб., 1896. 70с.
172. Анзимилова М.Н. Правда о мужчинах (По поводу брошюры Л.Н. Толстого «Правда о женщинах»). М.: Д.П. Ефимов, 1905. 63с.
173. Безобразов В.П. О современном разврате. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1900.

174. Безобразов П.В. О назначении женщины. М.: Тип. А.И. Снегиревой. 1883. 36с.
175. Безобразов П.В. О современном положении женщины. М.: Тип. А.И. Снегиревой. 1892. 36с.
176. Безобразова М. О материнской любви // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 5-16.
177. Безобразова М. О новой русской семье // Семейное воспитание. 1911. № 1. С. 28-32.
178. В.Т. Современные женщины // Исторический вестник. 1897. Т. 67. С. 287-323.
179. Валекса В. О Задачах материнского воспитания // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 5-11.
180. Вахтина М. Брачный вопрос на первом Всероссийском женском съезде // Женский вестник. 1909. № 3. С. 72-73.
181. Вахтина М. Кем не может быть женщина // Женский вестник. 1911. № 10. С. 198-202.
182. Вахтина М.Л. Большой вопрос // Женский вестник. 1909. № 4. С. 97-98.
183. Вахтина М.Л. Брачный вопрос в настоящем и будущем // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. М., 1998.
184. Вуд-Аллен М. Что необходимо знать девочке. СПб.: Книгоизд. Полезной литературы, 1911. 230с.
185. Глинских Б.Б. Права и обязанности женщин // Исторический вестник. 1896. Т. 66. С. 245-292.
186. Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 11-24.
187. Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 2. С. 49-57.
188. Гориневский В.В. Письма к интеллигентной матери // На помощь матерям. 1894. № 4. С. 166-175.
189. Гумилович В. Брак и свободная любовь. М., 1907. 76с.

190. Елпатьевский С. Самоистребление человечества: По поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 262-278.
191. Золотарев Л.А. Гигиена брака. М.: Изд-во автора, 1897. 63с.
192. Золотарев Л.А. Гигиена супружеской жизни. М.: Изд-во автора, 1901. 182с.
193. Золотарев Л.А. Личная и общественная борьба с развратом. М.: Изд-во автора, 1897. 59с.
194. Золотарев Л.А. Мимолетные связи и брак. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнера и Ко, 1898. 76с.
195. Золотарев Л.А. О борьбе с онанизмом у детей. Для родителей и воспитателей. М.: Изд-во автора, 1896. 72с.
196. Золотарев Л.А. О предупреждении добрачных половых сношений. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнера и Ко, 1899. 56с.
197. Золотарев Л.А. Семья и труд. М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1899. 64с.
198. Золотарев Л.А. Супружеские измены, их значение и причины. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнера и Ко, 1897. 79с.
199. Золотарев Л.А. Устои семьи. Гигиенические и психологические условия брака. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнера и Ко, 1898. 81с.
200. Иоанн Кронштадтский. Горькая правда о девушках и женщинах. СПб.: Тип. П.Е. Ознобищева, 1903. 8с.
201. Исаев А.А. Чего ожидать женщине от социализма? Штутгарт: Изд-во и тип. Дитца, 1903. 24с.
202. Кей Э. Век дитяти. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1906. 261с.
203. Кей Эллен. Век ребенка. М.: Изд. В.М. Саблина, 1910. 314с.
204. Коллонтай А. Крест материнства // Современный мир. 1914. № 11. С. 42-54.
205. Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909. 209с.
206. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Изд-во политической литературы, 1972. 430с.
207. Коллонтай А.М. Новая женщина // Современный мир. 1913. № 9. С. 182-194.

208. Лемешов Е. Печальные итоги // Женский вестник. 1913. № 10. С. 222-226.
209. Лихачева Е. Опасный возраст // Женский вестник. 1911. № 4. С. 100-101.
210. Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины; Влияние новейшей литературы на современную молодежь. (Две лекции). М.: Д.П. Ефимов, 1904. 160с.
211. Лухманова Н.А. О положении незамужней дочери в семье СПб.: Тип. и лит. Б.М. Вольфа, 1896. 16с.
212. Лухманова Н.А. Причина вечной распри между мужчиной и женщиной. [Лекции]. М.: Е. и А. Мансфельд, 1901. 131с.
213. Лухманова Н.А. Черты общественной жизни. (Мысли и наблюдения) СПб.: М.В. Попов, 1898. 197с.
214. М.П. История одного мальчика. К вопросу о ненормальностях детского возраста // Семейное воспитание. 1914. № 2. С. 45-54.
215. Михайлова А.Т. Музей по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и детства. 1917. № 6. С. 507-518.
216. Мишле Ж. Женщина. Одесса: Изд. книгопродавца А.С. Великанова, 1863. 463с.
217. Педагогические новости. Семья и половой вопрос // Женщина. 1909. № 23. С. 23-25.
218. Покровская М.И. Идеал буржуазной жены // Женский вестник. 1906. № 1. С. 21-26.
219. Помпери Э. Женщина по отношению к мужчине в исполнении ею материнских, сестринских и супружеских обязанностей во все времена и у всех народов / Э. Помпери. М.: Я.Ф. Богданов, 1866. 176с.
220. Пономарева М. Призыв к женщинам! // Женский вестник. 1909. № 5. С. 217-220.
221. Словцова-Камская Е.А. Женщина в семье и обществе // Исторический Вестник 1881. Т. 5. С. 765-782.
222. Толстой Л.Н. Послесловие к Крейцеровой сонате / Собр. Соч. в 22т. Том 12. М.: Худ. лит., 1982.

223. Холмогора В. «Бесплодная» по поводу романа Даниэля Риш» // Женский вестник. 1911. № 2. С. 38-40.

224. Циммерман О. Зачем? (Несколько слов по поводу Екатерины Ивановны Андреева) // Женский вестник. 1913. № 4. С. 123-124.

225. Яковлева С. Деторождение и женское движение // Женский вестник. 1909. № 10. С. 191-194; № 11. С. 225-228.

II.4. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

226. Белявский Л.А. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года в толковании юристов. СПб.: Тип. Л. Ландвигера, 1902. 408с.

227. Волькенштейн М.Ф. О союзе брачном. Сборник законов с разьяснениями. СПб.: Тип. «Издатель», 1900. 148с.

228. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. 1. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 31 мая 1913 года; 2. Положение о Попечительстве; 3. Устав Попечительства: Об учреждении Попечительства (Утв. 31 мая 1913 г.): Утв. 4 мая 1914 г. СПб.: Всерос. Попечительство об охране материнства и младенчества, 1914.

229. Гаугер А. Законы гражданские с разьяснениями Правительствующего Сената. СПб.: Н.К. Мартынов, 1902.

230. Грегори А.В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (По данным Варшавского окружного суда за 20 лет, 1885–1904 гг.). Варшава, 1908. 383с.

231. Григоровский С.П. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по брачным делам. СПб.: Тип. В. Местник, 1896. 314с.

232. Громов Н.А. Законы уголовные Уложение о наказаниях уголов. и исправ., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по продолж. 1906, 1908 и 1909 г. с позднейшими узаконениями. СПб.: Н.К. Мартынов, 1911.

233. Гуревич И. Родители и дети. СПб.: Я. Канторович, 1896. 211с.

234. Канторович Я.А. Законы о детях: Сб. постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних, с прил. Свода разьясн. по кассац. решениям Сената. СПб.: Я.А. Канторович, 1899.

235. Канторович Я.А. Законы о женщинах: (Сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола). СПб.: Я.А. Канторович, 1899.

236. Лазаревич И. Внимание к детям и матерям. Харьков: Унив. тип., 1869. 470с.

237. Николин Н.С. Внебрачные дети. Узаконение и усыновление с разъяснениями Сената и образцами прошений. М.: И.К. Оппокова, 1902.

238. Об учреждении Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества и о принятии оною под покровительство Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXIII. 1913. Отделение I. Пг., 1916. № 39446.

239. Правила для приютов кормилиц и для вскармливания и воспитания грудных детей // Медицинский департамент. Циркуляры. 1870–1899 гг. 2-е делопроизводство. СПб., б/г.

240. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845, 1866, 1892, 1901, 1908. СПб.: Гос. тип., 1845, 1866, 1892, 1901, 1908.

241. Якобсон Л. Половое воздержание перед судом медицины // Русский врач. 1905. № 18.

II.5. ИСТОЧНИКИ, СВЯЗАННЫЕ С РАЗРАБОТКОЙ МЕР В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

242. Н. В Москве предлагается организовать выставку детей // Семейное воспитание. 1914. № 1.

243. Абрамов Я.В. Узаконение внебрачных детей и усыновление. СПб.: П.П. Сойкин, 1903. 76с.

244. Артемьев А.П. Как трудно быть составителем проекта организации акушерской помощи в России // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 2. С. 107-123.

245. Бахмутский Е.М. К вопросу о признании внебрачных и подкинутых детей // Охрана материнства и детства. 1917. № 5. С. 419-426.

246. Бруханский Б.П. Борьба с детской смертностью в России и роль Попечительства об охране материнства и младенчества в этой борьбе. Пг.: Всерос. Попеч. об охр. мат. и млад., 1916. 40с.

247. Бубличенко Л.И. Родовспоможение в Петрограде и его роль в охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 71-98.

248. В родительском кружке // Смоленский вестник. 1903. № 23. С. 2.

249. Валицкий Л.Э. Первый год деятельности консультации для грудных детей XIII Комитета Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества, состоящего при 6-м Городском Попечительстве о бедных в Петрограде // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 3. С. 56-73.

250. Винярский. Необходимость общественной охраны материнства и грудного ребенка в бедных слоях населения // Акушерка. 1913. № 12.

251. Георгиевский П.И. Об изучении смертности младенцев до года // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 104-122.

252. Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регулировки // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 469-480.

253. Гинденс Е.Я. Всероссийский фонд страхования Материнства и младенчества (схематический проект) // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 1. С. 6-9.

254. Гинденс Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 54-71.

255. Глаголев Д.М. К вопросу о кормилицах. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1896. 10с.

256. Глинских Б.Б. Права и обязанности женщин // Исторический вестник. 1896. № 10. С. 245-292.

257. Гордон Г.И. Охрана материнства и детства в России. СПб.: б/и, 1913. 24с.

258. Деятельность Попечительства охраны материнства и младенчества в 1916 году // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 2. С. 15-16.

259. Желтухина В.В. Убежища для беременных и рожениц // Акушерство и гинекология. 1904. № 3. С. 34-39.

260. Какушкин Н.М. Новые пути в деле родовспоможения в г. Саратове // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 145-170.
261. Коллонтай А.М. Общество и материнство. Петроград: Книгоизд. «Жизнь и знание», 1916. 641с.
262. Котовщиков А.И. О смертности рожениц и родилиц. Сравнительная разработка данных западноевропейских государств и некоторых губерний России. Дис на ст. докт. мед. СПб.: Тип. Импер. ак. наук, 1880. 95с.
263. Лемешов Е. О материнстве // Женский вестник. 1912. № 3. С. 69-73.
264. Маргулиес-Аитова М.Н. Организация «Капли молока» в Петербурге: Доклад, чит. в О-во охранения нар. здоровья 22 сент. 1905 г. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1905. 7с.
265. Матерям о детях // Женщина. 1909. № 23. С. 18-20.
266. Медовиков П.С. В чем должна состоять борьба с детской смертностью. Петроград: Гос. тип., 1916. 43с.
267. Михайлова Е. Охрана материнства с точки зрения сексуальности, равноправия, законодательства и семьи. М.: Тип. В. Зеликова, 1915. 31с.
268. Мичник З.О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // Охрана материнства и детства. 1916. № 3. С. 28-55.
269. Мичник З.О. Охрана младенчества // Охрана материнства и детства. 1917. № 5. С. 405-418.
270. Мичник З.О. Руководящие указания к организации просветительского патронажа (попечения) над грудными детьми. Пг.: Гос. тип. 1917. 17с.
271. Новосильцева М.А. Об организации помощи матери и ребенку в деревне // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 98-103.
272. Об учреждении Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Журналы 50 Очередного Юхновского уездного земского собрания. 3-5.11. 1914. С. 35-42.
273. Острогорский С.А. Деятельность К.А. Раухфуса по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 28-32.
274. Охрана грудного ребенка в Московских городских лечебных учреждениях: Постоянная показательная выставка по уходу за ребенком и его вскармливанию при Родильном доме им. С.В. Лепехина. М.: Гор. тип., 1913. 24с.

275. Письменный Н.И. О влиянии фабричных условий работы на жизнь матерей, на смертность детей // Журн. Пироговского о-ва. 1912. № 1.
276. Попова А.В. Опыт снабжения детским молоком г. Петрограда, организованный Всероссийским Попечительством об охране материнства и младенчества // Охрана материнства и детства. 1916. № 3. С. 74-90.
277. Попова А.В. Охрана материнства // Охрана материнства и детства. 1917. № 5. С. 397-404.
278. Раухфус К.А. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. СПб.: Гос. тип., 1914. 15с.
279. Рогович М. Долг государства по отношению к матерям и детям // Женский вестник. № 2. С. 48-51.
280. Рогович М. О вознаграждении труда замужних женщин у домашнего очага // Женский вестник. 1911. № 1. С. 7-24.
281. Рогович М. Союз охраны матерей // Женский вестник. 1909. № 11. С. 229-231.
282. Русских Н.А. Попечение о детях грудного возраста в России // Труды Первого Всерос. съезда детских врачей в Санкт-Петербурге, 27–31 декабря 1912 г. СПб., 1913.
283. С.Я. Охрана материнства и младенчества // Женский вестник. 1913. № 7-8. С. 165-167.
284. Сабурова А.С. Отчего умирают в деревнях маленькие дети // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 128-137.
285. Скловский Е.Л. К вопросу о борьбе с детской смертностью. Киев: Тип. т-ва Н.А. Гирич, 1906. 13с.
286. Словцова А. В защиту «курсов для матерей» // Женский вестник. 1913. № 2. С. 82-84.
287. Соколов М.Д. Насколько страхование рабочих могло бы помочь охране материнства // Журн. Пироговского о-ва. 1903. № 4.
288. Сулима А.Ф. Общественное попечение о матерях и детях // Гигиена и санитарное дело. 1916. № 3-4. С. 145-158.
289. Троицкий И.В. Охрана материнства в Харькове // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 150-156.

290. Шудская Э. Об охране материнства // Союз женщин. 1908. № 7-8. С. 1-20.

II.6. МЕДИЦИНСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

291. Атлас акушерских рисунков с ссылками на учебную книгу акушерства, сочиненную доктором Д.В. Бушом. М.: Тип. А. Семена, 1852. 312с.

292. Бензенгр В.Н. Беседы о гигиене, преимущественно детского возраста М.: Тип. М.П. Щепкина и К°, 1881. 317с.

293. Бензенгр В.Н. К антропологии женского населения Москвы и Центральной России. М.: б/и, 1879. 16с.

294. Бехтерев В.М. О половом оздоровлении. СПб., 1910. 20с.

295. Бокин П.Н. Подвижные игры. Руководство для родителей, воспитателей и самих учащихся. М.: Изд. А.Ф. Маркс, 1902. 346с.

296. Боряковский А.Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886-887.

297. Боткин Я.А. Гипнотизм в гинекологии и акушерстве. М.: Тип. В. Рихтер, 1897. 39с.

298. Брейтман М.Я. Как надо кормить детей // Здоровая жизнь. 1911. № 1. С. 1-16.

299. Брейтман М.Я. Питание и вскармливание детей с современной точки зрения. СПб.: Журн. Современ. медицина и гигиена, 1907. 404с.

300. Бубличенко Л.И. Практические указания для устройства родильного приюта. Пг.: Гос. тип., 1915. 26с.

301. Введенская Е.И. К вопросу об асептике и антисептике в гинекологии: дис. на степень д-ра медицины. Пг., 1916. 167с.

302. Винтер Г. Учебник гинекологической диагностики. СПб.: Практическая медицина, 1897. 436с.

303. Вирениус А.С. Период полового развития в антропологическом, педагогическом и социологическом отношении // Русская школа. № 12. 1902. С. 120-130.

304. Водовозова Е.Н. Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста: Кн. для воспитателей. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1891. 376с.

305. Воллосович А.М. Наблюдения в области гинекологической рентгенотерапии. Петроград: тип. «Орбита», 1915. 20с.
306. Воюцкий С.Ф. Жестокий обычай // Врач. 1897. № 19.
307. Гершензон А.О. Общество попечения о больных детях г. Одессы. Медицинский отчет о деятельности Консультаций и «Капли Молока» в 1908 году. Одесса: Экономич. тип., 1909. 27с.
308. Гильденбрандт А.И. Мир половых страстей. СПб.: Электронпеч. К.А. Четверикова, 1909. 116с.
309. Гильденбрандт А.И. Творческие силы природы (Чудеса воспроизведения): Бесконечно разнообразные картины половой жизни человека и животных. Новейшие исследования науки о таинственных и величественных процессах оплодотворения, зачатия и рождения, популярно изложенные д-ром мед. М.: Тип. И.Е. Шюман. 1871–1872.
310. Гиппиус А.Э. Как следует обращаться с молоком для детей первого возраста. М.: Ф. Швабе, 1905. 8с.
311. Глаголев Д.М. К вопросу о кормилицах. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1896. 10с.
312. Горвиц М. Руководство к патологии и терапии женской половой сферы. Ч. 1. СПб.: Изд. Риккера, 1874. 465с.
313. Горвиц М. Руководство к патологии и терапии женской половой сферы. Ч. 2. СПб.: Изд. Риккера, 1878.
314. Горвиц М.И. О неукротимой рвоте беременных. СПб.: Журн. «Медицинская библиотека», 1882. 91с.
315. Гофмейер М. Очерки основ гинекологических операций. СПб.: Изд. К. Риккера, 1893. 381с.
316. Грегори А.В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании. (По данным Варшавского окр. суда за 20 лет, 1885–1904 гг.). Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1908. 391с.
317. Гржибовский Н.В. К вопросу о применении X-лучей с диагностической целью при беременности: Дис. на степ. д-ра мед. СПб.: Слово, 1903. 91с.
318. Григорьев И. О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии // Врачебные ведомости. 1883. № 21-23.

319. Губарев А.П. Акушерское исследование (наружное и внутреннее). Практический курс для студентов и врачей. М.: Тип. И.А. Баландина, 1898. 292с.
320. Губарев А.П. Медицинская гинекология, или гинекология практического врача. Петроград: Практическая медицина, 1917. 318с.
321. Губарев А.П. Обеззараживание. Правила, приемы и средства очистки и обеспложивания, применяемые в гинекологической клинике. М.: Студ. мед. изд. комис. им. Н.И. Пирогова, 1910. 69с.
322. Губарев А.П. Оперативная гинекология и основы абдоминальной хирургии. Ч.1. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 641с.
323. Давыдова Е.С. Уход за ребенком. По соч. проф. С. Бидерта, Гоксингера и др. СПб.: СПб. электропеч., 1902. 192с.
324. Дебэ А. Брак и безбрачие во всех половых и моральных проявлениях. Гигиена, физиология и философия брака и безбрачия. М.: Тип. Т. Рис, 1872. 604с.
325. Дебэ А. Брак и безбрачие. СПб.: Тип. А.П. Поплавского, 1901. 502с.
326. Дебэ А. Физиология брака. Естественная и медицинская истории мужчины и женщины с самыми интересными подробностями. СПб.: Изд-во Н.С. Аскарханова, 190? 454с.
327. Дейч О. Лучшее приданое или необходимые наставления для беременных, рожениц и родильниц. М.: Тип. Н. Степанова, 1841. 200с.
328. Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873. 380с.
329. Дернова-Ярмоленко А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенком. М.: Тип. И.Н. Кушнерева. 1912. 124с.
330. Дернова-Ярмоленко А. Как писать дневники. Практические заметки // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 41-46.
331. Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. 88с.
332. Диагностика беременности // Акушерка. 1902. Кн. 1. № 1-2. С. 1-6.
333. Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Изд-во Свет, 1910. 128с.
334. Дрентельн Е.С. О механизме родов // Акушерка. Кн. 3. № 5-6. С. 65-77.

335. Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. 285с.
336. Ершов С.М. Жена, мать и дитя. Интимные советы женщине. Уход за собою в различные периоды жизни. СПб., из журнала «Женщина», 1909. 80с.
337. Жук В. Акушерство у русского народа // Акушерка. Кн 4. № 7-8. С. 101-113.
338. Жук В. Козье молоко – лучший заменитель женского // Акушерка. 1902. Кн. 2. № 3-4. С. 46-58.
339. Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906. 111бс.
340. Жук В.Н. Недоконченное совокупление // Акушерка. 1902. № 12. С. 315-327.
341. Жук В.Н. Почему многие матери не кормят грудью детей? // Акушерка. 1902. Кн. 6. № 11-12. С. 178-182.
342. Жук В.Н. Презервативы и их влияние // Акушерка. 1900. № 6. С. 161-178.
343. Жук О. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России XX века. М.: Изд-во Глагол, 1998. 136с.
344. Жуковский В.П. Курс детских болезней. СПб.: Изд-во. Бр. Башмакова, 1908. 536с.
345. Жуковский В.П. Предупреждение болезней детства и уход за новорожденными // На помощь матерям. 1900. № 4. С. 1-27.
346. Зарецкий С. Пересадка яичников // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 9. С. 1235-1264.
347. Зарецкий С.Г. Рентгенотерапия в гинекологии и акушерстве. Для врачей и студентов. Со включением техники гинекол. Рентгенизации и очерка акушерско-гинекол. Рентгенодиагностики. СПб.: К.Л. Риккер, 1912. 248с.
348. Игнатов Н.К. Питание детей всех возрастов в связи с применением суррогатов и заменюю одних продуктов другими. М.: Госуд. мед. изд-во, 1922. 120с.
349. Ильин Ф. Н. Искусственное оплодотворение в борьбе с бесплодием женщины. СПб.: Тип. «Орбита», 1917. 20с.

350. Ильин Ф. Н. Искусственное оплодотворение в борьбе с бесплодием женщины // Журнал акушерства и женских болезней. 1917. №1-2.
351. Искусственное оплодотворение как лучшее средство при лечении бесплодия. По доктору медицины Жерар. М.: Тип. Т. Дортман, 1914. 59с.
352. Калабин И.С. О преждевременном появлении регул // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 5. С. 863-869.
353. Красовский А.Я. Об овариотомии: С атласом пр-ва операции по способу, принятому авт. СПб.: Тип. А. Траншея, 1868. 70с.
354. Крассовский А.Я. Оперативное акушерство. М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. 679с.
355. Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. М.: Попул.-науч. журнал-библиотека, 1907. 30с.
356. Кривошеин М.П. О призрании рожениц в городских родительских приютах. СПб., 1897. 120с.
357. Ланге Н.П. Душа ребенка в первые годы жизни. СПб.: Журн. «Рус. школа», 1892. 64с.
358. Либов Б.А. К вопросу о заболевании грудных сосков в послеродовое время, об уходе за ними и о лечении их. СПб.: Тип. Я. Трей, 1898. 16с.
359. Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. 203с.
360. Мансуров Н. О влиянии смазывания кокаином половых точек в носу для обезболивания родов // Акушерка. 1899. № 8.
361. Марков Н. Четыре последовательных ложных беременности у одной и той же женщины // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 9. С. 1204-1209.
362. Матвеев А.П. Курс акушерства для учащихся, составленный А. Матвеевым, доктором медицины. Киев: Унив. тип., 1876. 109с.
363. Миллер Н. Женское молоко и выбор кормилиц. М.: Тип. А.А. Карцева, 1888. 232с.
364. Мичник З.О. Об естественном и искусственном вскармливании грудных детей // Охрана материнства и детства. № 2. С. 36-50.

365. Монин Л.М. Беременность и роды. Популярное изложение физиологии и диеты беременных, рожениц, родильниц и новорожденных. СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1905.

366. Мурза А.Я. О практикуемом в Екатеринбургском родильном доме способе зашивания брюшной раны после чревосечений. СПб.: Тип. дома призр. малолет. бедных, 1904. 25с.

367. Надеждин К вопросу об акушерско-гинекологической помощи в провинции: (Отчет о моих акушер.-гинекол. операциях за время с 1887 по 1891 г.). СПб.: Губ. тип., 1895. 14с.

368. Новицкий В. Об уходе за ребенком в первые дни его жизни // На помощь матерям. 1894. № 6. С. 239-247.

369. Онуфриев В.М. Акушерские случаи. Екатеринбург: Тип. С.М. Меклера, 1905. 86с.

370. Отт Д. Оперативная гинекология. СПб.: Гос. тип., 1914. 603с.

371. Пликус Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 10. № 19-20. С. 297-309.

372. Пликус Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 8. № 15-16. С. 225-235.

373. Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М.: Студ. изд. комис., 1915. 320с.

374. Покровская М. Руссо о воспитании девочек // Женский вестник. 1912. № 11. С. 218-223.

375. Покровская М.И. Борьба с проституцией. СПб.: Электротепечать, 1900. 29с.

376. Покровская М.И. Вопрос расовой гигиены // Женский вестник. 1914. № 1.

377. Покровская М.И. Вопросы воспитания. О развитии душевной энергии у детей. О воспитании целомудрия у мальчиков. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. 77с.

378. Покровская М.И. К вопросу об аборте // Женский вестник. 1914. № 4.

379. Покровская М.И. О детских развлечениях. Их психологическое и гигиеническое значение. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896. 98с.

380. Покровская М.И. О половом воспитании и самовоспитании. СПб.: П.П. Сойкина, 1913. 79с.

381. Покровская М.И. Популярная гигиена женщины-врача М.И. Покровской. СПб., 1893. 360с.
382. Покровская М.И. Проституция и бесправие женщин // Женский вестник. 1907. № 10. С. 225-231.
383. Покровская М.И. Русская яма // Женский вестник. 1910. № 2. С. 37-41.
384. Покровская М.И. Теория воспитания рабынь // Женский вестник. 1913. № 10. С. 233-238.
385. Покровский Е.А. Об уходе за малыми детьми. М.: Посредник, 1910. 100с.
386. Половое воспитание. Сб. статей учителей, родителей и воспитателей. М.: Тип. Вильде, 1913. 126с.
387. Половцева В.Н. Половой вопрос в жизни ребенка // Вестник воспитания. 1913. № 9. С. 16-29.
388. Порошин М.Н. Клинический обзор чревосечений, произведенных в Акушерско-гинекологической клинике проф. К.Ф. Славянского за 20 лет (с 15 марта 1878 г. по 29 апреля 1898 г.): Материалы к брюшной хирургии: Дис. на степ. д-ра мед. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898.
389. Потеев В.В. 159 случаев чревосечений // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 11. С. 1521-1553.
390. Потеев В.В. 159 случаев чревосечений // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 12. С. 1685-1710.
391. Потеев В.В. 4 кесарских сечения // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 7-8. С. 989-999.
392. Потеев В.В. Акушерско-гинекологические заметки. СПб.: Губ. тип., 1894. 10с.
393. Прейер В. Душа ребенка. СПб.: Изд. А.Е. Рябченко, 1891. 207с.
394. Прокопьева Г.С. Три случая кесарского сечения // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 7-8. С. 999-1052.
395. Райх М.З. Нервозы половых органов // Акушерка. 1902. Кн. 2. № 3-4. С. 33-46.
396. Редлих А.А. Война и охрана материнства и младенчества: Речь на съезде Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества. 6 ноября 1916. Пг.: Тип. Орбита. 1916. 30с.

397. Редлих А.А. Страхование материнства, как мера охраны его // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 129-146; № 3. С. 245-254.
398. Рейн Г.Е. Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб.: б/и, 1906. С. 3-28.
399. Розеггер П. Мать, пиши свою лучшую книгу // Семейное воспитание. 1914. № 8-9. С. 43-50.
400. Роков Г. Большой вопрос воспитания // Вестник воспитания. 1902. № 7. С. 5-93.
401. Рунге М. 78 советов беременным. СПб.: Тип. С.М. Муллер, 1903. 32с.
402. Рунге М. Гигиена беременности. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1899. 79с.
403. Рунге М. Родовой акт в общедоступном изложении. СПб.: б/и, 1904. 31с.
404. Рунге М. Учебник акушерства. СПб.: Практ. мед., 1904. 535с.
405. Рунге М. Учебник по гинекологии. СПб.: Практическая медицина, 1913. 554с.
406. Русский фармацевтический мануал / Сост. А. Клинге. Т. III. Петроград: Изд. К.Л. Риккера, 1915. 487с.
407. Сангер М. Асептика в гинекологии и акушерстве. СПб.: Практическая медицина, 1896. 79с.
408. Сборник трудов по акушерству и гинекологии, посвященный проф. Д.О. Отту по поводу 25-летия его врачебной деятельности. Ч. 1. СПб.: б/и, 1906.
409. Семейные узы: Модели для сборки: Сб. ст. / Ред. С. Ушакин. М.: НЛЮ, 2004. 640с.
410. Сикорский И.А. Воспитание в возрасте первого детства. СПб.: А.Е. Рябченко, 1884. 204с.
411. Сикорский И.А. Об умственном и нравственном воспитании детей // Энциклопедия семейного воспитания и обучения. 1902. Вып. XLIV-XLVI. СПб.: Тип. Е. Евдокимова.
412. Симонович А.С. Кто может быть воспитателем? // Детский сад. № 11-12. С. 389-398.
413. Словцова Л.В. Половое воспитание детей / Труды Первого всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 1908. СПб., 1909.

414. Смольский И.И. Учебник гинекологической анатомии с указаниями на физиологические отправления женских половых органов. СПб.: К.Л. Риккер, 1903. 160с.
415. Столица З.К. Выработка характера. М.: Т-ва М.О. Вольф, 1912. 55с.
416. Столица З.К. Развитие в детях жизнерадостности и борьба с пессимизмом. М.: Т-ва М.О. Вольф, 1912. 81с.
417. Столыпинский В.А. Случай кесарского сечения при относительных показаниях // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 11. С. 1362-1363.
418. Сутугин В.В. 55 чревосечений, произведенных в Москве СПб.: Тип. Я. Трей, 1891. 22с.
419. Тарновский В.М. Извращение полового чувства у женщин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. 109с.
420. Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902. 491с.
421. Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. 556с.
422. Флоринский В. Курс акушерства и женских болезней: гинекология. СПб.: б/и, 1870. 421с.
423. Фоконей Ж. Аборт. Стремление к бездетному браку: причины аборта самопроизвольного и случайного: искусственно вызванный и преступный аборт. СПб.: журн. «Тайны жизни», 1907.
424. Форель А. Половой вопрос. Т. 1. СПб.: Вестник знания, 1906. 679с.
425. Холмогоров С.С. Искусственные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 7-8. С. 989-999.
426. Холмогоров С.С. Привычный выкидыш и привычные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 10. С. 1212-1218.
427. Членов М.А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студ. мед. изд. комис., 1909.
428. Шредер К.Л. Учебник акушерства со включением патологии беременности и родильного периода. СПб.: К.Л. Риккер, 1876. 690с.
429. Эрисман Ф.Ф. Курс гигиены. Т. II. М.: б/и, 1887. 404с.

430. Якубович В. Показанию к взятию кормилицы и правила ее выбора // На помощь матерям. 1894. № 7. С. 293-298.

431. Ямпольский С.Д. О самодельном деревенском pessarii // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 9. С. 1104-1109.

432. Яхонтов А.П. К вопросу о чревосечениях: Краткий обзор случаев из частной практики (Доложено Акушерско-гинекол. о-ву в Киеве, в янв. засед. 1902 г.). Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев, 1902. 79с.

II.7. УСТАВЫ, ОТЧЕТЫ, ДОКЛАДЫ ОРГАНИЗАЦИЙ, СЪЕЗДОВ, СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

433. Водягин В.И. Медицинский отчет из Акушерской факультетской клиники Университета св. Владимира за три года (315 случаев). Киев: Унив. тип., 1880. 36с.

434. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. СПб., 1914. 15с.

435. Герасимович П.И., Богаевский А.Т. Отчет о Кременчугской губернской земской больнице за 1881–1882, 1883–1897. Полтава: б/и., 1882–1883, 1885, 1888.

436. Гершензон А.О. Медицинский отчет о деятельности Консультаций и «Капли молока» общества Попечения о больных детях Г. Одессы в 1912 г. Одесса, 1913. 27с.

437. Гершензон А.О. Медицинский отчет о деятельности Консультаций и «Капли молока» Общества попечения о больных детях г. Одессы в 1915 г. Одесса, 1916. 32с.

438. Годовой отчет о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1907 г. СПб.: б/и., 1908. 34с.

439. Годовой отчет о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1908 г. СПб.: б/и., 1909. 38с.

440. Годовой отчет о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1909 г. СПб.: б/и., 1910. 25с.

441. Годовой отчет о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1910 г. СПб.: б/и., 1911. 31с.

442. Годовой отчет о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1911 г. СПб.: б/и., 1912. 29с.
443. Годовой отчет о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1912 г. СПб.: б/и., 1913. 34с.
444. Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая–5 июня 1913 г.: (Протоколы заседаний. Доклады). Вып. 1. СПб.: б/и., 1913.
445. Деятельность родильного дома им. З.Ф. Могилевцевой за 1914 г. и сравнительно за пятилетний период со дня открытия его 1 мая 1910 г. Брянск: Тип. Я.Н. Подземского, 1915. 16с.
446. Доклад Комиссии Киевского общества детских врачей об устройстве консультаций для грудных детей. Киев: б/и, 1906. 23с.
447. Доклад комиссии по вопросу о кормиличном промысле, естественном и искусственном вскармливании // Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным комитетом съезда. Т. 3. СПб.: б/и, 1913.
448. Журнал общего собрания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, 6 марта 1916 // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 32-54.
449. Какушкин Н.М. Отчет о деятельности совещания врачей-акушеров Санкт-Петербургских родильных городских приютов в 1910 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 5. С. 879-885.
450. Краткий отчет о деятельности Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества за 1914 г. Пг.: Гос. тип., 1915. 21с.
451. Краткий отчет о деятельности Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества за 1915 г. Пг.: Гос. тип., 1916. 25с.
452. Краткий отчет о деятельности Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. Пг.: Гос. тип., 1917. 29с.
453. Лебедев Г.И. Цифровой отчет акушерских клиник и городских родильных приютов, находившихся и находящихся теперь в заведывании проф. А.И. Лебедева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1901. 26с.
454. Мед отчеты старшего врача Казанской губернской земской больницы. Отчеты врачей, заведывающих земским сиротским домом, Лихачевским

родильным отделением и оспопрививательным институтом с 1 сентября 1896 по 1 сентября 1897. Казань: Тип. губ. правления, 1897. 25с.

455. Медицинские отчеты старшего врача Казанской губернской земской больницы. Отчеты врачей, заведующих земским сиротским домом, Лихачевским родильным отделением и оспопрививательным институтом с 1 сентября 1895 по 1 сентября 1896. Казань: Тип. губ. правления, 1896. 24с.

456. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург: Тип. Н.Л. Филипповой, 1888. 32с.

457. Медицинский отчет Московского родовспомогательного заведения Императорского Воспитательного дома за 1876 и 1877 гг. М.: Изд. Моск. гор. думы, 1878. 23с.

458. Медицинский отчет Санкт-Петербургского родовспомогательного заведения за 1889 год // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 7-8. С. 521-546.

459. Отчет Киевского Общества «Капля молока» за 1913 г. Киев: б/и, 1914. 34с.

460. Отчет о деятельности местных органов Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1915 г. Пг.: Гос. тип., 1917. 254с.

461. Отчет о деятельности попечительства по охране материнства и младенчества за 1914. Петроград: б/и, 1915. 8с.

462. Отчет по городскому родильному дому им. А.А. Абрикосовой. М.: Город. тип., 1909. 26с.

463. Отчет по городскому родильному дому им. С.В. Лепехина за 1908 г. М.: б/и., 1909. 30с.

464. Отчет по Рязанскому городскому родильному дому и детскому приюту им. «Сергея Живаго». Рязань: б/и., 1912–1913.

465. Отчеты Смоленской губернской земской больницы за 1880–1911 гг. Смоленск: Город. тип., 1881–1912 гг.

466. Охрана грудного ребенка в Московских городских лечебных учреждениях: Постоянная показательная выставка по уходу за ребенком и его вскармливанию при Родильном доме им. С.В. Лепехина. М.: Гор. тип., 1913. 24с.

467. Павлова М.А. Практическое руководство к изучению личности ребенка при помощи методов экспериментального исследования. Одесса: Изд. А.В. Ивасенко, 1916. 84с.
468. Петров М.В. Отчет за 19 лет по родильному отделению Воронежа // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 9. С. 670-684.
469. Проскурякова М. V Международный акушерско-гинекологический съезд в Санкт-Петербурге // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 5. С. 885-895.
470. Протоколы заседаний Акушерско-гинекологического общества в С.-Петербурге. СПб.: б/и., 1887–1904.
471. Протоколы заседания акушерского общества в Киеве // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 9. С. 1129-1133.
472. Самгин И.Я. Адресная книжка врачей, дантистов, акушеров, лечебных заведений и аптек г. Москвы. М.: Тип. Н.И. Куманина, 1903. 116с.
473. Состоящее под Августейшим Покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Всероссийское Попечительство об охране материнства и младенчества. Денежный отчет за 1915 год. Пг., 1916. 25с.
474. Сутугин В.В., Воздвиженский Г.М. Краткий исторический очерк устройства Московского родовспомогательного заведения и медицинский отчет за 1888 год. М.: Изд. Моск. гор. думы, 1889. 94с.
475. Сутугин. Повивальный институт в Петербурге. Отчет за 1888 г. // Акушерство и гинекология. 1889. № 11. С. 29-39.
476. Труды III съезда общества Российских акушеров и гинекологов, Киев, 2–5 апреля. 1909 г. / ред. Н.Е. Неелова, Г.Ф. Писемского. Киев: б/и., 1909. 567с.
477. Труды II съезда общества Российских акушеров и гинекологов, Москва, 28–30 декабря 1907 г., М.: б/и, 1908. 427с.
478. Труды IV съезда Общества российских акушеров и гинекологов: (16–19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Ред. А. Редлиха. Вып. 1. СПб.: б/и., 1912. 478с.
479. Труды I съезда общества Российских акушеров и гинекологов, С.-Петербург, 28-31 дек. 1903 г. / Ред. В.В. Строганова. СПб.: б/и., 1904. 616с.

480. Труды первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге с 27–31 декабря 1912 г. / Ред. Г.Б. Конухеса. СПб.: Орг. ком., 1913.

481. Устав женской лечебницы с родильным отделением врача М.А. Амчиславского в г. Харькове. Харьков: Тип. Х.М. Аршавской, 1898. 8с.

482. Устав родовспомогательного учебного заведения в г. Ялте, учрежденного бывшим профессором акушерства и женских болезней И.И. Федоровым. Ялта: Тип. Л. Лупадиной, 1910. 12с.

483. Устав родовспомогательного и учебного родовспомогательного заведения имени Ф.В. Чижова, состоящего в ведении Костромского уездного земства. Кострома: Уезд. губерн. тип., 1902. 14с.

484. Устав станции «Капли молока» Киевского общества «Капля молока» (Утв. 5 июля 1912 г.). Киев: б/и., 1913. 18с.

485. Устав хирургической и акушерской лечебницы доктора медицины А.И. Макиевского в Москве. М.: Тип. Россихина, 1903. 16с.

486. Устав частного родовспомогательного заведения акушерки Л.А. Горизонтовой в г. Казани. Казань: Тип. И.Н. Харитонов, 1911. 21с.

487. Устав частной акушерской и женской лечебницы с родильным отделением В.В. Дункель в Москве. М: Губ. тип., 1911. 17с.

488. Учебные планы и программы школы сестер Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. Петроград: Гос. тип., 1917. 30с.

489. Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола / сост. И. Бецкой. Т. 1. СПб.: Тип. Сухопут. кад. корпуса, 1774.

490. Финкельштейн Л.О. Консультации для грудных детей. Киев: Тип. АО «Петр Барский», 1913. 253с.

491. Шестакова О.А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб.: Тип. «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1910. 21с.

II.8. МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Акушерка. 1899, 1902.

Брачная газета 1909, 1910.

Вестник моды 1897, 1905, 1910.
Врач 1890–1900.
Дамский мир 1915.
Дело 1905.
Домашний врач 1910, 1912.
Женский вестник. 1906, 1909–1911.
Женское дело 1899, 1910, 1915.
Женщина 1909, 1910.
Женщина-врач 1908.
Журнал акушерства и женских болезней. 1890–1915.
Журнал для женщин 1916, 1917.
Журнал для хозяек 1905, 1910.
Земский врач 1888, 1890.
Исторический вестник 1881, 1896, 1897, 1901, 1910.
Модный магазин 1875.
Модный свет 1914.
На помощь матерям 1894, 1900.
Нива 1914.
Охрана материнства и младенчества за 1916–1917.
Первый женский календарь 1899, 1901, 1905, 1909.
Родина 1914.
Русская школа 1900, 1905, 1911.
Русский врач 1902, 1905, 1908.
Русское богатство 1914.
Семейное воспитание 1910, 1914.
Семья 1904.
Синий журнал 1910.
Смоленский вестник 1905, 1908, 1912, 1915.
Столицы и усадьба 1913–1915.

III. ЛИТЕРАТУРА

III.1. ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Абрамович Н.Я. Женщина и мир мужской культуры. Мировое творчество и половая любовь. М.: Книгоизд. «Свободный путь», 1913. 113с.
2. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи: 1789–1918. М.: ВШЭ, 2011. 408с.
3. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сб. статей / Ред. М.Б. Денисенко М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13-72.
4. Адоньева С.Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 176с.
5. Адоньева С.Б. Материнство: мифология и социальный институт / http://www.folk.ru/Research/adonyeva_motherhood.php?rubr=Research-articles (дата обращения 12.12.2014).
6. Айвазова С.Г. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. №1-2.
7. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. М.: РИК Русанова, 1998. 408с.
8. Анзимилова М.Н. Причины нравственной физиономии женщины. Исторический очерк. СПб.: С-Петербург. электропечатня, 1901. 294с.
9. Антонов А.М. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семей // Вопросы теории и методов социологических исследований. М.: Статистика, 1974.
10. Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 271с.
11. Аргамакова С. К вопросам этики в современном браке. Полоцк: Тип. Х.В. Клячко, 1895. 56с.
12. Артамонов-Большаков Н. Что такое союз супругов / Н. Артамонов-Большаков. СПб.: Ред. журн. «Кронштадский маяк», 1908. 48с.
13. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1999. 415с.

14. Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1903. 136с.
15. Ахелис Т., Блох И., Бельше В. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни. В 3т. Т. 2 / Ред. А.С. Догеля, А.Н. Шабановой. СПб.: Просвещение, 1917.
16. Ашкинази И.А. Женщина и человек. Отто Вейнингер и его книга «Пол и характер». М.: Книгоизд-во «Посев», 1909. 78с.
17. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 239с.
18. Баранов Д.А. Мужские «роды» (этнографический факт и его интерпретации) // Мужской сборник. Вып. 2 / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М.: Лабиринт, 2004. 264с.
19. Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 9-30.
20. Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности. СПб: Институт социологии РАН, 1997.
21. Белова А.В. Мир женского детства в дворянской России XVIII–середины XIX как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. 2005. № 3-4. С. 28-38.
22. Белова А.В. «В куклы я никогда не играла...» // Родина. 2008. № 4. С. 92-94.
23. Белова А.В. «Займусь опять... моим счастливым детством» // Родина. 2009. № 11. С. 110-113.
24. Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480с.
25. Белова А.В. Гендерный анализ детства в пространстве дворянского дома и дихотомия частного и общественного в России XVIII–середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 20-35.

26. Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII–середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45-63.
27. Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно-чувственной социальной истории // Вестник РУДН. Серия: История России. 2007. № 2(8). С. 5-14.
28. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. №4. С. 85-97.
29. Белова А.В. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII–середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. С. 29-48.
30. Белова А.В. Послеродовой период как элемент родильного обряда в российской дворянской культуре XVIII–середины XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. №. 3. С. 69-88.
31. Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальная и гендерная идентичность (XVIII–первая половина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 5-19.
32. Белогурова Ю.Г. Представление о материнстве в западноевропейской и русской философской мысли // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2014. №1 (11). С. 45-51.
33. Белоусов А.Ф. Институтки. // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 5-33.
34. Белоусова Е.А. Наши современницы о родовспоможении в России // Корни и травы: Сб. ст. молодых историков / Ред. Л.С. Ереминой, Е.Б. Жемковой М.: О-во «Мемориал», 1996. С. 216-228.
35. Белоусова Е.А. Родильный обряд // Современный городской фольклор / Ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 339-370.
36. Белоусова Е.А. Родовая боль в антропологической перспективе // Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. Вып. 6. С. 48-59.
37. Бензенгер В.Н. К антропологии женского населения Москвы. М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1879. 21с.

38. Бентовин Б.И. Торгующие телом: очерки современной проституции. М.: Леонид Крумбюгель, 1907. 200с.
39. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 322с.
40. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991.
41. Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 352с.
42. Бинсвангер К. Тема материнства в *Mon frère feminine* Цветаевой / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 213-233.
43. Биншток Н.И. Смертность грудных детей в Петерограде за 10 лет (1906–1915 г.г.). Пг.: Гор. тип., 1917. 15с.
44. Бобрицкий К.Ц. Рождаемость, брачность и смертность харьковского населения. Харьков: Изд. Харьковского губернского статистического комитета, 1892. 335с.
45. Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс. СПб.: Алетейя, 1997. 832с.
46. Бокова В.М. Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2011. 300с.
47. Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Ред. Ю. Шлюмбама, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Алетейя, 2008. 298с.
48. Боннар А. Греческая цивилизация. Кн. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. 670с.
49. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Наука, 1979. 248с.
50. Борисов С.Б. Культурантропология девичества / ред. С.Ю. Неклюдов. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2000. 87с.
51. Борисов С.Б. Культурантропология девичества. Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой культуры / <http://www.anthropology.ru/ru/texts/index.html> (дата обращения 03.10.2013).

52. Бороздина Е.А. Медицинская помощь беременным: в поисках заботы // Е. Здравомыслова, А. Тёмкина (ред.). Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 54-83.
53. Боткин Я.А. Гипнотизм в гинекологии и акушерстве. М.: В. Рихтер, 1897. 39с.
54. Боханов А.Н. Император Николай II. М.: Русское слово, 1998. 567с.
55. Боханов А.Н. Мария Федоровна. М.: Вече, 2013. 448с.
56. Брагина Е.А. Особенности представления о материнстве незамужних девушек юношеского возраста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 16-1. С. 133-137.
57. Брайсон В. Политическая теория феминизма / Ред. Т. Гурко. М.: Идея-Пресс, 2001. 302с.
58. Брак и семья: Сб. статей и материалов. М.-Л.: Молодая гвардия, 1926. 174с.
59. Брандт Г.А. Природа женщины. Praha: Research Support Scheme. 2000. 178с.
60. Браун Л. Профессия и материнство. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1908. 64с.
61. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. 247с.
62. Брекнер Р. Изображенное тело. Методика анализа фотографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. № 4. С. 13-32.
63. Брутман В.И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 24-45.
64. Брутман В.И. Некоторые результаты обследования женщин, отказывающихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии 1994. № 5. С. 23-52.
65. Бруханский Б.П. Борьба с детской смертностью в России и роль Попечительства об охране материнства и младенчества в этой борьбе. Пг.: Всерос. Попеч. об охр. материн., 1913. 40с.
66. Брэ Р. Право на материнство. М.: Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1905. 88с.

67. Будде Е. Нравственная личность женщины при современном общественном строе / Е. Будде. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольф, 1907. 37с.
68. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 44-59.
69. Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. М.: Наука, 2003. Кн. I. С. 191-219.
70. Васягина Н.Н. Субъективное становление матери в современном социокультурном пространстве России. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 364с.
71. Вахромеева О.Б. Социальное страхование и «женский вопрос» в столице на рубеже XIX–XX веков // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 120-135.
72. Вахтин Н. Исторический очерк развития хирургической помощи роженицам // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 11. С. 1298-1322.
73. Верemenко В.А. «Дело невозможное и несогласное с нравственностью» (об узаконении и усыновлении детей дворянами в России во второй половине XIX–начале XX вв.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2005. № 9. С. 64-118
74. Верemenко В.А. Взаимодействие родителей и детей дворянских семьях России (вторая половина XIX–начало XX века: этапы эволюции) // Диалог со временем. 2008. № 23. С. 184-211.
75. Верemenко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX–начало XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009. 684с.
76. Верemenко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX–начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. 204с.
77. Верemenко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях в России во второй половине XIX–начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 1. С. 181-191.
78. Верemenко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX–начало XX века). СПб.: Высш. адм. шк., 2004. 148с.

79. Веретенко В.А. Любовь, брак и родительство в дворянских семьях России во второй половине XIX–начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование мат. Всерос. науч. конф. СПб., 5 апр. 2011 г. Вып. 4 / Ред. В.А. Веретенко. 2011. СПб., 2011. С. 62-70.

80. Веретенко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам России во второй половине XIX–начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 3. С. 138-144.

81. Веретенко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX–начала XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 4. С. 62-75.

82. Веретенко В.А. Родительский дневник как элемент новой системы дворянского семейного воспитания в России во второй половине XIX–начале XX в. (на примере дневника Е.С. Зарудной-Кавос) // Воспитание: возможности, реалии, перспективы: мат. науч.-практ. конф. / Ред. Н.В. Поликутина. Бокситогорск, 2012. С. 44-48.

83. Веретенко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях во второй половине XIX–начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 18-31.

84. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. научн. ст. / Ред. Е.В. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 527с.

85. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998. 76с.

86. Винникотт Д.В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. М.: Литур, 2004. 390с.

87. Винникотт Д.В. Теория родительско-младенческих отношений // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2.

88. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287с.

89. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240с.

90. Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 105-135.
91. Власкина Т.Ю. Донские былички о повитухах // Живая старина. 1998. № 2 (18).
92. Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 61-79.
93. Воронина О.А. Женщина в «мужском обществе» // Перестройка – семье, семья – перестройке. М.: Мысль, 1990. С. 57-67.
94. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2003
95. Ганицкая О.А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 16-28.
96. Гапова Е.И. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в антропологические исследования / Ред. И.А. Жеребкина Т. I. СПб.: Алетейя, 2001.
97. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 334с.
98. Гасман А.Г. Внебрачные дети на Западных окраинах и в империи. Пг.: Сенат. тип. 1914. 199с.
99. Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Изд-во Восточная литература, 1999. 198с.
100. Герасимов В.П. Карл Андреевич Раухфус // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 19-26.
101. Гернет А.О. Узаконение, усыновление и внебрачные дети. Пг.: «Право», 1916. 250с.
102. Гиденс Э. Фуко о сексуальности // Социология сексуальности. Труды Санкт-Петербургского филиала ИС РАН. СПб.: филиал Института социологии РАН, 1997.
103. Гинденс Е.Я. Всероссийский фонд страхования Материнства и младенчества (схематический проект) // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 1. С. 6-18

104. Гинденс Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 54-71.
105. Гирц К. В поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб: Университетская книга, 1997. С. 315-338.
106. Глаголев Д.М. К вопросу о кормилицах. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1896. 10с.
107. Глинских Б.Б. Права и обязанности женщин // Исторический вестник. 1896. № 10. С. 245-292.
108. Голдман Э. Брак и любовь // Феминизм в общественной жизни и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 228-234.
109. Голдман Э. Торговля женщинами // Феминизм в общественной жизни и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 220-228.
110. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. М.: Аспект-Пресс, 1996. 191с.
111. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272с.
112. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 136с.
113. Гольдман В. Женщина у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. М.: РОССПЭН, 2010. 358с.
114. Гольфштейн Рационализация материнства // Врачебное дело. 1927. № 19. С. 1401-1406.
115. Гордон Г. Брак и проституция в суждениях современной молодежи // Новая жизнь. 1913. № 2. С. 194-209.
116. Гордон Г.И. Охрана материнства и детства в России. СПб.: б/и, 1913. 24с.
117. Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 187-198.
118. Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация материнства в России в 1920–1930-е гг. // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность / Ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2007. С. 242-262.

119. Грицай Л.А. Материнство и наука: к вопросу о родительских установках российских женщин-ученых // Социология науки и технологий. 2011. № 4. С. 99-104.
120. Грицай Л.А. Проблема материнства и материнского воспитания детей в трудах представительниц российского женского движения конца XIX–начала XX // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 66-71.
121. Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. М.: Изд-во. Юрид. литература, 1983. 220с.
122. Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998.
123. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325с.
124. Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 173-195.
125. Дарский Л.Е. Брачность в России: анализ таблиц брачности: НИИ статистики России. М.: Информатика, 2000. 144с.
126. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи / Демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1979.
127. Дворкин А. ГИноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерных исследований. Сб. пер. / Сост. Е.И. Гапова и А.Р. Усманова. Минск: ПроPILEи, 2000. С. 7-28.
128. Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 509с.
129. Денисова В.А. Материнство как социально-культурный феномен с позиции различных психологических направлений // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 115-118.
130. Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогорский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 92-106.
131. Дроздов М.А. Из этнографии Смоленской губернии. Крестины // Смоленский вестник. 1896. № 43. С. 2

132. Дубинский М.И. Женщины в жизни великих и знаменитых людей. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1900. 193с
133. Душечкина Е.В. Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002
134. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978. 246с.
135. Евреинова А.М. Краткий очерк прав женщины в семье // Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1905.
136. Еллис Е. Обязанности замужней женщины и положение ее в обществе / Е. Еллис. Ч. 1-2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1848. 191с.
137. Жбанков Д.Н. Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891.
138. Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение населения. СПб.: Тип. Я. Трей, 1895. 36с.
139. Жбанков Д.Н. К вопросу о плодovitости замужних женщин // Врач. 1889. № 13. С. 308-317.
140. Жбанков Д.Н. Таблицы движения населения в Смоленской губернии за десятилетие 1885–1896 гг. Смоленск: СГЗ, 1897. 81с.
141. Желобовский А.И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1892. 63с.
142. Женщина в семейной и социальной жизни. СПб.: Изд. И. Гольдберга, 1901. 500с.
143. Женщина и визуальные знаки / Ред. А. Альчук. М.: Идея-Прогресс, 2000. 260с.
144. Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты // РАН. Институт всеобщей истории / Ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Наука, 1993. 154с.
145. Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 251с.
146. Жеребкина И. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России. СПб.: Аллетейя, 2001. 336с.

147. Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Аллетейя, 2001.
148. Жук О. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России XX века. М.: Глагол, 1998. 136с.
149. Жукова Л.А. Деятельность женских благотворительных организаций в России по оказанию помощи детям в XVIII–начале XX в. // Женщины в российском обществе. 1996. № 1. С. 43-49.
150. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М. 1993–1994. № 3-4. С. 34-43.
151. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск: Наука, 1992. 246с.
152. Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомыслова, А. Тёмкина. СПб.: ЕУСПб, 2009. 430с.
153. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сб. ст. под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Изд-во Д. Буланин, 2002. С. 549-58.
154. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 171-182.
155. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. 2000. № 5.
156. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3-4.
157. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: ЕУСПб, 2015. 768с.
158. Здравомыслова О. «Выйти из тени»: переосмысления женственности в исследованиях девичества // Неприкосновенный запас. 2011. № 2.
159. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М.: Владос, 1997. 302с.
160. Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Изд. Центрполиграф, 2010. 571с.

161. Зиммель Г. Созерцание жизни // Избранное. Т. 2. М.: Юрист, 1996. 607с.
162. Иванов В.М. Детская смертность и значение «Капли молока» в борьбе с нею. Новочеркасск: Дон. печатник, 1911. 35с.
163. Иванов Л.Л. Замечательные женщины с древнейших времен до наших дней. СПб.: Тип. Пантелева, 1906. 186с.
164. Иванова Е.Ф. О гендерных особенностях памяти // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 244-256.
165. Иванова Ищите женщину в русской литературе // Женский вестник. 1910. № 1. С. 15-18.
166. Ильяхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М.: Новый хронограф, 2008. 558с.
167. История женщин на Западе: в 5 т. Т. II. Молчание средних веков / Ред. Ж. Дюби и П. Перро; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2009. 543с.
168. История женщин на Западе: в 5 т. Т. III. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Ред. Ж. Дюби и П. Перро. СПб.: Алетейя, 2008. 560с.
169. История женщин. Возникновение феминизма: от Великой Французской революции до Мировой войны. Т. IV / Ред. М. Перро, Ж. Фрассе. СПб.: Алетейя, 2015. 536с.
170. История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI вв. СПб.: Алетейя, 2006. 313с.
171. Исупова О.Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 100-120.
172. Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98-107.
173. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. 334с.
174. Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 107-130.
175. Кайдаш С.Н. Любовь и долг: женские силуэты русской истории. М.: Прогресс, 1990. 282с.

176. Кайдаш С.Н. Сила слабых: женщины в истории России (XI–XIX вв.). М.: Сов. Рос., 1989. 286с.
177. Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 272с.
178. Кереньи К. Элевсин: Архетипический образ матери и дочери. М.: Рефл-бук, 2000. 288с.
179. Кись О. Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и гендерная история / Ред. Н.Л. Пушкарёвой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
180. Клецин А.А. Очерк истории социологии семьи в России (конец XIX–XX век). СПб.: Изд. Петрополис, 2000. 114с.
181. Коджаспирова Г.М. История образования и педагогической мысли. М.: Владос, 2005. 223с.
182. Кожевникова М.А. Материнство и умственная работа. М.: Унив. тип., 1902. 43с
183. Кожин В. Самоубийства учащихся и возможные меры борьбы с ним. Казань: Центр. тип., 1915. 23с.
184. Козлова Н.Н. Общество и материнство в концепциях А.М. Коллонтай / Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Материалы межд. науч. конф. Тверь. 11 марта 2002 / Ред. В.И. Успенской. Тверь. 2003.
185. Кок Г. История знаменитых куртизанок. М.: Тип. Ф. Югансонъ, 1872. 717с.
186. Колганова Е. Смертельное молоко // Родина. 2010. № 7. С. 146-148.
187. Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX века // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 6. С. 37-50.
188. Колесникова А.В. Бал в России. XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2005. 301с.
189. Колтоновская Е.А. Женские силуэты (писательницы и артистки). СПб.: М.В. Попов, 1912. 240с.

190. Комарова Г.А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН, 2014. 160с.
191. Комаровских Г. Женщина в патриархальной среде. Вятка, 1895.
192. Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 2. С. 151-174.
193. Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 608с.
194. Кон И.С. Маргарет Мид и этнография детства // Мид. М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 398-426.
195. Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31-38.
196. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 494с.
197. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. М.: Дубна, «Феникс+», 2001. 207с.
198. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academia, 2003. 336с.
199. Конюс Э.М. Истоки русской педиатрии. М.: Медгиз, 1946. 415с.
200. Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества. М.: Изд-во Центр. ин-т усоверш. врачей, 1954. 404с.
201. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. состав, численность, корпоративные организации. М.: Наука, 1979. 304с.
202. Костюхина М. «Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр». М.: НЛО, 2013. 643с.
203. Костямин С. Тургеневские женщины. Витебск: Губ. тип., 1896.
204. Котовская М.Г. Гендерное измерение в культурной антропологии (учебное пособие для студентов Высшей школы). М.: МГУДТ, 2005.
205. Котовская М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М.: ИЭА РАН, 2004. 358с.
206. Котовская М.Г., Остоух И.Г. Семья в XX веке: роль государства, гендер, воспитание детей. М.: МГУДТ, 2007. 425с.
207. Кохманский П. Половой вопрос: Разбор современных форм половых отношений. М.: Печатня А.Л. Будо, 1912. 105с.

208. Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М.: УРАО, 2000. 319с.
209. Краснощекова Е. «Семейное счастье» в контексте русского «романа воспитания» (И.А. Гончаров и Л.Н. Толстой) // Русская литература. 1996. № 2. С. 47-65.
210. Кривошеин М.П. О призрении рожениц в городских родительских приютах. СПб., 1897. 120с.
211. Кристева Ю. Изоляция, идентичность, опасность, культура // Вестник Европы. 2005. № 15. С. 227-241.
212. Кристева Ю. Силы ужаса. Эссе об отвращении. Харьков. СПб.: Алетейя, 2003. 256с.
213. Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Д. Буланин, 2004. 161с.
214. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сборник научных работ / Ред. М.М. Кром. СПб, 2003. С. 5-14.
215. Крысько А.А., Ланцбург М.Е. Представления о материнстве и возрастных особенностях детей у девушек старшего подросткового возраста // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 129-138.
216. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX века. М.: ИЭА РАН, 1994. 214с.
217. Куксо К.А. Без боли. Очерк генезиса массовой анальгезии // Человек. 2013. № 6. С. 81-95.
218. Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг. М.: Изд-во губ. земства, 1902. 294с.
219. Курман М.В. Воспроизводства населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 230-246.
220. Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Семинар. Книга XVII (1969–1970). М.: Гнозис, 2008.
221. Лаплаш Ж., Понталис Ж. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.

222. Леви М.Ф. История родовспоможения в СССР. М.: Изд-во АМН СССР, 1950.
223. Легуве Э. История духовной жизни женщины. М.: Изд-во А.И. Снегиревой. 1896. 150с.
224. Легуве Э. История нравственного положения женщин. М.: Изд-во А. Великанова. 1862. 389с.
225. Лейбин В.М. Материнская страсть и сексуализация материнства // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 152-159.
226. Леффлер А.К. Софья Ковалевская // Северный вестник. 1892. № 11. С. 43-69.
227. Листова Т.А. «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Ред. А.Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996.
228. Листова Т.А. Крестины // Родина. 1999. № 10. С. 110-115.
229. Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с крещением. Родильные обряды и обычаи // На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии западноуральского крестьянства XVII–XX вв., М., 1989. С. 268-286.
230. Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001.
231. Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 28-34.
232. Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой: вторая половина XIX–20-е годы XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989.
233. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: Крон-Пресс, 1995. 397с.
234. Лобанов Д. Что такое любовь. Опыт изучения половых отношений. Кутаис: Тип. Н.И. Гамрекелова, 1902. 112с.
235. Лозинский Е.Ю. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства // К свету. Научно-литературный

сборник / Е.П. Летковой и Ф.Д. Батюшкова. СПб.: Изд. Комитета Общества доставления средств, 1904.

236. Ломброзо Ч. Женщина – преступница или проститутка. М.: Изд. дом Попурри, 2012. 320с.

237. Лотман Ю.М. Семиотика культуры. Тарту: Изд-во ТГУ, 1981.

238. Люблинский П.И. Социальная помощь одиноким матерям. М-Пг.: Книга, 1924. 55с.

239. Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

240. Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб.: МИЭП, 2010. 383с.

241. Мазовецкая Э.И. Анна Энгельгардт (Санкт-Петербург II половина XIX века). СПб.: «Академический проект», 2001. 224с.

242. Максимович Л.Б. Материнство и отцовство: эволюция правового регулирования // Семейное право России: проблемы развития. М., 1996. С. 80-96.

243. Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX–начале XX века. Казань: Казан. ун-т, 2014. 187с.

244. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 697с.

245. Мартианова И.Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII–первой половине XIX века) // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 17-25.

246. Мартианова И.Ю. Повседневность материнства: общение матери и детей в царской семье Николая Павловича и Александры Федоровны Романовых, по воспоминаниям их детей и современников // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. ст. / Ред. Н.Л. Пушкарева. М.: НЛО, 2013. С. 68-104.

247. Мартынова Э.И. Женщина, семья, общество. Красноярск. 1993.

248. Мартынова Э.И. Материнство и духовный мир женщины // Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново. 1995. С. 143-148.

249. Материнство и детство в России, XVIII–XXI вв.: всероссийская научная конференция: сб. науч. ст. (в 2-х ч.) / Ред. Ю.А. Поляков. М.: МГУС, 2006. Ч. 1. 338с.

250. Материнство и отцовство как социокультурные феномены / Ред. Т.Б. Рябова. Иваново: Издательский центр «Юнона», 2001.
251. Машика Т.А. Занятость женщин и материнство. Экономико-статистическое исследование. М.: Мысль, 1989.
252. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. № 4. С. 193-202.
253. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998. 655с.
254. Мецлер В.В. Особенности содержания социальных представлений о материнстве и отцовстве на этапе юношеской социализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 1. С. 64-77.
255. Мещеркина Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Ред. И. Жеребкиной. Харьков: ИГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 197-237.
256. Мещеркина Е.Ю., Семенов В.В. Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. 147с.
257. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука. 1988. 429с.
258. Микиртичан Г.Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 11: Медицина. 2014. № 1. С. 260-274.
259. Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. Т. 17. № 4. С.61-64.
260. Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / Сост. Р.Г. Подольный. М.: Изд. политической литературы, 1991.
261. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Т.1. СПб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 2000. 565с.
262. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX-нач. XX в. / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 83-105.

263. Михайлов В.М. Средние русские акушерские итоги за пятьдесят лет по материалам печатных отчетов родовспомогательных учреждений. 1840–1890. Новгород: 1895. 448с.
264. Михайлов М.Л. Женщины: их воспитание и значение в семье и обществе. СПб.: П.А. Картавов, 1903. 209с.
265. Михель Д.В. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000.
266. Михель Д.В. Медикализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного университета. 2011. № 4. С. 256-263.
267. Михель Д.В. Медикализация общества: теория, история, микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 293-294.
268. Михель Д.В. Социальная антропология здоровья и репродукции: медицинская антропология. Саратов: Новый проект, 2010. 99с.
269. Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295-313.
270. Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сущинского, 1886. 542с.
271. Мицюк Н. «Соня опять беременна, а Маня завидует». Деторождение в жизни дворянок пореформенной России // Родина. 2013. № 7. С. 136-138.
272. Мицюк Н. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21-33.
273. Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX–начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск: Свиток. 2013. 416с.
274. Мицюк Н.А. История материнства в англоязычной историографии // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 167-175.
275. Мицюк Н.А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. Вып. 14. С. 49-68.

276. Мицюк Н.А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. 2015. № 3. С. 91-105.

277. Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2. С. 17-29

278. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (к истории российской дворянской повседневности конца XIX–начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия История. Политология. 2015. № 13. Вып. 35. С. 133-142

279. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Домашние роды в российских дворянских семьях (конец XIX–начала XX в.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 167-183.

280. Морозов И.А. «Мужские слезы» и эмоции пограничных состояний // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. М.: Изд-во «Индрик», 2007.

281. Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. М.: Изд-во «Индрик», 2007. 264с.

282. Муравьёва М.Г. Супружеское насилие в русских семьях по светскому и церковному праву XVIII века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. Т. 14. № 2. С. 3-19.

283. Муравьёва М.Г., Пушкарёва Н.Л., Кон И.С. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / Ред. М.Г. Муравьёва, Н.Л. Пушкарёва. СПб.: ЕУСПб, 2012. 198с.

284. Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (о девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX–начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 58-68.

285. Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (вторая половина XIX–30-е годы XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147-160.

286. Мухина З.З. Послеродовой период в жизни крестьянки пореформенной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 7-17.

287. Мухина З.З. Процессы социализации русской крестьянской девочки в пореформенной европейской России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 36-51.

288. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. 299с.

289. Мухина З.З., Пушкарёва Н.Л. Дородовой период жизни крестьянки пореформенной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. 2012. Т. 22. № 7 (126). С. 161-168.

290. Мухина З.З., Пушкарёва Н.Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // Вестник пермского университета. Серия: История. Политология. 2012. Т. 22. № 7. С. 161-168.

291. Нарциссов Р.П. О материнстве. Пущино. 1985. 478с.

292. Нибицер И. Опасные сексуальности: История тела и сердца // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 53-77.

293. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс Р. Асланова. 2006. 270с.

294. Новикова А.А. Деятельность государственных и общественных организаций в области охраны материнства в конце XIX–начале XX века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 863-866.

295. Новополин Г.С. Порнографический элемент в русской литературе (1907–1908). СПб.: Книжный склад М.М. Стасюлевича, 1909. 247с.

296. Носова Г.А. Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки). М.: ИЭА РАН, 1999. 231с.

297. Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга, по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. СПб.: Первая скоропечатня «Надежда», 1896. 110с.

298. Оболенский Л.Е. Биологи о женском вопросе // Русская мысль. 1893. № 2.
299. Олихов С. К вопросу о плодovitости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 849-868.
300. Орловская М. Но где она, звезда моя? (по поводу романа «Опасный возраст» Карин Михаэлис) // Женский вестник. 1911. № 5-6. С. 129-132.
301. Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174-186.
302. Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положения женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х гг. // Общественные науки и современность. 1994. №1. С. 161-171.
303. Осипович Т.Е. В поисках «третьего пола»: «новая женщина» и мужчина-гомосексуалист в литературном дискурсе Серебряного века // Эрос и логос в современной культуре. М., 2003.
304. Острогорский С.А. Деятельность К.А. Раухфуса по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 28-32.
305. Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 271с.
306. Паркер Х. Сапфо-учительница // Неприкосновенный запас. 2011. № 2.
307. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2002. 877с.
308. Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. С. 323-342.
309. Пивоварова А. «Забытая плацента»: символические действия в современной практике домашних родов // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 106-127.
310. Погребная В.Л. Проблемы эмансипации женской личности в русской критике и романах Н.Д. Хвощинской (60–80-е годы XIX столетия). Запорожье: ЗГУ, 2003. 242с.

311. Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып. 3-4. С. 457-476.
312. Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. 309с.
313. Поленина С.В. Труд, семья, быт советской женщины. М.: Изд-во юрид. лит., 1990. 430с.
314. Полюда Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 101-135.
315. Полякова С.В. «Незакатные оны дни»: Цветаева и Парнок / С.В. Полякова «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе». СПб., 1997.
316. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII–начало XX века. М.: Русское слово, 2009. 320с.
317. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII–начало XX века. М.: Новый хронограф, 2009. 352с.
318. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72-79.
319. Пушкарёва Н.Л. «Живя и трудясь в подивление окольным людям» (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X–XVII вв.) // Женщина в российском обществе. 1996. № 2. С. 59-64.
320. Пушкарёва Н.Л. «Обморок лягушки» или «бараний окорок»? Одежда русских женщин XIX–начала XX в. Очерк четвертый // Родина. 1995. № 10. С. 81-87.
321. Пушкарёва Н.Л. «Беспечальная мати меня породила...» // Материнство. 1996. № 2 (10).
322. Пушкарёва Н.Л. «Благослови, родима матушка, во святой час к венцу» // Материнство. 1998. № 1. С. 81-84.

323. Пушкарёва Н.Л. «Будь, мое дитяtko, счастливо и талантливо...» (традиционные обычаи и ритуалы первых часов жизни ребенка) // Материнство. 1998. №7. С. 81-84.
324. Пушкарёва Н.Л. «Внутри во чреве твоём плоть соткалась...» // Материнство. 1998. № 5. С. 81-84.
325. Пушкарёва Н.Л. «Добрые товарищи во всяких случаях и в печали» (матери и дети в дворянских семьях XVIII в.) // Материнство. 1996. № 3 (11).
326. Пушкарёва Н.Л. «Ее величество Игра, ее высочество Фантазия» (Детские игры в воспоминаниях женщин) // Материнство. 1997. № 3. С. 70-73.
327. Пушкарёва Н.Л. «Жена сотворена деторождения ради...» // Материнство. 1996. № 1. С. 84-88.
328. Пушкарёва Н.Л. «Женский вопрос» в теории марксизма (Почему брак феминизма с марксизмом оказался несчастным?) // Женщина в российском обществе. 2002. № 1. С. 2-13.
329. Пушкарёва Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31-40.
330. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496с.
331. Пушкарёва Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 15-29.
332. Пушкарёва Н.Л. Изучение истории русского материнства в отечественной историографии советского и постсоветского времени // Материнство и детство в России (XVII–XXI вв.) / Ред. Ю.А. Поляков. М., 2006. С. 111-127.
333. Пушкарёва Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 93-103.
334. Пушкарёва Н.Л. Интимные переживания и интимная жизнь женщины в XVI–XVII вв. // Социальная история. М., 1997. С. 205-226.
335. Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 164-173.

336. Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2-3. С. 32-37.
337. Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59.
338. Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII–начала XIX в. // Расы и народы / Ред. И.В. Власова. М., 1998. С. 104-136.
339. Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9-24.
340. Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2014. № 7. С. 103-118.
341. Пушкарёва Н.Л. Материнство как социокультурный феномен // Женщины в истории. Возможность быть увиденными / Ред. И.Р. Чикалова Минск. 2004. С. 112-131.
342. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72-79.
343. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской семье XVIII–начала XIX в. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 226-249.
344. Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 311-347.
345. Пушкарёва Н.Л. Мир чувств русской женщины в XVIII–начала XIX столетии // Этнографическое обозрение. 1996. №4. С. 17-31.
346. Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91-101.
347. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526с.

348. Пушкарёва Н.Л. Русская семья X–XVII вв. в контексте «новой» и «традиционной» демографической истории // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 66-79.
349. Пушкарёва Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3-17.
350. Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-70.
351. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Изд-во «Ломоносов», 2011. 216с.
352. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Изд-во «Ломоносов», 2012. 208с.
353. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–нач. XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381с.
354. Рамих В.А. Материнство и культура: Философско-культурологический анализ. Ростов-на-Дону: Дон. гос. техн. ун-т, 1997. 143с.
355. Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери. М., 1899.
356. Реннер А. Исследования по истории медицины XVIII–XIX веков на Западе: новые подходы и перспективы. Медицина в России в годы войны и мира: новые документы и исследования. Ред. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 213-225.
357. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: URSS, 1998. 320с.
358. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина Европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002. 350с.
359. Ровенская Т.А. Женская проза 1980–1990-х гг. в поисках материнского языка // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы Первой Международной конференции. М., 1999. С. 82-83.
360. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001. 319с.

361. Родионова Т.А. «Виновата ли я...» или Феномен гендерной вины: На материале женской прозы 80-начала 90-х гг. // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 214-224.
362. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ВШЭ, 2012. 380с.
363. Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5-26.
364. Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб.: Дружба народов, 1990. 304с.
365. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004. 828с.
366. Розенхольм А. Пишу себя: творчество и женщина-автор // Современная философия. Харьков. 1996. № 1. С.182-198.
367. Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 108-116.
368. Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / ред. Я. Плампера, Ш. Шахад и М. Эли. М.: НЛО, 2010. 511с.
369. Российский гендерный порядок: социологический подход / Ред. Е. Здравомыслова, А. Тёмкина. СПб.: ЕУСПб, 2007. 310с.
370. Роткирх А. Мужской вопрос: Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб: ЕУСПб, 2011. 388с.
371. Рутгерс И. Чувственность и вождение // Женский вестник. 1911. № 3. С. 69-73.
372. Рэнсел Д. Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Белоруси конца XIX–начала XX века // Женщины на краю Европы / Ред. Е. Гаповой. Минск: ЕГУ, 2003. С. 74–89.
373. Рябов О.В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. 159с.
374. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново: Юнона, 1999. 211с.

375. Рябова Т.Б. Институт материнства в эпоху Средневековья: взгляды и реальность // Гендерные отношения в России. История, современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции. Иваново, 1999. С. 263-265.
376. Рябова Т.Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 28-32.
377. Савкина И.Л. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360с.
378. Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛО, 2007. 438с.
379. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. 191с.
380. Сальникова А.А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М.: НЛО, 2011. 234с.
381. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 255с.
382. Сангер М. Женщина и новое поколение // Феминизм в общественной жизни и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 235-243.
383. Сасункевич О.М. Медикализация дискурса о материнстве в белорусских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 7. № 3. С. 405-418.
384. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309с.
385. Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана» / Записки Императорского РГО по отделению этнографии. Т. 39. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914.
386. Силов В. Женщина замужем. Исследования о физических, душевных и нравственных обязанностях и правилах замужних женщин. М.: Тип. И.И. Пашкова, 1897. 152с.
387. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX–начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 288с.

388. Синова И.В. Самоубийства детей как социальная проблема на рубеже XIX–XX веков // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. История. № 4. С. 47-56.
389. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М.: Статистика, 1974. 183с.
390. С-кий И. Охрана материнства и детства // Вопросы страхования. 1916. № 3. С. 5-10.
391. Скловский Е.Л. К вопросу о борьбе с детской смертностью. Киев, 1906. 13с.
392. Словцова-Камская Е. А. Женщина в семье и обществе // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 765-782.
393. Смит Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов / Е. Здравомыслова, А. Тёмкина. СПб.: Д. Буланин, 2000.
394. Соловьев В. Смысл любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. 448с.
395. Соловьев Н. Женщина и дети / Н. Соловьев. М.: Тип. Грачева и Ко, 1869. 52с.
396. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л.: Наука, 1973. 383с.
397. Сорокина Т.С. История медицины. Т. 1. М.: Изд. РУДН, 1992. 381с.
398. Сперанский Г.Н. Мать и дитя. М.: Медгиз, 1959. 156с.
399. Средзневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Николаем Калачевым. Книга вторая. Половина первая. М., 1855. С. 97-122.
400. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 614с.
401. Стоюнин В.Я. Наша семья и ее исторические судьбы // Вестник Европы. 1884. Т. 2. С.490-534.
402. Стрельник Е. «Жизнь по доктору Комаровскому»: конструирование родительства в советах по уходу за детьми // Laboratorium. 2015. Т. 7. № 2. С. 83-105.

403. Сутугин В.В., Воздвиженский Г.М. Краткий исторический очерк устройства Московского родовспомогательного заведения и медицинский отчет за 1888 год. М.: Мос. гор. тип., 1889. 94с.
404. Танаков А.И. Династия Романовых: акушерский анамнез (часть II: от Екатерины II до Александры Федоровны) // Журнал акушерства и женских болезней. 2007. № 4. С. 94-104.
405. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII первой половине XIX века. М.: Наука. 1991. 321с.
406. Текуева М.А. Мир интимных переживаний в традиционной культуре адыгов // Научная мысль Кавказа. 2007. № 3. С. 60-69.
407. Текуева М.А. Отражение гендерных отношений власти в семье и обществе // Исторический вестник. 2007. № 5. С. 168-182.
408. Тёмкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321-336.
409. Тёмкина А. Половое просвещение как моральное воспитание // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб: ЕУСПб, 2009.
410. Тёмкина А.А. Гинекологи и пациентки в борьбе за дисциплину: медикализация контрацепции в современной России // П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.). Профессии социального государства. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. С. 40-74.
411. Тёмкина А.А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб: ЕУСПб, 2008. 374с.
412. Тёмкина А.А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 11 (1). С. 7-24.
413. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 121-133.
414. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
415. Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Аллетейа, 2008.

416. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Л.: Изд. ЛГУ, 1984. 234с.
417. Ткаченко Т.Г. Биографический метод в гендерных исследованиях // Социокультурный анализ гендерных отношений / Е. Ярская-Смирнова. Саратов: СГУ, 1998.
418. Трайнин В. На съезде криминалистов. Факты и впечатления // Русское богатство. 1914. № 4. С. 248-262.
419. Ульянова Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности // Отечественная история. 1995. № 1. С. 26-32.
420. Ульянова Г.Н. Российская благотворительность в освещении историографии XIX–начала XX века // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 160-166.
421. Усманова. А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные исследования, 2000, С.149-176.
422. Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. (По матер., собр. в Тульск., Веневском и Каширск. у.) // Этнографическое обозрение. 1895. № 4.
423. Фаррар Ф.В. Семейный очаг. Мужчины и женщины. СПб.: Изд-во И.Л. Тузова, 1898. 192с.
424. Фахрисламова Р.Т. Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 33-54.
425. Феминизм в общественной мысли и литературе. М.: Грифон, 2006. 400с.
426. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Инстит. Психотерапии, 2002. 238с.
427. Фогель Э. Модели материнства в романе Льва Николаевича Толстого Анна Каренина (1873-1877) / Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 191-209.
428. Фомин А.А. Положение русской женщины в семье и обществе: по произведениям А.Н. Островского. М.: Типо-литография тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1899. 67с.
429. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 447с.

430. Фрейд З. Фрагмент анализа истерии (история болезни Доры) // Фрейд З. Избранное. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 177-336.
431. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1993. 496с.
432. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 2000. 672с.
433. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448с.
434. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т 2. М.: Академический проспект, 2004. 430с.
435. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478с.
436. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 446с.
437. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 309с.
438. Фукс И.Б. Проблема преступности плодоизгнания. Харьков: Типо-Литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. 21с.
439. Харузина В.Н. Несколько слов о родильном и крестильных обрядах и об уходе за детьми // Этнографическое обозрение. 1906. № 1-2.
440. Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 1-79.
441. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367с.
442. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1994. 135с.
443. Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (вторая половина XIX–начала XX в. Иваново. Изд-во Иван. гос. ун-та, 2003. 255с.
444. Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. М.: Изд-во преподават. Моск. ун-та, 1917.
445. Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщин. Природа женщины. Женский вопрос. М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1914.
446. Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. М.: П.Д. Путилова, 1905.
447. Хвостов В.М. Участие женщин в умственной культуре человечества. М.: Тип. Вильде, 1914.

448. Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008. 614с.
449. Хмелевская Ю.Ю. «История эмоций» в современной историографической парадигме // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / ред. Л.П. Репина. М.: ЛКИ, 2012. С. 452-461.
450. Холмогора В. Эллен Кэй о материнстве // Женский вестник. 1912. № 2.
451. Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. 342с.
452. Цареградская Ж.В. Роды в народной традиции // Материнство. 2001. № 4-5.
453. Цебрикова М.К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» / СПб.: Изд-во книготорговца Звонарева, 1869.
454. Чемена О.М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. М.: Наука, 1966. 159с.
455. Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: ЕУСПб, 2013. 287с.
456. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 15-27.
457. Черняева Н. Производство матерей в Советской России: Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. 2004. № 12. С. 120-138.
458. Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общечеловеческое значение. М.: Изд. студенч. мед. изд. комиссии. 1909. 104с.
459. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. 290с.
460. Чудинов А.Н. Очерки истории русской женщины в последовательном развитии литературных типов. СПб., 1873. 213с.
461. Шашков С.С. Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1872. 602с.
462. Шашков С.С. История русской женщины. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1879. 351с.

463. Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872. 241с.
464. Шевляков М.В. Русские писатели о русской женщине. СПб.: И.И. Иванов, 1899. 183с.
465. Шипов Н.Н. О материнском инстинкте. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1903. 232с.
466. Шлезвиг-Экштейн Т. Женщина к началу XX века. СПб.: б.и., 1905. 143с.
467. Шпаковская Л.Л. Дискурсивное производство социального неравенства материнства // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 77-85.
468. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. 336с.
469. Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15-27.
470. Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып. 3. СПб., 1999. С. 389-423.
471. Щепанская Т.Б. О материнстве и власти // Мифология и повседневность. Вып. 1. Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 года. СПб., 1998.
472. Щепанская Т.Б. Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. В.А. Топорков. М.: Ладомир, 1996.
473. Щепкина Е.Н. Воспоминания и дневники русских женщин // Исторический вестник. 1914. № 8. 536-555.
474. Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. СПб.: Б.М. Вольф, 1914. 307с.
475. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII–начале XX века. Тамбов: Юлис, 2004. 507с.
476. Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII–начало XX века). Сб. ст. М., 2012. С. 197-210.

477. Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / Ред. В.А. Верemenko. СПб., 2014. С. 19-23.

478. Щербинин П.П. Повседневная жизнь девочек в России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. ст. / Ред. Н.Л. Пушкарёвой. М., 2013. С. 117-154.

479. Щурко Т.А. «Обязательное материнство»: репродуктивное тело женщины как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2012. № 2. С. 69-90.

480. Эберт К. Матушка Русь и ее сыновья: «Архаический симбиоз полов» как топос национальной мифопоэтики // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 163-191.

481. Эйгорн И.В. История женщин-врачей. М.: Унив. тип., 1884. 21с.

482. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛО, 2011. 393с.

483. Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. 572с.

484. Юк З. Труд женщины и семья. Минск, 1975. 238с.

485. Юкина И. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура. Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Ред. Г.А. Тишкин., СПб.: Изд-во СПб. философ. общества, 2001. С. 118-126.

486. Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. М.: Историческая книга, 2007. 539с.

487. Юкина И.И. Нигилистки // Женщины в социальной истории России. Тверь. 1997. С. 47-52.

488. Юкина И.И. Первый всероссийский женский съезд // Вы и Мы. Диалог женщин. М., 1998. № 6. С. 13-16.

489. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 65с.
490. Яковлева С. Деторождение и женское движение // Женский вестник. 1909. № 10. С. 191-194; № 11. С. 225-228.
491. Якшевич В.С. Плоды разврата. СПб.: Тип. А.Е. Ландау, 1904. 22с.
492. Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адамы и Евы. М.: СГТУ, 2001.

III.2. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

493. Abbey S., O'Reilly A. Redefining Motherhood. Changing Identities and Patterns. Toronto: Second story press, 1998. 338p.
494. Abrams L. The Making of Modern Woman: Europe 1789–1918. London: Longman, 2002. 382p.
495. Abu-Lughod L. Writing Women's Worlds. LA: University of California Press, 1993. 306p.
496. Adams S.L. Mad Mothers, Bad Mothers, and What a "Good" Mother Would Do: The Ethics of Ambivalence. Columbia University Press, 2014. 235p.
497. Adams S.L., Kuebli J., Boyle P.A., Fivush R. Gender differences in parent child conversations about past emotions: A longitudinal investigation // Sex Roles. 1995. № 33. P. 309-323.
498. Adams S.L., Lundquist C.R. Coming to Life: Philosophies of Pregnancy, Childbirth, and Mothering. Fordham University Press, 2012. 401p.
499. Allen A.T. Feminism and Motherhood in Germany 1800–1914. New Brunswick, 1991. 289p.
500. Allen A.T. Feminism and Motherhood in Western Europe, 1890–1970: The Maternal Dilemma. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 368p.
501. Allen J. Motherhood: The Annihilation of Women. Trebilot. 1984. 315p.
502. An Anthropology of Mothering / Ed. by M. Walks and N. McPherson. Toronto: Demeter Press, 2011. 314p.
503. Andrew J. Mothers and Daughters in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century // Slavonic and East European Review. 1995. Vol. 73. № 1. P. 37-60.
504. Apple R.D. Mothers and medicine: a social history of infant feeding, 1890–1950. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1987. 280p.
505. Apple R.D. Perfect motherhood: science and childrearing in America. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2006. 209p.

506. Apple R.D., Golden J.L. Mothers & Motherhood: readings in American history. Columbus: Ohio State University Press. 1997. 605p.
507. Ariès Ph. L'Enfant et la vie Familiale sous l'Ancien Regime. Paris: Librairie Plon, 1960. 503p.
508. Armenti C. May Babies and Posttenure Babies: Maternal Decisions of Women Professors // The Review of Higher Education. 2004. Vol. 27. № 2. P. 211-231.
509. Arnup K. Education for motherhood: advice for mothers in twentieth-century Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1994. 251p.
510. Ashwin S. (ed.) Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet *Russia*. London: Routledge, 2012. 175p.
511. Atkinson D. Society and the Sexes in the Russian Past / Women in Russia // Women in Russia / ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. Stanford: Stanford University Press, 1977. P. 26-34.
512. Axel B. K. (eds) From the Margins: Historical Anthropology and Its Futures. Duke University Press, 2002. 328p.
513. Badinter E. Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX. Barcelona: Paidós, 1991. 211p.
514. Badinter E. L'amour en plus. Histoire de l'amour maternel (XVIIe–XXe s.). Paris: Flammarion, 1980. 449p.
515. Badinter E. Mother love: myth and reality: motherhood in modern history. New York: Macmillan, 1981. 380p.
516. Badinter E. The Conflict: How Modern Motherhood Undermines the Status of Women. New York: Metropolitan Books, 2012. 224p.
517. Badinter E. The Myth of Motherhood. The Historical View of the Maternal Instinct. L.: Souvenir Press Ltd, 1981. 360p.
518. Badinter E. The Unopposite Sex: The End of the Gender Battle. New York: Harper & Row. 1989. 279p.
519. Bailey J. Parenting in England 1760–1830: Emotion, Identity, and Generation. Oxford, Oxford University Press, 2012. 275p.
520. Banks A. Birth Chairs, Midwives, and Medicine. Jackson, Mississippi: Press of Mississippi, 1999. 149p.
521. Barber V. The mother person. New York: Penguin, 1975. 132p.

522. Bardet J.-P., Lynch K.A., Mineau G.-P., Hainsworth M., Skolnick M. La Mortalité maternelle autrefois, une étude comparée (de la France de l'Ouest à l'Utah) // Annales de démographie historique. Démographie historique et condition féminine. Paris: Mouton, 1981. P. 31-48.
523. Butler J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990. 172p.
524. Butler J. The Psychic Life of Power: Theories in Subjection. Stanford: Stanford University Press, 1997. 228p.
525. Bauer P.J., Stennes L., Haight, J.C. Representation of the inner self in autobiography: Women's and men's use of internal states language in personal narratives // Memory. 2003. № 11. P. 27-42.
526. Bell S., Figert A. Medicalization and Pharmaceuticalization at the Intersections: Looking Backward, Sideways and Forward // Social Science & Medicine. 2012. № 75. P. 775-783.
527. Bell S., Offen K. Women, the Family, and Freedom. The debate in documents. Vol. 2, 1880–1950. Stanford: Stanford University Press, 1983. 481p.
528. Beloousova E. The 'Natural Childbirth' Movement in Russia: Self-Representation Strategies // Anthropology of East Europe Review. 2002. № 20 (1). P. 11-18.
529. Benedict R. Patterns of culture. New York: Atheneum, 1955. 145p.
530. Berg A. Mothering the Race. Woman's narrative of reproduction 1890–1930. Urbana, Chicago: University of Illinois, 2002. 193p.
531. Bergman J. Vera Zasulich. Stanford, CA: Stanford University Press, 1983. 277p.
532. Bernice L. Hausman Mother's Milk: Breastfeeding Controversies in American Culture. New York: Routledge. 2003. 288p.
533. Bernstein F. Envisioning Health in Revolutionary Russia: the Politics of Gender in Sexual-Enlightenment posters of 1920s. // Russian review. April 1998. P. 191-217.
534. Bims B. Psychoanalytical view on motherhood // Different faces of motherhood / Ed. by B. Bims and D. Hay. New York: Plenum Press, 1988. P. 12-54.

535. Bloise S.M., M.K. Johnson Memory for emotional and neutral information: Gender and individual differences in emotional sensitivity // *Memory*. 2007. № 15 (2). P. 197-204.
536. Blum A. *The Grey Zone of Health and Illness*. Chicago: Intellect Bristol, 2011. 284p.
537. Blumenfeld S. *The retreat from motherhood*. New York: Arlington House, 1975. 152p.
538. Borsay A., Hunter B. (eds) *Nursing and Midwifery in Britain since 1700*. Hampshire: Palgrave Macmillan. 2012. 230p.
539. Bowlby J. *Maternal care and mental health*. Geneva: Claridge, 1987. 321p.
540. Boym S. *Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 384p.
541. Bridenthal R., Koonz C. (eds.) *Becoming Visible: Women in European History*. Boston: Houghton Mifflin, 1977. 510p.
542. Briffault R. *The mothers*. New York: Atheneum, 1977. 451p.
543. Brodsky Ph. *The Control of Childbirth: Women versus Medicine Through the Ages*. London: McFarland & Co, 2008. 211p.
544. Buckley M. (ed.) *Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 336p.
545. Bueskens P. (ed.) *Mothering & Psychoanalysis. Clinical, Sociological and Feminist Perspectives*. Toronto: Demeter Press, 2013. 500p.
546. Burke P. *The Historical anthropology of early modern Italy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
547. Butler J. *Bodies That Matter: On Discursive Limits of "Sex"*. New York: Routledge, 1993. 256p.
548. Byford A. *Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia* // *The Russian review*. 2013. Vol. 72. № 2. P. 212-241.
549. Byford A. *Professional Cross-Dressing: Doctors in Education in Late Imperial Russia (1881–1917)* // *Russian Review*. 2006. Vol. 65. № 4. P. 586-616.
550. Carroll P.E. *Medical of Police and the History of Public Health* // *Medical History*. 2002. Vol. 46. Pp. 461-494.

551. Chamberlain G. *From Witchcraft to Wisdom: A History of Obstetrics and Gynaecology in the British Isles*. London: Royal College of Obstetricians and Gynaecologists, 2007. 352p.
552. *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives* / ed. by Davis-Floyd R., Sargent C. California: University of California Press, 1997. 505p.
553. *Childbirth. Changing Ideas and Practices in Britain and America 1600 to the Present* / P. Wilson. London: Truman State University, 1996. 425p.
554. Chodorow N. *Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978. 321p.
555. Choi C. *Celebrating Women. Gender, Festival Culture and Bolshevik Ideology, 1910–1939*. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2002. 240p.
556. Cixous H. *Rootprints: Memory and Life Writing*. London-New York: Routledge, 2012. 224p.
557. Cixous H. *The Laugh of the Medusa* // *Signs*. 1976. № 1. P. 875-899.
558. Cixous H. *The Laugh of the Medusa*. *Womens Voices*. New York, 1990.
559. Cixous H., Clement C. *The Newly Born Woman*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986.
560. Clements B. *Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 384p.
561. Clements B.A. *Emancipation Through Communism: The Ideology of A.M. Kollontai* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. № 2. P. 323-338.
562. Clements B.A. *History of Woman in Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 2012. 386p.
563. Clements B.A., Engel B.A., Worobec C.D. (eds.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkley, CA: University of California Press, 1991. 352p.
564. Conh E.D. *Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline in the Postwar USSR, 1945–1964* // *The Russian Review*. 2009. Vol. 68. № 3. P. 429-450.
565. Conrad P. *Medicalization and Social Control* // *Annual Review of Sociology*. 1992. № 18. P. 209-232.

566. Coslett T. *Women Writing Childbirth: Modern Discourses of Motherhood*. Manchester: Manchester University Press, 1994. 192p.
567. Costlow J. *The Pastoral Source: Representations of the Maternal Breast in the Nineteenth-Century Russia // Sexuality and the Body in Russian Culture* / ed. by J. Costlow, S. Sandler. Stanford. 1993. P. 223-236.
568. Cott N.F. *Public Vows: A History of Marriage and the Nation*. Harvard University Press, 2002. 304p.
569. Cott N. *Root of Bitterness: Documents of the Social History of American Women*. Lebanon: Northeastern University Press, 1996. 440p.
570. Cowan N., Davidson G. Salient childhood memories // *The Journal of Genetic Psychology*. 1984. № 145. P. 101-107.
571. Creuziger C. *Childhood in Russia: Representations and Reality*. Lanham: University Press of America, 1996. 158p.
572. Critchlow D. *The politics of abortion and birth control in historical perspective*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1996. 182p.
573. Critchlow D.T. *Intended Consequences: Birth Control, Abortion, and the Federal Government*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.
574. Davin A. Imperialism and Motherhood // *History Workshop*. 1978. № 5. P. 13-27.
575. Davis A. *Modern Motherhood: Women and Family in England, 1945–2000*. Manchester: Manchester University Press, 2012. 260p.
576. Davis N.Z. *Women on the margins. Three seventeenth-century lives*. Cambridge: Harvard University Press, 1995. 400p.
577. Davis P.J. Gender Differences in Autobiographical Memory for Childhood Emotional Experiences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. № 76. P. 498-510.
578. Davis-Floyd R.E. *Birth as an American Rite of Passage*. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 2004. 424p.
579. Davis-Floyd R.E. *The Ritual of Hospital Birth in America // Conformity & Conflict. Readings in Cultural Anthropology* / Ed. by James P. Spradley, David W. McCurdy. New York, 1994.

580. Davis-Floyd R.E. The Technocratic Body: American Childbirth as Cultural Expression // *Social Science and Medicine*. 1994. Vol. 38. № 8. Pp. 1125-1140.
581. De Lauretis T. *Technologies of Gender*. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 168p.
582. De Mause L. (ed.) *The History of Childhood*. New York: Psychohistory Press, 1974. 450p.
583. Degler C. *At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present*. New York: Oxford University Press, 1980. 356p.
584. Denisova L., Mukhina I. *Rural Women in the Soviet Union and Post-Soviet Russia*. Routledge Contemporary Russia and Eastern Europe Series. 2010. 226p.
585. Deutsch H. *The Psychology of Woman*. Vol 2. New York: Grune and Stratton, 1945. 421p.
586. Dobson M. Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the “Sectarian” in the Post-Stalin Era // *The Russian Review*. 2014. Vol. 73. № 2. P. 237-259.
587. Dworkkin A. *Pornography: Men Possessing Women*. New York: Perigee Books, 1981. 304p.
588. Edmonson L. *Feminism in Russia, 1900–1917*. Stanford (California): Stanford University Press, 1984. 212p.
589. Edmonson L. *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 232p.
590. Ehrenreich B., English D. *For her own good: Two centuries of the experts’ advice to women*. New York: Anchor, 2005.
591. Ekonen K. et al. (ed.) *Woman and Transformation in Russia*. New York: Routledge, 2014. 244p.
592. Engel B.A. *Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 230p.
593. Engel B.A. Peasant Morality and Pre- Marital Relations in Late Nineteenth Century Russia // *Journal of Social History*. 1990. Vol. 23. № 4. P. 695-714.
594. Engel B.A. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277p.

595. Engel B.A., Rosenthal C.N. Five Sisters. Women against the Tsar. Boston: Allen & Unwin, 1987. 212p.
596. Engel B. The Women's Side: Male Outmigration and the family Economy in Kostroma Province // Slavic Review. 1986. Vol. 45. № 2. P. 632-649.
597. Engelman P. A History of the Birth Control Movement in America. Praeger, 2011. 231p.
598. Engelstein I. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992. 461p.
599. Ennis Dr. Intensive Mothering. The Cultural Contradictions of Modern Motherhood. Toronto: Demeter Press, 2014. 343p.
600. Enos S. Mothering from the inside. Parenting in a Women's Prison. New York: State University of New York Press, 2001. 181p.
601. Epstein R.H. Get Me Out: A History of Childbirth from the Garden of Eden to the Sperm Bank. WW Norton & Co Inc, 2011. 352p.
602. Essing L. Queer in Russia. A Story of Sex, Self, and the Other. Durham: Duke University Press, 1999. 272p.
603. Evans J. The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question: The Case of 1936 Decree "In Defence of Mother and Child" // Journal of Contemporary History. 1981. Vol. 16. P. 757-775.
604. Evans S. Mothers of Heroes, Mothers of Martyrs: World War I and the Politics of Grief. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2007. 224p.
605. Evans T., Thane P. Motherhood in Twentieth-Century England. Oxford: Oxford University Press, 2012. 240p.
606. Eyer D.E. Motherguilt: How Our Culture Blames Mothers for What's Wrong With Society. New York: Times Books. 1996. 317p.
607. Eyer D.E. Mother-Infant Bonding: A Scientific Fiction. New Haven: Yale University Press, 1993. 248p.
608. Faderman L. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present. New York: William Morrow, 1981. 496p.

609. Farnsworth B. The Litigious Daughter-in-Law: Family Relations in Rural Russia in the Second Half of the Nineteenth Century // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. P. 118-132.
610. Farnsworth B., Viola L. *Russian Peasant Women*. Oxford: Oxford University Press, 1992. 304p.
611. Field A.W. *Protection of Women and Children in Soviet Russia*. New York: E.P. Dutton, 1932. 241p.
612. Fildes V.A., *Breasts, Bottles, and Babies: A History of Infant Feeding*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1986. 400p.
613. Fong M.S. *The Role of Women in Rebuilding the Russian Economy*. Washington: The World Bank, 1993. 44p.
614. Fox B., Worts D. Revisiting the Critique of Medicalized Childbirth: A Contribution to the Sociology of Birth // *Gender & Society*. 1999. № 13 (3). P. 326-346.
615. Francus M. *Monstrous Motherhood: 18th-century culture and the ideology of domesticity*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2012. 312p.
616. Friday N. *My Mother / My Self: The Daughter's Search for Identity*. New York: Fontana/Collins. 1977. 475p.
617. Frieden N.M. Child Care: Medical Reform in a Traditionalist Culture // Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P. 236-259.
618. Frieden N.M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton: Princeton University Press, 1981. 378p.
619. Friedman A., Pines A. Sex differences in gender-related childhood memories // *Sex Roles*. 1991. № 25. P. 25-32.
620. Friedman M. On Mommyblogging: Notes to a Future Feminist Historian // *Journal of Women's History*. 2010. Vol. 22. № 4. P. 197-208.
621. Gelder K. *Subcultures: Cultural Histories and Social Practice*. New York: Routledge, 2007. 208p.
622. Geller P.L., Stockett M.K. *Feminist Anthropology: Past, Present, and Future*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 248p.
623. Giddens A. *The Transformation of Intimacy, Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford: Stanford University press, 1992. 216p.

624. Gilbert S.M., Gubar S. The Madwoman in the Attic. The woman Write and the Nineteenth-Century Literary Imagination. New Haven: Yale University Press, 1979. 768p.
625. Ginsburg F., Rapp R. The Politics of Reproduction // Annual Review of Anthropology. 1991. № 20. P. 311-344.
626. Glenn E.N. Social constructions of mothering: A thematic overview // Mothering: Ideology, experience, agency / Ed. by E.W. Glenn, G. Chang, C.R. Forcey. New York: Plenum Press, 1994. P. 2-31.
627. Glickman R. Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914. Berkeley, London: University of California Press, 1984. 254p.
628. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1959. 259p.
629. Golden J. Social History of Nursing America: from Breast to Bottle. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. 234p.
630. Goldman W. Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 294p.
631. Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 351p.
632. Good Enough Mothering. Feminist perspectives on lone mothering / Ed. by E.B. Silva. London: Routledge, 1996. 264p.
633. Good W. World revolution and family patterns. New York: Free Press, 1963. 241p.
634. Gordon L. The Moral Property of Women: A History of Birth Control Politics in America. Chicago. University of Illinois Press, 2002. 464p.
635. Gordon T. Feminist mothers. Macmillan, 1990. 169p.
636. Grant J. Raising baby by the book: the education of American mothers. New Haven: Yale University Press, 1998. 320p.
637. Green F.J. Feminist mothering in theory and practice, 1985-1995: a study in transformative politics. Edwin Mellen Press, 2009. 246p.
638. Hajnal J. European marriage patterns in perspective // Population in history / Ed. by D.V. Glass and D.E.S. Eversley London, 1965.
639. Halle F.W., Green M.M. Woman in Soviet Russia. Viking Press, 1933. 409p.

640. Hanson C. A Culture History of pregnancy. Pregnancy. Medicine and Culture. 1750-2000. London: Palgrave Macmillan, 2004. 214p.
641. Hardach-Pinke I. Kinderalltag. Aspekte von Kontinuität und Wandel der Kindheit in Autobiographischer Zeugnissen. 1700–1900. Frankfurt an Main – New York, 1981.
642. Hardach-Pinke I. Zwischen Angst und Liebe. Die Mutter-Kind-Beziehung seit dem 18. Jh. // Martin J., Nitschke A. (eds.) Zur Socialgeschichte der Kindheit. München, 1986. S. 525-590.
643. Harrison D. “Disappearing Fathers and Domineering Mothers: Biography in the Canadian West // Western American Literature. 2007. Vol. 41. № 4. P. 446-458.
644. Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996. 252p.
645. Heffner E. Mothering: The emotional experience of motherhood after Freud and feminism. New York: Garden City, 1978. 177p.
646. Heilburn C. Writing a Woman’s Life. New York: Ballantine Books, 1988. 150p.
647. Heldt B. Motherhood in a cold climate: The poetry and career of Maria Shkapskaya // Sexuality and the Body in Russian Culture / J. Costlow, S. Sandler. Stanford, 1993. P. 237-254.
648. Heldt B. Terrible Perfection. Women in Russia Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 192p.
649. Hellie R. The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research by David L. Ransel // The Journal of Modern History. 1980. Vol. 52. №. 3. P. 565-568.
650. Hill M. Mothering Modernity. Feminism, Modernism and the Maternal Muse. Routledge, 1999. 247p.
651. History of childhood / Ed. by L. de Mause. New York; L.: Arlington House, 1975. 542p.
652. Hoffman D. L. Mothers in the Motherland: Stalinist pronatalism in its pan-European context // Journal of social history. 2000. № 1. P. 35-54.
653. Howard S. Imagining the Pain and Peril of Seventeenth Century Childbirth: Travail and Deliverance in the Making of an Early Modern Word // Social History of Medicine. 2003. Vol. 16 (3). P. 367-382.

654. Hubbs J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 305p.
655. Hulbert A. Raising America: experts, parents, and a century of advice about children. New York: Alfred A. Knopf, 2003. 464p.
656. Hunt D. Parents and Children in History. The Psychology of Family Life in Early Modern France. New York, 1970. 402p.
657. Hutton M.J. Russian and West European Women, 1860–1939: dreams, struggles and nightmares. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 468p.
658. Inge M. Der Schrei nach dem Kinde. Leipzig, 1902.
659. Inhorn M. Defining Women's Health: A Dozen Messages from More than 150 Ethnographies // Medical Anthropology Quarterly. 2006. № 20 (3). P. 345-78.
660. Irigaray L. This Sex, which is Not One. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 208p.
661. Ispa J.M. Child Care in Russia in Transition. Garvey, 1994. 240p.
662. Ispa J.M. Ideas about Infant and Toddler Care among Russian Child Care Teachers, Mothers and University Students // Early Childhood Research Quarterly. 1995. Vol. 10. P. 359-379.
663. Ispa J.M. Soviet and American Childbearing Experiences and Attitudes: A Comparison // Slavic Review. 1983. Vol. 42. № 1. P. 1-13.
664. Issoupova O. From duty to pleasure? Motherhood in Soviet and post-Soviet Russia / Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. S. Ashwin. 2012. Routledge, P. 30-55.
665. Jackson S. Heterosexuality in Question. London: SAGE Publications. 1999. 206p.
666. Jalland P Women, Marriage and Politics, 1860–1914. Oxford: Oxford University Press, 1986. 366p.
667. Jordan B. Authoritative Knowledge and Its Construction // Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives. Berkeley: University of California Press, 1997
668. Jordan B. Birth in Four Cultures: A Cross-cultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden and the United States. Long Grove: Waveland Press, 1978. 109p.

669. Joy P., Janoviček N. *Histories of Canadian Children and Youth*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 328p.
670. Kagan J. Elternliebe ist Keine Lebensversicherung // *Psychologie Heute*. 1978. Hf. 12. S. 40-55.
671. Kagan J., Freeman M. Relation of Childhood Intelligence, Maternal Behaviors and Social Class to Behavior During Adolescence // *Child Development*. 1963. Vol. 36. P. 899-911.
672. Kaiser D.H. Church Control over Marriage in Seventeenth-Century Russia // *The Russian Review*. 2006. Vol. 65. № 4. P. 567-585.
673. Kaminer J. A Mother's Land: Arina Petrovna Golovlyova and the Economic Restructuring of the Golovlyov Family // *The Slavic and East European Journal*. Vol. 53. №. 4. 2009. P. 545-565.
674. Kaminer J. *Women with a Thirst for Destruction: The Bad Mother in Russian Culture*. Northwestern University Press, 2014. 209p.
675. Kawash S. New Directions in Motherhood Studies // *Chicago Journals*. 2011. Vol. 36. №. 4. P. 969-1003.
676. Kelly C. *A History of Russian Women's Writing. 1820–1992*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 512p.
677. Kelly C. *An Anthology of Russian Women's Writing, 1777–1992*. Oxford: Oxford University Press, 1994. 566p.
678. Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven: Yale University Press, 2007. 736p.
679. Kelly C. Educating Tatiana: Manners, Motherhood and Moral Education (vospitanie) 1760–1840 // Papers, presented to the Conference "Gender and Perceptions of Sexual Difference in Russian Culture and History". Birmingham, July 5, 1996.
680. Kirschenbaum L.A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York: Routledge, 2001. 242p.
681. Kitzinger S. *A Celebration of Birth: The Experience of Childbirth*, Penguin, 1984. 300p.
682. Kitzinger S. *A Passion for Birth: My Life: Anthropology, Family and Feminism*, Pinter & Martin 2015. 400p.

683. Kitzinger S. *The Complete Book of Pregnancy and Childbirth* Dorling Kindersley. New York: Alfred A. Knopf, 1982. 448p.
684. Kitzinger S. *The Midwife Challenge* (Issues in Women's Health series), Pandora Press 1991. 288p.
685. Kitzinger S. *The Politics of Birth*. New York: Elsevier Butterworth Heinemann, 2005. 248p.
686. Klaus G. *Mother infant bonding*. St. Louis: Penguin, 1976. 245p.
687. Kon I. *The Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today*. New York: Free Press, 1995. 337p.
688. Kon I., Riordan J. (eds) *Sex in Russian Society*. Bloomington: Indiana University Press, 1993. 176p.
689. Kristeva J. *Desire in Language: A semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press, 1980. 305p.
690. Kristeva J. *In the Beginning Was Love: Psychoanalysis and Faith*. New York: Columbia University Press, 1988. 67p.
691. Kristeva J. *Powers of Horror: An Essay on Abjection*. New York: Columbia University Press, 1982. 219p.
692. Kristeva J. *The Maternal Body // Freibeuter*. 1979. № 2. P. 79-84.
693. Kuxhausen A. *From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Eighteenth-Century Russia*. University of Wisconsin Press, 2013. 242p.
694. Lapidus G.W. *Women in Soviet Society. Equality, Development and Social Change*. Berkeley: University of California Press, 1978. 400p.
695. Laumann E., Gangon J., Michael R., Michael S. *The Social Organization of Sexuality. Sexual Practices in the United States*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. 750p.
696. Lauretis de T. *The Practice of Love. Lesbian Sexuality and Perverse Desire*. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 356p.
697. Leavitt J.W. *Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 304p.
698. LeBlanc R.D. *No More Horsing Around: Sex, Love, and Motherhood in Tolstoi's Kholstomer // Slavic Review*. 2011. Vol. 70. № 3. P. 545-569.

699. Leguay F., Barbizet C. *Blanche Edwards-Pilliet, femme et médecine, 1858–1941*. Le Mans: Editions Cenomanes, 1988.
700. Leonardo M. (eds) *Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era*. Berkeley: University of California Press, 1991. 424p.
701. Levi G. *On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing* / P. Burke (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1991, P. 93-113.
702. Levin E. *Childbirth in Pre-Petrine Russia: Cannon Law and Popular Traditions // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec. Berkley, CA: University of California Press, 1991. P. 44-59.
703. Levin E. *Infanticide in Pre-Petrine Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. Vol. 34. № 2. P. 215-224.
704. Levin E. *Negotiating lesbian motherhood: the dialectics of resistance and accommodation / Mothering. Ideology, Experience, Agency* / Ed. E. Glenn, G. Chang, L. Forcey. New York: Plenum Press, 1994. P. 333-355.
705. Levin E. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700*. Ithaca: Cornell University Press, 1995. 344p.
706. Levin E. *The role and status of women in medieval Novgorod*. Bloomington: Indiana University Press, 1983. 802p.
707. LeVine R.A. *Parenthood in social transformation // Parenting across the life span* / Ed. by J. Lancaster, J. Altmann, A. Rossi, L. Sherrod. New York, 1987. P. 210-243.
708. Lewin E. (eds). *Feminist Anthropology: A Reader*. Blackwell Publisher. 2006. 474p.
709. Lewis J. *Feminism and Motherhood. Lektion and Discussion, held 31.03.1983 in Brown University (USA)*. Ann Arbor, 1983.
710. Lewis J. *The Politics of Motherhood. Child and Maternal Welfare in England 1900–1939*. London: Croom Helm, 1980. 240p.
711. Liamputtong P. *Reproduction, Childbearing and Motherhood: A Cross-cultural Perspective*. New York: Nova, 2007. 284p.
712. Lindenmeyr A. *Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women's History*. 1993. Vol. 5. № 2. P. 114-125.
713. Lindenmeyr A. *Public Life, Private Virtues Women in Russian Charity, 1762-1914 // Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1993. Vol. 18. № 3.

714. Lindenmyer A. *Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton: Princeton University, 1996. 339p.
715. Lindenmyer A. *Public Poor Relief and Private Charity in Late Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1980. 690p.
716. Lindenmyer A. *Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity*. Pittsburgh: Pittsburgh Center for Russian and East European Studies, 1990. 64p.
717. Lock M., Kaufert P.A. *Pragmatic Women and Body Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 365p.
718. Loudon I. *Death in Childbirth: An International Study of Maternal Care and Maternal Mortality 1800–1950*. Oxford: Oxford University Press, 1992. 648p.
719. Luhmann, N. *Love as passion. The codification of intimacy*. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 264p.
720. Mander R, Murphy-Lawless J. *The Politics of Maternity*. New York, Toronto: Routledge, 2013. 276p.
721. Marotte M.R. *Captive Bodies: American Women Writers Redefine Pregnancy and Childbirth*. Demeter Press, 2008. 348p.
722. Marrese M. *Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700-1861*. New York: Cornell University, 2002. 285p.
723. Marsh R. *Woman in Russia and Ukraine*. Cambridge: University of Cambridge, 1996. 372p.
724. Martin E. *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*. Boston: Beacon Press, 1987. 312p.
725. *Maternalism Reconsidered: Motherhood, Welfare and Social Policy in the Twentieth Century* / Ed. by M. van der Kein, R. J. Plant. New York and Oxford: Berghahn Books, 2012. 275p.
726. Matthews T. *Russian Child and Russian Wife*. London: V. Gollancz, 1949. 287p.
727. Maxwell M. *Narodniki Women: Russian Women who Sacrificed Themselves for the Dream of Freedom*. New York: Pergamon Press, 1990. 376p.
728. Mazzoni C. *Maternal Impressions: Pregnancy and Childbirth in Literature and Theory*. Ithaca: Cornell UP, 2002. 256p.

729. McDermid J., Hillyar A. Midwives of the revolution. Female, Bolsheviks and woman workers in 1917. London: UCL Press, 1999. 235p.
730. McIntosh T. A Social History of Maternity and Childbirth: Key Themes in Maternity Care. London: Routledge, 2012. 200p.
731. Mcneil P. Research methods. Routledge: London, 2005.
732. Medick H. Missionäre im Ruderboot"? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft, Bd. 10, 1984.
733. Michels D. Milk, Money and Madness. New York: Greenwood Publishing Group. 1995. 288p.
734. Motherhood Memoirs Mothers Creating. Writing Lives / Ed. by Nicole Willey and Justine Dymond. Toronto: Demeter Press, 2013.
735. Motherhood: Meaning, practices and ideology. L.: Penguin, 1991. 291p.
736. Motherhood: Power and Oppression / Eds. M. Porter, P. Short and A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005.
737. Mothering. Ideology, Experience, Agency / Ed. E. Glenn, G. Chang, L. Forcey. New York: Routledge, 1993. 389p.
738. Mothers of a new world: maternalist politics and the origins of welfare states / Ed. S. Koven, S. Michel. Routledge, 1993. 447p.
739. Mukhina Z.Z. Fetus Expulsion and Contraception Peasant Culture of the European Part of Russia: (Second Half of the Nineteenth Century through the 1930s) // Anthropology & Archeology of Eurasia/ Vol. 51. № 3. 2012/13. P. 8-32.
740. Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // Aspasia. 2014. Vol. 8. P. 90-124.
741. Muravyeva M. Sex, Crime and the Law: Russian and European Early Modern Legal Thought on Sex Crimes // Comparative Legal History. 2013. Vol. 1. № 1. P. 74-102.
742. Muravyeva M.G. Between Law and Morality: Violence against Women in Nineteenth-Century Russia / Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture / Ed. Rosslyn W, Tosi A. Open Book Publishers, 2012. P. 209-238.
743. Murphy-Lawless J. Reading Birth and Death: A History of Obstetric Thinking. Bloomington: Indiana University Press, 1998. 352p.

744. Naiman E. Historectomies: On the Metaphysics of Reproduction in a Utopian Age / Sexuality and the Body in Russian Culture / S. Sandler. Stanford: Stanford University Press, 1993. P. 255-276.
745. Naiman E. Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton: Princeton University Press, 1997. 320p.
746. Nash C.S. Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // History of Education Quarterly. Vol. 21. № 3. 1981. P. 301-316.
747. Neary R.B. Mothering Socialist Society: The Wife-Activists' Movement and the Soviet Culture of Daily Life, 1934-41 // The Russian Review. 1999. Vol. 58. № 3. P. 396-412.
748. Nowacki B. Der Bund für Mutterschutz. 1905-1933. Husum, 1983.
749. O'Brien M. The Politics of Reproduction. London: Routledge. 1983. 240p.
750. O'Reilly (ed.) Mothers, Mothering and Motherhood. Across Cultural Differences. Toronto: Demeter Press, 2014. 513p.
751. O'Reilly A. (ed.) Mother Matters: Motherhood as discourse and practice. Toronto: ARM Press, 2004. 257p.
752. O'Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York: State University of New York Press, 2004. 250p.
753. O'Reilly A. Motherhood: Experience, Identity, Policy, Agency. New York: Columbia University Press, 2010.
754. O'Reilly. Feminist Mothering. New York: State University of New York Press, 2008. 288p.
755. Oakley A. Becoming a Mother. Oxford: Martin Robertson, 1979. 328p.
756. Oakley A. The Captured Womb: A History of the Medical Care of Pregnant Women. New York: Basil Blackwell, 1984. 368p.
757. O'Brien M. The Politics of Reproduction. Boston-London: Routledge & Kegan Paul, 1981. 240p.
758. O'Dowd M., Philipp E.E. The History of Obstetrics and Gynaecology. London: CRC Press, 2000. 720p.
759. Okenfuss M. The Discovery of Childhood in Russia: Evidence of the Slavic Primer. Newtonville: Oriental Research Partners, 1980. 94p.
760. Olberg O. Das Weib und der Intellectualismus. Berlin. 1902.

761. Opitz C. "Nicht zu seinen Häupten": Eheichen Rollendefinitionen und Konflikte und Hierarchie der Geschlechter im 12. und 13. Jh // *Evatöchter und Bräute Christi / Weibliche Lebenszusammenhang und Frauenkultur im Mittelalter/* Weinheim, 1990. S. 30-53.
762. Opitz C. *Frauenalltag im Mittelalter. Biographien des 13. und 14. Jhs.* Weinheim und Basel, 1985.
763. Patterson G.R. *Mothers: The unacknowledged victims.* Chicago: Base Books, 1981. 83p.
764. Pink S. *Doing Visual Ethnography.* London: Sage, 2013. 248p.
765. Pollock L.A. *Forgotten Children. Parent-child Relations from 1500 to 1900.* Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 334p.
766. Porter C. *Fathers and Daughters: Russian Women in Revolution.* London: Virago, 1976. 309p.
767. Porter R. *A Social History of Madness: The World Through the Eyes of the Insane.* New York: Widenfeld & Nicolson, 1987. 261p.
768. Porter R. *The Patient's View: Doing Medical History from Below // Theory and Society.* 1985. Vol. 14. P. 175-198.
769. *Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia /* Ed. M. Buckley. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 319p.
770. Presto J. *Beyond the flesh. A. Blok, Z. Gippius and the symbolist sublimation of Sex.* Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 332p.
771. Pushkareva N.L. *Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century.* Armonk: M. E. Sharpe. 1997. 341p.
772. Ramer S.C. *Childbirth and Culture: Midwifery in the Nineteenth-Century Countryside // Ransel D. (ed.) The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research.* Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 218-235.
773. Randall A.E. "Abortion Will Deprive You of Happiness!": Soviet Reproductive Politics in the Post-Stalin Era // *Journal of Women's History.* 2011. Vol. 23. № 3. P. 13-38.
774. Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research.* Urbana: University of Illinois Press, 1978. 360p.

775. Ransel D. Abandonment and Fosterage of Unwanted Children: The Women of the Foundling System // Ransel D., ed. *Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P. 189-217.
776. Ransel D. Infant-Care Cultures in the Russian Empire // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec. Berkley, CA: University of California Press, P. 113-135.
777. Ransel D. Mothering, medicine, and infant mortality in Russia: some comparisons. Berkeley: The Woodrow Wilson Center, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1990. 44p.
778. Ransel D. *Village Life in Late Tsarist Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1993. 94p.
779. Ransel D. *Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria*. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 319p.
780. Ransel D.L. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1988. 344p.
781. Rapp R. *Testing Women, Testing the Fetus: The Social Impact of Amniocentesis in America*. New York: Routledge, 2000. 376p.
782. Reddy W.M. Against Constructionism. *The Historical Ethnography of Emotions* // *Current Anthropology*. 1997. Vol. 38. № 3. P. 327-351.
783. Reddy W.M. *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 396p.
784. Reinharz S., Davidman L. (eds) *Feminist Methods in Social Research*. New York: Oxford University Press, 1992. 424p.
785. Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // *Signs*. 1980. № 5. P. 531-560.
786. Rich A.C. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. New York: Norton, 1976. 318p.
787. Ripa Y. L'Histoire du corps, un puzzle en construction // *Histoire de l'éducation*. 1988. Vol. 37. P. 47-54.
788. Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital" // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. № 3. P. 701-725.

789. Rivkin-Fish M.R. *Women's Health in Post-Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 253p.
790. Roberts E. *A Woman's Place: an Oral History of Working Class Women, 1890–1940*. Oxford: Oxford University Press, 1984. 256p.
791. Robinson R. *Manipulating parents*. New York: Plenum Press, 1981. 261p.
792. Rogers M.F. *Mothers and Children: Feminist Analyses and Personal Narratives*. Rutgers University Press, 2001. 343p.
793. Rose E.R. *A mother's job: the history of day care, 1890–1960*. New York: Oxford University Press, 1999. 296p.
794. Rosenhan et al. (ed.) *Women in Russia*. Stanford: Stanford University Press, 1977. 413p.
795. Rosenhan M. *Images of Male and Female in Children's Readers / Women in Russia / Ed. D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus*. Stanford: Stanford University Press, 1977. P. 293–307.
796. Rosenholm A. *Gendering Awakening. Femininity and the Russian Women Question of the 1860s*. Helsinki: Kikimora publication, 1999. 659p.
797. Ross M., Holmberg D. *Are Wives Memoires for Events in Relationships More Vivid than their Husband's Memoires?* // *Journal of Social and Personal Relationship*. 1992. № 9. P. 585–604.
798. Rosslyn W. *Women and Gender in 18th-century Russia*. Charlottesville: Ashgate, 2003. 283p.
799. Rosslyn W., Tosi A. (ed.) *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture*. Open Book Publishers, 2012. 262p.
800. Rosslyn W., Tosi A. *Women in Russian culture and society, 1700–1825*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2007. 257p.
801. Rothman B. *Recreating Motherhood: Ideology and Technology in a Patriarchal Society*. New York: Norton, 1989. 282p.
802. Rothman B.K. *Beyond mothers and fathers: Ideology in a patriarchal society // Mothering: Ideology, experience, agency / Ed. by E.N. Glenn, G. Chang, C.R. Forcey*. New York: Plenum Press, 1994. P. 134–163.
803. Rotkirch A. *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Department of Social Policy, Research Reports. Helsinki: University of Helsinki, 2000.

804. Ruddick S. Maternal thinking // Feminist studies. 1980. Vol. 6. № 2. P. 48-75.
805. Russia Through Women's Eyes: Autobiographies from Tsarist Russia / Ed. by T.W. Clyman and J. Volwes. Yale: New Haven, 1996.
806. Sanmartin P., Herrera C. (eds) Reading/Speaking/Writing the Mother Text Essays on Caribbean Women's Writing. Demeter Press: Toronto, 2015.
807. Schütze Iv. Die gute Mutter. Zur Geschichte des Normativen Musters "Mutterliebe". Bielefeld, 1986.
808. Shchepanskaia T. The body encoded: Notes on the folklore of pregnancy // Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia / ed. by H. Pilkington. London: Routledge, 1996. P. 264-281.
809. Shorter E. Der Wandel der Mutter-Kind-Beziehungen zu Beginn der Moderne // Geschichte und Gesellschaft. 1975. Hf. 2/3.
810. Shorter E. Die Geburt der Modernen Familie. Reinbeck, 1977.
811. Shorter E. Making of the Modern Family. Collins, 1979. 365p.
812. Shorter E. A History of Women's Bodies. New York: Basic Books, 1982. 398p.
813. Showalter E. The Female Malady: Woman, Madness, and English Culture, 1830–1980. New York: Penguin Books, 1985. 312p.
814. Siljak A. Angel of Vengeance: The "Girl Assassin," the Governor of St. Petersburg, and Russia's Revolutionary World. New York: St. Martin's Press, 2008. 384p.
815. Skocpol T. Protecting Soldiers and Mothers. Harvard: Harvard University Press, 1995. 714p.
816. Smith-Peter S. Educating Peasant Girls for Motherhood: Religion and Primary Education in Mid-Nineteenth Century Russia // The Russian Review. 2007. Vol. 66. № 3. P. 391-405.
817. Sohn A.-M. Les attentats a la pudeur sur les fillettes en France (1870–1939) et la sexualite quotidienne // Mentalite's. 1989. № 3. P. 71-111.
818. Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813-836.
819. Stemglanz S.H. Ethological contribution to the study of human mothering // Different faces of motherhood / Ed. by B. Bims and D. Hay. New York: Plenum Press, 1988. P. 55-82.

820. Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press, 1978. 485p.
821. Stokes P.R. *Pathology, Danger, and Power: Women's and Physicians' Views of Pregnancy and Childbirth in Weimar Germany* // *Social History of Medicine*. 2000. Vol. 13 (3). P. 359-380.
822. Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. New York: Harper, 1979. 446p.
823. Tharp J.A., MacCallum-Whitcomb S. *This Giving Birth: Pregnancy and Childbirth in American Women's Writing*. Bowling Green: Popular Press, 2000. 175p.
824. Thomas J., Zimmerman M. *Feminism and Profit in American Hospitals: The Corporate Construction of Women's Health Centers* // *Gender & Society*. 2007. № 21. P. 359-383.
825. Thompson S.M. *On Women*. New York, 1986.
826. Thurer S.L. *The Myths of Motherhood: How Culture Reinvents the Good Mother*. New York: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 1994. 381p.
827. Tilly, L.A., Scott, J.W. *Women, work and the family*. New York: Routledge, 1978. 288p.
828. Tovrov J. *Mother-Child Relationships among the Russian Nobility* // Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P. 15-43.
829. Tovrov J. *The Russian Noble Family: Structure and Change*. New York-London: Garland Pub., 1987. 410p.
830. *Twenty-first-Century Motherhood: Experience, Identity, Policy, Agency* / ed. by A. O'Reilly. Columbia University Press, 2012. 408p.
831. Umansky L. *Motherhood Reconceived. Feminism and the legacies of the sixties*. New York: New York University Press, 1996. 262p.
832. Vinovskis M.A. *Historical perspectives on the development of the family and parent-child interaction* // *Parenting across the life span* / Ed. by J. Lancaster, J. Altmann, A. Rossi, L. Sherrod. New York, 1987. P. 189-234.
833. Wagner W. *Marriage, property, and law in late Imperial Russia*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 413p.
834. Waters E. *From the Old Family to the New: Work, Marriage and Motherhood in Urban Soviet Russia, 1917–1931*. PhD. Diss. University of Birmingham, 1985.

835. Waters E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. № 1. P. 123-135.
836. Waters E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 // The European Woman's history readers. Routledge, 2002. P. 277-289.
837. Weeks J. Sex, Politics and Society. The Regulation of Sexuality Since 1800. London: Longman, 1981.
838. Weinbaum A.E. Wayward Reproductions: Genealogies of Race and Nation in Transatlantic Modern Thought (Next Wave: New Directions in Women's Studies). Durham & London: Duke University Press Books, 2004. 368p.
839. Wertz R., Wertz D. Lying In: A History of Childbirth in America. New Haven: Yale University Press, 1989. 302p.
840. Winnicott D.W. The family and individual development. New York: Penguin, 1968. 389p.
841. Wolf J.H. Deliver Me from Pain: Anesthesia and Birth in America. New York: JHU Press, 2011. 296p.
842. Wolf N. Misconceptions. New York: Doubleday Publishing, 2001.
843. Woman in Russia and Ukraine / Ed. by R. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 353p.
844. Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture / Ed. by W. Rosslyn, A. Tosi. Open Book Publishers, 2012. 262p.
845. Wood E.A. The Baba and the Comrade. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 318p.
846. Worobec C.D. Peasant Russia's Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991. 257p.
847. Zdravomyslova O., Iarskaia-Smirnova E. Introduction: Girlhood Studies in Post-Socialist Times // Girlhood Studies. Special Issue: Girlhood Studies in Post-Socialist Times. 2015. Vol. 8(1).
848. Zimmerman D. H., Pollner M. The everyday world as a phenomenon // Understanding everyday life: towards a reconstruction of sociological knowledge / ed. by J.D. Douglas. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. P. 80-103.
849. Кісь О. Жінка в традиційній українській культурі (друга половина XIX–початок XX ст.) Львів: Інститут народознавства НАН України, 2008. 272с.

850. Маєрчик М. Ритуал і тіло. Структурно-семантичний аналіз українських обрядів родинного циклу. Київ: Часопис Критика, 2011. 319с.

III.3. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Бармина Т.В. Материнская позиция как детерминанта самоопределения женщины. Дис... канд. псих. наук. Комсомольск-на-Амуре. 2006. 289с.
2. Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки Центральной России (XVIII–середины XIX вв.). Автореф. дисс... д.и.н. М., 2009.
3. Белоножко Е.П. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX – начало XX вв. Дисс.... д-ра ист. наук. Б.М., 2001. 423с.
4. Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура: Дис. канд. культуролог. наук. М., 1999
5. Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70–90-х гг. XX в. Дисс... д-ра культурологии. М., 2001. 264с.
6. Веретенко В.А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.). Дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 595с.
7. Гурко Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России. Дис... д-ра социол. наук. М., 2008. 342с.
8. Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. Дис...канд. ист. наук. М., 2012. 284с.
9. Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII–начала XX веков. автореф. на соискание степ. канд. ист. наук. Краснодар. 2010.
10. Микиртичан Г.Л. Основные этапы и направления развития отечественной педиатрической науки и практики. Дисс... д-ра мед. наук. Л., 1991.
11. Мокряк Е.И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства России второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1977.
12. Шишкан Н.М. Социально-экономические проблемы женского труда в условиях развитого социализма: Дис... д-ра экон. наук. М., 1978.